

Магомет Кучинаев

ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ

с древнейших времен и до конца XX века

в двух книгах
книга первая

Нальчик

ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 г.» 2010 г.

На Кавказе во все времена люди свято хранили память о своих предках, уважительно относились к старшим, к отцам и дедам. Не мог считаться уважаемым человеком тот, кто не знал своей родословной, не мог назвать своих предков до седьмого колена.

А сегодня, во времена сплошной грамотности и высокой культуры, люди должны еще знать и историю своего народа, своей страны.

М. Кучинаев

Книга выходит в авторской редакции

Выражаю искреннюю благодарность и глубокую признательность генеральному директору ООО «Каб-балкгипс» **Хасыму Исмаиловичу Гызыеву** и всему коллективу предприятия за финансовую помощь в издании книги.

Радостно сознавать, что, несмотря на нелегкие времена, все больше и больше людей живо интересуются историей родного народа. Надеюсь, что и читатели, как и автор этой книги, скажут искреннее «Спасибо!» Хасыму Исмаиловичу и его коллегам, чей благородный поступок способствовал выходу в свет «Истории Балкарии».

Издание второе

К 0503020900-026 без объявл.
Т43(03) -2004

ISBN 978-5-9996-0074-5

© М. Ю. Кучинаев,
2004
© Издательский центр
«Эль-Фа», 2004
© ГП КБР РПК, 2010

КНИГА ПЕРВАЯ

ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
И ДО КОНЦА XIX ВЕКА

Введение

**БАЛКАРЦЫ И КАРАЧАЕВЦЫ –
ПОТОМКИ СКИФОВ И АЛАНОВ**

1. Нечаянная ошибка древних греков

История — самая загадочная и своенравная из всех существующих наук: как и все красавицы, она капризна и переменчива, зла и мстительна, но в то же время может быть веселой и взбалмошной девчонкой, которая походя, шутки ради, может легко вскружить головы и престарелым академикам. Многие мудрецы тешили себя тем, что они стали ее фаворитами, знают ее прошлое, познали ее повадки и могут даже предсказать ее будущие поступки. Но уходило время, а вместе с ним уходили в небытие одни фавориты, а их места занимали другие. И эти новые поклонники Истории точно так же начинали самонадеянно кичиться тем, что они близки с ней, знают о ней все или почти все и как бы ее устами провозглашать непреложные истины. Истины, которые потом опровергались другими. В истории бесспорной является лишь одна истина — то, что никому из живших на земле людей так и не удалось до сих пор настолько приручить ее, чтобы суметь выведать все ее тайны! И никому из живущих на земле это не удастся. Каждый из нас, по мере своих стараний и знаний, может больше или меньше знать о ней что-то, но выведать у нее все — это никому не дано. Ибо боги недоступны простым смертным и тайны свои хранить умеют, тем более богини.

Ошибка произошла в самом начале истории — разве можно было доверять такое серьезное дело ветреной Иштар, богине вавилоно-ассирийского происхождения, которая еще в юности, когда ее звали Инанной, до умопомрачения влюбилась в Бильгамеша, а когда тот отверг ее любовь, то принялась жестоко преследовать его за это? Конечно же, древним грекам следовало опекунство над этой серьезной наукой — наукой о прошлых деяниях людей — доверить Афине Премудрой, любимой дочери самого Зевса. Тогда мы сейчас, быть может, не гонялись бы, высунув языки, за этой неуловимой Иштар, умоляя сказать нам, чьи же они предки, эти окаянные скифы — осетин, балкарцев или кабардинцев? Большинство русских ученых, изрядно намаявшись бесполезной беготней за вечно ускользающими за синей дымкой горизонта неуловимыми скифами, махнув рукой, отказались от родства с ними. И если б древние греки не совершили эту роковую ошибку, если б они попросили мудрую Афину принять под свое покровительство знания о прошлом, то сегодня мы изучали бы не историю, а афинию, и, вполне возможно, мудрая Афина была бы к нам, любознательным людям, более благосклонна. Но что было, то прошло. И вот теперь мы на веки вечные обречены на то, чтобы все время стараться угодить этой капризной Иштар, чтобы выудить у нее хоть крупницу истины о прошлом — мы копаемся, как жалкие рабы, в земле, собираем осколки чаш и кувшинов, истлевшие остатки кошмы и одежды, раскапываем, совершая святотатство, могилы своих предков. И все это только ради того, чтобы хоть что-то узнать о своем прошлом.

А эта черноокая вавилонская красавица Иштар, ставшая теперь Историей, посматривает на нас, жалких, со снисходительной ухмылкой на устах, когда мы, радуясь, как дети, отмываем от грязи осколок неведомого глиняного сосуда и восклицаем: «Смотрите люди! Вот на что были способны наши предки еще до нашей эры!» А богиня, не сдержавшись, громко смеется и говорит:

«Да, да – это сделали ваши предки! Но в это время они находились на земле Эллады и были рабами!» Мы, конечно, готовы пасть к ее ногам, умолять: «Расскажи, мол, богиня, каким же образом они, наши предки, оказались в такой дали да в такое время», но ее уже нет, лишь вдаль у горизонта эхом отдается ее издевательский смех...

Да, трудно нам сегодня узнать о том, где жили, что делали, о чём думали, с кем дружбу водили, а с кем приходилось встречаться им, нашим предкам, на поле брани. Не любит беседовать с нами на эти темы и мать-богиня Истории Иштар. Но не стоит сильно огорчаться. Как и все женщины, История тоже не прочь позабавиться, поразвлечься, и то, что мы веками ищем в толщах земли, она может незаметно для нас припрятать в самых неожиданных местах. То, что мы долго и тщетно ищем, частенько находится у нас же под носом, но мы этого не замечаем. Так иногда рассеянный человек, спешно собираясь на работу, может перевернуть весь дом, ища ключи от квартиры, а они в это время могут находиться у него же самого в руке!

Большие ученые – профессора, академики, увлеченные своими гипотезами и предположениями, иногда углубляются в такие дебри, что обратно дороги-то не находят, блуждают в тумане. А потом, как бы оправдываясь, говорят такое, что диву даешься. А Истории, этой веселой и таинственной восточной красавице, как раз это и нужно – вгонять в краску уважаемых мужей науки, якобы заполучивших от нее драгоценный алмаз Истины, на поверку оказывающийся простым стеклышком. Но меня, не ученого, а простого смертного, не страшат ни ее насмешки, ни насмешки ее приближенных, так как я не вхожу в свиту ее поклонников-профессионалов. Я просто как человек любознательный хочу поискать драгоценности из клада Истории, которые эта любительница шуток и сюрпризов незаметно попрятала вокруг нас, подбросила нам в карманы. Она, конечно, уверена, что мы будем искать где угодно – под землей и под водой, в музеях и архивах, в пещерах и горах. А я далеко ходить не буду. А чтобы из свиты богини не раздавалось насмешливое «фи!» в мой адрес, попутно расскажу вам, как некоторые из них опростоволосились, приняв стекляшки за алмазы.

2. Отпрыски древних скандинавских богов живут... в Хасанье!

Что такое мифы? «Как что – это те же сказки!» – скажет любой из нас, если хоть немного не знаком с историей и археологией. Сказки порой кажутся даже более правдоподобными, чем мифы. Действительно, посмотрите – кого мы в основном видим в сказках? Это, в сущности, такие же люди, как и мы, только одни из них – добрые и умелые, другие – недобрые и неумелые, одним везет, другим нет, одни – цари, ханы и купцы, другие – пастухи, рыбаки да бедняки. Все – как и в жизни. А в мифах черт ногу сломит: то какие-то полулюди-полукони (кентавры), полуженщины-полурыбы (русалки), то люди в волков превращаются, то волки в людей; то боги, спустившись с небес, соблазняют простых смертных красавиц, то богини охотятся в лесах за красивыми юношами; навывдумывают какие-то верхние и нижние миры, как бы миры живых и мертвых, и в то же время не только боги, но и люди могут иногда свободно, в поисках любимых или же заклятых врагов, свободно прогуляться по миру мертвых и вернуться назад. А в мифах бурят и монголов боги гонятся друг за другом аж в нескольких небесных мирах, рубят на куски друг друга и бросают эти куски на землю, прямо на головы бедных людей, и на земле из этих кусков божьих тел вырастает потом всякая нечисть – чудовища там, ядовитые деревья, змеи, драконы всякие.

Но люди, хоть мимоходом ослепленные божественным светом прекрасной Иштар, хорошо знают – очень часто мифы оказываются лишь экзотическими одеждами самой богини истории, одеждами, которыми прикрыты истины. Вспомним хотя бы легендарную Трою. Ну, подумаешь там, мало ли у этих греков разных мифов? Да в это время в Элладе богов да мифических героев, наверное, было не меньше, чем самих греков – смертных людей! Читала эти мифы просвещенная Европа, восхищалась, удивлялась, усмехалась, но верить-то в эти сказки никто не верил. Но вот сыскался один чудака – поверил. Распродал все свое имущество, отправился в не такую уж близкую Переднюю Азию и стал искать Трою – мифический город, где боги и люди, разделившись на два лагеря – ахейцев (греков) и троянцев, десятки лет воевали друг с другом из-за прекрасной Елены, видимо, незаконнорожденной (хотя у богов ничего незаконного и не бывает) дочери самого Зевса. Боги негреческого, малоазийского происхождения – Афродита, Артемида, Апполон помогают троянцам, на помощь троянцам спешат мифические амазонки и эфиопы, грекам помогают мудрая Афина Паллада, Гера, да и сам Зевс. И вот, при чтении этой сказки, кому, казалось бы, придет в голову мысль поискать этот город, эту крепость Трою. И все-таки нашелся один такой чудака. Год за годом, несколько лет подряд искал он этот город под палящими лучами нещадного солнца, роясь в каменистой земле. И отыскал-таки!

Не просто развалины, но и несметные сокровища. Слышали – «Золото Шлимана»? Это они так называются, эти сокровища, найденные неутомным Шлиманом среди откопанных им развалин древней Трои.

После этого ни один серьезный историк не осмеливается назвать мифы просто сказками, даже самые сказочные из них.

Теперь начнем рассказ о богах древнескандинавских мифов, которые и по сей день живут-поживают... в Хасанье! Сперва несколько слов о Скандинавии. Скандинавия – это, по существу, европейский Алтай, в том смысле, что всех так называемых кочевых народов-завоевателей, в том числе и скифов (с чем, кстати, я не согласен, о чем мы поговорим немного позже), ученые выводят со стороны Алтая, а «главные» сегодняшние народы Европы – из Скандинавии. Скандинавия – это прародина всех германских народов: французов, англичан, немцев. Конечно, сегодняшние французы и англичане – это помесь германцев и местных жителей – древних кельтов, но ведь государства эти – Францию, Британию – создали германцы и названы они по именам германских племен – франков, бриттов. Так вот, когда одни германцы устремились на запад, другие пошли на юг. Это готы. Уже в III веке нашей эры они были аж у Черного моря. Среди скифов. Это очень просто так сказать – они были уже у Черного моря. Но делается это не так просто и не так легко – попробуй продерись сквозь и славянские, а главное – сквозь скифские воинственные племена из Балтики к Черному морю! Да не только одной сильной дружиной, с которой можно, наверное, пробиться туда и обратно, но с семьями, с пожитками, чтобы там, у теплого синего моря, обосноваться, отгородиться, отбиться от другого моря – моря скифских племен! Ведь скифы-то – кочевники, а кочевники – воины от природы! Видно, многие готы ходили в дальние походы в скифские степи не раз, и каждый раз возвращаясь домой, рассказывали и о тех, с кем приходилось им и дружить, и сражаться. Рассказывали, и, как водится, в их рассказах скифы выглядели чудо-богатырями, потому что, побеждая их, они сами, готы, становились в глазах соплеменников настоящими героями. Потом, спустя века, обрстая всякими «былицами» и небылицами, как и у всех народов, эти рассказы стали мифами. Так скифы – асы вошли в мифологию скандинавов, да не только вошли, а стали главными героями – богами! Асы – так называются высшие боги, или просто боги в скандинавской мифологии.

Это просто удивительно, но еще более удивительно то, что именно в названии богов в скандинавской мифологии сохранилось подлинное название скифов – асы. Ведь всем известны слова Геродота о том, что скифов скифами называют только греки, а они сами себя называют «сколоты». И еще известно, что античные авторы, и Геродот тоже, конечно, особо себя не утруждали тем, чтобы точно узнать, как звучит то или иное имя, название племени, местности, реки и т. д. Хотя следует заметить, что этим грешат практически все люди во все времена, даже сейчас. Сегодня многие народы имеют по несколько имен, и никого это осо-

бо не удивляет. Кто сегодня скажет, как на самом деле следует называть народ, населяющий страну ФРГ? Германцы, алеманы, дойчи? И болгары вовсе не настоящие болгары. И татары (казанские) тоже не совсем татары. А осетины кто — осетины, ироны или же аланы, как они сами (вернее, их ученые) того очень уж хотят?

Так что, скифы — это вовсе и не скифы. Слово «скиф» — это, скорее всего, то, что случилось с их именем после небрежного обращения с ним многочисленных греческих рассказов и пересказов. Это то же самое, что остается после землетрясения на месте, где стояла «хрущевка», — груды развалин. К тому же следует учесть, что греки со скифами ни бок о бок, ни среди них не жили. А готы жили среди скифов, по крайней мере, век-другой и настоящее имя народа, думаю, знали уж точно. Так что, «готские» асы, асы скандинавской мифологии, — это настоящие асы, это настоящее имя народа, который наука знает как скифов. Да и «греческие развалины» настоящего имени скифов дают возможность восстановить подлинное звучание их названия, если только не хихикать, а всерьез призадуматься.

Предположим, что скифы были народом тюркоязычным. К слову сказать, на сегодняшний день «претендентами» на язык скифов являются только «иранцы» и «тюрки». К тому же «иранцы» отчаянно обороняются, засев в крепости, которая называется «Скифия», так как большинство патриотично (ох уж этот патриотизм — куда только он не суется!) настроенных русских ученых в XIX (кому угодно, но только не тюркам-басурманам!) веке отдали эту крепость «иранцам», а «тюрки» все упорно осаждают, уверенные в том, что крепость предков следует взять во что бы то ни стало. Итак, предположим, что скифы — народ тюркоязычный, тогда, если у них спросят: «Кто вы?». Какой получим ответ? Если они асы, получим ответ: «Ас халкы», что значит «асский народ». Теперь давайте представим себе встречу афинского вельможи-полководца или купца, богатого путешественника или просто знатного гражданина со скифами. Скорее всего первые встречи греков со скифами могли произойти, если взять историческое время, то есть время, о котором нам более или менее достоверно что-то известно, где-то в Малой Азии в VIII—VII веках до нашей эры, когда скифы и киммерийцы, гоняясь друг за другом, вторглись туда, разгромили могущественную Ассирию, фактически бросили под копыта своих коней всю Малую Азию. Но в это время грекам хватало хлопот у себя дома, они, разделившись на многие царства, вздорили меж собой, и им было не до прогулок за моря и горы. Это они, уже немного поостыв от междоусобиц, придя в себя, уже в конце VII и в начале VI века до нашей эры начали свои знаменитые колонизации. Лучше взять время после похода знаменитого персидского царя Дария в Скифию. Это конец VI века до н. э. Тогдашний «Потрясатель вселенной» вернулся из Скифии опозоренный, порастеряв свою армию, как Наполеон из России в 1812 году. Вот тогда-то и устремились греки на север, как бы инстинктивно ища

себе союзников против могущественной Персии. Итак, встреча знатного грека со скифами где-то в Северном Причерноморье. Одетый в шелка и парчу, с золотыми перстнями на пальцах, осознающий себя представителем высшей цивилизации, окруженный свитой слуг, смотрит он на толпу запыленных варваров, примчавшихся из степи, чтобы поглазеть на чудоиноземца, вот он вступает с ними в беседу, к тому же через переводчика, естественно. Он спрашивает: «Кто вы, что за народ?». И ему отвечают: «Ас халкьы». И, конечно же, эти два слова, означающие имя этого варварского племени, воспринимаются как одно слово, и получается примерно следующее: «Асхалты». Даже хорошо, если так. Что это «асхалты» через нескольких посредников может превратиться в «сколоты» видно без особого труда (асхалты – схалты – схолты – схолоты – сколоты). Но и в слове «скиф» можно заметить остов от слов «ас халкьы».

Но не стоит лезть в эти дебри, лучше поверить тем, кто многие годы жил вместе со скифами, – готам. Тем более они своих богов, асов, как раз поселяют там, где и жили в те давние времена скифы, в низовьях Дона. Только, конечно, как и положено богам, они живут на небесах, где у них есть своя «ограда», то есть город. Асгард – так называется город богов-асов в скандинавской мифологии. Да еще в некоторых героических сказаниях – «Пролог», «Младшая Эдда», «Сага об Инглингах» – ясно и четко говорится о том, что асы пришли из Азии. Некоторые ученые, шведский археолог Салин, к примеру, уверены в том, что этот рассказ имеет историческую основу, и даже вроде бы были намерения поискать этот сказочный Асгард где-то у устья Дона. Но большинство ученых лишь усмехнулись. А зря! Конечно же, Асгард – «ограда Асов» – никак не может быть Троей, потому что Трою строили оседлые жители, строили из камня. А Асгард, если он и был, то он был, как и говорится в мифе, всего лишь «оградой», то есть обычной стоянкой скифов, окруженной телегами для защиты от набегов, а потому руины Асгарда никому не найти, просто потому что их нет и быть не может.

Итак, скифы, скорее всего, – это асы. А асы уже вполне реальный народ в истории, аланы – только одна из ассских ветвей. А так как даже «академическая» наука не отрицает того, что балкарцы являются одними из наследников аланов, то так и получается – потомки тех легендарных асов, которые стали богами скандинавов, живут сейчас и в Хасанье!

3. Асият, Асият, Асият – ты жемчужина Иштар!

Прежде чем перейти к рассказу об Асият и о том, почему это имя я считаю жемчужиной в ожерелье богини Иштар, мне хотелось еще немного поговорить о скандинавской мифологии, дабы обратить ваше внимание на сходство в образе жизни асов-богов и асов-людей.

Об амазонках, наверное, слышали все. О них говорят и пишут разное. Но несомненно одно – мифы об амазонках порождены образами молодлиц и девушек кочевнических племен, потому что они, как мужчины и юноши, во время переездов, да и набегов, наверное, ездили на конях, носили с собой оружие. Амазонки греческих мифов – мир, в основном, знает только их, – это воинственное племя женщин, которые уже при рождении убивают мальчиков, оставляя только девочек. Амазонки занимают в греческой мифологии довольно серьезное место. Сам грозный бог войны Арес и богиня Артемида покровительствуют им. Геракл воевал с амазонками, чтобы добыть волшебный пояс их царицы Ипполиты. Он добыл ее пояс, пленил царицу и отдал ее в жены легендарному царю Афин Тесею. В ответ амазонки осадили Афины. Сыновьями амазонки являлись и титаны Прометей и Атлант, боровшиеся с самими богами, за что Атлант был приговорен поддерживать небесный свод на краю земли, а Прометей, как все знают, был прикован к скале самим братом Зевса Гефестом в далекой скифской земле, в Кавказских горах, и орел терзал его печень.

Ученые нисколько не сомневаются в том, что образы мифических амазонок порождены воинственными скифскими женщинами, ведь в скифской среде еще сильны были пережитки матриархата. А раз так, то в мифологии готов-скандинавов, живших среди скифов, их женщины тоже должны быть. И они есть. И даже больше – они более реальны и жизненны, чем амазонки греческих мифов. Если греческие мифы об амазонках отражают скифский мир в переходный период между матриархатом и патриархатом, то в скандинавской мифологии скифское общество – это уже общество, где окончательно победил патриархат. И это вполне естественно: время греческих мифов – VIII–VI века до нашей эры, а возможно, и более ранний период, то скандинавские мифы складываются спустя примерно тысячу лет – в III–IV веках нашей эры. Поэтому валькирии – эти амазонки скандинавских мифов – уже не являются такими независимыми, как амазонки, а полностью подчиняются богам-асам, главному богу-асу Одину. Они живут вместе с богами-асами в небесном городе Асгарде и исполняют поручения главного бога Одина – это они распределяют победы и поражения, выносят с поля битвы мертвых и раненых, присматривают за ними. Мертвых героев они поселяют в замке Вальхалла (между прочим, Балкала, по-балкарски – Сладкая крепость!) в Асгарде, поят и кормят их, развлекают всячески. Валькирии, как и амазонки, лихие наездницы. В героических песнях «Старшей Эдды» валькирии приобретают черты женщин-воительниц. А одна из них – Сигрдрива – даже ослушалась главного бога Одина и в борьбе между Хьялми-Гуннаром и Агнараром победу отдала не Хьялми-Гуннару, которому сам Один обещал победу, а Агнарару. За что Один погружает ее в вечный сон. Лишь потом ее пробуждает великий герой Сигурд.

И еще. В скандинавской мифологии нашли отзвуки войны скифов с киммерийцами, как война высших богов-асов с низшими богами-ванами.

Античные источники пестрят сообщениями о том, что тавры, потомки киммерийцев, дикари по сравнению со скифами, убивают любых чужеземцев, появляющихся на их земле, и отрубленные головы натыкают на длинные шесты, установленные возле своих жилищ, что они оборотни и могут, если хотят, стать лисами, волками и т. д. Ваны в скандинавской мифологии тоже стоят на более низком уровне, чем асы, они колдуны, оборотни, пророки и т. д.

Например, поводом для войны между асами и ванами послужил следующий инцидент. От ван к асам пришла злая колдунья Хейд. Асы забили ее копьями и трижды сжигали, но она снова и снова возрождалась. Войну начал Один, бросив копьё в сторону войска ванов. Тогда ваны стали наступать, угрожая Асгарду, небесному городу асов. Война кончилась миром и обменом заложниками. И впоследствии ваны ассимилировались с асами и стали низшими богами.

И это вполне соответствует трагической судьбе киммерийцев, первых жителей этих земель, имя которых, хотя, конечно же, и в искаженном виде, но стало известно истории – они после долгой борьбы были побеждены скифами и попали в зависимое положение, а впоследствии вообще растворились среди скифов.

И еще одна деталь в скандинавской мифологии, которая как бы скопирована со скифской жизни, – это обряд захоронения. Когда умирает сын Одина Бальдр, то на погребальный костер вместе с Бальдром отправляется и его конь, и меч. Как тут не вспомнить скифский обычай захоронения вместе с мертвым его коня и всего его боевого снаряжения. Мертвый, по верованию скифов, как бы не умирал, а лишь переходил в мир предков!..

Итак, в скандинавской мифологии, хотя и в несколько причудливой форме, но все же почти что с документальной точностью изображается скифский мир начала нашей эры. К тому же в мифологии сохранилось подлинное имя скифов – это асы. Но если скифы – это асы, если истории хорошо известно, что асы и аланы это один и тот же народ (хотя наш замечательный историк Исмаил Мизиев в своей книге «Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа» к чему-то и пытается доказать, что асы и аланы – разные народы, но это у него получается совершенно неубедительно), и если, наконец, мы, балкарцы и карачаевцы, единственные на всем белом свете называющие сами себя аланами, являемся потомками асов, то не может быть того, чтобы в нашем языке не осталось и «асского запаха», как говорится в одном нартском сказании. Ведь это действительно так – не может этого быть!..

Я долго над этим думал, постоянно и везде стал прислушиваться к словам, «принюхиваться» к ним, выискивая «асский запах». Но не так уж трудно оказалось почувствовать этот запах, как я думал, стоило только хорошенько «принюхаться». Вот эмеген-чудовище в одном нартском сказании, зайдя к себе в жилище, где спрятался нарт, говорит: «Здесь пахнет

асским-человеческим духом!» Значит, этот нарт, говоря современным языком, по национальности ас. А так как это балкарское нартское сказание, то этот ас-нарт – наш предок!..

У нас есть одна лирическая песенка, современная, где девушку, возлюбленную героя, зовут Асият. «Асият, Асият, Асият – ты рана моей души!» – так примерно «плачет» наш герой. Насколько серьезно ранена душа этого парня из песни я не знаю, но эта Асият в один прекрасный день ранила и мою душу. Но мне совсем не больно, а даже радостно. Если можно так сказать – радостно меня ранила: ведь от нее идет такой густой «асский запах», аж голова кружится. Ведь Асият – это лишь чуть-чуть измененная форма имени Ас-Уят, где Ас – имя народа, Уя – гнездовье (земля, страна), а «т» – суффикс принадлежности. Значит, Ас-Уят, если перевести на русский язык, – это Девушка Гнездовья Асов, а точнее по смыслу – Девушка Земли Асов!

Не менее веет «асским» духом и от имени Аслижан. Аслижан – это несколько «сжатое» временем имя девушки Ас-Уя-Жан. Где Ас – имя народа, Уя – гнездовье, Жан – душа. Значит, – Душа Земли Асов! Вот как красиво!

Теперь, когда в передаче «Малк'яр тангла» звучит эта песенка, где герой «плачет»: «Асият, Асият, Асият – ты рана души моей!», я тоже пою, но чуть иначе: «Асият, Асият, Асият – ты жемчужина Иштар!»

4. Здравствуй, Кавказ – гнездовье асов!

Величественный и таинственный Кавказ – поистине царская корона Европы от природы – как магнитом притягивает к себе представителей всех племен и народов со всех сторон света еще с древнейших времен. Что это были за люди, которые еще в мифические времена, то есть в те времена, от которых до нас не дошли достоверные сведения, поселились и жили здесь, – мы не знаем. Но мы знаем, что выплавлять медь, лепить из глины посуду, приручать животных и выращивать зерно люди здесь научились очень рано, гораздо раньше, чем в Западной Европе, за исключением, конечно же, античного мира. За много веков до нашей эры люди здесь достигли высокого уровня развития, о чем свидетельствуют археологические находки времен Майкопской и Кобанской культур. Можно уверенно сказать, уже три-четыре тысячи лет на Кавказе в целом не прерывается естественное развитие культуры, то есть всего того, что связано с человеком и его жизнью. Мы можем утверждать, что современные коренные народы Кавказа являются потомками тех народов и племен, которые обитали здесь и тысячу, и две тысячи, и три тысячи лет назад. Это значит, никто не может сказать, что этот или другой народ пришел на Кавказ в таком-то веке до нашей эры или нашей эры. Только в

результате трагических катаклизмов, вследствие нашествия гуннов, таттаро-монголов в предгорьях Северного Кавказа произошли некоторые изменения, которые, если взять только сам Кавказ, то есть, как мы теперь говорим, Северный Кавказ, не привели к фундаментальным этническим переменам. Исключение, видимо, составляют лишь аланы. Аланов, до гуннского нашествия в IV веке нашей эры занимавших обширную территорию степей от Волги до Дуная и Центральный Кавказ, военный ураган разметал по всей Европе, а часть из них оказалась аж в Северной Африке, где они вместе с вандалами (германское племя) создали Алано-Вандалское государство. Всесметающие ураганы Чингизовых орд в XIII веке, а потом полчищ Темирлана в конце XIV века окончательно низвергли аланов с пьедестала безоговорочной доминирующей силы на Кавказе и в Предкавказье — они уцелели лишь в ущельях Центрального Кавказа. Хорошо известно, что до Темирлана, находясь в составе Золотой Орды, аланы занимали предгорья и горы Центрального Кавказа. После Темирлана, после распада Золотой Орды, до начала борьбы России и Турции за Кавказ, здесь, в центре Кавказа, никаких войн не велось, никаких агрессивных перемещений народов не происходило, лишь одна ветка адыгов — кабардинцы, — гонимая пламенем войны на западе, переместилась со своей исконной родины на восток — в степи и предгорья Центрального Кавказа. Еще раз подчеркиваем — это практически была естественная, мирная миграция, обычный поиск лучшего места для жизни, более спокойного, без войн и конфликтов, так как эти земли фактически обезлюдели после Темирлана.

Теперь, прежде чем начать разговор о том, куда же подевались эти аланы-асы с гор Центрального Кавказа, якобы говорившие на иранском языке, и как на их месте оказались вдруг балкарцы и карачаевцы, тюрки, хотелось сказать несколько слов о красоте и гордости Европы — Кавказе. Что это за слово — «Кавказ»? Откуда это имя взялось, что значит?

Догадок, версий вроде бы много. Кажется, по этому поводу высказывались все — и историки, и лингвисты, и журналисты и просто все, кому хотелось. Рассмотрим две версии. Первая, наиболее солидная, подкрепленная учеными именами, — это гипотеза о том, что слово «Кавказ» произошло от слова «кап» и «каз», где «кап» — гора, а «каз» — лебедь, гусь. Лебеди, гуси, мол, — перелетные птицы и являются символами кочевников. Горы кочевников, значит. Особо и не придерешься, но и не очень верится. Потому что собственно кавказские племена даже в древности, а впоследствии и народы всегда жили оседло. Кочевники были всегда далеко в степях. Так по какому это праву горы оседлых племен и народов были названы «горами кочевников»?

Второе предположение, высказанное телережиссером Владимиром Вороковым в предисловии к красочному альбому «Кабардино-Балкария», состоит в следующем. Через Кавказские горы улетают на юг гуси-лебеди.

ди и они кричат: «Кау-кау-кау!» К их крику «кау» добавляем название этих самых птиц — каз — вот тебе и «Кауказ», т. е. «Кавказ»! Тоже красиво — но не верится, слишком уж несерьезно.

Не знаю, но мне кажется, все очень просто и ясно. Вспомним рассказ Геродота о скифах. Там говорится о том, что скифы здесь (в Причерноморских степях) — самый молодой народ, пришли они сюда из гор Азии, и с тех пор прошло около 1000 лет. Если Геродот жил в IV веке до нашей эры, значит, по рассказам самих скифов, пришли они в эти степи из Азии где-то в XIV–XIII веках до нашей эры. Обычно ученые, а простые люди тем более, услышав слово «Азия», тут же кидаются в сторону Алтая и Памира, и поэтому в науке укрепилось мнение, что скифы пришли в Европу из современной Азии, со стороны Алтая. Но если учесть, что речь идет о геродотовских временах, о IV веке до нашей эры, и что словом «Азия» греки в то время называли Северный Кавказ и, надо сказать, совершенно справедливо, а о том, что Персия, Индия, а тем более совершенно им неведомые Алтай и Китай впоследствии потомки тоже «прицепят» к Азии, они и не думали, то станет совершенно ясно, что горы в Азии, откуда пришли скифы в степи Причерноморья — это не Алтай, о существовании которого греки и слыхом не слыхивали, а Кавказские горы. А Северный Кавказ и Придонские степи в то время получили название «Азия» у греков вполне логично — «Ас-Уя» на языке самих асов-скифов означает «гнездовые асов», то есть земля, страна асов. А в том, что «Ас-Уя» в устах греков стало звучать как «Азия», ничего удивительного нет. Даже и сами балкарцы сегодня вместо «Нарт-Уя» (гора близ Нальчика, больше известная как Кизиловка) говорят «Нартия», вместо «Хасан-Уя» говорят «Хасания» и т. д.

Итак, Ас-Уя — это Азия, Кап-Ас-Уя — это Капказия (редко, но и так иногда называется Кавказ), что значит Страна Горных Асов. Или покороче — Кап-Ас — Кавказ — Горные Асы или Горная Асия. И гуси-лебеди здесь совершенно, по-моему, ни при чем.

Итак, здравствуй Кавказ — Гнездовые Асов! Да будут счастливы все люди и народы, свившие себе гнезда у твоих ущелий и долин!

5. Эй, балкарец, ты откуда взялся и кто ты такой?

Итак, жалкие остатки бедных аланов, растерзанных и разбросанных по всему миру, оказались после нашествия Темирлана запертыми в горных ущельях Центрального Кавказа. После ухода Темирлана (Тамерлан, Тимур, Хромой Тимур) на Северном Кавказе наступает относительное затишье. Надо учесть, что в это время письменность уже существовала у многих народов, живущих поблизости от Кавказа, т. е. Северного Кавказа, и что правители этих народов всегда внимательно следили за

событиями у соседних народов, но тем не менее ни армянские, ни грузинские, ни персидские, ни византийские, ни русские источники не сообщают о каких-либо страшных событиях на Северном Кавказе, в результате которых аланы вдруг исчезли бы. Самое заметное явление на Северном Кавказе, связанное с этническими перемещениями после ухода Темирлана — это миграция кабардинской ветви адыгов на восток. Еще раз подчеркнем — миграция, а не экспансия — агрессивный захват земли. Значит, и это событие, с так сказать, большой войной, истреблением местных жителей и тому подобными катастрофами связать невозможно, чем можно было бы объяснить исчезновение аланов. Вполне логично тогда предположить, что аланы никуда и не делись, не улетели в небеса, не провалились сквозь землю, а остались у себя в горах, где и живут по сей день.

И после Темирлана, вплоть до Второй мировой войны, говорить о том, что аланы, жившие в центре Кавказа, вынуждены были вот по такой-то причине полностью покинуть родину, исчезнуть, а на их место пришли какие-то балкарцы и карачаевцы — нет никаких ни документальных данных, ни устных преданий. Лишь во время Второй мировой войны люди, жившие в тех самых горах, куда их запер Темирлан, были выселены — это были балкарцы и карачаевцы. Но и они вернулись на свои места спустя тринадцать лет. Так куда же тогда подевались аланы? Да никуда они не подевались, и живут они сегодня там, в горных ущельях Центрального Кавказа, где и укрылись их жалкие остатки от беспощадной сабли Темирлана, — это балкарцы и карачаевцы.

Почему же они не называются аланами, почему два народа, а не один? — можно спросить. Но точно так же можно спросить — почему русские, украинцы и белорусы называются так, а не общим именем русичи, как раньше, и почему они, бывшие единым народом до татаро-монгольского нашествия, теперь разделились на три? Почему черкесы, адыгейцы и кабардинцы стали черкесами, адыгейцами и кабардинцами, в то время как они не в таком уж далеком прошлом были одним народом — адыгами? И так далее.

Но чтобы никто не подумал, что я ухожу от ответа, отвечая на вопрос вопросом, отвечу. На сегодняшний день карачаевцы и балкарцы фактически являются одним народом, у нас и язык один — карачаево-балкарский, так, по крайней мере, он должен именоваться официально. А разными народами мы числимся просто потому, что так получилось: одну часть народа называли балкарцами, а другую часть — карачаевцами. Точно так же, как русских и украинцев, черкесов и кабардинцев. Вот и все, если коротко.

Для ясности я расскажу, как балкарцы стали балкарцами. Темирлан загнал остатки аланов в горные ущелья и ушел. Потрепанная Золотая Орда так и не смогла больше подняться на ноги после темирлановского избиения. В 1480 году конница крымского хана рассеяла по степи последние остатки войск Золотой Орды (а не Русь, как нас учили), и он, крым-

ский хан, посылает гонца к своему союзнику – великому князю Московскому, чтобы гордо заявить: «С радостью сообщая тебе, брат мой: нашего заклятого врага – Золотой Орды – больше нет!»

Итак, распадается некогда могущественная Золотая Орда, которая на самом-то деле именовалась Кипчакским ханством, и на ее развалинах возникают несколько самостоятельных ханств. Русь официально становится независимой. Крым усиливается, как бы чувствуя себя наследником Золотой Орды, пытается сохранить власть и над народами Северо-Западного Кавказа. Здесь вновь нарастает напряжение, вновь начинаются насилие, угоны в плен, сборы дани и т. д. А Северо-Западный Кавказ, как известно, это исконная земля адыгских племен с древнейших времен, которые в разные периоды именовались то меотами, то синдами, то зихами, то касогами, а впоследствии – черкесами. Спасаясь от гнета крымских ханов, ища места для более спокойной жизни, часть черкесов мигрирует на восток – в степи и предгорья Центрального Кавказа, которые после темирлановского урагана почти обезлюдели. После опустошительного нашествия Темирлана, который к аланам относился особенно жестоко (на то были основания – аланы были цементирующим ядром тохтамышевского войска и оказывали Темирлану наиболее яростное сопротивление), видимо их, аланов, уцелело так мало, что даже спустя примерно сто лет (время, для подрастания трех-четырех поколений) им достаточно были для жизнеобеспечения и горные долины в ущельях, так как они ко времени прихода кабардинцев еще не начали вновь спускаться в предгорные степи. Об этом свидетельствует и почти полное отсутствие в фольклоре балкарцев каких-либо известий о приходе кабардинцев, о каких-либо крупных столкновениях с ними в начальный период. Это говорит о том, что балкарцы и «не заметили» сперва, что у них появился новый сосед. Это говорит о том, что земли, занимаемые кабардинцами, если пользоваться современной терминологией, не входили в зону их важных, основополагающих жизненных интересов, ввиду их относительной отдаленности. Это потом, когда карательные экспедиции царских генералов начали теснить кабардинцев в сторону гор, и они начали занимать уже подступы к ущельям, чем ограничивались выпасы горцев-балкарцев, станут неизбежными трения и споры между ними...

Проходит время, Россия крепнет, она уже у Кавказских гор, но еще не все горские племена покорены. 1600 год. Прошло ровно 200 лет после ухода Темирлана, лишь только 120 лет после распада Золотой Орды. На Центральном Кавказе это были годы затишья, годы выживания народов после темирлановского избиения, некому было воевать, не с кем было воевать – людей было мало, земли – много. И вот в 1629 году Астраханский воевода Дашков посылает людей в горы, в Черекское ущелье, якобы разведать, какие там есть полезные ископаемые. В своей отчетной записке в Посольский приказ, а по-современному – в Министерство иностранных дел, он пишет, что в этих горах живут «болкары». Так впервые

на бумаге появляется это слово. Для любителей старины попутно сообщу: Черекское ущелье, река Черек – современные названия ущелья и реки, новые названия, данные им по ошибке, из-за незнания пришлыми людьми настоящего названия этого ущелья, этой реки. Я не говорю, что это плохо, просто констатирую факт. Разве плохо, что по ошибке Америка называется Америкой, а не Колумбией, по имени ее первооткрывателя, как и мыслилось ее название? Нет, конечно, Америка – это очень красивое, крылатое имя!

Люди, живущие у реки обычно не называют в повседневной жизни название реки, а просто говорят «река». Река по-балкарски «черек». Топограф ли, чиновник ли какой, видимо, спросил когда-то у жителей, как они называют свою реку, они и ответили – «черек», река, мол. Вот и пошло. А на самом деле совсем в недавнем прошлом эта река называлась Зылгы, и ущелье соответственно – ущелье Зылгы. И первое селение у входа в ущелье называлось так – Зылгы-эль.

Но вернемся к «болкарам», ставшими потом балкарцами. Впоследствии выяснилось, что так называют себя только те люди этого горского народа, которые живут в Черекском ущелье. А люди этого же народа, живущие в Хуламском ущелье называют себя хуламцами, в Чегемском – чегемцами, в Баксанском – баксанцами и так далее. Так как все они говорили на одном и том же языке, очень похожем на татарский, хорошо известный русским чиновникам, то они и называли этих людей «горскими татарами». Потом, когда все-таки поняли, что эти горцы вовсе и не татары, то называли их всех балкарцами – по самоназванию людей самого многочисленного и влиятельного общества – Балкарского общества, как именовалось общество людей Черекского ущелья. Черекское ущелье как местожительство людей у балкарцев называется Малкяр, по-русски – Балкария. Так аланы, живущие в ущельях к юго-востоку от Эльбруса, стали балкарцами, а их земля – Балкарией.

А карачаевцы получили свое имя от реки Кубань – самой большой кавказской реки. «Къара-сай» – большая река по-тюркски. Значит, карачаевцы – люди, живущие у большой реки.

Вот и все. И не надо ломать голову над тем, куда это, мол, подевались эти аланы. Никуда они не подевались – это две ветви аланского народа, которых сегодня называют балкарцами и карачаевцами. И не надо насильно, вопреки всякой логике протаскивать сюда в горы довольно солидное количество кипчаков, которые могли бы ассимилировать живших здесь аланов всего за 100–150 лет, что упорно пытаются сделать «ученые-иранисты», дабы отстоять устарелый миф о том, что вся Великая степь от Дуная до Алтая была якобы населена ираноязычными племенами. Точно также в свое время упорно стояла на своем официальная наука в Европе в мрачные годы реакции, утверждая, что Солнце вертится вокруг Земли, а не наоборот, объявляя еретиками и сжигая на кострах инквизиции всех инакомыслящих.

6. Кипчаки, которым не под силу исполнить приказ... академиков

Наспех скроенная учеными история балкарского народа оказалась практически непригодной, как лоскутное пестрое одеяльце, сшитое для младенца и подаренное взрослому мужчине: прикроешь грудь — руки и ноги в холоде, прикроешь ноги — тело остается неприкрытым. К примеру, в двухтомной истории Кабардино-Балкарской Республики говорится о том, что балкарский народ образовался не позже XII века на Кавказе в результате того, что на земли, где жили аланы, пришли тюркоязычные то ли кипчаки, то ли булгары и ассимилировали аланов.

Хорошо, согласимся на время с этой гипотезой и попытаемся, согласно ей, провести в горы Центрального Кавказа, где сейчас живут балкарцы и карачаевцы, этих самых кипчаков или булгар. Допустим, что со всем своим житейским скарбом, с детьми и женщинами пришли-таки сюда эти тюрки с юга, перевалив хребет. Да вот только одна неувязка — к югу за горами, по соседству с балкарцами и карачаевцами издревле живут не тюркские народы, отсюда просто некого приводить. Значит, с юга ни кипчаки, ни булгары прийти не могут. А с юго-востока, скажем, со стороны современного Азербайджана? Совсем нелогично получается — как же они, не ассимилировав соседний горный Дагестан, Чечню, Ингушетию и Осетию, оказались в Балкарии и Карачасе? По макушкам снежных гор, что-ли, проскакали? Навряд ли, так не только простые смертные, но, как известно, даже сказочные нарты не бегали. С запада мы тоже не можем привести сюда кого-нибудь из тюрков. Итак, остается для этих несчастных тюрков, которых ученые во что бы то ни стало хотят привести на земли аланов в горы Центрального Кавказа, только один путь — северный, со стороны степи. Но ведь здесь с начала нашей эры жили аланы, жили до тех пор, пока их не рассеяли татаро-монголы, а затем полчища Темирлана, жили аж до 1400 года! Значит, наши предки тюрки, которых нам упорно подыскивают со стороны ученые мужи, гораздые не изучать, а творить историю, должны были напасть на аланов, победить их, а аланы, терпящие поражение, не в горы должны были отступать, а перепрыгивать через наступающего врага или же пробиваться сквозь его ряды — иначе как же пропустить этих тюрков в горы? Несуразица какая-то! Вот именно! Несуразица здесь не только в том, как и куда побежали побежденные аланы, но и в другом — если эти наши предки — кипчаки ли, булгары ли, значения не имеет, — были так многочисленны и сильны, чтобы вот так, играючи, победить и ассимилировать аланов на таком большом пространстве — от Терека до Кубани, а ведь аланы как-никак до XIII века были доминирующим этносом на Северном Кавказе (если не брать степи, где, несомненно, хозяевами были кипчаки), то зачем они, спрашивается, полезли в практически непригодные для жизни тесные горные уще-

ля, а не осели в предгорных черноземных равнинах, где настоящий рай для привольной жизни? Они, наверное, были просто-напросто сумасшедшими, а то зачем же им надо было это делать — протискиваться в тесные ущелья вместо того, чтобы расположиться на черноземных привольных равнинах? На этот вопрос есть только один ответ — сумасшедших народов нет и не бывает, никто так и не делал, никаких массированных прорывов кипчаков или булгар в горы Центрального Кавказа с тем, чтобы они там и осели в историческое время, не было. Историческое время, то есть время, о котором у нас есть хоть какие-то достоверные факты, для Северного Кавказа начинается с началом нашей эры. А с началом нашей эры история знает лишь то, что в предгорьях и горах Центрального Кавказа доминирующим этносом вплоть до нашествия Темирлана были аланы. Правда, некоторые ученые, чувствуя шаткость своей гипотезы в силу того, что ни до, ни после монгольского нашествия протащить в горы Центрального Кавказа целый массив кипчаков, которые смогли бы ассимилировать аланов, просто не представляется возможным, высказывают следующее предположение. Когда татаро-монголы заключили с кипчаками, выступившими против них вместе с аланами, сепаратный мир и уговорили их уйти в степи, они, татары, разгромили аланов, а затем погнались за кипчаками, настигая и громя их, вот тогда-то, мол, часть кипчаков могла укрыться в горах Кавказа, часть, которая впоследствии якобы и ассимилировала аланов в горах. Хорошо, рассмотрим всерьез и это предположение.

Итак, 1222 год. Татаро-монголы прорываются на Северный Кавказ через Дербентский проход. Аланы и жившие в степях к северу от них кипчаки совместно выступают против завоевателей, и где-то на берегах Терека происходит битва. Битва длится целый день, но никто не может победить. Тогда монголы предлагают аланам союз и говорят: «Оставьте нас с кипчаками одних, они были нашими слугами, мы хотим их вновь привести в покорность, а к вам мы вражды не питаем». Аланы ответили отказом. Тогда монголы отправляют послов к кипчакам с дарами и говорят им: «Мы с вами родственные народы, нам нечего враждовать, уходите к себе и оставьте нас с аланами одних». Кипчаки получают подарки и уходят в степи, расходятся по своим кочевьям. Говоря современной терминологией, предают своих союзников, покидают поле боя и расформируют свою армию. Монголы же, разгромив аланов, вторгаются в кипчацкую степь, разоряют их кочевья, кипчаки не могут вновь быстро собрать войско, бегут в панике, спасаются кто как может. Источники говорят: кипчаки, жившие вдаль, прослышав об этом, укрылись кто в болотах, кто в горах, кто в землях русичей. Как известно, это было время дружественных отношений между кипчаками-половцами и Русью, великий князь Киева был женат на дочери кипчацкого хана.

Теперь посмотрим, куда это могли бежать эти самые «кипчаки, жившие вдаль», могли ли они укрыться от монгольской сабли в горах Центрального Кавказа, где жили аланы.

Во-первых, утверждения некоторых ученых о том, что часть кипчаков могла укрыться в горах, в землях своих союзников — аланов, не имеет под собой никакой логической опоры. Потому что к этому времени аланы уже не были союзниками кипчаков, так как те вероломно нарушили союз и предали их, оставив на поле битвы один на один со смертельным врагом, и аланы потерпели тяжкое поражение. Это раз. И еще потому, что непосредственно с того места, где проходит вражеское войско, массового побега мирных жителей ни в какие времена без ведома завоевателей практически организовать невозможно, жители могут бежать лишь с тех мест, куда еще не пришли враги. Это правило незыблемо, по крайней мере для тех времен. Значит, как пишут источники, от монголов бежали «кипчаки, жившие вдали», то есть те кипчаки, что жили далеко от места трагических событий, то есть от тех мест, где жили аланы, а это Придонье и степи, граничащие с Русью. Это два. И еще — если б даже и захотели кипчаки укрыться в горах Центрального Кавказа, и аланы готовы были бы их принять, даже и тогда они не могли бы попасть туда. Просто потому что за ними-то татаро-монголы погнались после разгрома аланов, то есть с аланских земель. И тогда, чтобы попасть на земли аланов, бегущие от монгольской сабли кипчаки не от монголов должны были бы бежать, а через них, а это опять несуразица. Естественно предположить, что они бежали от татаро-монголов, а так как татаро-монголы шли на них со стороны гор и с востока, то и бежали кипчаки прямо в противоположную сторону, на запад и север. И история подтверждает это. Много беженцев-кипчаков оказалось на Руси, в Венгрии и даже в районах современного Полоцка (откуда и название этого города). Бежавшие на русские земли кипчаки в 1223 году вместе с русичами воевали возле речки Калки против завоевателей. И еще — не надо забывать о том, что кипчаки были народом многочисленным и бежавшие составляли лишь малую его часть, а народ в массе своей оставался на своей земле. Ведь неспроста спустя лишь 100 лет, хотя Золотая Орда считалась татаро-монгольским государством и управлялась потомками Чингиз-хана, на самом-то деле называлась Кипчацким ханством, и монголы почти полностью ассимилировались среди кипчаков и, как мы сегодня говорим, официальным языком Золотой Орды был кипчацкий.

Как видим, никакой исторической и логической возможности провести большую массу кипчаков в горы Центрального Кавказа не было и во времена татаро-монгольских нашествий. И даже несмотря на это допустим мысленно, что это было — что часть кипчаков бежала в земли аланов. Даже и в этом случае не все логично получается: почему это они не остановились, не осели, как всегда в таких случаях бывает, компактно в одном месте, где-то с краю, а расселились «веревочкой» с низовьев Кубани до Терека? Или, быть может, они уже тогда чувствовали, что спустя века наши академики отдадут им приказ: «Ассимилировать аланов!»?

Да и с чего это аланы должны были пропустить их в самое «почет-

ное» – безопасное место для военного времени – в горные ущелья? Аланы решили, наверное, так: вы проходите в ущелья, а мы останемся здесь, в предгорьях, если опять придут эти проклятые монголы, вы будете в безопасности – костями ляжем, но вас защитим! Что-то не очень в это верится, не правда ли? И я в это не верю. С чего бы это аланам проявлять такое благородство по отношению к вероломным кипчакам, по вине которых, с точки зрения аланов, и начались все их беды и несчастья? Так что, как бы ни старались наши ученые протащить нам в предки кипчаков с момента их появления в X веке на исторической арене до чингизовского нашествия в самом начале XIII века, – никак это сделать невозможно. А о более поздних веках вообще и заикаться не стоит – в эти времена бегавших от кого-либо кипчаков не было: они уже давно были как бы одним народом с татаро-монголами, были доминирующей силой в своем ханстве – в Золотой Орде, и не было у них никакой необходимости куда-либо бежать. Если же мы попытаемся все-таки провести в горы хоть толику кипчаков-татар (к этому времени их можно уже и так называть – ведь крымские, астраханские татары, ногаи по существу и есть потомки кипчаков) в послетемирлановское затишье, то это надо сделать хотя бы до начала XVI века, потому что после этого их обязательно «заметили» бы черкесы – кабардинцы. Не надо забывать о том, что Кабарда присоединилась к России в середине XVI века, и хотя бы с этого времени в горы никто не мог пройти без ведома адыгов, так как они уже располагались в предгорьях Центрального Кавказа.

7. Наши предки были... пришельцами из космоса?

Итак, с начала нашей эры и до занятия кабардинцами предгорий Центрального Кавказа, как бы ни хотели этого наши ученые, протащить в горы более или менее крупную группу кипчаков, которые смогли бы ассимилировать довольно многочисленных аланов, живших от Кубани до Терека оседло, имевших крепости и города, не представляется никакой возможности – ни исторической, ни логической.

Да, чуть не забыл – нам же «сватают» еще одних предков, черных булгар. Мы, балкарцы и карачаевцы, значит, вот такой винегрет: кавказо-алано-кипчако-булгары. Во как! Аланы, мол, тоже когда-то пришли на Кавказ, ассимилировали местные племена, имена которых не сохранились, потом пришли то ли кипчаки, то ли булгары, они тоже смешались с аланами, навязали им свой тюркский язык – и вот получайте балкарцев и карачаевцев. Почему «пожадничали», почему заодно нам не отдают в предки и гуннов, и хазар, и огузов, и другие тюркские народы, известные истории, – просто непонятно!

Булгары, значит. Так они же от Центрального Кавказа были еще в

большей дали, чем кипчаки. Они ведь жили в Приазовье и в низовьях Дуная и Кубани, и притащить, расселить их в горах Центрального Кавказа ничуть не легче, чем кипчаков! Речь-то идет о VII–VIII веках нашей эры. И вообще, в истории так не бывает: пришел в какое-то место, тебе это место понравилось, ты просишь живущих здесь людей уйти, они уходят, и ты начинаешь здесь жить-поживать. Во все времена народам, как правило, новые земли приходилось завоевывать! Если бы болгары завоевали земли аланов и осели бы там еще в VII–VIII веках, то эти земли в X–XII веках не назывались бы Аланией, а назывались бы Булгарией, как это, к слову, случилось в Поволжье.

А если говорить по существу, то «булгарский ингредиент» в горный котел Центрального Кавказа, где официальная наука на скорую руку хочет «сварить» историю карачаевцев и балкарцев, бросается, как это ни странно, почти что случайно, основываясь лишь на созвучии слов «Булгария» и «Балкария». При этом не обращают внимания на совершенное несовпадение смысловых значений этих слов и на то, что слово «Балкария» появилось совсем недавно как русифицированная форма от слова «Малкар».

По поводу слова «булгар» у ученых, кажется, нет споров: булгарга – размешать, разболтать, перемешать; значит, болгары – это люди народа, который сложился в результате слияния нескольких племен или народов. Это ясно. Возможно, я не знаю, но вразумительного и ясного толкования слова «малкар» со стороны ученых мне не встречалось. Но в любом случае слово «булгар» не может трансформироваться в «малкър», следовательно, между ними нет никакого родства. По поводу слова «малкар» я могу высказать свое мнение, абсолютно ни на что не претендующее. Если это не сложное слово – я бессилён что-либо сказать. Если же это сложное слово, что вероятнее всего, то можно предположить следующее. Составные части этого слова – «мал» и «кар» (здесь в балкарском языке твердое «к» – «къ»). «Мал» – это домашний скот, «кар» – несколько усеченная форма слова «кара» – присматривай. Так как слово «Малкар» является названием местности, то получается; место, где присматривают за скотом; место, где держат скот. Когда не было такой тесноты, как сейчас, видимо, люди, жившие в предгорьях, летом держали скот в горной долине. Это было выгодно вдвойне – летом в горах трава особо не выгорает, да и трава на зимних пастбищах сохраняется. А потом, когда люди осели и там, то их, естественно, стали и называть малкарлы – малкарцы, по названию местности. Так появились малкарцы, ставшие потом по воле русских писателей балкарцами – так появилась Балкария.

Если так, то не следует смешивать «смешанных» – булгар и «пастухов» – балкарцев.

Короче говоря, трудно, очень трудно провести наших предполагаемых предков-тюрков в горы Центрального Кавказа – в Аланию, как до Чин-

гиз-хана, так и после, и с юга, и с востока, и с севера, и с запада. Тогда остается один-единственный путь — они... свалились на земли аланов с неба, пришли из космоса! Балкарцы и карачаевцы, выходит, инопланетяне, и всякие там «тарелки» и другие Неопознанные Летающие Объекты, значит, наши космические корабли?!

Да, не очень серьезно получается на серьезную тему, нелогично, но что поделать, коль наши академики, ученые не хотят признавать ни исторические факты, ни логику здравого смысла. Почему не признать за исторический факт то, что известно всем, и сделать отсюда простой логический вывод: с начала нашей эры и до чингизовских нашествий на землях, где сейчас живут балкарцы и карачаевцы, жили аланы; в 1395 году Темирлан особо жестоко наказал аланов за верность Тохтамышу, большинство народа истребил, остатки аланов загнал в их же горы и запер все выходы из ущелий — эти факты признают все ученые; почему же тогда не сделать совершенно ясный и логичный вывод — эти остатки аланов, загнанные в 1395 году Темирланом в горы, никуда не улетучились, они живут там и сегодня — это балкарцы и карачаевцы. Что здесь нелогичного, почему большие ученые не хотят идти по ясному, освещенному многими историческими фактами, пути, а лезут в дебри, откуда выхода нет?

А все очень просто. Как у нас всегда водится на Руси, авторитет важнее истины. Когда-то какой-то очень большой авторитет сказал по этому поводу вот так — значит так тому и быть! И баста! И под этот «сказал» подводится, коль надо, и политика, и экономика, и дипломатия, и... наука.

Прекрасно зная полководческий талант Наполеона и большой боевой опыт его солдат, Барклай де Толли, военный министр России и командующий ее крупнейшей армией, делает все возможное, чтобы избежать на время прямого столкновения с врагом, фактически спасая армию, а, следовательно, и Россию от неминуемого поражения, и в благодарность за это получает позорную кличку «Болтай да и Только». А все потому что кто-то авторитетный из царского окружения сказал, что он «немчура» и честь России его не интересует.

Генетика объявляется «лженаучной буржуазной теорией» потому, что она подрывает устоявшуюся в то время в стране догму о том, что поведение и поступки человека всецело зависят от окружающей среды и воспитания («мы наш, мы новый мир построим», воспитав, в первую очередь, конечно, «нашего» человека), а потому — нет такой науки, не нужны и генетики, ату их!

Так примерно и случилось с историей асов (скифов) и аланов. Ковалевский-авторитет сказал, что осетины — потомки аланов, Кузнецов-авторитет сказал, что осетины — это и есть аланы. Рыбаков-авторитет говорит: «Знатоки скифского (!!! — М. К.) языка. В. И. Абаев...» В. А. Кузнецов-авторитет пишет: «Они (аланы) по сей день сохранили живую этническую традицию в лице современных осетин, говорящих на аланском (!!! — М. К.), хотя и несколько трансформировавшемся, языке».

По поводу того, что осетины – потомки аланов или же сами аланы: это просто никакими историческими фактами не подтверждающееся высказывание. Часть ученых, еще с XVII века споря о том, на каком же языке, интересно, говорили эти скифы и аланы, высказывали и высказывают мнение, что, возможно, на иранском. Вот и все. А о том, что академик В. И. Абаев – «знаток скифского языка», всерьез и разговор-то вести неудобно – просто потому, что наука не знает такого языка, его нет! Как же можно быть знатоком языка марсиан, если этот язык наука не знает? Если б наука знала скифский язык, и споров не было бы! Точно также и с «аланским языком» Кузнецова.

Так почему же все-таки наши уважаемые академические мужи не хотят оставить эту бесплодную, заведшую их в тупик гипотезу об ирано-язычности скифов и аланов? Спросим еще раз и ответим: просто потому, что живому человеку не так-то просто признать свою ошибку, тем более, если в результате этой ошибки он, так сказать, «на коне». Кто же, интересно, захочет сойти с коня и стать пешим? Таких чудачков на свете не-легко сыскать, тем более среди академиков и профессоров!

Ведь если признать простую и ясную истину – аланы, запертые в 1395 году Темирланом в свои горы (это современное место расселения балкарцев и карачаевцев), никуда не улетучились, а остались там и выжили, живут там и поныне, то выходит, что прямые потомки аланов – это и есть балкарцы и карачаевцы. А так как аланы-асы считаются прямыми потомками скифов, то и все наследство их, и культурное, и историческое, придется вернуть их прямым наследникам – балкарцам и карачаевцам. Как можно – этим несчастным, которые еще вчера только не имели ни своего имени, ни рода-племени, которые презрительно именовались «горскими татарами», взять и отдать сразу богатейшую историю и культуру скифов и аланов, на которую зарился весь мир?! Ни за что! Умрем, но не отдадим!

И не отдадут. Пока не скажет своего решающего слова эта капризная восточная красавица История. А у нее в фаворитах пока имеющие вес и авторитет академические мужи, готовые стоять насмерть и не признавать своих ошибок...

8. Аланы, почему среди вас нет... Аланов?

«Почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами, они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов, только с более мягким и культурным образом жизни» – эта яркая характеристика аланов, данная Аммианом Марцеллином, жившим в IV веке,

известна всем ученым-историкам, интересующимся скифами, асами, аланами. Конечно, в устах Аммиана Марцеллина это «во всем похожи на гуннов» имеет значение: и по языку, и по образу жизни, и по верованиям, а что гунны – народ тюркоязычный, всем хорошо известно. Но все равно, хотя это высказывание Марцеллина говорит об этом прямо, но бесспорным доказательством тюркоязычности аланов служить не может. Однако, если учесть, что другие современники уже четко и определенно говорят о том, что аланы – народ тюркоязычный, то и слова Марцеллина приобретают определенное значение. Арабский ученый XIII века Ибн-Саид аль-Магриби: «Из кавказских народов самым западным был народ каса, далее к востоку жили азкиши, абхазы и аланы. Все они были христианами, кроме абхазов, все считались тюрками».

Известный историк Абу-аль-Фида, XIII век: «Аланы – суть тюрки, которые приняли христианство... Поблизости живет народ тюркской расы по имени асы».

Здесь уместно отметить: ни один из современников ни словом не обмолвился о том, что скифы, асы или аланы находятся в каком-либо родстве и близости с персами (иранцами) или говорят на языке, похожем на персидский (иранский). А ведь если б было что-то подобное, на это не могли бы не обратить внимания древние греки, арабы средних веков, которые хорошо знали персов, тем более византийцы.

Язык – это живая история народа. Не может быть того, чтобы в языке не было слов, которые хранят в себе «вкус и запах» народа, следы тех или иных событий, ставших трагическими поворотами в судьбе народа. Есть такие слова и в балкарском языке. В данном случае нас интересуют слова, сохранившие в себе «асско-аланский» дух балкарского народа.

Это, конечно, в первую очередь само слово «алан». Сразу следует отметить – кроме балкарцев и карачаевцев, люди ни одного народа на свете, обращаясь друг к другу, не употребляют слово «алан» в смысле «мой соплеменник». Приведу лишь один типичный пример из обычного разговора в среде балкарцев или карачаевцев, скажем, на каком-то диспуте:

– Аланы, дайте, ради Аллаха, сказать мне хоть слово – я ведь сам слышал!

– Алан, что ты за человек? Ты только слышал, а я сам был там! Хотите – расскажу.

– Ради Аллаха, успокойтесь, аланы! Вот Ахмат говорит, что он сам там был – давайте послушаем его!

– Аланы, не верьте Ахмату! Его там не было!»

Это не такой уж незначительный факт, чтобы опровергнуть его смысл, просто махнув рукой. Если перед вами не аланы, то вы никогда к ним не будете обращаться так, как это делаем мы, балкарцы и карачаевцы: «Аланы, дайте мне слово сказать!»

Этот обычай обращения к соплеменникам был у многих народов, есть и сейчас. Как-то по телевидению показывали фильм о временах револю-

ции в Монголии. Там герой фильма, народный батыр, обращаясь к выстроившимся войскам, начинает свою речь так: «Монголы!..» Так он обращается к своим соплеменникам, к братьям, к товарищам, так как и он сам, и те, к кому он обращается, – сыны одного народа, одного племени. По крайней мере, именно этот смысл вкладывает он в слово «монголы!».

Да и казаки, бежавшие от гнета царизма и помещиков на южные окраины России и Украины, и чуть было не ставшие отдельным народом, обращались друг к другу точно так же: «Казаки!» Так они отделяли себя от ленивых и покорных мужиков, по их разумению, которые безропотно несут свой холопский крест. Кроме самих казаков, разве кто-нибудь еще может обращаться друг к другу со словом «казаки!»? Нет, конечно. По крайней мере, если даже тот, кто обращается, может казаком и не быть, но те, кому адресована речь, обязательно должны быть казаками. Если вы и сегодня будете проезжать через какое-нибудь село и услышите сказанное с какой-то особой теплотой «Эй, казачки!», так и знайте – вы в казачьей станице.

Точно так же было и в домонгольской Руси, в период феодальной раздробленности, когда еще не сформировалась единая русская государственность. Тогда люди каждого княжества обращались друг к другу по-разному – «Люди стольного града Киева!», «Люди Новгорода!», «Рязанцы!» и т. д. Здесь названия княжеств или же центров одновременно несут и другую нагрузку – они используются как имя народа этого княжества, города. Лишь позднее, когда Россия становится централизованным государством, и в основном завершается формирование русского народа, повсеместно входят в силу слова-обращения: «Люди русские! Русичи!»

Таким образом, когда балкарцы и карачаевцы говорят: «Аланы!», «Алан, куда идешь?», «Алан, а не пора ли нам на работу?», то это неспроста. Они аланы – поэтому. Отрицать это – то же самое, что смотреть на солнце и говорить, что его не видно. Но что поделать, коль на солнце смотрит слепой?..

Теперь поговорим об имени собственном – Алан. Людей с этим именем можно встретить везде, где только бывали аланы или были слышаны о них. Это практически вся Западная Европа и территория расселения европейцев – Америка, Австралия, Новая Зеландия. С развитием исторических знаний, которые высветили из мрака веков легендарных алан, это имя стало входить в моду и в наш ареал, в особенности в Северной Осетии, чьи ученые так усердно пытаются доказать тождественность аланов и осетин, а парламент этой республики с подачи ученых даже «приватизировал» это имя, присвоив этой республике новое название – Северная Осетия – Алания. Теперь в Северной Осетии это имя дают всем и всему – новорожденным мальчишкам и кафе, футбольной команде и танцевальному ансамблю, торговой фирме и просто магазину. Станный, конечно, способ доказательства спорной исторической

истины, но что поделаться, коль нет других, более весомых доказательств родства осетин и аланов?

Но и здесь, по-моему, осетинские ученые, заразившие многих политиков, парламентариев и простых людей своеобразным историко-патриотическим гриппом «алан», попали впросак. Почему? Да просто потому, что русский никогда не назовет своего сына Русским, итальянец – Итальянцем, черкес – Черкесом, балкарец – Балкарцем и т. д. Имя одного народа во все времена и сегодня тоже становится именем собственным одного человека лишь в том случае, если родители хотят, чтобы их отпрыск имел такие же достоинства, которые они видят в сыновьях того или иного народа. Давайте попытаемся уяснить психологическую основу того, как в Европе «пошла мода» на мужское собственное имя Алан.

IV век. Гунны разгромили аланов. Часть аланов, не желая быть под пятой завоевателей, уходит на Запад. А в таких случаях, как известно, уходит наиболее активная, боеспособная, не желающая терять свои национальные достоинства часть населения. Значит, аланы, оказавшиеся в Западной Европе, – это аланы наиболее гордые, воинственные и способные защитить свою честь. Вспомним здесь и слова Марцеллина о том, что «почти все аланы высоки ростом и красивы... они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей». И тогда создается яркий образ, говоря сегодняшним языком, настоящего мужчины, воина, витязя, каковым, конечно же, хотел видеть каждый папаша того дикого времени своего сына. Тем более, что аланы во время Каталаунской битвы, где против гуннов выступали в составе объединенных сил Европы, показали себя настоящими рыцарями. Эта битва, как известно, не только остановила дальнейшее продвижение гуннов на запад, но и отбросила их на восток. С тех пор и пошла в Западной Европе мода называть мальчиков Аланами. Будьте, мол, такими же высокими, сильными, мужественными и красивыми, как аланы. Точно так же, если вы услышите имя Черкес, то знайте – это имя дали своему сыну родители, хорошо знающие красоту, мужественность и честь черкесских джигитов, но сами они являются людьми другого народа, скорее всего соседа черкесов.

В Балкарии и Карачае довольно часто встречается имя Орусбий (или Урусбий), что значит – Русский Князь. Горец, впервые назвавший своего сына Орусбием, несомненно, хорошо знал благородство, красоту и силу русских витязей-бояр. Встречается и имя Ингилиз, что значит – Англичанин. Кто-то видел, наверное, чопорных, величественных англичан-повелителей и, нарекая сына их именем, хотел, чтобы и он вырос вот таким же важным и могущим повелевать другими человеком.

Но такое модное имя как Алан (сегодня уже и многих кабардинских парней и мальчишек зовут Аланами) среди балкарцев и карачаевцев, по логике вещей, не должно быть: алан не может своего сына назвать Аланом, это было бы просто смешно. Конечно, вскорости или когда-то в будущем, когда в силу сложившихся исторических обстоятельств аланы

(карачаевцы и балкарцы) начнут забывать свою родословную, а будут знать себя лишь как балкарцев и карачаевцев, то мода может взять свое — тогда Аланы могут появиться и у нас.

А пока что на вопрос: «Аланы, почему это среди вас нет Аланов?» мы отвечаем очень просто: «Потому что мы все аланы! Если одного из тигров назовешь Тигром, разве это будет его собственным именем, тем более среди тигров?»

9. Скажи, Аттила, как тебя звали?

Факты, которые могут пролить свет на историю народа, не обязательно искать только глубоко под землей, в древних курганах и развалинах. Их можно найти, и не меньше, так же и на земле — в названиях рек и гор, долин и местечек, а также в... обыденных словах.

Язык, как мы и отмечали, — это живая история народа. Я простой человек, невооруженный биноклем академических знаний, и то замечаю, как иногда сверкнет то или иное слово таинственным историческим блеском, на миг озаряя целую эпоху. Одно единственное слово, а высвечивает, словно прожектором, целую трагическую эпоху в жизни народа или льет свой ровный свет на быт и нравы народа, существовавшие, Бог знает, сколько веков тому назад!..

Вот поссорились два балкарца. Один из них, чувствуя себя всемогущим, уверенным в своих силах, может сказать: «Кесинги, юйюнгю да гунч этерме, жашы, тынч турмасанг!» Перевожу слова этого спесивого, самоуверенного балкарца: «Коль не будешь вести себя тише воды ниже травы, парень, и тебя самого, и дом твой (и семью твою) сделаю гунч!» Сделаю гунч — значит, испепелю, растопчу, уничтожу, пушу по ветру. Короче, и тебя самого, мол, и дома твоего на свете не будет.

Что это за слово «гунч» и откуда у него столь богатый набор смысловых оттенков, сводящихся к одному понятию — уничтожу? Пусть ищут все тюркологи мира, но я уверен — такого словосочетания — «гунч этерме!» — они не встретят ни в одном тюркском языке, кроме как в карачаево-балкарском! Просто потому, что в этом словосочетании спрессована великая трагедия, случившаяся только с аланами в начале IV века нашей эры. Это словосочетание одновременно является и живым свидетельством того, что мы жили на Кавказе еще задолго до того, как в этом регионе появились кипчаки. Кажется невероятным, но это так. Давайте попытаемся разобраться что к чему.

Прибавьте к окончанию слова «гунч» букву «а» и несколько раз быстро повторите это словосочетание, но не так, как балкарцы обычно произносят, — «гунч этдим» (я разбросал, раскидал, уничтожил, испепелил), — а так, как получилось, — «гунча этдим». В переводе: «я сделал, как гунн».

Видите, форма «гунча этдим» опять возвращается к той форме, которую мы сегодня и употребляем — к форме «гунч этдим». А ведь мы повторили всего-навсего пять-шесть раз. Есть такое правило в нашей грамматике — если из двух слов образуется сложное слово, и если первое слово оканчивается на гласный звук, а второе также начинается с гласного, то один звук, как правило, первый, исчезает, пропадает. Правда, выражение «гунча этди» (сделал, как гунн), «гунча этдим» (я сделал как гунн) не есть одно, сложное слово, но эти два слова неразрывно употребляются вместе, произносятся вместе вот уже около 1600 лет, потому ничего удивительного в том нет, что они подчинились грамматическому правилу как одно сложное слово.

«А теперь откуда ты взял, что они вместе употребляются уже 1600 лет?» — готовы многие из вас спросить. Знать это не составляет большой трудности. Как только аланы подчинили себе всех своих соплеменников и, наверняка, многие другие племена тоже и расселились от Каспия до Дуная, как с той, восточной, стороны Эдиль-реки (Волги) появляется угроза. В 355 году гунны перешли Эдиль-реку и разгромили аланов Северного Кавказа и степей между Волгой и Доном. Огромные массы аланов были уничтожены, часть их гунны увлекли с собой на запад. Чтобы понять все бедствие этого нашествия гуннов для аланов, достаточно сказать, что аланы, ранее занимавшие пространство от Арала до Дуная, после гуннов на карте отмечаются лишь на небольшой территории центра Северного Кавказа, т. е. на территории современного расселения балкарцев и карачаевцев, а также на части предгорных степей современного Ставропольского края. Аланы, своими глазами видевшие этот ад и пережившие его, не должны были все это забыть. Хотя нашествия Чингиз-хана и Темирлана по последствиям оказались для аланов не менее тяжкими и даже, может быть, и более трагичными, так как уже дело шло к самому уничтожению народа, но все равно даже и после Чингиз-хана и Темирлана осталась печальная память у аланов о гуннах. И сегодня балкарец, далекий потомок аланов трагической судьбы, угрожая своему врагу, говорит: «Тейри, и его самого, и дом его гунч сделаю!» Испепелю, уничтожу, раскидаю так, что следов не останется, значит. То есть поступит так, как поступили гунны с аланами!

После того, как гунны поступили с нами «как гунны», прошло 500 с лишним лет, и вновь Эдиль-реку перешли кочевники — это были кипчаки. Они к Кавказским горам подходили не очень близко — они были кочевым народом, а поэтому без особых осложнений занимали почти опустевшие степи после гуннского урагана и распада Хазарской державы. В то время широкие степи от Волги до Дуная были, в общем-то, малонаселенными. Вот поэтому, на мой взгляд, карачаевцы и балкарцы, как народ, начали формироваться в самом начале нашей эры, когда аланы, покорив окрестные родственные племена, стали доминирующей силой на Северном Кавказе и в степях от Волги до Дуная. Таким образом, ко времени прихода

кипчаков в степи Предкавказья мы уже были вполне «взрослыми», которые били многих и которых били многие. Чтобы претендовать на роль наших предков, им следовало прийти пораньше...

Кстати, раз в этой главе мы говорили о гуннах, то хотелось сказать несколько слов и об имени широко известного в истории гуннского царя (или короля, как иногда его именуют источники) Аттилы. Ученые никак не могут прийти к единому мнению — что это за имя, что оно значит? В книге И. Мизиева «Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа» есть такие строки: «Имя Аттилы многие объясняли как происходящее от слова атта «отец» и придавали ему значение «батюшка». Другие выводили это имя от названия реки Итиль, которая с VI века стала именоваться Волгой. Вполне допуская такое толкование, так как с балкаро-карачаевского аталы означает «имеющий батюшку», мы отмечаем, что болгаро-хазарское название Итиль (Адилъ, Эдилъ) сохраняется в гидронимах Балкарии — Адил-су, Адыр-су. Имя Аттилы в форме Адил широко бытует и как личное мужское имя у балкарцев и карацев».

Может быть, и так. Но хотелось бы обратить внимание ученых на то, как написано имя этого самого гуннского короля в скандинавской мифологии. В энциклопедии «Мифы народов мира» написано: «Атли — герой германо-скандинавского героического эпоса; исторический Аттила, гуннский король (434—453)».

По-моему, в греко-латинских алфавитах нет буквы «ы», а есть только «i», по-нашему — «и». По этой причине имя гуннского короля чуть-чуть исказилось, и вместо «Атлы» стало «Атли», но, в общем-то, эпос более точно сохранил звучание этого легендарного имени.

Атлы, что значит «верховой» (на коне), довольно распространенное мужское имя у тюрских народов. В это имя вкладывается следующий смысл — да будешь ты в этой жизни всегда на коне, то есть на голову выше остальных!

Имя свое Атлы (Аттила), конечно, оправдал — он всегда был «на коне», держал в страхе многие народы, даже великие державы того времени — Византия и Рим — платили ему дань. Только в смерти ему не удалось сохранить верность своему имени — не на поле брани с врагами, как и положено было воину-королю, нашел он свою смерть, а в постели, в первую же брачную ночь, когда он привел в свои покои в качестве новой жены прекрасную Идильго, плененную германскую принцессу. Вероятнее всего, он был отравлен...

10. Древние тюрки говорили... на скифском языке?

История человечества насчитывает около 3 миллионов лет, история хомо сапиенса – человека разумного, т. е. современного человека, – 50 тысяч лет. Это верхний палеолит. Но на самом деле историю человечества мы можем изучать лишь за последние 10 тысяч лет, так как о более раннем периоде конкретно говорить не о чем, кроме как о каменных орудиях и палках. И, наконец, надо признать, что по-настоящему-то история начинается лишь с того времени, с какого до нас начинают доходить слова живших в прошлом людей – со времени появления письменности. Это случилось более 5 тысяч лет назад в Шумере в эпоху Урукской культуры.

Итак, история, т. е. описание деяний людей, живших в прошлом, начинается лишь там и тогда, где, и когда люди изобретают письменность и начинают, конечно, сами того и не сознавая, летопись человечества. С этого времени и начинается, если можно так сказать, человек цивилизованный, начинается цивилизация – новая эпоха в развитии человечества.

Главный отличительный признак человека от его старших (а не младших, как мы, люди, привыкли считать) братьев – животных, – это его разум и, как следствие разумности, – речь, умение выразить мысль посредством звуков, а попроще – слов. Естественно предположить, что навыками разговорной речи первобытные люди начали овладевать еще на заре человечества – многие тысячи, а скорее всего даже и миллионы лет тому назад. Не знаю, что говорит по этому поводу филология, но я считаю до неприличия самонадеянно безапелляционно утверждать, что тот язык появился на свет Божий вот в таком-то веке до нашей эры, а этот – в таком веке нашей эры.

Так можно говорить о народах, но не о языках. Языки, по-моему, появились на определенной стадии развития того или иного изолированного рода или племени, когда люди только-только начинали обретать разум, т. е. язык развивался у людей по мере того, как они «умнели», а по-научному – по мере увеличения объема мозга. А раз так, то и первые слова зазвучали еще в нижнем палеолите, т. е. два-три миллиона лет тому назад! И корни любого языка тянутся в эту глубь. Потому что люди, уже говорившие на каком-то языке, могут, если того потребует жизнь, усвоить другой язык, но выдумывать совершенно новый язык ни при каких условиях уже не станут. Кто-нибудь может сказать – вот, мол, жил-жил этот народ, а потом взял да и сменил свой язык, притом не перешел на язык того или иного соседа, а выдумал совершенно новый, доселе никому не известный язык. Такого случая в истории человечества нет и быть не может. Образно говоря, каждый народ хранит свой хурджин с сокровищами-словами еще с пещерных, первобытных времен. Конечно же, как и с людьми, с народами тоже за время их жизни всякое случается:

один, глядишь, уже имеет два хурджина слов-сокровищ (русский народ, к примеру) – свой берег; у соседей занимал, не брезговал, у заезжих купцов скупал; а у другого хурджин совсем тощим стал – словно пустые камешки растерял-разбросал свои сокровища-слова; а третий, бедный, и вовсе без хурджина остался – не уберег свое сокровище, свой язык, чужими словами пользуется.

Итак, думаю я, все языки – древние, они прошли «по пыльным дорогам» далеких веков с первобытных времен. А сегодняшний вид каждого из них – это полностью на совести его хранителей: людей, говоривших и говорящих на этом языке, – если люди не только сохранили, но и приумножили свой язык, холили-берегли его, и сегодня их речь красива и сильна – честь им и слава, и павшим и живым! А если народ по небрежности своей не уберег свой язык – свое сокровище, и сейчас нищенствует, живет лишь на подаяние – пользуется чужим языком – хоть и жалко его, но пусть будет ему стыдно!

Большие ученые-академики, профессора говорят: тюркский язык появился на свет Божий в VI веке нашей эры. Это когда возник Великий Тюркский каганат. Как будто речь идет не о языке, а о ребенке! Скажите тогда, пожалуйста, господа академики, на каком же языке до образования Тюркского каганата говорили тюрки и их предки и откуда они взяли этот язык или как они его придумали? И почему они мучались (это же не шутка!) выдумывали этот язык, да еще с наиболее прогрессивными законами развития, ясный и простой (нет родов, предлогов; агглютинация) вместо того, чтобы просто взять да и выучить язык одного из соседей – сяньбийцев, тайчжиутов, татар, кераитов, найманов (наиболее известные племена, которые впоследствии объединил хан Темуджин и всех вместе назвал монголами, а себя – Чингиз-ханом), китайцев или тангутов? А что – люди, которые в VI веке стали известны истории как тюркют, тюрк, до этого и они сами, и их предки вообще не разговаривали, что ли, у них не было языка?..

Все очень просто и... по-детски наивно – тюрки, если они раньше VI века нашей эры не жили молча, зажав рты, а говорили на своем языке, или же, скажем, на китайском, то должны были доложить об этом своевременно, так, мол, и так, господа ученые XX века, мы, люди, живущие вот здесь и здесь в такое вот время, уже давным-давно умеем говорить и впоследствии, мол, наш язык назовут тюркским. Только вот маленькая неувязочка получается – любой учитель требует ответа от ученика лишь после того, как научил его чему-нибудь или дал задание заранее. А давали ли наши академики и профессора первобытным предкам тюрков задание на дом (извините – на пещеру!) – как только, мол, начнете разговаривать, так сразу же зарегистрируйте-запатентуйте свой язык в ближайшей академии наук? Нет, это нам не задавали!..

А если не задавали, то и спрашивать не надо. А надо просто написать: «Народ под названием «тюрки» стал известен науке в VI веке нашей

эры. Язык этого народа так и называется — тюркский язык, он родствен языку гуннов». Если скромно, без претензий на всезнайство. И скажите людям — носителям тюркского языка — если сможете, найдите какие-нибудь данные о том, что язык ваш был известен в более раннее время, и вполне возможно, что он в более древнее время назывался по-другому — по имени носителя-этноса. Тогда я как человек, чьим родным языком является балкарский (заметьте — уже не тюркский!), являющийся ответвлением тюркского (так считает официальная наука, а я считаю что наоборот — тюркский является ответвлением более древнего — алано-асского (балкарского) языка, т. е. скифского), представляю на ваш суд такой факт.

Менандр, повествуя о посольстве Земарха к тюркскому хану (568), пишет: «Некоторые люди из этого племени, о которых уверяли, будто они имели способность отгонять несчастья, пришед к Земарху, взяли вещи, которые римляне везли с собой, сложили их вместе, потом развели огонь сучьями дерева Ливана, шептали на скифском языке какие-то варварские слова и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан над поклажею. Они несли вокруг ливановую ветвь, которая трещала от огня, между тем, приходя в исступление и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Им приписывали силу отгонять их и освободить людей от зла. Отвратив, как они полагали, все несчастья, они провели самого Земарха через пламя, и этим, казалось, они сами себя очищали.

Лишь после огненного очищения Земарх был допущен к хану».

Прошу обратить внимание, господа академики, — древние тюрки, поданные и соплеменники Мугань-хана, к которому прибыл посланник Византии, говорят на скифском языке, а не на каком-нибудь другом: варварском или туземном языке! Уж кто-кто, но греки-то (коиными являлись византийцы) уж точно могли отличить скифский от других языков, так как к этому времени, хотя бы по историческим данным, греки знали скифов и общались с ними уже не менее тысячи лет, со времен скифско-персидской войны 512 года до н. э.! И персидский хорошо знали греки. Но вот почему-то Менандр язык тюрков не назвал персидским, а назвал скифским. С чего бы? Все очень просто, если мыслить логично и непредвзято — скифы, саки, массагеты — это названия разных ветвей единого древнетюркского этноса, а может быть, даже и разные названия (данные разными народами или людьми) одного и того же этноса. Скорее всего, имя этому этносу было — ас. По-тюркски, вернее — по-асски — ас халкы, т. е. ас-народ. Если, скажем, асов греки называли скифами, то имя саки, возможно, они получили через персов, так как и в слове «скифы», и в слове «саки» явно сохраняются основные звуки слова «ас халкы» — звуки «а», «с», «ю», «ы» («и»).

Если б, как говорит «академическая» наука, не так уж давно — еще в первые века нашей эры — всю Великую степь Евразии, начиная с Карпат и до Тянь-Шаня, населяли племена, говорившие на иранском языке, то навряд ли они бесследно исчезли бы с этих земель в столь короткое вре-

мя – всего-навсего за два-три века! Ведь уже после гуннов (IV век нашей эры) на этой территории уже трудно найти клочок земли, где бы не жили тюрки – это и хазары, и половцы, и печенеги, и саки, и болгары, и гунны... Откуда вдруг столько тюркских народов? Неужели все они пришли вместе с гуннами? Нет, потому что истории хорошо известно, что это новый народ, сложившийся в южноуральских степях в результате смешения части хуннов, укрывавшихся здесь в конце II века нашей эры после тяжелого поражения от стремительной дружины сянбийского (одно из древнемонгольских племен) вождя – неукротимого Таншихая, с местными угорскими племенами. Так что, кроме собственно самих гуннов, все остальные тюркские племена, вдруг заполонившие всю Великую степь, – это не что иное, как остатки некогда единого древнетюркского этноса. Если б скифы, сарматы, аланы были бы ираноязычными народами, то только из-за гуннского нашествия они не исчезли бы, так как гуннов было по сравнению с ними ничтожно малое количество. Как не исчез, к примеру, народ Руси после татаро-монгольского нашествия, а просто распался на части – на московитов, или великороссов (впоследствии – русские), украинцев (малороссов) и белорусов...

Итак, в начале расцвета Тюркского каганата грек Менандр без всяких сомнений говорит, что они, тюрки, говорят на скифском языке. Он говорит так потому, что тюркский и скифский языки суть один и тот же язык, скифов же и их язык греки знали хорошо, вот поэтому и язык тюрков для греков скифский, а не какой-нибудь новый язык...

Это значит, что историю тюркских языков следует начинать со скифского. А это, по Геродоту, сперва, округленно 500-ый год до н. э. – время скифско-персидской войны, когда упоминаются черноморские скифы, и еще плюс 1000 лет в глубь веков – столько лет назад, говорят скифы Геродоту, они пришли в эти степи с гор Азии. А так как для тех времен 1000 лет, по существу, означают бесконечность, то и вывод – тюркский язык известен с незапамятных времен!

11. Так кто же они, эти татаро-монголы – татары или монголы?

Как-то, просматривая «Словарь русского языка» (М.: Русский язык, 1984), изданный Академией наук СССР и Институтом русского языка, я обратил внимание на наше родное слово «тамада», получившее гражданство в «великом и могучем» русском языке. Странно было мне читать толкование этого слова – «Распорядитель пира, пирушки», и объяснение того, откуда это слово в русском языке: «От груз. *tamatoba* – старшинство во время пира».

А на самом-то деле это слово тюркское, и его значение в первую очередь, и даже не в первую очередь, а вообще – одно-единственное, но уже

в широком смысле – «старший»! А там, где он, этот «старший» старший: в семье ли, среди друзей ли, в роду или же в государстве – это уже не имеет значения. Он, как отмечено в словаре, может быть старшим хоть на пиру, хоть на пирушке. И происходит от слов «там» – дом и «ата»; и значит – «отец дома».

Когда люди судят о делах понаслышке, дают указания, выносят вердикт, не разбираясь в сути дела, а так, лишь поверхностно ознакомившись, балкарцы говорят, что эти люди совершают эти действия «не сходя с коня». Это значит, что они, прежде чем принять решение, дать указание, вынести вердикт, не удосуживаются даже слезть с коня и серьезно разобраться в сути дела. Вот так «не сходя с коня» и решили этимологию, то есть родословную «тамады» составители и редакторы академического словаря.

Но если б так, наспех, без особого разбора, решались родословные только слов нашей академической наукой! Дело в том, что родословные многих народов нашими академическими мужами тоже решаются именно вот так – «не сходя с коня»!

Дурной пример, как говорят, заразителен. И сегодня уже трудно найти человека, который не мнит себя достаточно эрудированным, чтобы иметь право без всяких сомнений выдавать свое мнение по тому или иному делу как последнюю истину. Безапелляционно, уверенно – вот так, и никаких гвоздей! Так один молодой человек по имени Джамбулат Кошубаев вдруг пожелавший разнести, как говорится, в пух и прах поэму М. Кучинаева «Сказание об аланах» («Газета Юга» от 17 ноября 1995 года), довольно покуражившись по поводу того и сего, поучительно замечает: «Монголы, именуемые по славянской традиции татарами...»

Не потому, что я придаю какое-то значение этой статье, а потому, что, видимо, многие, как и упомянутый автор, думают, что соплеменников Чингиз-хана следует называть монголами и никак иначе, по той простой причине, что они всегда, мол, были монголами. И где-то подспудно уверены в том, что впоследствии их стали называть татаро-монголами потому, что после в их ряды влились многие покоренные ими народы, в том числе и татары. А так как впоследствии в Золотой Орде монголы вообще куда-то исчезли, и остались только татары, то и по русской («славянской» у Кошубаева) традиции их стали называть татарами. Но это, мол, неверно – с Чингиз-ханом шли только монголы!

Так примерно думают многие. Но у меня на сей счет иное мнение. И не потому, что я в истории ни в зуб ногой и вынужден поэтому соблюдать «славянскую» традицию, а по очень простой причине:

Ни одного монгола до начала XIII века нашей эры, когда вождь племени тайчжиут Темуджин, набравшись сил, не назвал себя Чингиз-ханом, на свете не было. Да и впоследствии, до второй половины XIII века, мало кто слышал об этом народе – о монголах. Почему? А просто потому, что такого народа не было, монголов создал Чингиз-хан, как совет-

ская власть (можно сказать) создала советский народ. Обратимся к фактам. «К началу XI века наибольшая часть нынешней Монголии была уже занята монголоязычными племенными объединениями. Они частью вытеснили с территории Монголии, а частью ассимилировали живших там раннетюркских кочевников. Монгольские племена говорили на разных наречиях одного языка, позже (!) названного монгольским, но еще не имели общего наименования. По имени могущественного племенного союза татар соседние народы называли «татарами» и другие монгольские племена, только в отличие от собственно татар, иначе «белых татар», именовали остальных монголов «черными татарами». Имя «монголы» до начала XIII в. еще не было известно, и происхождение его до сих пор не вполне выяснено. Официально это имя было принято только после создания объединенного Монгольского государства при Чингиз-хане (1206 – 1227), тогда понадобилось дать всем монгольским племенам, складывавшимся в единую народность, общее название. Оно было усвоено не сразу и самими монголами. До 50-х годов XIII века персидские, арабские, арийские, грузинские и русские авторы именовали всех монголов по-старому – татарами (так что меня скорее надо было обвинить в следовании «персидской» или «арабской» традиции!) – «Всемирная история» в 10 томах, издатель – Академия наук СССР, том 3, стр. 513.

Наверное, никто сейчас не осмелится называть Льва Николаевича Гумилева авантюристом в исторической науке, не боясь быть посрамленным, как это делали всего-то лет десять-пятнадцать назад – Л. Н. Гумилев, так у нас всегда случается с выдающимися людьми, теперь, уже после смерти, неоспоримый авторитет в исторической науке, и в особенности – в тюркологии и монголоистике. Вот что он говорит о монголах, рассказывая о восточных соседях хуннов в книге «Хунну»: «На востоке и северо-востоке хуннские шаньюи были полными хозяевами. Дунху покорились, оказав незначительное сопротивление в 209 году (до н. э. – М. К.) и с тех пор осколки некогда могущественной орды стали верноподанными новых хозяев. Самое название «дунху» исчезло; потомки их стали называться ухуани... К северу от ухуаней, в Западной Маньчжурии и Батге, жили родственные им сяньби, а в Восточном Забайкалье, на берегах Аргуни, – косоплеты-тоба. Все это были монгольские племена...

В книге «Древние тюрки»: «На востоке (от тюрков. – М. К.) в это время обитали три народа: татабы, которых китайцы называли кидани, и тридцать татарских племен... Все три народа говорили на диалектах монгольского языка...»

В книге «В поисках вымышленного царства», (С. 279): «Так, монголы до Чингиз-хана назывались татарами, так как племя татар было гегемоном в степи. Потом покоренные Чингизом племена стали называться монголами или, по старой памяти, татарами...»

И еще из того же третьего тома «Всемирной истории»: «Крупнейшими племенными союзами монголов, сыгравшими наиболее важную роль

в последующих событиях, были татары, тайчжиуты, керанты, найманы и меркиты».

После того как Темуджин из рода Борджигин племени тайчжиут победил одного за другим всех племенных вождей, в 1206 году на берегу реки Онон состоялся хурал — съезд племенных вождей. Хурал провозгласил Темуджина великим ханом, властелином всех покоренных им племен и дал ему имя Чингиз-хан. В сноске во «Всемирной истории» к имени Чингиз-хан, говорится — «Значение этого имени или титула до сих пор не выяснено».

Итак, ученые Академии наук СССР, крупнейший ученый по истории тюркских и монгольских народов Л. Н. Гумилев едины во мнении: до появления на исторической арене Чингиз-хана народа, который назывался бы «монгольским», не было, а были кочевые племена, говорившие на разных диалектах одного языка, который впоследствии стал называться монгольским. По имени крупнейшего племенного объединения — татар — всех людей этих родственных племен их соседи называли татарами. После создания Темуджином объединенного государства хурал назвал его великим ханом и присвоил титул (или имя) Чингиз-хан, а народ этого государства впоследствии стал называться монгольским, а потом и само государство стало называться Монголией.

Но, как водится, новое имя и народа, и государства привилось не сразу, а лишь во второй половине XIII века. А так как действия в поэме М. Кучинаева происходят в 1222 году, когда передовые тумены Чингиз-хана под предводительством Субедея прорвались через Дербент на Северный Кавказ, то автор, зная историю немного лучше его оппонента, естественно назвал татар не их сегодняшним именем, а так, как их тогда все и звали, — татарами.

Значит, все-таки были татары, а не монголы. Откуда же тогда взялись монголы?

Как я уже отметил, историки все еще не могут сказать, почему хурал назвал Темуджина Чингиз-ханом (не Чингис-ханом, как сейчас почему-то принято писать) и почему люди разных племен стали называться монголами и что значат эти имена. Вполне возможно, что все это уже кем-то и выяснено, но я об этом не знаю, а потому предлагаю по этому поводу следующие свои догадки.

12. Был ли Чингиз-хан до Чингиз-хана?

Итак, давайте попытаемся все-таки догадаться, что же в конце концов значат эти два имени — «Чингиз-хан» и «монгол».

Дело это нелегкое, раз ученые до сих пор ничего подсказать не могут. Но ничего, как говорится, попытка не пытка. Надежда все-таки какая-то

есть: ведь наши ученые, как это не раз отмечалось, даже при решении вопросов, связанных с самими тюрками, и то умудряются обходиться без тюрков, тюркского языка и тюркологии. Потому и получается, что «тамада» от груз. «tamatoba». Учтем еще, что, как говорит наука, монгольские и тюркские языки – это дети одной семьи, хоть и давно живут отдельно. По-тюркски – кара, по-монгольски – хара и т. д.

Начнем с Чингиз-хана. Будем мыслить, так сказать, исторически, о чем мечтал Темуджин, когда покорил все окрестные племена, говорившие на разных наречиях одного языка, а если попроще, когда стал властелином народа? По-моему, догадаться об этом не так уж трудно, тем более, мы уже знаем, к чему он стремился всю жизнь – он мечтал покорить весь мир, он хотел быть властелином мира! Допустим, что мечта его осуществилась, тогда как был бы устроен мир? Конечно же, Темуджин будет самым что ни на есть большим-большим ханом. Будут ли, кроме него, еще ханы? Должны быть, у каждого народа будет свой хан, но ханы всех народов будут подчиняться ему, хану ханов. А как ему именоваться, интересно, тогда – Хан ханов? Нет, здесь каким-то ханским сборищем пахнет. Не то. Большим ханом? Что значит Большим – тучным, пузатым, рослым? Нет, нет – не то! Да, да – он будет Чингиз-ханом – Единственным ханом, Самым Первым ханом! Ведь слово «чингиз» – значит «самый первый», «единственный». Приведу примеры из тюркского (балкарского): «Чинг алда Ахмат келеди» – «Самым первым (впереди всех) идет Ахмат». «Чинг алгъа суу келтирирге керекди» – «В первую очередь (самым первым делом) надо принести воду». В слове «чингиз» основа «чинг» означает «первый», а частичка «-из» придает основе смысл превосходной степени – «самый первый», «он сам» (кроме него, значит, никого нет), Чувствуете нюанс? Чингиз-хан – это значит «Единственный, Настоящий хан, кроме него хана-то, по существу, на свете нет!» А можно и попроще (когда надо будет!): Первый хан, Самый Первый хан.

Конечно же, участники курултая (племенные вожди и старейшины), наверное, лопались от зависти, а сам Темуджин – от счастья, когда он сумел заставить их назвать его именно так: Единственным, Первым, Настоящим ханом (на всем белом свете).

Наверняка ни сам Темуджин, ни вожди племен, ни старейшины родов и не догадывались тогда о том, что в мире было много чингизханов, но никто из них так и не достиг заветной цели.

А были ли, действительно, в истории владыки, которые так и назывались «Чингиз-хан», но, конечно, на своем языке? Точно сказать не могу, но основатель могущественной Персидской державы Кир после взятия Вавилона в 538 году до н. э. называет себя «царем вселенной, великим царем, сильным царем, царем Вавилона, царем Шумера и Аккада, царем четырех стран света». Чем не Чингиз-хан? Но и он, как и Чингиз-хан, нашел свою смерть вдали от родины, когда, шел покорять очередной народ...

Теперь перейдем к монголам. Все великие полководцы, как известно, были и большими психологами, и Чингиз-хан не исключение. Объединив все племена своего народа в единое государство, он, как бы привстав на стременах, устремляет свой взгляд вдаль — мечта, неукротимая мечта зовет его туда, к землям извечных врагов — китайцев, туда — на запад, где цветущие долины и караваны купцов, и дальше, вслед за солнцем — к последнему морю. С ордой людей, которые еще вчера только были врагами, мир не завоеешь. Весь народ надо сплотить в единый кулак, чтобы никто не мог выдержать его сокрушительной силы, весь народ должен стать одной стрелой, устремляющейся в единую цель и насквозь пронизывающей ее по его, Чингиз-хана, желанию. Иначе и нечего думать о чем-то, нечего и мечтать. Но как это сделать? Заставить, подчинить железной дисциплине и погнать их вперед? Нет, нет и нет! Надо сделать так, чтобы вложить в душу каждого воина хоть частицу его, Чингиз-хана, мечты, удесятерить их силу его волей, и тогда, когда и они, эти простые воины, загорятся желанием покорить мир, когда они вместе с ним полетят вперед и вперед, только тогда осуществится его мечта. Но как это сделать? Не поверят же они, если скажешь, что все они, когда дойдут до последней победы, станут нойонами да ханами, станут сказочно богатыми? В то, что станут нойонами да ханами, верно, и не поверят — ведь ими надо родиться, но вот богатыми — почему бы и нет? Ведь и в действительности многие из них станут богатыми, будут жить в достатке, если походы будут удачными. А о чем еще может мечтать простой харагу — «черная кость»? Да, да — надо внушить в них уверенность, неотвратимость того, что все они станут богатыми, и они сами, и их потомки всегда будут в достатке, коль повергнут весь мир к стопам своего Чингиз-хана! Так и надо им сказать: «Воины, братья, соплеменники мои! Придет время, — и все народы будут завидовать вам и вашим потомкам, потому что вы никогда более не будете знать, что такое нужда! Вы будете всегда богаты, у нас всегда будет достаток! Если вы...» — а дальше изложить свои цели, рассказать о своей мечте, да так, чтобы твоя цель явилась как бы их целью, твоя мечта — их мечтой! Главное — пусть поверят, твердо поверят в то, что и они сами, и их потомки будут повелителями мира, будут всегда богатыми, всегда в достатке. А знаете, как звучит на тюркском (видимо, и на монгольском) это слово «достаток»? Монг кьол-лу! От «монг» — достаток, «кьол» — рука. «Рука с достатком» — это о богатом человеке. Теперь вспомните, в каких местах наши войска отразили атаки «японских белогвардейцев», напавших на наших «младших» братьев — монголов перед Второй мировой войной? Правильно — у Халхин-гола и у озера Хасан. К чему это мы вспомнили? А к тому, что слово «кьол» имеет несколько значений — рука, рукав, овраг. Халхин-гол — это, скорее всего, приток (рукав) какой-то более крупной реки или же высохшее русло реки, балка, овраг. В любом случае — это «кьол», если по-балкарски. А по-монгольски, выходит, «гол». Тогда новое имя татарина

будет не «монг кьол», по-балкарски, а «монг гол» — по-татарски (по-монгольски). В балкарских словах «монг кьол» буквы «нг» передают один звук — небное «н». Значит, для небалкарца графически более правильно будет «мон кол», здесь «балкарский «к» заменяем на «татарский» «т») и пожалуйста,— получайте своего «монгола»! Итак, Чингиз-хан — Единственный, Настоящий, Самый Первый хан пообещал своим соплеменникам сделать их всех богатыми и назвал свой народ монголами — «люди с достатком».

Многие народы покорил великий Чингиз-хан, реки крови пролил, но до своей мечты, как и другие чингиз-ханы, не дожил — и сам не смог стать Повелителем Вселенной, и народ свой не сделал богатым. Сам он умер во время похода на тангутов, сотни тысяч молодых монголов полегли на полях сражений в степях и горах Азии и Европы, многие тысячи ушли держать в узде завоеванные народы и больше в голубые степи Монголии не вернулись — ассимилировались и стали китайцами, кипчаками, иранцами, индийцами, вновь стали татарами (ассимилировавшись среди болгар, но как бы навязав им свое прежнее имя), узбеками, русскими и т. д. А обескровленная и обезлюдевшая Монголия пришла впоследствии в страшный упадок. И теперь кажется просто невероятным, что ее сыны некогда потрясали весь мир. Героическая и одновременно трагическая судьба народа, обманутого несбыточными мечтами неукротимого фантазера Чингиз-хана...

13. Почему асы не любят ассов?

Итак, подвожу кое-какие итоги своих любительских рассуждений на исторические темы: никаких скифов на свете не существовало, настоящее имя народа, известного науке как скифы,— асы, а на языке самих асов — «ас халкы»; аланы — это асы, живущие в долине, в степи; впоследствии аланы, подчинив себе все асские (скифские) племена, «распространили на них», как говорит Марцеллин, свое имя. Но на своей исконной родине — на Кавказе (Кап-Ас — Горная Асия) — асы так и продолжали называться асами. Из-за уважения к земле предков или же аланы и не пытались их подчинить себе — кто знает? Возможно, они, аланы и асы, осознавали себя настолько единым народом, что такого вопроса — как им вместе называться — и не стояло. Но всему ученому миру известно — с первых же веков нашей эры, когда аланы начали выступать на исторической арене как самостоятельная сила, и до тех пор, пока эти слова — «аланы» и «асы» — не стали тускнеть и исчезать (после нашествия Тамирлана, XV век нашей эры), они, эти два слова, как сиамские близнецы, были неразрывны: там, где жили асы, были и аланы, там, где жили аланы, находились и асы. Причем в одних и тех же местах. Из этого следует,

что они были двумя ветвями одного и того же народа или же вовсе были одним народом. Как, например, адыги и черкесы, казаки и русские, немцы и австрийцы и т. д.

Правда, как я уже отмечал, есть только один ученый, который говорит, что асы и аланы – это разные народы. Но аргументы, приводимые им, меня, к примеру, совершенно не убеждают. Его, видимо, сбילה с толку существующая в балкарском языке фраза: «Ассыдан туугъан ассы!», что в переводе значит: «Ассы, сын ассы!» Ну, скажем, в том же смысле как: «Гяур, сын гяура!» в устах мусульманина. Видимо, он рассуждал так: «Ну раз мы, аланы, говорим с пренебрежением «Ассы, сын ассы!», значит эти ассы не должны быть аланами, а раз так – мы разные народы». Все, вроде бы, логично. Но ученый, мной очень глубоко уважаемый, не обратил внимания на одну маленькую деталь, вернее, на одну только букву – почему это вдруг в этой фразе слово «асы» «потолстело» на целую букву, пишется и произносится с двумя «с»? Ведь у нас в языке, да и в исторических документах везде эти асы пишутся с одним «с», почему же в этой фразе с двумя? Правда, ученый на это и не мог обратить внимания, так как и всю фразу, и это слово написал неправильно. Он пишет: «Асдан туугъан ас», когда на самом-то деле следует писать: «Ассыдан туугъан ассы» (Карачаево-балкаро-русский словарь. М., 1989). Конечно, в древнерусских летописях, наверное, пишется так: «ясский град», «ясский конязь», но здесь второе «с» к основе слова, по-моему, отношения не имеет, второе «с» относится к суффиксу «ск», так как эти же летописи пишут «ясыня», «ясы» и т. д. Значит, вторая буква «с» в балкарском слове «асы» появилась не случайно, она закономерна, значит, надо установить ее истинное значение, надо установить ее «родословную» – откуда есть пошла.

В балкарском языке есть отрицательный суффикс «-сыз, -сиз», соответствующий русской приставке «не» или «без». «Адамлыкъ» – человечность, гуманность; «адамсызлыкъ» – жестокий (нечеловечный); «ахча» – деньги; «ахчасыз» – безденежный; «къан» – кровь; «къансыз» – (бескровный) жестокий, беспощадный и т. д. Мне кажется, точнее, я уверен в том, что эта фраза вначале произносилась так: «Ассыздан туугъан ассыз!» Что значит: «Не ас (ты), сын не аса!» Подобное выражение, по-моему, существует у всех народов – ты ведешь себя не как человек нашего народа, откуда, мол, ты взялся? Я владею только двумя языками – балкарским и русским. Приведу примеры подобных выражений, употребляемых в этих языках.

В балкарском языке: «Алан, сен таулу тойюлмюсе?», «Алан, ты не горец (балкарец), что ли?»; «Гяурдан туугъан гяур!», «Гяур, сын гяура!»; «Къутуздан туугъан къутуз!», «Жестокосердный, сын жестокосердного.»

В русском языке: «Ты что, не русский, что ли?», «Я ж тебе по-русски говорю.» и т. д.

Балкарцы хороших, воспитанных, вежливых людей так и называют –

«асыл адам», что значит «человек, с присущими асу качествами, асский человек». И то и другое понятия имеют один и тот же смысл: он настоящий, хороший человек, человек нашего народа, народа асов. А ассыз – это человек, которому не присущи (хорошие) качества (нашего) народа асов. «Ассыздан туугъан ассыз!» – вы уже сами догадываетесь, конечно, что это значит «ты, мол, человек, у которого ничего хорошего, что есть у нашего народа, и отец твой такой же!» А если просто, по-народному и покороче: «Осел, сын осла!»

Выходит, асы не любят ассов по очень простой причине: потому что ассы – это ассызла, это грубые, невоспитанные люди, хамы, хулиганы, драчуны и еще что хотите. Да, конечно, они тоже асы, но разве они настоящие асы – посмотрите на них: никакого воспитания, ни гордости, ни чести!

Так что, не стоит из-за ассов, вернее – ассызов, раскалывать единый этнический массив, единый алано-асский народ на два чуть ли не враждебных друг другу народа, как это пытается сделать Исмаил Мизиев.

История, как я говорил вначале, – самая капризная из наук. Еще ни один из ученых, увлекавшихся ею, не смог избежать ее чар, не попасть впросак из-за ее проделок, не смог пройти свой жизненный путь без того, чтобы, забывшись, не забрести в тупик или же не сойти с большака Истины, ведущего к заоблачному храму богини Иштар, или же не получить простой щелчок по носу за свое высокомерие. Конечно, каждый ученый-историк уверен в том, что уж он-то никогда не сворачивал с пути Истины, и История должна быть к нему благосклонна. Но так это или нет – знает только сама Иштар – богиня истории. А до нее, как принято говорить, и высоко, и далеко!

Но и История, как и всякая наука, создается кропотливым и неустанным трудом безоглядно преданных ей отважных мужей, которых не должны страшить ни ушибы, получаемые на крутых ее тропах, ни капризы самой богини, со снисходительной ухмылкой посматривающей на карабкающихся у подножия ее храма смельчаков, ни грозы и бури. И тех, кто все-таки доберется до вершины, к храму, благословит сама Иштар, которая тоже иногда бывает серьезной и справедливой.

1

Часть

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ВРЕМЕНИ

1. Каменный век в истории человечества

Итак, в вводной части мы пришли к выводу о том, что карачаевцы и балкарцы являются прямыми потомками асов и алан, а также, естественно, и ассимилированных ими автохтонных северокавказских племен, названия которых, к сожалению, история не сохранила.

В таком случае возникает естественный интерес к древней истории асов и алан, а также и к истории аборигенных кавказских племен. Иначе говоря, хочется знать о самых древних корнях нашего народа.

Что и говорить, Кавказ является одним из благодатнейших уголков нашей планеты, и люди начали селиться здесь в самые древние времена.

Но прежде чем начинать разговор о племенах Северного Кавказа и степей Предкавказья, которые мы вправе считать самыми ранними предками карачаевцев и балкарцев, наверное, следует сделать краткий обзор эпохи становления человека — эпохи каменного века, который длился многие сотни тысяч лет и заканчивается IV тысячелетием до н. э.

Конечно, нет никакой необходимости подробного изложения истории начального периода становления человека. Это длительная, растянувшаяся, как мы отметили, на сотни тысяч лет, история перехода от неандертальца — первочеловека, появившегося, как показали новейшие данные археологии, более двух миллионов лет назад, — до появления человека современного. В науке человек современный называется хомо сапиенс, что значит человек разумный, человек мыслящий.

История людей разумных начинается примерно с XIII тысячелетия. Это как раз время, когда закончилось последнее, самое мощное оледенение, и в мире установились примерно такие же, как и сегодня, погодные условия. Как показывают археологические находки на полосе от Атлантики до Урала, наши далекие предки с юга шли прямо по пятнам отступающих ледников, а кое-где селились и прямо у все еще не полностью растаявших ледяных гор.

Ученые предполагают, что одним из мест, откуда вслед за отступающим ледником люди продвигались на север и запад, как раз и являются Южноуральские степи, откуда, как мы увидим позже, спустя ровно 9 тысяч лет, вновь устремятся во все стороны света любознательные и воинственные племена, повсюду вызывая невиданное доселе в этих местах бурное развитие.

Из школьной программы истории все знают, что человек в начале своего развития пользовался для охоты и собирания плодов примитивными орудиями труда — камнями (отсюда и название времени — «каменный век») и палками. К концу древнекаменного века — палеолита — человек уже умел добывать огонь, сам изготовлял необходимые ему каменные орудия — рубила, тесла, ножи, шила.

Итак, результаты жизнедеятельности человека древнекаменного века — это:

1. Умение добывать огонь;
2. Умение изготавливать из камня и костей животных примитивные орудия труда;
3. Окончательное физиологическое оформление человека разумного — homo sapiens.

Следующий этап в развитии человека — это новокаменный век. Он делится на два периода: мезолит — время перехода от древнекаменного века к собственно новокаменному веку — неолиту, т.е. ко времени изготовления человеком самых совершенных видов орудий из камней — шлифованных. Время господства мезолита и неолита — это, в сущности, время первоначального развития уже человека современного. Фактически это и есть начало развития современной цивилизации в истории человечества.

В этот первоначальный период своего развития с XIII тысячелетия до IV тысячелетия — человек разумный совершил невероятный скачок как в производстве материальных благ, так и в устройстве общественной жизни.

Главными достижениями человечества в мезолите следует считать изобретение лука и стрел. Изобретение лука и стрел на самом деле уже означало, что человек начал пользоваться для улучшения своего жизненного положения плодами своего главного преимущества перед животным миром — своим разумом. Лук и стрела — это уже настоящий механизм, который удесятерил возможности человека добывать себе пищу. А это свидетельство значительного улучшения тяжелого быта древнего человека.

Собственно новокаменный век — неолит — начинается примерно с V тысячелетия до н. э. и продолжается фактически короткое время, если иметь в виду, как медленно, многими тысячелетиями длились первоначальные этапы развития человечества — до второй половины IV тысячелетия.

С этого времени — со второй половины IV тысячелетия — уже начинается последний этап в древней истории человека — время перехода к широкому использованию в жизни металла и перехода к высшей форме в общественном развитии — к государственному устройству.

Неолит — это в первую очередь новые прогрессивные изменения в материальной культуре и в общественных отношениях древних людей. Люди, постепенно совершенствуя способы изготовления необходимых для жизнедеятельности орудий из камня, уже начинают придавать им не только нужную форму, но и совершенствуют их посредством шлифовки. Окончательная отделка каменных орудий шлифовкой — самая характерная черта новокаменного века. Наряду с этим в неолите человек впервые начинает сверлить и пилить камни.

Пользуясь новыми методами изготовления необходимых для себя орудий, человек времени неолита уже готовит из камня подобие современных тяпок для рыхления почвы, а также разнообразные ступки, зернотерки, молоты, топоры.

Совершенствуются лук и стрелы. Быстро распространяются новые, гораздо более легкие и острые, чем раньше, наконечники для стрел.

Большое значение для развития материальной культуры имело изобретение формовки и обжига глиняной посуды, что дало возможность ускорить приготовление пищи, а также улучшить возможности ее хранения.

Все эти достижения в области материальной культуры облегчили жизнь и быт древних людей.

Важнейшим шагом в развитии человека был его переход от охоты и рыбной ловли, от собирания дикорастущих плодов и зерна к приручению животных и скотоводству, к выращиванию зерновых культур. То есть от простой охоты и собирательства к скотоводству и земледелию.

Люди новокаменного века были прекрасными знатоками окружающего их мира, хорошими охотниками и искателями полезных растений. Они научились выделывать нити из волокон льна, крапивы и других подобных растений, полотно для одежды, а также шить из кожи шубы, покрывала, мешки, обувь и другие нужные вещи.

Но тяжелая и опасная жизнь охотников времени неолита почти целиком была посвящена добыванию пищи и созданию более или менее сносных условий жизни. Ведь часто случались такие стихийные катастрофы, как ураганы, засухи, наводнения, нашествия хищников, а также эпидемии всяких болезней.

Возникновение земледелия и скотоводства явилось мощным стимулом не только в материальном, но и в общественном развитии человечества.

Борьба за лучшую жизнь первых земледельцев была нелегкой. Ведь тогда еще не было ничего металлического, и землю приходилось рыхлить палками, на концы которых прикрепляли острые камни, и стебли созревших зерновых, колос за колосом, приходилось срезать каменными серповидными ножами. И, наконец, собранное зерно, перед приготовлением пищи надо было растереть в крупу на примитивной зернотерке, чтобы легче сварить. Но все равно это было и выгоднее, и быстрее, чем если бы искать день-деньской вдали от стоянки общин под жарким солнцем заросли дикого ячменя или проса.

Одновременно с развитием земледелия началось и одомашнивание диких животных и, как следствие этого, — скотоводство. Первыми были одомашнены собака (еще в палеолите), свинья, овца, коза и корова, а уже потом, уже в бронзовом веке — лошадь и верблюд.

Где же и когда именно человек стал приручать диких животных — на этот вопрос не так-то легко ответить. Но археологи говорят, что одомашненные коровы, козы, овцы и свиньи имелись в Египте уже на рубеже

VI–V тысячелетий, в Передней и Средней Азии, Индии – в V тысячелетии до н. э.

Первые земледельцы сначала использовали мясо, шкуру и шерсть домашних животных, и только потом и их молоко.

Развитие земледелия и скотоводства, улучшив условия жизни человека, способствовало быстрому росту населения. Люди, уверенные в будущем, более энергично осваивали новые земли, все более и более совершенствуя методы земледелия и скотоводства.

Так как земледелие и скотоводство были несравненно более тяжелыми видами работ, чем простое собирательство, охота и ловля рыбы, то главную роль в жизни общины начинает играть мужчина.

Новый скачок в хозяйственной жизни неизбежно повлек за собой и изменения в общественных отношениях внутри родовой общины. Теперь основное богатство семьи – скот – переходит от отца к сыну, приумножаясь от поколения к поколению. Роль женщины отодвигается на второй план: в то время, когда мужчина, рискуя жизнью, постоянно ожидая нападения то хищников, то врагов из соседнего племени, пасет и разводит скот, женщина теперь только доит животных и шьет из их шкур одежду.

Вот почему развитие скотоводства и земледелия является первым признаком перехода людей того или иного племени, общности от матриархата к патриархату.

Наиболее важными достижениями развития человека в каменном веке следует признать:

1. Умение разводить огонь;
2. Изготовление из камня и кости необходимых для охоты и домашнего хозяйства вещей;
3. Изобретение лука и стрелы;
4. Переход от примитивного добывания пищи и одежды (охота, рыболовство, собирательство) к более прогрессивному – производящему способу хозяйства – к земледелию и скотоводству;
5. Переход в общественной жизни от матриархата к патриархату, где главной первичной ячейкой рода становится парная патриархальная семья;
6. Сложение необходимых условий для перехода человечества к высшей форме общественной жизни – к созданию государства.

2. Племена Кавказа и Степи в неолите (IV тысячелетие до н.э.)

Как и во многих местах мира, где обитали племена первобытного человека, в IV тысячелетии племена Северного Кавказа и Великой Степи, помимо охоты и собирательства, тоже уже занимались и земледелием,

и скотоводством. Сразу же следует отметить, что для племен Кавказа главным занятием было земледелие, а вот для племен Степи – в основном скотоводство и охота, а земледелие и собирательство имели не столь большое значение, как скотоводство.

К этому же времени, примерно ко второй половине IV тысячелетия, относятся и первые контакты скотоводческих племен Степей и Кавказа, наших прямых древних предков.

Племена скотоводов степей Волги и Урала, пришедших в Предкавказские равнины, известны в науке как племена Курганной (или Древнеямной) культуры. Такое название они получили по способу захоронения своих умерших сородичей. Люди Курганной культуры хоронили мертвых в глубоких просторных ямах, яму накрывали бревнами и над могилой насыпали курган.

Где и когда зародилась эта культурно-историческая общность людей, которая, как мы теперь знаем, называется Курганной? Ведь именно эта культура и явилась позже колыбелью всех асских (скифских) народов, впоследствии расселившихся далеко на запад и север, на юг и восток.

Археологическими исследованиями установлено, что курганы впервые появились в степях между Волгой и Уралом в начале IV тысячелетия до н.э. Но уже к середине этого же тысячелетия курганы появляются уже в степях Казахстана и на Алтае, на Дону и в Приднестровье, на Средней Волге и на Северном Кавказе, в Закавказье и в Передней Азии. Проходили сотни, тысячи лет, но на всей этой огромной территории – от Днепра до Алтая, от Средней Волги до Кавказских гор сохранялась преемственность культуры, которая в своем расцвете известна миру как Скифская культура. Так как история знает только один язык, на разных наречиях которого говорили и говорят люди этих степей – тюркский – то резонно предположить, что строители первых курганов тоже говорили на тюркском языке. Конечно же, они говорили на своем языке, но так как первым широкоизвестным асским наречием, приобретшем письмо, был язык древних тюрков, то и их язык стал называться тюркским. И все асские языки – тоже тюркскими. А так, конечно же, предки асов «курганники» (древнеямники) – говорили, наверное, на асском языке. Люди древней Курганной культуры, пользуясь термином Льва Николаевича Гумилева, наверное, были людьми пассионарными. То есть, как люди новой общности, а говоря сегодняшним языком, новой молодой нации, несли в себе большую жизненную энергию. Они, скорее всего, были не только умелыми скотоводами, но и сильными, храбрыми воинами. Этим и объясняется то, что в большей части земель, куда ступала их нога, они и их язык, их культура выходили победителями. И даже оттуда, из далеких миров, от которых нас отделяют тысячи лет и большие расстояния, где асы давным-давно затерялись в среде других народов, доходит до нас свет родного асского языка. Так, к примеру, расшифровав шумерские глиняные таблички, ученые пришли к унынию, не найдя среди известных

им языков какой-либо, с которым имел бы хоть отдаленное родство язык шумеров – этих первопроходцев человеческой цивилизации. Каково же было их удивленное возмущение, когда известный казахский поэт Олжас Сулейменов в своей книге «Аз и я» привел неопровержимые доказательства достаточно близкого родства шумерского с тюркскими языками. «Как, – возмущались они, – претендовать на родство с шумерами, которые заложили фундамент сегодняшней мировой цивилизации? Это же шарлатанство!».

Сегодня уже определенно можно сказать – да, шумерский язык был ассским или же родился под сильным влиянием ассского. Так как многие корневые слова главных понятий, таких, как отец, мать, предки, огонь, колесо, мало, я, высокий и т.д. в шумерском и балкарском языках практически совпадают.

А на евразийском пространстве асы неизменно выходили победителями там, где появлялись. В результате к началу нашей эры ассские народы занимали все пространство степей от Енисея и Алтая до Дона и Днепра...

Итак, природной колыбелью всех ассских племен являются Приуральские степи, степи к востоку от Волги, а этническим их паспортом, по словам И.М. Мизиева, – курганы. И называются они в исторической науке «скотоводческими племенами Курганной культуры».

А раз так, раз генетические корни карачаевцев и балкарцев начинаются в IV тысячелетии, когда степняки-курганники приходят в Предкавказские степи, то, разумеется, следует стремиться знать о них все, что возможно. К сожалению, наши далекие предки в то время не знали что такое письменность, она была доступна только шумерам и египтянам. А потому каких-либо письменных документов о том времени, конечно, нет. Но археология – это тоже своеобразное письмо, которое с помощью остатков построек, захоронений, сохранившихся вещей из домашней утвари, различных видов орудий и оружия может нам поведать довольно подробный рассказ о жизни и быте людей, живших в прошлых веках.

Археологи говорят, что люди племен Древнекурганной культуры, которые во второй половине IV тысячелетия стали поселяться в Предкавказских степях, жили родовыми общинами. Хотя у них и было хорошо развито скотоводство, что является первым признаком перехода общества от матриархата к патриархату, но, видимо, имущественное расслоение в среде самой общины еще только начиналось. Об этом свидетельствует бедность инвентаря в захоронениях. Это в основном разные кремневые пластинки, служившие, видно, ножами и теслами, изделия из костей животных и т.д. Лишь позднее, когда родовые старейшины и вожди племен разбогатели и превратились практически в царьков, в курганы, в которых их хоронили, стали класть золотые и серебряные изделия, богато отделанное оружие.

Отметим особые, только им присущие, признаки племен скотоводов и охотников Древнекурганной культуры.

Во-первых, это способ захоронения умерших. Могильная яма копается глубокой, четырехугольной. Стенки ямы обкладываются деревянными плахами. Дно устилают камнями, соломой, или же грубой тканью, войлоком. Труп – на спине, ноги подогнуты. Дно погребальной ямы и тело самого покойного обильно посыпаны красной охрой или суриком. Красный цвет – цвет огня, цвет жизни. Люди верили, что их сородич лишь переходит в иной мир. Яму перекрывали накатом бревен, застилали сучьями, камышом, чтобы не просыпалась земля, и на нем возводили курган. Курган в степи помогает людям, часто меняющим стоянку, не забыть место захоронения своего родича.

Люди племен Древнекурганной культуры были не только скотоводами, но и хорошими охотниками. Об этом свидетельствуют находки костей диких животных в местах стоянок и поселений «курганников».

В отличие от степных племен скотоводов, в VI тысячелетии племена гор и долин Северного Кавказа занимались как скотоводством, охотой, так и земледелием. Вообще, ученые считают, что племена Кавказа стали окультуривать зерновые растения уже в раннее время.

На Кавказе известно довольно большое количество стоянок человека и захоронений, относящихся к каменному веку. Но мы подробно остановимся лишь на памятниках, находившихся на территории Кабардино-Балкарии, наиболее типичных для времен новокаменного века.

Это в первую очередь известное в науке Агубековское поселение, раскопанное в 1929 году директором Краеведческого музея М. Н. Ермоленко. Агубековское поселение располагалось в нескольких километрах от Нальчика на запад на берегу, видно, реки, к настоящему времени уже высохшему. Люди Агубековского поселения строили себе жилища практически так же, как строили свои жилища совсем недавно – до войны 1941–45 годов – балкарцы и карачаевцы, живущие в низине, не в горах: стены плели из прутьев и обмазывали глиной. Агубековцы уже умели изготавливать глиняную посуду, но эта посуда грубой формы, видно, ручной работы. Как отмечают специалисты, фрагменты керамики, найденные на Агубековском поселении, являются осколками глиняной посуды, которую изготавливали сами местные мастера, так как посуда изготовлена из низкокачественной местной глины. Разнообразные каменные орудия, найденные при раскопке Агубековского поселения, говорят о том, что жители предгорных равнин Северного Кавказа этого времени – вторая половина IV тысячелетия – разводили овец, коз и свиней.

Недалеко от Агубековского поселения располагался другой памятник археологии, который специалисты относят тоже ко второй половине IV тысячелетия, названный в науке Нальчикским могильником. Раскопки на Нальчикском могильнике вели такие известные ученые, как А. П. Крутов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгорецкий из института археологии, а были завершены в 1930 году. Было раскопано 121 погребение. Они располагались небольшими группами, по несколько могил в каждой. Ученые счи-

тают, это говорит о том, что каждая, если говорить по-нашему, фамилия в роду имела на кладбище свой участок земли. Этот обычай, между прочим, дошел и до наших дней. Нальчикский могильник известен еще и тем, что там впервые появляются признаки проникновения в предгорные районы Северного Кавказа и оседания там степняков-кочевников: 12 погребенных лежали на спине с подогнутыми ногами, дно ямы было усыпано красной охрой. Остальные погребенные лежали на боку, мужчины – на правом, женщины – на левом. Исследователи отметили такую любопытную деталь – чем древнее оказывалась могила, тем больше в ней было охры. Отсюда можно сделать вывод: степняки-кочевники, поселившиеся рядом с местными горцами, постепенно были «поглощены» – ассимилированы горцами. Удивительный факт! Ведь обычно побеждают пришельцы и навязывают местным жителям свой язык, и свои обычаи, и свою культуру. А тут – все наоборот. Видно, здесь имеет место случай, когда небольшая группа людей-пришельцев постепенно осваивает язык и культуру аборигенов. Но, как бы то ни было, археологический материал Нальчикского могильника подтверждает – уже во второй половине IV тысячелетия скотоводы-кочевники начинают проникать в степи Предкавказья.

Следует отметить, что почти в это же время скотоводы-кочевники доходят в западном направлении до Дона и Днепра. На поздних захоронениях Мариупольского могильника уже появляются скелеты на спине, с подогнутыми ногами, посыпанные красной охрой.

Хотя инвентарь Агубековского поселения и Нальчикского могильника беден и состоит в основном из орудий поздней эпохи каменного века (неолита) – то есть из разнообразных кремневых и костяных предметов, где нет вещей, которые с уверенностью можно было бы назвать зернотерками, но все-таки есть авторитетное мнение крупных ученых о том, что племена Кавказа уже в древнее время (не позже IV тысячелетия) выращивали пшеницу, ячмень, рожь, овес и просо.

Итак, к концу IV тысячелетия племена Северного Кавказа и степей к северу, как и многие другие племена сопредельных территорий, успешно овладели новыми прогрессивными способами обеспечения своей жизни и деятельности. Это прежде всего определяется тем, что люди этого нового времени, не в пример своим древним предкам, которые из поколения в поколение, из века в век (вернее – из тысячелетия в тысячелетие) жили, практически не внося в свой быт ничего существенно нового, лишь собирая плоды и зерна диких растений, ловя рыбу и охотясь на животных, стали решительно менять свой быт и способы добывания пищи. Единственные случаи приручения животных, конечно же, бывали во все времена, но только люди IV тысячелетия до н. э. одомашнили многих животных и занялись по-настоящему скотоводством, то есть целенаправленно разводили скот, чтобы постоянно иметь в своем жилище самые энергоемкие продукты питания – мясо и молоко. Люди этой же эпохи, эпохи

нового каменного века, совершили еще один подвиг – научились выращивать зерно и плоды.

Да, время нового каменного века было временем небывалого до селе прыжка человечества в безбрежный океан открытий и подвигов во имя лучшей и достойной жизни. Ведь история человечества насчитывает многие сотни тысяч лет и эти тысячи и тысячи лет проходили однообразно – всегда только камни да палки в руках, вечная беготня за дикими животными, вечные переходы в поисках зарослей дикой пшеницы или ржи. Тысячи и тысячи лет – одно и то же! А тут практически за одно только тысячелетие – и уже не надо гоняться за диким бараном или кабаном – в загоне возле хижины или же невдалеке на лугу есть и коровы, и овцы, и свиньи, подои – выпей молока, зарежь – съешь мясо! Да и кочевать с места на место в поисках зарослей пшеницы или проса, кустов винограда или же грушевых рощ совсем не обязательно – вон там, за хижинкой, в поле растет пшеница и рожь, выращенные на взрыхленной палками земле, только успевай сорняки вырывать!

В самом начале скотоводства и земледелия заложены необходимые условия для еще большего прогресса. Ведь сразу же возникает необходимость строить загоны для скота – а это уже поиски способов быстро резать деревья, копать землю для столбов. Первые же урожаи зерновых уже требуют каких-то способов хранения зерна и кто-то в сухих местах копает ямы, стенки обмазывает глиной (Передняя Азия), кто-то специально для этого изготавливает огромные кувшины из глины (Египет и Шумер), а кто-то из обработанных шкур овец и коз шьет специальные мешки (Кавказ).

И в любом случае и скотоводство, и земледелие сразу же стали двигателями человеческого прогресса, заставляя людей искать все новые и лучшие способы изготовления и хранения мясных и молочных продуктов, выращивания, хранения и переработки зерновых.

Неудивительно поэтому, что следующее тысячелетие – III до н. э. – стало для человечества эрой грандиозных открытий и огромных успехов как в материальной сфере, так и в духовной жизни.

3. Майкопская культура – союз Степи и Гор

(III тысячелетие до н. э.)

III тысячелетие в многовековой истории человечества поистине является «Золотым веком». Это время, когда накопившиеся многие тысячи лет знания дали возможность человечеству за один только короткий миг – всего лишь в одну тысячу лет – совершить такие открытия, которые потом, спустя всего лишь 5 тысяч лет, в самом конце II тысячелетия н. э., то есть в наше время, стали основой такого невиданного быстрого развития знаний и материального производства, что человеку удалось

познать устройство Вселенной, возводить дома в сотни этажей, строить корабли, которые на воде плывут быстрее рыбы, летают в воздухе быстрее птицы, а некоторые корабли людей теперь могут летать «аж до самого Солнца»! И все это благодаря подвигам наших предков, жившим в не таком уж далеком прошлом в Шумере и Египте, на Кавказе и на Пиренеях, в Китае и в Индии.

Итак, III тысячелетие — это стартовая площадка современной мировой цивилизации. Основанием этой своеобразной площадки сегодняшней мировой цивилизации, конечно же, являются легендарные Шумер и Египет, где впервые родилась высшая форма общественного устройства людей — государство. В этих же местах, сперва в Шумере, а потом и в Египте, зародилась письменность.

Такие грандиозные, судьбоносные для всего человечества события не могут, надо полагать, происходить на пустом месте, то есть, в Шумере и Египте были на высоком уровне и все стороны человеческой жизнедеятельности — прекрасно было организовано поливное земледелие, гончарное ремесло, металлургия, изготовление всяких орудий труда, строительство жилищ из сырцового кирпича и камыша, мореплавание и т. д.

Но не следует думать, что в те давние времена, когда не было, скажем, поездов и самолетов, пароходов и машин, люди разных народов и континентов жили в своих тростниковых или турлучных хижинах по берегам рек (Шумер, Египет, Кавказское предгорье), в пещерах (Передняя Азия, Северная Африка, горы Кавказа и Пиренеев) или в глинобитных огромных ящиках-домах, без окон и дверей, имея лишь отверстие в крыше — жилище неприступно для врага! (Палестина, Передняя Азия) — не видели друг друга и не общались. Вовсе нет! Люди в те времена, если исходить из имеющихся возможностей, общались даже гораздо лучше, чем мы сегодня.

Сегодня мы имеем возможность за один только день добраться до любого места на земле, где живут люди. Но мы мало пользуемся этой возможностью — ведь существует миллион преград: государственные границы, нехватка средств, политические мотивы, незнание языка, расовое неприятие и многие иные причины. А в те далекие времена, когда не было ни государств, ни государственных границ, как таковых, ни идеологических, ни многих иных причин, люди, и в особенности торговцы, видимо, без особого труда перемещались как к соседним племенам, так и в далекие земли. К тому же люди племен какой-либо культурно-исторической общности, скажем, Древнекурганной или Катакомбной, наверняка говорили на разных наречиях одного и того же языка.

И в данном случае вполне резонно предположить, что люди племен Курганной культуры, не ощущая языкового барьера, могли свободно продвигаться по всему ареалу распространения этой культуры. А это, как мы уже отмечали, довольно обширная территория — вся степная и лесостепная полоса от Днепра и до Северного Китая, от Волго-Камского меж-

дуречья до Шумера и Передней Азии. Да, да – археологический материал курганов времен Майкопской культуры – это первая половина III тысячелетия – однозначно говорит о несомненных и довольно обширных связях майкопских племен с культурой племен Передней Азии и Междуречья, и в особенности Шумера.

Знаменитый Майкопский курган – это, в сущности, как бы специально созданный нашими предками для своих потомков музей, где они наглядно постарались и показать, и рассказать о себе все.

Сначала, наверное, следует рассказать немного о самом кургане. Курган раскопан Н.И. Веселовским в 1867 году. Высота кургана была около 11 метров, находился он в центре Майкопа. Основание кургана было обложено камнями. Отметим, что это новшество, которое внесено, конечно же, горцами Кавказа в обряд захоронения степняков-курганников.

Во-первых, огромные размеры погребальной ямы, которая была разделена на две равные части – на северную и южную. Северная часть, в свою очередь, тоже была разделена на две равные части. В южной камере ямы был захоронен мужчина, в двух других – женщины. Все они лежали на боку в скорченном положении и были обильно посыпаны красной суриковой пылью.

Погребенный мужчина был буквально усеян золотыми и серебряными украшениями. Одних только золотых пластинок, на которых были изображены львы и быки, – 87 штук, кроме того, – 10 двойных пятилепестковых розеток, ожерелье, где бусы были изготовлены из золота, серебра и драгоценных камней – сердолика, лазурита, морской пены и бирюзы. На голове мужчины была коническая тиара с золотыми обручами, украшенными цветками из золотых лепестков. Перед скелетом мужчины на полу лежали шесть серебряных стержней по одному метру длиной, на концы некоторых из них были насажены довольно массивные статуэтки быков. Два из них были золотыми, два – серебряными. Вдоль стен могилы стояло множество разнообразных сосудов, два из них золотые, один каменный с золотой крышкой, 14 серебряных, два из них с золотыми украшениями.

На одном из серебряных сосудов способом чеканки изображен вид Кавказских гор с двугорбными вершинами Эльбруса и Казбека. С гор стекают две большие реки, впадающие в море. Поскольку на рисунке изображение Эльбруса находится слева, так, как и видно его, когда смотришь на горы с юга, следовательно, эти две реки, изображенные на сосуде, скорее всего Ефрат и Тигр, матери-кормилицы Шумера, откуда, без сомнения, были привезены почти все драгоценные вещи из могилы.

В камерах, где были похоронены женщины, были найдены: золотые кольца, золотые и сердоликовые бусы, большой глиняный сосуд, два медных котла, ведро и плошка.

Давайте теперь внимательно «выслушаем» все, что нам «хотели рассказать» наши предки, когда они хоронили своего богатого сородича.

Во-первых, размеры могилы и богатство инвентаря кургана говорят о том, что времена, когда и рядовые общинники, и старейшины, и даже вожди племен практически жили почти что одинаково: вместе охотились, вместе расчищали участки для посева зерновых, когда старейшины как бы являлись отцами большой семьи, где все были друг другу родными и близкими, — давным-давно скрылись в тумане веков. Настали другие времена, и сами люди стали иными — они теперь все больше и больше думали о себе и о благополучии собственной семьи, чем о делах и благополучии всего рода. И даже родовые старейшины и вожди племен заставляют своих сородичей работать на себя, берут себе слишком уж большую долю из военной добычи и т. д.

Но, как говорится, нет худа без добра! Именно стремление людей к большему благополучию, иметь больше, чем другие, является мощным стимулом общественного прогресса!..

Так вот, в Майкопском кургане похоронен не простой человек, живший 4,5 тысячи лет тому назад, а всемогущий, богатый, уважаемый всеми сородичами (попробуй не уважь!) вождь племени или даже союза племен. Он был не просто богат, а сказочно богат. Крез Северного Кавказа, можно сказать. А это уже говорит о том, что племена Северного Кавказа в своем общественном развитии продвинулись далеко вперед. Родовые старейшины и вожди племен теперь уже не просто первые среди равных, как это было раньше. Они уже присвоили себе многие права родового совета и совета старейшин, стали богатыми и уважаемыми, постоянно и бесцеремонно присваивая себе хорошую долю труда своих сородичей. По уровню своего развития люди Северного Кавказа уже вплотную приблизились к тому, чтобы начинать переходить к высшей форме общественного развития. Но, видимо, имелись многие причины, которые не способствовали этому. Одной из таких причин, на наш взгляд, следует считать благо, дарованное нашим далеким предкам небом, того блага, которого сегодня так не хватает нашим народам, — изобилие земли. Посмотрите на те земли, где в своем развитии человечество вырвалось вперед, и вы увидите, что это в одном и в другом случае — в Шумере и в Египте — происходило именно там, где было мало земли, пригодной для ведения хозяйства: узкие полоски по берегам рек. Вот и приходилось изощряться древним шумерам и египтянам, чтобы хотя бы на этих маленьких клочках земли вырастить достаточное количество зерна, чтобы прокормить самих себя. Им приходилось строить дамбы и оросительные системы, улучшать сорта зерновых, строить дома на сваях, чтобы во время разлива рек хижинны не уносило водой. А для того, чтобы все это делать умело и прочно, были нужны знания, навыки и огромное трудолюбие. Нехватка земли, трудные природные условия — это тоже двигатели общественного прогресса!..

Во-вторых, сама насыпка кургана над могилой и красная краска, которой окрашены места захоронений, а также скорченность скелетов —

это верный признак того, что в кургане был похоронен вождь племени, где соблюдались основные обычаи степняков-курганников. Но в то же время положение костяков — на боку — говорит о том, что люди, хоронившие здесь своего предводителя, соблюдали и погребальные обычаи горцев — помните: на Нальчикском могильнике, где большинство умерших были похоронены по горскому обычаю — они лежали на боку, не были посыпаны суриком.

Это говорит о том, что люди Майкопской культуры уже не были ни степняками, ни горцами, а были, если образно выразиться, детьми гор и степей. Именно в результате совместной жизни степняков и горцев в течении почти десяти веков сложилась культурно-историческая общность людей на Северном Кавказе — Майкопская культура.

В-третьих, богатый инвентарь могильника, почти целиком соответствующий предметам, которые находили в Шумере и Передней Азии, говорит о том, что майкопские племена поддерживали довольно устойчивые и глубокие связи с жителями Двуречья и Передней Азии. К примеру, говоря о золотых цветах на обручах тиары из Майкопского кургана, археолог Исмаил Мизиев отмечает, что «и по рисунку, и по технике исполнения эти цветы совершенно аналогичны украшениям короны царицы Шубад и знатных женщин из могилы «74 скелетов» царского некрополя I династии Ура в Месопотамии (XXI век до н. э.)».

А стиль исполнения золотых быков — набалдашников на серебряных стойках «так же ближе всего стоит к шумерским скульптурам середины III тыс. до н. э. Поразительно схож с этими скульптурами медный бык, найденный в одной из древнейших могил Аладжа Эйюка (Центральная Турция), датируемой XIV—XXI веками до н. э.». Помните еще и то, что на одном из серебряных сосудов была изображена цепь гор Кавказа с Эльбрусом слева, то есть вид Кавказа с юга, со стороны Шумера?

Все это говорит о прочных торговых отношениях между Двуречьем, Передней Азией и Северным Кавказом. Если не больше. А если больше, то это значит, что люди древней Курганной культуры расселялись на завоеванных землях и не забывали поддерживать друг с другом связь, вели оживленную торговлю и обмен. К тому же надо помнить, что быстрое развитие Шумера начинается именно со второй половины IV тысячелетия до н. э., то есть с того самого времени, когда начинается расцвет Майкопской культуры, когда на Кавказе, в Передней Азии и в Междуречье начинают появляться курганы. И еще — вещи из Шумера и Передней Азии находят почти повсюду в ареале распространения Древнекурганной и родственных ей культур в лесостепной полосе и в степях Казахстана и Приазовья. А из этого следует, что Северный Кавказ становится как бы перевальным пунктом, связывающим древние цивилизации Передней Азии со степными племенами Евразии.

Наряду с такими же захоронениями, как Майкопский курган, где имеется богатый инвентарь из золотых, серебряных вещей, а также бус и

украшений из драгоценных камней, в пределах распространения племен Майкопской культуры имеется и большое количество небольших курганов, где инвентарь по-прежнему остается бедным. Это значит, что, несмотря на богатство и блеск племенных вождей, рядовые общинники жили бедно, и их сородичи, отправляя родственника в дальнюю дорогу «в мир отцов», не были способны снабдить его необходимыми «в пути» вещами и продуктами.

Так как степняки-скотоводы не ассимилировались среди горцев (скорее всего, из-за малочисленности последних, так как история знает довольно много случаев, когда победители, коли они были в меньшинстве, быстро ассимилировались среди побежденных и растворялись среди них — булгары в Болгарии, татаро-монголы в Золотой Орде, в Китае и в Индии, русские на Руси и т.д.), а скорее всего, видимо, горцы были ассимилированы степняками, то, естественно, основой хозяйства и племен Майкопской культуры тоже оставалось скотоводство. Разводили крупный рогатый скот. В это же время, скорее всего, была приручена лошадь, и в этом случае скотоводство и торговля, связи с соседними племенами, естественно, должны были резко прогрессировать.

Одним из выдающихся успехов в развитии хозяйственной жизни майкопцев было быстрое развитие металлургии и металлообработки. Особенно известны среди историков и археологов огромные бронзовые котлы майкопцев.

Между прочим, следует отметить, что бронзовые котлы с Северного Кавказа являются самыми ранними бронзовыми сосудами, найденными на территории России. Кроме котлов, изготавливались также разнообразные орудия труда: ножи, топоры, тесла и т. п.

Говорить об общественной мысли и религии людей, живших 4–5 тысяч лет назад, коль о тех временах нет никаких письменных источников, конечно же, трудно. Но, если учесть, что в ранние периоды своего развития практически все народы мира верят в магические силы небесных светил — Солнца, Луны, Венеры, Марса, других планет и звезд, то естественно предположить, что и степняки-скотоводы и горцы — охотники, скотоводы и земледельцы, а потом и их дети, «майкопцы» тоже верили в сверхъестественные силы небесных светил. Мифы древних, связанные с Солнцем, называются солярными мифами, связанные вообще со звездами и планетами — астральными (от «астер» — звезда).

На заре человечества наибольшее распространение получили солярные мифы, в основе которых Солнце — Небесный покровитель, Небесный отец, Прародитель — всемогущий и бессмертный.

Учитывая, что впоследствии на всем пространстве степей от Днепра до Алтая еще задолго до нашей эры практически все народы будут исповедывать Тенгрианскую религию, где единым верховным богом является Тенгри (Тангри, Тейри), олицетворяющий Солнце, можно предположить, что степняки-скотоводы являлись, как и их потомки асы (скифы), солнцепоклонниками.

Дети Солнца – так во всех концах света гордо называли себя солнце-поклонники.

Красная краска на умерших, эта же краска на дне могилы говорит о том, что люди верили в очистительную силу огня как частицы Солнца (красный огонь – красная краска). Круг из камней вокруг кургана (знак Солнца), видно, означает, что под этим курганом покоится сын Солнца. Люди нисколько не сомневались в том, что умершие просто переходили в иной мир – в мир предков, потому-то и «давали» им все, что необходимо было в пути, пока они не доберутся до мира предков за «седьмым горизонтом» или на «седьмом небе»: оружие, одежду, пищу и всякую утварь, а в последний, в асский период – уже и коня в полном снаряжении и даже нескольких слуг. А в Китае, скажем, вместе с императором могло отправиться и целое войско, пусть и глиняное, но все воины – в полный рост!

4. Время Северокавказской культуры – эпоха развитой бронзы (II тысячелетие до н. э.)

Следующий важный этап в развитии как всего человеческого сообщества, так и интересующих нас племен Северного Кавказа и степей Предкавказья – это эпоха развитой бронзы, которая приходится условно, конечно, на II тысячелетие до н. э.

Если важнейшими достижениями человечества в III тысячелетии до н. э. мы посчитали переход многих племен известного тогда мира от охотничье-собираательского и рыболовческого хозяйства к производящему хозяйству – к скотоводству и земледелию, изобретение письма и создание государства – высшей формы общественного развития, то наши предки, жившие во II тысячелетии до н.э. добились как в материальном производстве, в совершенствовании техники, так и в развитии общественных отношений, накоплении знаний новых успехов.

Важнейшими достижениями людей этого времени следует считать широкое, почти повсеместное введение в обиход бронзы и использование лошади как для верховой езды, так и для перевозки грузов. И то, и другое новшество быстро распространились среди всех известных тогда племен, и ученым сейчас довольно трудно точно установить, где впервые выплавляли медь, бронзу или железо, где впервые приручили и оседлали лошадь. Во всяком случае можно сказать, что к концу III тысячелетия до н. э. в Шумере уже сплавляли медь с иранским оловом, но ведь к этому времени бронза стала появляться и в других местах. Некоторые ученые предполагают, что лошадь впервые была приручена скотоводами-степняками севера Средней Азии, что, вероятнее всего, и соответствует истине. Оттуда лошадь проникает в Иранское нагорье и далее в Переднюю Азию и Египет, а так же, естественно, быстро распространя-

ется по Евразийской степи. Вскоре было изобретено и более легкое колесо со спицами (раньше использовались тяжелые сплошные колеса, спиленные с цельного толстого бревна или же сложенные из нескольких плах, скрепленных между собой), и тогда лошадь стала широко применяться в упряжках боевых колесниц в Передней Азии и Египте.

Конечно, появление лошади на территориях развитого земледелия в первую очередь способствовало перевороту в военной технике, но наряду с этим значительно улучшалась связь между регионами уже существующих стран или между различными, отдаленными друг от друга племенами.

Но особо важное значение приручение лошади имело, разумеется, для степняков-скотоводов, сделав их подвижными. Многие скотоводческие племена вскоре стали вести кочевой образ жизни с отгоном скота на дальние летние пастбища в предгорья или горы. Это ускорило развитие скотоводства. С началом массового применения лошади стали возможными быстрые передвижения большого количества людей, а при необходимости – целых родов и племен на большие расстояния. Это и явилось началом многовекового противостояния скотоводов-кочевников и оседлых земледельцев и ремесленников. Как известно, наибольших успехов в развитии цивилизации достигли именно земледельческие племена Двуречья, Передней Азии и Египта, где впервые на земле появились ирригационные сооружения, керамика, письменность, государства, металлургия и металлообработка и многое другое, что способствовало всеобщему прогрессу человечества. И именно в местах развитого земледелия впервые началось разделение общины и рода на простых и бедных, на богатых и уважаемых, впервые в руках старейшин родов и вождей племен стали накапливаться огромные по тем временам богатства в виде золота, серебра, скота и зерна, драгоценных камней и вещей.

И по мере того, как богатела верхушка земледельческих племен и государств, все чаще и чаще стали совершать на них набеги степняки-скотоводы. А со второй половины II тысячелетия до н.э., со времени начала массового использования лошади для верховой езды, набеги кочевников на территории оседлых племен стали практически непрерывными. И в скором времени эти набеги заметно повлияют на судьбы многих стран и народов.

В результате быстрого развития скотоводства еще на рубеже II тысячелетия на всем пространстве евразийского континента от Пиренеев до Енисея стали возможны большие перемены в жизни живших здесь племен. В итоге накопления богатств в руках старейшин, вождей и отдельных «уважаемых» семейств усилилось имущественное расслоение общины, все чаще стали возникать межродовые и межплеменные конфликты из-за пастбищ и водоемов. Война с соседними племенами с целью обогащения становится обычным делом. В течении всего II тысячелетия продолжали развиваться патриархально-родовые отношения, что

выражалось в дальнейшем укреплении господствующего положения мужчин как в семье, так и в роду. Этому способствовало, как уже отмечено, развитие скотоводства, металлургии и металлообработки, ставших экономической основой развития всего хозяйства, где практически занимались мужчины.

Родовые общины, во главе которых стояли старейшины – главы «стучших» патриархальных семей, были объединены в это время в племена, которые занимали довольно обширные пространства, границы между племенами проходили по рекам, горам или другим естественным преградам, или же земли племен разделялись между собой болотами, лесами. Все жизненно важные вопросы рассматривались на общем собрании мужчин-соплеменников. Но с течением времени, и в особенности когда племена стали объединяться в союзы племен, такие собрания стали созываться все реже и реже. Их место заняли советы старейшин и военных предводителей. Имущественное расслоение способствовало усилению родовой и племенной знати и ее обособлению от массы общинников. Постепенно в руках знати оказываются и богатство, и власть.

Теперь, после такого общего обзора того, что происходило в мире в эпоху развитой бронзы во втором тысячелетии до н.э., попытаемся также установить как жили и чего достигли люди племен Северного Кавказа и степей Предкавказья, которых мы вправе считать своими далекими предками.

Мы считаем время веками и тысячелетиями, хотя прекрасно знаем, что время непрерывно и неделимо. Мы все совсем недавно перешли из одного тысячелетия в другое. Но, если говорить *хоть* просто по-человечески, *хоть* и с позиции науки и высшей философии – все это лишь условно. Потому что время бесконечно и непрерывно. По крайней мере, для нас, для нашего мира.

Так что, хотя мы и говорим «до нашей эры», «в эпоху Возрождения», «в XIX веке» и т. д., на самом-то деле время, не дробясь, течет себе и течет. И потому говорить о том, что люди II тысячелетия до н. э., о которых мы сейчас ведем речь, чем-то особо отличались от людей III тысячелетия и даже от нас чисто физически – не приходится. Единственное, что нас отличает – так это только уровень наших знаний и результаты применения этих знаний в жизни. Вот и все. А потому мы можем, насколько не сомневаясь, сказать: «Люди племен Майкопской культуры жили, совсем не ведая о том, что они живут именно в эпоху Майкопской культуры, точно также не ведали и их потомки через несколько веков, что они живут в эпоху другой культуры – Северокавказской.»

Все это мы говорим потому, что жизнь и время идут своим чередом, и люди из поколения в поколение приобретают все больше и больше знаний, и как результат этого – все быстрее и лучше выполняются те или иные необходимые в жизни работы, находятся все новые и новые, более рациональные методы и способы добывания пищи, изготовления

необходимых орудий труда. А это, в свою очередь, способствует более ускоренному развитию человечества, совершенствованию и изменению общественных отношений.

По всей видимости, в течение всего III тысячелетия продвижение степных племен на территорию Северного Кавказа не только не ослабевало, но даже шло все с большим напором, поскольку племена так называемой Северокавказской культуры II тысячелетия до н.э. уже занимают почти весь Северный Кавказ. На северо-западе зона Дольменной культуры охватывала восточный берег Черного моря от современного Новороссийска до Сухуми и низовья Кубани по левому берегу. Как считают ученые, это наверняка были предки современных абхазо-адыгских народов. А на юго-востоке, ниже современной Махачкалы, жили горные племена, которые оставили оригинальные памятники типа Гинчи-Гатын-кала и Манасские катакомбные могильники.

Северокавказская культура — это прямое продолжение Майкопской культуры с некоторыми отличительными чертами. Это в первую очередь, как отмечают с удивлением ученые, — некая остановка, заторможенность развития общественных отношений. Об этом говорит тот факт, что во втором тысячелетии уже никому таких почестей после смерти не воздавали, как тому вождю из Майкопского кургана. Нет больших курганов, их погребальный инвентарь заметно обеднел. Люди стали жить беднее? Были войны, какие-то катаклизмы?

Возможно, конечно, все. Но так как ареал степного влияния на Кавказе все время расширялся и уже к началу нового тысячелетия охватывал почти весь Северный Кавказ вплоть до подножий снежных гор, можно предположить и иное.

Могло произойти и следующее. Первые поселенцы-степняки, осевшие в Предкавказских степях, благодаря прекрасным климатическим условиям для ведения скотоводства (основной род занятий для них), за относительно короткое время — в пять-шесть веков (надо помнить, что эти земли все-таки и завоевывать надо, и осваивать!) сумели сказочно разбогатеть. Но богатство, как мы знаем, имеет привычку скапливаться в немногих руках — старейшин и вождей, предводителей боевых дружин, и, в конце концов, в руках как трудолюбивых и бережливых, так и в руках *воров и хапуз всех мастей*. Сегодня или 4–5 тысяч лет назад — это не имеет совершенно никакого значения. Так было, так, к сожалению, наверное, и будет всегда. Пока не настанет на земле «Золотой век», о чем мечтают люди всех времен и народов. Но это, видимо, будет не так уж скоро. Потому что люди земли еще долго-долго будут помнить, как на территории Российской империи в XX веке мечтатели хотели построить «Золотой век», называемый ими коммунизмом, но, разусердствовав, построили ад, где загубили миллионы и миллионы своих братьев и сестер.

Итак, первые поколения степняков, поселившихся на Предкавказских равнинах, быстро разбогатели, старейшины и вожди племен фактически

стали царьками. Из предыдущих материалов уже известно, что они не только в реальной жизни, но даже и в загробной буквально купались в золоте, серебре, имели, естественно, неисчислимые стада овец и другое богатство.

Конечно, о том, как сказочно разбогатели их соплеменники, ушедшие когда-то туда, к тем далеким сине-белым горам, которые, как рассказывают, расположены в дальних краях, если много-много дней идти за солнцем, ходили, наверное, легенды в степи. Кавказ, скорее всего, для степного мира того времени был страной грез и мечты точно так же, как и для тысяч и тысяч бедных европейцев Америка начала XIX века или как для бедных американцев Клондайк времен Джека Лондона.

Так или иначе степняки, которые, действительно, жили и труднее, и беднее своих кавказских собратьев, шли и шли, к серебряным Кавказским горам, где текли чистые голубые реки, изумрудно зеленела трава в тучных долинах. Именно вот этот постоянный приток беднейшей части степных племен, скорее всего, и стал причиной некоторого замедления развития общественных отношений на Северном Кавказе среди племен именно Северокавказской культуры.

Но все равно, ход времени, развитие и совершенствование приемов скотоводства, земледелия и ремесла остановить невозможно, если не происходят какие-либо страшные природные катаклизмы. Но таких природных катаклизмов в то время, кажется, учеными не отмечено. Значит, можно сказать, все шло нормально и естественно.

Если судить по вещам, найденным в могильниках и в местах поселений людей того времени, то, по сравнению с прошлым тысячелетием, конечно же, видно, что достигнут значительный прогресс как в основе хозяйственной деятельности – в скотоводстве, так и в земледелии. Использование лошади в хозяйстве, и в особенности для верховой езды, явилось, как было сказано выше, заметным ускорителем развития практически всех областей жизни. Землю рыхлили уже не палками, как раньше, а мотыгами, выращивали пшеницу и ячмень. В начале тысячелетия урожай убирали кремневыми ножами и серпами, а в последние века – уже бронзовыми серпами.

Как и в предыдущие века, и во II тысячелетии Кавказ славился металлургией и металлообработкой. Медная руда добывалась, к примеру, в верховьях реки, которая сегодня называется Большой Зеленчук, это в Карачаево-Черкесии. Но руду, между прочим, добывали каменными молотками и терками.

Общественная жизнь оставалась патриархально-родовой.

Племена Северокавказской культуры, конечно же, придерживались со степными племенами однотипных по существу Катакомбной и Срубной культур, а также, естественно со своими кавказскими соседями – с племенами Культуры дольменов и Манасской культуры.

В это время связи с Шумером, с культурами Передней Азии заметно

ослабевают. Это тем более удивительно, что в Закавказье подобное не отмечено — там все еще сильно влияние переднеазиатских культур, и в особенности мастеров-оружейников, гончаров, чеканщиков и ювелирного искусства. Почему бы?

Одной из причин такого явления, конечно же, стала усложненность криминогенной обстановки во всей Передней Азии, где стали частыми войны между старыми рабовладельческими державами, такими, как Шумер, Аккад, Вавилон, Египет, а также между ними и молодыми государствами, такими, как Митанни, Ассирия, Хеттская держава и т.д. Но следует обратить внимание и на то, что того шумерского народа, который создал первую на земле цивилизацию, стал применять орошение и создал письменность, уже не было. Этот народ еще в III тысячелетии был окончательно ассимилирован хлынувшими с запада в Двуречье семитическими племенами аккадцев, а потом амореев. Шумерский язык умер, он остался только языком священных книг и научных и медицинских терминов. Если вспомним, что удивительно быстрое развитие Шумера, до этого жалкой и нищей страны болот и зарослей тростника, где даже не найти и камня, чтобы кинуть им в врага, и такое же неожиданное (некоторые ученые указывают на то, что трудно установить предшественников культуры Майкопских племен, так как до этого здесь не было признаков, указывающих на такое бурное развитие в скором времени) расцвет Майкопской культуры на Северном Кавказе в одно и то же время — со второй половины IV тысячелетия — то мы, естественно, опять же вспомним, что именно в эту эпоху впервые появляются курганы и на Кавказе, и в Передней Азии, то конечно же, приходишь к выводу, что связь Шумерской, Переднеазиатской культур с Кобанской наверняка была в какой-то степени и связью родственных племен. А когда и первые шумеры, и осевшие в других местах «курганские» собратья майкопцев окончательно растворились среди многочисленных племен, когда утратились кровнородственные чувства, то и торговые связи, обмен товарами тоже потихоньку стали затухать.

Конечно, это только предположение, но ведь в жизни всякое бывает, и такое допущение вполне укладывается в нормальные, разумные рамки реальной жизни.

5. Ранний железный век на Северном Кавказе (XII–VIII века до н. э.)

Конец II тысячелетия и начало I тысячелетия до нашей эры — новый важнейший этап в развитии человеческого общества. В это время начинается широкое использование железа во многих частях света, где племена в своем развитии достигли довольно высокого уровня. Это, конечно

же, в первую очередь жители первых государств Двуречья, долины Нила, Китая, Индии, Средней Азии, а также племена Южной Европы и Кавказа. Использование железа во много крат усилило возможности человека в освоении природных ресурсов и создании материальных ценностей.

Железо – более тугоплавкий металл нежели бронза или медь. Железо в природе в чистом виде не встречается, а его выплавка из руд – дело и трудное, и сложное, требует определенных знаний, довольно сложных приспособлений. Именно поэтому, хотя железо было известно людям еще в IV тысячелетии, оно не имело практически никакого значения в жизни людей. Лишь только опыт и навыки, накапливавшиеся веками в период бронзового века в выплавке металла, дали к концу II тысячелетия возможность начинать выплавку из руды и железа. Но в первое время железо еще не может занять подобающее ему место в жизни человека, так как чистое железо быстро ржавеет и сильно уступает бронзе в твердости. Этот существенный недостаток железа компенсируется тем, что железные руды имеются почти везде. А когда люди научились из железа получать сталь, то оно быстро и повсеместно стало вытеснять бронзу, а изготовление каменных орудий, которое все еще продолжалось, сразу же прекратилось.

Изготовление орудий труда из железа в массовом порядке и лучшего качества стали предпосылкой бурного развития во всех сторонах хозяйственной деятельности человека. Широко распространяется пашенное земледелие, начинают строить более грандиозные ирригационные системы, совершенствуются колесо и повозка, ускоряется и облегчается рубка и обработка дерева, строительство судов и жилищ, облегчается строительство дорог.

Одновременно совершенствуется военная техника, впервые в мире начинается чеканка монет (Передняя Азия, Лидия, VII век до н. э.).

Хотя к этому времени в земледельческом мире, где люди испокон веков жили оседло, развивали навыки и знания, наряду с такими крупными рабовладельческими государствами, как Нововавилонское царство, Египет, Ассирия уже существовал целый ряд более мелких государств, которые переходили в зависимость то от одной из великих держав, то от другой.

В это время, в начале I тысячелетия до н.э., если говорить современным языком, мировой державой была молодая и очень воинственная Ассирия. Она первой из рабовладельческих стран сумела завоевать почти весь известный тогда мир – и Вавилонию, и Урарту, и Сирию, и Палестину, и даже далекий Египет...

Что касается Северного Кавказа, в конце II – в начале I тысячелетия, то здесь, как и везде, также шло ускоренное развитие и земледелия, и скотоводства, и ремесла.

На Северном Кавказе в это время археологи выделяют несколько культурно-исторических общностей. Самой крупной является Кобанская

культурно-историческая общность, названная так по месту находки первого археологического памятника времен этой культуры у села Кобан, в Северной Осетии. Могильник у села Кобан был раскопан в 1869 году.

Кобанская культура является прямым продолжением Майкопской и Северокавказской культур и просуществовала, по определению историков, до IV века до н.э.

Племена Кобанской культуры селились в предгорьях и горных ущельях центра Северного Кавказа от современных Чечни и Ингушетии до верховьев Кубани. Это как раз и есть место расселения как аланских, так и оставшихся неизвестными горских племен Кавказа, все еще не ассимилированных, возможно, степняками в высокогорьях, а позже – скифов и аланов – прямых и непосредственных предков балкарцев и карачаевцев, уже упоминаемых источниками спустя всего тысячу лет – в самом начале нашей эры.

Основой хозяйственной деятельности племен кобанской культуры следует считать земледелие и скотоводство, конечно же, немаловажную роль продолжает играть, как и в предыдущие эпохи, охота и собирательство. Земледелие занимает ведущее место в плодородных приречных долинах предгорья и в низине. А в горах и ущельях по берегам рек, где, вероятнее всего, жили все еще не полностью ассимилированные горные автохтонные кавказские племена, где ощущается нехватка пригодной для пашни земли, ведущее место в жизни людей занимало скотоводство и охота.

Земледелие, как у всех хорошо развитых земледельческих племен, уже было плужным, к тому же плуги начали улучшать железными лемехами. Из железа начали изготавливать также ножи и серпы, хотя в массовом использовании все еще находились не только бронзовые, но даже и каменные орудия времен неолита и ранней бронзы.

В это же время на Северном Кавказе и в степях Предкавказья появляются первые жернова для размола зерна.

Совершенствование методов земледелия и орудий труда способствовали расширению пахотных площадей. Начинается применение орошения, особенно в долинах горных рек, где песчаные почвы летом быстро теряли влагу.

Сеяли в основном пшеницу, ячмень, просо. Зерно хранилось в ямах, вырытых в сухих местах, стенки ямы тщательно обкладывались или каменными плитами или замазывались, а также в больших керамических и кожаных сосудах. Как показывают археологические находки, скотоводы кобанских племен разводили как крупный, так и мелкий рогатый скот. На равнине и в предгорьях крупного рогатого скота и свиней было больше, в горах – овец и коз. Быстро развивается коневодство. Лошади нужны были и воинам, и пастухам, и земледельцам, да просто всем взрослым мужчинам.

Наряду с этими основополагающими отраслями хозяйственной дея-

тельности в жизни людей важную роль играет и ремесленное производство. Так как в конце II тысячелетия и в первые века последнего тысячелетия до н.э. на Северном Кавказе в массовом использовании все еще были изделия из бронзы, то, естественно, продолжается дальнейшее развитие бронзолитейного дела. Но уже ближе к середине I тысячелетия — к VIII—V векам до н. э. — уже на всей территории Северного Кавказа получает широкое распространение и железо. Выплавка железа, его переработка и изготовление из железа и стали различных видов орудий труда и оружия осуществлялось местными мастерами. Разумеется, имелись также и привозные вещи из железа из таких центров цивилизации, как Закавказье и Передняя Азия. Обыденными вещами становятся железные мечи и ножи, кинжалы, наконечники копий и стрел, топоры, серпы и многие другие виды изделий из железа и стали.

С широким распространением железа цветные металлы начинают отходить на второй план в жизнедеятельности человека — теперь медь и бронза чаще начинают употребляться для изготовления всевозможных предметов украшения — браслетов, поясов, чеканных сосудов, красивых доспехов, пластинок для украшения поясов, отделки уздечки и седла и т. д. Начало железного века, таким образом, одновременно является временем становления ювелирного ремесла на Северном Кавказе. Небывалый расцвет ювелирное дело получит впоследствии в горном Дагестане. Мастера-ювелиры Дагестана донесут свое искусство, передавая из поколения в поколение, до наших дней!

Развиваются и другие промыслы. К середине тысячелетия на Северо-Западном Кавказе, где племена непосредственно имели связь с греками, представителями передовой цивилизации, уже был известен гончарный круг, что позволило вывести изготовление глиняной посуды на более высокий уровень.

Быстрое и бурное развитие ремесел постепенно привело к тому, что на Северном Кавказе тоже, как и в цивилизациях Востока и юга Европы, ремесленное производство становилось отдельной отраслью жизнедеятельности человека.

Уже появляются, наверное, патриархальные семьи, в которых изготовлением глиняной посуды, мечей и кинжалов, ножей и серпов, посуды и утвари из меди и железа занимались люди из поколения в поколение. Это и есть начало второго важнейшего разделения труда после появления земледелия и скотоводства — отделение ремесла от земледелия.

Быстрый рост общественного производства в силу постоянного улучшения орудий труда, использование железа привели к улучшению жизни людей, что способствовало укреплению здоровья и уменьшению эпидемий холеры, чумы и других массовых заболеваний, которые сопутствуют бедности и антисанитарии. Это не могло не привести к быстрому росту населения. К тому же следует учесть, что еще с IV тысячелетия непрерывно идет миграция скотоводческих племен с северных степей на Кав-

каз и именно на Северный Кавказ. Это, естественно, приводило к частым столкновениям между родами и племенами за право владеть теми или иными жизненно важными землями. Несомненно, что такие столкновения случались как между соседними племенами, так и между пришельцами-степняками и горцами-аборигенами Кавказа, между родственными племенами степняков, которые уже давным-давно живут здесь и стали, так сказать, уже местными и новыми пришельцами, которых пригнала сюда нелегкая судьба скотовода — их, людей младшего колена рода или племени, просто могли спровадить искать новые земли, или же это были люди более слабого племени и рода, изгнанные со своих земель более сильными соседями и т. д. Все это вело к тому, что поселения стали укрепляться, старейшины, вожаки и просто состоятельные семьи стали строить боевые башни и разные оборонительные укрепления.

Опасная, тревожная жизнь, частые военные столкновения, необходимость проведения работ, требующих больших усилий, неизменно вели к укреплению организующих функций старейшин и племенных вождей, к росту их авторитета и — власти. Из общей среды начинают выдвигаться храбрые и умелые воины, предводители родовых и племенных дружин в военное время. При успешном завершении войны или набега эти воины получали не меньшую долю из награбленного имущества, чем сами старейшины и вожди. Теперь при выборах старейшины и вождя все чаще и чаще стали выдвигать на первый план именно воинские достоинства кандидата. Так начинается особый период в жизни племен, продолжающих жить первобытнообщинным строем, который известен под названием «военная демократия».

Но в то же время будет совершенно неверно, говорить, что все остальные общинники жили в одинаково трудных условиях и т. д. Следует отметить, что даже во времена бронзового века и среди родовых общинников были более зажиточные и менее зажиточные семьи, смотря на то, какими трудовыми ресурсами обладала та или иная семья. А во времена раннего железа, когда семья становится основой общественного устройства и где появляются разного вида мастера своего дела, то, конечно же, нет никаких оснований говорить об однородном имущественном положении всех общинников. Прекрасный мастер ювелир, который обучил своему ремеслу и троих взрослых сыновей, конечно же, будет жить гораздо лучше, чем женщина-вдова с шестью детьми, отец которых погиб еще пять лет назад в стычке с грабителями из соседнего враждебного племени. И подобных примеров можно привести бесчисленное множество. Все это, конечно, ускоряло имущественное расслоение внутри общины, что, естественно, не укрепляло общинный строй, а наоборот, — расшатывало его устои. Быстро богатела военная верхушка рода и племени, которая состояла из старейшин, вождей, военных предводителей родов и племен, отдельных богатырей, прославившихся в войнах.

В это же время, из-за постоянных военных угроз, родственные или

соседние племена начинают объединяться в союзы, чтобы совместно бороться с вражескими набегами, а если выдастся случай — и самим совместно совершить удачный набег на земли соседей, тем более, если на его землях много скота и имущества.

Так потихоньку начинает расшатываться и рушиться первобытнообщинный строй, на смену которому в скором будущем должна прийти так называемая соседская или территориальная община, где членами общины являются не обязательно родственники.

6. Скотоводческие племена Степи в раннем железном веке

Огромное пространство степей Евразии от Днепра до Минусинской котловины занимали родственные племена, хотя они и подразделяются на несколько культурно-исторических общностей. Это, несомненно, размножившиеся племена древнейшей Курганной культуры IV тысячелетия до н. э. Центром этой в общем-то единой культуры, являются племена так называемых Срубной и Андроновской культур. Срубники составляют западную часть, а андроновцы — восточную часть этой единой культуры. Продвигаясь на восток, племена Андроновской культуры ассимилируют местные племена, и в результате появляются племена Глазовской культуры. А ушедшие на юг части племен Андроновской культуры, ассимилировав местные земледельческие племена у Балхаша, в междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, а также к востоку от Каспийского моря, создают новые культурные общности племен «анау» и «тазабагьябцев». В свою очередь в местах продвижения племен Срубной культуры на север и запад образуются Абашевская, Фатьяновская культуры — на севере, и Днепровская на юге. Но все эти культуры являются, как мы уже отметили, окраинами огромного мира срубников и андроновцев, мира, который вскорости станет известен у греков и римлян как мир скифских племен.

Из вышесказанного становится понятным, что нас в данном случае интересует жизнь и быт племен ядра этого огромного мира — срубников и андроновцев, но так как над Кавказом «нависают» только племена Срубной культуры, то более целесообразно обратить на них особое внимание. Те степняки, которые в это время продолжали интенсивно продвигаться на Кавказ (вернее, конечно, захватывать, завоевывать земли на Кавказе) были, скорее всего, непосредственными соседями кавказцев — людьми племен Срубной культуры.

Эти степные племена, вероятнее всего, первыми приручившие лошадь, не только усердно занимались скотоводством, но не меньше внимания стали уделять теперь и земледелию. Из-за этого многие племена, особенно жившие на равнинах вдоль рек, где засуха не так губительна, стали

жить оседло, и поселения их были довольно внушительными. Археологам известны поселения, которые тянулись по берегу реки на несколько километров. Рядом с жилыми помещениями располагались загоны для скота. Обычно жители общины сами обеспечивали себя всем необходимым. Сами изготавливали шерстяные ткани, шили одежду и обувь, выделяли кожу и меха, делали глиняную посуду.

Необходимые орудия, инвентарь и оружие также изготавливались своими мастерами как из камня и кости, так и из металлов.

Усовершенствовалось изготовление керамической домашней утвари. Сосуды совершенной формы, плоскодонные, отделанные красивыми геометрическими узорами, примерно такими, какими украшаются сейчас среднеазиатские ковры.

К концу II тысячелетия обработка бронзы и изготовление из нее всевозможного инвентаря и орудия достигли довольно высокого развития. Еще в ранних погребениях племен Срубной культуры найдены формы для литья такого сложного оружия, каким являлся в то время боевой топор. Такой тип топора, как считают специалисты, пришел в степь из Двуречья, через Кавказ. И конечно же, из бронзы отливались и ковались кинжалы, наконечники для копья и стрелы и разные предметы украшения — браслеты, гривны, серьги, пластинки.

Мастера по обработке металла, скорее всего, уже были профессионалами, то есть из поколения в поколение преимущественно занимались только этим ремеслом. Это было необходимо как для совершенствования мастерства, так и для целесообразности ведения хозяйства патриархальной семьи. Специализация — это путь к совершенству, к уменьшению затрат труда и к увеличению производства, а потому мастера по металлу с самого начала стали как бы обособляться из общей среды. Сперва они обслуживали членов своей общины, обменивая свои изделия на другие вещи и продукты. Со временем, становясь знаменитыми мастерами-умельцами, они начинают принимать заказы от состоятельных людей и из другой общины, рода и даже племени. А некоторые мастера сами стали объезжать окрестности и обслуживать заказчиков у них прямо на дому.

Быстрое развитие производства во всех отраслях хозяйства вело к дальнейшему расслоению общины по имущественному положению, а также к усложнению общественных отношений. Постепенно формируется родоплеменная знать, которая резко выделяется из среды основной массы своих сородичей богатством. Знатные люди — старейшины родов, вожди племен, военные предводители и просто «уважаемые» начинают присваивать значительную часть как военной добычи, так и продуктов общественного производства. Об этом свидетельствуют обнаруженные археологами ценные клады дорогих и редких изделий, зачастую завезенных из дальних земель, где оружие, и в особенности кинжалы, ножи и наконечники стрел, занимают львиную долю.

Но, конечно, самым ярким свидетельством обогащения племенной

знати являются большие курганы, в которых хоронили умерших вождей. Такие курганы имеются по всей степи от Днепра до Алтая, включая и Северный Кавказ.

Историки и археологи, изучая культуру срубников, андроновцев и другие близкие им культуры пришли к выводу, что по многим признакам их следует признать прямыми предками скифов и разнообразных племен скифской среды – сарматов, сираков, массагетов и т. д. И это вполне естественно – ведь во второй половине II тысячелетия до н.э. андроновские племена расселились в южном направлении до Хорезма, и даже до пределов современного Афганистана и Ирана.

В восточном направлении андроновские племена, как уже отмечалось, доходили до Енисея и Алтая. Ученые недоумевали: изменения в культуре ушедших далеко на восток андроновцев так сильно отличались от оставшихся на западе сородичей, что их культура получила особое название – Карасукская. Что же это были за отличия? Изменились формы керамических сосудов, бронзовых изделий, изменился даже физический тип людей, у них появились «китайские» признаки. Естественно предположить, что андроновские племена на Енисее и Алтае столкнулись и, видимо, смешались с племенами, двигавшимися сюда из Северного Китая. И это вполне реально.

Археологами теперь уже установлено, что племена Карасукской культуры селились как в Прибайкалье, в Минусинской котловине, на Алтае, так и в северо-восточных степях Казахстана. Следует отметить, что именно в этих местах, согласно сообщениям китайских хроник, расселились в то время родственные китайцам племена дин-линь, ранее обитавшие в Северном Китае.

Карасукская культура прослеживается вплоть до VIII века до н.э. В это время здесь тоже, как и во всей Великой Степи, начинают преобладать формы вещей и орнаменты, свидетельствующие о том, что и здесь решающую роль начинают играть племена Евразии, что говорит об усилившемся продвижении андроновцев на восток в начале первого тысячелетия до н. э.

Из всего предыдущего материала видно, что на протяжении тысячелетий – с древнейших времен до второй половины I тысячелетия, когда на карту степей Евразии уже с большей или меньшей достоверностью можно записывать названия племен и обширных союзов родственных племен, – собственно в Великой Степи от Днепра до Енисея никаких катастрофических изменений не было, все шло эволюционным, естественным путем. Роды и племена жили, размножались, расселялись во все стороны, если не встречали неодолимой преграды, осваивали новые земли, ассимилировали немногочисленные местные племена. Это – обычное явление во всем мире на заре становления и развития человечества, а также в период великих географических открытий. Разве не так расселялись «на наших глазах» германские племена из Скандинавии на всю

Европу, славянские племена и их потомки из Прибалтики на юг и восток Европы, а позже – до Сибири и Дальнего Востока, португальцы, испанцы и англичане – по Южной и Северной Америке, по Австралии и островам Новой Зеландии? Все так, все естественно – побеждает сильнейший.

Первая буря, которая прошла с востока на запад со степей Урала до центра Европы – это нашествие гуннов. Гунны были сильны организованностью, воинственностью и крепкой дисциплиной, а не численностью. Именно эти качества позволили им покорить многочисленные, но разрозненные племена и аланов, и готов, а потом и другие племена Восточной Европы. Так что все те многочисленные тюркоязычные племена, которые появляются в Причерноморских степях и далее к востоку в послегуннское время, это вовсе не гуннские племена, а местные, названия которых лишь теперь, в период гуннского пожара, высвечиваются для историков. Потому что только теперь начинают они, историки, вглядываться вглубь степей, откуда выполз, по их просвещенному мнению, гуннский дракон.

Так что настоящими наследниками скифов (асов), являющихся потомками племен, обитавших в этих степях с незапамятных времен, являются, если начинать с востока, алтайцы, хакасы, тувинцы, казахи, киргизы, узбеки, каракалпаки, туркмены, азербайджанцы, турки, кумыки, ногайцы, балкарцы, карачаевцы, караимы, гагаузы, а не осетины-иронцы, занимающие всего-навсего лишь крохотную территорию по обе стороны Дарьяльского перевала.

2

Часть

ИСТОРИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

ны с этих пор — с первых же лет нашей эры — стали доминирующей силой, по крайней мере, в нашем ареале огромного асского мира — в степях Дона и Волги и на Северном Кавказе. Аланы, если можно так сказать, — это уже наши предки 1-го порядка в длинной череде народов и культур, сквозь которые тянутся в тьму веков и тысячелетий корни карачаевцев и балкарцев.

Но мы решили выделить историю аланов в отдельную эпоху не только потому, что они являются ближайшими нашими предками, но и потому, что их героические дела и трагическая судьба достойны особого нашего внимания. Аланы, подобно молнии, лишь на миг сверкнув на небосводе человечества, канули в небытие. Но мир до сих пор восхищается ими. О них, о легендарных аланах, мы расскажем в следующей части нашей книги, а сейчас — об асах и о их деяниях. Как было отмечено, впервые историки называют имена народов, которые живут у северных берегов Черного моря, в VIII веке до н. э., когда киммерийцы, затем и асы (вроде бы гонимые за киммерийцами) появляются в Передней Азии. Но прежде чем начать рассказ о киммерийцах и асах, как всегда, сделаем краткий обзор положения в мире к этому времени — к началу второй половины I тысячелетия до н. э.

Известно, что Передняя Азия была местом, где впервые в истории человечества люди достигли высшего уровня в общественном развитии — образования государства. В течение многих веков здесь возникали одни государства и рушились другие. К началу I тысячелетия до н. э. здесь образовалась первая крупная рабовладельческая империя — Ассирия, которая включала в свой состав практически весь известный к тому времени «цивилизованный мир» — большую часть Малой Азии и Египет. Безжалостный грабеж вновь завоеванных земель, угон в рабство всех взрослых людей, большая дань с населения долгое время обеспечивали военно-служилой знати, рабовладельцам, царскому двору и жречеству возможность держать огромную армию, на которую и опиралась вся верхушка государства. Хотя объективно существование такого огромного государства было в интересах торговцев и купцов, составлявших довольно влиятельную силу при дворе, но насильственное объединение грубой силой различных по уровню развития и культуры племен и государственных образований не могло быть долговечным. В конце VII века до н.э. Ассирия была разрушена восставшими Вавилоном и Мидией. Но прошло совсем немного времени, и вся Передняя Азия вновь оказалась в составе новой, более сильной империи — Персидского царства.

В это время — ближе к середине I тысячелетия до н. э. — уже достигают высокого развития и греческие города-государства, такие как широко известные Спарта, где превыше всего ценится военное дело, Афины, славящиеся своей демократией, развитием культуры и искусства, а также другие города-государства. В это же время и идет знаменитая греческая колонизация земель западного побережья Передней Азии и Италии, се-

вера Черного моря. Здесь, на берегах Меотиды и Танаиса, греки впервые, как говорится, лицом к лицу встречаются с асами, которых они станут называть скифами.

Впервые более или менее подробное описание земель и племен Северного Причерноморья составил «отец истории» Геродот, посетивший эти места в середине V века до н. э.

По сведениям Геродота, древнейшими жителями Северного Причерноморья были киммерийцы. Это первый народ степей севера Черного моря, имя которого становится известным истории. Но ассирийские источники знают киммерийцев еще в VIII веке до н. э., хотя и в несколько измененной форме — «гимиррай». К тому времени, когда Геродот посетил Северное Причерноморье, время киммерийцев уже было далеким прошлым. Здесь уже господствовали асы. Имя киммерийцев сохранилось лишь кое-где в топонимике: Киммерийская переправа, Киммерийская крепость, Киммерик (поселение), и название пролива — Киммерийский (ныне — Керченский). Судя по рассказу Геродота, первоначально в северных Причерноморских степях жили киммерийцы, но потом их вытеснили скифы, пришедшие из глубин Азии. Киммерийцы вроде бы переселились на противоположный берег Черного моря — в район Синопа. Но некоторые ученые уверены в том, что, конечно, переселились не все киммерийцы, что часть их отступила за горы Тавра и там осталась. И люди, известные античным авторам под именем тавры, которых они считают теми же скифами, но «менее культурными», и есть остатки киммерийцев.

Здесь хочется обратить особое внимание на то, что античные авторы считают киммерийцев и скифов народами родственными. И это вполне соотнобразуется с тем археологическим материалом, о котором шла выше речь. Нам ведь известно, что хотя бы с III тысячелетия до н.э. и до этих пор — до VII века до н. э., в Северном Причерноморье жизнь протекала эволюционным путем, никаких катастрофических изменений в развитии племен не отмечалось. Это значит, что киммерийцы и скифы были просто разными племенами одного и того же этноса, они были наследниками племен, которые впервые стали насыпать курганы над могилами своих умерших соплеменников.

Киммерийцы, скорее всего, были людьми тех первых племен курганников, которые пришли сюда из Приволжских и Приуральских степей, а возможно, даже и из степей Предкавказья. Так сказать, они были людьми «младших родов» древних курганников, а скифы — «лишние люди» степей времен Срубной культуры, когда после приручения лошади стало быстро развиваться кочевое скотоводство, улучшились жизненные условия людей и значительно возросла численность населения. В таких случаях «младшие роды», то есть те роды, которые образовывались путем выделения из коренного рода отдельной ветви из нескольких патриархальных семей, имеющих одного прародителя, оказывались «лишними», так как на всех пастбищах не хватало. И «младшие роды» племени, объ-

единившись в новое племя, устремлялись на завоевание и освоение новых земель,— кто на запад, кто на восток, на север или на юг, смотря по тому, откуда из этих сторон света приходили более благоприятные известия. И, видимо, новые волны переселенцев встречали сопротивление не только, скорее всего, даже не столько местных племен, сколько своих же сородичей, которые уже давным-давно здесь обосновались и освоились.

Так, видимо, произошло в истории киммерийцев и скифов. Скифы вместо того, чтобы пройти сквозь киммерийцев и начать завоевание и освоение новых земель на «диком западе», решили, видно, просто прогнать киммерийцев с насиженных мест, что и сделали. Они конечно же были наверняка более многочисленны.

Теперь, наверное, следует хотя бы коротко рассказать о походах киммерийцев и скифов в Переднюю Азию.

Как было рассказано ранее, в начале I тысячелетия до н. э. в связи с ускоренным развитием скотоводства и земледелия, и в особенности в связи с повсеместным широким развитием коневодства на огромной территории от Днепра до Енисея, включая сюда также степи Поволжья и Средней Азии, убыстряется разделение племен на скотоводов-кочевников и оседлых земледельцев. В то время, как в поймах рек племена оседают и главным их занятием становится земледелие, племена сухих степей средней полосы переходят к кочевому скотоводству, благо, к этому времени уже появляются и облегченные — на спицах — колеса, и крытые кибитки, которые в пути во время долгих перекочевков становятся и жилищами. Кочевники стали заниматься исключительно животноводством, получая зерно и другую продукцию земледелия путем менной торговли с оседлыми племенами. В то же время складываются условия для возникновения прослойки общества, состоящей из лихих наездников, основным делом жизни которых становятся набеги на земли соседних и дальних племен с целью вроде бы совершения воинских подвигов, но на самом деле — грабежа и разбоя. Постепенно эти набеги воинственных кочевников, в основном совершаемые на богатые земледельческие области, становятся все более организованными и массовыми, и в конце концов приводят к тому, что не только отдельные земледельческие племена, но даже могущественные рабовладельческие государства иногда вынуждены платить им дань, лишь бы эти набеги на их земли больше не повторялись.

Первыми такими массовыми набегами кочевников, о которых до нас дошли достоверные сведения, были походы киммерийцев, а затем и скифов в Переднюю Азию в конце VIII — начале VII вв. до н. э. Первыми в Передней Азии оказались киммерийцы, вытесненные, как рассказывают античные авторы, со степей Северного Причерноморья пришедшими с востока скифами.

Появление в Передней Азии, где основу войска все еще составляли тяжеловооруженные пешие воины, киммерийского войска, которое сплошь

состояло из легкой конницы, было настолько неожиданно и ново, что вся Передняя Азия не в силах была справиться с немногочисленной, но молниеносной киммерийской ордой. Под копытами кочевников оказалась вся центральная часть Передней Азии. Даже могущественное царство Урарту терпит поражение от киммерийского меча, уничтожена Фригия, гибнет в бою с ними могущественный царь Ассирии Саргон II. Киммерийцы, по сведениям античных историков, на западе доходят до греческих городов-колоний Ионии, и даже до Египта. Египетскому фараону Псамметиху с трудом удалось откупиться от киммерийцев, заплатив солидную дань.

В конце концов объединенными усилиями Ассирии и Ливии удалось разгромить киммерийцев. Их остатки отступили в северо-восточные горные районы Малой Азии, где и были впоследствии ассимилированы.

Спустя лет 50 после похода киммерийцев в Переднюю Азию прорываются другие воинственные кочевники — скифы. Хотя некоторые греческие историки и говорят, что скифы оказались в Передней Азии лишь преследуя киммерийцев, но на самом деле скифское нашествие в Закавказье и Переднюю Азию, следует рассматривать как отдельный эпизод истории, не связанный с походами киммерийцев. К тому же скифы пришли в Переднюю Азию не гоняясь за киммерийцами, то есть не в одно и то же время, а спустя 50–60 лет, и то не следом за киммерийцами (по восточному побережью Черного моря), а по западному берегу Каспийского моря — через Дербент. По крайней мере, скифы, вторгшиеся в Переднюю Азию, не были теми скифами, которые оттеснили киммерийцев со степей Северного Причерноморья. Согласно сообщениям древних историков, скифы, присоединив к себе родственные им скотоводческие племена, обитавшие на современной территории Азербайджана, основательно закрепляются здесь (источники называют это место Скифским царством) и начинают совершать отсюда походы в различные районы Передней Азии.

С войсками могущественного тогда Ассирийского царства скифы столкнулись в 70-х годах VII века до н. э. В битве с ассирийцами погиб скифский царь Ишпакай. Потом скифы совместно с восставшими мидянами продолжали борьбу с Ассирией. Но затем скифы и ассирийцы заключили мир, ассирийский царь Асаргаддон выдал за царя скифов Партатуа свою дочь. И с этих пор, естественно, скифы умело используются ассирийскими царями против своих врагов.

В середине VII века сын Партатуа Мадий выступил с походом в Малую Азию против киммерийцев. Тогда Лидия, ведя тяжелые бои с киммерийцами, просила Ассирию о помощи. Ассирийский царь, скорее всего, и уговорил Мадия выступить на помощь Лидии, так как в это время киммерийцы представляли серьезную угрозу и для границ Ассирии.

Скифы разгромили киммерийцев. Наконец-то Передняя Азия избавилась от нещадных копий киммерийской конницы. Но в то же время она с опаской смотрела на своего избавителя, так как власть скифов в этих

местах становится слишком уж сильной и опасной. Так, вскоре под властью скифов оказалось только что возникшее царство Мидия.

Ассирия и Урарту, обессиленные постоянными войнами между собой, к тому же охваченные внутренними смутами и неурядицами, стремительно катились к развалу. Несомненно, что скифы, иногда совершавшие набеги до границ Египетского царства, играли в эти трагические годы для Ассирийской державы определенную роль, но какую именно роль — сказать об этом что-либо очень трудно, так как не имеется достоверных сообщений. Видимо, с конца VII века скифы стали постепенно возвращаться обратно в свои степи.

В ассирийских источниках Скифское царство в Закавказье последний раз упоминается в самом начале VI века до н. э. Больше о скифах в Передней Азии нет никаких сведений.

Отметим, что скифское нашествие в Переднюю Азию сыграло в дальнейшем значительную роль в истории и Передней Азии, и Восточной Европы. В итоге Северное Причерноморье и степи Северного Кавказа оказались в тесных связях с древними цивилизациями Востока. На Северном Кавказе в это время, скорее всего, начинается этап окончательной ассимиляции горных племен от границ современных Чечни и Ингушетии и до Нижней Кубани, где обитали довольно многочисленные меотские племена, считающиеся предками адыго-абхазских народов. Об этом свидетельствуют находки чисто скифских вещей VIII-VI веков в высокогорных местах на этой территории. Характерный скифский художественный орнамент на бытовых предметах — «скифский звериный стиль» — в последующий период быстро распространяется в степях от Черного моря до Северного Китая, имеет, как отмечают специалисты, определенные связи с искусством восточных цивилизаций.

Не остались, как говорится, в накладе и народы Передней Азии. Они стали, как и скифы, широко применять в военном деле конницу, заимствовали у скифов изготовление нового типа стрел с гранеными наконечниками. Скифские стрелы вскоре быстро распространились среди народов древности.

Скифское нашествие приблизило падение древних рабовладельческих держав, тем самым ускоряя исторический процесс и содействуя появлению на этих землях новых государств, явившихся следующим этапом в развитии человечества. На развалинах Ассирии и Урарту вскоре появилась Мидийская, а вслед за ней — Персидская держава.

Не пройдет и 100 лет и наследники Ассирии — персы, во главе со своим знаменитым царем Дарием I — двинутся в поход против скифов, дабы отомстить за те обиды, которые терпели их предки мидяне от скифов. Но, как напишут историки, уже через несколько месяцев Дарий вернется с чудом уцелевшими остатками своей армии, «преисполненный стыда» за позорное поражение.

Об этом наш отдельный рассказ.

Скифская тема в балкарской литературе

Междоусобицы – характерная черта периода «военной демократии» и раннего феодализма. Асское (скифское) общество середины I тысячелетия до н. э. – это время «военной демократии» и раннего феодализма, время усиления власти племенной знати и военной верхушки. В это же время начинается сложение основы феодального общества, когда в руках знати и «сильных», «уважаемых» родов идет накопление богатств. Одновременно идет непримиримая борьба между вождами (ханами) союзов племен за верховенство над всеми ассскими племенами на определенной территории.

В приводимой ниже главе из моего романа «Дети Солнца» показана вся жестокость этой борьбы за власть в ассском обществе в «геродотовское» время в тех местах, куда спустя 25 лет вторгнется со своим огромным войском царь Персии Дарий I.

Эта глава приводится здесь, чтобы показать, как обычно строилась оборона скифского поселения.

2. Последняя битва батыра Озгана

Глава из романа «Дети Солнца» (Магомед Кучинаев)

Темир-Зан-хан, Тенгиз-бий, предводитель воинов-джигитов эля Алдабол-батыр из рода Журтубай, предводитель ханских джигитов Атлы-батыр из рода Батырбий выехали вперед и остановили коней перед строем джигитов, которые вот-вот должны будут вступить в кровавую битву.

Джигитам особенно было приятно видеть, что молодой хан, сияющий, как луч солнца в ненастный день, не струсил, не убежал куда-нибудь в эти трудные дни, а находится здесь, вместе с ними. Их встревоженные, озабоченные лица просветлели. И, поддаваясь нахлынувшему чувству, джигиты стали кричать:

– Темир-Зан! Темир-Зан! Темир-Зан!

Немного подождав, видно радостные крики джигитов и в него вливали душевные силы, Тенгиз-бий поднял руку, и сразу же наступила тишина.

– Джигиты! Акылбай открыто пошел против Великого хана. Не бойтесь – джигиты соседних элей уже идут к нам на помощь. Надо выдерживать, пока они подойдут! Будьте молодцами! Помните – мы на Дороге Справедливости, и Великий Танг-Эри непременно нам поможет!..

И именно в этот миг кто-то из джигитов крикнул:

– Те, что идут снизу – наши! Подняв мечи, кинулись навстречу тем!

Все с надеждой посмотрели туда – и вправду, войско, что шло снизу, изменив направление, устремилось навстречу тем, что шли со стороны захода солнца. И уже хорошо было видно, что джигиты мчатся, обнажив мечи, с намерением с ходу вступить в битву. А сюда, в сторону журта Тенгиз-бия, скакала всего небольшая группа всадников. Это, скорее всего, бии, каждый с двумя-тремя джигитами.

– Еуа, джигиты! Алга! Уругуз! – крикнул Тенгиз-бий, махнув рукой.

Алдабол-Батыр поднял меч и, указывая им в сторону приближающегося врага, крикнул:

– Еуа, джигиты! Алга! – и помчался туда – в сторону захода солнца, навстречу врагу! Джигиты пустились вслед за ним.

Впереди, чуть правее был большой холм, Великий хан и его нёгеры поскакали туда – за ходом битвы следить лучше всего с вершины холма.

Алдабол-батыр и его джигиты, обгоняя гонимые ветром косматые черные тучи, стремительно летели вперед. Но все равно они не успели – битву начали те, что пришли снизу. Это, видно, были джигиты элей Кожак и Темиркан. Тогда Алдабол-батыр взял немного правее – чтобы попусту не толпиться за спинами уже вступивших в битву, а ударить врага сбоку.

Врезавшись с ходу в гущу противника, джигиты Алдабол-батыра вклинились далеко вперед, и сразу же разгорелась жаркая схватка...

Акылбай со свитой из нескольких биев тоже следил за разгорающейся битвой с вершины одного из ближних холмов. То, что верные Великому хану джигиты ударили почти одновременно с двух сторон, хотя их, кажется, и немного, встревожило и Акылбая, и его нёгеров – дело началось не так, как они предполагали и хотели. Акылбай хотел растерзать и растоптать Батырбиевский эль, не дав его джигитам и собраться как следует, думал одним махом свалить Тенгиз-бия, главную опору Великого хана, а если попадется в руки – и голову ему снести, а тут приходится биться с двумя довольно крупными отрядами воинов.

Да поразит их своим огненным мечом Святой Элия, – и откуда они, эти с нижней стороны, как из-под земли, появились здесь именно в этот решающий миг? Появись они чуточку позже – и все было бы хорошо!..

– Вы заметили тех – вон там, на холме? – спросил Акылбай у своих нёгеров.

– Видим, конечно, – ответил Зашарбек-бий. – И Великий хан, наверное, там – народу слишком много, и ханские джигиты, скорее всего, тоже там.

– Ты так думаешь? – сказал Акылбай. – А я боюсь, что этот мальчишка убежал в Айдабол-тайфу. Ты думаешь, эта ведьма Ас-Уя-Зан оставит его здесь, где идет война. На холме, по-всеу, Тенгиз-бий и его дружки – Ас-Зигит и Кара-Батыр.

– А ты присмотришься получше, не видишь – там что-то сверкает – это золотой шлем Великого хана. Посмотри, и знамя там – знамя Алан-Ас-

Уи. Знамя Батырбиева эля поменьше должно быть, к тому же белого цвета – родовая тамга Батырбиевых, кажется, белая ласка.

– А ты, по-моему, прав, – сказал, приглядевшись повнимательней, Акылбай. Потом, повернувшись к Зашарбек-бию, спросил: – Слышишь, Зашарбек, – а что это мы воюем?

Стоявшие тут же бии, ухмыльнувшись, переглянулись друг с другом – уж это-то ты сам знаешь наверняка получше Зашарбека!

А Зашарбек-бий так и не нашелся что ответить на этот глупый, по его разумению, вопрос.

– Какой нам толк с того, что мы перебьем ни в чем не повинных джигитов Батырбийевского или Темиркановского эля?

Ничего не понимая, Зашарбек-бий так и застыл, как истукан, другие бии тоже перестали ухмыляться и насторожились – сам, рвась в ханы, и затеял эту свару-войну, а теперь что, мол, болтает этот дурак?

– Нам ведь, по-существу, кроме Темир-Зана никто и не нужен! – сказал Акылбай, не обращая никакого внимания ни на остолбеневшего Зашарбек-бия, ни на удивленно застывших других биев, как будто беседуя сам с собой. – И если Темир-Зан там, на вершине холма, то что же тогда ищут твои джигиты здесь, Зашарбек, к тому же рубясь и дерясь не на шутку с какими-то людьми?

Зашарбек-бий растерянно оглянулся по сторонам – скажите, мол, алапы, что болтает этот человек, он что – с ума сошел, да?

– Пусть остальные дерутся, раз так хотят, а ты, Зашарбек, возьми своих джигитов и доставь сюда, ко мне, Темир-Зана, если он там, на вершине холма! – повелел Акылбай.

Зашарбек-бий вновь окаменел, теперь уже от страха, – он прекрасно знал, с какой смертельной опасностью сопряжено это поручение Акылбая. Нет, нет – он готов помочь Акылбаю стать ханом, но совсем не готов умереть за это!

– Зашарбек не вполне ясно понял твое поручение, Акылбай – разреши мне! – напросился Озган-бий из Тангбердиевых.

Акылбай внимательно посмотрел на него.

– Нет! Ты останешься здесь! – сказал он. Потом, еще раз серьезно взглянув на Зашарбек-бия, спросил: – Ты меня понял, Зашарбек?

– Понять-то, понял, но...

– Если боишься – говори прямо! Ну, посылаю вместо тебя Озгана?

– Я ничего не боюсь! – вскрикнул обиженный Зашарбек-бий и молча, быстро стал спускаться с холма. Сел на коня и поскакал прямо туда, где рубились джигиты, где лилась кровь.

Все, кто остался на вершине холма, стали внимательно следить за тем, как дальше будут развиваться события и чем кончится эта затея Акылбая. Теперь-то все понимали – эта лиса Акылбай, оказывается, лучше всех знает, как можно быстрее и более основательно сесть на ханскую тахту!

Вот Зашарбек-бий доскакал до места битвы, нырнул в эту, похожую на какое-то страшное громадное существо толпу усердно рубящих друг друга людей и исчез из виду. Казалось, прошло довольно много времени, а каких-либо признаков действия Зашарбек-бия не было заметно. Но вот, наконец, из общей массы сражающихся отделилась довольно большая группа всадников и устремилась туда – к холму. Другие джигиты, разгоряченные боем, навряд ли заметили это – никто не стал преследовать уходящую с поля битвы группу.

– На этот раз, Акылбай, кажется, ты обошел Тенгиз-бия! – сказал Кушатар-бий из рода Эмен.

Акылбай, ничего не говоря, продолжал внимательно смотреть вдаль. А в это самое время Батыр-Ас из рода Джанибек, несясь во весь опор за Зашарбек-бием, часто оглядывался по сторонам. И был, кажется, доволен тем, что возле себя видел, в основном, джигитов из своего рода.

– Наши джигиты все здесь? – спросил, чуть-чуть придержав коня и подпуская к себе несущегося следом воина.

– Почти все здесь! – крикнул в ответ джигит. Это был Кара – старший сын Зугутура из Джанибековых.

– Приближайтесь к Зашарбек-бию и не отставайте от него! Убив эту собаку, мы переходим на сторону Великого хана! – крикнул Батыр-Ас и, дав коню волю, понесся к Зашарбек-бию.

Вот уже и близок холм, где, видно, находится Великий хан. Ханские джигиты, что были у подножия холма, взлетели на коней и бросились навстречу им, людям Зашарбек-бия. На холме остались только несколько человек.

Батыр-Ас еще раз огляделся по сторонам – да, повсюду виднелись смуглые, почти черные джигиты его рода, рода Джанибек. Время пришло! Батыр-Ас, приблизившись к Зашарбек-бию с левой стороны сзади, изо-всех сил махнул мечом и даже, кажется, почувствовал, как тот рассекал тело бия. Обливаясь кровью, Зашарбек-бий свалился на землю, конь его, почувствовав, что лишился седока, заржал и кинулся вон в степь.

Батыр-Ас с горящими глазами, подняв свой окровавленный меч, остановил скачущих следом джигитов.

– Стойте, аланы! – понесся вслед за ускокавшими его громоподобный крик.

В грохоте копыт джигиты, ушедшие вперед, скорее всего, и не слышали его крика, но остановились, почувствовав позади что-то неладное – не стало слышно глухого, но мощного гула лавины всадников.

Остановились, оглянулись и увидели что-то невероятное – там сгрудилась довольно большая группа всадников, подъезжавшие останавливались возле них. Повернули коней, подъехали и видят: посередине Батыр-Ас из рода Джанибек, меч его в крови, глаза горят бешеным огнем, а джигиты, сгрудившись вокруг, о чем-то горячо спорят.

– Джигиты! – крикнул Батыр-Ас, когда собрались все. – Поднять меч

на Великого хана – это то же самое, что поднять меч против самого Великого Танг-Эри! Я перехожу на сторону Великого хана! Зашарбек-бия убил тоже я – потому что он хотел убить Великого хана! Кто хочет идти со мной – идемте! Кто не хочет – возвращайтесь назад и присоединяйтесь к сторонникам Акылбая!

Сказав это, Батыр-Ас соскочил с коня, отрезал голову Зашарбек-бия, насадил ее на копье, вновь сел на коня и поднял копье высоко над собой и понесся вперед, туда, к холму, где должен был находиться Великий хан.

Большинство джигитов поскакало за ним, но небольшая группа после некоторой растерянности все-таки повернула назад и помчалась обратно. Они, бедные, конечно, подумали о том, что лучше все-таки быть там, где и находятся все остальные люди тайфы. Но им не удалось совершить то, чего они хотели. Алдабол-батыр, заметив, оказывается, все-таки, что часть акылбаевцев, выйдя из битвы, устремилась в сторону холма, где находился Великий хан, послал вслед за ними вдогонку довольно сильную группу храбрецов. Эти-то джигиты и порубили возвращавшихся акылбаевцев, всех до единого...

У подножия холма Батыр-Ас соскочил с коня и побежал наверх. Люди с вершины холма видели все, что произошло невдалеке отсюда, и с нескрываемым нетерпением дожидались Батыр-Аса, чтобы узнать имя этого человека.

Батыр-Ас подошел к Великому хану, кинул к его ногам голову Зашарбек-бия и сказал:

– Зашарбек-бий, видно, шел сюда не с добрыми намерениями. И я убил его. Ни я, ни джигиты, что пришли со мной, не хотим против тебя поднимать оружие. Если позволишь – мы присоединимся к твоим джигитам.

– Ты кто? – спросил Великий хан.

– Батыр-Ас из рода Джанибек, Великий хан, из Эдильбий-эля.

– Тот, кто дал тебе это имя, видно, знал, кем ты станешь! Спасибо тебе, Батыр-Ас! – поблагодарил Великий хан батыра. – С сегодняшнего дня, пока не соберется совет эля, ты будешь бием Джанибек-эля.

– Я из Эдильбий-эля, Великий хан! – сказал Батыр-Ас.

– Род Эдильбиевых не сумел вынести тяжести бийских обязанностей, – сказал Великий хан. – Отныне в Абай-тайфе нет Эдильбий-эля, есть Джанибек-эль. А ты будешь бием Джанибек-эля, пока не соберется совет эля. Назначь тысячного над своими джигитами, а сам будь здесь, с нами. А джигиты твои пусть пока отдыхают. Сейчас им не так-то просто будет повернуться назад и вступить в битву против джигитов своего же эля.

Батыр-ас спустился вниз и сказал Каре:

– Располагайтесь здесь где-нибудь и отдыхайте. Теперь мы джигиты Великого хана! – А сам опять стал подниматься на холм...

Что там произошло невдалеке от холма, где был Великий хан, никто

ничего не понял, но и Акылбай, и все его нёгеры прекрасно видели, что большая часть группы Зашарбек-бия, не вступая в бой, перешла на сторону Великого хана, а тех, что побежали назад, перебили джигиты Великого хана.

— О, Великий Танг-Эри! Вы видели, что сделала эта собака! Трус! Баба! — кричал Акылбай в ярости. — Испугался вступить в схватку как воин и перебежал на ту сторону — вы же видели?! Вот собака, а!

— Мы не знаем, что случилось, Акылбай, — сказал Кушатар-бий. — А кто знает, может быть, Зашарбек-бия там и не было. Мог же он это дело поручить тысячнику, а сам остаться здесь? Трудно поверить в то, что Зашарбек-бий мог предать тебя.

— Что толку с того, что ты говоришь не верь, если все это произошло у нас на глазах? Вот собака! Ну, погоди! И если я не превращу в пепел твой журт и не развею по ветру — тогда я не я! — Акылбай, не в силах успокоиться, бегал туда-сюда, постоянно ударяя по ладони зажатой в руке плеткой.

А там, внизу, в степи продолжалась битва. Несмотря на то, что джигитов Великого хана было куда меньше, чем воинов Акылбая, все-таки, кажется, теснили они. Да, стало ясно, что этот огромный клубок из людей и лошадей, сцепившихся в смертельной схватке, мало-помалу подкатывался сюда, к подножию холма, где стояли Акылбай и его нёгеры.

— Что вы все здесь стоите? Идите и скажите своим олухам что-нибудь! — крикнул Акылбай на биев. — Их в два раза меньше, а отступают и отступают эти! Вот увидите — сейчас побегут! Труссы!

Бии спешно спустились с холма. И в этот момент редкими крупными каплями начался дождь. Акылбай посмотрел на небо. И там, видно, шла схватка — низкие, черные тучи прижались к земле, и, словно стараясь уцепиться за что-то и удержаться, тянули свои ключья-руки вниз, а там, наверху, стремительно плыли в сторону восхода солнца толпы белых облаков, своими макушками дотягиваясь, наверное, до самой тверди синего неба. Дождь усилился, грянули первые раскаты грома.

Бии, видно, пристыдили своих джигитов, и те немного оживились — ханские джигиты потихоньку-потихоньку, но начали отступать. И в это время, озарив и небо, и землю, сверкнула молния, и джигиты, стоявшие у подножия холма, отчетливо видели в свете молнии, как Акылбай, всплеснув руками, свалился на землю. И в тот же миг, словно и небо, и земля раскололись вместе, грянул страшный гром. Прийдя в себя после оглушительного удара грома, джигиты кинулись туда, к вершине холма, где был Акылбай. Когда они прибежали, Акылбай уже стоял на ногах! Но глаза его страшно блестели. А дождь уже лил всюю.

Джигиты, подхватив Акылбая под руки, спустили его вниз. Тотчас же распространилась весть, что рассерженный чем-то Святой Элия ударил Акылбая. Эта страшная новость сильно испугала джигитов, бившихся на стороне Акылбая — если Небесные Святые так сильно рассержены на

Акылбая, то, конечно же, не будут благоволить и им, его сторонникам! А дождь продолжал лить, сверкали молнии, гремел гром. Сердца акылбаевских джигитов обуял страх – Небесные Святые рассержены не на шутку, они и не думают успокаиваться!

То, что акылбаевские джигиты начали покидать поле битвы, особо и не удивило предводителей воинов хана – что ж тут удивительного, если в такую непогоду Акылбай решил прервать битву?

И Алдабол-батыр, и другие предводители воинов Великого хана решили не преследовать противника. Потому что они не убежали, не отступали, а просто выходили из боя, мало-помалу отступая. И вот на поле, где только что гремела битва, джигиты Великого хана остались одни. Да сотни и сотни мертвых и раненых, – и их соратников, и их врагов.

И пока люди, удивленные тем, почему это вдруг Акылбай остановил битву, хотя его воины, уже, казалось, брали верх, опомнились, а пока они осмотрелись, перестал и дождь. Куда-то исчезли черные тучи, и на небе остались лишь горы белых облаков. А между ними – помытые, сверкающие чистотой голубые-голубые небесные поляны. Светлый занавес из золотисто-серебряных лучей солнца, льющихся из-за облачной горы, тянулся до самой земли...

А в это время тысячник Эдильбий-эля Ортабай из Сарыбатыровых, взяв с собой остатки своих джигитов, а их было триста, мчался к журту Зашарбек-бия. Что там вы будете делать – на это воля ваша, но чтобы уже сегодня журта Зашарбек-бия не было на земле – таково было повеление Акылбая.

Группа Ортабая осадил коней у журта Зашарбек-бия. У самой макушки холма на горизонте остановилось и Солнце, остановилось и глянуло прямо в глаза джигитам. Солнце, видимо, уже знало, зачем это прискакали сюда джигиты, и ему было стыдно и больно – стыдно, что люди, считающие себя его, Солнца, детьми, способны и на такое, больно – оттого, что его дети на Земле уже не живут в согласии как братья и сестры. И Солнце рассердилось – покраснело и стало биться от отчаяния и, наверное, кричало изо всех сил!: «Стойте! Стойте! Стойте!» Так продолжалось недолго. Вскоре, поняв, что ему их не остановить, и не желая видеть жестокость своих детей, Солнце дернуло к себе соседнее облако и закрыло себя. И в это время с неба стали падать теплые, крупные капли. Кто знает, может быть, это были слезы Святого Солнца, небесного Большого Отца народа алан-ас. Ведь и отцы тоже плачут, когда дети поступают жестоко, не слушаются их...

Акылбай остановился в ханском журте – в журте Ас-Уя-Зан. Ему ли жалеть асуязановское добро – распорядился прирезать столько скота, сколько понадобится для войска, принести в ханский шатер бозу и вино из ханских погребов и позвать к нему в гости биев и тысячников.

– Ну, ты понял свою ошибку? – спросил Акылбай у Тулфар-бия из рода Мамай, когда все изрядно выпили и расслабились, вспомнив, видно,

то, что во время праздника Святого Афсаты на Поле Радости тот пошел не вместе с Акылбаем, а с Темир-Зан-ханом.

– Ничего страшного, Акылбай, если я ошибся – исправлюсь! Не беспокойся – все будет хорошо! – ответил Тулфар-бий, не понимая, о какой такой его ошибке говорил Акылбай, но хорошо зная сам, когда и какую ошибку совершил.

Тулфар-бий был горбоносым, светлоглазым мужчиной в расцвете сил – ему было лет сорок. Он выглядел худощавым, но силенки у него были.

– Значит, помнишь все-таки свою ошибку? – поводя слегка помутневшими глазами в сторону Тулфар-бия вновь спросил Акылбай.

– Помню, помню! – сказал Тулфар-бий. – Кто же не ошибается, Акылбай. Но, если ты мужчина, и понял, что ошибся – надо постараться исправиться!

– А ты справишься?

– Ты посмотри на него – конечно исправлюсь!

– Вот настоящий мужчина! Молодец! – воскликнул Акылбай. – А ну, держи – выпьем вместе! – Акылбай взял тонконогий сосуд из меди с позолотой и выпил.

Чтобы Акылбай опять не пристал к нему, выпил и Тулфар-бий.

Напившись и наевшись вдоволь, бии и тысячники разошлись по своим шатрам лишь к полуночи...

Утром Акылбая разбудил Озган-бий.

– Чего надо, что случилось? – спросил Акылбай, недовольный тем, что его потревожили в такую рань.

– Тулфар-бий ушел! – сообщил Озган-бий.

– Ну и что? Пусть уходит! – сказал небрежно Акылбай. Видно, у него в голове все еще продолжался вчерашний вечер.

– Ушел совсем, увел с собой и джигитов своих! Наверное, перешел на сторону Великого хана.

Наконец поняв суть дела, Акылбай вытаращил глаза на Озган-бия, как сумасшедший. Потом, вскочив, закричал:

– Вдогонку! Догнать! Я его, собаку, к хвостам коней привяжу! – и кинулся к одежде, к оружию.

– Успокойся! – сказал Озган-бий. – Он давно уже там, где хотел быть. И от погони теперь проку нет.

Акылбай с размаху хлопнул чабыром о землю – от досады и злости он готов был грызть землю.

– Но надо же как-то отомстить этой собаке! – крикнул он, присев на гахту и стукнув кулаками по коленкам. – Сейчас же послать джигитов, чтоб они его журт...

– Мы же, кажется, вышли воевать не с женщинами и стариками! – прервал его Озган-бий. – Если мы мужчины, Акылбай, то и воевать должны с мужчинами! Вон, совсем невдалеке находятся те, с которыми мы и собирались воевать, – встань, подними джигитов и вступай в битву! Хватит и того, что уничтожил журт Зашарбек-бия!

– Заткнись! – крикнул Акылбай. – Я и без тебя знаю, что мне делать!

– Ну и делай, раз знаешь! – крикнул в ответ Озган-бий и резко вышел из шатра.

– Стой! – крикнул Акылбай.

Озган-бий не остановился.

Акылбай засуетился, кое-как надел чабыры, прихватил меч и выскочил наружу. Озган-бий, хлестнув коня плеткой, уходил к стану своих джигитов.

– Скорее! Держите его! – закричал Акылбай.

Но пока пришли в себя заспанные джигиты, да пока они седлали коней, Озган-бий уже был у своего стана. Видно, что он перед тем, как отправиться в шатер к Акылбаю, повелел своим джигитам быть готовыми – сейчас все они ждали своего бия уже в седлах. Подскакав к своим джигитам, Озган-бий что-то прокричал им, и тот час же, повернув коня по направлению к своему журту, пустился по степи стрелой. Вслед за ним поскакали и его джигиты.

И Акылбай, и повыскакивавшие из своих шатров бии и джигиты с удивлением смотрели на все это, не понимая что к чему. А Акылбай метался туда-сюда, не находя себе места – так он был взбешен.

– Готовьте джигитов! Выступаем! – крикнул он подбежавшим к нему биям и тысячникам...

Как только добрался до своего журта, Озган-бий первым делом собрал семью в дорогу. Ему некогда было отвечать на вопросы жены Жулдуз, которая со слезами в голосе, не сдержавшись, то и дело спрашивала: «Что случилось? Куда уезжаем? Почему ничего не говоришь?». Он все делал так, как считал нужным сам, и как всегда – быстро, надежно, отдавая короткие, четкие распоряжения. Вскоре все из имущества, что имело цену и легко можно было взять с собой, было связано в тюки и навьючено на лошадей. Когда все было полностью подготовлено, и можно было трогаться, он подошел к Жулдуз:

– Будь молодчиной! Береги детей! – сказал он, странно улыбнувшись, таким голосом, что сердце Жулдуз разрывалось на части. Потом, не сдержавшись, начал обнимать, целовать детей, гладить их головы.

У Озган-бия было четверо сыновей и две дочери. Старший сын – Алан-Зигит был восемнадцатилетним, уже настоящим джигитом.

– Отец, позволь мне остаться с тобой! – попросил он. Джигит, видно, понимал все, что происходит.

– Так нельзя, сын мой! – сказал Озган-бий сыну, отведя его в сторону. – С матерью должен поехать или я, или ты. В семье всегда должен быть хотя бы один взрослый мужчина. На этот раз будь ты с семьей, а в следующий раз, когда опять выпадет такой случай – буду я. Хорошо, сын мой?

– Я хотел быть с тобой, отец! – с грустью в голосе сказал Алан-Зигит.

– И я очень хотел, чтобы ты был со мной, сын мой. Больше всего этого хотел бы! Но нам, мужчинам, понимаешь, надо поступать так, как

надо, а не так, как мы сами хотим. Посмотри на свою сестренку Айзарык – какая она красивая девушка! И если какой-нибудь невоспитанный юноша обидит ее, и если рядом не окажется ни ее отца, ни старшего брата, кто огреет ее обидчика по щеке? А? Слышишь – на этот раз ты должен быть вместе с матерью, с братьями и сестрами. Надо – понимаешь? А мне надо остаться здесь. Я сделал одну глупость, а теперь надо исправить эту ошибку. Чтобы потом вам не было стыдно ни перед кем. Если ты хочешь быть вместе со мной, то, как только доедете, присоединяйся к ханским джигитам. Тогда мы будем вместе!

– Позже и ты приедешь туда?

– Да, приеду. А теперь, если хочешь, чтобы я был доволен тобой – садись на коня. Долго медлить нельзя! – Озган-бий еще раз обнял сына. – Алан-Зигит – видишь, какое у тебя хорошее имя! Не забывай об этом!

– Найдешь там Атлы, старшего сына Тенгиз-бия, и скажешь – так, мол, и так, Озган-бий понял свою ошибку и, чтобы потом не пришлось краснеть, остался ее исправлять. Пусть присматривает за детьми! – напутствовал Озган-бий старшего из джигитов, которым доверил сопровождать семью до журта Тенгиз-бия, где, вероятнее всего, и находился Великий хан. Этот джигит тоже был из рода Тангберди, звали его Аланбий, мать его была родом из Абаевых. Озган-бий неспроста отправлял его вместе с семьей – именно его посылал он тогда с вестью о том, что Акылбай уже собрался открыто выступить против Темир-Зан-хана. Озган-бий надеялся, что Атлы не забыл об этой услуге Аланбия и не откажет в помощи...

Проводив семью, Озган-бий почувствовал, что сердце его очистилось от всяких забот и тревог, как весеннее небо от облаков после дождя, легко и свободно стало на душе, – теперь он, ни о чем не думая, ждал прихода Акылбая.

Удивительно, но мысли о том, что можно просто уйти, а не ждать здесь Акылбая, что на самом деле означало назначить битву, из которой ему живым навряд ли удастся уйти, ни разу не приходила в голову Озганбию. Если бы он сейчас вместе со своими джигитами, как и Тулфар-бий из рода Мамай, перешел бы на сторону Великого хана – конечно, было бы лучше всего. Но Озган-бий... стеснялся так поступить. Ему казалось – нет, он был уверен, что это было бы равносильно тому, как если бы кот, съевший сметану, стал бы потом ласкаться к хозяйке.

У Тулфар-бия все было просто – он никогда не был сторонником Акылбая, и к его грязным делам и помыслам не имел никакого отношения, а потому у него не было и вины перед Великим ханом. Акылбай нагрянул к нему в журт неожиданно, сказал, что он является ханом Абай-тайфы, потребовал собрать воинов-джигитов, и увел с собой – что он мог поделаться? А когда представился случай, поступил так, как и должен был поступить бий, верный Великому хану – перешел на его сторону вместе со

своими джигитами. А у него, у Озган-бия, дело совсем другое – он с самого начала торил кривую тропку, сблизившись с этими подонками – с Акылбаем и Зашарбеком.

Нет, он, Озган-бий, не может просто так взять и заявиться к Великому хану, как ни в чем не бывало. Как гулявшая женушка, которая убежала с любовником, а потом, не поладив с ним, вновь вернулась к своему мужу. Нет, нет – ему, мужчине, да еще бию, такой поступок не к лицу. У него остался лишь один выход – укрепиться как следует здесь, у себя в журте, и если придет Акылбай, как следует с ним «поговорить». Потом, когда завершится дело с Акылбаем – тогда другое дело. Но Озган-бий на это «потом», конечно, не надеялся, он знал хорошо, что его попросту не будет, что сегодня он вступит в последнюю в своей жизни схватку: умрет, но живым его Акылбай отсюда не выпустит. Скачет, наверное, сейчас во главе всего своего войска, небось мнит себя героем-батыром, отправившимся на большую войну с грозным и многочисленным врагом. Хорошо – пусть приходит! Ему, Озган-бию, только этого и надо – иначе ему не очистить и род свой, и семью свою от грязи, которую сам же и вылил на их головы! Да, интересно устроен этот мир – грязь своей вины перед родом, детьми человеку иногда приходится смывать своей собственной кровью! Иногда другого выхода, оказывается, не бывает. Кто знает, может это и правильно. А что – ведь никто не имеет право причинять вред другому. Тем более – своей семье, своему роду, народу своему. Ошибся, нанес вред – постарайся добрым делом поправить положение, а если так не удастся, то не пожалей и жизни своей! Да – так, пожалуй, правильно!..

– Привязать коней! Закрыть проход! – повелел Озган-бий. – Воевать – так воевать по-настоящему! Правильно?

– А не лучше ли было перейти на сторону Великого хана? – спросил Топал-батыр из рода Тамбий, он был тысячником над джигитами эля.

– А честь, друг мой, что делать с честью? – сказал Озган-бий. – Вчера туда прислонился, сегодня – сюда! Это же некрасиво, верно? Вот если б с самого начала были бы на стороне Великого хана...

– Мало, что ли, я говорил тебе, что я недоволен тем, что ты сдружился с Акылбаем, Зашарбеком, что о них в народе ходит дурная слава. А ты только ругал меня, говорил, что не мое это дело.

– Хорошо, хорошо! Я поступил так, как ты хотел – я ушел от них! Теперь-то ты доволен?

– Доволен.

– Ну, раз доволен, кончай пустые разговоры и готовь джигитов к битве.

– Они и так готовы.

– Ну и хорошо...

И вот, наконец, на горизонте появилась черная линия – это, конечно, шел Акылбай. Озган-бий стоял на одной из телег, ограждавших журт, и молча смотрел в ту сторону. Сейчас он казался гораздо выше, чем

обычно — как красивая высокая сосна. Его золотыми волосами играл шальной ветерок. Он спокойно, неспеша надел свой сияющий медный шлем. Если б не его грешки, совершенные в последнее время, можно было даже сказать, что он похож на самого Танг-Эри-Тая — до того он был хорош да пригож!

— Джигиты! — обратился к своим соратникам Озган-бий, и упругий, красивый голос его зазвенел по-особому, почти торжественно. — Давайте забудем про все, и как настоящие молодцы народа алан-ас, о которых поется в песнях, станем биться как следует за справедливость и за светлого, словно солнечный луч, молодого нашего хана — Темир-Зан-хана! Хорошо?

— Хорошо!

— Будем биться!

— Тогда приготовьтесь! Пусть каждый займет свое место!

Между телегами, за телегами места всем не было, поэтому многие джигиты, как и Озган-бий, вспрыгнули на телеги и взяли в руки луки и стрелы.

Еще издали акылбаевское войско с двух сторон стало выпускать вперед два крыла — чтобы обхватить журт и ударить одновременно со всех сторон. Но для джигитов Озган-бия это не имело особого значения — по всему кругу обороны их вполне хватало. Приладив стрелы к лукам, все они смотрели на приближающихся врагов, ожидая того момента, когда те достигнут той черты, когда их может взять стрела. И все они знают, что джигиты, находящиеся внутри укрепленного журта, смогут довольно долгое время сдерживать врага, значительно превосходящего их по численности — если не растеряются и будут воевать умело и хладнокровно. Правда, акылбаево войско, кажется, слишком уж значительно их превосходит...

Постарайтесь с ходу прорваться в журт! — так, наверное, повелел Акылбай своим воинам, и вот они решительно неслись вперед, помахивая в воздухе мечами. И когда они пересекли ту невидимую линию, стрелы джигитов Озган-бия полетели к ним навстречу. И тотчас же разлился по степи привычный шум битвы — ржанье-плач упавших коней, в которых попали стрелы, проклятья раненых джигитов, воинственные крики живых. А стрелы, пущенные твердыми руками джигитов Озган-бия, впивались и впивались в людей Акылбая, в их лошадей. Теперь непреодолимой преградой для акылбаевских воинов стали их же мертвые и раненые товарищи, оказавшиеся на земле, раненые, пытающиеся встать лошади, скачущие повсюду оставшиеся без седоков кони.

Но, несмотря на все это, некоторые из акылбаевских джигитов все-таки прорывались до ограды журта и пытались достать своими мечами или копьями обороняющихся. Но все они, пораженные стрелами и дротиками, падали прямо у телег или даже на телеги. Конечно, если б они доходили до ограды журта не по одному, а сразу все вместе, они, наверное,

могли бы и прорваться в журт, и другим дорогу проложить, но им мешали стрелы и дротики джигитов Озган-бия, а также груды тел павших людей и лошадей, которые все росли и росли.

Поняв, наконец, что сходу взять журт не удастся и что гибнет слишком уж много людей, Акылбай остановил своих джигитов. Сам-то он, наверное, и не остановил бы – от ярости он не знал, что и делать – настояли бии.

– Что же теперь делать? – недобро глянул Акылбай на своих нёгеров-биев.

– Надо поджечь ограду журта – другого выхода нет, – сказал Кайсар-бий из рода Зууаш.

– Кайсар-бий дело говорит – надо поджечь ограду журта, – сказал и Кушатар-бий решительно, то ли оттого, что теперь, когда нет ни Зашарбека, ни Озгана, он почувствовал себя правой рукой Акылбая, то ли опасаясь гнева Акылбая, если тот припомнит, что он был дружен с Озган-бием.

– Хорошо. Поджигайте! – повелел Акылбай.

– Надо разузнать, есть ли у джигитов силде, – сказал озабоченно Кушатар-бий.

– Вот и разузнай! – закричал раздраженно Акылбай.

Кушатар-бий поскакал к своим джигитам.

Немного поостыв, Акылбай велел так – поставить воинов с силде в середину, и колоннами-мечами со всех четырех сторон одновременно пробиваться к ограде журта. Во что бы то ни стало атакующие джигиты должны довести своих нёгеров с горящими силде в руках до ограды.

И вот из войска Акылбая в сторону журта во весь опор понеслись джигиты, вытягиваясь в колонны-мечи.

«Таким образом, видно, Акылбай хочет, как копьями, пробить ограду-панцырь журта, – подумал Озган-бий. – Хорошо – иди, иди! Посмотрим, кто кого – твои ли копья пробьют мой бок, или же мои телеги обломают твои копья!»

Но когда приблизились акылбаевские джигиты, заметив черный дым над их головами, Озган-бий заметно растерялся. В середине каждого акылбаевского «копья» находились воины с горящими силде в руках – они несли огонь с собой! Нет на свете ничего сильнее огня, и нет никого, кто бы не страшился его! А для джигитов, обороняющихся в укрепленном журте, и смерть – смерть, и огонь – смерть, никакой разницы между ними нет.

– У них есть горящие силде! Приготовить воду! Первыми бейте джигитов, которые несут силде! – закричал Озган-бий.

Джигиты кинулись по шатрам, и вскоре побежали в те места ограды, куда были нацелены акылбаевские «копья», с бурдюками с водой. И вновь все началось сначала: со свистом полетели стрелы, заржали кони, послышались крики и проклятья раненых, боевые кличи живых, глухие удары о

землю падавших людей и коней. И в этой сумасшедшей суматохе многие сидде долетали до ограды. Одни из них падали прямо перед джигитами то на телеги, где было немало тряпья, то залетали под телеги. В нескольких местах уже даже начинало дымить, но джигиты быстро тушили огонь, когда он еще был маленьким и не набрался сил. Но вот в одном месте, видно, не заметили, куда закатилось сидде, огонь набрался сил и сразу же накинулся на ограду — пламя охватило сразу несколько телег.

Атакующие остановились и стали выжидать — они тоже знали силу огня и попусту не хотели умирать: пусть огонь съест ограду и пусть в бессмысленной борьбе с ним джигиты Озган-бия изматываются, выбьются из сил, пусть огонь опустошит их души, сплотив всю их надежду, и тогда можно будет легко их одолеть.

Но Акылбай с криками набросился на них, и вновь погнался на приступ. Со всех сторон на журт Озган-бия, на головы его джигитов опять посыпались стрелы, дротики, сидде.

— На коней! — крикнул Озган-бий.

Пока не пришел огонь, ограда их оберегала от смерти, теперь, охваченная огнем, она сама несла им смерть!

Когда все джигиты уже были в седлах, быстро убрали в стороны две-три телеги и освободили проход.

— Еуа, джигиты! Алла! Уругуз! — крикнул Озган-бий и, подняв меч, первым бросился в проход. Солнечный луч сверкал на кончике его меча, и, казалось, сам Великий Танг'-Ури с высокого Святого Синего Неба вливает в меч Озган-бия чудесную силу! Джигиты понеслись за летящим впереди Озган-бием. Сильно брошенным копьем врезались джигиты Озган-бия в тело акылбаева войска, а сам Озган-бий со сверкающим племем на голове был острием этого копья...

Спустя некоторое время, акылбаево войско, словно грязный селевой поток, хлынуло туда — в сторону журта Озган-бия. А позади него, погруженные в вечный сон, лежали сотни и сотни джигитов, вольно раскинув в разные стороны руки и ноги...

А земля, черная земля пила их кровь. О, Святая Мать-Земля, скажи ты Большая мать асского народа или же эмегенша? Когда же ты насытишься кровью своих детей — кровью асских джигитов?..

Воины Акылбая, поживившись чем могли в журте Озган-бия, потом полностью сожгли его и развеяли прах по ветру, как и было велено. Лишь после этого, разбившись на группы, разбрелись в разные стороны грабить другие журты Тангберди-эля. Так сказал Акылбай, когда закончилась битва, и он увидел, сколько воинов он лишился, прежде чем взять этот проклятый журт Озган-бия. Здесь, сказал он, виновен не только один Озган-бий, весь эль виновен, потому что все джигиты эля подняли против нас оружие, а раз так — и журты, и добро их принадлежит вам, победителям, берите что хотите, делайте что хотите!..

Ортабай из рода Сарыбатыров вел своих джигитов по направлению

захода солнца, несколько отклоняясь вниз, влево — впереди должны были быть журты рода Малконду. Сарыбатыровы и Малкондуевы находились в разных злых, но жили по-соседству. Малкондуевы были богатым родом, и Сарыбатыровы их всегда недолгоблюдали — завидовали. Да, еще много чего в этой жизни такого, что часто приводило соседей к ссорам: если, вернувшись из летовки, застаешь зимние пастбища отравленными и затоптанными, если вдруг потерялись, как сквозь землю провалились, овцы, лошади или бычки — кого же еще винить во всем этом, если не соседа? Бывало, что джигиты соседних родов сгоряча хватались не только за грудки, но и за мечи...

А сегодня Ортабай может позлорадствовать — Акылбай-хан сам разрешил разорить журты Тангберди-зля. Ортабай сегодня же доставит в свой журт свою долю скота и добра — только за один день, да смилостивится Небо, он добудет столько, сколько иной раз именитые батыры привозят из далеких жоргууулов. Лошади, овцы, бычки! А в сундуках малкондуевских женщин разие мало разного добра — дорогих заморских тканей невиданной красоты, кафтанов, нитых золотом, куршаков и нагрудников из золота и серебра! Вперед, вперед!..

Вот и показался журт. И Ортабай, и его негры, не сдерживая криков радости, рванулись вперед. По тому, как они стремительно неслись, можно было подумать, что их никто и ничто на этом свете не сможет остановить. Но случилось невероятное, — домчавшись до ворот журта, они остановились, словно наткнувшись на невидимую стену — посреди ворот стоял белобородый старик с поднятой правой рукой, и на груди его длинной голубой накидки светилось, как настоящее, золотое изображение Святого Солнца. Это был сам Святой слуга Великого Танг-Эри в Алан-Ле-Уе Сабыр-Зан.

— Чьи вы люди? И что вы рыщете здесь, отбившись от джигитов своего рода? — спросил Сабыр-Зан.

— Мы — люди Акылбай-хана! — словно гордясь этим, смело сказал Ортабай. — Озган-бий поднял меч против Акылбай-хана, а потому хан повелел разграбить журты его зля. Мы здесь по велению Акылбай-хана. Уйди с дороги, Сабыр-Зан!

Так грубо со Святым слугой Великого Танг-Эри еще никто не разговаривал.

— В Абай-тайфе, кроме Темир-Зан-хана, другого хана нет! А вы, как я полагаю, являетесь шайкой качаков-разбойников — не станут же воины-джигиты разорять журты своего же народа?! — сказал Сабыр-Зан. — Убирайтесь сейчас же отсюда! Не злите Святое Небо!

— Пусть боятся другие, а я тебя не боюсь. Сабыр-Зан! Уйди с дороги по-хорошему! — закричал Ортабай с покрасневшими от ярости глазами, напирая конем на Сабыр-Зана.

— Сдержи себя, джигит, — если не боишься меня, то хоть побойся Великого Танг-Эри! — крикнул Сабыр-Зан.

– Я никого не боюсь! – закричал Ортабай, он выхватил меч из ножен и вновь стал конем наседать на Сабыр-Зана.

Сабыр-Зан поднял свой посох...

После негры Ортабая рассказывали, будто бы, когда Сабыр-Зан поднял свой посох, то из него ударила молния и убила Ортабая. Так или не так, кто его знает, но точно известно вот что: когда Сабыр-Зан поднял свой посох, конь Ортабая встал на дыбы, страшно заржал и стрелой понесся в степь, а на земле лежал уже мертвый Ортабай.

Увидев это, негры Ортабая бросились вслед за его конем – еле живые от страха, что Сабыр-Зан сотворит что-нибудь страшное и с ними...

3. Дни клятвы на поле радости

Глава из романа «Дети солнца» (Магомед Кучинаев)

Во второй половине дня, когда жара немного спала, Поле Радости вновь наполнилось народом. Но на этот раз воины-джигиты и остальные люди не были попеременно, как это было до полудня, а находились отдельно. Воины-джигиты, выстроившись в колонны, с трех сторон окружали Холм Клятвы, а остальной народ, как и раньше, разместился на косогоре за ханским шатром. К торжествам уже все готовы и находятся на своих местах – и Великий хан, и тайфные ханы, и предводитель войск.

Взоры всех устремлены на дорогу, что выходит из ханского журта: отсюда и должен появиться тот, которого ждут все – Святой Слуга Великого Танг-Эри в Алан-Ас-Уе Сабыр-Зан.

Вот наконец-то послышались крики:

– Едут! Едут!

– Уже выехали из журта!

Как только люди увидели, что запряженная четырьмя лошадьми огненной масти, крытая белым войином повозка пересекла речку возле журта, так сразу же встали все: и сам Великий хан, степенно сидевший до этого; и мальчишки, что бегали по приволью Поля Радости; и те, что сидели кучками, болтая; и те, что валялись на травке, давая телу расслабиться – стали огляживаться и приводить себя в порядок. Прекончив с этим, все чинно стали дожидаться прибытия повозки. Так, почтительно, встречали все и всегда в Алан-Ас-Уе меч самого Великого Танг-Эри-Тая – Большого Небесного Отца алано-асского народа. Хранитель меча, Святой слуга Великого Танг-Эри в Алан-Ас-Уе Сабыр-Зан и вез сейчас меч Великого Танг-Эри-Тая в повозке, запряженной огненными конями, перед которым и будут давать торжественную клятву уходящие на войну с иноземными врагами воины-джигиты.

Гремят барабаны, поют свирели. Сопровождаемая почетными караванными, повозка подъехала к Холму Клятвы и остановилась напротив ханского шатра. Трое джигитов, имена которых прославились во время сегодняшних состязаний – Танг-Улан из рода Улубаш, Зигит из рода Таукель и Мурат из рода Занкиши, с ног до головы одетые в красное, подбежали к повозке и отогнули в стороны края кийзов, прикрывавшие выход из повозки.

Из повозки, держа меч клинком вверх обеими руками, вышел Святой слуга Великого Танг-Эри Сабыр-Зан. На нем длинная накидка из оранжевой плотной парчи, шитая золотом, отчего Сабыр-Зан поистине похож на одного из Небесных Святых. Он сделал пять-шесть шагов и остановился, и эти самые трое джигитов, поприжав свои коня к правым бокам, выстроились за ним в цепочку. С новой силой ударили барабаны, заиграли свирели. Святой слуга Великого Танг-Эри в сопровождении трех великодушных воинов-джигитов направился к Холму Клятвы. Перед ними, символизирующими самого Великого Танг-Эри-Тая и трех его сыновей, и будут давать торжественную клятву бороться с иноземным врагом до победного конца уходящие на войну воины-джигиты.

Верх Холма Клятвы ровный-ровный, словно кто-то отрезал и выбросил его макушку, а прямо посередине знак Святого Солнца – Танг-Эри. Это круг с отметиной в середине и с расходящимися от него стрелами-лучами. От черты круга до его центра не более одного шага – Святой слуга Великого Танг-Эри, втыкая меч в отметину, не должен наступать ногой на черту круга. И сам круг Солнца, и его расходящиеся лучи выложены красным битым камнем, а отметина посреди круга – красной каменной крошкой.

Воины-джигиты вот так, одновременно и перед своим Большим Небесным отцом – Святым Солнцем, и перед Земным Большим Отцом – Танг-Эри-Таем, и перед Великим ханом Алан-Ас-Уи, и перед тайфными ханами, и перед предводителями войск, и перед всем народом, как сыновья Алан-Ас-Уи, дают клятву защитить ее землю и воды, свой народ от иноземного врага до последнего дыхания.

Вот Сабыр-зан подошел к кругу и, высоко подняв меч обеими руками, воткнул его в середину круга и, повернувшись лицом к воинам, стал у окончания лучей. Трое джигитов стали за его спиной, придерживая правыми руками коня.

Сабыр-Зан, серебряная борода которого достигала груди, в сверкающих золотом одеждах поистине был похож на Святого Танг-Эри-Тая, спустившегося с Неба. Вот он простер свои руки вверх – к Святому Солнцу, и стало тихо-тихо, словно к его словам будут прислушиваться не только собравшиеся здесь, но и все люди, живущие на земле.

– О, Великий Танг-Эри – Святое Солнце! – крикнул он громовым голосом, да так, что ни у кого не осталось ни капли сомнения в том, что его услышал и сам Великий Танг-Эри. У всех аж мурашки побежали по

спине. — Мы, дети твои на Земле, еще раз обращаемся к тебе с просьбой о помощи! Просим тебя — добавь силу и мощь телам своих детей из моря силы и мощи своей. Дай им смелости из моря своей храбрости и мужества! Да если дань ты им хоть толику из того мужества, храбрости и силы, что ты сам имеешь — даже и этого хватит, чтобы все наши джигиты стали настоящими батырами! Посмотри — все они твои дети! Прощу тебя — не оставляй их в трудный час без своей помощи! Посмотри — все они просят тебя! — сказав так, Святой слуга Великого Танг-Эри обвел рукой и воинов-джигитов, и простой народ. И все они разом вытянули руки к Солнцу — к своему Большому Небесному Отцу. И вот, когда Сабыр-Зан векинул руки к Солнцу, все в один голос вскричали:

— Святое Солнце! Святое Солнце! Святое Солнце!

Сабыр-Зан, обратившись к народу, с новой силой векинул руки к Солнцу, и люди с новой энергией стали вскрикивать:

— Святое Солнце! Святое Солнце! Святое Солнце!

Сабыр-Зан, повернувшись к воинам, вновь векинул руки вверх, и воины дружно поддерживали его:

— Святое Солнце! Святое Солнце! Святое Солнце!

Сабыр-Зан вытянул руки в сторону воинов и воскликнул:

— Мы все попросили помощи у Великого Танг-Эри — Святого Солнца. Глядя на его Светлый Лик, я поверил, что Оно поможет своим любимым детям. А вы верите?

— Верим! Верим! Верим! — закричали воины.

— Тогда на имя у Святого Солнца, перед мечом Великого Танг-Эри-Тая дайте клятву, что будете до последнего вздоха защищать Нарт-Ую Ас-Ую и ее народ от иноземного врага до последнего вздоха!

Вновь грянули громовые звуки барабанов, заиграли свирели и пять воинов-джигитов из пяти тайф направилась к вершине холма. Это самые молодые воины, уже проявившие свои способности, ловкость и храбрость. Один из них — средний сын Великого хана Кюн-Бала, он идет чуть впереди своих нагеров. Кюн-Бала дошел до конца лучей-стрел, идущих от Солнца, и остановился. Его нагеры встали по обе стороны от него по двое. Вот джигиты взяли свои мечи в руки и преклонились, опустившись на одно колено. Тысячи и тысячи воинов сделали то же самое.

Кюн-Бала приподнял голову — перед его взором золотым огнем горел меч Танг-Эри-Тая, рядом, словно сам Небесный Отец спустился с Неба, стоит Сабыр-Зан. Еще не вполне окрепшим, чуть дрожащим от восторга голосом Кюн-Бала стали произносить слова клятвы:

— Наш Большой Небесный Отец Танг-Эри — Святое Солнце! Наша Большая Небесная Мать Танг-Кызы — Золотая Луна! Народ нарт-на-арод асов — ваши дети! Коснувшись своим мечом Святой Земли перед всеми вами даю я клятву: Защитить народ нарт-нарт от его врагов! Оберегать Алан-Ас-Ую со всех сторон! И не выпущу свой меч из рук до последнего вздоха! Клянусь хлебом, выращенным нашей землей, что не бро-

пу товарищей своих и не нарушу эту клятву никогда! — Сказав так, Кюн-Бага велел во весь рост и, вытянув в руках меч, трижды воскликнул:

— Клянусь! Клянусь! Клянусь!

Вслед за ним тысячи воинов повторили:

— Клянусь! Клянусь! Клянусь!

После этого Сабыр-зан и трое его помощников-джигитов, сопровождаемые звуками музыки и неистовыми криками воинов и простых людей, донесли меч Тани-Эри-Тая обратно к крытой повозке, сели в нее и уехали в ханский журт.

Тотчас же джигиты нагнали хворосту на вершину холма, и вскоре запылал громадный костер. Вокруг Холма Клятвы начался той — люди чтили, танцевали, затевали разные игры, состязания. А чуть далее — на берегу речки часть джигитов режут жертвенных баранов и быков, подвешивают казаны над огнями.

Большой всенародный той продолжался до позднего вечера. А имена Кюн-Бага и Зигит Кюн-Тыяк у всех на устах — словно у людей и в самом деле нет иных дел как выспросить или рассказать о них что-нибудь новенькое. Но почему-то никто не заговаривал и даже и не думал о том, что эта отважная девчонка и ханский сын встретились лишь благодаря тому, что к границам Алан-Ас-Уи приближался черный ураган войны, который еще не известно, на кого какую беду найдет, кого куда раскидает. Этим своим пренебрежением к войне, которая неслась на них вскачь, люди как бы говорили: окая, мол, эта невидаль — война, на многих мы войнках побывали, и на жортууулы не раз ходили, а вот такое чудо мы видим впервые! Да, алано-асекский народ не раз ходил и на дальние, и на ближние жортууулы, многие окрестные племена держит под своей могучей рукой, давно, очень давно не видел на своей земле славного иноземного врага, а потому уже и не боится никого, возгордился — и так, конечно, можно подумать. Наверное, многие так и думают — пусть, мол, идет, если ему так уж сильно хочется, этот самый Дарий, пусть сунется на наши земли, почешут его бока своими пиками наши джигиты, и побежит он тогда без оглядки! Да, наверное, многие так и думают, но ханы и предводители войск, которые хорошо знают жестокости войны, еще с весны, с тех пор как прослышали о намерениях этого Дарий-хана организовать большой жортууул на асекские земли, не зная покоя, думают о том, как защитить и оградить свой народ, свою землю от возможных бед и несчастий. Кажется, все делается так, как и было решено на Большом Ханском совете: еще не осевшие роды и эли Аккуш-тайфы и Тулфар-тайфы, расположенные на пути вероятного вторжения врага, успели полностью перекочевать на земли Бёрю-тайфы и Абай-тайфы. Но в то же время, как бы ни старались ни сам Великий хан, ни тайфные ханы, ни бии, а поднять и переселить заранее осевшие роды, как и предполагали, так и не удалось.

К чему вся эта суматоха из-за каких-то слухов, вот станет точно известно, что враг направился к нам, тогда и поднимемся — так решил на-

род, и никто не смог его переубедить. Конечно, имелась веская причина на это: хлеб хотя и был скошен, но к обмолоту только-только приступили и даже до сих пор еще не закончен – в стогах еще не менее трети урожая. Но теперь, когда стало известно о том, что враг перешел Узкое море и направляется к Долай-саю, медлить уже было нельзя.

Об этом сразу же и заговорил Великий хан как только после завершения принесения клятвы войнами начался той, и они, ханы, бии и батыры, как и положено по обычаю, вместе со всеми присели, чтобы отведать мяса жертвенных животных.

– Танг-Берди и Ас-Каплан, надо сделать все, чтобы через два-три дня здесь, кроме воинов и людей, обслуживающих их, никого не было, – сказали Темир-Зан-хан.

– Да, уж теперь-то медлить с этим делом нет у нас никакой возможности, – согласился Ас-Каплан-хан. – Если постараться, то они могут всего за неделю добраться до берегов Долай-сая. Ведь у них нет никаких препятствий: по ту сторону Долай-сая все племена, кажется, уже покорены ими.

– Алан, Темир-Зан, может быть и вправду стоит попробовать с ними всерьез схватиться? – обратился к Великому хану Залим, сын Коркмаз-хана. – Как-то неудобно – и силу врага не испытыв, бежать.

– Не торопись, Залим! Не бойся – и всерьез с ним тоже схватимся, только на первых порах дай нам все делать так, как и было решено, – ответил Великий хан, слегка улыбувшись неутомимой горячности джигита. – Сперва надо узнать кто он, этот наш враг, какова его сила, а потом уж решим что и как делать. А без того, чтобы рано или поздно всерьез с ним схватиться, как бы мы ни старались этого избежать, все равно, наверное, не обойдись. Тем более, если они идут сюда не на простой жортуул, а с большой войной с целью покорить нас. Так что, Залим, особо не торопись – придет время и для серьезной схватки. Если то, что мы задумали на первое время, их не образумит, и они не уйдут, а будут продолжать пытаться кинуть нас себе под ноги – то и нам будет некуда деваться: придется схватиться всерьез. Но а если вдруг образумятся, поймут, что ничего хорошего они здесь не найдут и начнут уходить – пусть уходят ко всем дьяволам! И тогда, Залим, к чему и серьезная схватка и вообще война – зачем по-пусту кровь проливать? Правильно я говорю, Коркмаз-хан?

– Правильно, правильно! Не обращай внимания – молод еще, вот и любит поговорить. И вообще – впредь поступай как сам разумеешь.

И войска все – в твоих руках, и судьба народа – в твоих руках, как считаешь нужным – так и поступай. И народ наш, и землю нашу никто больше тебя не любит. Так что, теперь без особой необходимости нечего времени тратить и на всякие советы. Рядом с тобой достаточно умных и смекалистых мужей, вот и посоветуйтесь меж собой и решайте, как считаете нужным. Второй раз мы все вместе соберемся теперь только после войны – после победы! Вот это я хотел сказать.

— Было бы хорошо, Темир-Зан, если б и ты сам, и воины-джигиты помогли нам поднять народ, — сказал Танг-Берди-хан. — Если б ты знал, как это трудно — поднять уже осевший народ. Ведь там — это не шатер. О том, сколько в таме и вокруг него имеется всякого добра, человек, не живущий оседло, не поймет. А когда человек пересезжает, он старается ничего не оставить, не выбросить — ведь каждая вещь доставалась ему с таким трудом! Но забрать все с собой невозможно! Как же тогда быть?..

— Хорошо, Танг-Берди, — сказал Великий хан. — Будем ходить все вместе, будем объяснять, разъяснять, что тот, кто идет к нам с войной — это вовсе не гость, а грабитель, и ждать от него милостей не следует. Лишь бы человек был жив и здоров, а добро всегда можно нажить. А после войны те тайфы, которые не понесут больших тягот, помогут вам. И об этом тоже следует сказать людям. Пусть знают, что мы все — одна большая семья, и все мы — братья и сестры друг другу.

— Чуть ли ни с самой весны мы все это говорим людям! — в сердцах воскликнул Танг-Берди-хан. — Уж теперь-то, наверное, послушаются — соберутся в дорогу. Не каждому ведь охота попасть в полон и стать рабом. Или быть затоптанным вражеским конем: жизнь, что ни говори, — штука сладкая!..

Следующим же днем ханы, бии и старейшины родов и старосты атаузов стали поднимать народ. И вскоре на полях кое-где за клубились облака густого серого дыма, сквозь который яростно прорывались вверх мощные языки огня: люди чуть ли не со слезами на глазах исполняли повеление Великого хана — жгли стога необмолоченного хлеба, чтоб он не достался врагу. Почувяв запах горелого зерна, коровы, видно, предполагая, что с хозяевами случилась какая-то беда, о которой те и сами еще не догадывающиеся, режут, стараясь привлечь их внимание; люди бегают туда-сюда, кричат, зовут друг друга; тоже почувяв что-то неладящее, тоскливо повизгивают и лают собаки. Повсюду суета, снеська, беготня.

Великий хан Темир-Зан вместе с ханом тайфы Танг-Берди выехали посмотреть как народ Аккуш-тайфы поднимается и откочевывает с насиженного места. Следом, сопровождая их, выехал и Алан-Зигит с сорока своими пегерами.

Ехали не так уж и долго, а вот уже впереди завиднелся первый журт. Журт вовсю собирался в дорогу. Отыскали старосту журта, им оказался Кичибатыр из рода Будай, мужчина лет шестидесяти, чуть ниже среднего роста, крепенький и полненький такой, с веселыми карими глазами и короткой густой белой бородой.

«Вот какими становятся люди, если они сходят с коней — как барашки, откормленные к зимнему забою!» — почему-то грустно подумалось Темир-Зан-хану.

— Все ли нормально, как собираются люди в дорогу? — спросил Танг-Берди-хан.

— Все собираются, ничего особенного. Только вот один старик заупрямился, не хочет уезжать, а так все нормально, — ответил Кичибатыр.

– Кто он? Почему не хочет?

– Да наш он, из Будаевых. Адемей его зовут. Восемьдесят уже под себя подмял. Да вы что – куда это я поеду, стуча старыми костями, говорит, оставив могилу отца. С самого утра я возился с ним, как только ни убеждал, ни просил – ничего и слышать не хочет. Аж голова у меня заболела. И к своему таму только что пришел было, – сказал Кичибатыр.

– А кто у него есть в таме, готовятся в дорогу? – спросил Темир-Зан-хан.

– Сын есть, он мой ровесник, невестки есть. К войску из его семьи ушли пятеро джигитов, но они не нуждаются в помощи – сами справятся, готовятся, а как же. А старика, сказали, потом, когда начнем трогаться, хоть и силой, но на повозку-то усадим.

– Где их там?

– Вон там – за тем большим грушевым деревом, – сказал Кичибатыр, рукой показывая место, где находился там Адемей.

Темир-Зан-хан и его негры поехали туда.

И вправду, здесь без особой суеты, но довольно основательно готовились к отъезду: во дворе стояли четыре большие повозки, в каждую из которых были впряжены по два вола, и женщины, молодухи, подростки таскали и укладывали в них тамные вещи, бурдюки с зерном, бочонки с маслом и сыром. Широкий двор был заполнен кудахчащими курами и детьми, которые гонялись за курами, то и дело падали и начинали плакать. В общем, стоял обычный в таких случаях невообразимый шум и гам, но несмотря ни на что дело делалось – повозки наполнялись разнобразным скarbом и продуктами.

– Мир и достаток вашему шатру! – приветствовали женщин и подростков всадники, спешившись и цепляя недоуздки за плетень.

– Будьте здоровы! Да сопутствует вам добро! – ответили женщины что постарше.

А все остальные с любопытством поглядывали на странных гостей, которых сопровождают так много воинов-джигитов.

– А где Адемей? Мы к нему приехали, – сказал Танг-Берди-хан.

– Будьте гостями – заходите в там. А дедушка на винограднике, – сказала одна из женщин. Если судить по годам, то она должна быть одной из старших невесток самого Адемея.

Оба хана велел за женщиной пройти на задворки. Пройшли и удивились тому, что увидели – они думали увидеть здесь седого старичка, дремлющего под сенью виноградника, а перед ними стоял Дебет. Правда, настоящий Дебет, наверное, был черным, раз тело его было сделано из железа, а этот был белым-белым, и должен был называться Серебряным Дебетом. До виноградных веток наверху, которые он, наверное, поправлял и до которых обычные люди с трудом дотягивались бы, став на какую-нибудь подставку, этот великан доставал без особого труда.

Увидев гостей, старик стал потирать ладони, слегка похлопывая, – так

он, наверное, «помыл» руки, чтобы поздороваться. Приветливо улыбаясь, старик шагнул навстречу гостям, протягивая им руки.

– Добро пожаловать, гости, добро пожаловать! – сказал он.

– Доброго тебе дня, Адемей! Да спорится дело твое! – поздоровался Темир-Зан-хан, с удовольствием пожимая руку старика-великана.

Приветливо поздоровался со стариком и Танг-Берди-Хан.

– И вы будьте здоровы, джигиты хорошие! Идемте в там, а то здесь жарковато, и айрану попьем, – предложил старик.

– Спасибо, Адемей! Извини, но нам некогда. Мы прослышали, что ты, Адемей, не хочешь вместе со всеми уезжать, желаешь остаться здесь. Мы удивились этому и решили от тебя самого узнать – почему?

– Аха! – воскликнул Дебет Серебряный, – значит, вас послал Танг-Берди-хан! Я так и сказал этому негоднику Кичибатыру, – пусть даже сам Танг-Берди-хан придет и скажет мне, но я не поверю в эту болтовню, что мы, народ асский, едва прослышав о том, что кто-то собирается идти на нас жортуулом, как мы тут же побежим на край земли и там попрячемся по норам, как мыши! Что – выходит, что мы действительно мыши, а тот, кто идет на нас – кот? Я не верю в это! Почему это мы теперь стали бегать от кого-то? Разве не от нас бегали все и всегда? Вы помните сказания о Большом жортууле? – Дебет Серебряный стоял перед ханами, требуя ответа, словно он был святым посланником Святого Синего Неба.

– Помним, там ата, и сказания о Большом жортууле, и о героических делах Танг-Эри-Тая! – ответил Темир-Зан-хан. – Но тебе, оказывается, сказали неправду – мы и не собираемся убежать!

– Да даст тебе Святой Танг-Эри крепкого здоровья, джигит хороший! Я так и знал, что все эти негодники меня разыгрывают. А где этот рохля Кичибатыр, интересно?

– Он вовсе собирается в дорогу, мы только что были у него, – сказал Танг-Берди-хан.

– Что это за дорога? Если все это вранье – тогда в какую это дорогу он собирается? – недружелюбно взглянул Адемей на Танг-Берди-хана – ты, мол, кто таков и откуда взялся: тоже, что ли, решил меня разыграть?

– Не все вранье, Адемей, – сказал Темир-Зан-хан.

– Но ведь ты сам только что сказал, что все это – вранье.

– Я сказал только, что мы не убегаем. Да, мы и не собираемся бежать – мы просто хотим на время войны переселить мирный народ в безопасные места. Так сказать, очищаем место битвы с врагом. Чтоб старики, женщины и дети не пугались под ногами наших воинов-джигитов и не мешали им бороться с иноземцами.

– Тогда – совсем другое дело! А разве нельзя подобрать какое-нибудь хорошее, просторное поле подальше от журта? – вполне серьезно спросил старик.

– Когда борются два батыра, следует детей держать от них подаль-

ше, потому что они, в азарте схватки могут нечаянно задеть кого-нибудь, и это будет очень больно. И мы что-то в этом роде делаем – переселяем народ с тех мест, где наверняка нашим батырам придется схватиться с пришельцами.

– Так бы и сказали! А этот Кичибатыр-трус болтает, что на нас вот-вот нагрянет какое-то чудовище невиданной силы, что мы должны убежать в будинские леса и там попрятаться. Кто же в такое поверит? Ты только посмотри на него – он, этот негодник-трус, а туда же – хочет меня напугать, разыграть!

– Ну, Адемей, тогда мы договорились: ты тоже вместе со всеми трогаешься в путь – хорошо? – спросил Темир-Зан-хан.

– Ну, если так, если надо, что делать – тронемся. Только одно я не могу понять – почему вы не выйдете им навстречу и не всыпете им как следует там, у границ наших земель? Почему это вы решили их пустить, аж до сюда, до тѣра, и здесь с ними побороться?

– Но ведь мы не знаем их силу, Адемей! А судя по рассказам, у них действительно большая сила. Воинов у них, говорят, тьма-тьмущая. И тогда, решив вас не тревожить, скажем, мы выходим им навстречу, схватываемся, оказывается, они сильнее нас, мы не в силах их удержать, и они прорываются сюда – что тогда будет?

Случится беда, много крови прольется, многих в полон утонят. Вот этого-то мы и не хотим. Наши предки – наргы как победили эмегенов и желмаузов, этих пришельцев мы тоже хотим одолеть именно так: умом и хитростью, а если необходимо – и силой тоже! А так, если напрямую попытаться помериться силой, может случиться и так, что они нас одолеют. Ведь всякое может быть, разве не так?

– Клянусь Великим Танг-Эри, этот, кто на нас идет, и вправду, наверное, силен, иначе вы так заранее не забегали бы. Да даст вам, джигитам, силу Великий Танг-Эри, а от нас уже толку нет. Хорошо, уйдем – не будем вам мешать. – Старик с грустью посмотрел на виноградные лозы. – А в этом году урожай винограда будет как никогда хороший. Алан, а не сумеете ли вы к тому времени, когда поспеет урожай, прогнать этих нечестивцев? Постарайтесь, джигиты, а то пропадет такой богатый урожай...

– Постараемся, Адемей, постараемся! Если Великий Танг-Эри поможет! – пообещал Темир-Зан-хан.

– Но вы на него особо не надейтесь – он, говорят, лентяев да трусов не очень-то жалует! – сказал Адемей. – Посмотрит, посмотрит на вас, и если увидит, что вы сами как следует не стараетесь – ленитесь, трусите, – обидется на вас и махнет рукой, не станет вам помогать.

Темир-Зан-хан улыбнулся – он до сих пор ни разу не слышал о том, что и Большой Небесный Отец – Танг-Эри, как и все отцы, может обидеться на детей своих за их проступки и бросить их на произвол судьбы, если они даже и нуждаются в помощи.

– Да неужто Он может так поступить, Адемей! Как это Он, у кого ума –

целое море, сила неограниченна, может не помочь нам, детям своим, если увидит, что нам трудно без его помощи?

— Поможет! Конечно поможет, если увидит, что и вы сами стараетесь из всех сил, не ленитесь и не трусите. А если увидит, что вы полезживаете себе на боку да ждете, когда это Великий Танг-Эри вам поможет — княнуче, может и не помочь. Когда отец делает то, что может сделать сын — это портит сына. А Великий Танг-Эри нас, своих детей, не хочет баловать, портить. А раз так, то мы обязаны делать то, что нам самим положено делать. Лишь тогда, когда нам предстоит выполнить неимоверно большую и тяжелую работу, которую мы сами не в силах выполнить, или если пришла беда, с которой нам самим справиться нелегко — вот только в этих случаях мы должны просить помощи у Великого Танг-Эри. А то, если на каждом шагу, по поводу любого пустякового дела мы постоянно будем просить помощи у Великого Танг-Эри — разве это прилично? А если мы делаем что-то не так, нехорошо — ты думаешь не болит душа Танг-Эри? Так что, вы, храбрые джигиты, не особенно-то посяживайте, раскрыв рты, ожидая помощи Великого Танг-Эри, а сами попытайтесь одолеть этого заморского эмегена. А вот когда попытаетесь и убедитесь, что вам одним его наверняка не одолеть — вот тогда-то и обращайтесь к Небу за помощью!

Я правильно говорю, джигит?

Правильно, очень даже правильно ты говоришь, Адемей! Мы стараемся все сделать так, как говоришь ты. И ты сделай то, что мы просим — возьми женщин и детей и увези их подальше отсюда. Хорошо?

— Хорошо, хорошо — коли дело обстоит так, как говоришь ты. Уйдем, освободим землю — поборитесь. А теперь зайдите в там, выпейте айрана, — и с тем старик направился во двор.

Увидев во дворе под навесом разостланный кийиз, а на нем несколько столиков, на которые быстрые младшие невестки уже несли кушанья, не один десяток воинов-джигитов за плетнем, старик с удивлением посмотрел на Темир-Зан-хана, а затем и на Танг-Берди-хана.

— А сами вы кто будете, джигиты хорошие — ведь вы мне это так и не сказали? — спросил старик.

— Я Темир-Зан-хан из рода Абай, если слышал, — сказал Великий хан. — А он является ханом вашей Аккун-тайфы — Танг-Берди-хан. Вот видишь, он не стал к тебе людей посылать, как ты подумал, а приехал сам!

— Что ты говоришь! Значит, ты и есть тот самый Темир-Зан-хан, о котором все говорят? — и старик еще раз оглядел Великого хана с ног до головы, потом повернулся к Танг-Берди-хану: — Да и тебя я не узнал, Танг-Берди. Когда я видел тебя, ты был слишком молод — и я не узнал тебя сейчас. Чего ж это вы сразу не сказали, а позволили мне столько времени попусту болтать! — заметался старик, не зная как и чем оказать подобающую честь высоким гостям. — А ну-ка, идемте сюда — посмотрим, чем это мои невестки собираются вас угостить, — стал приглашать он обоих ханов под навес, где был расстелен кийиз и поставлены столики.

– Ты нас извини, Адемей, но нам засиживаться некогда – выпьем айрана стоя и поспеем, – сказал Великий хан, беря из рук подростка деревянную чашу с айраном.

– Хорошо, Темир-Зан, – сейчас поступай, как считаешь нужным, но если после того, как сделаете свое дело, не зайдете и не посидите, как и следует гостям, вы меня обидите, – сказал Адемей.

– Если Великий Танг-’Ори даст мне такую возможность, я постараюсь тебя не обидеть, Адемей. Как ты и говоришь, как только дело закончим, так мы к тебе в гости и заедем! – сказал Великий хан, за руку прощаясь с этим замечательным стариком. Потом, видно, что-то вспоминая, остановился и спросил:

– Алан Адемей, у тебя есть сын по имени Зашакку?

– Есть, Темир-Зан, есть, благодаря Небесным Святым.

– А у него есть дочь Кюн-Тыяк?

– Да, есть у него такая дочка-сорвиголова. Еще вчера утром ушла в ханский журт поглядеть на состязания да на разные там торжества и вот до сих пор еще не вернулась. Да ничего, она ведь не одна ушла, вот-вот должна вернуться, – сказал Адемей.

И тогда Темир-Зан-хан вновь горячо пожал руку Адемейу и крепко обнял его. Старик растерянно уставился на Великого хана, ничего не понимая.

– Я поздравляю тебя, Адемей! – сказал Темир-Зан-хан. – По-моему, ты все еще не слышал о том, что твоя внучка Кюн-Тыяк в состязаниях в стрельбе из лука обогнала всех джигитов Алан-Ас-Уи и стала названной дочерью Святого слуги Великого Танг-’Ори Сабыр-Зана.

Старик окончательно растерялся и не знал что и сказать.

– Да что ты говоришь? И ты меня не разыгрываешь? – спросил он, когда пришел в себя.

– А потом Сабыр-Зан сказал, что отдает свою дочь тому джигиту, кто победит в новых состязаниях по стрельбе из лука.

– Да что ты говоришь?! А потом?

– Получилось так, что нашего негодного сына признали победителем. Так что, Адамей, жди сватов от меня!

– Да иди ты! Уж теперь-то ты тоже точно решил меня разыграть. Не поверю, клянусь!

– Хочешь – верь, хочешь – не верь, но действительно это так. Адемей! – сказал Темир-Зан-хан. – Но ты сейчас об этом особо не тревожься – отправляйтесь в дорогу. Мои сваты найдут тебя, где бы ты ни был. Если будете согласны, как только пройдет это тревожное время, за невестой придут джигиты – на торжествах по случаю победы сыграем и их свадьбу. Таков наш обычай, и ты сам, конечно, это знаешь.

Растерянный всем услышанным, Адемей, даже и не понимая до конца что говорит, пробормотал:

– Знаю, знаю... конечно знаю...

— Хорошо, Адемей, — до свидания. Встретимся на свадьбе! — сказал Великий хан, на прощание еще раз пожимая руку старика. — Извини, пожалуйста, — мы так и не зашли в твой там, но сам видишь, время такое.

— Так выходит, что этот негодный Кичибатыр сам не знает, что боится — так, да? Мы же ни от кого не бежим? — спросил Адемей, огулушенный необычными новостями, совершенно не понимая, что вообще говорит.

— Ну конечно же! Мы ни от кого не бежим — мы просто очищаем достаточно большую поляну, убирая отсюда людей, чтоб как следует схватиться с тем самым эмегеном, который идет на нас! — ответил Великий хан, направляясь к своему коню, которого держали под уздцы двое джигитов.

Темир-Зан-хан, Танг-Берди-хан, и их негры исчезли из виду также внезапно, как и появились.

— Коли так — совсем другое дело! А этот негодник Кичибатыр бежим, говорит, — бормотал Адемей, довольный, заходя с улицы во двор...

4. Скифский поход Дария I

Прежде чем рассказать о неудачно закончившемся походе Дария в Скифию, следует коротко поведать о самой Персидской державе, могущественным царем которой он и был.

Как было сказано выше, Персидская держава возникла на развалинах Ассирийской. Сперва, сразу же после развала Ассирии, ведущей державой стала Мидия, но спустя совсем немного времени внук Мидийского царя и правитель Персиды, входившей в состав Мидии, Кир II, воспользовавшись распрями в правящей верхушке, захватывает власть во всей державе. Мидийская держава становится Персидской. Это случилось в 550 году до н. э.

В 522 году власть в Персидской державе переходит в руки 27-летнего Дария из того же царского рода Ахеменидов, после того как он со своими дружинами организовал убийство узурпатора царской власти Гаумата.

Дарий I считается одним из великих реформаторов древнего мира, который на месте державы его деда Кира Великого, представлявшую собой конгломерат мало связанных между собой племен и народов, создал могучую империю, где цементирующей силой державы стала царская власть, опирающаяся на армию и военно-торговую аристократию. Он организовал четкую форму управления государством, разделив всю империю на 20 сатрапий. Каждая сатрапия управлялась сатрапом, которого назначал царь, и вносила в казну определенное количество золота и серебра. К примеру, сатрапия Вавилония выплачивала ежегодно 1000 талантов серебра, Египет — 700 талантов и т. д. Ежегодно в царскую казну поступало свыше 400 тонн серебра.

Сатрапия, как правило, являлась покоренной страной, и сатрап являлся фактически царьком этой страны. Обычно сатрапами назначались военачальники из знатных персидских родов, но царь иногда назначал сатрапом и кого-либо из бывших правителей этой области.

Благодаря громадному богатству, которое скапливалось в царской казне, Дарию удалось построить или расширить дороги, связывающие сатрапии со столицей державы Сузами, что способствовало бурному развитию торговли. Все караванные дороги охранялись войсками, и разбойникам, схваченным на месте преступления, тут же отрубали головы. Вследствие этого купеческое ремесло вскоре стало практически безопасным, что имело, разумеется, немаловажное значение для процветания как ремесла, так и обмена между сатрапиями.

Наделив сатрапов неограниченной гражданской властью, царь в то же время подчинил войска, стоявшие в крупных городах-крепостях, особым начальникам, которые несколько не зависели от сатрапов. Так обеспечивался контроль царя над всеми сатрапиями, чтобы ни один сатрап не посмел вздумать отделиться от империи.

Проведенные Дарием реформы укрепили Персидское государство, стабилизировали общественную жизнь и позволили ему начать осуществлять свои далеко идущие планы завоевания всего мира.

Дарий I, как отмечают многие историки, был умным и дальновидным политиком, а потому просто удивительно, что он не послушался многих своих советников, которые говорили ему, что не следует идти на скифов. «Скифы – народ кочевой, – говорили Дарию советники, – у них нет ни возделанных полей, ни городов, ни особых богатств-сокровищ, – стоит ли воевать с ними?»

Но Дарий, этот умный правитель, все-таки решил покорить Скифию. Почему он так решил, так и осталось загадкой для историков.

Для похода на Скифию царь собрал со всех сатрапий огромное войско, Геродот говорит, что 700 000, хотя трудно в это поверить, и 600 кораблей. Для переправы своих войск через пролив Босфор на западный берег Дарий построил мост через пролив, поставив корабли в ряд от берега до берега и настелив на них доски. Это был первый в мире «мост через море», настоящее чудо того времени. Строил мост грек Мандрокл. Царь был весьма доволен творением Мандрокла и осыпал его дарами.

Целых две недели переправлялись войска Дария на западный берег, так много их было. Закончив переправу, царь приказал двинуться к Истру, за которой и начиналась Скифия. Это было летом 512 года до н. э.

На Истре был наведен мост таким же способом, как и через Босфор, и персидские войска переправились на левый берег реки совершенно спокойно, что, конечно, несколько удивило персов: ведь по логике вещей, скифы должны были воспрепятствовать вторжению иноземной армии на свою территорию. Но этого не произошло.

Переправившись, персы стали углубляться в глубь Скифии.

Скифы же, по сведениям Геродота, все-таки не сумели сплотить все скифские племена на борьбу с врагом, их поддерживали только сарматы, будины и гелоны. Предводители остальных племен стали упрекать скифов в том, что те совершили поход в Переднюю Азию, ни с кем не посоветовавшись, а потому они не в ответе за обиды, нанесенные скифами мидянам, а раз так, раз царь идет отомстить скифам, то они здесь совершенно ни при чем.

Поняв, что в открытом бою полчища Дария им не одолеть, скифы стали применять тактику, как мы сегодня говорим, партизанской войны. День и ночь скифские летучие отряды не давали персиянам покоя, скифы сжигали траву в степи, засыпали колодцы, уничтожали поспевший урожай на полях, угоняли скот. Таким образом, огромное персидское войско оставалось без пополнения своего провианта, что конечно же резко ухудшало его положение.

Очень трудно по сообщениям Геродота и других историков древности представить себе, как шла эта война персов со скифами, но ясно одно: персы все время преследовали скифов, а те постоянно уходили от генерального сражения, но в то же время постоянно атаковывали летучими конными отрядами авангард и обозы персов. Геродот говорит, что скифы нарочно отступали на земли агафирсов, невров, андрофагов и других племен, которые колебались и не хотели подниматься на войну с персами, чтобы «привести войну» на их земли и хотя бы таким способом заставить одуматься. Но в это трудно поверить, скорее всего, скифы просто отступали, уводя в глубь степей стада и население и прикрывая их.

Так как война затягивалась и конца ей не было видно, то Дарий отправил делегацию к главному царю скифов Иданфирсу. Посланник Дария передал царю скифов следующее: «Чудак! Зачем ты все время убегаешь, хотя тебе предоставлен выбор? Если ты считаешь себя в состоянии противиться моей силе, то остановись, прекрати свое скитание и сразись со мною. Если же признаешь себя слишком слабым, тогда следует остановиться бегство и, неся в дар твоему владыке землю и воду, вступить с ним в переговоры».

На это царь скифов ответил следующими словами: «Я и прежде никогда не бежал из страха перед кем-либо и теперь убегаю не от тебя. И сейчас я поступаю так же, как обычно в мирное время. А почему я тогда же не вступил в сражение с тобой – это я также объясню. У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступим в бой с вами немедленно. Если же вы желаете во что бы то ни стало сразиться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет. Но до тех пор, пока нам не заблагорассудится, мы не вступим в бой с вами. Это – о сражении. Владыками же моими я признаю только Зевса и Гестию, царицу скифов. Тебе же вместо даров земли и воды – я пошлю другие дары, которых ты

заслуживаешь. А за то, что ты назвал себя моим владыкой, ты мне еще дорого заплатишь!»

Война затягивалась. Чтобы персы, отчаявшись, не ушли обратно без потерь, скифы стали применять различные уловки: теперь они на пути изнуренной армии персов стали оставлять стада овец, которых якобы забросили, отетуная в спешке. Это придавало персам уверенность в своих успехах, и они продолжали преследовать невидимого противника. Таким образом скифы завлекли армию Дария в сухие безлюдные степи. Положение персов было тяжелым, участились случаи разворовывания запасов продовольствия, начались болезни.

Узнав об этом, скифы отправили царю Дарию послание: птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Персы спросили гонца, что означают эти «дары», но тот ответил, что ему только приказано их вручить и немедленно возвращаться. «Если вы умны,— добавил скиф,— сами должны догадаться.»

Персы стали совещаться. Дарий сам полагал, что скифы решили покориться ему и преподносят ему землю и воду. Он рассуждал так: мышь живет в земле, лягушка обитает в воде, птица своей быстротой напоминает коня, а стрелы означают, что скифы их складывают и больше не будут сопротивляться. Но Гобрий, один из приближенных царя, рассудил иначе. Смысл послания он объяснил так: «Если вы, персы, как птица, не улетите в небо, или, как мышь, не зароетесь в землю, или, как лягушка, не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами». Вскоре Дарий убедился в том, что Гобрий был прав. А потому попросил совета у Гобрия, что им далее делать. На это Гобрий ответил: «Царь! Я давно уже знал, по слухам, о недоступности этого племени. А здесь я еще больше убедился в этом, видя, как они издеваются над нами. Поэтому мой тебе совет: с наступлением ночи нужно, как мы это обычно и делаем, зажечь огни, оставить на произвол судьбы слабосильных воинов и всех ослов на привязи и отетупить, пока скифы не подошли еще к Истру, чтобы разрушить мост, или ионяне не приняли какого-нибудь губительного для нас решения».

И той же ночью, как и советовал Гобрий, Дарий дал приказ войску выступить, якобы для внезапного нападения на скифов. Слабых и больных он велел оставить в лагере, куда обещал вернуться после битвы. Так и сделали. Дарий со своими боееспособными воинами спешно направился к Истру, на переправу. Так началось позорное бегство тогдашнего «потрясателя вселенной» Дария из гордой непобежденной Скифии.

На следующей день оставленные в лагере раненые и больные персы узнали о том, что Дарий их обманул и бросил на произвол судьбы. Они все рассказали скифам и стали умолять их о пощаде и помощи. Скифы помогли своим беспомощным врагам и погнались за персами.

Основную часть войска Дария, как известно, на переднеазиатско-греческий манер, составляли тяжеловооруженные пехотинцы, персы не знали местности, а потому, хотя в пути испытывали неимоверные страда-

ния из-за нехватки воды и продовольствия, возвращались по тем тропам, которые сами же оставили в степи. А скифы, хорошо знавшие местность, направились к переправе на Истре кратчайшим путем, боясь упустить персов. Это была их ошибка. Они думали, что персы тоже пойдут коротким путем, где могли найти пропитание для себя и корм для лошадей, но персы эту дорогу не знали и, боясь заблудиться, шли по своим следам.

Пришедшие к переправе скифы стали вести переговоры с греками-ионянами, чтобы те разобрали мост и ушли. «Время, в течение которого вы должны были ждать Дария, уже прошло (это было 60 дней), – говорили скифы. – Вы теперь не будете нарушителями своего слова. А вашего прежнего владыку мы довели до того, что ему теперь никогда не захочется на кого-либо нападать». Видно, скифы, кроме всего прочего еще и стыдили ионян тем, что они проявляют слишком уж большую преданность персидскому царю. Тирани Хереонеса, что на Геллеспонте, Мильтиад призвал своих соотечественников послушаться скифов и сбросить тиранию персов, освободить Ионию. Но тирани Милета Гистией не был с ним согласен. Он сказал, что все они правители греческих городов в Ионии благодаря милости Дария, и если Дарий будет побежден и Иония будет свободной, то вряд ли кто-нибудь из них будет тираном в своем городе, так как свободолюбивые греки тут же передадут всю власть в городах народным собраниям. Все предводители греков, строивших и охранявших мост, сразу же согласились с Гистиеем.

Греки обманули скифов, пообещав исполнить их совет, и тут же, на глазах скифов, стали разбирать переправу. Скифы, поглядев некоторое время на работу греков, убедились, что те действительно готовы также бороться за свою свободу, усаkali обратно в степь искать персов. А греки сразу же перестали разбирать переправу и стали ждать появления Дария.

Персы добрались до переправы ночью, но к своему ужасу увидели, что переправы нет. Они пришли в отчаяние, подумав, что греки бросили их. Персы стали кричать, звать на помощь, надеясь на чудо. И чудо свершилось. Гистией услышал вопли персов, быстро подвел корабли на прежние места и навел переправу. У переправы сразу же случилась страшная давка. Люди падали в Истр и тонули. И вдруг в общей суматохе переправа загорелась, переияне в безумии бросались в реку, пытаясь переплыть ее и спастись. Многие утонули. Оставшиеся на скифском берегу сдались в плен. Вот так вернулся Дарий I из скифского похода, потеряв большую часть своего войска, «пренисполненный стыда».

Возмущенные поведением своего тирани, жители Милета – крупнейшего греческого города Малой Азии – подняли восстание. Это случилось после возвращения Дария в 500 году до н. э. Все остальные ионийские города сразу же поддерживали милетцев. Ставленники персов повсеместно были свергнуты.

Вполне понимая, что одолеть могущественную персидскую империю,

хотя и ослабленную неудачным скифским походом, самим вряд ли удастся, ионяне обратились к жителям материковой Греции с призывом о помощи. Но кроме Афин и небольшого города Эритреи на острове Эвбея, ионийским повстанцам никто не оказал помощи. Афины прислали 20 кораблей, Эритрея — 5.

Увидев, что материковая Греция осталась глухой к призывам о помощи, ионийцы несколько пали духом. К тому же среди восставших не было единого мнения о том, что делать, не было даже единого командования, ополчение каждого города действовало по своему разумению. Но, несмотря и на это, повстанцам удалось даже захватить город Сарды, где располагалась резиденция сатрапа Лидии. Но это было временным успехом. Вскоре, подтянув войска из других сатрапий, персам удалось разгромить ополчения повстанцев и одержать победу над их флотом. В 494 году был штурмом взят Милет — сердце восстания. Почти все взрослое население было продано в рабство или перебито, город был разрушен и опустошен. Через год восстание было полностью подавлено.

Жители материковой Греции были возмущены трусливым поведением своих правителей, не оказавших необходимой помощи соплеменникам-ионийцам, которые поднялись на борьбу за свою свободу, многие сами отправлялись на помощь далеким братьям. И когда спустя год в Афинах была поставлена трагедия Фриниха «Взятие Милета», зрители рыдали стоя.

С восстанием ионийских греков было покончено, но персы поняли, что им не будет спокойной жизни в Малой Азии до тех пор, пока не будут покорены греческие государства на Балканах. Так что, вполне уверенно можно сказать, что восстание греческих городов Ионии стало прологом грядущих греко-персидских войн, которые в конце концов окончились разгромом Персии и созданием державы Александра Македонского. А восстание греческих городов, несомненно, было следствием неудачного скифского похода Дария. Выходит, что своим необдуманным вторжением в Скифию Дарий I привел могущественную и процветающую Персидскую империю к краху.

5. Общественный строй и быт скифов во второй половине I тысячелетия до н. э.

Бесславное окончание скифского похода могущественного царя Персии, несомненно, способствовало быстрому возвышению авторитета скифов во всей Передней Азии и Греции. В Греции — особенно. Потому что еще с давних пор греки неизбежно сталкивались с могущественными рабовладельческими державами Передней Азии, и вследствие этого являлись естественными противниками и Ассирии, и Мидии, и Персии, все-

гда стремившихся закрепить за собой всю Малую Азию, где и греки имели свои интересы.

Так что понятен тот огромный интерес греков к этой сказочной стране — Скифии — и ее людям. Быстро растут обмен и торговля между греческими государствами и Скифией, греки строят на земле скифов ряд торговых факторий, на основе которых быстро вырастают города.

Одним из таких городов, основанных выходцами из Милета, была Ольвия, расположенная на Буго-Днепровском лимане. Сюда и приехал Геродот в середине V века до н. э., чтобы самому увидеть эту легендарную Скифию и рассказать о ней своим соотечественникам.

После победного изгнания полчищ Дария из страны власть и авторитет «старших» царей и племен среди массы скифских народов, видно по всему, сильно возросло, так как Геродот, говоря о том, что «царские скифы» (это, скорее всего, так назвал Геродот племя, в составе которого и находился род «старшего царя» скифов) возвышаются над всеми остальными скифами, которых они считают своими слугами. Геродот, конечно, здесь преувеличивает, говоря о том, что «царские скифы» так пренебрежительно относятся к другим скифам, а то, что племя, откуда был родом «царь», имело большой вес и авторитет среди других скифских племен — это несомненно. Но это просто говорит о том, что власть вождей племенных союзов в среде скифов уже была на достаточно высоком уровне.

По рассказу Геродота, многие скифские племена жили оседло и занимались наряду со скотоводством и земледелием. Это жившие по Днепру и Бугу племена каликидов, алазонов, а также скифы-пахари и скифы-земледельцы. Это племя жило на расстоянии 11 дней плавания по реке Днепр вверх от устья. Хотя Геродот и пишет, что все скифы говорили на одном и том же языке, скифы-земледельцы, скорее всего, были не скифского происхождения. Вероятнее всего, они были древними славянами, которые уже имели связи со скифами.

Уровень хозяйственной жизни у большинства скифских племен был достаточно высоким. По сведениям Геродота, алазоны выращивали, помимо пшеницы и ячменя, также лук, чеснок, чечевицу и просо, а скифы-пахари выращивали хлеб не только для себя, но и на продажу. Покупали скифскую пшеницу, как известно из истории, почти все греческие государства. Как видно из речи Демосфена, знаменитого греческого оратора и демократа, жившего в IV веке до н. э., одни только Афины вывозили из Скифии 400 тысяч мешков пшеницы. Половину всего хлеба, ввозимого в греческие государства, составляла скифская пшеница. А это значит, что земледелие у оседлых скифских племен было на очень высоком уровне. Землю вспахивали плугом, в который запрягали и быков, и лошадей. Хлеб жали железными серпами.

«Царские скифы» и скифы-кочевники, которых Геродот считает самыми сильными и воинственными из всех скифов, жили в степях к восто-

ку от Днепра и до Дона. Неизвестный нам автор одного медицинского трактата, приписываемого Гиппократу, сообщает, что у скифов «...нет домов, а живут они в кибитках, наименьшие из которых четырехколесные, а иные и шестиколесные; со всех сторон они закрыты войлоком и разделяются как дома, — одни на два, другие на три отделения. Они непроницаемы ни для дождя, ни для снега, ни для ветра. В кибитки эти запрягают по две и по три пары безрогих волов. В таких кибитках живут женщины, а мужчины едут верхом на конях».

Скифы владели огромными стадами коров и овец, а также тысячами табунами лошадей. Конечно же, все это богатство было распределено между соплеменниками неравномерно. Об этом свидетельствуют огромные курганы, возведенные над умершими вождями и знатными людьми, в могильных ямах которых находят не только прекрасные образцы оружия и дорогой посуды, но и золотую конскую сбрую. И все это в исполнении лучших мастеров, зачастую иноземных. И это в то время, когда тысячи могильных холмов простых скифов спустя век-другой уже исчезали в степи, осып и покрывшись травой.

Так что процесс имущественного расслоения в скифском обществе, видно по всему, зашел уже довольно далеко. В известной степени этому способствовали и общение с греками, которые уже знали государственность, а также постоянные военные столкновения между племенами, как это обычно бывает в период родоплеменного строя. Основу хозяйства скифов составлял труд свободного общинника. Рабство, если и существовало, то не имело особого значения. И пленников скифы могли продать греческим купцам-работоторговцам, но сами они трудом рабов не очень-то пользовались.

Правда, что для отражения такого мощного натиска полчищ самого могущественного в то время на земле государства, каким являлась Персидская держава, скифам нужно было единение и высокая дисциплина, характерные в основном для общества, которое достигло в своем развитии организации государства. Отсюда следует вывод: у скифов времен похода Дария I наверняка была какая-то государственность, у них, скорее всего, был и царь, как пишут древние историки.

Но это не дает никаких оснований считать Скифию того времени, как пишут некоторые историки, «могучей державой». Это видно и по рассказу Геродота. Ведь многие племенные вожди, которых иногда называют царями, вовсе отказались воевать вместе с «главными» скифами против Дария. Выступить против Дария согласились только сарматы, будины и гелоны, которые, видимо, были или очень уж близкими родственниками «царских скифов», или же были в прямой зависимости от них. Хотя мы и пишем *племя*, но скорее всего, это были союзы племен. К примеру, сарматы, которые занимали всю степь от Дона до Волги, трудно обозначить только одним племенем, это скорее всего, название довольно крупного союза скифских племен.

Но, как бы там ни было, у скифов в это время – в VI–V веках до н. э. – государства еще не было. А были, как следует предполагать, лишь крупные объединения племен. «Царские скифы», несомненно, являлись в это время ведущим и могущественным союзом кочевых скотоводческих племен, а многие другие скифские племена, видно, находились в той или иной степени зависимости от них.

Ученые говорят, что только во второй половине IV века до н. э. можно назвать государственным образованием большой скифский племенной союз во главе с Агеем, которого источники называют царем, а его владения – царством.

Власть Агея простиралась до греческих городов в западном побережье Черного моря. Но это царство сразу же распалось, как только скифы потерпели поражение от отца Александра Македонского – Филиппа II Македонского. И потом лишь в конце III века до н. э. создается Скифское царство с центром в Крыму.

Территория собственно скифов, по сведениям Геродота, простиралась от берегов Буга и Днепра до Дона, а дальше – в приволжских и приуральских степях – кочевали скифские племена сарматов. Все античные историки отмечают, что сарматы менее «культурны», чем скифы, и вообще они не очень-то охотно торгуют с иноземными купцами и даже не пускают их на свои земли. И к тому же, мало общаясь с тогдашними мировыми центрами цивилизации, кочуя по почти что безлюдным в ту пору бескрайним степям, сарматы дольше других скифских племен сохраняли некоторые черты матриархально-родового строя. Все, кто был знаком с сарматами, отмечали необычно большое влияние женщин в обществе сарматов. Да и археологические материалы подтверждают такое привилегированное положение женщин у сарматов: в ранних сарматских могилах инвентарь женских могил был более богатым, чем мужских. Лишь в позднесарматских курганах стали устойчиво класть более богатый инвентарь в мужские могилы, чем в женские.

К востоку от реки Урал, в степях Южной Сибири и Казахстана, на Алтае и Енисее, в полупустынных степях к северу от Китая жили разнообразные скифские племена. Это аорсы и саки в степях между Каспием и Аралом, саки и массагеты в бассейнах рек Аму-Дарья и Сыр-Дарья, и динлины (китайское название) на Алтае, а к северу от Китая – племена хуннов. На всей этой территории прослеживаются следы скифской культуры. Нет сомнения в том, что все эти племена говорили на одном и том же языке, хоть и на разных его наречиях. К примеру, Геродот пишет, что сарматы говорят на скифском же языке, но только немного испорченном. Точно так же сегодня можно сказать, что украинцы говорят на том же русском языке, но уже немного испорченном. А каким был язык скифов, раз они на самом деле асы-аланы, догадаться не так уж трудно. Это был тюркский язык.

Как ранее было отмечено, в этническом отношении в составе племен

Великой степи чуть ли не с V тысячелетия до н. э. никаких изменений не прослеживается: скифы и киммерийцы были потомками племен Срубной культуры, племена Срубной культуры были прямыми продолжателями племен Катакомбной культуры, а те в свою очередь – курганников-древнеямников.

И в тоже время мы знаем, что племена степей еще в V тысячелетии уже стали продвигаться во все стороны, в том числе и на Кавказ, и уже в III тысячелетии степняки полностью освоили Предкавказские степи. И даже уже смешивались и с горными племенами, в результате чего и сложились особые племена Майкопской культуры. К скифскому времени огромная территория центра Северного Кавказа от низовьев Кубани до Терека, скорее всего, уже была полностью освоена племенами степняков. А автохтонные горные племена, жившие здесь и названия которых так и не дошли до нас, скорее всего в течение 3–3,5 тысячи лет были уже полностью ассимилированы. Об этом говорят археологические находки на высокогорных поселениях наших древних предков. Большинство находок совершенно аналогичны содержанию скифских курганов из Северного Причерноморья и остальной территории Степи.

Следовательно, к началу нашей эры центральная часть Северного Кавказа уже являлась естественной частью обширного скифского мира. Недаром же весь Кавказ стал уже так и называться – Кап Ас – Горная Асия. А Передняя Азия – Малой Асией. Северное Причерноморье – это коренная, материнская Асия, а Передняя Азия – это Малая Асия. Почему Северное Причерноморье и Северный Кавказ названы Азией и Горной Азией понятно, а вот почему древняя Фригия позже стала называться Малой Азией – это еще следует выяснить. Возможно, в период Троянской войны в этих местах господствовали все-таки какие-то асские племена, чьим именем опять же и была названа эта земля. Уж слишком созвучны троянским именам имена троянцев, да и считающихся их родственниками загадочные этруски ведь тоже вроде бы пришли из Азии. К примеру, этрусское слово «арка» по смыслу и звучанию совершенно совпадает с балкарским «арка». Балкарское «арка» означает спина. Этрусское – своеобразное перекрытие оконного или дверного проема, очень похожее на напряженную, согнутую спину, которая держит на себе нелегкую ношу. Неужели такое удивительное совпадение этих двух слов по смыслу и звучанию совершенно случайно? А если допустить мысль, что этруски появились на северо-западе Аппенинского полуострова где-то в III–II тысячелетии до н. э. именно в связи с продвижением племен Курганной культуры на юго-запад? Ведь именно в это время и появляются на юге Балкан и греки, которые тоже вроде бы пришли туда с севера. Кто же оттеснил их на юг, если не курганники? Этруски вполне могли быть первыми курганниками, которых, вполне возможно, потеснили племена, впоследствии известные как киммерийцы. В этом допущении нет ничего неестественного, невозможного.

6. Неаполь — лебединая песня скифов

Важнейшими событиями второй половины последнего тысячелетия до н. э., несомненно, стали греко-персидские войны и, как следствие этого, — завоевание Александром Македонским как всей Греции, так и Персидской империи. Но великий Александр не мог этим ограничиться, как и все другие великие полководцы древности, он тоже хотел завоевать весь известный ему мир. И он это сделал. Под его властью оказались все известные до этого знаменитые города и земли, где некогда процветали могущественные державы. На карте того времени новые города, названные Александриями, появились в Египте и в Шумере, в Сирии и Эламе, в Согдиане и Бактрии, в Персии и на севере Индии. Но вскоре после смерти Александра его державу поделили между собой его полководцы. Как раз в это время и начинается возвышение Рима — следующей мировой державы в долгой истории человечества.

Конечно же все эти грандиозные события не могли не сказаться на судьбе племен и народов как покоренных великими завоевателями, так и живущих по соседству с могущественными империями.

Расширялись и все более ощутимыми становились связи свободных, непокоренных еще племен и народов с соседними рабовладельческими государствами. У самих этих народов под влиянием, конечно, соседних государств ускорился процесс формирования государства. Все больше и больше усиливается эксплуатация и ограбление своих соплеменников аристократией рабовладельческих государств. Вместе с тем чаще и чаще стали происходить военные конфликты, многие из которых перерастают в масштабные войны. Это было следствием всевозрастающей агрессии новых рабовладельческих государств и предводителей союзов племен.

Все сказанное о племенах, живших по соседству с могущественными рабовладельческими государствами, относится, разумеется, и к скифским племенам.

Мы выше отмечали, что какими бы сильными ни были скифские племена, но общественное развитие у них все еще не достигало, скажем, ко времени похода Дария, такого уровня, что можно было бы говорить о скифском государстве. Нет, не было в то время ни скифского царства, как такового, несмотря на частое употребление Геродотом этого слова (вероятнее всего, по отношению к племенным вождям), ни «Скифской державы», как пишут некоторые историки. Если не считать эфемерного царства Атея, о котором мы говорили выше, то первым скифским государственным образованием в Северном Причерноморье следует считать Скифское царство с центром в Крыму, возникшее во второй половине III века до н. э.

Но прежде чем начинать наш рассказ об этом первом и последнем скифском царстве, следует кое-что поведать о том, почему центр этого государства оказался в Крыму, а не где-нибудь в Северном Причерноморье, скажем, на берегу Дона или Днепра.

Дело в том, что в это время в глубине степей среди сарматских племен происходят важные события. Дальнейшее разложение первобытно-общинного строя, резкое увеличение скота, улучшение питания и уровня жизни приводят к быстрому росту населения и одновременному небывалому обогащению племенной знати. В связи с этим приходится искать новые земли для бесчисленных стад «молодых» родов и племен, и натиск сарматов на скифов, заметный еще во времена Геродота, постоянно усиливался.

Сарматы перенесли на правый берег Танаиса (Дона), которая считалась пограничной рекой еще во второй половине IV века до н.э. В связи с тем, что сарматы тоже, собственно, являлись скифами, только говорящими на ином наречии общего для тех и других языка, то, естественно, скорее всего большая часть скифов не отступала, а оставалась на своих землях. Сарматы как бы просачивались в скифскую среду и постепенно становились большинством то там, то здесь. Но часть скифов все-таки отходила на запад, к низовьям Днепра, Днестра, Буга и на юг, к Крыму.

Натиск на скифов осуществлялся также и со стороны Дакии и Фракии. К этому времени скифы уже были вытеснены с южного берега Дуная. Но на северный берег они еще никого не пускали, хотя такие попытки делались все чаще и чаще. Во время владычества Александра Македонского его наместник во Фракии Зопирион в 331 году с 30-тысячным войском вторгся в Скифию, перейдя Истр, дошел до Ольвии, но там потерпел поражение и погиб в бою. В 292 году перешел Истр другой македонский военачальник — Лиенмах, но в стенах на земле независимого фракийского племени гетов попал в окружение и отказался от дальнейшей попытки покорить скифов.

Таким образом, геты и скифы отразили попытки Александра Великого и его полководцев покорить их. После распада державы Александра Македонского и до возвышения Рима скифов с запада и с юга уже особо никто не беспокоил.

Лишь все больше и больше усиливался натиск сарматов и других родственных племен с востока.

В IV-II веках до н.э. многие кочевые племена скифов в низовьях Днепра, Буга и других рек, а также в Крыму оседают и начинают заниматься наряду со скотоводством и земледелием. Наиболее густо заселенным и развитым районом Скифии становится степная Крым. Видимо, многовековая близость греческих городов-колоний оказала соответствующее влияние на такую коренную перемену в образе жизни скифов, кочевавших в приморских степях. Как бы то ни было, но в степном Крыму скифы впервые стали строить дома из камня, крытые черепицей, ничуть не уступающие виллам греков-колонистов. Дома всевозможных размеров, а также резкое различие в инвентаре могил свидетельствуют, что к этому времени скифское общество уже было вполне «цивилизированным», т. е. налицо было обычное расслоение общества на богатых и бедных, кото-

рое наблюдается во всех ранних государствах. Следовательно, если еще и существовали родоплеменные отношения, то они, скорее всего, сказывались лишь на уровне патриархальной семьи, кое в чем — на уровне рода, но не более. Поселения, скорее всего, уже являлись большей частью соседскими, а не родовыми.

В результате всего этого во второй половине III века до н. э. и формируется Скифское государство с центром в степном Крыму. Постепенно укрепляясь и набирая силу, это государство достигает довольно высокого развития во II веке при царе Скилуре. Видимо, он же и заложил город Неаполь на берегу небольшой речушки Салгир (около современного Симферополя), который и стал столицей первого и последнего скифского царства.

Неаполь — это лебединая песня скифов, так как после его захвата сарматами во II веке уже нашей эры эпоха скифского доминирования в Северном Причерноморье окончательно прекращается, и дальнейшее употребление слова «скиф» имеет уже относительное значение. Греки и римляне «скифами» продолжали называть всех, кто жил впоследствии на бывших скифских землях. К примеру, и гуннов, и печенегов, и булгар, даже славян, в частности — русичей времени Олега.

Итак, Скифское царство с центром в Крыму, столица этого царства Неаполь — это закатная заря некогда могущественных скифов, отразивших нашествие полчищ Персидской империи, подчинившей своей воле весь известный античным авторам мир, а также скифской культуры Причерноморья.

Под мощным натиском сармат часть скифских племен, как было отмечено ранее, отступала на запад — к низовьям Днестра и Буга, а часть к югу — к степям Северного Причерноморья и Крыма. В связи с этим, с постоянным притоком все новых и новых скифских племен, перед Скифским царством все острее вставала проблема нехватки земель — как пахотных, так и пастбищ, которую возможно было решить только завоеванием новых территорий. Так как остановить сарматское нашествие было совершенно невозможно, то объектами скифской агрессии, само собой разумеется, могли быть только сами греческие города-государства, их земли. Это в первую очередь Ольвия и Херсонес Таврический, которые в это время все еще оставались независимыми.

Обитавшие вокруг Ольвии скифские племена с давних пор имели достаточно широкое общение с греками этого города, что даже часть скифского населения, видно, знала греческий, а греки — скифский. Это и дало основание Геродоту часть скифских племен, живших возле Ольвии, называть греко-скифами. Но, видно, влияние степных племен было сильным, что в III веке уже в самой Ольвии это было довольно заметным. Так, керамика, изготовленная на гончарном кругу, уже делалась в скифской форме. Переплетение греческих и местных элементов заметно и в раскраске керамики, а также в украшениях, в орнаменте утвари и одежды.

архитекторы и мастера. Город имел хорошо укрепленную оборонительную систему, основу которой составляла высокая каменная стена. Население города, как и других северочерноморских греческих городов-государств, помимо ремесленного дела еще занималось скотоводством и земледелием. Об этом говорят множество жерновов и зерновых ям с остатками пшеницы, ячменя, проса, а также большое количество костей домашних животных. Во время раскопок на месте нахождения города найдено много предметов быта со всех уголков известного тогда цивилизованного мира – от Афин до Египта. Это говорит о довольно оживленной торговле, которую вели скифские купцы и торговые магнаты. Конечно, наряду со скифами в городе жили и эллины, точно также как в греческих городах-колониях вместе с эллинами жили и скифы, и сарматы, и меоты. Следует обратить внимание на то, что на первых скифских монетах, которые начали чеканить Скилур, надписи были сделаны на греческом языке. Это, по мнению правителей царства, должно было способствовать широкому хождению скифской монеты по всему эллинскому миру. А эллинский мир в это время охватывал обширную территорию от Бактрии и Индии на востоке до Египта и Эфиопии – на западе.

Население Неаноль состояло из живших в городе крупных и мелких земледельцев, а также скотоводов, которые владели тысячами табунами лошадей и бесчисленными стадами овец, греческого ремесленного люда, купцов, торговцев, дружинников царя и просто многочисленного люда, обслуживавшего городскую знать. Об имущественном неравенстве говорят как роскошные особняки знати и жалкие лачуги и торты бедняков, так и богатые склепы правителей, полные золота и серебра, и бедные могилы рядовых граждан. Цари изымали дань и налоги с населения как деньгами, так и натурой. Для хранения зерна, собранного в пользу царского двора, вдоль крепостной стены были построены каменные ямы-амбары, каждая из которых могла вместить до 4 тонн зерна. Мастера города умели делать вино, изготавливать керамическую посуду, изготавливать различные детали сбруи и т.д.

Во II веке уже нашей эры Скифское царство стремительно идет к упадку. Это было результатом безуспешной борьбы уже с осарматившимся к этому времени Боспорским царством, так и непосредственным натиском сарматов с севера. И в II веке нашей эры сарматы в конце концов завоевали и сам город Неаноль. Так перестало существовать Скифское царство.

7. Скифы и Кавказ

Как и было отмечено выше, еще во второй половине IV тысячелетия до н. э. племена древней Курганной культуры, первоначальной родиной которых были Приволжские и Приуральские степи, продвигались по за-

на югу – в Закавказье, в Малую Азию, а также в степи Предкавказья. В результате смешения пришлых степных племен с собственно кавказскими племенами в III тысячелетии сложилась Майкопская культурно-историческая общность людей, известная в науке (если коротко) как Майкопская культура. Люди племен Майкопской культуры, в сущности, – это потомки людей степных и кавказских племен, результат ассимиляции степными племенами малочисленных, вероятнее всего, горских племен. Такое предположение делается из того, что люди племен Майкопской культуры сохраняют практически без всякого изменения степной обычай захоронения умерших. Это в свою очередь служит доказательством того, что на территории распространения племен Майкопской культуры степняки одержали – так или иначе – верх над горцами то ли многочисленностью, то ли военной силой (а скорее всего, конечно, и тем и другим путем), и те постепенно приняли и язык пришельцев, и их культуру, в том числе и обычай хоронить своих умерших в ямах, над которыми насыпали курганы. Курганы, как было сказано ранее, – это паспорт степняка, и там, где он доминирует, доминируют и степные племена. А с III тысячелетия в Северо-Кавказских степях люди всегда хоронили умерших в подкурганных ямах. А так как скифы, как мы теперь знаем, являются фактически – если не считать киммерийцев, которых даже древние авторы не застали в «живых» – первыми прямыми потомками степняков, имя которых стало известно античным авторам, то можно и сказать: скифы и их предки еще в III тысячелетии осели на большей части Северного Кавказа. И если до I тысячелетия до н. э. степные племена и ассимилированные ими кавказцы занимали в основном степи и предгорные равнины, то в первом тысячелетии до н. э. – в скифскую эпоху – уже весь Центральный Кавказ от Кубани до Терека, включая также высокогорные зоны, был полностью освоен скифами; жившие здесь исконные кавказские племена уже перестают существовать, они, скорее всего, были ассимилированы скифскими племенами. (Во времена собственно скифов – скифами, потом – сарматами).

Об этом говорят и находки археологов. Уже в скифское время весь Северный Кавказ был очень густо заселен, включая и горную зону. К примеру, скифские захоронения имеются даже в высокогорной зоне (села Хабаз и Кичмалка), не говоря уже о таких предгорных местах, как Нартан, Заюково, Чегем и т. д. Типичными скифскими захоронениями можно считать, если взять только нашу республику, два больших кургана у селения Нартан. Эти захоронения относятся примерно к VII веку до н. э. В больших могильных ямах, размеры которых иногда достигают до 747 метров, вместе с умершим вождем были погребены и женщина, и его конь, и погибшие вместе с ним (наверное, его воины). Как и надо было по обычаю, в могилу было положено и оружие воина, и необходимая утварь: стрелы и колчаны, копья, сосуды, а также всякие украшения.

Следует отметить, что натиск скифских племен на Кавказ осуществляется не только с Прикаспийских степей, но и со степей Северного Причерноморья. Наиболее наглядно это можно продемонстрировать на примере судьбы первого крупного государственного образования греков-колонистов, каким было Боспорское царство.

Уже во второй половине III века до н. э. Боспорское царство оказалось в тисках скифо-сарматских клещей, охватывавших это царство с трех сторон — с запада, с севера и с востока.

С запада наступали собственно скифы и тавры, с севера, в районе города Танаиса и низовьев реки Танаис (Дон), — сарматы и сираки. Постоянные военные столкновения со степными племенами изматывали силы Боспорского царства. Зачастую приходилось откупаться от скифов и сарматов и даже платить им дань, лишь бы не идти на большие жертвы, пытаясь отразить их набеги. Все это не только тормозило экономическое развитие царства, но отрицательно сказывалось и на общем политическом положении. Усиливались распри при царском дворе, ужесточалась эксплуатация как рядовых ремесленников, так и рабов. Следует отметить, что абсолютное большинство рабов в Боспорском царстве составляли все те же скифы и сарматы. Это были не только пленники боспорцев, захваченные во время военных столкновений с кочевниками, но и пленные скифских или сарматских племен, захватываемые ими друг у друга во время междоусобных войн. Не надо забывать о том, что ни скифские племена, ни сарматские не представляли собой единое целое, и очень даже часто насмерть схватывались друг с другом в борьбе за лучшие земли и пастбища. Взятых в плен в таких столкновениях и скифы, и сарматы продавали греческим городам-государствам, а те в свою очередь продавали скифских рабов, которые, между прочим, высоко ценились, на рынках рабов в Малой Азии и в Греции.

Так или иначе, значительную часть греческих городов-государств, в том числе и боспорских, составляли представители варварских племен степняков. Надо учесть и то, что в греческих поселениях еще с давних пор оседали и зажиточные степняки, которые занимались посреднической торговлей между греками и кочевниками.

Так что скифо-сарматское влияние шло со всех сторон: с внешней стороны — натиском и войной, с внутренней — постоянным притоком в сами греческие города и поселения в качестве рабов, свободных торговцев и просто представителей кочевнической знати, которая хотела приобщиться к греческой цивилизации.

К концу II века до н.э. и внутреннее, и внешнее положение Боспорского царства было, наверное, настолько тяжелым, что его правители обратились к понтийскому царю Митридату VI Эвпатору за помощью. Как известно, Митридат всегда выдавал себя за рыаного заступника греческих городов-полисов. Переговоры кончились тем, что Боспор признал понтийского царя Митридата своим верховным правителем. В ответ на это

Митридат обещал помощь в любое время, коли кто-нибудь нападет на Боспор и его земли. Так как на Боспор могли напасть только скифы или сарматы, то и договор этот в первую очередь был направлен против них — скифов и сарматов. Это вызвало резкое недовольство у рабов, большинство которых были скифами и сарматами, и рядовых земледельцев. Это недовольство вылилось в крупное восстание рабов-скифов в Пантикапее, где работали тысячи рабов на ловле и переработке рыбы. Во главе восставших стоял скиф Савмак. Восставшие провозгласили Савмака своим царем. Вскоре во власти Савмака оказалась почти вся крымская часть государства.

Митридат быстро подготовил особый карательный отряд во главе с полководцем Диофантом и отправил его на кораблях в Крым. Высадившись в Херсонесе, Диофант пошел на Феодосию, первый крупный боспорский город к востоку от Херсонеса. Отряды Савмака отчаянно оборонялись, как в Феодосии, так затем и в других городах, и конечно же самые крупные схватки с понтийскими войсками происходили в Пантикапее, в этой столице восставших рабов. Восстание было подавлено с присущей для тех времен (для всех времен!) жестокостью. Многих участников восстания Диофант казнил, в плен попал и сам Савмак и в кандалах был отправлен в Понт, на милость Митридату. Но Митридат милости не проявил: он казнил Савмака.

Признание греческими полисами, а также и Боспорским царством вершителем своих судеб понтийских правителей привело к тому, что они невольно стали участниками войны, которые без конца вел Понт против Римской империи. Тяжелое бремя вынужденной помощи Понту в течение многих лет как войсками, так и провиантом, борьба с всевозрастающим натиском скифов и сармат обескровили Боспорское царство.

В первых веках нашей эры положение в Северном Причерноморье уже в значительной степени определяет всевозрастающая роль скифских и сарматских племен. Широкое расселение сармат беспокоило не только греческие города, но уже и Рим. Громадная армия Римской империи, многочисленное городское население нуждались во всевозрастающих поступлениях хлеба, вина, мяса и рыбы из Северного Причерноморья. В этих условиях знать, купечество и правители греческих городов-колоний стремились как-то сблизиться с Римом, принять его протекторат, чтобы обезопасить себя от набегов кочевников. Но эта линия вершушки полисов встречала упорное сопротивление местных племен.

В результате этой борьбы политическая власть в греческих городах и в Боспорском царстве приобретает все больше признаки монархической власти, теряя элементы демократии. Херсонес стал аристократической республикой, где архонт (правитель города) сосредоточил в своих руках почти царскую власть. Многие другие города подчинились власти боспорских царей, которые, как некогда владыки Ассирии и Персии, стали именовать себя «царями царей». Сосредоточив в своих руках огромные

земельные участки, знатные люди выращивали на них хлеб и виноград. Они продавали в Грецию, в Малую Азию и в Рим огромное количество зерна и вина. Больших объемов достигает ловля и переработка рыбы.

Разбогатевшая знать живет в роскоши, строит большие каменные дома. Меняется и состав правящих кругов в городах-полисах. Все больше и больше становится в них разбогатевших сарматов, и они начинают играть всевозрастающую роль в жизни как отдельных городов, так и всего царства Боспорского.

Римское влияние на Северное Причерноморье резко усиливается после окончательного упадка и подчинения Понта империи уже в начале нашей эры. При императоре Нероне Херсонес попросил помощи Рима против осадивших город скифов. Так в Херсонесе, а потом и в городах Боспора появились римские войска. Римские императоры мечтали отсюда начать свою экспансию в степь с целью покорить все окрестные племена и превратить Северное Причерноморье в житницу империи.

Тем временем влияние скифов и сарматов, их культуры и языка и в Боспорском царстве, и в независимых греческих городах-государствах все усиливалось. Передко уже сами боспорские цари носили имя Савромат (савромат – так именовались ранние сарматы), городекая знать уже и одевается, и вооружается по-сарматски, очень даже возможно, что они еще «ицеголяли» и своим знанием скифского языка. Скорее всего, скифский уже был вторым языком в Боспорском царстве и в остальных городах-государствах.

Нашествие готов, германских племен из Прибалтики, в III веке распатало, а нашествие гуннов (скифского племени), пришедшего из Приуральских степей (но предки гуннов – хуны – пришли в Приуралье из степей севернее Китая), уничтожило Боспорское царство. Гуннов европейские ученые ошибочно назовут потом первым тюркским народом, пришедшим в Европу. Хотя на самом-то деле гунны – это одно из скифских племен, которых ветер судьбы пригнал из самой дальней – восточной периферии огромного скифского мира в самую западную – в Северное Причерноморье, а отсюда они уже сами, прихватив с собой, правда, немало и своих побежденных братьев – аланов, дошли до самой середины Европы.

8. Скифский мир Средней Азии, Сибири, Алтая и Прибайкалья

Поскольку карачаевцы и балкарцы являются прямыми потомками скифского племени аланов, то нам небезынтересно будет знать хотя бы вкратце историю всего асского мира, именуемого европейской наукой скифским миром. Асский мир – это ранняя эпоха современного тюркского мира.

Как было сказано выше, племена древней Курганной культуры, обитавшие первоначально в Приволжских и Приуральских степях, по мере развития производительных сил и постепенного улучшения условий жизни, размножались и расселялись во все стороны, побеждая и ассимилируя редкие аборигенные племена степей и лесостепей. Так, в восточном направлении они через современные Североказахские и Южносибирские степи дошли до большой излучины реки Хуанхэ, что в Северном Китае, а севернее дошли даже и до Тихого океана. И здесь, на землях к востоку от пустыни Гоби, к середине I тысячелетия до н. э. от смещения асских и местных северокитайских племен образовались племена новой народности, которые впервые будут известны китайцам как племена дунху, а впоследствии – сяньби; они и есть древнемонгольские племена. Кроме хунну китайские источники называют и кантойцев, и ючжей, и динлинов, и хакасов (хакасы – настоящие асы), усуней и другие асские племена. Но мы уделим внимание лишь наиболее известным из них – сакам и массагетам, жившим к востоку за Каспием, хакасам и динлиням, жившим в бассейне рек Оби, Иртыша и Ангары, а также хуннам, самому восточному асскому союзу племен, которые на восходе солнца соседствовали с древнемонгольскими племенами сяньби, а на юге – с китайскими племенами в бассейне реки Хуанхэ.

Ранее, когда речь шла о расселении племен Курганной культуры, было отмечено, что те племена людей древнеямной культуры, которые ушли на восток, вероятнее всего, дошли до самого Китая, до реки Хуанхэ. Их дальнейшее продвижение на восток было остановлено сопротивлением местных, видимо, довольно многочисленных и воинственных племен. В результате смещения этих воинственных племен с пришлыми асами и образовались впоследствии древнемонгольские племена – дунху, а потом сяньбийцев.

Из китайских сказаний известно, что в период древней легендарной династии Ся в III тысячелетии «черноколые» предки китайцев воевали с «желтыми дьяволами». Китайцы победили и прогнали своих врагов на север – в горы и сухие степи. Вполне допустимо, что китайцы, первыми создавшие здесь государство, смогли мобилизоваться и дать решительный отпор пришельцам с запада и севера, коими, скорее всего, и были эти «желтые дьяволы».

Но борьба китайцев со Степью, как мы теперь знаем, затянулась на века и тысячелетия и закончилась лишь во второй половине II тысячелетия нашей эры после развала империи Чингиз-хана и упадка держав его наследников.

К примеру, XVIII век до н. э. в Китае тоже был, видимо, временем нового обострения борьбы со степным влиянием, временем возрождения национального самосознания и обновления. В это время династия Ся, видимо, находившаяся под влиянием степняков, сменяется династией Шан,

которая считается первой исторической, а не легендарной, династией Китая.

И, судя по всему, начинаются репрессии против выходцев из степи. Их, явных степняков, скорее всего, просто ловили и убивали, как обычно и делалось повсеместно в древности (поголовное истребление и угон в плен основной массы населения вновь завоеванных земель Ассирией; уничтожение и переселение жителей Иерусалима аккадским царем Саргоном I и нововавилонским царем Навуходоносором II; резня мамлюков в Египте и т. д.) Не было спокойной жизни, наверное, даже и тем, которые уже давно считались китайцами, но все-таки по происхождению были степняками. И многие китайцы, предками которых были степняки, бежали, бежали в степь и в горы, к своим соплеменникам по крови. Так, в 1797 году до н. э. некий китайский вельможа Гою-лю (Гоюлю – по-тюркски – Солнечный, Солнцеподобный) бежит в горы. И даже сын последнего свергнутого царя династии Ся Цзе-куйя – Шун-Вей – со всем своим семейством и подданными тоже уходит в Северные степи. Почему именно в степь, туда, где обитают вечные враги земледельческого Китая – скотоводы-кочевники? Естественно предположить, что они, как спустя 3 тысячи лет и Андрей Боголюбский, бежали к соплеменникам матери. Согласно китайской исторической традиции, из смешения людей, которые пришли в степь с царевичем Шун Веем и жителей степных племен ханьной (хан юй – ханский дом) и хуньюй (гун юй – дом солнца) и образовались хуны. Нет особых сомнений в том, что эти степные племена – ханьной и хуньюй – и были потомками тех самых «желтых дьяволов», которых прогнали с берегов Хуанхэ (Желтой реки) китайцы еще в III тысячелетии. А так как степи на юге, непосредственно примыкающие к Хуанхэ, а на севере – к лесам пустыни Гоби, считаются родиной дилингов, то, разумеется, вполне логично допустить, что ранние хуны и вытеснили дилингов дальше на северо-запад, где мы и застаем их в описываемое время – в последних веках последнего тысячелетия до нашей эры – в верховьях великих сибирских рек Енисея, Оби и Иртыша, на Алтае и в Прибайкалье.

Историки считают, что «около 1200 года до н. э. мы должны помещать создание хуньского царства». О них говорится: «Они не имеют домов и не обрабатывают землю, а живут в шатрах... Они уважают старших, и в установленное время года собираются, чтобы упорядочить свои дела».

И примерно в это же время древние хуны впервые преодолели пустыню Гоби и стали осваивать ее северный край. По сведениям знаменитого историка-тюрколога Льва Николаевича Гумилева, именно в это время наступает период наибольшего увлажнения климата, который завершился к середине I тысячелетия до н. э. Пустыня сузилась, и хуны на крытых повозках (для женщин, стариков и детей), запряженных волами, устремились на север в поисках новых пастбищ, так как южная окраина пустыни уже не могла прокормить размножившиеся племена и их тысяч-

ные стада скота. Те же климатические изменения, которые помогли хуннам перейти пустыню Гоби, ослабили аборигенные племена Южной Сибири, Алтая и Прибайкалья, так как лесостепи, где они жили, покрылись непроходимыми лесами, к тому же они были не такими уж многочисленными, как другие сибирские племена, и жили разрозненно. Поэтому и не смогли они оказать пришельцам с юга существенного сопротивления. А возможно, особой надобности в сопротивлении вовсе и не было – вероятнее всего, хунны и местные племена были родственными по языку, а потому без больших осложнений могли расселяться на свободных землях. Как бы там ни было, но к III веку до нашей эры хунны были уже полновластными хозяевами степей севернее пустыни Гоби до самой сибирской тайги. Следует отметить особо, что восточную часть так называемой «хуннской державы» составляли племена дунху, ранние предки монголов. Если учесть, что китайцы хуннов называли «ху», а их восточных соседей «восточными ху» – дунху, то нетрудно догадаться, что дунху были родственными ху, хотя и говорили на другом языке. Племена дунху, как уже отмечено, скорее всего, были следствием ассимиляции в далеком прошлом пришлых древнеяньников-курганников среди северокитайских аборигенных племен.

В начале III века до н. э. усилились набеги хуннов на Китай. Но опытный китайский полководец Ли Му сумел перехитрить хуннов и нанес им тяжелое поражение. После этого поражение доминирующее положение в степи постепенно переходит к дунху. К концу века в Китае усиливается княжество Цинь, и в 221 году до н. э. князь Ин Чжен объединяет весь Китай и становится родоначальником династии Цинь, приняв титул Цинь-Ши-хуанди, что означает первый император царства Цинь. В 214 г. до н. э. Цинь Ши-хуанди отправил на север против хуннов полководца Мэнь Тяня во главе большой армии. Он изгнал хуннов с лучших их земель, и часть их во главе с шаньюем Туманем (шаньюй – «величайший», так китайцы называли предводителя хуннов) бежала на запад и осела поблизости от юэчжей. Те, видимо, не очень-то хотели иметь своим соседом такое неспокойное племя и потребовали от хуннов заложника. Тумань отдал в заложники своего старшего сына от первой жены – Модэ. А чтобы обеспечить престол своему любимому младшему сыну, вскоре напал на юэчжей в надежде, что те убьют его сына-заложника. Но Модэ удалось бежать, он вскоре убил своего отца и стал ханом. Потом он разгромил дунху и прогнал на запад юэчжей, вернул Ордо (область в большой излучине Хуанхэ) и совершил набег на Китай. Модэ объединил 24 хуннских рода и создал сильную «державу», как иногда называют союз хуннских племен, которых удалось сплотить Модэ под своей властью.

Более 300 лет после этого воевали хунны со всеми своими соседями, пока Китай и враждебные им племена не разгромили их окончательно. Неукротимый вождь племени сяньби (один из древнемонгольских племен) Таншыхай гнал остатки хуннов вплоть до Арала и Жайыка (Урала).

С этого времени в степях к северу от Китая первостепенную роль начинают играть древнемонгольские племена.

А хуннские роды, убежавшие от сабли Таньшыхая, остановились в Приаральских и Приуральских степях, смешались с местными уторскими племенами и спустя ровно 200 лет, и уже известные всему западному миру как «жестокие» гунны, в 370 году переходят Волгу.

Но это уже история другой эпохи... Теперь об асских племенах, обитавших в лесостепной полосе севернее хуннов от Енисея до Байкала.

После перехода части хуннов через пустыню Гоби и с началом освоения земель к северу, начинается их интенсивное влияние на все стороны жизни обитавших здесь племен родственных им диншинов. В результате многовекового смешения местных племен и хуннов рождается новая народность – кыргызы, которых китайские источники называют хакасами. Удивительно, что кыргызов китайцы называли хакасами – то есть настоящими асами. Возможно, что кыргызы сами себя так и называли: хакасы – мы, мол, не какие-нибудь презренные метисы, а настоящие асы – и китайцы правильно записали имя этого народа. А кыргызами их называли, видно, соседи. Но как бы там ни было, хакасы оттесняют часть диншинов на запад, которые спустя почти тысячу лет, ассимилировав многие мелкие разрозненные племена по пути, появятся в IX веке нашей эры в степях между Волгой и Днестром уже под именем кипчаки, а русские их будут называть половцами – жителями Поля. Оставшаяся часть диншинов подчиняется хакасам и ассимилируется, хакаские племена расселяются на Алтае, в долинах верховья Енисея, включая и Туру, а также в Прибайкалье. Короче говоря, по всей лесостепной полосе от Жайка до Байкала с конца II тысячелетия и до начала нашей эры идет, если можно так сказать, «хуннизация» быстрыми темпами. Так что, к началу нашей эры лишь на крайнем востоке этой лесостепной полосы, за большой излучиной Хуанхэ, обитали древнемонгольские племена сяньби и андэи. В истории асские племена Закаспия и бассейнов рек Аму-Дарья и Сыр-Дарья известны как саки и массагеты. Так как название «массагеты» встречается только у античных (греческо-римских) авторов и совершенно отсутствует у байкайских соседей – иранцев и китайцев, то естественно предположить, что массагеты греческих авторов являются какой-то частью сакских племен.

Саки известны еще с давних пор, с VI века до н. э., когда Кир Великий, основатель могущественной Персидской державы, решил, видно, легко их покорить силами одного экспедиционного корпуса. Саки, по обычаям кочевников, притворным отступлением заманили Кира далеко в глубь своей земли, где великий полководец и погиб бесславно. После развала империи Александра Македонского и ослабления эллинистических государств кочевники Средней Азии, а также другие кочевые племена, потесненные с востока хуннами – усуни, юэчжи, тохары и др., – усилили свое наступление на земли оседлых земледельцев Хорезма, Согдианы, Бактрии и Мар-

гианы. Во II веке до н. э., как сообщают китайские источники, союз юэ-жэньских племен во главе с племенем ассов вторгается в пределы Бактрии, асы наносят сокрушительное поражение Греко-Бактрийскому царству и оседают на его территории. Впоследствии по имени наиболее многочисленного асского племени тохаров эти земли стали называться Тохаристаном. Завоеватели частично сделались земледельцами, а оставшаяся их масса так и осталась скотоводами-кочевниками.

В это же время часть сакеких племен юга Закаспийских степей вторгается на восточные области Парфянского царства. Спешно направленное на восток парфянское войско сумело отрезать прорвавшихся вглубь страны сасов, и им пришлось осесть на востоке Ирана – в древней Дрангiane и создать свое царство – Сакетан. Впоследствии, конечно, эти сакекие племена постепенно были ассимилированы окружающим их со всех сторон иранским миром.

Следует кратко остановиться на истории городов Средней Азии и Восточного Туркестана. К западу от Китая, в бассейне реки Тарим, издавна жили оседлые земледельческие племена, у которых к III веку до н. э. были и укрепленные города-государства. Они были то под властью хуннов, то их завоевывал Китай, то они освобождались от гнета как хуннов, так и Китая. Хотя эти города-государства почти все время находились под властью чужеземцев, жизнь в них кардинально не менялась, так как практически в их внутренние дела особо не вмешивались, ограничиваясь наложением дани и политическим подчинением.

Города-государства Восточного Туркестана играли в то время исключительно важную роль, так как уже налаживалась оживленная торговля между Востоком и Западом, и главный путь караванов из Китая, везших в Средиземноморье шелк, парчу и фарфор, проходил именно здесь – вдоль склонов Тянь-Шаня, где легко было найти воду и приют.

Таримский оазис оказался в руках китайцев во II веке до н. э., они стали организовывать походы дальше на запад – в Ферганскую долину. Около 128 года до н. э. в Даване (так китайцы называли Фергану) побывал китайский посол, он же, конечно, и разведчик. И вскоре на Фергану двинулось китайское войско. Но китайцы потерпели поражение. Через два года состоялся второй поход китайцев на Фергану. Они осадили город Эрши, но взять его не смогли. Был заключен договор, китайцы поставили правителем города своего сторонника, взяли в качестве выкупа несколько десятков «небесных» коней, что фактически и было целью похода. Китайцы хотели размножить рослых и быстрых ферганских лошадей и лишь потом приступить к планомерному завоеванию Запада.

В это же время и называют китайские источники страну Кантой, расположенную к северо-западу от усуней, это в степях Казахстана. Эти племена, племена кантоЙцев, скорее всего, кочевали севернее Хорезма.

После развала империи Александра Македонского Хорезм смог обрести свободу и не вошел в состав какого-либо государства – осколки

державы великого полководца. Таким образом, Хорезм был надеждой и опорой всех среднеазиатских родственных племен, оставшихся в границах эллинистических государств в этой части света. Набравшись сил, Хорезм начал сам освобождать родственные племена из-под тирании царей — наследников Александра Македонского. Так, в 170 году до н. э. Хорезм отвоевывает у Бактрии Согдиану, немного позже вызволяет из-под иноземного ига племена, населявшие Ташкентский оазис.

Так как мы более, видимо, не будем возвращаться к истории асских племен Закаспия и Сибири, то следует коротко рассказать и о Кушанском царстве, мощной державе, которая возникла позже — в начале первого века н. э. в результате объединения среднеазиатских городов-государств. Потом Кушанское царство распространило свою власть на Восточный Туркестан (по-китайски — Синьзян) и Северную Индию.

В Кушанское царство первоначально объединились сакские и тохарские племена, обитавшие в Бактрии и Согдиане, под властью вождя племени кушанов. Куш — по-тюркски значит птица, орел. Быстрые и храбрые, как орлы — так, скорее всего, называли себя люди этого племени. И имя свое, между прочим, вполне оправдывали. За сравнительно короткий срок они создали державу «от моря и до моря» (от Аральского моря до Аравийского), куда вошли Хорезм, Согдиана, Бактрия, Фергана, Тарим, Пенджаб и вся северо-западная часть Индии. Имя основателя Кушанского царства известно — это Кудзулу Кадфис. Первоначально центр Кушанского царства находился в Кушанской области на Зарафшане, что в Согдиане, но уже третий царь — Канишка — перевел столицу своего царства в Индию — в Пешавар. Как это ни странно, но Канишка ведет себя почти что как и Александр Македонский, о котором он наверняка был слышан. Он, Канишка, тоже был великим полководцем — ведь это он прогнал великий Китай из Восточного Туркестана. На карте эта часть Кушанского царства выглядит как рука, вытянутая в сторону Китая, — попробуй, мол, теперь сунься сюда!

Известно, что Александр был нетерпелив и раздражителен, не колеблясь наказывал при малейшем подозрении своих лучших друзей и соратников. Так, он казнил лишь только по ложному доносу одного из самых верных своих товарищей, сына Антипатра, своего учителя и полководца, друга семьи еще с детских лет, которому доверил правление Македонией (считай — всей империей!) во время своего персидского похода. Канишка, скорее всего, был таким же горячим и безрассудно жестоким, иначе не дали бы ему такую кличку, из-за которой забылось даже его настоящее имя. Ведь Канишка, скорее всего, — это чуть искаженное Канишкен, что значит Кровопийца. Грозный — если покультурнее. И скорее всего, тоже, как и Александр Македонский, любил славу и пиры, поощрял лезть и не прочь был жить в роскоши. А все это, разумеется, более доступно в Северной Индии, где уже все давно привыкли к тому, что владыки должны непременно иметь все и жить в роскоши. Индия — это тебе не

среднеазиатские ковыльные степи, где хорошая юрта, подушки из верблюжьей шерсти, мясо и холодный кумыс считаются уже признаками царской жизни.

Александр короновался царем Персии, перенес столицу своей империи в Персию, женился на персианке, стал надевать персидские одежды, устраивать пиры и празднества, чем приводил в ярость многих старых солдат и полководцев. Македония, по существу, стала как бы далекой провинцией новой Александровой Персии.

Точно так же и при Канишке Кушанское царство постепенно превращалось в эллино-индийское государство. Со временем кушанские правители, практически утратившие связь с родной землей, забывали и язык, и обычаи, и религию своих предков. В южных областях царства, где находились и столица, и кушанская знать, преобладающей становилась и религия индийцев – буддизм. На кушанских монетах чеканятся изображения Будды, надписи делаются на эллинском языке. Вообще кушанские цари не без гордости считали себя наследниками греко-бактрийских царей.

Роскошь, самодовольство, разрыв кровно-родственных связей со степью предопределили и развал Кушанского царства. Набирающий силу сасанидский Иран (Парс) в III веке н. э. захватывает юго-западные области Средней Азии. Согдиана, Хорезм, Фергана и города-государства Восточного Туркестана тоже уже в это время отпадают от Кушанского царства. Власть кушанских царей Индостана распространяется теперь только на небольшую Кабульскую область. К концу IV века Кушанское царство вообще перестает существовать.

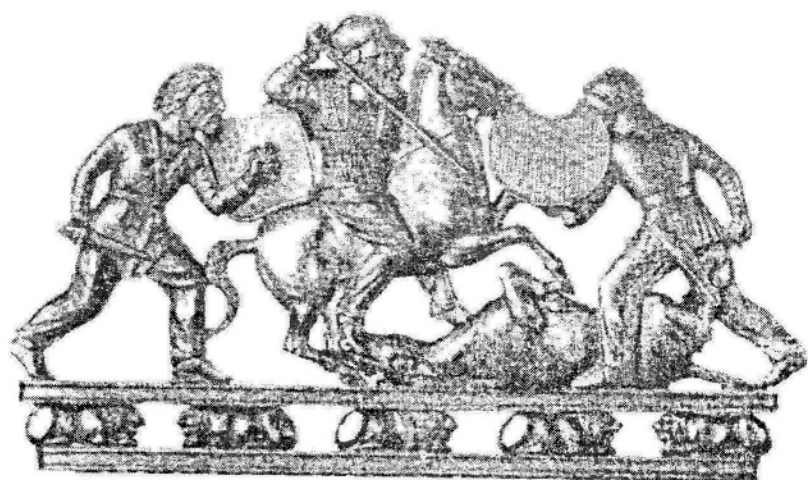
А в это время в истории асских племен Северного Кавказа, степной зоны от Волги до Днепра начинается самая трагическая страница. Часть хуннов, прогнанных со своих степей в предгорья Урала сяньбийцами в 155 году, к 350 году н. э., спустя ровно 200 лет, смешалась с уральскими племенами угров, и в результате их слияния родился новый народ, который вскоре одним своим именем стал наводить страх на многие народы. Этим народом были гуны, видно по всему, перенявшие и имя, и язык древних хуннов, хотя, как отмечают специалисты, угорский элемент в антропологии гунов был ничуть не меньше хуннского.

Итак, разгромив и подчинив себе закавказских аланов, гуны в 360 году переходят на западный берег Волги.

3

Часть

ИСТОРИЯ АЛАНСКОГО ВРЕМЕНИ

1. Рождение аланского союза племен

К концу последнего тысячелетия до н. э. асские племена представляли собой огромный мир, простиравшийся по всей полосе степей, начиная с восточных окраин пустыни Гоби и Алтая до Дуная и Днепра. Но уже с III тысячелетия, со времен первой китайской легендарной династии Ся, когда император воевал с «рыжеголовыми дьяволами», в которых трудно узнать пришедших с запада и севера асов, эпицентр асского мира переместился к степям к северу от Китая, где в основном и решалась его судьба. Многовековая борьба асов и их потомков с китайцами, — это, в сущности, история величайшей трагедии человечества, когда два великих народа взаимно истребляли друг друга в непрерывных войнах в течение сотен веков. Эта долгая и трагическая война достигла наибольшего напряжения в самом начале новой эры, когда стали сказываться естественные преимущества китайцев над асскими племенами хуннов, которые в основном и воевали с Китаем: это неисчерпаемые людские и материальные ресурсы Поднебесной империи. К этому времени сказался и фактор времени и пространства — если живущие компактно на сравнительно небольшой территории китайцы в конце концов слились в единую монолитную нацию, то асские племена, разрозненные на огромном пространстве, фактически раскололись на множество субэтносов, которые зачастую становились, как говорится, на тропу войны друг с другом. Точно так же как шумерские города-государства до эпохи Ассирийской империи, как греческие области-государства до Александра Македонского, как русские княжества до Чингиз-хана, так и асские племена на всем огромном пространстве от Дуная до Хуанхэ постоянно враждовали то в той стороне степи, то в этой. Более тысячи лет доминировали среди асских племен Северного Китая, Алтая и Прибайкалья хунны, и вот к началу нашей эры, когда произошла консолидация китайских племен и одновременно началось дробление асов на различные региональные союзы племен, зачастую враждовавших друг с другом, хунны начали терять силу. Они уже не могли вести войну на все четыре стороны света — с юга на них наступал вековой враг — Китайская империя, с востока — вечные соперники хуннов в степи — сяньбийцы, предки татаро-монголов, с севера — свои же асские, но не желающие больше терпеть своих же «старших» братьев, дилинны и их потомки, с запада — опять же свои — юэцжи и усунь. А усунь, скорее всего, были почетным асским племенем, так как их современники, а также историки прямо называют асами. Видно, многие усуньские племенные вожди переживали угрызения совести, когда они вынуждены были по велению своего владыки выступить против своих единокровных представителей из племен хунну на стороне Китая, извечного врага степняков. Но владыка Усунь хотел быть гегемоном в степи, а потому для него собственная цель была выше доли крови, и он пошел против Хунну.

И тогда несколько усуньских племен, всего около 100 тысяч человек, перешли в Кангюй, в соседний асский союз племен, который наряду с Хунну, Усунью и юэчжам являлся одним из могущественных образований в степи. Кангюй был союзником Хунну, следовательно, он был против прокитайских правителей Усуни.

В Кангое асов из Усуни приняли радушно, так как они становились солидной боевой единицей в кангюйском союзе племен. Усилившийся Кангюй вскоре завоевал страну Яньцай, что находилась к востоку от Арала, и эта территория «переименовалась в Аланья». Видно, Яньцай завоевали в основном асы, пришедшие из Усуни, возглавляемые племенем аланов.

Итак, аланский племенной союз сложился в начале нашей эры из представителей разных ассских племен из Кангюя, Усуни и Юэчжи.

Так как аланы являются прямыми предками карачаевцев и балкарцев, нам следует более подробно рассказать об этих племенных объединениях.

Начнем с Кангюя, что по-отцовски приютил перешедших сюда асов из Усуни, где правители ориентировались на Китай, который являлся вековым врагом всех ассских племен.

Некоторые авторы называют Кангюй даже державой, настолько был могущественным этот асский союз племен, но так как он находился в достаточной дали от тогдашних действительно великих держав, где имела письменность, — от Китая, Персии, а тем более Греции и Рима, то о нем не так уж много известно. О Кангое мы знаем в основном из китайских источников. Согласно китайским источникам, Кангюй в конце I века до н.э. являлся довольно могущественной страной кочевников, которая находилась к северо-западу от Ферганской долины в холмистых степях Северо-Восточного Казахстана между озером Балхаш и рекой Иртыш. От Турана, Средней Азии, его отделяла сухая степь Бет-Пак-Далы и пустыня Моюн-кум. На востоке его владения доходили до предгорий Тарбагатай, на западе — до страны Яньцай, это почти до Аральского моря. Вскоре, как мы знаем, Яньцай был завоеван и присоединен к Кангюю. К тому же Кангюй имел, скорее всего, на юге пять вассальных княжеств, которые заслоняли его со стороны Ирана, Согдианы, Бахтрии, а чуть позже — со стороны Кушанского царства. Но с парфянами кангюйцы должны были соприкасаться на берегах среднего течения реки Сыр-Дарья, но каких-либо данных о связях кангюйцев и парфян не сохранилось.

Видно, Кангюй связывали с Хунну довольно близкие родственные отношения не только как двух ассских племенных союзов, но и как добрых соседей. Естественно, что главенствующее положение в этом союзе принадлежало Хунну. Хуннская царица — жена владетеля Кангюя — это обычное явление. А по древним ассским обычаям, в таком случае муж хуннской царицы, то есть верховный князь Кангюя как бы автоматически становился вассалом своего тестя — хуннского хана (шаньюя — по-китайски).

А потому он — правитель Кангюя — всегда был врагом Китая и всегда оказывал помощь хуннам и противодействовал экспансии Китая на запад. Кангюйцы не любили своих ближайших восточных соседей — усуней за то, что они ориентировались на Китай. А когда Усунь приняла китайский протекторат, это вызвало войну кангюйцев и усуней. Но усунь все-таки устояли, видно, с помощью Китая. А потому кангюйцы желали всяческих успехов хуннам, которые вели тяжелую, неравную борьбу с Китаем. Постепенно Усунь развалилась и перестала существовать.

Если сравнить население Кангюя с другими странами, оно было довольно значительным — 600 тысяч человек. Примерно такое же население было и в Персии во времена знаменитого царя Кира. Кангюйцы могли собрать войско в 120 тысяч человек. В «Истории младшей династии Хань» сказано, что от Кангюя зависит и Яньцай, и его северный сосед — Янь. То есть владения Кангюя доходили почти до угорских племен. Когда речь заходит об обычаях, нравах и языке кангюйцев, то источники отмечают совершенное сходство кангюйцев с усунями и юэчжийцами, а также с саками.

Здесь следует отметить, что ни китайские, ни персидские источники не знают племена под названием массагет. Везде, где греки помещают «сако-массагетские» племена, китайцы и персы помещают только саков. И к тому же практически все авторы подчеркивают, что все эти племена: и хунну, и кангюйцы, и усунь, и саки, и бактрийцы, и кушаны, и юэчжи (тохары) — являются асскими племенами.

Усунь, откуда и ушли в Кангюй аланы, находилась к северу от Ферганской долины и соприкасалась на востоке с Западным краем, где почти постоянно хозяйничали китайцы. Западный край в то время входил в состав Ханьской империи.

Прежде чем начать беседу об усунях, следует коротко рассказать о другом, более мощном асском племени — об юэчжах, так как усунь во времени нашего рассказа — к началу н. э. — занимали земли, где ранее находились юэчжи — это степи к северу от Тань-Шаня.

Юэчжи были одним из сильнейших асских племен и веками вели ожесточенную борьбу за гегемонию в степи хуннами. И в конце концов в долгой войне во II веке до н. э. хунны разгромили и прогнали юэчжей на запад. И на их место предложили переселиться усуням, которых постоянно притесняли юэчжи. Таким образом усунь оказались на берегах Или в Прибалхашских степях. А юэчжи перешли Сыр-Дарью и у берегов Аму-Дарьи пришли в соприкосновение с Греко-Бактрийским царством. Вскоре юэчжи завоевали и Согдиану, и Бактрию и по имени наиболее могущественного рода тохаров с этих пор стали именоваться тохарами, а Бактрия — Тохаристаном.

Итак, во II веке до н. э. усунь, как вассалы хуннов, заняли земли юэчжей и перемешались здесь с остатками саков и юэчжей. Усилившись, Усунь отпала от Хунну. Хунну в это время воевал с Китаем и не хотел

всерьез заняться Усунью. Хунны захватили Западный край, или Восточный Туркестан и этим обеспечили себе спокойный тыл на западе.

По сравнению с хуннами усунь, конечно, были народом малочисленным и к тому же не очень сплоченным.

Общественное устройство у усуней было проще, чем у хуннов. Во главе народа стоял князь-владелец, которого китайцы называли гуньмо. У усуней китайцы насчитали всего 16 чиновников, и это при численности народа более 600 тысяч. Усунь могли иметь войско около 200 тысяч человек, если, как принято считать, каждый четвертый – воин. Это, конечно, для тех времен – большая сила, но во второй половине II века до н. э. усунь жили с хуннами в мире. Видно, у них были проблемы с соседями на западе. Но вот в Китайской империи решили отсечь «правую руку» хуннов – подчинить империи не только Восточный Туркестан, но и Усунь, и Фергану, и Согдиану, и Бактрию.

Первая попытка китайцев дойти до Ферганы не удалась. Они смогли лишь разгромить небольшое княжество Гуши, которое ориентировалось на Хунну. Этим они надеялись напугать и сделать сговорчивыми и Усунь, и Тохаристан, и Согдиану. Но в этих краях к хуннам относились с гораздо большим уважением, чем к китайцам.

И когда в Усунь прибыл китайский посол Чжан Цань и предложил старому гуньмо взять в жены китайскую царевну и переселиться на очищенные от хуннов земли на востоке, то гуньмо согласился жениться на царевне, но от переселения твердо отказался, так как предлагаемые земли, во-первых, принадлежали хуннам, а во-вторых, были жаркими и безводными степями в Алании. А на Тянь-Шани и на берегах Или, где жили усунь, было и прохладно, и воды достаточно. С Усунью, конечно, хотели иметь хорошие отношения как Хунну, так и Китай, так как и тот, и другой желали иметь буквально под боком друга, а не врага. К тому же дороги к сказочным странам – в Хорезм и Согдиану, в Бактрию и Парфию – пролегали через Усунь, а кто из владык не мечтал о покорении всего мира!

И вот в 107 году до н. э. специально снаряженное посольство привезло в Усунь китайскую княжну, названную царевной, с большой свитой слуг и разных чиновников. Одновременно в ставку гуньмо добралась и хуннская царевна, тоже с целой толпой слуг и подружек, со стадами баранов. Гуньмо думал-думал и решил сделать старшей женой дочь хуннского владыки, а китайскую царевну – младшей. Гуньмо в юрту китайки приходил лишь раз в два-три месяца, да и то только чтобы попить там со своими приближенными. Потом он отдавал ее своему племяннику. И бедняжка вскоре умерла от обиды и тоски по родине. Но образовавшаяся при ней прокитайская группировка среди приближенных гуньмо не распалась.

Вскоре китайцы организовали раз за разом три похода в Фергану (Давань). Первые два похода окончились неудачно. На третий раз китайцы добрались до Ферганы, взяли итурмом и разрушили Гуйшан (Кушан) –

столицу, взяли дань аргамаками — «небесными конями» — и вернулись обратно. Но вернулись только 10 тысяч из 60 тысяч ушедших в поход, а из 30 тысяч лошадей, полученных в дань, привели в Китай всего тысячу. И хотя ферганцы сразу же убили ставленника китайцев, как только те убрались из Ферганы, но западные племена, и в особенности жители Западного края, были изрядно напуганы мощью Китая. И даже Кантой не стал конфликтовать с Китаем. А гуьмо Усуни, хотя и собрал войско в 2 тысячи всадников, но на войну не решился.

Постепенно Усунь уходила из-под хуннского влияния. В результате ферганской экспедиции влияние Китая в Усуни постоянно возрастало. Конечно, этому способствовали объективные обстоятельства, если на вещи смотреть прагматично, но в этом немаловажную роль сыграла и Гуй-ю, вторая китайская княжна, тоже возведенная в ранг царицы, выданная за усуньского гуьмо. Она была энергична и умна, быстро приспособилась к обычаям и правам усуней, переходила по наследству от одного мужа к другому, рожала и воспитывала детей и одновременно возглавляла прокитайскую группировку усуньской знати. Она сделала для успеха китайской политики на западе больше, чем все полководцы. Один ее сын стал правителем Яркенда, стратегически очень важного города на западе пустыни Такла-Макан, а дочь была замужем за владельцем Кучи, города на северной окраине этой же пустыни. Таким образом, оба эти города, стоящие на пути из Китая в Среднюю Азию, находились фактически в руках людей, ориентированных на Китай.

Усуни потихоньку стали господствовать не только в своих горах и степях, но и в оазисах Восточного Туркестана.

Это, естественно, не очень-то нравилось Хунну, так как Усунь теперь была настроена прокитайски. Недоволен был действиями Усуни и владелец княжества Чени, расположенного в Турфанской долине, соперничавший с Яркендом и Кучи в торговле. Чени имело с Хунну хорошие отношения. А для Хунну Чени было единственной дверью к ремесленным и сельскохозяйственным центрам Средней Азии после того, как Усунь переметнулась к Китаю.

Объединившись, ченицы и хунны начали оттеснять Усунь на запад. После очередной победы они потребовали от усуней выдачи виновницы вражды между родственными племенами — китайской царицы и прекращения всяких связей с Китаем. В ответ царица и гуьмо немедленно направили в Китай посольство с предложением военного союза против хуннов. В Китае с большим воодушевлением приняли эту радостную весть с запада и срочно стали готовиться к новой войне.

Война началась в 72 году до н. э. Китайская легкая кавалерия, которая насчитывала 160 тысяч человек, выступила пятью колоннами на север, а с запада на хуннов напали 50 тысяч усуней. О приготовлениях китайцев к войне хунны, скорее всего, знали, и поэтому вовремя ушли в глубь степей, а потому китайцы вернулись назад ни с чем. Но зато нападение усуней

ней для хуннов, наверное, было неожиданностью, так как они достигли больших успехов. Они разгромили западного князя хуннов, захватили в плен тестя шаньюя, его невестку и многих князей и воинов — всего около 40 тысяч человек, и угнали многие тысячи голов скота. Хунны оставили Чени. К тому же в разгар войны на востоке восстали ухуани (древнемонгольское племя). Зимой, собрав силы, хунны ударили по самому коварному врагу — по Усуни. Хунны опустошили усуньские кочевья, побили многих, но при возвращении случился большой снегопад, а затем ударил жестокий мороз. Коня не могли добраться до травы, падали от усталости и бескормицы. Вместе с лошадьми умирали и всадники — от холода, голода и усталости. Погибло почти все войско. А летом ворвавшиеся с запада усунь, с севера — дилины, с востока — ухуани огнем и мечом пропихались по хуннским кочевьям, беспощадно истребляя ослабевших врагов. От хунну отложились не только подвластные владения, но даже и некоторые хуннские роды — они перешли на сторону Китая. Только Чени остался верным союзником. Но и здесь вскоре сторонники мира с Китаем взяли верх. В такой ситуации естественно, что Усунь окончательно перешла на сторону Китая.

В 64 году до н. э. умер владетель Усуни гуньмо Унтойми, ярый сторонник Китая и враг хуннов. Чувствуя близкую смерть, он поспешил упрочить отношения со своим союзником — Китаем — браком своего старшего сына с китайской царевной с целью передать ему власть. Но во время сватовства он неожиданно скончался и не смог осуществить свою мечту. Старейшины на своем совете, согласно обычаю, посадили на престол сына его старшего брата — Ними. Ними был сыном хуннской царевны, и сторонники союза с кровно-родственными хуннами, сторонники ориентации на Хунну воспряли было духом, но в это время сами хунны были в плачевном состоянии, а потому полагаться на них и стать врагом сильного Китая было опасно. Поэтому Ними пришлось жениться на китайской царевне. Но, видно, Ними был не очень надежным союзником, а потому на него было организовано покушение китайцами (с ведома жены), но Ними удалось ускользнуть в степь, отделавшись лишь раной.

Связавшись с китайцами, скорее всего, Ними вызвал недовольство среди многих усуньских князей. В результате другой сын Унтойми от хуннской царевны Унзюту возглавил восстание, сверг Ними и убил его. Видно по всему: наглый китайский протекторат уж сильно не правился народу. Потом в Усуни начались распри, а затем и война с Конгюем, в результате ослабевшая Усунь опять стала «нюд руку» Китая. На сей раз это было началом ее конца.

Итак, ядром аланского союза племен стало асское (усуньское по-китайски) племя, перекочевавшее из Усуни в Кангюй в конце последнего века до н. э. и смешавшееся здесь с жителями завоеванной ими страны Яньцай, что находилась у Аральского моря, а также с некоторыми тохарскими и сакскими родами, ранее обитавшими здесь. Это был первый

голчок хуннов на запад племен, обитавших по соседству с ними со стороны захода солнца. А во втором веке нашей эры неукротимый вождь сяньбийцев Таншихай погнал остатки хуннов со степей Северного Китая вплоть до Урала. Здесь, «отдохнув» 200 лет, набравшись сил и слившись со местными уграми в один народ, хунны, бодрые и неустрашимые, вновь стали на «тропу войны». Но это были уже не хунны, а вскоре ставшие известными на всю Европу гуннами. И первой их жертвой стали закаспийские и приаральские аланы. Но об этом — отдельно.

2. Аланы Северного Кавказа

В предыдущей главе говорилось о том, что аланы как новый племенной союз сложились из различных асских родов, живших в первых годах новой эры в северо-восточных степях Аральского моря и в Семиречье. И уже в первом же веке новой эры имя аланов стало известно и на Кавказе, и в Малой Азии, и в Северном Причерноморье. Что же случилось, как удалось аланам за такой короткий срок — всего за 40-50 лет — стать хозяевами степей от Арала до Черного моря? Знаменитый римский историк Марцеллин, который жил в IV веке н. э. и в качестве военного побывал на восточных и западных провинциях Рима, так пишет об аланах: «Истр со множеством притоков течет мимо земли савроматов, простирающейся до реки Танаиса, составляющей границу Азии и Европы. За ней тянутся бесконечные степи Скифии, населенные аланами, получившими свое название от гор; они мало-помалу постоянными набегами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности, подобно персам».

Здесь следует обратить особое внимание на слова «набегами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности». Это совершенно верное, с исторической точки зрения, сообщение Марцеллина: ведь так было всегда. Вспомним хотя бы татаро-монголов. Хотя Аланию и Кипчак, Русь и Булгарию завоевывали татаро-монголы, но их-то в войсках Чингиз-хана и Батые было ничтожно малое количество — хорошо, если один из десяти. Остальные были сыновьями уже покоренных ими народов. Знаменитый полководец Чингиз-хана Субедей-батыр был родом из торков. Так что, если мы говорим, что аланы уже в I веке н. э. занимали все степи от Арала до Черного моря, в том числе и почти весь Северный Кавказ, это совсем не значит, что повсюду на всем этом пространстве жили именно «чистые» аланы, пришедшие из-за Каспия. Нет, конечно. Даже, скорее всего, во многих местах их вовсе и не было, к примеру, в долинах гор Кавказа или в северной лесостепной зоне. Просто, как и пишет Марцеллин, в Степи власть одного асского племени сменилась властью другого асского племени. Раньше в

этих местах жили киммерийцы, на смену им пришли собственно асы, потом возвысились сарматы и вот, наконец, приходят аланы и оттесняют сарматов на запад, а позже сарматы вовсе растворились среди аланов. И все потому, что все они — и киммерийцы, и сами асы, и сарматы, и аланы, и туны, которые тоже вскоре появятся из-за Итиля — все они были асскими племенами, они говорили на разных диалектах одного и того же языка, а потому легко общались друг с другом и без особого труда принимали новое имя — имя сильнейшего племени, сумевшего стать гегемоном в этой или в той части Великой степи. В I веке н. э. в самой западной части Великой степи доминировали сарматы, от Танаиса до Арала — аланы, от них до восточной окраины пустыни Гоби — хунны. Так что, хотя в истории и пишется о том, что, к примеру, в степях и горных долинах Центрального Кавказа от Кубани до Терека обитали, смешиваясь с аборигенами, скифские, затем сарматские, следом аланские племена, на самом-то деле на этих землях жили, если сказать попроще, смешавшиеся скифо-кавказские племена. Но это совсем не значит, что смена доминирующей силы в Степи никак не влияла на жизнь народа. Нет, конечно. С каждым новым именем к «старожилам» добавлялись новые пришельцы, пусть хотя бы и в небольшом количестве, со своими отличительными чертами во всем — и в языке, и в морали, и в обычаях, и в ремесле. И все это частично усваивают «старожила». А пришельцы, в свою очередь, тоже кое-что воспринимают от «хозяев», когда это им выгодно. Так, покорив какую-нибудь земледельческую страну, часть кочевников нередко оседает рядом с «хозяевами» и осваивает их ремесло и обычаи.

К примеру, так именно и происходило на Северном Кавказе. Сейчас, конечно, невозможно точно сказать, как именно — истребляя и изгоняя местные племена или же мирно, постепенно смешиваясь с ними, — но со времен Майкопской культуры асские племена уже жили на Предкавказских равнинах, а в скифскую эпоху — уже и в горных долинах. Так что, хотя аланы на Кавказ и пришли из-за моря, но чужаками не были. Этим и объясняется то, что скифо-кавказские племена, которые по обычаям и языку фактически уже были скифами, так легко стали аланами. И вообще, надо помнить о том, что древние завоеватели в общем-то довольно гуманно относились к покоренным народам и племенам, если те не оказывали вооруженного сопротивления. Просто облагали страну или племя данью и даже оставляли прежних правителей. Так поступали и персы, и римляне, и татаро-монголы, и многие другие. А аланы в асских степях — тем более. Вот поэтому аланы, скорее всего, стали гегемоном в Волго-Донских степях и на Кавказе без особого кровопролития и сравнительно легко.

Мало этого, они, скорее всего, сумели очень быстро объединить вокруг себя все асские племена степей и Кавказа, так как уже в первом же веке стали совершать набеги в Закавказье и Малую Азию с довольно внушительными силами.

Некоторые ученые говорят, что аланы уже в 35 году совершили поход в Малую Азию. Тогда там шла война между Парфией и Иберией. Тацит по этому поводу пишет, «что после первого успеха иберов в Армении царь Парфии Артабан велел своему сыну Ороду отомстить неприятелю», дал ему войско и одновременно разослал людей во все стороны для вербовки наемников. Царь Иберии Фарасман «со своей стороны получил поддержку албанов и поднял сарматов, скенгухи которых, приняв подарки от обеих сторон, по обычаю своего племени отправились на помощь и к той, и к другой. Но иберы — хозяева этой земли — быстро пропустили по Каспийской дороге (это, скорее всего, Дарьяльский перевал) сарматов, двигавшихся против армян, между тем как сарматы, направлявшиеся к парфянам, были легко отрезаны, так как враг запер все проходы...» Публий Корнелий Тацит, выдающийся римский историк, живший во второй половине I века — в первой половине II века, в то же время был сенатором и проконсулом Азии, то есть гордым и самодовольным римским правителем и на всех иностранцев смотрел, скажем, употребляя его же слова, «по обычаю своего племени», то есть римлян, — свысока и заранее паделая их всякими плохими качествами. Конкретно в данном случае, парфяне, скорее всего, договорились с одним сарматским племенем, а грузины — с другим. Армяне, наверное, — с сарматами, жившими у восточных берегов Каспия, а грузины — с жившими у Центрального Кавказа. Грузины быстро пропустили «своих» сармат через Дарьял, и «заперли» его и все другие перевалы. А по берегу Каспийского моря «армянские» сарматы, как пишет Тацит, не могли пройти, так как в это время море якобы заливает берега и закрывает проход.

В это конечно же поверить трудно, но как бы там ни было, «армянские» сарматы, судя по всему, так в Малую Азию и не пришли.

Другой римский автор — Иосиф Флавий, почти что ровесник Тацита, пишет об этой же войне так: «...он (Гибрий — римский император в 14–37 годах н. э.) большими суммами денег склонял царей иберского и албанского не задумываясь воевать с Артабаном. Но те сами не согласились воевать, а направляют на Артабана скифов, дав им проход через свои земли и открыв Каспийские ворота».

Как видим, ни у того, ни у другого автора нет никакого упоминания об аланах. Один автор, Тацит, говорит о сарматах, другой, Флавий, говорит о скифах. По существу и тот и другой совершенно правы, так как сарматы — это скифский союз племен. Скиф и сармат — это то же самое, что славянин и русский. Если русского назвать славянином — это не ошибка. Но если русского назвать русским — это точнее. И в данном случае оба античных автора правы, но Тацит более прав. Но совершенно не прав Феликс Гутнов, когда пишет: «Упоминание «скифов» в I веке — анахронизм». Так же совершенно не прав Владимир Кузнецов, когда пишет: «В сарматах Тацита мы вправе видеть алан». Одновременно Кузнецов тоже винит Флавия в том, что он называет аланов скифами.

В 35 году аланов не только на Кавказе, а даже в Приаральских степях было так мало, что и там о них ничего не было слышно. И лишь во время завоевания Янычая Кангюем, скорее всего, возвысился род аланов и их имя распространилось на всю завоеванную область. А это произошло в 35–50 годах н. э.

Так что, в 35 году имя аланов только-только рождалось для истории, а потому, как бы ни был Кузнецов «вправе видеть» их прошедшими через Кавказ в Малую Азию, этого быть не могло. И Тацит не ошибался, называя албан, соседей Иберии, албанами, а не аланами; его тоже не следует обвинять в неосведомленности, он прекрасно знал что писал.

Итак, аланы никак не могли появиться на Кавказе ранее второй половины I века н. э., то есть их история начинается с 35–50 годов н. э. в Семиречии и Приаралье. А потом в течение 25–40 лет вполне могли распространить свою власть и до Кавказа. А потому поход аланов в Малую Азию, о котором пишут и античные авторы, вполне мог состояться. Но, скорее всего, и этот поход был совершен аланами не со стороны Кавказа, а с юго-восточной стороны Каспия, так как Флавий четко и недвусмысленно пишет о том, что аланы сперва внезапно напали на Мидию, разграбили, опустошили ее, и только потом вторглись в Армению. Чтобы внезапно напасть на Мидию, а потом, пройдя ее огнем и мечом, вторгнуться в Армению, аланам, живущим на Кавказе, надо было с севера обогнуть Каспийское море и спуститься на юг до Гиркании, которая и пропустила их, как сообщает Флавий. Это просто невероятно. Или же они должны были иметь мощный флот, на котором должны были добраться к южным берегам Каспия. Это тоже невероятно, так как у аланов не только флота, но даже и одной лодки не было. Следовательно, и в 72 году на Мидию напали не кавказские и не причерноморские аланы (если в это время они уже и были там), а закаспийские аланы.

Несомненным следует признавать только те исторические свидетельства об аланах, в которых четко и ясно говорится именно об аланах, а не о разных асских племенах, созвучных слову «алан», или же о предполагаемых их предках, как это делают некоторые ученые. Так, ко всем событиям, где участвуют скифы, сарматы, саки, аорсы, аланорсы, албаны и другие асские племена, эти ученые примешивают аланов, присваивая себе «право видеть» в них аланов.

Наиболее соответствующим исторической правде вариантом установления на Северном Кавказе, а равно и в степях от Дуная до Урала и Арала сильного аланского союза племен следующее.

Возможно, что во главе 100 000 асов, которые пришли в Кангюй из Усуни, стоял именно человек из более многочисленного рода аланов. И когда, окрепнув и набравшись сил в течение 25–30 лет, асы с помощью кангюйцев завладели Янычаем, то род аланов, естественно, возвысился и дал (или навязал) свое имя всем родам и племенам, как участвовавшим в завоевании, так и завоеванным. И потом, уже во второй поло-

вине I века н. э., аланы, окрыленные успехами, стали двигаться на запад и вскоре античные историки зафиксировали их появление уже и у берегов Меотиды и даже Дуная.

Так что к походам скифских племен сарматов и албан в Малую Азию в 35 году, а потом в 72 году аланы Кавказа никакого отношения не имели, так как тогда их на Северном Кавказе еще не было. Не совершали они набеги в Закавказье и в 135 году. Этот поход совершали другие асские племена — албаны. Об этом четко и ясно пишет Дион Кассий: «Другая война была поднята из земли албанов, по происхождению массагетов, Фарасманом, она сильно потрясла Мидию, коснулась также Армении и Каппадокии, но затем прекратилась вследствие того, что албаны были подкуплены дарами Вологеса, а с другой стороны, побоялись правителя Каппадокии Флавия Арриана».

Но некоторые ученые опять спешат поправить античного автора, обвиняя его в том, что албаны не могут происходить из массагетов. Так как они «вправе видеть» массагетов ираноязычными, а албан — тюркоязычными, а потому считают, что албаны «никак не могли произойти от массагетов». Но ведь римский ученый историк, живший в III веке до н. э., не мог и предположить, что ученые-историки через две тысячи лет будут насмерть стоять на том, что все скифские племена, в том числе и саки, именуемые греками и римлянами массагетами, были персидскими племенами; а они писали то, что есть, то, что знали, а они, это уж точно, лучше нас знали какой тогдашний народ принадлежал к тому или другому племени.

Так что и в 135 году войну «подняли», как пишет Кассий, не аланы, а албаны, предки сегодняшних азербайджанцев, которые наверняка происходили, как и пишет Кассий, от асского племени саков (массагетов). Наиболее вероятными военными событиями, в которых впервые приняли участие аланы Кавказа и Дона, это так называемые Маркоманские войны, когда против Рима в едином союзе выступили племена Средней и Восточной Европы. Эти войны происходили в 167–175-х. и в 178–180 гг. Аланы участвовали в них вместе с другими асскими племенами. А в 242 году аланы во Фракии под Филиппополем нанесли поражение Гордиану III.

В это же время античными авторами замечается военная активность аланов и на самом Кавказе. Они стали появляться и в Закавказье. Как раз в это время начинается натиск Ирана на Закавказье, и аланы помогают Армении и Иберии отражать наступления персов. Разумеется, судя по всему, за определенное вознаграждение. И именно в это время, в середине III века, перевал между долинами Терека и Арагвы, ранее именовавшийся Сарматскими воротами, стал называться Аланскими воротами.

Это говорит о том, что все асские племена от Арала до Танаиса и от места сближения Танаиса и Итиля и до Кавказского хребта уже приняли

гегемонию аланов и их имя. И с этого времени и только 100 лет продолжается гегемония аланов на Кавказе и в Северном Причерноморье, пока в 360 году гунны не перешли Итиль. От гуннского урагана больше всего пострадала, как и бывает при настоящем урагане, открытая степь. А открытая степь от Итиля до Танаиса и Кавказских гор – это как раз и есть та самая Алания, крылатая слава о которой уже успела дойти до самых отдаленных уголков тогдашнего «цивилизованного» западного мира.

3. Аммиан Марцеллин об аланах

В связи с военной активностью аланов многие античные историки писали о них. Наиболее полные и достоверные сведения о них, пожалуй, оставил знаменитый римский историк Аммиан Марцеллин. Он родился около 330 года и прожил почти до конца века. Грек, уроженец Антиохии, служил в римской армии, сам был участником многих походов, был и в западных, и в восточных провинциях империи. В 378 году ушел со службы и поселился в Риме, где и написал свой знаменитый труд «Деяния» из 31-й книги – это история Рима, где особое внимание, естественно, уделено последним нескольким десятилетиям лет, очевидцем и современником событий этих лет был он сам.

«Истр со множеством притоков течет мимо земли савроматов, простирающейся до реки Танаиса, составляющей границу Азии и Европы. За ней тянутся бесконечные степи Скифии, населенные аланами, получившими свое название от гор; они мало-помалу постоянными набегами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности, подобно персам».

В этом абзаце следует обратить особое внимание на слова: «За ней тянутся бесконечные степи Скифии, населенные аланами». Эти слова говорят о том, что все эти степи являются местом расселения скифских племен, и это главное, а то, что одни эти племена называются собственно скифами, другие – сарматами, третьи – аланами, четвертые сираками или аорсами, в сущности особого значения и не имеет. И удивляться тому, что люди, хорошо знавшие это, – античные авторы, жившие в ту эпоху иногда всех их, и даже гуннов, называют скифами, не стоит, как это делают многие современные «ученые» ученые, потому что все они и есть скифы – братья и потомки скифов.

«В другой стороне близ поселения амазонок живут аланы, обращенные к востоку и расселенные между многочисленными и обширными племенами; их владения приближаются к азиатским землям и простираются, как я узнал, до самой реки Ганга...»

Кое-кто из ученого мира здесь снисходительно ухмыльнется – вот, мол, какие тогда ходили сказки про аланов: аж «до самой реки Ганга!» Да

и старик этот, Марцеллин, хорош — ведь не обязательно ему надо было верить во все эти небылицы и занисывать их. Он же, мол, вполне серьезный историк. Да, Марцеллин, без всякого сомнения, вполне серьезный историк, и он прекрасно знал что писал. Он знал, что границы Кушанского царства простираются до Ганга, что кушаны — родственные аланам племена, а возможно и сами аланы, только там, в далекой Азии, они называются иначе, ведь и вся восточная часть Парфянского царства занята саками и массагетами, и они тоже родственны аланам. Ведь, в конце концов, аланы и есть саки и массагеты, пришедшие в Европу. Все это знал пытливый историк, обо всем этом читал, в отличие от некоторых сегодняшних ретивых и самоуверенных ученых, которые, особо себя не утруждая в поисках исторической истины, а поставив перед собою цель, идут к этой цели, присвоив себе «право видеть» только так, как сами того хотят, да еще беспардонно навязывают всему ученому миру свои «хотения».

«У них нет никаких палатей, нет заботы о хлебопашестве, питаются они мясом и в изобилии молоком, живут в кибитках с изогнутыми покрывками из деревянной коры и перевозят их по беспредельным степям. Придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки и питаются по-звериному; истребив весь корм для скота, они снова везут свой, так сказать, города, расположенные на повозках. На них мужчины соединяются с женщинами, на них рождаются и воспитываются дети; это их постоянные жилища, и куда бы они ни пришли, то место и считают родным очагом.

Все, что по возрасту и полу не пригодно для войны, держится около кибиток и занимается мирными делами; а молодежь, с раннего возраста сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком, все они вследствие разнообразных упражнений являются делными воинами.»

Яркая и полная картина обычной жизни людей кочевого скифского племени, каковыми и являются аланы.

Теперь о внешнем виде и образе жизни. «Почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами; они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов, только с более мягким и культурным образом жизни. С целью грабежа или охоты они доезжают до Меотийского болота и Киммерийского Боспора, даже до Армении и Мидии».

Здесь, как уже отмечалось, дана блестящая характеристика народа — воина и кочевника. Особо следует обратить внимание на то, что аланы высоки ростом, красивы и умеренно белокуры, и на то, что они во всем похожи на гуннов, но более мягки по нраву и культурны. Последние черты, скорее всего, носят несколько субъективный характер, вследствие того, что гунны только что совершили в Европу победоносный поход и не раз нападали на придунайские провинции Рима, и, как и во все времена,

завоеватели-пришельцы — это, конечно же, «свирепые, дикие, не знающие никакой меры жестокости» племена. Таковыми были все «варвары» для греков и римлян, таковыми были кочевники для китайцев, горцы Загроса для иранцев, татары для русских и европейцев, и наоборот — римляне для кельтов и германцев, китайцы — для степняков, немцы — для русских и поляков и т. д.

А так конечно же Марцеллин совершенно прав — аланы и гунны, само собой разумеется, во всем похожи друг на друга: ведь они дети степей и соплеменники в широком смысле слова — потомки скифов. А так конечно же в правах могут быть отличия. Какая-то ветвь народа может быть более спокойной, покладистой, а какая-то наоборот — горячей и вспыльчивой. Аланы, возможно, были более спокойными по характеру, чем гунны. И это вполне естественно — ведь они уже около 200 лет жили в общем-то сравнительно мирной и спокойной жизнью, какая может быть в ту эпоху, в то время как гунны, как племя ставшее «на тропу войны», не могли не быть «дикими и свирепыми», то есть смелыми и решительными. Таковы законы жизни того времени.

«Они не имели никакого понятия о рабстве, будучи все одинаково благородного происхождения, и в судьи они до сих пор выбирают лиц, долгое время отличавшихся военными подвигами».

И вновь отметим, что Марцеллин точно передал один из главных признаков общественного устройства аланов — что в это время у них, как и у многих народов на определенном этапе — в период расслоения родовой общины на «уважаемых» и «рядовых», то есть в период начала классово-образования, как это принято называть в нашей исторической науке, было временем господства так называемой «военной демократии». В это время, а тем более кочевники, действительно не знают рабства. Потому что у кочевников для раба, по существу, и работы-то нет. Пасты стала и табуны не поручишь — ускачет в любое время. Мыть и сучить шерсть, прясть нити и изготавливать ткани успевают женщины и дети. Так что, кочевнику рабы ни к чему.

И слова «будучи все одинаково благородного происхождения» говорят о том, что даже племенная знать у аланов в это время, судя по всему, не выделилась в наследственную аристократическую прослойку.

«Именно гунны, вторгнувшись в земли тех аланов, которые... обыкновенно называются танаитами, многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора; при их содействии с большой уверенностью внезапным натиском ворвались в обширные и плодородные владения Германариха, царя весьма воинственного, многочисленными и разнообразными подвигами храбрости наведшего страх на соседние народы».

Пораженный силой внезапно надвинувшейся бури, он долго пытался удержаться твердо и прочно, но потом, когда молва преувеличила свирепость нападавших, он добровольной смертью подавил страх больших бедствий.

После его смерти новый царь Витимир несколько времени сопротивлялся аланам, полагаясь на других гуннов, которых он деньгами привлекал на свою сторону; но после многих поражений потерял жизнь в битве, подавленной силой оружия...»

В этом отрывке привлекает внимание то, что готский вождь Витимир «сопротивлялся аланам», а не гуннам, и даже полагался на каких-то других гуннов в борьбе с аланами. Казалось бы, что на него должны были напасть гунны, и он, готский вождь, должен был найти союзников в лице аланов, с которыми только что расправились гунны. Да, это, действительно, так и должно было быть по логике вещей. Но жизнь всегда сложнее чем прямолинейная логика. Во-первых, гунны и аланы — родственные скифские племена, и они, как только определился кто будет «старшим», а кто «младшим», то есть как только выявился победитель — а ими в данном случае стали гунны — они, «по условиям мирного договора», объединяются, и берут обычно имя победителя. Как это сделали в свое время скифы, потом сарматы, аланы и вот теперь гунны. И отныне античные авторы всех кочевников — и гуннов, и присоединившихся к ним сарматов, аланов и другие племена будут называть только гуннами. Для них аланами будут только те аланы, которые оторвались от гуннов и ушли — часть в Западную Европу, часть в приграничные земли Римской империи, часть — в горные ущелья Кавказа. А сарматы и сираки с этого времени практически вообще перестанут упоминаться, тем более языги, роксоланы, тиррагеты, асайи и другие более мелкие скифские племенные образования.

И тогда становится понятным почему это готы воюют с аланами, да еще надеются на помощь других гуннов. Слова «на других гуннов» говорят о том, что уже и аланы, «по мирному договору» присоединившиеся к гуннам, считаются гуннами, а «другими» гуннами, вероятнее всего, были сарматские племена к западу от готов, до которых война еще не дошла.

Следует особо отметить то, что кочевники, когда они соприкасаются с соседними племенами и между ними устанавливаются — насколько, конечно, это возможно, — мирные, добрососедские отношения, то часть их постепенно оседает и наряду со скотоводством начинает заниматься ремеслом и земледелием. Классическим примером такого мирного сосуществования «волка и овцы» является Хорезм, где земледельцы и скотоводы-кочевники жили в одном государственном образовании. Да и остальные города-государства оазисов Средней Азии и Восточного Туркестана, а также древней Бактрии, Маргианы, Согдианы, а также Кушанского царства имели в своем составе как скотоводов-кочевников, так и оседлых земледельцев. И даже в греческих городах-полисах, и в особенности в Боспорском царстве, имелись немалые прослойки осевших в городах и занявшихся каким-либо ремеслом кочевников. А некоторые старейшины и вожди племен, побратавшись с правителями городов, жили в городах в роскоши и в белокаменных домах, в то время когда их много-

численные табуны и стада паслись в степях. Это было взаимно выгодно: город таким образом защищал себя и свою территорию от нападений со степи, а кочевые племена без всяких осложнений вели обмен и торговлю с ремесленниками и купцами греческих городов. А потом, как было рассказано ранее, скифы даже построили свою такую же белокаменную столицу, как и греки.

Судя по археологическим материалам, аланы на Северном Кавказе удивительно быстро стали оседать. Это, на наш взгляд, в значительной степени объясняется тем, что здесь, на Центральном Кавказе, еще задолго до них уже существовало оседлое скифское население. Ранее, как уже было сказано, это были племена носителей Курганшхой, Майкопской, Северо-Кавказской культур, потом скифы и сарматы. Так что, самый главный барьер — языковой — на Кавказе аланам преодолевать не приходилось. Так, к примеру, изгнанные со своей Родины в 1943–44 годах карачаевцы и балкарцы очень быстро адаптировались среди родственных им по языку казахов и киргизов, в то время как люди других репрессированных народов — чеченцы, ингуши и немцы — так и не смогли приспособиться к культуре и обычаям местного населения, что, естественно, приводило зачастую к конфликтным ситуациям на национальной почве.

Так что, хотя аланы появились в этих местах сравнительно недавно, но они (а скорее всего, местное скифское население) уже жили оседло на всем протяжении степеней Предкавказья, включая даже горные долины. К примеру, уже в III веке в предгорьях Кавказа, начиная от Дагестана и до Кубани, были аланские поселения и города. По западному берегу Каспия аланы проходят до Азербайджана, и по аналогии с известными жителями этих краев массагетами, получают наименование массагетов-маскутов.

Конечно же раз аланы и доминировавшие до них в этих краях сарматы были близкородственными племенами, то в языке, в нравах и образе жизни особых различий не могло наблюдаться.

На западе аланы доходят до владений Боспорского царства, то есть почти до Меотиды и низовьев Дона. В Фанагории в 208 году уже находилась целая группа аланских переводчиков, которые, вероятно, обслуживали различных купцов и торговцев.

Итак, к середине IV века, когда из-за Итилия с огнем и мечом ступили в Европу орды гуннов, аланы Северного Кавказа по всему предгорью уже начинали вести оседлый образ жизни, начинали менять свои традиционные жилища — крытые кибитки — на турлучные мазанки, а в горных долинах — на каменные дома. Они впервые стали пахать землю и собирать урожай.

4. Гуннское нашествие

Прежде чем начать рассказ о трагических событиях в связи с вторжением гуннов в Европу, вспомним вкратце их предысторию. Хунны, самые могущественные аские племена на востоке, в результате многовековой борьбы как с Китаем, так и с окружающими их родственными и неродственными племенами к середине II века нашей эры так ослабли, что вождь восставших сяньбийцев Таншыхай легко разметал хуннские племена во все стороны света. Часть хуннов прижалась к китайским границам, а некоторые даже перешли Великую Китайскую стену и покорились Китаю, часть хуннов убежала на север, часть присоединилась к победителям, а самые «гордые» ушли (вернее, убежали) на запад. Таншыхай гнал их до Жайыка и Итиля.

Здесь, в низовьях Итиля и Жайыка, в то время жили угры. Они приютили потрепанные, усталые остатки некогда могущественных хуннов. И эти два народа, живя вместе 200 лет, слились в один народ. Специалисты даже считают, что в гуннах было больше угорской крови, чем хуннской, хотя они и сохранили свой язык.

Итак, хунны, соединившись и смешавшись с уграми Итиля и Жайыка, стали новым народом – гуннами. Гунны, покорив закаспийских аланов, в 360 году перешли Итиль и вторглись в земли европейских аланов. Это было началом (для Европы) так называемого «Великого переселения народов».

В это время, в середине IV века н. э., две великие империи – Римская на западе и Китайская на востоке – обесиленные постоянными набегами «варваров», клонились к упадку. Теперь они вынуждены были пропускать на свои приграничные территории целые племена «варваров», давать им земли на правах федератов и поручать им охрану границ. Так в приграничных землях Рима по правому берегу низовьев Дуная – в Паннонии, Мезии, Дакнии поселялись целые роды и племена готов, аланов, свевов, вандалов, языгов. А на севере Китая большими массами оседали и хунны, и ухуани, и сяньбийцы, и жуны. И там, и там «варвары» были усердными воинами, и, продвигаясь по службе, занимали иногда высокие посты. И, в конце концов, «варварские» полководцы захватили власть и в Риме, и в Китае. Хорошо известно, что первым «варварским» императором Рима был командир германских наемников Одоакр. А вот имя первого «варварского» императора Китая хунна Лю Юаня мало кто знает. Лю Юань стал главой всех хуннских наемников Китая в 304 году, а уже через 4 года – в 308 году провозгласил себя императором Китая. В 311-м его сын Лю Цун выступает против империи Цзинь, захватывает ее столицу и берет в плен последнего цзиньского императора. Это было сигналом для всех кочевников степей. И хунны, и сяньби, и другие племена бросились грабить и делить между собой северные провинции Китая.

Теперь начнем рассказ о гуннском нашествии на земли аланов, а потом и далее, на запад.

Отдельные роды и племена хуннов, вероятнее всего, и раньше, еще в I веке, проникали в широкие степи междуречья Итиля и Танаиса, так как античные авторы еще задолго до гуннского вторжения несколько раз упоминают их.

Но вторжение основной массы гуннов (а не хуннов!) на аланские степи началось, согласно уточненным данным, в 360 году.

«В 372 году огромные орды азиатских тюркоязычных гуннов форсировали Волгу и вторглись в земли алан». Это пишет советский ученый В. А. Кузнецов, один из ярых «иранистов».

«Дикость их нравов безгранична... Они похожи на животных или грубо отесанные чурбаны... Этот подвижный и неукротимый народ, пылающий неудержимой страстью к похищению чужой собственности, двигающийся вперед среди грабежей и резни соседних народов, дошел до аланов, прежних массагетов», — а это пишет римский историк Аммиан Марцеллин, ярый сторонник Рима и римской цивилизации. И в том, и в другом случае, если говорить попроще, люди, у которых неприязнь к гуннам, у Марцеллина — это нелюбовь к «варварам», к врагу, у Кузнецова — искусственная нелюбовь к тюркоязычным гуннам, вызванная ложной теорией «хорошести» аланов, которых он, как «иранист», возносит до небес, и «плохости» гуннов-тюрков.

И в том, и в другом случае сведения, приводимые этими тенденциозными историками, не соответствуют исторической истине, они ложны.

Аммиан Марцеллин, воин, историк-аристократ, и поэтому, хотя сам и не мог видеть гуннов (гунны появились у границ империи после смерти Марцеллина, а он в последние двадцать лет из Рима никуда не выезжал и писал историю Рима — «Деяния» в 31 книге), но он их, как «варваров», ненавидел. А потому они у него и «дики», и «похожи на животных», и «едят сырое мясо», и «питаются кореньями», и «даже спят, наклонившись к шее лошади», и т.д. Все это конечно же наговорил ему прибежавший (с поля битвы, которую они, его соплеменники, проиграли, римлянин, алан или гот), а он, Марцеллин, с готовностью все записал. Кто с него спросит за то, что он оклеветал «варваров», — ведь о «варварах» только так и принято писать. И то правда: у всех античных историков все инородцы: и киммерийцы, и тавры, и скифы, и сарматы, и готы, и гепиды, и аланы, и гунны — все дикари и отвратительны, и ничего святого у них нет.

А вот у советского историка-«ираниста» скифы, сарматы и аланы (и конечно же их якобы потомки осетины — тоже!) и благородны, и храбры, и справедливы, и красивы и т.д.

На самом деле все эти слова слишком тенденциозны, эмоциональны и с точки зрения исторической истины, кроме констатации общезвестного факта нашествия гуннов на земли аланов, ничего существенного читателю не дают, служат лишь опорой выдуманным мифам о безграничной дикости варваров и иранцев, и о бесчисленных ордах гуннов или других кочевников.

А как же все обстояло на самом деле? Мы попытаемся рассказать об этом объективно, насколько позволяют наши знания, хотя и должны были бы превозносить до небес храбрость, благородство и красоту аланов, наших прямых предков, до седьмого неба. Но мы не станем этого делать, а постараемся все изложить так, как это и было на самом деле — настолько, конечно, насколько мы знаем об этом.

Во-первых, гунны никак не могли иметь «огромных», «бесчисленных» орд просто потому, что их было немного. Убегавших на запад хуннов конница Таншихая гнала, не давая отдыха ни днем, ни ночью, до самой Волги. Ясно, что хунны не могли с собой взять ни семьи, ни скот — от конницы врага с ними не убежать. Да и молодые женщины не все могли выдержать многодневные переходы по пустынной степи. Отставших и больных хуннов сянбийцы просто убивали. Хунны так спешили оторваться от врагов, что даже не успевали хоронить своих умерших от истощения соплеменников.

Короче говоря, учитывая все обстоятельства, специалисты пришли к выводу, что в Приуральские и Приволжские степи добрались не более 30 тысяч хуннов. Но это были самые сильные телом и духом хунны. Все ленивые, слабые духом ушли в Китай, спрятались у ближайших соседей, примкнули к врагам.

Ровно через 200 лет их потомки — гунны — начали с аланами войну. Во сколько раз может увеличиться численность народа за 200 лет в те не легкие годы, когда людей губили не только враги, но и тяжелые жизненные условия и болезни? На этот вопрос ответить трудно, но допустим, что в 10 раз. И тогда гуннов к 360 году должно быть 300 тысяч. Известно, что лишь только каждый четвертый или пятый из всего населения может считаться воином. Итого к началу войны гуннов с аланами их, гуннов-воинов, было приблизительно 60 тысяч.

Ясно, что аланы, занимавшие земли от Итиля до Дона, державшие в страхе Римскую империю, наверняка превосходили гуннов в несколько раз. Следовательно, об «огромных ордах» гуннов всерьез не стоит говорить. А следует говорить лишь о том, что они были более решительны, умело вели войну, лучше организованы и т.д.

Да, это действительно так. Сама жизнь произвела естественный отбор среди хунно-гуннского этноса. Слабые, нерешительные, консервативные остались далеко на родине — в степях Монголии и Ордоса. Гунны — это потомки сильных телом и духом, решительных и храбрых хуннов и упорных, настойчивых угуров.

А аланы в это время уже давно привыкли к мирной и спокойной жизни как в степях Волго-Донского междуречья, так и в степях Предкавказья и в горных долинах. Их молодые удалыцы воевали где-то в далеких даях: то в Закавказье, то у Дунайских границ Рима. В исконных аланских землях вот уже почти три столетия их никто не тревожил. Они давно уже были не теми «неукротимыми» аланами, которых знали античные авто-

ры первых веков. Да и гунны, как показывают свидетельства современников, не нападали на них сплошной лавиной, а лишь отдельными малыми отрядами. К тому же у аланов, осевших на Кавказе (по крайней мере), имелись города и крепости, а гунны крепости брать не умели. И все равно победили гунны. Почему? Просто потому, что они были более целеустремленные и умелые в бою, применяли иную тактику боя (мелкие, летучие, изматывающие врага отряды конницы), чем аланы, у которых конница была тяжеловооруженной, закованной в панцири и латы, а воины — с мечами и довольно длинными копьями. Аланская конница сокрушала сарматскую конницу да римские легионы — лучшую пехоту того времени.

Но все равно гунны победили. Несмотря на то, что за спиной у аланов был их надежный тыл — дружественное им огромное готское царство Германариха. Некоторые, наверное, думают, что готское царство (или королевство, или готский союз племен — кому как угодно) у Азовского моря — это небольшое экзотическое государственное образование, не игравшее особой роли, окруженное со всех сторон морем скифо-сарматских племен. Это совсем не так. Готское царство простиралось от Балтийского моря до Азовского, от Тиссы до Дона. Во главе этой державы были готы и их подвластными были не только германские племена визиготов, гепидов, но и скифские — языгов, герулов, собственно скифов, а также славянские, мордовские, чудьские племена. Готам принадлежали и Степной Крым, и Черноморское побережье Северного Кавказа.

Но тем не менее были разгромлены и аланы, и готы, и Боспорское царство. Почему? Ведь у Азовского и Черного морей, у Боспорского царства были прекрасно укрепленные города и крепости, был флот, в регионе был огромный военный потенциал. Да только одна десятая часть этого потенциала, если бы она была правильно использована, могла бы рассеять без следа в степи гуннскую шайку разбойников, каковой в сущности и являлись гунны. Но это не было сделано. Почему? Почему были побеждены аланы, мы уже знаем: аланы в большинстве своем были уже мирным народом, несмотря на то, что их дружины «грясли» закавказские царства и Римскую империю. Потому что саму Аланию от летучих отрядов «яростных» гуннов было некому защитить. Да никто, скорее всего, особо в бой и не рвался. Лучше жить, пасти свои стада, отдавая их часть гуннам, чем с ними сражаться и потом лежать мертвыми в сырой земле. Такая мораль всегда оказывается сильнее, когда безоружный в сущности народ, разбросанный на тысячи кочевий, остается лицом к лицу с врагом, пусть и немногочисленным, но в эту минуту, в этом месте — могущественным и неодолимым. Так именно — кочевье за кочевьем, род за родом — брали гунны аланов. Иордан так и пишет, что гунны «завоевали аланов, утомив их непрерывной борьбой». И, как уже правильно пишет Марцеллин, «по условиям мирного договора» присоединяли к себе «оставшихся», то есть молодых, нужных в бою аланов. И когда таким образом дошли до Танаиса и Меотиды конечно же их уже было много. На-

верное, даже были и «бесчисленными» ордами. Но среди них собственно гуннов уже было очень мало. Между прочим, более или менее объективные авторы, которые сами обращались с гуннами и их вождями, отмечают, что они почти всегда стремились решать свои дела «на условиях мирного договора», а не путем войны.

И, как это не покажется странным на первый взгляд, вполне возможно, что алано-гуннскую войну начали первыми даже не гунны, а сами аланы.

Дело в том, что к середине III века в степной зоне закончилась засушливая эпоха и началось увлажнение климата, и степи покрылись травой.

И аланы, которые в предыдущие годы постоянно покидали слишком уж ставшие безводными прикаспийские степи, с завистью смотрели, как гунны пасут стада в цветущих степях, которые, казалось, еще вчера принадлежали им. Неудивительно поэтому, что аланы неслили гуннов, занявших их степи, и пытались их отогнать. Как бы там ни было, но война началась в степях за Итилем, и как она началась никто не знает. Мы знаем только то, что в 360 году гунны, победив закаспийских аланов, вторглись на землю европейских, или танаитов – от реки Танаиса.

И только здесь «цивилизованная» Европа с ужасом и удивлением заметила «огромные полчища диких варваров».

Но и здесь, уже на непосредственных подступах к себе, «культурная» Европа не смогла остановить «дикарей». Ведь державу Германариха, несмотря на то, что она была «варварской» (для Рима), на самом-то деле мы можем вполне назвать европейской, так как и сам король Германарих, и готская знать, хоть и были врагами Рима, но все-таки считали Рим и римлян культурными, цивилизованными и преклонялись перед ними. И даже переняли у них религию – арианство. И готы, и подвластные им племена были достаточно молодыми как народы, а потому были и достаточно храбры, и смелы, и решительны. Но у них не было общей цели. Одни германские племена тайно ненавидели других (визиготы не любили остготов за то, что те лишили власти их королей и не очень считались с ними самими), гепиды тяготились иноплеменной властью, но хуже всех приходилось славянам. Росоманку Сунгильду за измену супругу Германариха приказали разорвать на части дикими конями (между прочим, скифский обычай, видимо, перенятый готами; такой мере наказания подвергали особо опасных преступников или врагов). Тогда ее братья решили убить Германариха, но им удалось только ранить его в бок. Германарих не умер, но и не выздоровел, и стал управлять страной, как больной старик – очень плохо. Когда гунны подошли к границам державы Германариха, ему было уже 110 лет.

Итак, гунны подошли к Танаису, покорили все северное побережье Черного моря, Западный Кавказ и устье реки Кубани, и не знали, что делать дальше, как перейти на ту сторону – в Крым. Как рассказывает готский историк Иордан, живший в то же время, в один из дней 371 года,

гунны во время охоты на Таманском полуострове погнались за оленихой. Загнанная охотниками к морю олениха вдруг, к великому удивлению гуннов, зашла в море и перешла на ту сторону – в Крым. Охотники шли за ней и отмечали брод. Потом, конечно, об этом доложили куда следует и гунны спокойно перешли пролив, застали, разумеется, тамошние племена врасплох и захватили всю Скифию, то есть Северный Крым. Пройдя степи Крыма, гунны неожиданно оказались за спиной готов, которые, как верные союзники еще не до конца разгромленных аланов, вместе с ними сидели на высоком правом берегу Танаиса и ждали здесь гуннов. Никто не мешал гуннам спокойно развернуть войска и начать битву. Перазбериха, паника привела готов и аланов к полному поражению. Вот здесь-то, наверное, немаловажное значение имело и то, что могущественная держава Германариха на самом деле не была прочной, а была, как часто бывает, «люскунтой империей», которая держится лишь силой оружия и при первом же «удобном случае» рассыпается. Германарих, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, возмнил в себя меч. Часть остготов подчинилась гуннам, часть ушла на запад, где у Днестра визиготы готовились к новому сражению. Но визиготы тоже были разбиты и бежали в римские земли. Но в 371 году преемник Германариха Амал Винитарий, который «с горечью переносил подчинение гуннам», попытался обрести независимость, двинул в сторону антов войска и казнил их короля Бояна вместе с семидесятью его старейшинами. Удивительно, не правда ли? «Дикие», «не знающие предела жестокости» гунны во главе поверженного народа оставляют его законного владыку – преемника Германариха, – а тот набирает войско из своих соплеменников, чтобы разгромить многочисленное племя антов, казнит их «короля» и 70 старейшин! Видно, гунны были не такими уж жестокими и вовсе даже не убивали всех подряд, как пишут античные историки, коль спустя всего каких-то лет 10 покоренные ими готы сумели набрать огромное войско и осмелились напасть на одно из племен, находившихся под властью собственного сюзерена!

Чтобы вновь привести разбушевавшихся готов к послушанию, царю гуннов Баламберу понадобилось даже просить о помощи тех готов, которые остались ему верными, другие, находящиеся в союзе с гуннами племена, и сперва его даже преследовали неудачи. Но потом во время битвы у реки Эрак (Пижний Днестр) наконец-то разбил войско Винитария, а его самого убил во время боя.

Чтобы более не возвращаться, завершим наш рассказ о гуннах, добавив еще два-три эпизода из их истории, тем более, что их история практически тоже уже подходит к концу.

Гунны (а вернее – союз разнообразных племен во главе с гуннами) продвигаются на запад, громят Бургундское королевство и доходят до Орлеана, но штурмовать его не решаются и отходят от него. Между прочим, в это время город находился в руках аланов. В 451 году на Ката-

гуннской равнине произошла битва гуннов с объединенными силами Рима и ряда германских племен, а также части аланов. Битва была кровопролитной, но победа никому не досталась. Гунны потом отступили, но Аэций, командующий римской армией, не стал преследовать Агтилу (любопытно отметить, что Аэций был в юности в заложниках у гуннов, рос вместе с Агтилой и считался его другом). В 452 году Агтила взял всю долину По, но так как в войске началась эпидемия, взял огромный выкуп и ушел из Италии. В 453 году Агтила женился на бургундской принцессе Ильдико, но умер в брачную ночь. И через год Гуннская держава развалилась. А еще через год – в 455 году – вандалский король Гензерих взял Рим и отдал его на двухнедельное разграбление своим солдатам. В 463 году командующий византийской армией алан Аспар (по источникам – Аспар) разгромил последние остатки гуннов во главе с Денгизихом, сыном Агтилы, пленил Денгизиха, отрубил его голову и отослал в Константинополь.

Удивительно, что за тысячи километров от места гибели гуннов в Европе, на другом конце евразийского суперконтинента – в Китае – гибнут и последние остатки доблестных хуннов.

А случилось это так. После того как в 325 году хунны, находившиеся на службе империи (точь-в-точь как германцы и аланы в Римской империи), свергли императора и захватили весь Северный Китай, китайцы перешли к тактике заговоров. В 318 году заговорщики убили хуннского императора, от настоящих хуннов откололись «ложные» хунны – их кулы (рабы, иммигрантские подневольные), а потом победили их и истребили всю хуннскую знать. В 350 году усыновленный хуннским вождем китаец совершил государственный переворот и приказал убить всех хуннов. В конце концов хозяевами Северного Китая стали табгачи – сибирские сяньбийцы. Но хунны Ордося, области в большой и степи Хуанхэ, во главе с неким Хэлянь Бобо создали свое царство. Бобо вспомнил, что 2 тысячи лет назад китайцы изгнали его народ, который как раз жил тогда в этих местах – на берегах Хуанхэ, и объявил, что Ордоеское царство хуннов и есть вновь воссозданное царство Ся. Примерно в это же время другой хунн – Мэн Сун – захватил земли нынешней провинции Ганьсу и основал там независимое княжество Хэси. И «царство Ся», и княжество Хэси завоевали табгачи – «Ся» в 431 году, Хэси – в 460.

Итак, история хуннов закончилась одновременно на западе и на востоке во второй половине V века.

5. Унесенные ветром

Поднятые и унесенные гуннским ураганом аланские молодцы-джигиты уже более не вернулись в свои голубые степи. Войдя вместе с гуннами и против них, большинство из них погибло на полях сражений в далеких степях Дакии, Мёзии, Паннонии, Норика (придунайские провинции

Рима), в долинах современной Франции, Испании, в жарких пустынях Северной Африки и среди каменных развалин легендарного Карфагена.

А оставшиеся в живых аланы, прибитые разыгравшейся в степи бурей к подножию Кавказских гор, уже более никогда не смогут подняться до громкой славы своих прославленных предков. Об аланах, уцелевших от гуннской сабли и аркана на Кавказе, мы позже будем подробно говорить, а сейчас расскажем о тех аланах, которые под напором гуннов уходили все дальше и дальше на запад, пока не очутились в Северной Африке, и о тех, кто признал власть гуннов и пошел с ними. С гуннами же шли и готы, и венеды, и анты и многие, многие другие племена. Собственно гуннов в гуннской войне было уже не более чем татаро-монголов в войске Батыея, который вторгся сюда же спустя 1000 лет – примерно 2-3 человека из десятка. Но не лучше обстояло дело и у Рима. Как подсчитали историки, в поздней Римской империи, то есть именно в то время, когда к границам империи подошли гунны, в составе армии собственно римлян было не более 25%, а остальные были наемными «варварами». К тому же «варвары» быстро продвигались по службе благодаря своим воинским и иным способностям, становились командующими целыми армиями, где служили не только их соплеменники, но и римляне, сановниками, консулами.

В то же время командиры-римляне бессовестно присваивали солдатское жалование, распродавали армейский провиант и имущество, заставляли работать рядовых легионеров на своих роскошных усадьбах. (Как это похоже на наших генералов!). А командиры-«варвары» не были столь жадными и жадными, они, еще живя свидетели «военной демократии» в своих племенах, старались высоко держать честь и достоинство воина-рыцаря.

Потому-то и стремились императоры всячески задобрить «варваров», находясь у них на службе.

Рассказывают даже, что император Грациан любил наряжаться перед выходом к войскам в аланскую одежду точно так же, как и поздние русские императоры в кавказские одежды с кавказцами. Выходит, что римским императорам волей-неволей приходилось, как и китайским императорам, принимать и сажать бегущих к ним варваров с уговором, что они будут селиться в приграничных землях, с тем чтобы сами же защищали себя, а заодно и империю, от врагов своих же, соплеменников. На таких условиях в приграничных провинциях жили многие тысячи остготов, вестготов, изыгов (асов), сарматов, аланов и людей других племен. Но римские чиновники и военные чины жестоко обращались с ними: продавали на сторону предназначенный им в виде временной помощи хлеб, люди голодали и вынуждены были продавать своих детей за фунт хлеба. Военачальники и чиновники хватали жалких голодных людей и заставляли их работать на себя за миску похлебки или же продавали в рабство. В результате среди поселенцев вспыхнуло восстание. Восстание быстро раз-

расталось. Решающее сражение повстанцев с правительственными войсками произошло близ фракийского города Андрианополя. Римляне потерпели поражение. Это был настолько сильный удар по уже дряхлеющей империи, что она после этого так и не сумела оправиться. Убитых римлян насчитывалось около 40 тысяч. Погиб на поле боя и сам император Валент. Как сообщает Аммиан Марцеллин, аланская конница повстанцев в этой битве сыграла решающую роль.

Повстанцы осадили Константинополь, но взять столицу не смогли. Лишь умный и хитрый полководец Феодосий, срочно вызванный императором Грацианом из Испании, еле-еле, используя всевозможные способы: не вступая в решающую битву, производя лишь отдельные налеты, карательные экспедиции, подкупая отдельных вождей повстанцев, обещая им роскошную жизнь в столице и высокие чины в армии, в результате чего некоторые из них переметнулись на сторону Рима, — сумел подавить восстание.

С остальными вождями тоже был заключен договор, они получили зерно, скот и земли в приграничных областях и стали усердно служить империи. Но как бы там ни было, хотя вроде бы гунны, готы и аланы воевали с Римом, но на самом деле выходило, что они практически воевали друг с другом, формально поделившись на два лагеря.

После разгрома остготов и вестготов, гунны продвигались на запад практически без войны. Так, в 400 году они вышли к Дунаю. Паннонию они взяли без боя, видно не без содействия антов, ругов и других племен, чувствовавших себя под властью Рима не очень-то уютно. Многие племена встречали гуннов как освободителей. Правда, были и враги, но это были не враги самих гуннов, а враги их друзей. Это свевы — враги дакийских геттов, вождь которых Ардарих был личным другом Атилы, вандалы и бургуны враги ругов и аланов — это уже враги самих гуннов. Вот эти племена действительно покинули свои земли, страшась гуннов. Гунны заселяли берега Дуная, но ставка их вождя находилась в степях Причерноморья.

Римские правители выпустили убегающих от гуннов бургунов в долину Роны, вандалов, свевов и аланов — в Испанию, вестготов — в Аквитанию, франков — в Галлию. Вождь гуннов Ругила, видно, был человеком умным и расчетливым, и ему не хотелось военного столкновения с Римом, и в 430 году, когда гунны достигли берегов Рейна, он попытался наладить мирные отношения с империей и даже оказывал империи военную помощь в подавлении багаудов в Галлии. Но вскоре он умер, и по степным обычаям власть перешла к сыновьям его старшего брата Мундука — Атиле и Блесе. После смерти осторожного и умного Ругилы, гунны совершили поход на Балканы и, уничтожая все сопротивлявшиеся города, дошли до Константинополя. Император Феодосий II заключил с гуннами униженный мир, выплатил дань и уступил гуннам южный берег Дуная. Вскоре после этого похода Атила убил своего брата и стал

единоличным правителем гуннов. Приведем полностью абзац из книги Л.Н. Гумилева «Тысячелетие вокруг Каспия», где дана характеристика Атилы, — это очень интересно:

«Атила был невысок, широкоплеч, с темными волосами и плоским носом. Борода у него была редкая (явно не «чистый» гунн, а с примесью саньбийской и угорской крови — М. К.). Узкие глаза его смотрели так пронзительно, что все подходившие к нему дрожали, видя осознанную силу. Страшный в гневе и беспощадный к врагам, он был милостив к своим соратникам. Гунны верили в его таланты и отвагу, поэтому под его властью объединились все племена от Волги до Рейна. Под его знаменем сражались, кроме гуннов, остроготы (остготы), гепиды, тюринги, гурлы, турклинги, руги, булгары и акациры, а также много римлян и греков, предпочитавших справедливость дикого гуннского царя произволу и корысти цивилизованных римских чиновников».

Новый император Рима Маркиан в 450 году расторг мирный договор с гуннами, заявив, что подарки он делает только друзьям, а для врагов у него только оружие. Атила, подавив в себе гнев, решил идти в Галлию. Он думал, что здесь гунны почти что не встретят сопротивления. По пути в Галлию гунны разбили бургундов, дошли до Орлеана. Правитель Орлеана алан Сангибан хотел сдать город без боя, но не успел — подоспели правительственные войска и город приготовился к осаде.

Атила не стал штурмовать город, отступил. Сражение римлян и их союзников во главе с Аэцием и гуннов состоялось в 451 году на Каталаунской долине. С обеих сторон потери были большие, но победителя не было — Атила потом отступил, но Аэций не мог его преследовать. И в этой битве, как и во многих других, аланам приходилось убивать не только врагов, но и самих себя — ведь они находились на той и на этой стороне!

В 453 году Атила умер. На похоронах король гепидов Ардарих вдруг объявил, что его обидели недостаточным уважением, и поднял восстание. Часть союзных гуннам племен перешла на сторону Ардариха. Решающая битва произошла на реке Недао. В этой битве погиб любимый сын Атилы — Эллак — и 30 тысяч гуннов и их союзников. Уцелевших гуннов братья Эллака — Денгизих и Ирник — увели на восток на старые земли готов, в низовья Днепра. А готы заняли опустевшую Паннонию.

На этом история ушедших с гуннами аланов заканчивается.

Остается немного рассказать об аланах, ушедших на запад.

Вандалы, аланы и свевы зимой 407 года перешли Рейн и вторглись в Галлию. Аланы в Галлии разделились на две группы. Одна группа во главе с Гоаром перешла на службу Римской империи, и эти аланы стали союзниками бургундов. В 435—439 годах в составе римских войск аланы обороняют в Галлии города от готов и других германских племен. В 441 году аланы получили для расселения земли во внутренней Галлии в области Орлеана. Аланы жили также и в Норике, и в других районах современной Франции, в Бельгии.

После битвы на р. Недао часть аланов во главе с Кандаком осела в Малой Скифии на правом берегу Дуная. Об этом сообщает Иордан и добавляет, что: «Нотариям этого Кандака Алановиймутиса до самой своей смерти был Пария, родитель отца моего, т. е. мой дед. У сына же сестры Кандака, Гунтигиса, которого называли еще База, магистра армии, сына Андагиса, нотарием — до своего обращения — был я, Иорданис». Получается, что этот знаменитый готский историк сам по происхождению был аланом. В Паннонии и на Балканах в VI веке еще упоминаются аланы, а в VII веке, они, скорее всего, уже растворились в массе окружавших их многочисленных племен.

Другая часть аланов после столкновения с франками ушла вместе с вандалами и свевами в Испанию. Здесь союзники поделили Испанию на три части для расселения своих племен. Аланы расселились в Лузитании и Картахене. Некоторые ученые считают, что название современной провинции Испании Каталония произошла от Кат-Алания — Новая Алания (буквально — Повторная Алания). Но вскоре у границ Испании появляются преследовавшие их вестготы. В 418 году аланы потерпели тяжкое поражение, их вождь Аддак был убит. В 424 году оттесненных на юг Испании вандалов и аланов Банифаций, правитель провинции Африка, что располагалась к западу от Египта, на землях современных Туниса и Алжира, переправил через Гибралтар, стараясь таким образом отомстить императору за нанесенную ему обиду. Всего в Африку было переправлено 80 тысяч человек, из них воинов — 15 тысяч.

В это время ослабленные и малочисленные аланы, скорее всего, уже не имели равного с вандалами веса, так как последний вождь вандалов в Африке Гелимер, правнук Гейзериха, носил титул «царь вандалов и аланов». Это государство просуществовало до 533 года. В этот год Алано-Вандальское государство было завоевано и присоединено к Византии. На этом и заканчивается история аланов, унесенных гуннским ветром на запад.

6. В союзе с Византией

После распада Гуннской державы на огромной территории от Волги до Днепра, где всего-навсего 100 лет назад господствовали аланы, единственным местом, где они не растворились в массе других племен, а сумели сплотиться и выжить, был Центральный Кавказ от Кубани до Терека и прилегающие в этих местах к горам степи.

Но это совсем не значит, что аланы на всей остальной территории исчезли, что их уничтожили гунны, увели с собой и рассеяли по всему миру.

Говорить так — это слишком просто, да и не верно. Вспомним, что всего-навсего 400 лет назад на всей этой территории жили другие скиф-

Сила Хазарии умножалась еще и оттого, что абсолютное большинство народов и племен, входивших в его состав, были из единого асского (скифского) мира — это и сами хазары, и гунны, и тюрки, и барсилы, и аланы, и булгары.

Да, они не всегда жили мирно, бывало, и враждовали, но эти межплеменные конфликты не переходили в истребительные захватнические войны.

Хазары считали себя прямыми наследниками Тюркского каганата и вели себя в соответствии с этим. С Хазарией приходится считаться и великим державам того времени на этой части света — Ирану и Византии.

Так как сами хазары являлись смешением булгаров и аланов, то, естественно, что наряду с самими хазарами ведущие роли в каганате играли аланы и булгары. Так что, Хазарский каганат — это довольно сильное ханство, где основой был «тройственный союз» самих хазаров с родственными аланами и булгарами. Но булгары потом были отодвинуты на запад и осели у восточных берегов Азовского моря и на Кубани.

Поэтому история аланов с VII века и до развала Хазарского ханства во второй половине X века после походов Святослава неразрывно связана с историей самого ханства. Недаром многие ученые считают Хазарское ханство государственным объединением хазаров и аланов, в особенности после обособления булгар и участвовавших случаев попыток их вождей к сепаратизму. Аланы же с хазарами долгое время были верными союзниками. И даже тогда, когда булгары в 932 году привлекли на свою сторону все западные народы ханства, в том числе и единокровных аланам донских асов, аланы остались верными хазарам, и впервые тогда подняли оружие против своих же братьев-асов.

Некоторые историки с предвзятым мнением или же искренне уверовавшие в ложную теорию об ираноязычности чуть ли не всех кочевых народов степей Евразии, в том числе и аланов, неуклюже пытаются объяснить тюркские имена и титулы их предводителей простым заимствованием хазарской титулатуры и т. д. Но на самом деле все гораздо проще: и хазары, и аланы, и булгары, и сами тюрки — все они являлись потомками одних предков — асов, которые в западном мире именуются скифами. То есть, все они являются тюрками, и никакой надобности у аланов не было заимствовать хазарскую сословную титулатуру, так как те и другие ханов называли ханами, беков — беками, батыров — батырами и т. д. Ведь недаром же автор VIII века Фарази писал, что «хазары и аланы образовывали одно царство». Итак, аланы в составе Хазарского ханства и в союзе с хазарами.

VII век — век вступления на мировую политическую арену новой молодой и очень агрессивной силы, которая вскоре резко изменила этнополитическую обстановку во всей Передней и Средней Азии — это объединения арабских племен в особое теократическое государство — Халифат.

Главным духовным оружием арабов, сцементировавшим их в единое войско-народ, типичное для Востока и кочевников общественно-политический строй, при котором воинами считаются все взрослые мужчины, был ислам – новая религия. За короткое время – всего за полвека – Арабский халифат завоевал на западе Палестину, Египет, всю Северную Африку, Испанию, а на востоке – Иран, Армению, Албанию и Среднюю Азию до Инда на индийском направлении, и до Аму-Дарьи на севере. На западе арабов остановили франки, в Малой Азии – византийцы, на Кавказе – хазары. Героическое сопротивление франков, византийцев и хазар спасло Европу от нового потрясения – нашествия арабов, которое оказалось бы по своим последствиям во сто крат тяжелее, нежели гуннское, ибо арабы в то время были большей частью религиозными фанатиками-мусульманами, которые были привержены известному принципу непримиримых всех времен и народов – «если враг не сдается, его уничтожают». Впервые хазары и аланы столкнулись с арабами в середине VII века – в 643 году, когда арабы, захватив Албанию, пошли дальше на север, взяли Дербент и стали продвигаться к Беленджеру, к бывшей столице Хазарии, а в то время крупному торгово-ремесленному городу, который был хорошо укреплен. Хазары и аланы здесь разгромили арабов. Командовавший арабскими войсками и несколько тысяч его воинов были убиты, остатки арабов убежали в Дербент.

После этого началась череда военных столкновений, а иногда и крупномасштабных боевых действий как самих хазар с арабами, так и в союзе с Византией. Византия и Хазария впервые выступили вместе против арабов в 651 году в Западной Армении на берегах Ефрата. Хазары и аланы оказались там по просьбе византийского начальника провинции (фемы) Армения. Но так как это, скорее всего, было, так сказать, региональным конфликтом в месте соприкосновения Халифата и Византии, то там, видно, византийских войск было мало – византийцы и хазары были разбиты.

Хотя к середине VII века арабы уже полностью завоевали Иран, что приблизило их вплотную к Северному Кавказу, но еще целых полвека Хазария жила относительно спокойно. Что же сдерживало арабов от усиленной экспансии на Северный Кавказ?

Дело в том, что в это время арабам хватало проблем и у себя дома, и им было не до Византии, а тем более Хазарии, которая находилась буквально за каменной стеной – Кавказскими горами.

После смерти Мухаммеда летом 632 года после долгих споров халифом («наследником», «заместителем» пророка) был избран Абу Бакр, купец, старый друг и сподвижник Мухаммеда, к тому же и его тесть. Но через два года он умер, и халифом стал другой сподвижник пророка – Омар.

Завершив объединение всех арабских племен, Омар начал войну против Византии и Ирана. Эти две великие державы того времени были сильно

ослаблены долгой войной друг с другом за верховенство, а потому арабы сравнительно легко одерживали победы как над иранцами, так и над византийцами. Но усобицы внутри правящей верхушки самих арабов после смерти пророка не давали возможности сосредоточить все силы на завоевательных походах.

Так, после завоевания Ирана резко возросло недовольство основной массы арабов, проливавших кровь на полях сражений, но так и оставшихся бедными, в то время как их предводители сказочно разбогатели. Это недовольство использовали в своих интересах шииты, сторонники течения, представители которой говорили, что и духовными главами (имамами), и политическими предводителями (эмирами) арабов должны быть всегда только наследники пророка — сейчас Али, зять пророка, муж его дочери Фатимы, а после него — их дети, фатимиды. Тысячные толпы недовольных вступили в Медину и предъявили свои требования халифу Осману. Но его племянник, фактический правитель Халифата Мерван из рода Омейядов отдал тайный приказ схватить и казнить вождей бунтовщиков. Но приказ этот каким-то образом попал в руки людей из толпы. И тогда толпа ворвалась в дом халифа и убила его. Халифом стал Али, зять пророка.

Но курейшитская знать не хотела примириться с потерей власти и один из ее представителей — наместник Сирии Муавия ибн Абу-Суфьян из влиятельного рода Омейядов не признал Али халифом и начал с ним войну. В 661 году Али был убит одним экстремистом, недовольным его политикой. Это означало победу Муавия. Его и провозгласили халифом наиболее влиятельные старейшины Сирии и Египта. Победа Муавия и окончательный переход власти к халифам из рода Омейядов означало, что знать взяла верх над народными массами арабских племен, которые хотели сохранить старинные обычаи дележа военной добычи между всеми поровну.

Муавия перенес столицу в Дамаск, прекрасно осознавая, что этот крупный торгово-ремесленный город наряду с портовыми городами Сирии может стать новым, еще более сильным политическим и экономическим центром Халифата. И не ошибся.

После смерти Муавия шииты сразу же попытались вернуть власть, на этот раз они хотели сделать халифом Хусейна, сына Али. Но возле города Кер-Бала сторонники Хусейна были разбиты, а он сам был пленен и обезглавлен. Халифом стал Абу-аль-Мелик из рода Омейядов. Таким образом, внутренние усобицы и смуты после смерти Мухаммеда к концу VII века на время были преодолены, Халифат стал более монолитным и сразу же направил свои силы на новые завоевания. Теперь, после завоевания Ирана, основные силы Халифата направлялись на два фронта — на войну с Византией и на завоевание Северного Кавказа. Но как византийцы, так и хазары ожесточенно сражались, давали достойный отпор арабским завоевателям. Арабская экспансия на Северный Кавказ стала тя-

желым испытанием для многоэтнической Хазарии. Раз за разом устремились арабы на север, но каждый раз народы Хазарии, объединенные духом свободы, стеной вставали на пути завоевателей. Бывало, что ударные арабские корпуса прорывались тем или иным путем на северокавказские равнины, но задержаться там, покорить здешние народы им никак не удавалось, и они опять и опять уходили к себе «преисполненные стыда».

Так, в 713-714 годах арабскому полководцу Масламе ибн Малику удалось отнять у хазар Дербент и продвинуться на север аж до современной Махачкалы. Но здесь он был разбит и, как обычно в таких случаях говорят военные, на спине отступающего врага хазары ворвались в Закавказье. Но арабы вскоре оправались и вновь двинулись на север, на этот раз под руководством Джарраха ибн Абдаллаха. Он тоже взял Дербент, пошел далее и осадил Беленджер. После ожесточенного штурма он все-таки взял город, но, истощив силы, вернулся назад. В прикаспийских степях, видно, легендарная аланская конница Хазарии не раз гнала арабские войска, а потому Джаррах следующий свой поход посвятил специально аланам — он пошел на Хазарию через Дарьяльский перевал. Так как арабы упорно лезли на север именно по древнему пути вдоль каспийского побережья, то и основные силы Хазарии наверняка находились в этих краях. А потому арабам сравнительно легко удалось провести эту карательную экспедицию — огнем и мечом они прошли Аланию и вышли все к тому же Беленджеру, а оттуда через Дербент вернулись к себе.

В ответ войска Хазарии совершили в 730 году крупный поход в Закавказье. Хазарские войска, которыми командовал сын самого великого хана — кагана — Барджиль, наголову разбили стоявшие здесь арабские войска, даже убили Джарраха и вернулись домой с большой добычей.

Вместо Джарраха наместником Закавказья был назначен Мерван ибн Мухаммед. Он был не только ближайшим родственником халифа (и сам впоследствии стал халифом — последним в династии Омейядов), но и выдающимся арабским полководцем, не раз громившим отборные византийские войска. Он утихомирил Закавказье методом «кнута и пряника». При этом армянам достались «пряники» — закрепление земель за местными феодалами, которые в благодарность за это давали воинов-конников в арабское войско. А грузинам, видимо, менее сговорчивым, чаще всего доставались «кнуты» — он немедленно посылал карательные отряды туда, где грузины начинали проявлять непослушание. За то, что он «не слышал» народных стонов, в Грузии его прозвали Глухим.

После этого в 737 году Мерван направил часть своей армии через Дербент по берегу Каспийского моря, а основные свои силы повел через Дарьяльский перевал, который он захватил перед этим походом. Хазары не успели собрать народное ополчение и потерпели сокрушительное поражение. Остатки хазарской армии и, надо полагать, хан со всей своей родней и близкими, бежали, видимо, на северо-запад. Потому что, преследуя их, Мерван дошел до какой-то большой славянской реки и увел

оттуда 20 000 семей «славян и других неверных». Этими другими неверными, скорее всего были аланы и асы.

После этого Мерван ушел в Закавказье, но в Дербенте оставил гарнизон.

Столица Хазарии — аль-Бейда была Мерваном разрушена, и хан решил построить новую столицу, да подальше от границы — на Волге, и она стала называться Итиль-кала по имени реки Итиль, тогдашнего названия Волги.

Это было последней попыткой арабских завоевателей выйти в степи Северного Кавказа и присоединить эти благодатные земли к Халифату. После этого в Халифате вновь начинаются раздоры, которые в конце концов привели к фактическому распаду Халифата на отдельные эмираты, и арабам уже было не до далеких степей за горами. Поэтому Хазарии удалось сравнительно быстро залечить раны, нанесенные арабскими саблями, и она сама уже в конце VIII века совершила довольно крупный поход в Закавказье. Возглавлял этот поход некий Астархан. И на этом отношении слабейших Халифата и Хазарии стабилизировались: арабы закрепились в Закавказье и Южном Дагестане, хазары же на Северном Кавказе, у Приазовья, на части Крыма и в восточнославянских степях. Вассалом Хазарии была и Булгария на Волге.

Но в это время — в начале IX века — уже становилось беспокойно и в самой Хазарии, что и не позволило ей не только совершать, но даже и мечтать о каких-либо завоевательных походах.

8. Бузанские асы — верные воины Хазарии

Не прошло и 30 лет, и Хазария полностью оправилась от опустошительного похода Мервана и отправила свой ответный экспедиционный корпус в Закавказье, который прошел через Албанию, Армению и дошел до Грузии и вернулся назад с огромной добычей. Во главе хазарской армии, как было сказано ранее, стоял некий Астархан, которого арабский историк Табари называет хорезмийцем.

Вокруг этого имени — Астархан — в науке разгорелись нешуточные дискуссии, и удивительно смотреть, как во время этих дискуссий, попадая в неудобные положения, изворачиваются «ирианисты», лишь бы не допустить хотя бы малейшего намека на то, что асы и аланы — народы тюркоязычные. Как было отмечено и ранее, при распаде или завоевании крупного союза племен или кочевнической державы, какой и была Алания перед гуннским нашествием, то какими бы грозными и дикими не казались завоеватели, основная масса народа все равно по большей части остается жить на том же месте, лишь формально меняя свое племенное имя. Иногда в истории обычное для тех

далеких времен замена в союзе племен одного ведущего рода или племени другим преподносится как завоевание этих мест иноземными, враждебными племенами. Так, усиление сарматов в среде обширного союза асских племен на европейской части и широкое распространение их имени считается войной, в которой якобы была истреблена масса собственно асов (скифов). Точно так же потом верховодить в степном мире Восточной Европы стали аланы, и название сарматов сошло на нет. Но опять же это совсем не значит, что сарматы истреблены аланами. Вовсе нет, все очень просто и обыденно – сарматы стали называться аланами. Как, к примеру, люди славянских племен, жившие на Дунае, после прихода туда булгар вскоре стали просто называться булгарами или, как сегодня принято говорить, болгарами. Точно так же, хотя нашествие гуннов имело очень тяжелые последствия для аланов, но основная их часть все равно оставалась на месте. Просто потом, после гуннов, многие племена стали называться своими собственными именами, а не аланами. Так, после гуннов в европейской степи появились десятки доселе неизвестных тюркоязычных племен. А ираноязычные аланы сохранились только на небольшой площади в центре Кавказа, говорят «иранисты». Кто-то из русских писателей вроде бы сказал: «Поскреби хорошенько любого русского и получишь татарина». Этим он хотел сказать, что русские и татары (тюрки) так долго живут по соседству и так перемешались, что многие русские являются потомками татар, ассимилировавшихся в русской среде. Примерно такое можно сказать и об аланах и асах: как только начнешь их по-настоящему скрестить научными данными, как они сразу же из ираноязычных превращаются в тюркоязычных.

Так произошло и с этим злополучным именем хазарского полководца – Астархан. Сперва «иранисты» не захотели отдавать его каким-то далеким хорезмийцам и «переселили» поближе сюда, в Европу, где у них более надежный тыл, чем в Средней Азии, где теперь, после обретения независимости, ученые тамошних народов всерьез занялись своей историей и уже довольно сильно истрепали старый халат догмы об ираноязычности саков и массагетов, не говоря уж о скифах.

Итак, говорят наши ученые, Астархан, это, мол, не его имя, а титул, и он скорее всего из бузанских (донских) асов, известных в науке как люди Салтово-Маяцкой культуры, которая существовала в междуречье Дона и Донца. С этим, что Астархан это не имя, а титул и означает тархан асов, то есть хан асов, и что он скорее всего из бузанских асов вполне можно согласится. Хотя для объективности следует отметить, что первое предположение – это действительно так и может быть, а вот второе предположение ни опровергнуть, ни подтвердить никаких возможностей нет. Но не в этом суть. А в том, что сказав, что этот самый полководец является тарханом асов, да к тому же из бузанских асов, «иранисты» попали в капкан, то есть в очень щекотливое поло-

жение. Во-первых, с чего это у ираноязычных асов предводитель стал носить тюркский титул — тархан. Во-вторых, многие ученые отмечают, что Салтово-Маяцкая культура по всем параметрам и по обряду захоронения, и по инвентарю могил — практически идентична культуре аланов Северного Кавказа. Значит, люди Салтово-Маяцкой культуры и северокавказские аланы фактически были людьми одного и того же племени. Но ведь на Хумаринском городище близ г. Карачаевска, на территории северокавказских аланов найдены древние тюркские рунические письмена. Что с ними-то делать? Как сюда притащить тюрков, коль здесь издревле жили аланы и только аланы. Перед «иранистами» встала новая нелегкая задача — куда убрать аланов хотя бы с этих краев и кого из тюркских племен сюда переселить где-то в VIII веке. Да, ведь можно же переселить аланов с района Кисловодска (и само собой разумеется, мол, и из Хумары) под тем предлогом, что они были напуганы арабскими нашествиями, решили «иранисты». А на их место передвинуть часть булгар, ничего, мол, с ними не станется, ведь даже по собственной воле вон аж куда — с Волги на Дунай! — они передвинулись. Не убудет их, коль они передвинутся здесь хоть немного по их, ученых XX века, велению и по их же хотению. Булгары VIII века скорее всего «щучьего» веления наших ученых не слышали, а потому продолжали, наверное, жить на своей земле, кстати, вполне красивой и плодородной. И вообще, кто сказал, что асы и аланы были народами трусливыми, а булгары — отчаянными храбрецами, как варяги? Почему это они должны были переселиться из своих привольных цветущих земель в горные районы, да еще опасные, откуда убежали аланы? И вообще, с чего это убежали аланы именно с того места, где в XX веке были найдены их рунические письмена из Хумаринского ущелья, из такой дали от театра военных действий? Ведь война между арабами и хазарами почти всегда велась только в землях, лежащих к востоку от Дарьяла. Единственное исключение — это поход Мервана до какой-то большой русской реки. К тому же археологи уверенно говорят: и даже с тех земель, где огнем и мечем проходили арабские войска — с Дарьяльского ущелья, с долин и равнин Терека и Аксая, да и всего Дагестана, население никуда не уходило. Что же тогда получается, восточные аланы, герои-джигиты, воюют, умирают за Родину, а западные аланы такие жалкие трусы, что только при одном слухе об арабах вскакивают и бегут без оглядки аж на край света? Очень трудно в это поверить, не правда ли?

Все это нелогично и необубедительно. А потому надо оставить все как есть. То есть — древние тюркские рунические письмена с Хумаринского городища принадлежат аланам и только им. Аланы и асы — это один народ, их разделяет лишь только названия, как, к примеру, карачаевцев и балкарцев. И тюркская титулатура аланских и асских предводителей, как и имена главных героев нартских сказаний, не «дань

моде», как неуклюже заявляют «иранисты», а дань действительности. Потому что асы и аланы – народы тюркоязычные, и нартские сказания впервые сложились в тюркоязычной среде.

«Почти одновременно с передвижением салтовских алан с юга на север произошло встречное перемещение значительной массы тюркоязычного болгарского (хотя бы научились правильно писать названия племен и народов – болгарами, если по научному, можно назвать только болгар дунайских, потомков булгар и славян, но никак не азово-кавказских булгар, чистых булгар) населения с севера на юг, в бассейн верхней Кубани». Это пишет один из рьяных русских «иранистов» В. А. Кузнецов. При чтении этого предложения так и встает перед глазами смешная картинка – вот движется эскалатор, протянувшийся из дальних Донских степей в Хумаринское ущелье, и медленно двигаются на одной его стороне угрюмые бородатые булгары, озадаченные нелепой затеей горе-ученых XX века, а в обратном направлении на другой ленте эскалатора – аланы с Кавказских гор, довольные, веселые: как ни как будут жить на просторе и в приволье.

И все это лишь для того, чтобы заявить: «Тюркский язык надписей и их датировка VIII–X веков особых сомнений не вызывают (спасибо на этом – могли бы и их присвоить, как и Зеленчукскую надпись); аланы, как известно, в верховьях Кубани пользовались греческим письмом, о чем имеются указания более поздних письменных источников и свидетельствуют памятники эпиграфики (Зеленчукская надпись X века)». И внимание! – «Поэтому хумаринские руны не могут быть аланскими... Надписи Хумары... скорее всего, могут быть признаны болгарскими...»

Почему это надо гонять, итак уставших от бесконечных войн и переселений, наших древних предков только лишь для того, чтобы заявить: «...Хумаринские руны не могут быть аланскими». Как будто люди одного и того же народа не могут пользоваться для письма разными алфавитами. Разве надписи, сделанные на могильных камнях сегодня от Дагестана и до Кубани арабскими и русскими буквами на одном и том же кладбище говорят о том, что там покоятся тела людей разных народов? Нет конечно, на этих кладбищах лежат тела людей, которые совсем недавно имели арабское письмо, но потом, когда их народы вошли в состав России, стали пользоваться русским письмом. К тому же арабское письмо – это письмо священного для мусульман Курана. Если мы вспомним, если, конечно, знали, положение в Алании в VIII–X веках с письменностью, то должны признать, что оно почти что полностью соответствует тому положению, в котором находятся сегодня народы Северного Кавказа, в том числе и «дети» аланов – карачаевцы и балкарцы. Как для нас сегодня арабские буквы являются письмом священного Курана, так и для аланов VIII–X веков руническое письмо было священным писанием предков, верившим в великого Тенгри, а греческие буквы – посланцами новой веры – веры в Христа,

сторонниками которой стала практически вся знать, да и значительная часть народа. И еще — греческие буквы были посланцами далекого, но сияющего и могущественного мира, который назывался Римом, хотя нам он известен под другим именем — Византией. И все знатные и не знатные стремились к этому таинственному и загадочному свету, что исходил со стороны Византии. Так что, аланы одновременно могли пользоваться и своим старым — руническим письмом, и новым — греческим, и это вполне естественно. Не стоит из-за того, что аланы до близкого знакомства с Византией пользовались своим исконным письмом, а потом, завороженные блеском и шиком Римской империи, стали переходить на письменность, так сказать, носителей новой культуры, переселять их куда-то. И не надо, как это на каждом шагу делает В.А. Кузнецов, называть донских асов аланами. Потому что они и сами себя называли асами, и русские называли их асами — «ясами», да и во всей научной литературе они известны как салтово-маяцкие асы, только один Кузнецов с завидным упорством называет их аланами. Почему, интересно? А просто потому, что он живет в Осетии, в «стране аланов-осетин», как он любит выражаться, и желает угодить всячески влиятельным «аланам-осетинам» своим выводом: «Следовательно, мать Георгия Андреевича (речь идет о сыне Андрея Боголюбского, как известно, женатого на «ясыне») и ее брат Амбал были аланами северокавказского происхождения».

Нет, господин Кузнецов, не были они аланами северокавказского происхождения, а были просто асами, которые жили в задонских степях с незапамятных времен. Вспомним, ведь именно эти места и были сердцевинной так называемой Скифской державы еще в VI веке до нашей эры, когда знаменитый Дарий ходил походом в эти края! И когда в Степи верх взяли сарматы, потом аланы, потом гунны, потом тюрки, и, наконец, хазары, асы так и продолжали жить на Дону. И жили все время, пока не были ассимилированы окончательно, видно, где-то в XIII–XVI веках. Точно так же, как все это время чуть западнее их жили и живут сейчас поляне, только, правда, они своего имени не сохранили, как и славяне Болгарии, а называются по имени племени варяга Рюрика — русскими. По соседству с ними жили вятичи, дреговичи (т.е. лесные люди), северяне, радимичи, живут и сейчас, только они тоже уже зовутся то русскими, то украинцами (от тюркского кыйыр — окраина), то белорусами. Да, ни одно из восточно-славянских племен не сумело сохранить свое исконное имя, но это разве имеет сейчас какое-то значение? Нет, конечно, лишь бы хорошо и счастливо жили люди. А то, что раньше их называли асами, вчера еще — аланами, а сегодня уже карачаевцами — по сути-то, особого значения и не имеет.

Значит, донские асы — это настоящие асы (первоначальные скифы, как их греки называли), те самые асы, которые упоминаются в русских летописях. А если русские летописцы и упоминают где-либо ала-

нов, то это уже точно будет относиться к северокавказским аланам, так как они, наверное, о западных и африканских аланах вовсе и не слышали.

А донские асы в русских летописях упоминаются довольно часто, так как они и поляне были соседями еще до прихода сюда дружинников Олега, соратника Рюрика и опекуна его сына Игоря. А раз были соседями, то, случалось, наверное, и ссорились, но большей частью, как и обычно, жили в мире и добрососедстве, пасли стада, пахали землю, пили и ели на свадьбах своих детей – роднились.

Судя по территории, занимаемой племенами Салтово-Маяцкой культуры, асов в междуречье Донца и Дона жило немало. И мощная хазарская крепость на Бузан-реке – Сары-кала – (Саркел в литературе) судя по всему, охраняли в основном асские воины. А так как половину регулярной армии Хазарии составляли воины подвластных племен, которыми обычно командовали старшие сыновья племенных вождей (хотя уже более правильно будет, если говорить народы и их предводители-князья, тарханы, ханы), то вполне допустимо, что поход хазарской армии в 764 году в Закавказье возглавил тархан асов, то есть командир дружины донских асов. Но им мог быть и не очень-то симпатичный нашим ученым «хорезмиец», так как личная гвардия состояла в основном из ал-арсиев, то есть среднеазиатских асов, а их было немало – 10 тысяч. И конечно же, такое огромное войско не занималось только тем, что охраняло хана и его дворец. Хотя это войско и называлось гвардией хана, но это совсем не значит, что оно не могло принимать участия в походах. И даже вполне возможно, что любимец хана, начальник его гвардии, уговорил своего «светлейшего» отпустить его «попромышлять» за горы – в земли этих хвастливых арабов. Он, мол, им покажет, чья сабля острее – асская или арабская. И это даже вероятнее всего. А присоединиться к нему потом могли дружины и отдельных племен, квартировавшиеся здесь же, в Итиль-кале. Но это так, к слову.

Видно, не очень-то тяжело жилось народам Северного Кавказа под властью хазар, если они в трудные для Хазарии времена всегда вставали на ее защиту. Так случилось и во время похода Святослава в 965 году, когда он разгромил хазар, напав на них с севере, через Булгарию, приплыв по Волге прямо к Итиль-кале. Одержав здесь победу, Святослав возвращался, видно, через степи Северного Кавказа. Но касоги и асы дали ему бой, да видно по всему, они выступили против Святослава порознь, по мере его вступления в их земли. И Святослав победил их. И «град их и Белу Вежу взя». Это и есть Сары-кала (Саркел), которую русские называли Белой Вежей. Видно, Святослав с обычной для него горячностью был в особенном гневе на соседей – асов, за то что они выступили против него, хотя он и возвращался домой победителем хазар. Асам бы, по разумению Святослава, следо-

вало, наоборот, приветствовать и благодарить его за избавление от владычества хазар, а не заступаться за них. Но, видимо, не в правилах асов было предавать своих кровнородственных союзников, и они вступили в бой с дружиной Святослава, хотя и знали, конечно, о поражении основных сил Хазарии там, на востоке у Итиль-реки.

И вполне вероятно, что многие асы после того, как Святослав прошел огнем и мечом через их земли, ушли оттуда к своим братьям по крови — к аланам, жившим на Кавказе. Они интуитивно чувствовали, что теперь рядом с таким соседом им спокойной мирной жизни не видать.

Вот этим-то как раз и логично объяснить, что Салтово-Маяцкая культура после X века пошла к угасанию. Оставшиеся асы, скорее всего, были во времена Владимира насильно крещены и стали христианами. А следовательно, их быт и культура уже не должны особо отличаться от окружавших их славянских племен. Так ассимилируются люди, так нивелируется культура, и вскоре среди других и людей этих не отличить, и культуру эту не увидеть.

9. Экономическое развитие народов Северного Кавказа в период Хазарского ханства

Историки, как известно, тоже люди своего времени, и вполне естественно, что господствующая идеология оказывает на них иногда такое влияние, что они могут упорно утверждать, что эта бумага черного цвета, если даже она и белая.

Если говорить конкретно о нашей истории и о наших историках, то надо сказать, что и наши историки, и наша история находятся в очень сложном положении, потому что наши историки должны (если хотят продвигаться по службе, получать ученые степени) не нарушать уже возведенные официальной академической наукой крепости-догмы, как, к примеру, догма об ираноязычности скифов и алан, или, скажем, о дикости и жестокости гуннов и татаро-монголов, должны восхвалять существующую политическую систему и всячески возносить благотворное влияние вхождения народов в состав России, ни смея при этом хоть чуть-чуть заикнуться о глупостях и бессердечии, как прошлых правителей Руси, так и сегодняшних руководителей России. И еще — не надо забывать о том, что мы, Россия, являемся по своей доброй воле окраиной европейской цивилизации, которая любит, тоже вполне естественно, все свое приукрашивать, а все азиатское принижать. Так, очень трудно понять логику европейских ученых, считающих Александра Македонского, Юлия Цезаря, Карла Меровинга, Наполеона Бонапарта величайшими полководцами, а Аттилу, Чингиз-хана и Темирлана — жестокими дикарями.

Точно так же трудно понять логику российской исторической науки, которая все свое внимание уделяет лишь слезам да крови, пролитым русским народом в период завоевания Руси татаро-монголами, и абсолютно не обращает внимание на поистине историческое благотворное значение как для самого русского народа, так и для будущего Российского государства времени пребывания Руси в составе Золотой Орды. В доказательство верности этой нашей «крамольной» мысли приведем лишь один факт: в начале XIII века, как говорят ученые, население Грузии и Руси по численности было одинаковым. А что мы имеем на сегодняшний день? Грузия так и осталась в пределах своей территории третьестепенной страной, а Россия – одна из супердержав мира. И этому не в малой степени способствовало... завоевание татаро-монголами Руси!

Вспомним Русь предмонгольскую. Это небольшая страна, раздираемая княжескими междоусобицами, которая в большей степени управлялась не самими русскими князьями, а их тестями – половецкими ханами. А после завоевания татаро-монголами Русь оказалась в тепличных условиях: половцы стали мирными золотоордынцами, с запада, хотя там и имелись очень хищные тевтонские агрессоры, но сунуться в пределы Орды не смели, сами русские князья стали лишь наместниками хана и не смели уже грызться меж собой, а если даже и ссорились, их быстро разнимал хан. Именно в составе Орды, надежно охраняемая от внешних агрессоров и внутренних раздоров, Русь возмужала и окрепла. И когда, раздираемая междоусобицами, Орда развалилась, то все увидели Русь сильную и красивую, стоявшую среди ее развалин. А что случилось с «независимой» Грузией? Постоянные войны с сильными соседями не дали ей возможности дальше расти. Ее сыны гибли в войнах, еще не успев пожениться. И осталась она, Грузия, в той же «детской кроватке» в которой она и была 800 лет назад – в пределах Колхиды. Это – факт, который невозможно отрицать. Но все равно мы упорно твердим: «Татаро-монгольское иго! Татаро-монгольское иго!». Дай бог нашему народу подпасть именно под такое иго! А то ведь «наша родная страна» только и знает, что расстреливать нас да загонять в пустыни! И не только нас, «инородцев», но и «кровинушку свою» – русский народ тоже. И несмотря на все это мы все – и русские, и балкарцы, и чеченцы, и ингуши должны быть (должны быть – и никаких!) благодарны судьбе, что родились именно в России, а не в холодной Канаде или же в маленькой Бельгии. Бельгия – это разве страна, да ее, наверное, одним только каким-нибудь курильским островом можно закрыть! То ли дело наша любимая Россия, которая раскинулась от Атлантики (Черное и Балтийское моря) до Тихого океана! И этого вполне достаточно, чтобы нам быть счастливыми. В этом всегда были уверены наши советские вожди, верят в это и наши сегодняшние правители. А жаль, пора бы уж к человеческому счастью подходить иными, более земными мерками!..

Это отступление мы сделали лишь для того, чтобы сказать – Хазарское ханство не было для народов Северного Кавказа государством завоевателей, которое только и знало, что собирать дань и угнетать покоренные народы, как это преподносят нам иногда наши историки. Так, в солидном академическом издании «История народов Северного Кавказа» говорится: «В целом можно по всем данным полагать, что IX век был периодом, когда народы Северного Кавказа стали постепенно освобождаться и от власти хазар, и от власти халифата». «Народы Северного Кавказа боролись за независимость и против хазар, и против Арабского халифата».

Во-первых, историю надо знать и записывать то, что знаешь и что было, а не «полагать» и превращать это свое «полагание» в историю (как это похоже на «мы вправе»!). Во-вторых, как это народы Северного Кавказа, защищавшие свою родину – Хазарию – вместе с хазарами от арабских завоевателей в составе хазарского войска одновременно же борются и со своей страной – с Хазарией? Это тоже самое, если утверждать, что казаки, грузины, чеченцы, балкарцы и многие другие народы, боролись как с фашистской Германией, так и с СССР. Это кощунственно, так как во время Великой Отечественной войны у всех народов СССР была только одна мечта, одна цель – победить фашистских захватчиков. Точно так же и народы Северного Кавказа во времена арабских вторжений думали и мечтали лишь о победе над врагом, а не о какой-то мифической борьбе со своей страной, как это «полагают» наши историки. И, между прочим, воевали они, народы Хазарии, в том числе и народы Северного Кавказа, с арабскими агрессорами героически, потому и отстаивали свою родину – Хазарское ханство, а заодно и Восточную Европу от арабского вторжения. Ни в одном источнике не говорится о том, что народы Северного Кавказа боролись за свою независимость от хазар. Потому что они и не боролись, им нечего было с ними бороться, так как и хазары, и аланы, и дагестанцы, и адыги, и славяне и многие другие народы в Хазарском ханстве были равны, и каждый народ жил на своей земле по законам своих предков. А то, что иные историки называют «обложили данью покоренные народы», так данью, то есть налогом, облагают свое население все страны мира, даже те страны, где вовсе и нет покоренных народов. И дай бог нам сегодня платить налогов не больше, чем платили наши предки во времена Хазарского ханства. Сколько тогда платили? А вот сколько: хазары «брали с полян и с северян, и с вятичей по серебряной монете и белке от дыма». Об этом сообщает «Повесть временных лет». А теперь подумайте – много ли это с одной семьи (а ведь «под одним дымом» могло находиться и несколько семей) в год – одна серебряная монета да одна шкурка белки? А ведь налоги нужны для содержания и армии (к примеру, в Хазарии половина армии была постоянной, т. е. наемной, и воинам надо было платить), и двора (по-нашему – администрации).

Сепаратистские устремления начинаются лишь в IX веке, когда Византия сумела все-таки христианизировать значительную часть знати и населения аланов, русских и адыгов. А Византия всегда рассматривала распространение религии как первооснову дальнейшей своей экспансии. Так было и здесь, в Хазарии. И выступление «народов» в 913 году, и выступление аланов в 932 году были, как это прямо пишется в источниках, инициированы «ромеями», то есть византийским двором. Потому-то даже после поражения к аланскому предводителю царь Хазарии относится вполне уважительно: он берет его дочь в жены своему сыну Иосифу. Став родственником правителя Хазарии, по приезде домой аланский предводитель прогоняет из своей области христианских священников, только что присланных из Византии. Не правда ли, не очень-то суровое наказание для человека, который поднял свой народ на войну с собственным владыкой. И к тому же Обадия в начале IX века произвел государственный переворот, в результате чего ханский род Ашина фактически был остранин от власти еврейским купечеством, что способствовало разрушению единства народа и Итильского правительства. Все это привело к долгой жестокой гражданской войне. После чего и начались все беды Хазарского ханства.

А так – 200 с лишним лет нормальной спокойной жизни в составе единого для всех государства – в Хазарском ханстве. О том, что жизнь для народов Северного Кавказа вовсе и не была жизнью под игом хазар, а была обычной жизнью, лишь прерываемая нашествиями арабов, говорит и археологический материал, который показывает, что в хазарский период народы Северного Кавказа достигли хороших успехов во всех областях человеческой деятельности, в том числе и в основных областях экономики: и в скотоводстве, и в земледелии, и в ремесле, и в строительстве. Следует отметить, что в Хазарии жили разнообразные как в этническом отношении, так и в образе жизни племена. В степях Прикаспия, а также в междуречье Волги и Дона жили скотоводческие кочевые племена. А племена предгорной и горной зоны жили оседло, они занимались и скотоводством, и земледелием. Скотоводы-кочевники свиней никогда не разводили, у них были только овцы, козы, крупный рогатый скот и лошади. А оседлые племена разводили и свиней.

Земледельцы жарких дагестанских долин кроме обычных для всех проса, ячменя и пшеницы, выращивали еще сады и виноградники. Виноградники выращивали и в Крыму, и на Черноморском побережье.

Среди ремесленников особо выделялся Дагестан. В Дербенте ткали полотно, ковали мечи и сабли, изготавливали уздечки. В Кубачи делали кольчуги и разные железные вещи для воина-конника, в том числе сабли и мечи. К тому же все вещи исполнялись на высоком художественном уровне.

Хотя скотоводство, земледелие и ремесло являлись основой жизни большинства населения ханства, немаловажную роль играла для Хазарии в целом и международная торговля. Следует помнить и о том, что

через Хазарию шла не только северная ветка Великого шелкового пути из Китая в Византию (а оттуда – на всю Европу), но что Хазария являлась и перевальным пунктом, и активной участницей торговли Китая, Ирана, а потом Халифата и Византии со странами и народами Восточной Европы и Приуралья. Да только в одну цветущую Волжскую Булгарию и обратно за лето проходили десятки купеческих караванов. И каждый караван уплачивал пошлину своими товарами. Так обогащалась ханская казна, что и позволяло особо и не обременять народы ханства непомерной данью.

На территории Хазарии имели широкое хождение как иранские, так и византийские монеты, а позже – арабские. Это говорит о том, что Хазария являлась не только перевалочным пунктом в торговле, но и внутри самой страны между ее частями велась очень оживленная торговля. Кочевые скотоводческие племена, разумеется, покупали зерно, большую часть тонкого полотна, изделия из железа и керамику у оседлых племен, где выращивали зерно и изготавливали оружие, уздечки, кольчуги и кувшины. Кувшины, между прочим, наполняли не только зерном, вином и маслом, но и иногда и монетами. Такие кувшины с монетами не так уж редко находят археологи при раскопках в городищах времен Хазарского ханства по всему Северному Кавказу.

Итак, Хазария VII–IX веков – это довольно жизнестойчивая держава, которую создали сами народы Северного Кавказа на своей земле и жили в ней, как и многие народы и племена тех времен – случалось, ходили походами в соседние страны, возвращались с добычей, а то и сами становились добычей более удачливых соседей. А большую часть времени, как и все, пасли стада, строили свои каменные или турлучные дома, поливали виноградники и сады, играли свадьбы, растили детей. Словом, жили как умели, как могли. И их страна – Хазария – для них совсем не была «злой мачехой», каковыми являются цивилизованные Сербия и Македония для албанцев, Россия для чеченцев, Ирак для курдов и т. д.

10. Начало конца Хазарского ханства

В истории, как и в природе, все взаимосвязано. Это значит, что в природе все должно протекать и происходить так, как и предопределено, то есть стихийно и естественно. Это основное правило. Человеческая деятельность не должна нарушать основного закона природы – кардинально влиять на естественный ход ее развития. Иначе может произойти катастрофа. Если это нарушение небольшое, то и катастрофа небольшая. Как, скажем, сель в результате прорыва необдуманно построенной дамбы. Как, к примеру, часто бывает в Китае и в Прибалтийских странах. А если нарушение закона сохранения естественного развития природы носит глобальный, планетарный характер, то, естественно, и катастрофа может быть такого же масштаба. Сейчас в

результате деятельности человека над планетой Земля нависла угроза не только глобальной ядерной катастрофы, но и угроза неминуемого разрушения всей среды обитания живых существ на планете и биосферы, которая включает в себя и атмосферу, и гидросферу. И в том, и в другом случае катастрофа планетарного масштаба для всего живого на Земле реально существует.

Бывают катастрофы и космического характера. Так, некоторые ученые предполагают, что четвертая планета от Солнца, названная в науке поэтическим именем Фазтон, взорвалась вследствие разумной деятельности (человека?) примерно 15 тысяч лет назад. Эта была страшная катастрофа, в результате которой планета сама разрушилась на куски, и сейчас она представляет собой так называемый «пояс астероидов», то есть больших и малых осколков, которые продолжают вращаться вокруг Солнца по пути своей погибшей матери-планеты. А спутница этой планеты, отброшенная взрывом прочь, потом была «захвачена» Землей, — это и есть наша Луна. Плотность Луны так мала, что ученые-физики четко говорят: это не естественный спутник Земли, «родина» Луны должна быть на гораздо больших расстояниях от Солнца, чем Земля, ее «родина» там, где сейчас полоса астероидов.

На Земле тогда тоже произошла страшная, но все-таки не гибельная, катастрофа. Ось вращения была сдвинута, сама Земля несколько удалилась от Солнца, в результате тропические зоны Земли попали в холодные зоны, вымерли все крупные деревья и звери. Произошли разломы коры земной поверхности, земные плиты нагромождались одна на другую, образовывались высочайшие горы; дым, гарь, пыль заслонили Солнце, и в полярных зонах началось оледенение. Одновременно случился и тот мировой потоп, смутные рассказы о котором потом попадут практически во все мифы народов мира...

Итак, любое нарушение естественного, эволюционного процесса развития неминуемо ведет к катастрофе, к большой или малой — это зависит от степени или, скажем так, масштабности нарушения. А так как человечество есть не только часть природы, а даже наиболее чувствительная ее часть, то и здесь, разумеется, полностью, и даже в более отчетливой (для нас, человек) форме проявляется эта закономерность природы.

Так, нарушение правителями России естественного закона о необходимости нормального развития народа — совершенное пренебрежение к его интересам, вовлечение его в неимоверно тяжелую, к тому же ненужную и разорительную многолетнюю войну вызвало политическую катастрофу — революцию. Разъяренный народ в отчаянии крушил все, в том числе и самого себя — в огне Гражданской войны погибла лучшая, как говорит А.Н. Гумилев, пассионарная часть народа. И в результате загублено сто лет российской жизни, жизни нескольких поколений людей, и только теперь мы стали выбирать из колючих зарослей, усталые и исцарапанные, где искали тот единственный легкий путь в рай, о котором мечтают люди с незапамятных времен. Но оказалось, что в рай пропускают не так уж легко, как думалось. Чтобы попасть в рай на том свете, надо верить в Бога и быть безгрешным на этом свете. А чтобы попасть в рай на этом свете, надо верить в разум и неустанно работать.

Народы, правители которых не нарушают грубо естественный закон природы и стараются обеспечить своим народам мирную жизнь, что и является стержнем естественного развития, уже живут почти что в раю. Их всех перечислять смысла нет. Скажем только о Швеции. Швеция умудрилась (поистине!) вообще не влезать в болото войн, попусту не тратить на это гиблое дело свои силы. И она не воюет уже 300 лет! Недаром шведы говорят, что сегодняшняя их счастливая жизнь началась в Полтаве. Они благодарны Петру I за то, что он сбил с них вредную спесь и желание воевать, в результате чего они стали просто работать и жить. Хорошо работать и счастливо жить. А ведь они потомки тех самых варягов (норманнов, викингов), от воинственности и необузданности которых целое тысячелетие «плакала» вся Европа. Вот что значит обуздать свою агрессивность и жить в ладах с законами природы!

Все великие империи прошлого процветали, когда не выходили за рамки естественного развития, и сразу же разрушались как только ими начинались грубо нарушаться законы эволюционного развития.

Так, на начальном этапе своего развития тюркское ханство (Тюркский каганат) не нарушало законов нормального развития природы — долгие годы убежавшие от китайской экспансии люди хуннского племени тюрков жили на Южном Алтае и были «кузнецами» жужаней, то есть их холопами, а потому, когда набрались сил, они разгромили жужаней и на землях, контролируемых этими «разбойниками степей», создали свое ханство. Это было естественно, но когда они простерли свою власть от Тихого океана и до Атлантики, да к тому же продолжали беспрестанно воевать с соседями, тем самым доведя свой народ до нищеты и отчаяния, — то это уже грубое нарушение законов естественного развития человечества, согласно которому с течением времени жизнь людей должна улучшаться и улучшаться. И тогда Тюркское ханство быстро распалось. То же самое было и с Ассирией, и с Персидским царством, и с Римом и т.д. То же самое происходит и с Россией. И даже после ее развала на основные составляющие части в конце XX века, и в XXI веке руководители России все еще живут вчерашним днем, уделяя непомерно огромное внимание (а значит, силы и средства!) на поддержание легенды о себе (о России) как о супердержаве мира, в то время когда главное внимание (и силы, и средства!) уже давным-давно пора уделять именно естественному развитию народов России, то есть неуклонному улучшению жизни людей в условиях мира и спокойствия. А это опять же чревато новыми потрясениями, новой катастрофой. Война в Чечне — это катастрофа, это и есть следствие нарушения руководством России естественных законов развития природы. Да и тогдашнего руководства Чечни тоже.

Но если Россию приводят к дестабилизации, к катастрофам чрезмерная спесь и гордыня ее и руководителей и проистекающие отсюда их жестокость и глупость, то Хазарскую империю (по всем политическим характеристикам Хазарский каганат и есть полноценная империя) погубили чрезмерная терпимость и мягкость во всем ее властителей. Кто только не находил приюта в Хазарии! Сюда бежали и асы Хорезма и Средней Азии, не желающие менять

своего священного бога неба Тангри на арабского Аллаха. Ведь Тангры, как и сами асы, был добродушен и непритязателен: он не требовал такого неистового рабского поклонения своей персоне, как бог арабов. И асы целыми племенами переселялись в земли Хазарии. Сюда же бежали и евреи как из Ирана, так и из Византии, которых там тоже преследовали как безбожников, то есть как нехристиан. Здесь же находили приют и печенег, потомки кангойцев с восточных степей Приаралья, предки современных гагаузов в Молдавии. Они, как и абсолютное большинство людей асских племен, придерживались Тенгрианской веры, которая наукой даже не считается религией только на том основании, что христианские архиепископы и мусульманские муфтии называли приверженцев Тенгри «язычниками» и «идолопоклонниками». Разве можно ожидать благословенного отношения мусульманских мулл и христианских попов к Тенгри, когда они даже между собой (мусульмане меж собой и христиане меж собой) находятся не в ладах?

Если сказать коротко, то в то время, когда религии становятся знаменами народов, с помощью которых правящие верхушки стремятся сплотить свои народы, приводя их (порою и силой оружия) к единой вере, в Хазарии наблюдается совершенно иная картина: здесь религии и разные верования рвут общество на ключья-общины, что станет одной из главных причин такой быстрой гибели довольно жизнестойкой державы, как Хазарское ханство.

И даже сама столица ханства Итиль-кала олицетворяла собой этническую и религиозную лоскутность империи — она была разделена на множество кварталов-общин, где жили отдельно представители всех основных народов Хазарии. Так, дворцовый комплекс Настоящего хана располагался на большом острове между Итилем и Ахтубой, а сам город — по обоим берегам Итиля. Фактически Итиль-кала состоял, как и Будапешт, из двух городов, которых вместо мостов в Будапеште, объединял ханский дворец. Ханбалык — это название восточной части Итиль-калы. Это был город осевших здесь людей из восточноасских племен, город ремесленников, купцов, крупных скотоводов и воинов. Их было более 10 тысяч. Здесь имелся базар не хуже, чем в городах сказочного Шама и Хорасана, с длинными рядами купеческих и ремесленных лавок, где можно было купить все: и китайский шелк, и багдадскую саблю, и дагестанский медный кумган искусной работы с затейливой крушкой, и византийскую брошь, и русскую пушнину и мед, баранов, пригнанных со степей, арбузы и янтарный виноград с берегов Аксая и многое другое. И почти все они, постоянно живущие в Ханбалыке, были мусульманами. Там имелось более 30 мечетей. В западной части города жили большей частью выходцы из западных областей империи, и многие из них были христианами. Здесь были общины аланов, зихов, русов и других народностей.

Язычники, которых, конечно, было больше всех, жили в обеих частях города.

В городе были отдельные судьи для мусульман, для язычников и христиан.

Чтобы мы не говорили, но когда народ, даже этнически единый народ, разделяется по религиозному признаку, и даже не разными религиями, а только разными течениями одной и той же религии, и то это уже связано с

конфликтами. Даже в наше «цивилизованное» время. Вспомним незатухающий огонь раздоров между протестантами и католиками в Северной Ирландии, между шиитами и суннитами в Ираке. А в то «дикое» время религии развешивали людей гораздо легче, чем сегодня. Яркий пример тому — походы крестоносцев (христиан) в Малую Азию против мусульман.

Так что, с самого начала, скажем так, «многобожие», то есть существование нескольких религиозных общин внутри одного государства не могло не влиять отрицательно на его политической устойчивости. А тем более когда правители государства по каким-либо соображениям принимают религию, привнесенную извне и совершенно чуждую большинству населения. Тогда, хоть и не явно, но изменение религиозной доминанты становится фатальной ошибкой, которая рано или поздно приводит к катастрофе, потому что абсолютное большинство населения не приемлет религию (то бишь — идеологию!) правящих верхов. Так и произошло в Хазарии. Где-то в самом начале IX в. (примерно 812 год) в результате государственного переворота, совершенного Обадией, хазарские ханы приняли иудаизм и, естественно, превратили его в государственную религию. А это было неприемлемо по крайней мере для 98 процентов населения — как для язычников, так и для мусульман и христиан. И сразу же начались самые опасные для единства страны конфликты на религиозной почве. Где-то в Южном Дагестане мусульмане разрушили синагогу (причина не известна, но мотив ясен — не приемлют иудаизм в качестве государственной религии), в ответ царь-иудеист велит разрушить соборную мечеть в Итиль-кале и казнить муэдзинов. И тогда хана и всю знать, которая в угоду владыке торопилась переметнуться в другую религию, невзлюбили все — и люди многочисленных асских племен, составляющих костяк империи и придерживавшихся в основной своей массе тенгрианской веры, и мусульмане, и христиане, которых было особенно много в западных областях и так всегда не очень-то лояльных к далекому Истинному хану, который безвылазно жил на своем острове в роскоши, имея не менее чем по одной жене от каждого народа, жившего в ханстве.

Не преминула воспользоваться этой глупостью хазарского хана и хитроумная Византия, которая давно научилась завоевывать другие народы не только мечами смелых готских и аланских наемников, но и с помощью медоносных речей своих священников, рассылаемых во все концы света. И очень часто священники сокрушали соперников и врагов империи, которых не удавалось покорить мечом. Так случилось с Булгарией Дунайской. Так случилось и с Хазарией.

11. На краю пропасти

Многие историки удивляются тому, как это так необдуманно принял иудаизм хан Хазарской империи, когда абсолютное большинство его подданных придерживалось веры предков — тенгрианства. Ну, в конце кон-

цов, если уж ему так захотелось поменять веру, то куда логичнее было бы принять мусульманство или христианство, так как многие в его стране верили в Аллаха или в Христа. Ан нет, он, хан, принимает иудаизм, и эта религия сразу же становится государственной, как и положено быть, если сам Истинный хан придерживается именно этой веры. И сразу же, чтобы угодить владыке, многие князья и правители областей стали тоже переходить в иудаизм, тем самым трещину между властью и народом превращая в широкий разлом.

Почему же хазарский Истинный хан все-таки принял иудаизм, а не христианство или ислам? Историки это объясняют так: он, мол, не хотел быть в роли вассала Византийской империи, приняв христианство, точно так же не хотел быть в чем-либо зависимым и от Халифата. Но, на наш взгляд, этот довод не очень убедителен. Ведь чуть позже приняла же Русь христианскую веру и она вовсе не поплыла в фарватере Византийской империи, а стала прокладывать собственный курс в мировой политике. Волжская Булгария приняла ислам и тоже вовсе не стала вассалом халифата, а продолжала находится в сфере влияния хазаров.

Что же тогда повлияло на такое странное решение хана? На наш взгляд, здесь нет ничего таинственного, и все обстоит гораздо прозаичнее, чем это представляется некоторым историкам. Хан просто польстился на еврейское золото — и все. Вспомним, что ему приходилось расходовать немало денег на сдерживание постоянного натиска на свою территорию как со стороны мусульманского востока, так и со стороны христианского запада. Печенеги, бургасы и другие кочевые племена были тоже не подарком, хотя и являлись родственными племенами: они совершали набеги не только на русов и Византию, но не мало хлопот доставляли и хазарам своим буйством на западных и северных областях ханства. И мощную дорогостоящую крепость на Дону — Сары-калу (Саркел) пришлось построить именно с целью оградить земледельческие области ханства от воинственных западных печенегов. Потом пришлось строить и вторую такую же крепость на месте слияния Дона и Донца — Кара-калу, известную в научной литературе как Семикаракоры. Приходилось оборонять и города Крыма от постоянных притязаний на них Византии. А содержание наемной армии, а расходы на ханский дворцовый комплекс и на содержание многочисленной армии чиновников и челяди — всего не перечесть.

А у хлынувших в города, и в особенности в Итиль-калу, евреев из Запада и Востока денег было много. Услужливые еврейские купцы и торговцы умели пользоваться деньгами как в торговле, так и в политике. А хан-иудаист, разумеется, прислушивался бы к их просьбам более внимательно, чем хан-мусульманин или хан-христианин, не говоря уж о хане-солнцеклоннике. И умелые еврейские купцы смогли убедить, видно, не только одними словами, Истинного хана Хазарии принять иудаизм, назло, мол, и Халифату, и Византии.

Как бы там ни было, а событие сие печальное состоялось – хазарский хан принял иудаизм. И, как было уже сказано выше, сразу же образовалась пропасть между властью и народом, что рано или поздно приводит дело к катастрофе.

А в это время Византия не дремала, она с еще большей энергией чем раньше начала свою религиозную экспансию на западные области Хазарии – на Русь, Крым, Зихию и Аланию. Один за другим направлялись группы миссионеров Константинопольского патриарха в эти области, которые все больше и больше людей обращали в христианство. Церкви строились повсюду – и на Руси, и в Алании, и в Зихии, и в Крыму, и даже в Итиль-кале. И как всегда, византийские священники старались обратить в свою веру родовую и племенную знать – князей, вождей племен, представителей войск и т. д. Особенно активизировались они после того, как Истинный хан Хазарии как бы назло Константинополю принял иудаизм, который был гоним в Византии.

Среди аланской знати стало модным быть христианином, знать греческую грамоту, иметь красивые греческие изделия. Многие дети знатных людей Алании жили и учились в Константинополе, и она, Столица мира, охотно их принимала. Потому что знала, что они, воспитанные и «выкормленные» ее законами, моралью и религией, будут потом, как загипнотизированные, даже у себя на родине, верно служить интересам Византии. С помощью золотого блеска, вкрадчивых речей священников, роскоши и богатства Византия склоняла на свою сторону все больше и больше людей во всех сторонах света. Византийские купцы вместе с золотыми кубками, вином и зеркалами везли в далекие страны и свою веру в Христа. И христиане появляются аж в сухих степях у Великой китайской стены на востоке, и в лесных чащобах в верховьях Днепра на севере. А такие страны, как Булгария Дунайская, с которой Блистательной империи пришлось вести нелегкую борьбу не один век, или же Алания и Русь, бывшие самыми сильными областями Хазарии, с которой Византия всегда была в состоянии союзницы-соперницы, находились, как сегодня говорят, в зоне особых интересов Константинополя.

Булгария в конце концов сдалась – при кагане – хане-Борисе, примерно в 865 году, болгары дунайские приняли христианство. Все больше и больше людей на Руси, в Алании, да и в остальной части западной Хазарии переходили в христианскую веру.

И вот наконец-то константинопольским святошам удалось уговорить знать почти всей западной Хазарии восстать против хана-нехриста. Произошло это в 913 году, когда патриархом в Константинополе был Николай Мистик, который в большей степени был политиком, чем священником.

Здесь будет интересно отметить и тот факт, что именно в том же году – в 913 году – произошло одно очень важное событие, которое или явилось причиной восстания западных областей, или же, наоборот, было следствием этого мятежа. Если это событие случилось до мятежа, то вполне

вероятно, что оно могло послужить мотивом к бунту. А если после – то это, скорее всего, месть хазар русам за их активное участие в мятеже.

А произошло следующее.

Походы дружины храбрых удальцов в те времена – явление обычное. И именно в 913 году русы на многих судах поднялись по Дону вверх, потом переволокли свои суда на Волгу и стали грабить земли и города юго-западного побережья Каспийского моря. Наполнив свои суда награбленным добром, они двинулись обратно. Но где-то уже в низовьях Волги были задержаны хазарами и почти все перебиты.

Если это событие предшествовало мятежу, то это было обычное для того времени ограбление грабителей, и правители Хазарии, скорее всего, были здесь не причем. Но, несмотря на это, оно могло послужить толчком к восстанию в Руси, которое потом охватило и другие западные области. Если же наоборот, сперва был мятеж, а возвращавшиеся из набега русы были перехвачены и перебиты потом, то здесь наверняка действовали ханские воины.

Но как бы там ни было против хазар «поднялись все народы... и стеснили их» по совету «царя Македонского». То есть, по совету императора Византии. Константинополю удалось уговорить выступить с оружием против своего сюзерена правителей и Руси, и Азии (донских асов), и печенегов и других народов западных областей Хазарии.

Верным царю Хазарии остался только царь Алании, который вполне возможно, к этому времени тоже принял иудаизм.

Так как основные силы Хазарии обычно находились в Прикаспийских землях и на Волге, где всегда была высока вероятность возникновения войны, то Младшему хану Вениамину пришлось просить царя Алании срочно собрать войска со срединных областей страны и выступить на встречу мятежным правителям западных областей.

Правитель Алании блестяще справился с поставленной перед ним задачей: он наголову разбил объединенное войско повстанцев и заставил мятежные области вновь покориться власти Истинного хана. В связи с тем, с какой легкостью правителю Алании удалось усмирить взбунтовавшиеся области, следует предположить, что мятежники все-таки не были поддержаны большей частью своих народов, и им не удалось собрать сколь-нибудь солидное количество войск. Конечно, быструю победу аланского предводителя можно объяснить и другими соображениями. Тем, к примеру, что аланы жили не только в самой Алании в центре Кавказа, но и повсюду в Хазарии, а в некоторых местах – довольно солидными, многочисленными общинами. К примеру, и в Прикаспийских степях, и вблизи Дербента, и в междуречье Терека и Аксая, и на Дону, и в Крыму. Недаром некоторые арабские историки того времени называли Хазарию страной хазаров и алан. Следовательно, Алания была, если так сказать, скорее всего даже не какой-то одной областью Хазарии, а ее союзницей, и аланы, и их правители имели в ханстве огромное влияние и силу. Здесь

следует обратить особое внимание на то, что Истинный хан Хазарии или Большой хан в общем не очень-то занимался «мелочными вопросами» повседневной жизни ханства, ими занимался Младший хан, который именовался «каган-беки», что значит «бек Истинного хана», то есть его заместитель, его «правая рука». А Младшим ханом Хазарии и ее фактическим правителем, а также предводителем всех войск после переворота Обадии являлся предводитель еврейского купечества, именуемый царем, в отличие от кагана.

Как бы там ни было, но на этот раз Алания встала неодолимой стеной перед первой открытой, хорошо организованной волной христианского натиска с запада, о которую она разбилась. Но Византия не только не дремала, но и день и ночь долгие годы, века делала подкопы под эту стену, и наконец-то добилась своего – Алания выступила против Хазарии. Это произошло в 932 году, спустя всего-навсего 18 лет после того, как именно Алания своей крепкой грудью спасла Хазарию от мятежных правителей западных областей.

Что же могло случиться за столь короткое время, что Алания, эта одна из двух составляющих Хазарии, вдруг неожиданно пошла против другой. Может быть, аланы, как некогда персы в Мидии, больше не хотели быть вторыми в ханстве, где они в сущности были становым хребтом этой империи? Вполне возможно. Об этом – что же именно послужило поводом к столь неожиданному поведению правителя Алании в 932 году – можно делать десятки предположений. Но в любом случае главным мотивом, основной причиной этого была бурная деятельность Византии по христианизации «варварских» народов с целью привлечения их на свою сторону. Итак, главное здесь – интересы Константинополя, «а все остальное – суета», то есть не суть важно.

И все-таки как это могло случиться? Если предположить следующий вариант развития событий, мы будем недалеко от истины. В то время, когда правитель Алании разгонял в донских степях последние остатки мятежников, его старший сын-наследник жил в Константинополе, отправленный туда еще в юном возрасте, и набирался там ума-разума. Он мог попасть туда даже в качестве заложника, в знак верности дружбы между Византией и Хазарией. И в том и в другом случае – будь это дети знатных варваров или же заложники из знатных семей – такие юноши жили при императорском дворе и пользовались покровительством самого василевса. Если сказать коротко, жили они в почете и в достатке, словно были отпрысками самых знатных вельмож. Их, естественно, учили всему, чему учились и их ровесники из знатных константинопольских семейств. Большой и сказочно роскошный Константинополь, огромный (более 30 метров в диаметре) золотой купол церкви Софии Премудрой, Марнавар – великолепный дворец императоров, который крытой галереей соединялся со стадионом, богатые рынки, синее море, белые корабли навсегда покоряли сердца неискушенных в жизни молодых «варваров»,

делая их неистовыми сторонниками именно такой жизни. Они легко и радостно принимали христианскую религию, и чаще всего возвращались домой уже женатыми на знатных византийках.

Сын правителя Алании наверняка прошел тот же путь, вернулся домой уже взрослым мужем, а если он был заложником, то вместо него в Константинополь наверняка отправился его младший брат. Жил он поживал, служил, возможно при Истинном хане, командуя аланской дружиной, пока в один печальный день не скончался его батюшка. Тогда он сам становится правителем Алании. И тут-то все и начинается. Из Константинополя раз за разом приходят послы в столицу Алании. Послы поздравляют нового правителя, осыпают его дарами и просят (просят!) разрешения построить в его городе христианскую церковь, разумеется на деньги Константинопольского патриаршества. Правитель Алании милостиво разрешает не только строить церковь, но и крестить его подданных, коль кто пожелает. И многие принимают новую веру, в которую уже давно перешел их предводитель. Так проходят годы. И все как бы походя, без всякого умысла, мимоходом намекается правителю, принявшим христианство старейшинам о том, как это неправильно поступил Истинный хан, пустив в свою страну столько евреев и приняв их веру. Разве можно было дать так запросто провести себя этим хитрым еврейским купцам и раввинам! Жаль, очень жаль, что ему, умному и образованному царю аланов, приходится быть под властью такого неумного правителя. Об этом днем ему намекают то посланники Константинополя, то уже живущий постоянно здесь священник, то уважаемый старейшина, тоже уже принявший христианство, а ночью — жена-гречанка, которая так соскучилась по родному городу — Константинополю. Вот если б он, ее муж, стал бы владыкой всей Хазарии, тогда они могли бы каждый год свободно...

И аланский владыка не выдерживает, не выдерживает, так как и сам тоже мечтал о том же, о чем шептали ему другие днем, а ночью вот уже много лет жена — он не хотел быть вторым в Хазарии, которую создали и оберегали от врагов они вместе — аланы и хазары. И вообще, нечего было, действительно, пускать столько евреев в страну, они наводнили все рынки во всех городах державы, вся торговля в их руках, — Истинный хан просто проданся им! Какой же он после этого истинный хан?!

932 год — год торжества константинопольских политиков и священников: они сумели поднять на царя-нехриста хазарского воинственных аланов! Каким бы ни был исход этого, «ромеи» в любом случае не будут в проигрыше: хан-иудаист или будет свергнут, или трон его будет сильно раскачен, тогда навряд ли он долго там усидит.

Аланы потерпели поражение. Надо полагать, что правителю все-таки не удалось поднять основную массу народа, которая все еще придерживалась веры своих отцов и не пошла на битву за веру Христа.

Но царь Вениамин, Младший хан, фактический правитель Хазарии, не стал из этого необдуманного шага своего подданного раздувать огонь

вражды между хазарами и аланами, составляющими становой хребет державы, а лишь пожурил попавшего в плен аланского правителя в нарушении заветов отцов крепить единство и силу ханства. В знак того, что в дальнейшем аланы и хазары будут совместно оберегать свою родину — Хазарию — и преумножать ее силу и могущество сыграли свадьбу сына Младшего хана Вениамина Иосифа и дочери (ее имени история для нас не сохранила) аланского предводителя.

Вскоре из Алании были изгнаны христианские священники.

Но константинопольские политики и патриархи все-таки были правы — вскоре византийские священники вновь вернулись в Аланию и продолжили свое дело. И когда спустя всего лишь 30 лет в Итиль-кале появился Святослав, ослабевшая религиозными распрями Хазария не устояла — она потерпела поражение.

12. Гибель Хазарского ханства

Известно, что Хазария погибла от меча русского князя Святослава, сына того самого Игоря и Ольги, внука основателя Русского государства Рюрика, с чьих имен и начинается история России.

Каким же был этот князь и какова была Русь в это время — во второй половине X века?

Святославу было всего 4 года, когда он впервые кинул копьё в сторону врагов. Правда, копьё вовсе никуда не полетело, а соскользнув меж ушей коня, на котором сидел Святослав, попало в ногу коня. Хотя Святослав был еще ребенком, но древний обычай дружины соблюдался — бой начинался лишь после того, как князь кинет копьё в стан врага. В данном случае врагами были древляне, те самые, которые убили его отца Игоря, за то, что тот хотел повторно собрать с них дань.

С детских лет Святослав жил среди дружинников, воспитывался и обучался военному делу двумя дружинниками, которые служили еще его деду — это полководец Свенельд и воспитатель Асмуд. Суровые и отчаянно храбрые варяги воспитали Святослава на свой лад — воином-полководцем. И надо сказать — неплохо: Святослав, повзрослев, слыл самым умелым и храбрым воином Руси. Что-то, а воевать он умел и любил. Он не мыслил себя без походов и битв. Недаром летописец написал о нем вот так: «...легко ходил в походах, как пардус, и много воевал... не имел он и шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах: такими же и были и все прочие его воины...»

Пока Святослав рос и учился воинскому и полководческому мастерству, Русью управляла его мать Ольга, та самая умная и красивая, которая, согласно сообщению летописца, (в которое, кстати, трудно поверить) даже такого хитроумного человека, каким был император Византии в то время Константин Багрянородный, сумела легко перехитрить. Как это и было принято в Константинополе, иностранных послов императоры особо не спешили прини-

мать — пусть, мол, поймут, что здесь центр мира, и «василевсу ромеев», как они сами называли своего императора, не так-то легко, дескать, найти время для аудиенции. Но когда наконец Константин принял Ольгу, то увидел царь, что она очень красива лицом и разумна, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». На что она якобы ответила: «Я язычница, если хочешь крестить меня, то крести меня сам — иначе не крещусь». И крестили ее царь с патриархом. После того Константин уже прямо говорит Ольге: «Хочу взять тебя в жены себе».

Тогда Ольга ответила, что теперь она не может выйти за него замуж, так как во время крещения он назвал ее «дочь моя».

Некоторые ученые уверены в том, что эта легенда о сватовстве императора к Ольге выдумана возможно самой княгиней, чтобы скрыть ее досаду по поводу того, что император отказал ей в просьбе заключить династический брак — выдать царевну за Святослава...

Так это или нет, не в том суть, а в том, что Ольга была христианкой и искренне верила в Христа и все время пыталась обратить в свою веру и Святослава. Но тот все время лишь отмахивался — ему было не до этой мишуры, он был воином и больше ничем не хотел заниматься, кроме как делом военным.

Страной фактически управляла Ольга даже после того, как вырос сын — ведь тот всегда был в походах и гражданскими делами вовсе и не интересовался. Ольга с боярами ездит по всем землям Руси от древлян до Новгорода и везде устанавливает твердые налоги и повинности населения перед государством. В Киеве, вокруг Ольги, скорее всего, сложилась очень влиятельная христианская группа из высших вельмож, купцов и части дружинников. Много варяг, уже христиан, переходили тогда на службу из Константинополя в Русь, и хотя Святослав сам не хотел принимать христианскую веру, но кому-либо из своей дружины и служивой знати переходить в христианскую веру препятствий не чинил, тем более простому люду. К слову, Ярополк, старшего сына своего, он женил на византийской монахини, которая, естественно, была христианкой. Скорее всего был крещен и сам Ярополк.

Вообще существует мнение, что Ольга была крещена не в 957 году, как это записано в летописи и принято считать, а гораздо раньше — в 946 году. Основание — греческие хронисты не отметили в этот год крещение Ольги, хотя очень подробно рассказывают о ее посольстве, не упоминает где-либо и сам Константин Багрянородный о том, что он крестил «архонтису русов», как греки называли ее.

Все это говорит о том, что и Ольга сама, и многие люди на Руси были крещены гораздо раньше, чем мы думали. И давно уже оказывали определенное влияние на жизнь страны. А к этому — христианизации населения, влиянию на общественную жизнь страны, и в первую очередь на знать, которая и управляет страной — Византия стремилась везде и всегда. И в особенности там, куда пока что не могли дойти ее солдаты. А на Руси особенно, потому что это была страна, откуда можно было получать сколько угодно и по деше-

вой цене очень важные товары, которых больше нигде особо и не достанешь — это пушнина, воск, мед, лен, конопля, лес, сало, кожа.

О том, насколько дальновидна и тонка была политика Константинополя в отношении христианизации Руси, и попытки таким путем пристегнуть ее к форватеру своей политики и сделать в конце концов вассалом империи видно даже в такой, на первый взгляд, мелочной детали. Ольга в крещении была названа Еленой. Если вспомнить, что мать Константина Великого тоже звали Еленой, то нетрудно догадаться о том, что ее крестные отцы хотели бы, чтобы она стала такой же «матерью христиан», какой и была Елена, матушка Константина Великого. Это она, фанатичная христианка, всю жизнь уговаривала сына-язычника обрести истинную веру — веру в Христа. Но Константин, император-воин, как и Святослав, лишь отмахивался, когда мать начинала заговаривать о вере — он никак не мог поверить в то, что тот бунтарь, которого казнили 300 лет назад, действительно мог быть сыном божьим. Но почти что к концу жизни сына мать-христианка все-таки добилась своего — Константин принял христианство и сделал его государственной религией.

Константинопольские священники очень хотели, чтобы новая Елена, то бишь Ольга, сделала то же самое у себя на Руси, что и ее великая тетка. И Ольга-Елена очень старалась так и сделать, но не смогла — Святослав оказался менее стоворчивым, чем Константин.

Итак, пока Святослав рос и учился воинскому делу среди своих дружинников, его мать христианка Ольга, хоть и постепенно, вела Русь в сторону Византии. Но и тогда, когда подрос Святослав, делами государственными, как великий князь-правитель, не стал заниматься. И удивляться этому не стоит — чему еще, кроме как воевать и грабить, могли его научить профессиональные воины-искатели приключений — варяги? Тому, что умели сами — воевать. И Святослав стал воевать как только подрос.

И первый свой поход совершил, как это обычно и бывает, против своего сюзерена — хазарского хана. И по тому, как он это сделал, видно, что его наставники — Свенельд, Асмуд и другие варяги — были хорошими учителями. Святослав выступил в поход летом 964 года, но он не пошел в лоб — то есть не напал на твердыни Хазарии под боком Руси на Бузан-реке — на Сары-калу и Кара-калу, так как у их мощных стен недолго и лоб себе расшибить. Он их возьмет потом, неспеша, когда защитники крепости уже узнают о поражении хана и падут духом. А сейчас — туда, прямо в сердце Хазарии, на Итиль-калу, безмятежно и самоуверенно раскинувшуюся на берегах широкой и спокойной Итиль-реки. И опять же не прямо, а подкравшись с боку, надо напасть неожиданно. Как известно, в военном деле неожиданность и внезапность нападения практически всегда обеспечивает полную победу. Так случилось и на этот раз.

Святослав, собрав достаточно многочисленную и боеспособную дружину (если, к примеру, во время простого набега русов в 913 году, в котором князь даже и не участвовал, было 500 судов, то, надо полагать, что Святослав снарядил хотя бы в несколько раз больше судов), двинулся через земли вятичей в Волжскую Булгарию. Он спросил у вятичей, кому они платят дань, хотя и

трудно предположить, что он не знал о том, кому те платят дань. Вятичи отвечали, что хазарам, «по шелягу с сохи». Шеляга — это монета, возможно, византийский солид, золотая монета, ведь в то время не только Русь, а даже сама Хазария еще не чеканила монеты. Всю осень 964 года многотысячная дружина Святослава громит и грабит Булгарию, страну купцов, мирных земледельцев и скотоводов. Видно, все-таки Булгария не сразу стала покорной, как только увидела дружину Святослава, как это говорят многие ученые, а сопротивлялась, и сопротивлялась долго и отчаянно. Об этом свидетельствует, во-первых, известный арабский путешественник Ибн-Хаукаль в своей «Книге путей и государств», где пишет: «В наше время (книга написана в 977–978 годах) ничего не осталось ни от болгар, ни от бургасов, ни от хазар». Конечно, арабский путешественник все сильно преувеличивает, но он, скорее всего, прав, говоря о том, что от похода Святослава одинаково пострадали как сами хазары, так и их союзники на севере — болгары и бургасы. А во-вторых, если бы Булгария покорилась Святославу сразу же, без сопротивления, то и надобности никакой не было бы ему оставаться на зиму здесь, на берегах Камы и Волги, когда там, внизу, находилась заветная цель его похода — Итиль-кала. Ясно, что его ничто не удержало бы до зимы в Булгарии, кроме как война и военные действия. Многоопытные его соратники-варяги прекрасно знали, что нельзя оставлять у себя в тылу раненного союзника Хазарии, а надо во что бы то ни стало полностью его обезвредить — то есть покорить и нейтрализовать. Вот этим и занимался, скорее всего, Святослав осенью и зимой 964 года в Булгарии.

А весной устремился вниз по Волге, туда, где лежала на берегах Итиля среди цветущих степей Итиль-кала — столица Хазарии. Там не только победа, не только избавление от хазарской власти, но и богатая добыча: ведь город заполнен купцами и торговцами, съехавшимися сюда со всех концов света, их лавками, базарами, ремесленными мастерскими.

Налет многотысячной дружины (здесь, конечно, более уместно было бы сказать — армии) на Итиль-калу, уже давным-давно ставшую вовсе не крепостью, а обычным торгово-ремесленным городом, неторопливым, где люди привыкли к интригам и мелким религиозным распрям, а воины — к пышным нарядам и церемониям, чем к звону меча и военной дисциплине, стал, наверное, громом среди ясного неба.

Разгром был полным и тяжким, от которого Хазария уже не смогла больше оправиться. Правда, после ухода Святослава, все опять вроде бы восстановилось, но это уже было не то, и Хазария вскоре вовсе распалась.

После разгрома центра империи, Святославу еще пришлось воевать с касогами и асами, которые встретили его на Кубани и Дону, где имелись мощные крепости. Русским пришлось осаждать и брать эти крепости. Но, как и правильно рассчитали полководцы Святослава, после падения Итиль-калы эти крепости уже не могли устоять — у их защитников не было соответствующего боевого духа. Некоторые ученые, прочитав летописные слова о том, что русские «и ясы победи, и касоги» сразу же думают, что речь идет об

аланах, и что Святослав после похода на Итиль-калу прошел огнем и мечом весь Северный Кавказ. Но это, наверное, неправильно. Потому что ясы русских летописей — это прежде всего донские асы, непосредственные соседи Руси, народ довольно многочисленный, а возможно даже и не уступающий в то время по своей численности и самой Кавказской Алании.

Вот их-то, донских асов и их соседей касогов, оказавших сопротивление возвращающейся дружине Святослава, и победил князь. А потому и разграбил их земли.

В XXI век человечество, слава богу, вступило хотя и не на много, но все же более очеловеченным, по сравнению с предыдущими веками, когда безраздельно господствовал естественный закон природы для растительного и животного мира: слабые, не умеющие приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни — должны отмирать и исчезать, сильные, приспособляющиеся — должны жить и размножаться.

Но люди, хотя они тоже дети природы, не растения и не животные — они люди, высшее достижение развивающейся природы. У них, как и всех видов живых существ, есть, кроме общеприродных, еще и свои — видовые, то есть человеческие законы.

Эти общечеловеческие законы сконцентрированы в главном документе Организации Объединенных Наций — в «Декларации о всеобщих правах и свободах человека», где говорится о том, что все люди и все народы имеют право на жизнь и свободное мирное развитие. И всякое военное решение межэтнических и международных проблем ставится вне закона. И очень хорошо, что, вопреки яростному сопротивлению России, всегда почему-то оказывающейся на стороне осуждаемых всем миром одиозных режимов, таких как режимы Фиделя Кастро и Муаммара Каддафи, Саддама Хусейна и Слободана Милошевича, мировое сообщество дало по рукам наглому агрессору Саддаму Хусейну, вдруг захотевшему, чтобы богатый соседний Кувейт стал обычной провинцией Ирака, а также сумело защитить косовских албанцев от физического уничтожения профашистским режимом Милошевича.

И на фоне этого, когда человечество потихоньку становится на путь мира и согласия между всеми народами мира, когда любая агрессия должна быть осуждаема и любая захватническая война должна считаться преступной, странно читать пассажи наших ученых, пытающихся оправдать как агрессию против соседей Советского Союза, так и Руси в X веке, и России после татаро-монголов.

Разумеется, никто не вправе винить Святослава, равно как и других полководцев древности, в агрессивности, жестокости, к маниакальной тяге к войне и захватам, так как они жили не в XX и не в XXI веке, а тогда, когда они жили, как раз и царствовал тот самый естественный закон природы — закон борьбы и отбора. Вот они и боролись, то есть воевали, захватывали и т. д.

А если просто — жили. Время было такое. Но в тоже время не следует сегодня говорить так: «Хазария была барьером торговли с Востоком. Хазария — естественный противник разраставшегося и крепнущего Киевского го-

сударства. Полукочевые хазары держали в руках устье Волги, замыкая торговый путь в Среднюю Азию, на легендарные базары Багдада и дальше – до Индии». «Итак, Киевская Русь объединена и соперник ее Хазарский каганат сломлен. Будущность восточного славянства обеспечена территориально и политически. Последовавший немедленный захват низовьев Дуная – это удар по интересам Византии, ее торговле, в которой европейский транзит Дуная играл роль первостепенную. Русь, взявшая под контроль торговлю сразу по всем ключевым путям, оказывается серьезнейшим соперником Византии. Столкновение неизбежно, и Святослав укрепляется на Дунае... Святослав обозначает три направления, откуда стекаются на Дунай «все блага: из Чехии и Венгрии, из Руси и Византии».

За словами ответа стоит: здесь середина, но земля моя – это Чехия и Венгрия, Русь и Византия». (Из книги «Как была крещена Русь» стр. 66–68. Москва, Издательство политической литературы, 1989).

По логике автора статьи Георгия Прошина выходит, что если кто-то стремится к «Багдадским базарам» то этот кто-то, в данном случае Святослав, имеет естественное законное право сокрушать на своем пути любое препятствие любым способом. Тогда зачем же говорить, что Багу-хан изверг, захватчик и негодяй, ведь он тоже рвался на европейский базар, а Русь была барьером?

Почему это желание Святослава иметь своими землями Чехию и Венгрию, и даже саму Византию – это похвально и хорошо, а желание той же самой Византии хотя бы сделать своим вассалом Русь – «агрессия» и «экспансия», то есть совсем даже нехорошо?

Когда Святослав своими завоеваниями «обеспечивает будущность восточного славянства территориально» (пахнет-то совсем одинаково с фашистским обеспечением жизненного пространства для арийского народа!), это опять же хорошо и естественно, а вот когда Турция точно так же хочет обеспечить западных порков территориально и захватывает Балканы – это дикий разбой, наглая агрессия и восточный деспотизм.

Этим небольшим экскурсом в политику, нам хотелось попросту сказать – не следует современным историкам и писателям своими сочинениями приукрашивать и переименовывать прошлое, да еще таким образом, чтобы и сегодня возбуждать у своих соплеменников чувство их правоты, если они будут и «территориально обеспечивать» и рваться на «базары Багдада». Это просто не солидно для нашего времени.

13. Алания Кавказская в X–XII веках

Мы уже говорили о том, что после гуннского нашествия различные аские племена, ранее скрывавшиеся под общим именем аланов и обитавшие от Дуная до Волги, становятся известными римским, византий-

ским, персидским и арабским историкам и путешественникам иногда и под своими «доаланскими» именами. Этим и объясняется обилие названий тюркоязычных племен в междуречье Волги и Дона после гуннов. Но многие племена так и не захотели вновь менять свое имя — они остались аланами. Таким образом получилось, что аланы оказались и в равнинах Прикаспия, и на Кавказе, и в Крыму, и в Венгрии, и во Франции и во многих других местах. А аланы, жившие в междуречье Дона и Донца вернулись к имени своих предков и стали называться асами. А скорее всего — они и не меняли своего названия.

Так как карачаевцы и балкарцы являются потомками именно только кавказских аланов, то, естественно, о них только мы и будем в дальнейшем говорить.

Ранее было отмечено, что Хазарское ханство для кавказских аланов не было чужим государством, так как, во-первых, и сами хазары являются асским племенем, как и аланы, а во-вторых ханство это они создали вместе — хазары и кумо-аксайские аланы, а впоследствии к ним присоединились и аланы Центрального Кавказа, которых мы и называем кавказскими аланами, хотя это и не очень-то правильно, потому что и прикаспийские аланы тоже, собственно, являются кавказскими. Но раз в науке принято так писать, то пусть так и останется, так как это в сущности не имеет особого значения. Поэтому аланы никакого особого хазарского ига, как это преподносят сегодня некоторые историки, не испытывали, а если и были иногда недовольны своими правителями из Итиль-калы, так на это были, наверное, те же причины, что и во всех странах мира во все времена: заелись там, сволочи, наверху, а о существовании простых людей вовсе и забыли и т.д. и т.п. А потому аланы Кавказа были верными сынами своей отчизны — Хазарского ханства — и служили ей до последнего. А когда недалековидные ханы из Итиль-калы довели-таки Хазарию до развала, когда от удара дружины одного лишь своего вассала она развалилась, что оставалось делать аланам? То же самое, что и украинцам и другим народам после того, как кремлевские самодержавные глупые правители довели до развала Советский Союз — начинать жить самостоятельно. Что аланы и сделали.

Алания X-XII веков — это самое крупное и влиятельное государственное образование на территории Северного Кавказа.

Для того, чтобы иметь более или менее конкретное представление об Алании того времени, следует хотя бы приблизительно очертить ее границы на западе и востоке, так как ее южные и северные границы являются как бы само собой разумеющимися: южные — по Главному Кавказскому хребту, северные — до жарких сухих степей предгорий, за которыми уже обитали другие асские кочевые племена — печенеги, сабиры, кыпчаки, буртасы и другие.

Византийский историк VI века Прокопий Кесарийский так определяет западную и восточную границы аланов: «...страну, которая простирается

от Кавказа до Каспийских ворот, занимают аланы». Так как следует предположить, что для византийца начало Главного Кавказского хребта у Черного моря по существу уже и есть сам Кавказ, то естественно, надо слова Прокопия Кесарийского понимать так, что аланы жили на землях от Черного моря до Каспийского. И это, видимо так и есть, но здесь следует учесть, что его слова относятся к VI веку, когда «За пределами абасгов (абхазов)... по берегу же Понтийского моря живут зихи (зихи — главное адыгское племя) по соседству с аланами, а за ними гунны-сабиры». Но в X веке зихи уже продвинулись на север и жили уже в нижнем течении Кубани и по соседству с булгарами. Следовательно, западной границей Алании X века следует, наверное, признать левый приток Кубани — Лабу. А восточной границей следует признать Дарьяльское ущелье, хотя и к востоку от него тоже жили аланы, но они уже не занимали горные ущелья, а лишь предгорные равнины — и так до Каспия.

Итак, Кавказская Алания X века — это страна от среднего течения Кубани до верховьев Терека.

Следует сразу отметить, что это уже не страна кочевников, а оседлых скотоводов и земледельцев, а также ремесленников и купцов, неопровержимым свидетельством чему является сеть городищ и остатков поселений на всей территории Алании от Кубани до Терека. Как отмечают арабские историки и путешественники, Алания была очень густо заселена. Аль-Масуди об Алании: «Царство состоит из непрерывного ряда поселений: когда утром запоют петухи, ответ им доносится из других частей царства ввиду чересполосицы и смежности селений». На территории одной только Кабардино-Балкарии известно около 100 средневековых городов, не говоря уж о простых поселениях. И это только в предгорьях и на равнине.

Точно также, если даже и не гуще, были населены и другие земли Алании. На территории современной Карачаево-Черкессии, судя по всему, был и центр Алании, так как здесь и в Ставропольской равнине находятся наиболее мощные городища, такие как Хумаринское, Римгорское, Нижнее-Архызское, Байгалтапханское, Кубинское, Татарское и другие.

Уже было отмечено, что в хазарскую эпоху, после прекращения арабских походов у народов Северного Кавказа стабильно и хорошо развивались все стороны экономической жизни: скотоводство и земледелие, ремесло и торговля. И длилась эта мирная созидательная жизнь более 200 лет — с 737 года до похода Святослава. А потом опять наступает относительное затишье, которое тоже длилось более 200 лет — после похода Святослава и до нашествия татаро-монголов. И это тоже были в основном годами мирной жизни и налаживания добрососедских отношений между народами Кавказа.

Возможно, да не только возможно, а даже вероятнее всего, что и в это время на Северном Кавказе происходили какие-то конфликты, военные столкновения не только между различными по этническим признакам

племенами, но даже и между родственными, но так как об этом мы практически ничего не знаем, то будем считать, что эти годы действительно были годами относительного мира и созидания. В пользу этого говорят и «молчание» историков и путешественников (ничего необычного не происходит — не о чем и писать!) и археологические изыскания, не выявившие никаких катастроф, характерных для крупных военных действий на территории Алании и других земель Северного Кавказа.

Вопреки устоявшейся точке зрения в науке, согласно которой в центре Кавказа в XIII-XIV веках все еще продолжался этногенез, т. е. образование новых народов — балкарцев и карачаевцев, торкоязычность которых как-то надо было объяснить, коль они отлучались от самих себя — от аланов, образование аланского народа на данной территории было уже завершено еще в аланскую эпоху и даже в скифскую эпоху, так как уже в первых веках нашей эры скифы, а затем и аланы уже жили и в высокогорных ущельях, о чем свидетельствуют массовые находки скифских предметов на этой территории.

На территории Алании X—XIII веков уже не было автохтонного горного населения — это население было ассимилировано асами, сарматами и аланами еще до нашей эры. Так что, в этническом отношении Алания была вполне монолитным государством, чего нельзя с уверенностью сказать о ее политическом устройстве. В политическом отношении она тяготела скорее всего к североевропейским странам — своим сверстницам — германо-французскому миру, где сюзерен не всегда, и даже чаще всего не являлся таким уж единовластным владыкой над жизнями и судьбами своих подданных, как в державах древнего Востока и Средиземноморья, как скажем, в Ассирии, Персии, в Халифате, а также в империи Александра Македонского, в Риме и Византии. Поэтому говорить о сильной централизованной власти в Алании, о могущественных ее владыках, которые могут в мгновение ока выставить конное войско в многие десятки тысяч воинов, — это явное преувеличение. Хотя несомненно одно — все соседние народы и государства относились к Алании с уважением и искали ее дружбы. А в те времена малых и слабых не особенно-то привлекали. Следовательно, Алания была сильной и богатой страной на Кавказе, и дружбы с ней искали как соседи, так и страны, лежащие «за горами и морями».

Одной из таких стран, с которой Алания веками водила дружбу, была Грузия. В этот период, после развала Хазарской империи и становления Алании на самостоятельный путь развития, наиболее значительной фигурой является, как написано в грузинской летописи, «Доргогель Великий, царь Алании» в XI веке. Царь Картли Баграт IV был женат на его сестре Борене, а после византийский император Михаил Дука женился на дочери Борены и Баграта — Марии.

Таким образом, родственные связи аланского царя были довольно обширными. Но особенно хорошими были отношения у Алании с восточ-

ногрозинским царством Картли. Доргогелель не раз помогал своему зятю и войсками, когда тому было необходимо. Когда Баграт воевал с эмиром Ганжи Фадланом, Доргогелель пришел ему на помощь, и объединенными силами грузины и аланы победили врага и вернулись обратно с большой добычей. Доргогелель доставил свою долю добычи домой и потом только, не обремененный присутствием войска, о котором надо было заботиться днем и ночью, вернулся в Картли, чтобы вместе с грузинскими родичами и друзьями отпраздновать победу. Пришел он в Картли «пройдя дорогу Абхазскую» (значит, его резиденция находилась все-таки на территории современного Карачая) с большой свитой из своих соратников. Племянник Доргогелея царевич Георгий встретил своего глубокоуважаемого дядю, с которым ходил походом в Ганжу, у границ царства и сопровождал до рощи Тинисхидской, где дорогого гостя ждал уже сам царь Картли Баграт. Он встретил Доргогелея и его спутников «с великой радостью и почестями».

Две недели длился роскошный пир царей двух дружественных стран, которые к тому же были в близком родстве, а потому прошел он «в покое и радости всеобщей».

Судя по этому сообщению грузинской летописи, царь Алании в XI веке – это могущественный владетель сильной страны, где, надо полагать, ему послушны старейшины. Но, видимо, вскоре и Алания заразилась «детской болезнью» раннего феодализма – раздробленностью и междоусобицей. Грузинские летописи уже пишут не о могущественном царе Алании, а о царях, что вновь говорит о том, что в это время если и была в стране централизованная власть, то она все-таки была лишь номинальной, то есть местные «царьки» и князья не очень-то и подчинялись своему сюзерену. Этим, в частности, и объясняется, что даже давний друг Алании – Грузия – уже ищет себе невест среди кипчаков, ставших к северу от хребта уже более мощной силой, чем аланы. И царь Грузии Давид III, названный Строителем, женился на кипчакской принцессе, хотя по-прежнему глубоко уважает аланского царя, и в его войске есть даже целый отряд аланов – 500 человек. И когда во вновь вспыхнувшей войне с Ганджой ему понадобилась помощь, он, естественно, обращается к «отцу своему», то есть к тестю – к кипчакскому хану Шаруканю. Но хан кипчаков не хочет идти через земли аланов без их согласия, он не хочет их этим оскорбить (значит, аланы еще все-таки в силе!) и просит своего зятя решить этот вопрос полюбовно. И Давид, взяв с собой целую делегацию из умных и уважаемых стариков, приходит к аланам и уговаривает их пропустить кипчаков через Дарьяльский проход. Мир был заключен и 40 тысяч кипчаков прошли в Грузию.

Кстати, один интересный факт. Дочь кипчакского хана Турандохта, выданная замуж за грузинского царя, и стала впоследствии прообразом принцессы Турандот из знаменитой одноименной оперы Пуччини. Но добрые дружеские отношения Грузии и Алании сохранялись несмотря ни

на что. И во второй половине XII века грузинский царь Георгий III женился на дочери «овского» царя Худдана – Бурдухан, которая «превосходила всех женщин своей добротой, мудростью, разумом, красотой и миловидностью; подобную ей невесту Грузия никогда еще не видывала».

Известно, что дочь Георгия III и Бурдухан – Тамара стала впоследствии той самой знаменитой грузинской царицей Тамарой, которой до сих пор восхищается вся Грузия. Первым мужем Тамары был Юрий, сын Андрея Боголюбского, который, как известно, тоже был женат на «ясыне». Эта «ясыня» была дочерью одного из донских асских князей. Но как бы то ни было, в первый раз Тамару, видимо, «выдали» замуж родные по материнской линии. Но вскоре Тамара и Юрий разошлись. Вторым мужем Тамары стал «царевич» Давид, но почему-то этот царевич жил и воспитывался при грузинском дворе сестрой Бурдухан, т. е. тетей Тамары, которая была вдовой «овского князя». Давид, скорее всего, был племянником ее мужа, у которого не осталось близких родственников. Но как бы там ни было, но за время совместного правления Тамары и Давида Грузия стала сильной страной, с которой теперь стали считаться и ее соседи, которые раньше смотрели на нее свысока. Давид подавил мятеж грузинских феодалов, которым было не по нраву централизация власти в стране, разгромил наступавших с востока и с запада сельджуков, расширил и укрепил границы Грузии.

Но все это происходило на фоне постепенного распада Алании на отдельные княжества и области, которые, как водится, начинают постоянно враждовать между собой. Ко времени нашествия татаро-монголов Алания уже представляла собой лишь находящиеся в соседстве друг с другом ряд областей, что и стало одной из главных причин относительно легкой победы новых завоевателей над аланами. В таком же положении находились и союзники аланов в первой битве с татаро-монголами – кипчаки.

14. Татаро-монгольское нашествие

В начале нашего рассказа хотелось сказать несколько слов о странной моде в исторической науке, поклонниками которой сразу же оказались почти все историки. Суть этой моды XX века заключается в том, что устоявшийся веками в исторической науке термин татаро-монголы перевернули с ног на голову и стали писать и говорить *монголо-татары*. Что случилось, в чем суть дела, какова логическая основа этого поветрия?

Простому смертному здесь ничего не понять. «Средний» смертный, т. е. человек с высшим образованием, кое-что еще может сказать. Основная масса завоевателей, мол, наверное, были монголами, а татары скорее всего были лишь «привлеченными» монголами попутно, ну, где-то в районе современных Татарии и Башкирии...

Но «аристократические» (в этом деле) смертные – серьезные ученые-историки – ведь прекрасно знают, что татары и монголы – это названия одного и того же народа, истинное, правильное, этническое имя которого и есть именно татары – это имя сильнейшего древнемонгольского племени, по имени которого все соседи вообще людей всех древнемонгольских племен называли татарами. А после того как хан Темуджин объединил все монгольские племена и провозгласил себя (вернее – заставил Курултай сделать это) Чингиз-ханом, т.е. Единственным, Первым ханом, он назвал свой народ монголами, т.е. людьми, живущими в достатке, а попросту – богатыми! Следовательно, татаро-монголы – единственное научно обоснованное название народа, предводителем которого стал Чингиз-хан. А современные монголы – это уже чисто «богатые», то есть они взяли имя, данное их предкам Чингиз-ханом, «забыв» старое свое имя – татары.

Почему же эта глупая мода так быстро распространилась среди ученых-историков? А просто потому что мы живем в России, где зачастую науку (вернее – лженауку), а историю – на каждом шагу делают политики, а не современные ученые. Потому и объявлялись в свое время еретиками в науке и преследовались почти все представители наиболее новых направлений в науке (и в жизни – следует добавить), мысли которых приходили в противоречие с устоявшимися догмами и суждениями ученых, обласканных правителями. Достаточно привести только один пример – гонения на генетиков...

«А что же здесь, в татаро-монголах, политического, что здесь крамольного?!» – с удивлением могут многие спросить. Еще раз напомним – мы живем в России, а в России ничего вне политики нет. Если даже и нет в татаро-монголах ничего политического – найдем, коли надо. А время – конец XX века – требовало: надо! А просто потому, что «понимаешь ли», этот Минтими́р Шайми́ев, если и дальше так пойдет, чего доброго, еще создаст в самом центре России независимое ханство! Надо же как-то умерить его пыл, чтобы он не очень-то... Но что делать-то, не пускать же на него танки, как на Верховный Совет, ведь вот уже и договор с ним подписали, чуть ли не как с империей какой-то?! Успокоился вроде бы, увлекся экономикой, финансами, да и Кремль его всячески привечает, ни малейшей возможности приласкать не упускает, но чем черт не шутит! И чтобы черт ни чем не шутил, то есть чтобы сделать хоть еще что-то приятное и Шайми́еву, и всему народу татарскому какой-то полуполитик-полуученый в Кремле серьезным тоном на каком-то совещании произнес впервые этот перевернутый термин – *монголо-татары* – да еще с многозначительной паузой после него: вы, ученые, мол, поняли ли что к чему? И ученые поняли – они усердно стали говорить *монголо-татары*, отодвинув *татар* с первого места назад, в задворки, в тень. Мол, татары (то бишь предки сегодняшних татар) в злодеяниях этих *антихристов-монгол* особой роли вовсе и не играли...

Но все это ведь смешно. Во-первых, потому что Минтимир Шаймиев, умудренный богатым жизненным опытом человек, вовсе и не собирался, как он сам не раз говорил, «куда-то улететь от России», а просто хотел оградить хоть как-то (хотя бы меньшей политической зависимостью от центра) Татарстан и его народ от таких горе-реформаторов, как Павлов, Гайдар и им подобных, приведших страну к развалу и нищете. А во-вторых, он, видимо, знает лучше почему это его народ назван *татарским*. И поэтому, в-третьих, усердие ученых мужей, перевернувших термин *татаро-монголы* с ног на голову для него ничего не значит, потому что сегодняшние татары с татарами из термина *татаро-монголы* ничего общего не имеют. И Минтимир Шаймиев, этот многоопытный и мудрый человек, надо полагать, прекрасно это знает...

Нет, наверное, надобности подробно рассказывать о татаро-монголах и их предводителе Чингиз-хане. Обо всем этом есть большое количество и научной, и художественной литературы, мы же поговорим о тех событиях, которые так или иначе касаются судьбы аланов – наших предков, следовательно и нашей судьбы.

Итак, в 1206 году на берегу реки Онон Всемонгольский курултай – собрание родовых вождей – провозглашает объединившего всех предков монгол хана Темуджина Чингиз-ханом, а народу своему дает новое имя – монголы. И уже через 15 лет татаро-монголы появляются на Северном Кавказе. Выдающимся полководцам татаро-монголов – Субедею и Джебе удалось подарками и обманом расколоть объединенные силы половцев и аланов и разбить их поодиночке. Да и эти объединенные силы, конечно же, были скорее всего лишь дружинами соседних княжеств (аланских) и племен (кипчаков), так как в это время ни Алания, распавшаяся на отдельные области, ни Кипчакия, представляющая из себя лишь степь с кочующими родами и племенами, малосвязанными между собой, не являлись странами с сильной централизованной властью. Но как бы там ни было, а кипчаки и аланы в первый день битвы оказали татаро-монголам достойное сопротивление. Битва продолжалась целый день с утра до вечера, но так никто и не смог одолеть противника. Тогда ночью монголы тайно прислали к аланам делегацию, которая заявила примерно так: «Мы не пришли воевать с вами, а пришли лишь для того, чтобы поговорить с кипчаками, которые были нашими конюхами, но почему-то убежали на запад. Мы хотим их вернуть обратно. Оставьте нас, мы с ними сами разберемся». И при этом, как водится на Востоке, чтобы закрепить мирное соглашение, аланам предложили богатые дары.

Но аланы отвергли дары врагов, заявив, что они своих союзников не предадут.

Той же ночью такая же делегация прибыла в стан кипчаков. Им было заявлено примерно следующее: «Мы с вами – народы одной крови и одной веры (и сам Субедей-батыр и большинство его воинов были и в самом деле из кипчакского рода и вера у всех действительно была еди-

ная — вера в Тенгри), а эти аланы вам чужие. Оставьте нас одних с ними, а вас мы не тронем, можете спокойно уходить к себе домой». И опять богатые дары.

Кипчаки поверили монголам, взяли дары и ушли. Аланы остались с грозным врагом одни лицом к лицу, и на следующий день они потерпели тяжкое поражение.

Корпус Субедея прошел весь Северный Кавказ, предавая огню и мечу все города и поселения, жители которых оказывали завоевателям хоть малейшее сопротивление. Через Керченский пролив по «гуннскому пути» прошли в Крым и оттуда вышли в степи, где у реки Калки встретились с объединенными силами кипчаков и русских, которые выступили им на встречу.

«В 1223 г. на реке Калке произошло сражение между монгольскими завоевателями и ополчением русских князей. Отсутствие единства между последними, а также измена участвовавших в этом сражении половцев явилась причиной поражения русского войска».

Всего два предложения из 3-го тома «Всемирной истории», изданной Академией наук СССР. И в обоих предложениях неприкрытая ложь, которую можно назвать просто святотатством. Поистине ни один добрый поступок не остается без наказания! Бедные кипчаки! В XII веке кипчакский хан Артык выдает свою дочь Турандохту за грузинского царя Давида, у которого турки-сельджуки отобрали уже почти все царство, присылает ему в помощь еще 40 тысяч воинов (в армии Давида сражались уже 15 тысяч кипчаков), и в результате Давид с 60-тысячной армией (из них 55 тысяч кипчаки!) разбивает турок и отвоевывает у них свое царство. А в XX веке грузинский писатель Константин Гамсахурдия, как пишет Олжас Сулейменов, известный казахский поэт и писатель, «не может простить им (кипчакам) участия в освобождении Грузии». Хотя здесь более уместным было бы сказать в спасении Грузии от гибели. И Гамсахурдия изображает кипчаков в своем романе «Давид IV Строитель» как грязных дикарей и грабителей.

Внук хана Артыка — Юрий Кончакович командовал кипчаками во время битвы на Калке и стоял насмерть — он погиб в сражении. Вместе с ним погибли и тысячи других его соплеменников. Ни о какой измене и речи не может быть.

А что же было? Ничего особенного. Просто — русские еще как следуют не знали монголов, да к тому же у них и единой армии-то не было, а были самостоятельные дружины князей, которые им только и подчинялись. В результате этого, в основном, они, русские и половцы, и потерпели поражение. Сперва, как всегда, завязалась горячая сеча. И вот наконец русские и половцы стали одолевать врага — он, враг, дрогнул и стал отступать. Отступление конных воинов (а у монголов, как и у всех кочевников, пехоты не было) — это бегство, а не медленное, как в пехоте, отступление. И опьяненные успехом князья, не слушая своих более опытных в военном искусстве союзников кочевников-кипчаков и старших князей,

кинулись вслед за убежавшими монголами. И растянувшихся на десятки и даже сотни верст (гнались-то за монголами 2-3 дня!) разрозненные дружины русских и кипчаков, ждавшие их в засаде свежие монгольские тысячи, изрубили почти поголовно. Вот и все, что тогда произошло близ речки Калки.

И никто здесь не виноват — ни кипчаки, ни русские. И те, и другие сражались и пали на поле брани во имя своей родины. Кипчаки — за свою Голубую Степь, русские — за свою Святую Русь. Вечная им память и слава! И пусть будет стыдно тем, кто теперь одних из этих героев винит в измене и неверности!..

После покорения Киева и юга Руси монголы пошли на Волжскую Булгарию, но здесь они впервые в пределах Европы потерпели поражение и поторопились поскорее убраться к себе в Монголию.

На этом разведывательная экспедиция монгольского корпуса, где было всего-то около 20 тысяч воинов, под командированием Субедей-батыра и Джебе-нойна была завершена. Планомерное завоевание стран захода солнца начнется ровно через 15 лет, уже после смерти Чингиз-хана. И начнется этот поход именно со вторжения в Булгарию, где монголы впервые потерпели поражение. Этого они булгарам простить не могли.

В течение 1236 года монгольские войска наводили «порядок» в покоренной Булгарии. Как это они всегда и делали, непокорные города разграблялись и сжигались, покорившиеся без сопротивления оставлялись в живых, но если было нужно, многих отправляли в Монголию в рабство, подчинившимся правителям областей давали возможность служить со своей дружиной Великому хану Монголии — и попробуй откажись!

Перезимовав в Булгарии, весной 1237 года монголы напали на Русь. Точно также, пройдя огнем и мечом Русь с севера-востока к юго-западу, монголы уже к осени вышли к Северо-Западному Кавказу.

И начали планомерное завоевание народов Северного Кавказа. Покрыв черкасов, к осени 1238 года татаро-монгольское войско оказалось у западных земель Алании.

Здесь так и просится написать: «И встала тогда легендарная страна нартов — Алания — стеной перед дикими ордами Чингиз-хана...» Но нет на то ни права, ни основания. Нет, не встала она, легендарная страна нартов, с мечом в руке, и не преградила дорогу врагам. Потому что просто не могла она этого сделать в то время. Не было в стране Ёрүзмека-Храброго, и все нарты возгордились, и не слушали старшего, и не подчинялись его воле, а только косо поглядывали друг на друга, словно враги извечные...

А если оставить «высокий штиль» нартского слога и говорить официальным языком истории, то Алания в это время была просто разорвана на мелкие ключья-княжества усобицами. Историки это время называют периодом феодальной раздробленности. Это происходит почти во всех странах в период раннего феодализма, то есть в то время, когда оконча-

тельно рушатся родоплеменные устои и закладывается фундамент общества, где главную роль уже играют не род, и не племя, а богатство и власть в руках князей и царей. Одни ученые такое общество называют аристократическим, и первую его ступень – феодализмом.

Вот характерная картина того, как «завоевывалась» Алания:

«Юй-ваши был ас. Его отец Еле-бадур пришел с правителем его государства и подчинился Угедю. Ему было повелено быть в гвардии... Особо был учрежден отряд асов и ему было поручено командовать ими». Или: «Хан-ху-сы был родом ас. Он был правителем владения асов. Когда войска Угедя достигли границ его, Хан-ху-сы было пожаловано монголами звание «бадура», дана была золотая пойцза и повелено было владеть над своею землею и народом».

Некоторые наши ученые, сидя в своих уютных кабинетах в XX веке, называли этих Еле-бадура и Хан-Ху-сы изменниками.

Конечно же, они не были героями, но и изменниками их назвать язык не поворачивается. Что они могли сделать – каждый из них по отдельности? Да ничего! Ведь страна была раздроблена и вмиг, по чьему-то хотению, объединиться не могла. И если б даже они и их подвластные, как истинные нарты, стали бы биться с монголами, и то ничего бы они не сделали! Так как их было сотни, а монголов – тысячи! Монголы просто уничтожили бы их, их соратников, их жен и детей, их города и поселения. И больше ничего. И Алания все равно была бы покорена. А так и они сами остались в живых, и их люди. Время еще даст им и их потомкам возможность показать и свою храбрость и воинское мастерство, – и они это сделают!

А пока – Алания пала, покорилась монгольской сабле. Такова была ее горькая судьба на это время.

15. А нарты все-таки были!

Но все-таки были в легендарной стране аланов и настоящие герои-нарты. Были! И они сражались с врагами, убивали их сотнями и тысячами, но их, врагов, было слишком много, и они одолевали героев. Так дошли монголы до главного города Алании Мингас (Тысяча Асов – в смысле, город, где живут тысячи асов, большой город). Следует предположить, что здесь и жил номинальный правитель Алании. Вот он и его воины и оказались настоящими нартами – они приняли бой, не захотели склонить свои гордые головы перед врагом.

Это было зимой, в декабре. Монголы окружили город со всех сторон, вырубив лес и кустарник вокруг, притащили осадные орудия, которые они научились делать у китайцев. Ночами вокруг города зажигали тысячи костров – чтобы греться и готовить пищу, а одновременно наглядно пока-

зять защитникам города, что их сопротивление бессмысленно. Смотрите, мол, сколько нас и трепещите! И сдавайтесь, пока мы совсем не рассердились!

Но каждый раз наутро монголов, шедших на приступ, ожидали не вышедшие им навстречу послы города с хлебом и солью в знак покорности, а камни, дротики и стрелы. И опять разгоралась битва, которая так и заканчивалась к вечеру ни с чем.

Ни с чем — для монголов. И еще с одним днем победы — для защитников города.

Ночью все вокруг города было в огне — от вражьих костров. А внутри города люди мерзли от холода — дрова кончились давно, достать их было нелегко. Чтобы раздуть очаг для приготовления пищи разбирали подсобные помещения. Но даже дети не плакали — и они понимали, что в их жизни в эти дни происходит нечто важное и страшное, которое, видно, простым плачем не предотвратить.

А взрослые люди, защитники города, все время были на ногах. Днем они отбивались от нападавших врагов, а вечером до самой ночи разбирали каменные строения и таскали камни к городским стенам, чтобы завтра днем обрушить их на головы врагов, которые с каждым днем становились все нетерпеливее и злее. Защитники города осыпали их градом камней и стрел, а они все упорно штурмовали город, приставляли к его высоким стенам длинные лестницы и лезли вверх. И злились — это оставшиеся в живых, которые оттаскивали от стен города тела своих убитых товарищей. И все больше ожесточались и грозилась.

Но защитников города это уже не пугало — они и так знали, что враги, в случае чего, их в живых не оставят. А потому — стояли насмерть, до конца.

Пятьдесят дней и ночей защищали свой город и честь Алании воины и жители Мингаса. А после, когда город все-таки был взят, все воины — защитники города были перебиты, были наказаны и все жители, от мала до велика: у каждого из них отрезали правое ухо!

Падение главного города Алании произвело на всех ее жителей, и в особенности на жителей ее восточных областей, которые еще не были завоеваны, тягостное впечатление. Их воля к сопротивлению была сломлена. И к весне 1239 года равнинная Алания, наверное, уже была покорена монголами. Так как здесь монголы произвели учет своих оставшихся войск, создали новую ударную группировку для завоевания Дагестана.

Но, судя по всему, горная Алания так и не была покорена, так как здесь еще долго продолжалась борьба с завоевателями.

В донесении Бату-хана Великому хану Угедею о новых завоеваниях в стороне захода Солнца говорилось о том, что ему и доверенным ему войскам удалось: «Силою Вечного Неба и величием государя и дяди (Угедей был дядей Бату-хана, — младшим братом Джучи, отца Бату) мы разрушили город Мегет и подчинили твоей праведной власти одиннад-

цать стран и народов». Мерет – это вариант написания Мингаса. Из этого послания видно, какое большое значение придавал Бату-хан, этот великий полководец прошлого, завоеванию Алании и ее столицы.

Хотя Бату-хан и доложил великому хану Монголии о завоевании одиннадцати стран и народов, но многие горные ущелья Кавказа, и Алании в частности, еще оставались непокорными. Так, побывавшие на Северном Кавказе вскоре после татаро-монгольского нашествия европейские путешественники Плано Карпини и Гильом Рубрук сообщают о какой-то части «аланов, оказавших мужественное сопротивление и доселе еще не подчиненных им», т. е. монголам.

В 1253 году Рубрук отметил, что «аланы или асы» исповедуют христианство и «все еще борются против татар». Это он отметил, когда проезжал через Кавказ в Монголию. А через год, возвращаясь, опять пишет: «Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартака двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине».

Значит, пятая часть всех монгольских войск, находящихся на равнинной части Алании, занята была только тем, чтобы стоять постами у выходов из ущелий, чтобы не выпускать оттуда аланов. Монголы сказали любопытному европейцу, что воины на этих постах находятся только за тем, чтобы эти запертые в горах голодные аланы (вот, мол, какие мы, до чего их довели, а они, несмышленные, все еще пытаются сопротивляться!) не крали их скот. И европеец, конечно, им поверил. Но на самом-то деле это были обычные боевые посты у границ противника, которые обязаны были моментально оповестить основные силы монголов о том, что из ущелья вышла дружина врага. А заодно, конечно, предохранять и угон скота.

Здесь следует учесть одно важное обстоятельство, а именно то, что всемогущие на равнине монголы – многочисленная конница – не так уж грозны в горах, где даже небольшая группа смельчаков в 10–12 человек способна не пропустить врага, укрепившись на узкой горной тропе – ведь тогда машинных дорог, прорубленных в XIX–XX веках, не было. А если даже и углублялись в ущелье монголы, их верховья они все равно так просто не могли взять, так как в узких местах, за которыми располагались поселения, закрывались мощными оборонительными укреплениями, как к примеру, целый комплекс Зылгы-калы у входа в Большую Балкарию в верховьях реки Черек. И очень даже возможно, что именно об этой горе и идет речь в сообщении Плано Карпини о горе в земле алан, которую монголы осаждают вот уже 12 лет, и все никак не могут до нее добраться. Просто гору, конечно же, кроме альпинистов, никто не будет штурмовать, речь вероятнее всего идет о какой-то мощной крепости в глубине ущелья, а Зылгы-кала как раз и есть такая неприступная крепость.

Но продолжала борьбу не только горная Алания, ее вели и на равнине.

В низовьях Итиля бесстрашные кипчацкие и аланские джигиты во главе со своими князьями Бачманом и Качиром долгие годы вели партизанскую войну. Для разгрома их дружины не раз снаряжались карательные экспедиции, но герои, прекрасно зная плавни и леса дельты Итиля, вовремя уходили, чтобы вновь где-то произвести успешный налет. И лишь только после того, как многотысячный карательный корпус возглавил сам Менгу-хан и стал планомерно «зачищать» местность шаг за шагом, удалось захватить смельчаков. Все они героически погибли в неравном бою.

Следует отметить, что как во время завоевания Руси, так и Северного Кавказа, монголы умело использовали феодальные усобицы и этническую раздробленность народов.

Так, весной 1240 года вместе с татарами напали на Кумух и авары во главе со своим правителем Сартаном. Кумухцы, как сообщается в хронике, «сражались с великим мужеством», но в конце концов были побеждены.

А во время осады аланской столицы Мингаса первым в город ворвался, между прочим, тоже... аланский отряд во главе с Батыршой (в китайской хронике — Матярша). Он, Батырша, один из аланских феодалов, которые не стали сражаться, а сразу же покорились монголам. Это обычное правило монголов — вперед, в самое пекло, бросать те воинские части, которые состоят из сыновей покоренных народов. Монголов мало — их надо беречь!

То же правило использовали монголы и тогда, когда, не в силах более терпеть издевательства наглых завоевателей, восстала древняя столица — Дада-кала — Крепость предков. Это Дедаково русских летописей.

Возможно, восстала не одна только Дада-кала, а целая область с центром в Дада-кале. Потому что монголы сочли нецелесообразным самим погибать под стенами этой мощной крепости, как совсем недавно под Мингасом, а призвали на это дело русских. Из такой-то дали? А к чему торопиться, ведь восставший город никуда не убежит. И русские пришли. Их, видно, было немало, если одних только князей была целая гурьба. «Князь же Ростовский Глеб Васильевич с братаничем своим с князем Константином, князь Федор Ростиславич, князь Андрей Александрович и инии князи мнози с бояры и слугами поехали на войну с царем, Менгугемером, и поможе бог князям русским, взяша славный град яський Дедеяков зиме месяце февраля в 8, на память святого пророка Захарии, и полон и корысть велику взяша, а супротивных без числа оружием избиша, и град их огнем пожгоша. Царь же, почтив добре князей русских и похвалив вельми и одарив, отпусти во свояси с многую честью» — так записано в летописи.

Сколько русских людей полегло, скольких они положили («без числа») — об этом ничего нет. Зато они «добре» справились с заданием монголов, и царь их, Менгу-Темир-хан, был ими очень доволен, что даже отдал на разграбление русским рыцарям весь город. После нашествия русских князей от города осталось одно пепелище.

Руины Дада-калы высятся ныне на высоком правом берегу Терека близ г. Майского в Кабардино-Балкарии, это место сейчас называют Тартюпом...

Естественно, что в результате захватнической войны и не прекращавшихся репрессий монголов против оказывающих хоть малейшее неповиновение аланов, определенная их часть, и, видимо, довольно внушительная по численности, была вынуждена мигрировать в горы, куда все еще не дошли монголы. Со временем, когда сменится поколение, и все аланы уже будут себя чувствовать людьми этой огромной страны, которая называется Кипчакским ханством (у русских – Золотая Орда), они перестанут вести борьбу с захватчиками, которых, в сущности, в этой стране, уже не будет. Они, монголы, а вернее – потомки Джучи – будут лишь толпиться у трона хана и проводить время на охотах и пирах, а также в разъездах по огромной территории ханства как бы присматривая где что делается, а на самом деле просто так – прогуливаясь, развеивая скуку однообразной жизни и отвлекаясь от придворных интриг. А людьми, народом ханства уже совсем скоро после завоевательного звона и шума станут кипчаки и аланы. Как бы это не звучало парадоксально, но уже в XIV веке и кипчаки, и аланы, да и многие другие народы, покоренные татаро-монголами лет 50 назад, уже жили обычной мирной жизнью, и государство, которое было сколочено монгольскими полководцами – Кипчакское ханство – они уже считали своей страной. Точно так же как и славяне, покоренные русами в IX веке, в X Русь уже считали своей страной, а не страной варяг...

Но тогда, в середине XIII века, монголы были для аланов ненавистными захватчиками, и многие их тысячи уходили в горы, а оттуда – в Грузию, с которой у аланов всегда были хорошие отношения.

По подсчетам специалистов, во время татаро-монгольского нашествия в Грузию ушла примерно третья часть жителей Алании. Это, конечно, была невосполнимая потеря генофонда аланского населения.

Катастрофы без катастрофических потерь не бывают. И в особенности во время войн и революций. Потому-то умные правители всеми способами старались и стараются оградить свои народы от них. Так очень часто делали правители и Китая, и Ассирии, и Египта, и Рима, откупаясь от наступающего врага богатыми дарами, и даже соглашаясь на ежегодную дань, лишь бы не привести на свои земли всежигающее пламя войны. А глупые правители, надутые чрезмерной гордыней, наоборот, сами ищут войну и приводят в свою страну горе и страдания. Как, к примеру, Саддам Хусейн в Ираке, Слободан Милошевич в Югославии.

Потому то, вопреки устоявшемуся мнению о том, что народы не виноваты, следует признать, что и они, народы, тоже бывают виноватыми – пусть не культивируют у себя национализм и фашизм, пусть не делают героев из фашистских громил-молодчиков и всяких проходим-

цев. Пусть более строго относятся к соблюдению законов и порядков в стране, не позволяя никому их нарушать.

К примеру, вскоре после прихода к власти президента США Джорджа Буша-младшего, в 2001 году по телевидению показывали, как была задержана младшая дочь президента, которая в вечернее время в баре покупала пиво. В Америке продажа алкоголя, в том числе и пива, несовершеннолетним в вечернее время запрещена. За эту провинность она вынуждена была выслушать в официальном месте определенное количество лекций о вреде алкоголя.

Такое у нас просто невозможно. Не только на уровне президента страны, и даже на уровне мэра заурядного городка. К примеру, рассказывают, что первый секретарь Ленинградского обкома партии Романов в свое время сыграл свадьбу своей дочери в Зимнем дворце с использованием царских музейных сервизов. Это говорит о том, что у нас пока что царствует не закон, а власть, т. е. люди, у которых есть власть.

16. Аланские сабли на службе у монгольских ханов

Жизнь сложна и необычайно разнообразна, и она никогда не будет вписываться в те прямолинейные рамки, в которые хотят ее втиснуть иные историки-патриоты. Забавно смотреть на сегодняшних потомков славян, которых в IX веке варяжский конунг Олег взял с собой в качестве гребцов, когда они бахвалятся тем, что-де Олег, русский князь, еще в те далекие времена чуть было не взял Константинополь, да вот хитрые византийцы уговорили его уйти, дав ему большую дань. А если скажешь ему, тебе-то, мол, что с того, что варяг Олег осаждал Константинополь, он же рус, германец, а твой далекий предок, если и был с ним, то ведь он был просто гребцом, то есть рабом у этого германского князя — обидится. К тому же он им, славянам-гребцам, даже и того не заплатил, что обещал, потому-то они и попробовали было взбунтовать на обратном пути, увидев те несметные богатства, которые якобы достались варягам, да Олег их быстро усмирил, да так, что те уже до самого Киева вели себя тише воды и ниже травы.

Ведь Олег для сегодняшних русских свой, родной, чуть ли не отец России, качавший ее колыбель вместе с колыбелью Игоря, сына Рюрика.

Точно также смешно слушать иного балкарца, сокрушающегося тем, что мы, мол, тюрки, будь поумнее, не грызи друг друга, могли бы всем миром овладеть. Ему совсем невдомек, что будь «поумнее», «не грызи друг друга», так почти каждый народ, живший на земле, мог бы стать властелином вселенной.

История, говорят, не знает сослагательного наклонения, то есть не

признает этого «если бы», а развивается по своим правилам. А правила эти просты — говори и пиши то, что было, то что увидел, узнал; ничего не выдумывай, ничего не добавляй.

И нам следует придерживаться этих правил.

А потому следует поведать кое-что и о тех асах и аланах, которые, не видя особого смысла вступать в бой с сильным противником, которого все равно не одолеть, примирились с судьбой и перешли на сторону завоевателя. Такие решения, как известно, принимают обычно предводители народа, области и т. д. И мы, люди XX и XXI веков, не имеем право их осуждать, коль они приняли в то время то или иное решение.

Говоря о героях, павших в борьбе с могущественным врагом, мы воздаем им славу и говорим: «Вечная им память!» Хотя мы знаем лишь имена двоих-троих из них, из тысячи и тысячи. Мы не можем осуждать владетеля города Дада-кала, чья гордая душа не выдержала тяжести иноземного ига и восстала, подняв на бой с врагом тысячи и тысячи людей, которые сгорели в пламени войны, наоборот — восхищаемся его мужеством, героизмом его подданных. И даже странно, что мы никак не можем увековечить их подвиг, поставив хотя бы простую мраморную стелу в несколько метров.

Но не имеем права осуждать и Хан-ху-сы, который сдал свой меч хану монголов, и таким образом спас народ своей области от истребления и разорения. Некоторые даже скажут, что он поступил мудро и мужественно: ведь это тоже нелегкий поступок — сдаться на милость сильного, принять на свои плечи груз позора, но спасти свой народ от гибели и разорения. И кто скажет, что это не так?

Так во время Великой Отечественной войны многие умудренные жизненным опытом люди становились старостами сел и деревень в оккупированных фашистами землях, как могли охраняли своих односельчан от произвола оккупантов и полицаяв, хотя прекрасно знали, что их потом, как пособников врагов, или убьют на месте, или сошлют туда, откуда и возврата нет...

Хан-Ху-сы, тот самый, который одним из первых не стал сопротивляться монголам, стал впоследствии полководцем хана Монке и вместе со своими соплеменниками завоевывал Китай для своих новых хозяев. Видно, надо было ему вместе со своей дружиной сразу же присоединиться к монгольской армии, чтобы люди его области — «царства» — могли жить в мире, чтобы их меньше тревожили монгольские баскаки — чиновники, сборщики дани.

Скорее всего, монголы быстро оценили боевое качество асов и аланов и создали из них особый корпус, которым и командовал Хан-ху-сы. Алано-асский корпус был одним из отличившихся частей Монке-хана, когда он завоевывал Китай. Вот как пишет об этом ученый-востоковед Ю. Н. Рерих: «Высшее монгольское командование, которое всегда лояльно признавало военные качества своих противников, по справедливо-

сти оценило большую доблесть и мудрость их командиров. Поэтому оно было счастливо заключить с ними военный союз. С этого момента аланская кавалерия соединилась с монгольской армией и приняла участие с ней во всех военных операциях». Он также сообщает, что великоханская гвардия состояла из тысячи аланских воинов и служить в ней считалось большой честью. Этой гвардией, судя по всему, командовал сын Хан-Хусы Атачи. Во время похода на Сычуань самого Великого хана вместе с ним был и Атачи и, видно, отличился в бою — государь сам во время победного пира преподнес ему кубок с вином и наградил «серебром». Любимец хана, отчаянно храбрый и сильный Атачи, видимо, был слишком горяч, и во время победных пиров мог натворить что угодно. Поэтому неудивительно, что во время одного из таких победных пиров в ответ на какую-то, быть может, не очень уместную оскорбительную шутку Атачи один из китайских полководцев — Хан-Фу — заколол его кинжалом. Это случилось в городе Чан-Чао во время правления Великого хана Хубилая. Хан Хубилай в знак благодарности за большие заслуги Атачи дал его семье 500 лан серебра, 3500 связок ассигнаций, а также более 1500 дворов покоренных жителей. Сын Атачи Бодар был произведен в тысячники и поставлен на место отца с правом носить золотую пайцзу. В 1283 году Бодару пожаловали тигровую пайцзу, титул главнокомандующего (видимо, всеми отрядами асов и аланов), а также асского бадударугачи. Бадударугачи, видимо, что-то вроде наместника хана над мирными жителями асов и аланов (у воинов, надо полагать, были семьи). Бодар умер в 1300 году. Его сыновья тоже служили в монгольской армии и добились больших успехов.

Почти так же сложилась судьба и Еле-батыра, который перешел на сторону монголов вместе с отцом Атачи. Он тоже был храбрым воином и, видно, не зря еще до монголов к его имени прибавилось слово *батыр* — вскоре он тоже стал командиром тысячи, был награжден золотой пайцзой, но он тоже погиб вместе с Атачи в 1275 году. Видно, там произошла довольно крупная стычка между асами и китайцами. Вполне возможно, что эта стычка между монгольскими военачальниками из асов и китайцев явилось следствием того, что благодарные ханы слишком уж щедро одаривали алано-асских воинов, и они стали предметом зависти своих же китайских коллег, которые, возможно, не удостаивались таких почестей.

Об этом, о том, что асы и аланы в Китае были в большом почете и пользовались большими привилегиями, говорит и Иоан Мариньоли, католический священник, совершивший в 1338–1353 годах поездку в Китай и проживший там несколько лет. Вот что он сообщает: «Всех выше также князя его государства, более 30 тысяч, которые зовутся аланами и управляют всей восточной империей. Они христиане... Благородный род аланов, являющихся ныне величайшим и благороднейшим народом в мире; всех красивее и храбрее мужи их, с помощью которых татары овладели восточной империей и без которых никогда не достигли бы славной побе-

ды. Ибо собрал Чингизхан, первый царь татарский, их князей числом 72, когда по воле божьей захотел покорить мир».

Если учесть, что аланских воинов в Китае было 30 тысяч, то вместе с семьями асов и аланов там должно было быть 100–120 тысяч (исходя, что на 4–5 человек из народа приходится 1 воин, или же 1 воин из одной семьи), или же 30 тысяч, семей. Это целый народ.

Здесь следует обратить внимание на слова Мариньоли «князя его государства, более 30 тысяч», а чуть позже «собрал Чингизхан, первый царь татарский, их князей числом 72». Почему же и в первом случае все 30 тысяч, всего столько, видимо, находилось в Китае алано-асских воинов, названы «князьями его государства»?

Ошибка? Разумеется, так и можно подумать на первый взгляд. Но коль спокойно порассуждать, то следует признать, что Мариньоли в сущности не ошибся. Помните, как Рюрик, а потом и Олег поступили после окончательного покорения восточных славян? Они раздали всем своим воинам-дружинникам по несколько деревень, и они, простые варяги-дружинники, и стали первыми помещиками – знатно, дворянами Руси. Подобное же, скорее всего, и происходило в Северном Китае после того, как он был покорен. Только семье Атачи Великий хан пожаловал 1500 дворов крестьян. Видимо, не оставались без внимания и остальные ассские воины-дружинники. Следовательно, после покорения Северного Китая всем ассским и аланским воинам были подарены во владения довольно обширные земли с крестьянским населением. Вот почему Мариньоли пишет, что всем Китаем якобы управляют аланы. На самом деле, конечно, всем Китаем они не управляли, но своими обширными поместьями, пожалованными им за усердную службу, они, разумеется, управляли. И уже считались князьями.

Их, асов и аланов, в Китае было так много, и авторитет их был так высок, что сам Великий хан пишет письмо Римскому папе Бенедикту XII, в котором излагает к нему свою просьбу, чтобы «он молился за Нас и Наших верных слуг, аланов, его христианских сыновей». Это письмо написано 14 июля 1336 года. Вместе с письмом хана было отправлено и письмо аланских князей к папе. Аланы в своем письме сообщают папе, что еще несколько лет назад умер их священник и просят папу прислать нового легата. Оба этих письма в Рим повезло специальное посольство хана. Через два года посольство вернулось обратно и с ответным письмом, и с новым священником для аланов. Этим священником и был Иоанн Мариньоли. Интересно, что в посольстве было и доверенное лицо от асов и аланов и звали его Тогай.

Ветер войны разметал аланов во все стороны света, и они оказались не только на востоке, но, как было уже один раз упомянуто, и на юге – в Грузии, и на западе – в Византии, в Молдавии и Венгрии. К примеру, византийский писатель Никифор Григора сообщает, что какие-то массагеты, жившие за Истром, послали посольство в Византию с предложением

перейти на службу к Империи. «Их вообще называют аланами, — пишет Григор, — они издревле приняли христианство, и хотя впоследствии подчинились скифам (татаро-монголам) телесно, невольно уступив их силе, но постоянно питали в душе заветную мечту о самостоятельности...» Император принял их предложение, и около 10 тысяч семей аланов переселились в земли Византии. Но эти аланы, видно, были где-то в степях к северу от Дуная, в Причерноморье.

Оттуда же, из Причерноморья, занятого татаро-монголами, часть тамошних аланов переселилась в Молдавию и Румынию.

Часть асов и аланов, живших в Северном Причерноморье и на Дону, вместе с кипчаками хана Котьяна, которого пригласил в Венгрию сам король Бела, переселилась в Венгрию. И хотя вскоре татаро-монголы добрались и сюда, но они там не задержались, и асы и аланы так и осели в Венгрии. Они поселились по соседству и образовали две области: Ясшаг — асская область, и Куншаг — кипчакская область (в Венгрии кипчаков называли кунами, возможно, их считали гуннами). Следует отметить, что асы и аланы и в Венгрии, как и на востоке — в Китае, прославились на военной службе и пользовались тоже определенными привилегиями. Область Ясшаг существует и поныне и расположена в часе езды от Будапешта.

Татаро-монгольское нашествие, как и всякая война, явилась катастрофой для всех народов, до которых она доходила. И для Алании тоже. Ее равнинная часть потеряла, наверное, не менее половины своих жителей: считая погибших, защищая свою родину, ушедших с войсками захватчиков и убежавших от сабли и ярма татаро-монголов. Да и потом золотордынские ханы постоянно проводили рекрутские наборы в армию, многие воины из асов и аланов отправлялись в дальние походы и более к синим горам своей Алании не возвращались.

К этому бедствию следует добавить еще и то, что в 1346-1350 годах, как и по всей Европе, по Северному Кавказу тоже прошла страшная эпидемия чумы, после которой обезлюдели целые города и селения.

Так беда то монгольскими саблями, то чумой косила людей Алании, но она все еще жила. И когда на Кавказ придет новый страшный враг — Хромой Темирлан, уже успевшая поправиться Алания вновь возьмется за меч.

Аланская тема в балкарской литературе

17. Рассказ о героической гибели Тохтар-хана и о том, как Кушатар стал ханом

*Отрывок из поэмы Магомета Кучинаева «Сказание
об аланах»*

Не помочь – недолго, видно, до беды.
Он поможет!.. Он их держит про запас,
Те три тыщи, что в укрытии... Сейчас
Может, именно тот миг... И Таулан –
Храбрый тысячник – глядит: «Пора, мой хан!».
И другие предводители колонн
На него глядят: когда прикажет он?!
Он прикажет!.. «Гей, джигиты-молодцы!
Хватит брать коней ретивых под уздцы,
Хватит, выждали!.. Как молвят мудрецы,
Час настал связать начала и концы!
Пал Аслан и пал Орман, да и Карай
Под ударом оголтелых злобных стай
Еле держится, вот-вот падет в траву...
Так – вперед! И – опрокинем татарву!..
Помоги, Тейри!..» – воскликнул Тохтар-хан,
Вынул меч, что славой предков ему дан,
Заблестевший в этот миг, как свет луча!
И за ним, как три нацеленных меча,
Три могучие колонны понеслись!..

Задрожала даль под ними, взвыла высь...
Даже дьявол, сам бы дьявол появись,
Он не вызвал бы такой переполох,
Как – от новых войск Тохтара... Тяжкий вздох
Вмиг опешивших, что ужаса полны
Перед выходом аланской стороны,
Заметались... Даже сам Карай сперва
Обомлел: что это с ними?.. Но едва
Обернулся – понял сразу: он спасен!
«Гей, аланы! – на виду у трех колонн
Крикнул войску Таулан, – вперед, за мной!..
И взметнулись над татарской стороной
Взвизги стрел, и копий свист, и блеск клинков,
И неистово-нечадный гул подков,

Бьющих в землю, как в тревоге барабан.
От Карая в стороне, недалеко,
Тут же врезался, как в масло нож, легко
В гущу воплей, криков, ржання – всех подряд

Повергая, будто волк среди ягнят.
Не берет его ни меч и ни кинжал,
В его крепкую кольчугу сотни жал,
Слепо тычась, отлетают, как от скал
Копья молний, и коня его оскал
Страх наводит, будто это и не конь,
А несущийся ощеренный огонь!
И Карай в орущей гуще, будто сам
Сквозь теснину, поднимаясь к небесам,
Прочь отбрасывает камни грузных тел!..

Но старик-татарин вырваться успел
И примчался к Субудай: «Не казни!..
Вот-вот, думали, сдадутся нам они...
Только тут аланам в помощь, с трех сторон,
Точно беркуты внезапно на ворон,
Налетели.. И, видать, не из простых,
Кто-то страшный появился среди них:
Не берет его ни меч и ни кинжал...
Не казни – я сообщить тебе бежал...»

Субудай не удержался; «Как ты мог
Весть такую принести?!» Ударом с ног
Повалил он старика... И вытер меч
Бородёнкою его... В любой из сечь
Есть такие, о которых искони
Говорят заговорённые они!
Говорят, в них кровь особая течет!
А по сути – это смелость и расчет!
А по сути, и, конечно, неспроста,
Ими дерзко движет их же правота!
Вот таким и был Таулан... А Субудай?..
До своих уж доскакал он хищных стай,
И, набросясь, брызжа злобною слюной,
Повернул их бегство выкриком: «За мной!..
Где, собачье вы отродье, тот, кто с плеч
Лихо сносит ваши головы, а меч
О кольчугу его тупится, клинки
Отлетают?.. Впрямь от страха велики

У трусливого глаза!..» И, за собой
 Увлекая убежавших, снова в бой,
 Не колеблясь, смело кинулся, томим
 Острой жаждой самому схлестнуться с ним!
 Его меч немало дерзко доставал
 Наступавших, и разя их наповал,
 Он кричал своим; «Вот видите – они
 Тоже люди... И едва клинком их ткни,
 Вы увидите: и у них в страшный час
 Кровь из раны льется тоже, как у нас!..»
 Переменчива удача на войне...
 И прижали вдруг татары, как к стене,
 Группу всадников к нависнувшей скале,
 Где едва держался хан Тохтар в седле...

Огляделся... Но куда ни погляди –
 Всё татары; по бокам и впереди.
 Ближе, ближе... И, уже не так крепка,
 Всё ж разит еще врагов его рука!..
 «Неужели – это смерть?» – подумал он.
 И припомнилось: приснился ночью сон.
 В нем увидел он себя в снегу седин...
 Обессиленный, больной, как перст один,
 Он бредет, вокруг него полдневный свет.
 Но откуда-то – шуршанье... Свет померк...
 И упала, разлилась в округе мгла...
 Это коршун распростёр над ним крыла.
 Черный коршун черной ночью лег у ног.
 Черной ночью был он тоже одинок.
 Притаясь, два одиночества глядят
 В пустоту внезапной ночи, и молчат.
 Миг ли, вечность пролетела в немоте –
 Только коршун шевельнулся в темноте,
 А Тохтар не может пальцем шевельнуть:
 Коршун топчет его тело – руки, грудь,
 На лицо ступил и громко закричал,
 Закричал и – полоснуло щеки скал
 Гулким эхом... Вечность минула иль миг –
 Коршун сердца его жаркого достиг,
 Клювом бьет... Тохтар кричит, но – ничего...
 Даже голоса не слышит своего...
 Снова – миг, иль снова вечность?.. Улетел
 Черный коршун!.. Белый свет опять стал бел,
 Зелен, синь, сиренев, красен, желт – таков,

Быть каким ему в течении веков!
Хан напрягся – руку на сердце... Но он
Ощутил лишь пустоту... «К чему б сей сон? –
Он подумал, – мое сердце – мой народ!
Черный коршун – не татарин ли, что, вот,
Предо мной?...» А этих коршунов вокруг
И не счесть... И стало хану страшно вдруг:
Свет померкнет, ночь наступит, сгинет след
И души живой в холодном море бед!..
Сжало сердце: у него перед лицом –
Клювы коршунов... Они полукольцом
Обступают... Рассердился на себя
Хан Тохтар: «Да что ж ты думаешь, скорбя,
О себе любимом, плача, как вдова?..
О мече забыв, ты держишься едва...
Сам Тейри глядит с презреньем на твоё
Это жалкое сердечное нытьё!
Все он видит, все он слышит – ты ж ведь хан,

Ты аланами стоять над ними зван,
Не позорь же малодушием своим
Камни родины святой – будь верен им!
Ты еще – и человек! Еще и – сын
Дорогой тебе аланки!.. Ты один –
Утешение и радость с нею встречь...
Так о головы врагов тупи же меч!..
Пристыдил себя и – ожил меч в руке!..

Оказался Таулан невядалеке.
Беспокойно огляделся: где же хан?!
И сквозь поднятую пыль, как сквозь туман,
Он увидел в гуще схватки под скалой
Тохтар-хана... Меч сверкает удалой
В толчее густой клинков, людей, коней!..
Громко крикнул Таулан аланам: «Гей!..
Братья славные, наш хан у той скалы
Окружён... А ну, за мной, мои орлы!..
И, числом поболее сотни, в тот клубок
Следом врезались!.. Но – кровью хан истёк:
Ухватив коня за гриву сгоряча,
Даже мертвый, он не выронил меча,
Будто замер перед тем, как сделать взмах...
Таулан с тремя джигитами, в слезах,
Подхватили его тело... Остальным

Дел хватило – пробивать дорогу им!
Как поленья под тяжелым топором,
Разлетелось окруженье, и в пролом
Хана вынесли... От горя бел, как снег,
Таулан прервал коней и мыслей бег
И сказал джигитам: «В этот горький час
Я прошу, чтобы никто вокруг от вас
Не услышал о постигшем нас, пока
Бой идет; гора печали велика...
Пусть же в горе камень боли по руке
Не ударит прижимающих к реке
ненавистного врага, пусть их мечи
Не остынут, а в сражения печи –
Закаляются: на свете, знаем мы,
Зла немало, как в ночном ущелье – тьмы...
Только б нам хватило силы и ума!..
Так скачите ж, у подножия холма
Караульте тело хана – мы потом,
Кончив бой, его в шатер перенесем...»
И ушли, одев себя в дорожный прах,
Караульные печали на конях,
А неистового гнева скакуны
Остальных умчали снова в ад войны...
Над долиной, где рубились жизнь и смерть,
Око неба, чтоб получше рассмотреть
Поле битвы, где лишились люди сна,
Раскалилось, как и дали, докрасна.
Показалось Субдаю и оно
Кровью залитым... Хоть думать так грешно,
Но, взглядевшись, и сдержав невольный вскрик,
В лике солнца он узрел Чингиза лик,
Обагранный кровью тысяч мертвецов,
Гневно тянущих к нему со всех концов
Жадно выклеванный воронами взгляд,
Где прошел он, источая смерти яд.
Показалось Субдаю: над шатром
Вдруг качнулся лик Чингиза – грянул гром,
И его знакомым голосом изрёк:
«Что ты смотришь снизу, трусости комок?
Побежал, вопя врагу: «Сумей, слови!..»
Мои волосы в крови, лицо в крови
Славных воинов моих... А кто виной?
Ты виной, мой Субдаю, никто иной!

И тебе за это, хочешь или нет,
Очень скоро, Субудай, держать ответ!..»

Так, светила увидав кровавый глаз,
Субудай тотчас отдал приказ
Прекратить сражение... Ветер, шал,
Как ребенок, громко пологом шуршал,
И казалось, это в зыбкой полумгле
Лишь единственно живое на земле...
Нет, не струсил Субудай, он не таков,
Чтоб оставить за собой лишь след подков,
Но – потери... Словно тающий сугроб,
Уносили его жажду взять – лоб в лоб! –
Под напором Таулана в схватке верх.
И не дался в этот раз ему успех.
И о том, что пал аланский хан Тохтар,
Не узнал он, уводя своих татар...

Тут же воины аланской стороны
Удивились, тишиной оглушены,
Почему, не убежавшее в кусты,
Показало вдруг им конские хвосты
Это скопище, не знавшее досель
Поражений на полях чужих земель?!
А догнать татар уже не стало сил...

Легкий дождик набежал, заморосил,
Омывая лица мёртвых и живых,
Остужая их мечи и копья их
И умчался, дав небесному костру
Слезы горя осушать, когда к шатру,
К хану, тысячники спешно поднялись...
Было тихо, и опять синела высь,
Лебедино плыли стаи облаков,
Рылись пчелы в сладких складках лепестков,
Воробьи топтались, споря в дележе...
И не верилось, что хана нет уже!
Что уж больше не внимать его устам..
Так уж вышло, что в горячке боя, там,
Кто-то видел, кто-то вовсе не слышал.
Таулан им все подробно рассказал:
Как рубился хан, какой урон он сам,
Вместе с горсткой храбрецов, нанес врагам.
После, молча постояв потупя взор,
Вниз сошли, перенесли его в шатер.

Сын Темир зашелся в плаче... До утра
Трепетали свечи звезд вокруг шатра.
И когда, собой край неба озаря,
Стать в почетный караул взошла заря,
Объявили; будет предан хан земле
Под стеною крепостной в Дада-Кале.
Из достойнейших – достойнейших избрав,
Утром тысячники вышли, в росность трав
Повелев джигитам, в горе без границ,
Тут же выкатить одну из колесниц,
Восхищавшую иных владык собой,
И особенно – волшебною резьбой...

Запряженная четверкой лошадей,
Вот стоит она во всей красе своей
У шатра, откуда медленно несут
Тело хана, бережливо, как сосуд.
Припадали, было, некогда к нему
И недюжинные люди по уму,
Просветленным становился и мудрец,
Слабый силой осенялся, наконец.
Не один Темир у хана сыном был –
Он все ханство по-отечески любил...
Сам внимая седовласым старикам!..

Таулан с Темиром сели по бокам
Тела хана. Сзади грызли удила
Кони воинов... Процессия ждала
Только знака... И Карай взмахнул рукой!..

Жизнь, она – всегда тревога... Смерть – покой...
Но блажен, кто и уйдя навек, сумел
Озарять потемки жизни светом дел!
Путь печали, как ни долог – только путь,
Завершается и он когда-нибудь.
За печалью – и веселию прийти
Час приходит!.. Чередуются пути,
На которых вечной жизни вечен воз:
Смех не высмеять, не выплакать всех слез!

Опустел шатер... Но это место, нет,
Опустевшим не осталось!.. На совет
Снова тысячники, отдых свой и сон
Отложив, сошлись, вернувшись с похорон.

Все обдумали, все взвесили... И так –
Кушатар! Он будет ханом!.. Знает всяк,
Как он храбр, как справедлив, как мудр он!..
Встал пред ними, и отвесив им поклон,
Новый хан сказал: «Избравшие меня,
Пусть Тейри продлит вам жизни, вас храня
Нам на радость: всем аланам, значит – мне!
Вы решили, и такое ни во сне
Не приснится, не пригрезится в раю!..
Так уважьте же и просьбу вы мою...»
Зашумели, донеслось со всех сторон;
«Говори нам! Слово ханское – закон!..
Улыбнулся, руку к сердцу приложил:
«Благодарствую!.. Так вот я что решил...
Нам тяжелые достались времена,
Чую: долго будем ноги – в стремяна!
Враг силён... И не под силу одному
Даже самому великому уму
Все решать... И ошибиться я могу,
Ведь и конь порой споткнется на бегу...
Я подумал: против черных вражьих стай
Войско ханское возглавит пусть Карай!»
Ведь над войском стать сумеет не любой,
Чтобы тысячи джигитов – за собой!
Да еще, чтоб думал, как бы их сбересть...»
По душе пришлось совету хана речь.

18. Тохтамыш и Темирлан

Тохтамыш был чингизидом, сыном эмира Мангышлака Той-Хаджи. Мангышлак был в составе Белой Орды, которая простиралась от Жайыка на восток, на всю Сибирь. Ханом Белой Орды в то время – в 1375 году – был Урус-хан, сильный и опытный воин и правитель. И Урус-хан был чингизидом, и как всякий чингизид, мечтал о большем, чем имел. Он хотел прибрать к рукам и Кипчакское ханство. Кипчакское ханство, которое раньше можно было сравнить с молодым тигром, сейчас, раздираемое междоусобицами, стало похожим на старого быка, которого мог одолеть любой голодный волк. А волков вокруг было полно. Объединялись и крепили русские княжества на северо-западе, того и гляди скоро выйдут из повиновения и перестанут платить дань. А потом, как молодой волк, Русь может набросится и на само Кипчакское ханство. А там бесконечные усобицы. Только за последние 5 лет после смерти великого Джани-

бека на ханскую тахту вскарабкались 8 ханов. А тем временем набирался сил Мамай, этот презренный простолюдин, такой же как и тот хромой на Мавераннахре — Темирлан. И там подрастает, набирается сил волк. Все это видел многоопытный хан-воин Урус. И он хотел, как некогда великий его предок Чингиз-хан, объединить все эти земли и создать одно могучее государство, которым и будет управлять твердой рукой мудрый и достойный наследник Чингиз-хана — Урус-хан...

Но эмир Мангышлака не был с ним согласен, и Урус-хан убил его. Чингизиды всегда не любили, когда с ними кто-либо не соглашался, и убивали несогласных, если могли, будь они хоть единокровными братьями. А Урус-хан мог убить и убил Той-Хаджи. А Тохтамыш был сыном Той-Хаджи. Он хотел жить и бежал в Самарканд, к гурхану Темирлану.

Темирлан, хоть и был фактическим правителем Мавераннахра, но не был чингизидом. Он был сыном правителя городка Шахрисаба — бия рода Барлас. Был непослушным сыном. И вскоре стал главой шайки отчаянных храбрецов, грабил караваны и окрестные аулы, угонял косяки лошадей. В одной из стычек его ранили в ногу и отрубили два пальца на правой руке. Рука быстро зажила, но рана на ноге оказалась коварной — нога начала сохнуть. Но потом зажила и она, но Темирлан остался хромым на всю жизнь.

Вскоре в Мавераннахре умер хан и начались смуты, и Темирлан, который в это время уже был женат на сестре эмира и являлся его полководцем, сумел сделать Хусаина ханом, а сам стал при нем полководцем. Вскоре Хусаин умер, и Темирлан стал полновластным хозяином страны, ханов теперь на трон сажал он сам.

Темирлан хоть и не был чингизидом, но тоже, как и Урус-хан, хотел иметь больше, чем имел.

В своих мечтах он не ограничивался землями какого-нибудь соседа, как Урус-хан, а хотел владеть всем миром. Но пока хотел иметь послушного хана у себя на севере. И он решил сделать ханом Белой Орды Тохтамыша.

Вот поэтому-то он даже вернулся обратно, когда ему, уже выступившему в поход, доложили о том, что Тохтамыш, сын Той-Хаджи, убитого Урус-ханом, прибежал под его защиту в Самарканд.

Темирлан принял Тохтамыша ласково, одарил его деньгами, драгоценным мечом, дал ему в жены дочь своего младшего брата.

— Кроме того, мы дарим тебе города Сыганак, Отрар и Сауран! — сказал Темирлан.

Сыганак был главным городом Белой Орды, а Отрар и Сауран — важнейшими городами на караванных путях.

— Но эти города принадлежат Урус-хану, — сказал Тохтамыш.

— Сегодня — да, но завтра они станут твоими! — сказал Темирлан и дал Тохтамышу войска.

И Тохтамыш пошел на Сыганак. Весть об этом застала Урус-хана в

верховьях Итиля и Камы, где он стоял, выжидая, когда Мамай и Русь, сойдясь, обломают себе ноги, чтобы потом сразу же напасть на них, уже беспомощных.

Весть эта встревожила Урус-хана и он отправил к своему сыну Кутлук-Буге, оставшемуся в Сыганаке, гонца со срочным повелением – битвы с Тохтамышем избегать, ждать пока он сам не подойдет.

Урус-хан торопился, но Тохтамыш торопился еще больше, а потому Кутлук-Буге все-таки пришлось принять бой. Тохтамыш был разбит, но в бою погиб Кутлук-Буга.

Темирлан не рассердился на Тохтамыша, не обозвал его бездарем, наоборот – был с ним вежлив, и опять дал ему и деньги, и войска.

И в следующее лето Тохтамыш опять пошел на Белую Орду. И вновь Тохтамыш бежал с поля битвы с остатками своих воинов, он лишь чудом избежал смерти. Тохтамыш прибежал в Бухару, где в это время находился Темирлан. И опять грозный эмир не рассердился на своего неудачливого союзника – нищего, богато одарил его и отправил в Самарканд.

Вскоре к Темирлану прибыло посольство от Великого хана Белой Орды Урус-хана. Послы передали слова Урус-хана, обращенные к Темирлану: «Тохтамыш убил моего сына, а ты дал ему приют и убежище. Свяжи Тохтамышу руки и ноги и отдай моего врага мне. Если же ты не сделаешь этого, быть великой битве».

Темирлан коротко ответил: «Тохтамыш нашел убежище у меня. Я не выдам его тебе. Если же ты хочешь битвы, я готов.»

Послы даже не остались отдохнуть на ночь, они сразу же выехали из Бухары в обратный путь.

Было ясно, им двоим – Урус-хану и Темирлану – стало тесно на земле, один из них был лишним.

И в конце октября 1376 года в степи близ Отрара встретились армии двух великих правителей. У каждого из них было по 100 тысяч воинов.

Начинать битву никто не торопился. По ночам, соревнуясь с небом, в степи загорались тысячи и тысячи огней – это воины грелись у костров и готовили пищу. Наступали холода, надо было скорее возвращаться по аулам в теплые юрты...

Наконец, в четверг, Темирлан велел начать битву – завтра в пятницу – в святой день мусульман. Но ночью пошел снег и поднялась буря. Ветер, снег, слякоть продолжались почти целый месяц. Но когда, наконец, распогодилось, ударили морозы и мокрая степь покрылась коркой льда. Ни кони, ни люди не могли передвигаться. Ни о каком сражении теперь не могло быть и речи. Первым отдал приказ об отходе Урус-хан.

Урус-хан в степи, видно, сильно простудился, на третий день после прибытия в Сыганак он скончался.

Ранней весной, когда Белая Орда все еще оплакивала смерть своего хана, нагрянул Темирлан, словно голодный волк на стадо. Он быстро разметал по степи жалкие остатки войск Белой Орды, которая так и не смог-

ла ни собрать всех своих воинов, ни организовать отпор наглому завоевателю. Темирлан провозгласил Тохтамыша ханом Белой Орды, вернее, велел это сделать собранным им чингизидам Белой Орды, и, довольный легкой победой, вернулся к себе, подарив напоследок новоиспеченному им самим хану великолепного коня со словами: «На нем ты легко настигнешь любого врага; если же придется бежать, конь спасет тебе жизнь».

Это было в 1377 году. И уже к концу года к Темирлану прискакал гонец — чингизиды Белой Орды, сговорившись, тайно избрали ханом Белой Орды Темир-Малика, младшего сына Уруса!

Широка Кипчакская степь, но даже и в ней не смогут уместиться два Великих хана.

Темир-Малик напал на Тохтамыша, быстро и решительно, и полностью его разгромил. Тохтамыша еле унес от смерти конь, подаренный ему Темирланом.

Ранней весной Темирлан, прихватив с собой вечного неудачника Тохтамыша, опять выступил в поход на Белую Орду. Темирлан разбил войска Темир-Малика, и вновь провозгласил ханом Белой Орды Тохтамыша. Уж на этот-то раз он был вполне уверен, что он, Тохтамыш, будет теперь перед ним вечно в долгу, и его воля, воля Темирлана, будет для хана как воля Всевышнего.

Хромой Темирлан, основательно посадив наконец-то на ханскую тахту Тохтамыша, был вполне уверен, что полностью обезопасил свой тыл, и стал готовиться к походу, о котором мечтал давно — в поход на Иран и Закавказье.

А в это время на берегах речки Калки, где 150 лет назад состоялась одна знаменитая битва, произошла вторая, гораздо более грандиозная битва — здесь сошлись войска двух претендентов на Кипчакскую ханскую тахту — Мамай и Тохтамыша. Мамай, судя по всему, чувствовал, что ему не победить, а потому, видно, хотел умереть как настоящий батыр, чем как жалкий беглец где-нибудь в кустах, за которым начнут охотиться его враги после поражения. И он вызвал Тохтамыша на поединок батыров, как издревле повелось в Степи.

Посланец Мамай передал Тохтамышу следующие слова: «У нас у обоих почти 100 тыс. воинов. Завтра многие из них погибнут. Не лучше ли нам вдвоем решить этот спор, что между нами? Выходи, пусть победитель станет ханом и заберет все войско. И пусть победитель повернет это войско в сторону внешних врагов».

На это хитрый Тохтамыш ответил: «Разве не знает Мамай, что хан никогда не выходит на поединок с простолюдом?» Битва состоялась, Мамай был разбит и бежал в Крым. Здесь, в конце концов, его поймали, и его голову прислали в подарок Тохтамышу.

Тохтамыш стал Великим ханом огромной державы — Кипчакского ханства, к которому была присоединена и Белая Орда. Хан-победитель был милостив — он не казнил никого из сторонников Мамай. Даже и бывшие-

го хана Крымской Орды, ставленника Мамай. Всю добычу он поделил пополам. Одну половину раздал воинам, а вторую половину отдал, чтобы снарядить новые тумены. Очень скоро они ему будут нужны. Не может же он, чингизид и хан могущественного Кипчакского ханства терпеть рядом с собой этого хромого эмира с Мавераннахра, который хочет его, Тохтамыш-хана, держать на поводке. Не бывать тому! И стремление к необъятной власти помрачило разум всегда тщеславного Тохтамыша, и он пошел на войну с человеком, который не только многократно спас от его неминуемой смерти, но и многократно сажал на ханскую тахту, когда его оттуда спихивали, пока не усадил его окончательно, чуть ли не прибавив его к этой самой тахте гвоздями! Поистине так: откормишь плохого барашка — и нос, и рот будут в жиру; откормишь плохого человека — и нос, и рот будут в крови!

Так и случилось с Тохтамышем у Темирлана. Какими бы помыслами ни руководствовался Темирлан, но все-таки именно он спас Тохтамыша от верной гибели и сделал властелином огромной державы — Кипчакского ханства, а тот теперь вместо благодарности двинул в земли Чагатаевского улуса — в земли, подвластные Темирлану, свои войска. Случилось это осенью 1388 года. Он пошел сперва на Туркестан.

Эмир в это время находился в Самарканде. Он не стал ждать подхода войск сыновей, которые находились в Андижане и Герате, взял лишь то, чтобы было под рукой, стремительно двинулся навстречу врагу и внезапно напал на него. Тохтамыш был разгромлен и с остатками войск побежал к себе на Итиль. От смерти его спасли наступавшие холода: Темирлан не хотел рисковать своими воинами, не привыкшими к холодам и снежным зимам. Когда он вернулся в Самарканд, увидел огромное войско, собранное сыновьями — Омар-Шийхом и Миран-Шахом. Темирлан приказал пока не распускать войска. И не напрасно.

Он мечтал быстро завершить дела в Иране и Закавказье и повернуть морды своих коней в сторону сказочной Индии, но этот безумец Тохтамыш, которому положено было быть только его караульным со спины, стал сам точить на него зубы. Сам откормил волчонка, теперь он, став матерым волком, хочет вцепиться в его — кормильца своего! — горло мертвой хваткой. Нет, ни о какой Индии не стоит и мечтать, пока не будет покончено с этим неблагодарным выкорыштем! Так решил Темирлан.

Ранней весной 1391 года с 200-тысячным войском выступил в поход — он шел через Жайык и Итиль. Тохтамыш отступал. Но где-то возле современного Нижнего Новгорода у речки Кундурчи Темирлан настиг Тохтамыша. И хотя у него было войско даже больше, чем у эмира, Тохтамыш потерпел поражение. Бежавшие воины хана, дойдя до Итиля, кидались в него, и пытались доплыть до другого берега. Среди них был и Тохтамыш — он плыл, ухватившись за хвост своего коня.

Он потерял в этой битве более 100 тысяч воинов.

Темирлан похоронил своих воинов, павших в битве, и стал уходить к себе в Мавераннахр — уже начинались осенние холода.

Думая, что Тохтамыш в конце концов теперь-то, наверное, не будет соваться в его пределы, Темирлан начал завоевание Ирана и Закавказья.

Но Тохтамыш вовсе не собирался успокаиваться. Отдохнув, набравшись сил и собрав огромное войско, он опять пошел на Темирлана. Теперь он пошел по западному берегу Каспия. Темирлан выступил ему навстречу.

Битва состоялась в апреле 1395 года в степи у левого берега реки Терек. Тохтамыш потерпел сокрушительное поражение и стал с частью своих войск убегать на север, в сторону болгар. Темирлан погнался за ним, но тот убегал быстро, зная, что теперь ему пощады не будет, и вскоре оказался аж в Литве!

А Темирлан, потеряв Тохтамыша, спустился по Дону вниз до Азова и вышел к пределам Северо-Западного Кавказа.

19. Карательный поход Темирлана

На первый взгляд наш предыдущий рассказ вроде бы и не имеет особого отношения к истории Балкарии и Карачая, но это не так. Именно в этом рассказе мы попытались показать причины особой жестокости эмира Темирлана к народам Кавказа. Но в нем мы смогли рассказать лишь об одной из двух главных причин — это невероятная, какая-то фатальная неблагодарность и ненависть хана Тохтамыша к Темирлану, что не могло не ожесточить всемогущего эмира ко всему, что имело отношения к этому коварному и неблагодарному человеку, в том числе и к его подданным. А вторая главная причина особо жестокого отношения к народам Северного Кавказа, о которой мы не успели рассказать, кроется в том, что горцы Кавказа, и в особенности асы-аланы и черкесы составляли наиболее боеспособные части тохтамышевского войска, и, соответственно, наносили наибольший урон войскам Темирлана. Эмир сам водил свои войска в поход и все видел своими глазами.

Именно вот это — невероятная неблагодарность и коварность хана Тохтамыша и высокая боеспособность тех частей его войск, которые были сформированы из асов-аланов и черкесов и стали причинами особой жестокости и так прославившегося своими жестокостями эмира Темирлана по отношению к народам Северного Кавказа.

В подтверждение этого скажем, что эмир, хотя и был на Руси, но так, как на Кавказе, себя не вел — не сжигал и не уничтожал все на своем пути, хотя русские тоже были гяурами-иноверцами. Мы это говорим к тому, что ныне историки объясняют жестокости Темирлана на Кавказе тем, что он, мусульманин, «карал гяуров мечом ислама». Это совсем не так, хотя его придворные летописцы постоянно и твердят об этом. Темирлан прежде всего был полководцем и лишь потом мусульманином.

И он, как и всякий полководец, истреблял врага, который уже много лет досаждал ему своим упорством и мужеством. Вспомним, как прославились асы-аланы своим воинским мастерством и на востоке – в Китае, и на западе – в Риме и в Венгрии, а потому вполне допустимо, что они также доблестно сражались и в армии Кипчакского ханства, которое следует это признать, уже давно было для них своей страной.

Недаром же асы-аланы были в ханстве на больших должностях. Утурку был, к примеру, старшим эмиром в Ханстве, и можно предположить, что он, скорее всего, был наместником хана по Северному Кавказу, да и в Алании был свой эмир – Болат (Пулат в источниках).

Ничто не оправдывает жестокость и массовые убийства, разорение и сожжение городов и сел, но знать причины проявления этой жестокости надо.

И еще одна причина. Как известно, голубой мечтой полководца Темирлана была Индия, эта далекая и сказочно богатая и одновременно загадочная страна. И Тохтамыш раз за разом сажал он на кипчакскую (золотоордынскую) ханскую тахту лишь для того, чтобы обезопасить свой тыл. Вот и сейчас, Тохтамыш убежал на край света, но он ведь жив, он не раз вставал на ноги после тяжкого поражения, может оправиться и после этого. А Северный Кавказ – он и мощный кузнец, и хороший землепашец и пастух, и поставщик не знающих страха воинов, и он не так безбрежен, как сами кипчакские степи. Уничтожив население, города и жилища Кавказского края можно подорвать экономику ханства в этих местах, лишить его возможности в обозримом будущем собирать здесь не знающую поражения конницу... Вот какие, возможно, мысли руководили действиями полководца Темирлана, а вовсе не зов «зеленого знамени ислама».

Так что, нашествие Хромого Темирлана на Северный Кавказ не было завоеванием, как и иногда пишут (он вовсе не собирался присоединять эти земли к своему государству, он знал, что не сможет «все это проглотить», то есть по-настоящему освоить и присоединить к себе), а было обычным карательным походом по земле непримиримого врага, у которого надо было отрубить корни жизни...

И это свое намерение – отрубить корни жизни здешних народов – он начал осуществлять, как только ступил ногой на землю черкесов к востоку от Азова – они были первыми на его пути.

Предводители черкесов, разумеется, прекрасно все знали что к чему и решили не губить свой народ, бросив его в пасть зверю, а вести с этим зверем борьбу по-иному. Они увели свой народ в горы и оставили захватчикам лишь выжженную степь от Азова до самой Кубани.

В войске Темирлана от бескормицы пало много лошадей и скота, предназначенного для питания армии. Пришлось идти по болотам и зарослям, чтобы хоть как-то прокормить коней и остальной скот. Прибыв к берегу Кубани, здесь, где вдоволь было чистой воды и травы, Темирлан дал своим войскам несколько дней, чтобы они отдохнули и набрались сил.

А когда войска отдохнули, он дал своему старшему сыну Миран-Шаху и внуку Мухаммед-Султану достаточно войск и отправил их покорять черкесов. Они выступили в середине октября 1395 года и «опустошили и ограбили эту область до берегов Франкского моря, называемого морем Азанским. Разгромив левую и правую стороны тех степей до подножия гор и до берега моря... с несметной добычей и громкими победами они прибыли в высочайшую орду». Орда в данном случае – эта ставка Темирлана. Более подробных сведений о борьбе черкесов против правителей Темирлана в летописи не сохранилось, но так как земли черкесов были опустошены только «до подножия гор», то следует предположить, что значительная часть черкесов сумела уйти в горы и продолжила борьбу.

После этого Хромой Темирлан «со всеми, подобными небосводу, войсками повернул к горе Эльбурз» и начал планомерно захватывать крепость за крепостью, ущелье за ущельем и уничтожать все на своем пути. Попадады никому не было и не один город, ни одна крепость не оставались непокоренными, не разрушенными. Асов и аланов Темирлан считал особо опасными своими врагами, и их корень жизни он рубил особенно тщательно.

Асы и аланы тоже, надо полагать, хорошо знали, что им от Темирлана попадады ждать не следует, а потому они бились насмерть, защищая каждую крепость, каждое ущелье до последнего воина. Их предводители не убежали никуда и были с ними, в том числе и старший ханский эмир Утурку и эмир Алании Болат, а также все бии и старейшины родов. На этот раз на борьбу поднялась вся Алания. Видимо, все знали, что даже тех, кто и сдастся без сопротивления, жестокий и мстительный Хромой Темирлан не оставит в живых. А раз так, лучше уж умереть со славой, защищая честь и достоинство своей Родины, чем бесславная смерть в когтях хищника или удел жалкого раба в далекой знойной стране, откуда и пришел, говорят, этот хромой дьявол.

В Приэльбрусье оборону возглавили Буриберди и Буракан. Придворные летописцы Темирлана сообщают, что у горы Эльбрус «у неверных» было много крепостей, защитники их мужественно сражались, но их всех одолели «победоносные войска» и многих «отправили в огонь геенный». Победители убивали всех подряд, сжигали жилища, забирали скот и имущество. «И милостью судьбы для победоносного войска стала несметная добыча из имущества неверных» – сообщает летописец Темирлана Йезди.

Хотя почти во всех трудах историков говорится о том, что защитники каждого ущелья действовали разрозненно, поодиночке (оттого, мол, и одолели эти изверги наших предков, а не то бы...), но это, скорее всего, просто предположение наших ученых, не более. А на самом деле чувствуется, что обороной во всех ущельях руководили совместно все – и сам эмир Алании со своими приближенными, и местные бии и батыры, так как оборона идет планомерно, здесь чегемцы помогают баксанцам в Приэльбрусье, и сам Утурку бывает то в том, то в этом ущелье.

Так, во время карательной экспедиции в Приэльбрусье, оттуда через

Былым направился особый карательный отряд, чтобы наказать чегемцев за помощь обороняющимся в горах и крепостях возле Эльбруса.

Завершив покорение Баксанского ущелья, войска приступили к штурму крепостей Чегема и Хуламо-Безенгийского ущелья. Здесь оборону возглавляли Таусо и Кулу. Этой экспедицией руководил сам Темирлан, так как он был очень рассержен тем, что чегемцы постоянно беспокоили его войска, когда те штурмовали крепости в верховьях Баксана. Все тот же Йезди, который, конечно же, был в ставке грозного эмира, так как не должен был упустить ни один «подвиг» своего властелина, пишет: «...были крепости и укрепления на вершине горы, и пройти туда было чрезвычайно трудно, вследствие высоты их, которая была так велика, что у смотревшего мутился взгляд и шапка валилась с головы, в особенности крепость Таусо, которая на третьем уступе горы, как гнездо хищной птицы, на такой высоте, что пущенная стрела не долетала до нее». Темирлан всегда возил за собой особых военных дел мастеров, могущих штурмовать крепости, наводить переправы, лазить по горам и т.д. Но мастера по восхождению на горы, обследовав окрестности, доложили Темирлану, что крепость Таусо неприступна. Тогда было приказано изготовить длинные лестницы, привязать их крепко одна к другой и так достать до первого уступа скалы, потом до второго, потом до третьего, где и находилась крепость. Пока одни лезли снизу, группа других воинов на канатах спускалась сверху, и только так они овладели этой крепостью. Конечно же, в живых из защитников крепости никого не оставили.

Остатки таких крепостей, как крепость Таусо, в Чегеме и в Хуламо-Безенгийском ущелье достаточно много. Это и Тотур-кала, и Усхур-кала, и крепость Жабоевых и т.д.

Завершив покорение Чегема, Бызынги и Хулама, войска Темирлана остановились в районе Чирик-кель (Голубое озеро), «в местности Балкан», то есть на земле жителей ущелья Малкар. Отсюда они должны были выступить против жителей этого самого густонаселенного аланского ущелья, откуда, скорее всего, был родом и сам Утурку, который и вернулся к себе сюда после разгрома ханства.

Отсюда Темирлан отправил Болату письмо следующего содержания: «Пришли Утурку, скрывающегося у тебя, если нет, то я приду с бесчисленным войском, которое сплошь состоит из львов, не знающих поражения». На это Болат ответил: «У меня хорошо защищенная крепость и средства для войны приготовлены. Утурку нашел у меня убежище, и пока душа будет в теле, я его не выдам и, пока смогу, буду защищать и оберегать его».

Темирлан был рассержен этим дерзким ответом и приказал выступать, но дорога туда, в Балкарское ущелье, была труднопроходима – по склонам крутых гор, заросших лесом, что даже «быстрый ветер проходил туда с трудом». Пришлось рубить лес по всему пути и так добираться до тех мест, где жил эмир Болат, и где находилась «правая рука» Тох-

тамыша – старший эмир Кипчакского ханства Утурку. Прибыв туда, воины Темирлана увидели мощную крепость, закрывающую в узком месте проход в цветущую долину с множеством поселений и крепостей. Начался штурм крепости.

«Крепость находилась в чрезвычайно недоступном ущелье, и тамошние жители, заняв вход в ущелье и отрекшись от жизни, начали отчаянно сражаться» – так говорит Йезди и это правда: жители ущелья были готовы стоять насмерть.

И стояли. Сколько дней и ночей длилась защита ущелья не известно, известно лишь, что «после многих усилий победоносное войско одолело их и, овладев крепостью, мечом джихада уничтожило многих из этих заблудших». Но Утурку все-таки удалось уйти, и он оказался в Капчигае, в верховьях Чегема, где вновь продолжил борьбу. А мужественный эмир Алании Болат, скорее всего, погиб во время одной из битв с захватчиками, так как о том, что он попал в плен придворные летописцы Темирлана ничего не написали. Если бы такой человек – эмир – попал бы в плен, об этом обязательно была бы сделана запись. Преследуя Утурку, войска Темирлана еще раз прошли огнем и мечом по Чегему, а оттуда, перевалив горные хребты, достигли того в местности «Абас», что следует, видимо, считать местностью Абазы в Карачаево-Черкессии. Здесь Утурку потерпел окончательное поражение, попал в плен и был убит.

Два месяца продолжалась карательная экспедиция Хромого Темирлана против населения Алании. Несмотря на то, что, вероятнее всего, самая лучшая боеспособная часть населения или погибла на полях сражений в составе войск Тохтамыша, или же рассеялась в безбрежных кипчакских степях, население Алании хромому завоевателю оказало яростное сопротивление. Смертельная угроза, реальность которой, видно, хорошо осознавали не только предводители, но и весь народ, сплотила и подняла на борьбу с врагом и биев, и простолюдинов, и стар и млад. И за стенами крепостей все они храбро сражались и погибали со славой.

Стариков, женщин и детей, всех, не способных держать в руках оружие, видно, поднимали высоко в горы, в тайные горные поляны и пещеры, куда даже после захвата крепостей враги не стали бы лезть. Вот только эта часть населения в основном-то и осталась в живых. Остальные погибли смертью храбрых, сражаясь с врагом. Враги истребляли не только население Алании, но они разрушали и сжигали жилища и многочисленные храмы и церкви, стремясь отнять у оставшихся в живых и веру их, и их желание вновь собираться в города и развивать ремесла.

И все это делалось планомерно, целенаправленно, чтобы подрубить корень жизни этого народа – асов и аланов. И он, этот жестокий тиран, в сущности добился своего – Алания погибла. Там, где она была совсем недавно – цветущая, гордая и красивая – остались лишь только руины и бродящие среди них в лохмотьях жалкие одинокие люди, для которых даже тесные горные долины стали вдруг просторными.

4

Часть

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

1. Малкар и Карачай – близнецы-братья

Давно это было, очень давно, когда во всех четырех сторонах света стало известно о юной и прекрасной дочери Кавказа, мудрого асского хана, у которой были золотые волосы и жемчужные зубы, звали ее Аланией. А когда Алании исполнилось шестнадцать лет и она стала совершеннолетней, то со всех концов света зачастили к Кавказ-хану гости-женихи. И все богатые, статные и красивые, сыновья ханов и биев. Но, согласно обычаю, подавая путникам-женихам чашу с айраном, она никому не улыбалась – не нравились ей женихи. И все они, кому она отказывала, превращались в каменные статуи. И тогда перестали ходить к ней женихи, и стали называть ее Кюльмесхан – Царевной-Несмеяной.

И вот весть о ней, о прекрасной, но каменносердной красавице, дошла наконец и до жестокого и хитрого хана эмегенов – одноглазого Хромого Темирлана. И послал он вместо себя Эльбрус-батыра, сына Алтай-хана, своего племянника, гостившего в это время у него.

Эльбрус-батыр слыл не только бесстрашным воином, но и беззаботным весельчаком. «Вернется с Кюльмесхан – убью его и сам женюсь на ней, а коли не вернется – не велика беда!» – решил коварный Хромой.

Шел Эльбрус-батыр к Кавказу дорогами дальними и трудными, обносился в пути, оброс. И вот наконец дошел он до владений Кавказа. Увидел он дочь Кавказа Аланию и тут же ослеп от ее красоты и потерял дар речи. Но Алания опять не улыбнулась, и Эльбрус-батыр тоже окаменел. Увидел мудрый Кавказ, до чего дозорничалась его дочь и взгрустнул: ей уже за двадцать, многие стали считать ее старой девой, а она все никак не утомонится. Теперь к ней уже не сватаются сыновья ханов и биев, а вот появился какой-то бродяга, да к тому же и глухонемой. Думая, что дочь его сошла с ума, мудрый Кавказ даже поседел.

Прошло положенное время, но Эльбрус-батыр не возвращался, и забеспокоилась тогда его младшая сестренка Нюржан, которая больше жизни своей любила своего брата. Поняла она, наконец, что это гордая Кюльмесхан погубила ее брата, и быстро собралась в путь. Пришла она к Кюльмесхан и увидела ее сидящей на золотом троне в хрустальном замке. Но кроме холодной и надменной царевны Нюржан ничего не видела. Она подошла к царевне и бросила ей в лицо: «Чтобы ты провалилась, носящая в груди камень вместо сердца! Как ты могла погубить столько прекрасных юношей?! А чем не хорош оказался для тебя мой брат? Ведь у тебя только волосы золотые, а у него – сердце золотое, – доброе!»

Так сказав, она встала возле брата своего, готовая тоже превратиться в камень рядом с ним.

Но тут Кюльмесхан рассмеялась, и все юноши, окаменевшие раньше, ожили. И все пели и танцевали на свадьбе Алании и Эльбруса. Эльбрус решил больше не возвращаться в земли эмегенов, к хитрому и коварному Хромому Темирлану.

Прошло время, и Темирлан, хромо́й хан эмегенский, узнал все и очень рассердился. Его гнев, вырываясь наружу, превращался в пламя. И он двинул на земли Кавказа свои войска, да столько, что после них высыхали реки и чернела все степь: воины Хромого Темирлана съедали весь скот, а их кони поедали всю траву, а те и другие месте выпивали всю воду из рек.

И завязалась великая битва между эмегенами и асами – воинами Кавказа. Сотнями убивали асы эмегенов, но их как будто становилось все больше и больше. Эльбрус-батыр сражался в первых рядах асов. Но вдруг в один из дней дошла до него печальная весть: его красавица жена: Алания была смертельно ранена мечом Хромого Темирлана и умерла она на руках своего отца – Кавказа. Эльбрус-батыр, услышав скорбную весть о смерти своей любимой жены, в миг поседел, да так, стоя, умер и окаменел...

В этом, возможно, была вина и гонцов, которым следовало сначала сообщить батыру хорошую весть – весть о том, что Алания родила ему двух сыновей-близнецов – Малкара и Карачая, а только потом – горестную весть о смерти Алании. Но ведь сказанное слово, как и улетевшую птицу, уже не вернуть. Так и не воскресить уже было Эльбрус-батыра хорошей новостью, которую рассказали гонцы соратникам батыра.

Истребил всех асов одноглазый эмеген – Хромо́й Темирлан и ушел со своим войском к себе за синее море, за высокие горы. Остались в живых лишь два брата-близнеца на руках седого Кавказа. Не перенес всей тяжести свалившегося на него горя и старый Кавказ. Умирая, он лег на левый бок, обратившись лицом к степи, откуда и пришла в эти места молоденькой невесткой его жена Асия три тысячи лет назад. Так, оградив Малкара и Карачая своей спиной с юга, откуда вновь могли прийти эмегены, Кавказ уложил перед собой малышей и больше уже не вставал, превратившись в горы, которые и называются Кавказ.

Малкар и Карачай росли не так быстро, как сказочный нарт Ерюзмек, а долго и трудно. Не знавшие ни материнской ласки, ни отцовской заботы, они не были баловнями судьбы, все им давалось нелегко. Они все начинали сначала – и строить жилье, и разводить скот, и пахать землю. И лишь только спустя 200 с лишним лет они стали настолько взрослыми, что их стали замечать люди соседних земель.

И когда люди спросили, кто они такие и как их зовут, они ответили, что они живут в горах и зовут одного Малкарром, а другого – Карачаем. Но ни имени своей матери, ни имени своего отца они не знали и не помнили. Эльбрус они уже называли по-своему – Минги-тау – Тысячная гора, Большая гора, а о том, что их мать звали Аланией, они вовсе и не ведали.

Это, конечно, сказка, да в ней намек, намек на то, что сожженная и растоптанная Хромым Темирланом Алания действительно погибла в 1395 году и больше уже не возродилась. А «дети ее», Балкария и Карачай, лишь теперь, спустя 600 лет, кое-как освободившись от жизненных

тягот и забот, связанных с выживанием, стали с радостью и изумлением изучать свою родословную. Оказывается, что их прародителями были тысячелетний Кавказ и степная красавица Асия, дочь Солнца и Луны, которых на земле называли Ерюзмек и Сатанай, а Алания и Эльбрус – это уже их непосредственные родители. А им говорили, что они просто подкидыши в здешних местах: то ли дети заезжей кипчакской красавицы, то ли болгарской, а возможно, что они появились на свет от загулявшего когда-то в этих краях гунна или монгола... А оказывается, они дети детей Солнца – асов и аланов, родниться с которыми даже и сейчас, когда их уже давно нет, очень и очень желают многие, от которых вовсе и не пахнет «асским духом»...

Итак, проходит 200 лет, и лишь только после этого можно что-то начинать рассказывать о балкарцах и карачаевцах, так как эти 200 лет как раз и были годами их «детства», то есть годами, а вернее – веками, когда из малых остатков корней жизни алано-асского народа, вырубленного Хромым Темирланом, вновь разрастались и размножались корни Балкарии и Карачая.

Что же собой представляли Балкария и Карачай к началу XVII века и что произошло на Кавказе и в мире целом за это время – за 200 лет, пока «подрастали» Балкария и Карачай?

Балкария – это «беш да тау эль», «пять горских элей» в пяти ущельях: в Балкарском, Хуламском, Безенгийском, Чегемском и Баксанском ущельях.

В выражении «пять горских эля» слово эль означает, скорее всего, не сегодняшнее его значение – село, а древнее – племя. Значит «пять горских эля» – это «союз пяти горских племен» как, скажем, известные истории союзы асских племен, таких как «тогъзук» («девять стрел»), «кошюк» («соединенные стрелы»), «ючоук» («три стрелы») и т. д. В таком же значении – племя, территория расселения племени, страна, первоначальное государственное образование – это слово применялось у монголов до Темуджина: там каждый отпрыск племенного вождя мечтал создать свой собственный эль, что соответствует европейскому слову княжество. Сегодня Марийская республика называется Мари-эль.

Самым большим элем был Малкар-эль, который так и назывался Уллу Малкар – Большая Балкария. Больше половины населения Балкарии жило в Большой Балкарии. Во всех элях были свои правители – бии, а в Большой Балкарии было даже шесть бийских фамилий – это Абаевы (с. Кюнном), Мисаковы и Амырхановы (с. Ишканты), Айдаболовы, Шахановы и Джанхотовы (с. Косфарты). В Хуламе – Шакмановы, в Безенги – Сюйюнчевы, в Чегеме – Барасбиевы, Келеметовы, в Баксане – Урусбиевы. Пяти горским элям принадлежали и предгорные равнины, где они пасли скот. Позже в предгорной равнине стали оседать продвигавшиеся на восток черкесы – кабардинцы.

О том, что зихи и аланы, как отмечают античные авторы, жили по соседству, говорит и то, что «Кабарты» на балкарском значит «Загорье»,

а «кѣабартылы» — «жители загорья». Значит, это название часть зихов получила еще в первых веках нашей эры, когда, как и отмечает Прокопий Кесарийский, выше абхазов по берегу Черного моря жили зихи, а за горами, рядом с ними — аланы. И масса ассских (тюркских) фамилий в современной Кабарде объясняется именно этим — двухтысячелетним соседством черкесов и аланов, а не только лишь влиянием соседства карачаевцев и балкарцев. Есть также мнение о том, что в древности косоги (что по-балкарски значит «объединенные стрелы») были алано-асским племенем, люди этого племени завоевали часть зихских земель и дали имя своего племени этой земле. Как, скажем, булгары на Дунае. Но потом, оказавшись в меньшинстве, точно так же, как и булгары славянами, были ассимилированы зихами, но новое имя за этой частью Зихии так и осталось. Но, возможно, и наоборот — зихи завоевали землю косогов, а потом по названию местности — Косогия — стали косогами. Как, скажем, иранцы, поселившись на земле асов (овсов — по-грузински), стали потом овсами — осетинами. И в том и в другом случае все это способствовало столь необычайно широкому распространению среди черкесов ассских (тюркских) фамилий.

Давние соседи и по сей день остаются ими, дай бог им ума и терпения быть добрыми соседями и в новое время — карачаевцам и балкарцам, черкесам и кабардинцам.

После разгрома Кипчакского ханства и завоевания Закавказья, Хромой Темирлан уделил особое внимание «закрытию на замок» двух ворот Кавказа, через которые могли проникнуть в Закавказье, в его земли, враги с севера — это Дербент и Дарьял. Дербент был «закрыт» тем, что стал вассалом государства Темирлана, а на Дарьял с двух сторон были «навешаны два огромных замка» — на обеих сторонах перевала были оставлены многочисленные войска на постоянной основе, то есть воины поселялись с семьями, со своим скотом и имуществом. Эти войска были, видно, из Персии. Фактически Хромой Темирлан поселил по обе стороны перевала часть населения из подвластного ему Ирана.

Шли войны, сменялись султаны и шахи, менялись названия государств в Иране, а люди, оставленные Темирланом сторожить Дарьял, продолжали исполнять порученное им дело. И по прошествии 200 лет они уже составляли новый народ на самом востоке бывшей Алании. Сами себя эти люди называли иронцами, то есть иранцами, а грузины издревле эти земли, где теперь жили иронцы, называли Овсети, то есть страной овсов — асов, а потому и новых людей за горами так и продолжали называть овсами — людьми из Овсетии. Как, к примеру, даже в X веке в Константинополе русские земли все еще продолжали называть Скифией, а русских — скифами.

Немногочисленные остатки аланского племени дюгер (дюк-эр — волосатые люди) в начале XVII века уже наполовину были ассимилированы более многочисленными иронцами — они уже были двуязычными. А к

сегодняшнему дню они полностью ассимилированы. Лишь асское происхождение абсолютного большинства дигорских фамилий да легенда о происхождении и балкарских, и дигорских князей от родных братьев Басията и Бадилята говорит о том, что дигорцы в недавнем прошлом были асскими людьми.

К заходу солнца от балкарцев жили их родные братья по крови – карачаевцы. Кара сай или кара чай – на асском языке значит большая река. Эта большая река и есть Кубань – эта карачаевская «Волга-матушка река». Значит, карачаевцы – это люди у большой реки. Дай бог, чтоб они больше не разлучались со своей матерью-рекой – с вечной красавицей Кубанью! В истории карачаевцев и балкарцев, навязанной им «академической» наукой, все поставлено с ног на голову и все так запутано, что никто толком разобраться не может в главном, стержневом вопросе – кто они, чьи они потомки, в конце концов, эти балкарцы и карачаевцы: асов и аланов, гуннов, булгар, кипчаков, татаро-монголов, крымских татар, остатков хазар или всех их вместе взятых? Ведь фактически к такому выводу приходит и известный наш историк Исмаил Мизиев, причисляя к предкам карачаевцев и балкарцев все известные тюркоязычные племена, некогда обитавшие в районе междуречья Волги и Дона – и гуннов, и булгар, и хазар, и кипчаков. Разумеется, среди аланов были ассимилированы и какие-то группы и из этих народностей, как и из других соседних племен, но это совсем не значит, что их можно считать одними из предков карачаевцев и балкарцев. Никто ведь не считает ни варягов, ни кипчаков, ни татаро-монголов предками современных русских, хотя их доля, и в особенности кипчаков-татар, в окончательном сложении русского народа несравнимо велика по сравнению с тем, какую роль сыграли кипчаки и булгары, а тем более гунны в этногенезе карачаевцев и балкарцев.

И все это происходит лишь из-за одной, но имеющей кардинальное значение ложной гипотезы об ираноязычности асов и аланов. А раз асы и аланы были народами ираноязычными, следовательно, балкарцам и карачаевцам (несмотря на то, что почти все авторы-современники асов и аланов, начиная с первых же веков н.э. и почти до XVIII века, хором «кричат» о том, что асы и аланы – племена тюркоязычные, а балкарцы и карачаевцы – это и есть и асы, и аланы) необходимо подыскивать тюркоязычных предков и как-то их протасить в ущелья Центрального Кавказа. До чего только не договариваются наши ученые мужи, лишь бы хоть как-то умалить, унизить историю балкарцев и карачаевцев. И к тому же нисколько не думают о том, чтобы хоть как-то – логическими ли рассуждениями, историческими ли фактами – подкрепить свои домыслы.

К примеру, совершенно непонятно, с чего это авторы солидного академического издания «История народов Северного Кавказа» из-за соблюдения сыновьями балкарского князя Айдоболова обычного народного и семейного этикета делают ложный политический вывод о том, что балкарцы находились в зависимости от кабардинцев.

Балкарский князь женат на кабардинской княжне. Обычный, как говорят, династический брак, когда владельцы-соседи, закрепляют свой союз браком своих детей. Проходит время, и Терский воевода пишет о том, что «местом Болкары» владеют племянники кабардинского князя Пшимахо Черкасского и слушаются его. Обычное явление – молодые балкарские князья просто соблюдают горский этикет и уважительно принимают у себя дорогого гостя – дядю по матери. К чему же из семейных, родственных взаимоотношений делать далеко идущий политический вывод? Это же совсем несерьезно. Или же исходя из того, что балкарцы платили кабардинцам арендную плату за пользование пастбищами на кабардинских землях, разве опять же следует делать вывод о вассальной зависимости балкарских обществ от Кабарды? Разве сегодня Россия находится в вассальной зависимости от Украины – ведь она платит арендную плату за наем базы Черноморского флота в Севастополе, арендную плату за земли, отведенные под газопровод, идущий из России в Европу? Нет, конечно.

Ни Алания, ни Балкария никогда никому дань не платили, и даже ни татаро-монголам, ни хазарам. Так как Алания входила составной частью в хазарское и Кипчакское ханства и просто исполняла свои обязанности перед государством, куда привела ее судьба: собирала подати (налоги) со своего населения, давала свою дружину в войско хана и т. д. И Балкария не давала дань ни кабардинцам, ни русским ни в прошлом, ни в настоящем: в прошлом – потому что, ни от тех, ни от других не была зависима, в настоящем – потому что является составной частью Кабардино-Балкарской Республики и России, а потому Балкария опять же не дань платит Кабарде или России, а исполняет свои обязанности, как субъект республики и страны. Вот и все.

Иным ученым следовало бы поумерить свой патриотический пыл и не выдавать желаемое за действительное. Не надо, к примеру, думать, что Лондон основали осетины, потому что дон, мол, по-осетински значит река.

Некоторые «предположения» и «гипотезы» иных ученых не так уж сильно разнятся от приведенного нами примера.

Если кто-то из балкарских ученых станет доказывать, что совсем недавно жители Венесуэлы, Судана, Гондураса были народами тюркоязычными на том основании, что столица Венесуэлы Каракас по-тюркски значит Черная бровь, Судан – От воды, Гондурас – несколько искаженное Конду ас – сел ас, то его просто сочтут за сошедшего с ума. Но когда осетинский ученый В.И. Абасов пришел к выводу, что фамильное имя «Царазон» этимологически восходит к латинскому титулу цезарь, а фамильное имя «Агуз» – к римскому титулу август и пишет: «Мы теперь можем сказать, что в период консолидации аланского государства их (надо – «его»!) правящая верхушка присвоила себе наименование Царазонта и Агузата, т.е. «наследников Цезарей и Августов», то считается, что он не

с ума сошел, а наоборот – пришел к уму, то есть стал гениальным и блеском своего ума вмиг осветил всю глубину истории, доселе скрывавшуюся во мраке веков.

Или вот цитата из все той же «Истории народов Северного Кавказа»: «Балкарцы и карачаевцы, как полагают исследователи, в начале описываемого времени (XIII–XIV век) были единой этнической общностью. Процесс тюркизации доаланского населения Северного Кавказа, начавшийся со времен появления здесь болгар, еще более усилился с приходом на Северный Кавказ кыпчаков. Установлено, что кыпчаки, проникавшие в предгорья Северного Кавказа, хотя и составляли среди предков карачаевцев и балкарцев заметное меньшинство, все же приняли участие в их этногенезе. Установлено, что карачаево-балкарская народность сложилась в XIII–XIV веках. В это время они обитали не только в высокогорной, но и в предгорной зоне...

О проникновении балкар в горы рассказывает грузинская надпись XIV–XV веков, где сообщается о взятии в плен ксанского эристава Ризия Квенишвили... Именно здесь, согласно дошедшим до нас преданиям, возникли наиболее ранние поселения балкарцев, а затем они заняли другие ущелья». И эта, мягко говоря, несурезица преподносится нам как наша история! Но надо же посмотреть хоть разок на то, что написала ручка стгоряча, движимая вовсе не исторической идеей, а грубо-политической фантазией. Тогда нетрудно было бы заметить, что «процесс тюркизации доаланского населения» булгары (а не болгары, настоящие ученые булгарами называют только общих потомков дунайских булгар и славян) никак начать не могли, во-первых, просто потому, что там никакого доаланского населения уже не было, во-вторых, если б даже они и были бы там, то следовало от авторов этой книги взять пропуск и задание на проведение этой самой тюркизации – иначе ведь аланы не стали бы их пропускать. Точно такое же положение и у кыпчаков, тем более в XIII–XIV веках – уж если бы в это время все еще было бы в горах это самое мифическое доаланское население, то летописцы Хромого Темирлана точно бы всех зарегистрировали и объявили на весь мир, что великий Темирлан «водрузил победоносное знамя ислама» еще над одним царством. И тут же, совершенно противореча самим себе, авторы пишут, что балкарцы и карачаевцы в это время «обитали не только в высокогорной, но и в предгорной зоне». Где же тогда, интересно, жило это самое «доаланское население», которое надо было тюркизировать – в воздухе, что ли? И зачем надо было еще кого-то тюркизировать, если карачаевцы и балкарцы жили как в горах, так и в предгорьях?

И вся эта белиберда нужна, чтобы заявить, что «о проникновении балкар (не балкар, а балкарцев!) в горы рассказывает грузинская надпись XIV–XV веков» Это обычная неправда, каковую встречаешь на каждом шагу, когда читаешь «труды» заботящихся о карачаевцах и балкарцах ученых, желающих осчастливить их сочиненной им историей, которую

они подсовывают нам взамен утаенной ими же действительной нашей истории. Но нам чужая история не нужна, нам нужна своя история, какая бы она ни была. А грузинская надпись на церковном кресте рассказывает не «о проникновении балкар», а о том, что басиянами (балкарцами) был пленен этот самый Ризия Квенишвили и был он потом выкуплен на деньги этой вот церкви, которой он и дарит в знак благодарности этот самый крест. И все. И все это обычно; ходили в набег в Балкарию сваны, и даже на их стада, пасущиеся на арендованных (по одному барашку от сотни) сванских пастбищах, нападали. И балкарцы нападали, и в плен брали, не только таких, как Ризия, который, вероятнее всего, попал в плен во время набега на территорию Балкарии летом, когда скот находился на горных пастбищах под перевалом, но даже и безвинных мальчишек.

Из этих мальчишек потом вырастали хорошие жалчы – холопы. Если б знал этот Ризия, что его крест, подаренный церкви, послужит в будущем для ученых неоспоримым фактом того, что балкарцы в горы Балкарии только-только начали «продвигаться», был бы, наверное, сильно удивлен «продвинутостью» этих ученых.

Точно такой же «наукой» и «историей» является кочующее из книги в книгу заявление о том, что карачаевцы на территорию, где они сейчас живут, пришли всего лишь в начале XVII века из Баксанского ущелья Балкарии. И на чем же основывается эта «научная гипотеза»? На народной легенде о Карче, который якобы является родоначальником карачаевцев. Да, действительно, в этой легенде говорится о том, что Карча переселился со своими людьми из Баксана в верховья Кубани. Но...

Во-первых, с каких это пор обычная народная легенда о происхождении князей, ханов (в коих они, правители народа, всегда приходят извне, и даже с неба падают, лишь бы не считали их обычными смертными из среды своих же подданных) стала считаться бесспорным историческим фактом? Согласно легенде, знаменитый предводитель сяньбийцев Тан-шихай, который разгромил хуннов, безраздельно господствовавших к северу от Хуанхэ не первый век, родился так: его отец, прослужив 3 года в хуннской армии, вернулся домой и застал жену с сыном. Он, естественно, поинтересовался, откуда это у него годовалый сын, если его самого не было дома так долго. Жена ответила, что ее как-то в дороге застала гроза, и когда, услышав раскаты грома, она подняла лицо к небу, в рот ей попала градинка. Она градинку проглотила и от этого забеременела. Но муж ей не поверил и ушел из дому.

А вот наши ученые, коль надо, ей бы, конечно, поверили. А если надо – не поверили бы, разумеется. Или еще о легенде. Родоначальница монголов Алан-Гоа, тоже оказавшись в щекотливом положении – муж долгое время отсутствовал, а когда вернулся домой, увидел ее беременной – поведала мужу о том, что как-то ночью из отверстия вверху юрты упал на нее удивительно красивый яркий луч света, и она от этого забеременела.

Она была прабабушкой Чингиз-хана. То ли ее муж был человеком

доверчивым, как наши ученые, то ли ему было свыше сообщено, как и деде Марии, о том, что у него сын будет не простым малышом, а дедом самого Чингиз-хана, который впоследствии будет обожествлен, но о том, что он тоже ушел из дому, ничего не говорится.

Это во-первых, а во-вторых, из легенды о Карче берут-то всего один эпизод, в котором рассказывается о том, что он, более не желая жить рядом со своим беспокойным соседом, кабардинским князем Казием, уходит со своими людьми на Кубань, где они нашли очень даже хорошее место для поселения. Этот эпизод – почти последний в целой легенде, где рассказывается о том, что Карча и его спутники, не желая терпеть притеснения татар, ушли из Крыма и поселились на восточном берегу Черного моря где-то на севере Абхазии. Когда их и там стали тревожить, Карча и его люди ушли на север, перевалили за хребет и поселились где-то в низовьях Кубани. Но и там их стали тревожить абазинь. Так, кочуя из места на место, они в конце концов оказались в верховьях реки Баксан. Но живущий в низине кабардинский князь Кази которого, между прочим позвали на помощь балкарские князья из Чегема Барасбиев и Келеметов, совершил набег на поселение Карчи. Карча прибег к помощи сванов и в свою очередь разгромил дружину Кази, в битве был убит один из балкарских князей, другой был ранен. Карча угнал стадо Кази. И, более не желая жить и в этом беспокойном месте, переселился на Кубань.

Как видно из легенды, Карча вообще-то выходец из Крыма, а не из Балкарии. И еще – кто поверит в то, что в XVII веке, когда кабардинцы уже были в предгорьях Центрального Кавказа, прекрасные земли Карачая были пусты? А если не были пусты, то кто там жил, коль не карачаевцы?

Так что, легенды хороши, но они не всегда могут служить основой истории – науки, требующей не только интересного рассказа, но и неопровержимого подкрепления этого рассказа фактами.

А факты говорят о том, что асы и аланы, а потом их потомки карачаевцы, как и балкарцы, жили в горах Центрального Кавказа еще со скифских времен, то есть, по крайней мере за две тысячи лет до того, как им наши ученые стали разрешать «продвигаться» в горы.

2. Мир к началу XVII века

Страшный карательный поход Хромого Темирлана против народов Северного Кавказа стал настоящей катастрофой. Чтобы понять всю тяжесть этой трагедии достаточно будет хотя бы просто сказать, что народы Северного Кавказа после ухода карательного корпуса Темирлана были буквально отброшены примерно на 1000 лет назад, если не на больше. Это как по численности населения, так и в экономическом плане.

А Алания, на которую Хромой Темирлан обрушился с особой яростью за то, что она не захотела выдать своего сына, эмира Утурку, ему на поругание, вообще перестала существовать, от нее лишь сохранились жалкие горстки людей, убежавших в горы. И в то время, когда во всем мире возводились великолепные дворцы и храмы, строились города и верфи, создавались шедевры литературы и живописи, остатки аланов в горах несказанно радовались, когда очередной их соплеменник заканчивал строительство своей жалкой хижины. Так теперь и жил он, некогда гордый алан, в своих горах, теперь униженный бессилием своим, отрезанный от мира безжалостной саблей Темирлана, радуясь приплоду овец, вовремя заготовленным дровам на зиму, рождению сына; и горестно вздыхал, не в силах как-либо помочь, когда заболел ребенок или волк задирал годовалого телянка, которого он хотел отдать своему старшему сыну, женившемуся в прошлом году, но все еще не имеющему корову.

Голландцы, испанцы, португальцы, англичане уже бороздили все моря и океаны, прокладывали дороги в далеких землях за морями-океанами, строили города, а балкарец с трудом спускался с гор в долину, подгоняя перед собой двоих-троих мулов, груженных вяленным мясом. И если через несколько дней возвращался назад, нагрузив своих мулов зерном, считал себя не менее счастливым, чем португальский мореплаватель, открывший новую необитаемую землю.

Да, жили-были балкарцы и карачаевцы в своих горах, радуясь своим удачам и горько переживая беды, которыми-то судьба их уж никак не обделила, а в это время клубился мир, взбаламученный невиданными до селе достижениями в знаниях и в технике.

Но, как это повелось у людей с самого начала их существования на земле, их знания и технические достижения в первую очередь использовались на уничтожение и угнетение друг друга, а не на созидание и создание лучших условий жизни. Порох, изобретенный китайцам еще где-то в XII веке, к XVII веку уже стал карающим мечом всего человечества — теперь, используя порох, люди тысячами и тысячами убивали друг друга, расстреливая из пушек и ружей, взрывая мосты, дворцы и крепостные стены. И те народы, которые сумели ранее соседей овладеть пушками и ружьями, торопились покорить своих соседей. Так Русь, пока татары по старой привычке все еще надеялись на копыта и сабли, сумела раньше них понять всю силу и мощь огнестрельного оружия, и уже на Куликовом поле с помощью этого оружия, в упор расстреливая конницу Мамая из пушек и пищалей, одержала блестящую победу, которая была бы невозможна при таком соотношении сил в иное время.

Через сто двадцать лет — весной 1502 года — союзник Руси Крымский хан Менгли-Гирей нанес Кыпчакскому ханству такой удар, рассеяв по степи последние остатки его войск, что оно с этого времени уже перестало существовать. И вмиг Русь и Крым из союзников превратились в заклятых врагов. Крым считал себя наследником Кыпчакского ханства и

хотел, чтобы Русь была под его рукой, т.е. вассалом. Но окрепшая Русь ни под чьей-либо рукой уже не хотела находиться. В начале XVII века на западе Кавказа борьба между Крымом, который уже сам стал вассалом мощной Османской империи, и Россией, еще более окрепшей, особенно обострилась.

На востоке Кавказа и в Закавказье политическая обстановка была еще более напряженной. Здесь за верховенство вели борьбу с южной стороны две могущественные державы – государство Сефевидов (Иран, Азербайджан, Хорасан, Афганистан, Восточная Армения, Восточная Грузия) и Османская империя, раскинувшаяся на трех континентах – в Азии (вся Передняя Азия), в Европе (Греция, Болгария, Сербия, Босния, Венгрия, Трансильвания, Валахия, Молдавия) и в Африке (Египет, Тунис и Алжир), а также на островах Крит и Кипр на Средиземном море. Россия наступала на Кавказ с севера а после завоевания Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств вышла к Каспийскому морю и к северо-восточному Кавказу.

Среди этих сильных и хищных молодых держав наиболее могущественной была, конечно, Османская империя. И поэтому она играла во многом решающую роль в судьбах многих народов, оказавшихся поблизости от нее, в том числе и в судьбах кавказских народов. Поэтому следует более подробно остановиться на том, когда и как возникла эта империя и что она собой представляла в начале XVII века.

После распада Саманидского государства на землях к югу и западу от реки Амударьи – это Хорасан, Систан и Афганистан – образовалось государство Газневидов. А в 1043 году огузы-сельджуки из Средней Азии разгромили государство Газневидов и создали свое государство – Сельджукское, которое вскоре завоевало всю Малую Азию, Хорасан и Хорезм. Вскоре Сельджукское государство распалось на несколько султанатов. В Малой Азии образовался Румский (от слова Рум – тюркского названия Рима – Византии) султанат. Это случилось в XI веке. А в XIII веке в связи с нашествием монголов на Среднюю Азию часть тюрко-огузов вместе со знаменитым героем сопротивления завоевателям хорезмшахом Джелал-ад-дином ушла на запад и попросилась под руку к султану Рума. Тот дал им земли на поселение в самой западной – опасной окраине своего султаната. Вождем этих огузов был Эртогрул, который и считается родоначальником турок. К началу XIV века Румский султанат распался на десять эмиратов. Одним из этих эмиратов был Османский эмират, бывший удел Эртогрула. Его сын Осман I завоевал большую часть земель Византии, которые находились еще в Малой Азии и сделал город Бурсу столицей своего эмирата. По имени своего основателя новое государство стало называться Османским государством, а люди этого государства – турками-османами, или просто османами.

На службу к владетелям османов просились многие воины, притом различного этнического происхождения из всех близлежащих мусульман-

ских стран, но большинство из них, конечно же, были из малоазиатских турецких эмиратов. Знать кочевых племен привлекала возможность быстрого обогащения в результате походов на запад, и они нанимались к османам вместе со своими дружинами. И сама турецкая знать, получая от эмира значительные угодья за счет вновь завоеванных земель, помогала всячески Османскому государству совершать обширные завоевания. Уже при сыне Османа I Орхоне со взятием Никеи (1331) было завершено завоевание земель Византии в Малой Азии. Сын Орхона Мурад I (1359–1389) был султаном, т.е. эмират стал государством, и он начал завоевания европейской части Византии. 16 июня 1389 года, одержав важную победу на Косовом поле, Мурад завершил завоевание Греции, Фракии и многих других земель и перенес столицу государства в Европу – в Адрианополь (современный Эдирне вблизи Стамбула). Сын Мурада Баязет Молниеносный завершил покорение Македонии (1392), завоевал Болгарию, подчинил Сербию; он также подчинил своей власти другие турецкие эмираты в Малой Азии, заставил платить дань Константинополь. Но потом, не довольствуясь этим, осадил город, стремясь все-таки взять его. Но это ему не удалось. Опасаясь, и не без основания, что Баязет Молниеносный после Константинополя пойдет покорять и Европу, против Турции в 1396 году был предпринят крестовый поход с участием французских, польских, чешских, венгерских и других рыцарей. Рыцари были разбиты, до 10 тыс. крестоносцев попало в плен. Часть пленных, уплативших большой выкуп, была отпущена, остальные были проданы в рабство или перебиты. Турки дошли до Венгрии.

Вскоре в пределы Османской империи вторглись татаро-монголы Темирлана, и этим Константинополь на время был спасен. Решающая битва между войсками Темирлана и Баязета произошла 20 июня 1402 года близ Анкары. Во время боя ополченцы из малоазийских эмиров, увидев, что их эмиры находятся вместе с Темирланом, перешли к своим владельцам и неожиданно ударили по центру османской армии. Османы потерпели тяжкое поражение, сам Баязет попал в плен и вскоре умер. Темирлан по своему обычаю, опустошил всю Малую Азию и ушел к себе.

При внуке Баязета Молниеносного Мураде II (1421–1451) Османская держава вновь окрепла. В 1422 году Мурад осадил Константинополь, но Европа организовала крестовый поход. Крестоносцы дважды нанесли поражение османским войскам, но через год при Варне потерпели сокрушительное поражение. После этого римским папам больше не удавалось кого-либо уговорить на новые походы против неверных басурман.

Сын Мурада II Мухаммед II (1451–1481) в апреле 1453 года осадил и в мае взял Константинополь и отдал его на 3 дня своим войскам. После этого он въехал в город и отслужил в знаменитой на весь мир церкви Св. Софии первую мусульманскую молитву, и с этого времени она стала мечетью Ай-София, а Константинополь – Стамбулом и стал столицей

империи. Мухаммед вновь подчинил себе все эмираты в Малой Азии, ставших независимыми после похода Темирлана. В Крыму были захвачены генуэзские колонии, в том числе Кафа – очень важный торговый город, и Крымское ханство стало вассалом Турции. Это случилось в 1475 году.

И к началу XVII века Османская империя фактически стала самой мощной империей того времени в Передней Азии и в регионе Средиземного моря.

Теперь перед Османской империей и ее крымским вассалом стояла важнейшая задача – не дать возможности России захватить Кавказ, а потом, пройдя по степям Северного Кавказа к Каспию, ударить в тыл Сефевидскому шаху и покончить с ним.

Но завладеть Кавказом так же страстно желали и России, и Сефевидское государство. Россия уже подступила к Кавказу с востока, захватив Астрахань. Черкесы и калмыки, к началу XVII века занявшие обширные степи в нижнем течении Волги, а также и ногаи были союзниками России.

С первого дня своего образования интересы Сефевидского государства столкнулись на западе с интересами уже могущественной к тому времени Османской империи. Первое столкновение произошло в 1514 году, тогда сефевиды потерпели поражение. В 1534 году опять война, турки захватили Тебриз и Багдад. В 1547 году – новая война, которая закончилась мирным договором и разделом Закавказья. Следующая война вспыхнула в 1578 году и закончилась в 1590 году полной победой турков. Они заняли все Закавказье. Но ровно через 13 лет шах Аббас начал войну и вернул себе восточные части Грузии и Армении, весь Азербайджан, Курдистан, Мосул и Багдад. В это же время шах отобрал у узбеков Хорасан.

Таким образом, в начале XVII века на Кавказ, народы которого были обессилены походом Хромого Темирлана настолько, что ни одному из них не могли оказать сколь-нибудь существенное сопротивление, смотрели четыре хищника: с севера Россия, с запада – Крым, с юго-запада Османская империя, и с юго-востока – Сефевидское государство.

Остатки аланов – карачаевцы и балкарцы, живя в своих горах, конечно же, и не подозревали о том, какие сильные хищники точат свои клыки на их истерзанную и обезлюдившую землю. И лишь возвращавшиеся из летних пастбищ предгорных равнин пастухи рассказывали в горах о том, что в степях появился новый народ – черкесы. Князья ездили к этим черкесам и без всяких сложностей договаривались с ними о том, что те не будут селиться вблизи гор, где располагаются летние пастбища их народа. А так – жизнь текла своим чередом. Иногда в горы приходили беглецы то из Грузии, то из соседней Дигории, а то и из далекой Кумыкии, и все они находили приют и укрытие в горах Карачая и Балкарии. Проходило время и в горах появлялись новые фамилии, родоначальниками коих были недавние беглецы.

3. Общественный строй и быт балкарцев и карачаевцев в XVII–XVIII веках

Ранее уже было отмечено, что перед нашествием татаро-монголов в середине XIII века Алания в своем общественном развитии уже прошла стадию раннего феодализма, когда в руках монарха, предки которого в свое время выдвинулись в период военной демократии, сосредотачивается абсолютная власть.

Ранний феодализм – это время первичного объединения, завоевания всех земель народа под единой рукой сурового и властного Великого князя. После этого, спустя два три поколения, наступает время среднеразвитого феодализма, когда страна, сколоченная огнем и мечем родоначальником народа, распадается на удельные княжества. Это время в истории называется временем феодальной раздробленности. В России время феодальной раздробленности началось уже после Святослава и продолжалось аж до XVI века, пока Москва вновь не собрала все русские княжества под своей рукой – это случилось уже после развала Кипчакского ханства.

В Алании период феодальной раздробленности начался почти в тоже время – в XI–XII веках, и к приходу татаро-монголов она уже не была единым государством, а представляла из себя ряд княжеств, лишь номинально, видимо, подвластных Уллубио – Великому князю. Одной из причин довольно быстрого разгрома Алании Субедей-батыром – корпусом лишь в 20 тыс. воинов – как раз и было то, что она была раздроблена и не смогла, скорее всего, собрать всех воинов со всех княжеств в единую армию. Известно ведь, что многие «властители» со своими людьми, как Хан-ху-си, к примеру, переходили потом, во время второго нашествия монголов 1237 году, на сторону завоевателей, что и является еще одним доказательством того, что Алания в XIII веке находилась на стадии феодальной раздробленности.

На какие сословия разделялось аланское общество, мы не знаем. Но так как люди высшего сословия у балкарцев и карачаевцев называются биями, что соответствует сословию князей, то с этим приходится и согласиться. Скорее всего, ханов в Алании не было, так как слово хан, согласно гипотезе Гумилева, является саньбийским (монгольским) словом, хотя предки аланов-усуни, некогда жившие на территории общего тюрко-монгольского котла вблизи западных границ Китая, и могли заимствовать это слово, как и почти все аские народы, еще до нашей эры. Но скорее всего, титула хан в Алании все таки не было, так как впоследствии ни среди балкарцев, ни среди карачаевцев такого титула никто не носил. Следовательно, высшим сословием и в Балкарии, и в Карачае были, как и в Алании, князья – бии. Это общетюркское наименование предводителя рода в древности, а в феодальное время – владельца определенного

удела страны. Титулом правителя Алании, скорее всего, в этом случае был Уллу бий – Великий князь, как и в России.

Хотя во многих источниках называются различные количество сословий, но более соответствует фактическим материалам, если сказать, что общество у балкарцев и карачаевцев разделялось на три сословия: высшее сословие – бии, сословие лично свободных людей – уздени (правильнее – ёздени, -ёз-(я)сам -ден-, суффикс, означающий «от»). Следовательно, значение этого слова – я завишу сам от себя и больше ни от кого, я сам себе хозяин), и кулы – рабы. Но так как рабов в обычном понимании этого слова – человек закован в цепи и выполняет определенную тяжелую работу – у асских народов практически не существовало, то кулов скорее всего надо считать просто холопами биев и узденей, лично от них зависимыми. Собственно балкарцы и карачаевцы у себя кулами ни при каких обстоятельствах быть не могли, кулы обычно были пленниками, принужденными остаться в Балкарии и Карачае, а также люди, похищенные в детстве у соседних племен или купленные. Впоследствии кулы за усердие в работе или за какую-либо важную услугу, оказанную хозяину (к примеру, спас его маленького сына от верной гибели, когда на того неожиданно напал волк), могли получить свободу и жить в селе, как и все, и даже разбогатеть, но в сословие узденей они все равно не могли быть зачислены.

В Русском государстве, как известно, первыми людьми высшего сословия стали все дружинники Рюрика, получившие в свое пользование земли с людьми, которые и были первыми помещиками. А потом, по мере усердия в службе, государь даровал отдельным простолюдинам и дворянское звание, переводя их таким образом из низшего сословия в высшее. Так, был произведен в дворяне Илья Ульянов, отец Ленина, за большие успехи в организации народного просвещения. Известно, что Екатерина Великая без особых затруднений раздавала звания князей, графов и просто дворян всем тем, кто оказывал ей услуги как в делах государственных, так и личного характера.

Недавно королева Великобритании присвоила звание графини Маргарет Тэтчер, которую в период премьерства называли «Железной Леди» с зачислением ее в палату лордов. Такое ни в Балкарии, ни в Карачае произойти не могло – человек становился бием только по происхождению, но не по заслугам, какими бы они ни были великими.

Собственно балкарцы и карачаевцы подразделяются на два сословия – бии и уздени.

Конечно же, во все времена и во всех странах бывают разные правители, и поговорка о том, что каков сам народ, таковы и его правители, скорее всего, соответствует истине. В том смысле, что народ все-таки должен быть народом, а не просто скопищем людей, стадом, которое пастухи-правители могут погнать куда хотят, и даже к пропасти. Точно так же как народ старается оберегать себя от всяких заразных болезней –

от тифа, холеры, СПИДа и т. д., — он должен, — обязан! — оберегать себя и от болезней духовных — от крайнего национализма, от агрессивности и жестокости, от религиозного фанатизма, которые тоже приводят народы к бедам и несчастьям, и к тысячным, миллионным жертвам. Народы обязаны выработать правила, по которым и должны править страной их предводители. В настоящее время эти правила составляют Конституцию страны, а в старину, скажем, в Алании XII века, когда наверняка не существовало писаных законов, и в Балкарии, и в Карачае XVII–XVIII веков, когда точно не было писаных законов, правители управляли (вернее — должны были управлять) своими поданными согласно договору между правителем и народом, достигнутому еще их предками в незапамятные времена, и правила которого стали народными обычаями. Обычай — это и есть конституция, по правилам которого и живет народ до того, как на его земле созреет государство, и не напишет свою конституцию.

Итак, каковы же были обычаи балкарцев и карачаевцев в старину, как они жили-были, каковы были взаимоотношения между биями и узденями, как относились люди к своим холопам-кулам, как и что строили?

Разумеется, полного ответа на все эти сложные вопросы дать сегодня не легко, но надо постараться это сделать по мере знаний и возможностей.

Наверное, будет правильным, если сказать, что у карачаевцев и балкарцев основой жизни, а значит и всех обычаев является уважительное отношение к старшему. В семье, в роду, в обществе целом. К сожалению, этот основополагающий обычай нашего народа, выработанный суровым опытом жизни в течение тысячелетий, являющийся надежным щитом многих поколений людей от ошибок и проступков, которые могли принести горе и беду, позор и несчастье, в последнее время в связи с мощным наступлением «культуры», у которой главный принцип «Бери от жизни все», можно сказать, брошен под ноги, втоптан в грязь за ненадобностью. Да, конечно, в автобусе или троллейбусе джигиты и девушки иногда встают и предлагают старшим сесть. Хотя было бы лучше, если бы многие из них оставались сидеть на месте — так бестактно они это делают. Одни встают и, презрительно глянув на старика, которого черт сюда занес, а не сам он приплелся, уходят прочь с этого места; другие, если на одной скамейке сидят двое, долго толкают друг друга в надежде, что старуха в их сторону может и не глянуть, и лишь когда уже старуха вплотную подходит к ним, они, почему-то прыснув от смеха, встают и уходят куда-то, словно им смертельно опасно находиться вблизи этой самой старушки.

Такое, не идущее из глубины души, театрально-показное соблюдение важного обычая никому не нужно. Не надо думать, что старшие на то они и старшие, чтобы их уважали младшие. Сами старшие должны быть убеждены в том, что они на то и старшие, чтобы учить молодых законам жизни, дабы они получали от нее, от этой самой жизни, как можно мень-

ше ушибов и побоев, так как жизнь сурово и строго наказывает всякого, кто небрежен с ее установками. У старших – миллион обязанностей, и они в первую очередь думают именно об этом, о своих обязанностях, а не о том, как это молодые их уважают или нет. Настоящих старших это вовсе не интересует, а если и интересует, так только опять же как старшего – почему этот молодой человек не оказал старшему положенное внимание, почему он так не воспитан, чей он сын и из какого рода?

Старший не имеет права пройти мимо, махнув рукой, коли заметил непристойное поведение молодого человека. Он остановит парня, поздоровается с ним, узнает как его зовут, чей он родом, кто его отец и лишь потом, даже извинившись перед ним, объяснит, что он повел себя неправильно, не по обычаю, а по обычаю в этом случае следовало поступить...

А кто сегодня подойдет к стайке подростков, развалившихся на скамейке в парке и загадивших все вокруг окурками да плевками, скажет им, что курение в таком юном возрасте довольно опасно для здоровья, да и в любом возрасте такое – не хлеб, да и нельзя плевать на асфальт аллеи, где прогуливаются люди, да вести себя следует, мол, лучше – не галдеть громко, тем более употреблять к тому же нехорошие слова? Да никто! Не только потому что эти же подростки, которым ты хочешь хоть как-то помочь, могут тебе не только нахамить, да еще и ребра пересчитать, а просто потому, что они отнесутся к тебе как к говорящему динозавру – отец родной, мол, нас не учит, а ты, старикан, кто такой? Проваливай пока цел!

А ведь, между прочим, основой своего мощного расцвета во всех сферах человеческой деятельности Япония обязана именно тому, что сумела, несмотря на мощный тайфун западной цивилизации, где в основе всего лежит прагматизм именно в личных интересах человека, сохранить свой национальный менталитет, в основе которого, нам кажется, как и во многих восточных цивилизациях, лежит уважительное отношение к старшему. В том числе, конечно же, и к старшему по службе. А в свою очередь старший по службе обязан стремиться быть во всем примером для младших, т. е. для сотрудников, которые работают у него под рукой.

У карачаевцев и балкарцев есть такая поговорка: «Выгтирай старшему нос и держи его для совета» (по смыслу даже не для совета, а чтобы он руководил). Смысл поговорки ясен: если даже тебе и не очень нравится, но делай так, как велит старший. Старший обязан, если он глава семьи, сделать все, что зависит от него, чтобы семья не нуждалась, жила в достатке. Если он еще молод – должен работать, работать усердно, все выполнять лучшим образом, взваливая на свои плечи всю тяжесть материального обеспечения семьи. Не только своим примером неустанного труженика, но и словом своим – данным к месту, умным советом, своевременным предостережением – обязан учить младших добиваться в своей жизни того, к чему они стремятся, а стремится все люди должны к тому, чтобы в своей жизни сделать больше и лучше, чем это удалось отцам и дедам. Как для дома – семьи, так и для рода своего, и для всего народа.

Старший в балкарской и карачаевской семье – это и царь, и учитель,

и прокурор, и адвокат, и самый близкий друг, который делает все возможное и невозможное, чтобы младшие были живы, здоровы и счастливы. Он счастлив – если счастливы младшие. Для старшего в горской семье большого горя и беды нет, чем непутевый сын или плохая дочь.

Старейший в роду, как отец о своих детях, должен заботиться о всех членах своего рода. Но, разумеется, к XVIII веку, когда родовая община уже фактически не была так сплочена как раньше, глава рода уже не играл особой роли, но он все равно был очень уважаемым человеком, к совету которого прислушивались многие.

В это время – в XVII–XVIII веках – балкарские и карачаевские князья являлись полновластными правителями своего народа. Разумеется, в своих действиях они обязаны были руководствоваться народными обычаями, вошедшими в неписаную конституцию карачаевцев и балкарцев под названием «Ёзденлик». Все обычаи, все нормы поведения, морали, расписаны и разложены «по полочкам» в этом кодексе жизни и чести горцев.

«Ёзденлик» считает, что старшему, когда он заговаривает с незнакомым молодым человеком, следует обратиться к тому так: жашым – сын мой (к мальчику и подростку); жашы – парень (к юноше); джигит – (если тот уже возмужалый, лет 25–30). К девушкам: кызым – дочь моя (к девочке-подростку); иги кыз – девушка хорошая (к взрослой). К своим незнакомым соплеменникам балкарец или карачаевец, если он знает «Ёзденлик», обратится только так: карындашым – брат мой, эгечим – сестра моя. А к старшим так: аппа – дедушка (если этот старший годится в деда) и ата (если годится в отца). Но следует отметить, что последнее обращение практически не употребляется, так как в смысловом значении в этом слове «вежливости» слишком мало, а слишком много «отца», в то время как в обращении «аппа», к примеру, «вежливость» забирает весь смысл слова, ничего не оставляя деду.

И еще один любопытный штрих из «Ёзденлика» – из раздела «Уважение женщины к мужчине». Женщина должна уважительно относиться к мужчине, если даже этот мужчина ... и обыкновенный мальчишка! Если, к примеру, к сидящим во дворе женщинам подойдет с каким-нибудь делом незнакомый мальчик или же редко здесь бывающий парнишка из соседнего околотка, женщины могут привстать, приветствуя его – ведь перед ними мужчина, продолжатель рода! Или же, к примеру, взрослые женщины могут (должны!) уступить дорогу юноше, идущему в школу, в вуз или на работу, – он тоже мужчина, продолжатель рода.

А теперь из цикла «Уважение мужчины к женщине». Не может быть уважаемым мужчина, если женщина его дома выполняет мужскую работу, в то время, когда это может сделать он сам. Все тяжелые работы – заготовка дров, строительство, пастбы и кормление скота, пахота – считаются мужскими работами. Считается неприличным, если мужчина без особой на то надобности вмешивается в дела женщин – много ли, мало

ли, так или не так она готовит, мелочно придирается к ним по поводу того, что они слишком расточительны, вот мол, вовремя не посмотрели – и чурек пригорел и т. д. Разборчивость в еде также не украшает мужчину. Большим позором считается ругать жену при людях, бить ее.

Жаль, что наши ученые из КБИГИ вот уже столько лет (возьмем хотя бы последние 40–45 лет) получают у государства деньги именно за то, что должны собирать и публиковать все, что касается духовного наследия нашего народа, все еще никак не находят времени на сбор, обработку и публикацию народных обычаев и кодекса чести – «Ёзденлик».

Само название обычаев, норм морали и поведения у нас назван «Ёзденлик» – то есть назван кодексом чести всего народа, так как уздени – это и есть сам народ, а не кодексом чести дворян или князей, или рыцарским кодексом чести, уже говорит о том, что дух его, его требования должны быть понятны и близки всем людям нашего народа.

Так оно и есть. Выполнение норм и кодекса чести карачаево-балкарского народа – «Ёзденлика» – не умаляет, не унижает никого, в том числе и князей, а возвышает и облагораживает всех.

4. Организация власти и управления в Балкарии до присоединения к России в первой половине XIX века

Итак, у погибшего под саблями Темирлана Алании, образно говоря, в живых остались два сына-близнеца – Малкар и Карачай. Как и у всех сирот, судьба была нелегкой: голод и холод, болезни и всякие напасти мучили их, словно пытались вовсе извести с белого света. Но они все-таки сумели выжить, как и их мифический прародитель Ёрюзбек, преодолев все трудности и невзгоды.

Прошло ровно 300 лет, выросли и возмужали Малкар и Карачай, что с ними стали считаться и уже другие народы, жившие по-соседству.

Гордый Кавказ, все еще не оправившийся от Темирлановского избиения, как израненный барс, красивый, но совершенно бессильный, лежал перед четырьмя хищниками, каждый из которых хотел, чтобы добыча досталась только ему одному. Лишь боязнь оказаться растерзанным остальными хищниками удерживала их от броска на Кавказ.

Начало XVIII века, Персия и Турция терзали Закавказье и стремились прорваться на Кавказ с юга, с запада наседали Крымское ханство, с севера и с востока подкрадывалась Россия.

Сейчас, спустя почти три столетия, когда Крымского ханства уже давно нет, а Турция и Иран не имеют никаких видов на Кавказ, а лишь только одна Россия выступает в роли хозяйки судьбы народов Кавказа, все наши

ученые историки, и не только они, стараясь угодить Власти, кинулись искать связи своих народов не только с Россией, но и с Олеговой Русью, которые якобы уже тогда играли благотворительную, судьбоносную роль в жизни их народов, стараясь при этом всячески умалить роль и значение в истории народов Кавказа той же Хазарии, той же Золотой Орды, того же Крымского ханства, или же Турции.

Разумеется, агрессивные устремления Ирана, Турции, Крыма не несли народам Кавказа ни мира, ни созидания, а несли лишь кровь, страдания и слезы. Но ничего иного не могла нести и Российская империя! Она тоже проливала кровь, обречала тысячи и тысячи ни в чем неповинных, живущих на своих землях людей на страдания и слезы!

Итак, к началу XVIII века Кавказ, страна гордых и красивых людей, но раздробленная на отдельные народности и княжества, изначально не знавшая единства, лежала перед хищниками, которых от прыжка сдерживала лишь боязнь одного перед другим.

Из этих хищников наиболее молодой и агрессивной в то время была Россия, вдохновленная победами Петра Великого над могущественной в то время державой севера – Швецией. Петр даже сделал попытку вырвать из рта слабеющей Персии Азербайджан и восточные части Армении и Грузии, но это ему не удалось, так как сразу же недовольно «зарычали» другие хищники – Турция с Крымом, подбадриваемые Англией.

В то время наибольшее влияние в нашем регионе – на Северо-Западном и Центральном Кавказе – имело Крымское ханство. Вассалами Крымского ханства были народы всего Северо-Западного Кавказа, включая Карачай и Кабарду. И лишь Балкария оставалась независимой, чему свидетельствует Хуламская надпись, сделанная в 1709 году. В ней говорится о том, что между Пятью горскими обществами – Балкар, Безенги, Хулам, Чегем и Баксан, – с одной стороны, и крымцами с кабардинцами с другой стороны возник спор из-за земель. И тогда был созван Тёре, где присутствовали представители балкарцев, кабардинцев, крымцев и с общего согласия была определена граница между владениями Крыма, заселенными кабардинцами, и Балкарией. Между прочим, это была первая, законная, с согласия всех сторон установленная граница между владениями Кабарды, входившей тогда в состав Крымского ханства, и независимой Балкарией.

Из этого документа видно, что Балкария не входила в состав Крымского ханства и не была вассалом крымчан, как, скажем, Карачай или Кабарда.

И тогда, естественно, мы должны знать, как было организовано управление народом и какова была власть в Балкарии. Эти проблемы освещались в работах балкарских ученых – доктора филологических наук Хамида Малкондуева и кандидата исторических наук Хаджи-Мурата Сабанчиева, а до них – в работах Мисоста Абиева и Басията Шаханова.

Как у многих народов мира на ранних стадиях общественно-полити-

ческого развития, в Балкарии в XVII и в начале XVIII века, вплоть до вхождения их в состав России, существовал Народный парламент под названием Верховный Тёре, который созывался по мере необходимости для решения важнейших общенародных задач, каковыми являются вопросы войны и мира с соседними народами, споры о земле как между соседними народами, так и балкарских и карачаевских общин между собою, а также другие жизненно важные вопросы, касающиеся благополучия и спокойной жизни народа.

Верховный Тёре, как отмечают и Мисост Абаев, и Басият Шаханов, обычно заседал в самом многочисленном и авторитетном обществе – в Большой Балкарии, что расположено в котловине Черекского ущелья. Тёре происходит от слова «тёр» – почетное место. Тёре – это значит собрание почетных, уважаемых людей народа. Первоначально, как и у многих народов мира, на Тёре собирались все взрослые мужчины народа, но потом, по мере роста населения и поселений, и в особенности после появления своих Тёре в каждом эле (обществе), в состав Верховного Тёре начали избирать представителей от народа. Ко времени М. Абаева и Б. Шаханова Тёре, естественно, уже не существовал, но из рассказов старожил и записей известно, что к началу XVIII века роль Верховного Тёре Балкарии играл Тёре Большой Балкарии. В то же время в каждом ущелье существовало свое Тёре.

Тёре выносит свое решение по каким-либо спорным житейским вопросам согласно выработанным веками народным обычаям – адетам, а если случалось что-то оригинальное, о чем в адетах ничего не говорилось, то Тёре устанавливал новый адет и решал вопрос согласно новому адету.

Как свидетельствуют документы, в период усиления агрессивных устремлений Крыма и России, предводители народов Кавказа все-таки иногда преодолевали личные распри и выступали совместно против общего врага. Так, когда в середине XVIII века крымский хан Арслан-Гирей готовился к походу на Кабарду, было срочно созвано Народное собрание (Хасэ) Кабарды, куда были приглашены представители Балкарии, Карачая и Дигории, где было принято решение выступить против крымцев вместе. Объединенное войско Кабарды, Балкарии, Карачая и Дигории выступило навстречу татарам и заняло позиции по берегу Кубани. Без разрешения Верховного Тёре ни Балкария, ни Карачай своих воинов никуда обычно не посылали. Подобное единодушие горские народы проявляли и позже. Например, во время карательной экспедиции генерала Г. И. Глазенапа в 1804 году в Кабарду. Бой горцев с отрядом генерала Глазенапа длился с 11 часов дня до 6 часов вечера. «Дрались в ущельях большей частью с 11000 отчаянно сражавшимися кабардинцами, карачаевцами и осетинами (дигорцами)». Произошло это сражение 9 мая 1804 года на реке Чегем.

Когда же понадобилась помощь Карачаю во время похода генерала

Эммануеля, то его поддержали совместным выступлением Балкария, Кабарда и Дигория. Об этом поется в народной песне, которую записал Хамид Малкондуев в 1981 году у 110-летнего Мухи Жабелова.

Как сейчас принято говорить, главой исполнительной власти в Балкарии являлся Великий князь, который после принятия ислама (XIX век) стал на мусульманский манер называться олием (от слова «вали» – правитель).

Так как в документах XVII века часто фигурирует фамилия Айдоболовых, как правителей Большой Балкарии, и первым балкарским бием, посетившем Москву и имевшим встречу с царем был Артутай, то естественно предположить, что первым известным нам олием Балкарии и следует считать именно его – Артутая, бия из селения Кьосфарты Большой Балкарии.

И, скорее всего, он и есть тот самый олий, который по решению Верховного Тёре выступил во главе балкарского ополчения против русского отряда, появившегося в районе Узун-Калы (близ современного Прохладного). В результате боя русский отряд потерпел поражение и был отогнан за пределы балкарских земель, но и сам олий был тяжело ранен и умер в пути домой.

После этого, скорее всего, должность верховного правителя переходит к представителю рода Абаевых и становится с этого времени фактически наследственной – теперь олиями Балкарии становились наиболее уважаемые представители только рода Абаевых. Наиболее известный из них Сосран Кучукович Абаев, живший в конце XVIII века в одно время с известным кабардинским князем Асланбеком Кайтукиным. Как пишет Абаев в очерке «Балкария», один бий из рода Айдоболовых стал уговаривать кабардинского князя Кайтукина выступить против Балкарского общества, обещая ему помощь. Видно по всему, этот самый Айдоболов сам хотел стать правителем Балкарии, что говорит о том, что между этими двумя сильными княжескими родами все еще не прекратилась борьба за верховенство в Большой Балкарии.

Кайтукин же, в результате нескольких встреч с людьми Абаева убедившись, что ему с ними не удастся так легко справиться, как говорил Айдоболов, оставил свои намерения совершить набег на Балкарию и заключил союз с олием Абаевым.

Сосран Кучукович, судя по всему, был последним олием Балкарии, так как уже в 1827 году Балкария вошла в состав России и, разумеется, она стала управляться царской администрацией на Кавказе.

Первым олием Карачая считается Камгут Крымшамхалов. В отличие от Балкарии, в Карачае все известные по преданиям олии были из князей Крымшамхаловых. После Камгута олием, видно, был его сын Каншаубий, а в одно время с Сосраном Абаевым, который был олием в Балкарии в начале XIX века, олием Карачая был Ислам Крымшамхалов, который после Хасаукинского сражения с войсками генерала Эммануеля подписал договор о вхождении Карачая в состав России.

Как и всякие правители средневековья, верховные правители Балкарии — олии тоже имели очень широкие полномочия: олий был не только верховным правителем, но и командующим народным ополчением, и верховным судьей, и главой Верховного Тёре. Фактически олий был ханом. И, вполне возможно, что раньше, до принятия карачаевцами и балкарцами ислама, он, верховный правитель, так и назывался — ханом. Ведь это слово уже было известно аланам и асам — предкам балкарцев и карачаевцев хотя бы со времен Тюркского и Хазарского ханств, если не ранее. Если это слово не саньбийское, как предполагает Л. Гумилев, а тюркское, вернее — асское, то, естественно, это слово должны были знать еще аланы, следовательно, разумеется, и их потомки — балкарцы и карачаевцы.

Как бы там ни было, но верховными правителями в Балкарии до ее вхождения в состав России были олии, и они были настоящими монархами, лишь номинально ограниченные Верховным Тёре, которое созывалось раз в несколько лет и то по желанию самого олия. А так, практически всей общественной жизнью народа управлял олий сам, разумеется, согласно народным обычаям и в согласии с влиятельными и уважаемыми людьми народа, с которыми он советовался в том случае, когда оказывался перед затруднительным выбором.

Олий содержал постоянную дружину, имел право в любое время в случае внешней угрозы собрать народное ополчение, и по его призыву, готовыми выступить в поход, должны были незамедлительно собираться все военнспособные мужчины — и князья, и уздени.

Если военный конфликт назревал с сильным противником, столкновение с которым может стать судьбоносным для народа, то олий, конечно, созывал Верховный Тёре. Так было когда в пределы Балкарии в районе Узун-Калы вторгся русский отряд, так было когда в 1828 году надо было выступить в защиту Карачая, куда направлялся отряд Эммануэля.

А вот во время конфликта с довольно сильным и влиятельным кабардинским князем Асланбеком Кайтукиным олий Сосран Абаев не стал созывать Тёре, он действовал сам по своему разумению — видно считал что это обычный рядовой конфликт с соседом, который не может представлять для общества серьезной угрозы. Так оно в действительности и оказалось, Кайтукин не решился на вооруженный конфликт с Балкарским обществом и все закончилось миром.

В том мире — в мире, когда все решалось с помощью меча, главной заботой олия, конечно же, было всемерное укрепление способности народа отстоять свою независимость от внешних врагов. В соответствии с этой своей главной задачей жили и действовали олии Балкарии в XVII—XVIII веках: имели при себе дружину, молодежь постоянно проходила военную выучку в так называемых «Басият кошах» — в охранных отрядах, которые сопровождали общественные стада на летних и зимних пастбищах, да и на территории самого общества во время нередких торжеств непременно устраивались игры, где молодые люди состязались в

силе и ловкости, в умении метко стрелять и быстро управляться с любой работой.

Все это вместе взятое – постоянная готовность народа дать отпор внешним врагам, благоприятные естественные условия для обороны (труднопроходимые горы и ущелья, заросшие лесом и кустарником), личная храбрость воинов и стали основой того, что в то сложное время Балкария сумела вплоть до XIX века сохранить свою независимость.

5. Балкария в XVII–XVIII веках

Хромой Темирлан, как уже было отмечено, наиболее жестоко обошелся с народом, сыновья которого честно и мужественно служили своему государству и своему хану – Кипчакскому ханству и хану Тохтамышу. Именно на земле Алании спустя даже 300 лет людей было так мало, что они все еще жили в верховьях ущелий, где укрылись жалкие остатки аланского народа. И, естественно, о том, что вокруг Кавказа, подготовившись к прыжку, затаились такие новые хищники, как Османская империя, Сефевидский Иран, Крым и Россия, они особо и не подозревали. Но в связи с тем, что балкарцы со всеми своими соседями все-таки, несмотря на неизбежные трения и конфликты на почве нехватки земли или по другим причинам, находились в большей части в хороших дружеских и добрососедских отношениях, то они, стали как бы связующим звеном между Россией и Грузией. Ведь Россия не могла вести какие-либо переговоры с грузинскими царствами ни через Дербент, который был наглухо закрыт персами, ни по берегам Черного моря, тоже занятым турками и крымцами. Оставались только перевалы Центрального Кавказа в землях балкарцев и карачаевцев.

Впервые на бумаге слово «болкары», как мы уже отмечали, появилось в 1629 году, в записке Астраханского воеводы Ивана Дашкова в Посольский приказ о результатах поездки в горы служивых людей во главе с жителем Терского городка кабардинским узденем Каншов-Мурзой Битемрюковым. И именно в этом донесении и сообщается о том, что «тем местом Балкары владеет его, Каншов-Мурзы, племянник Абшита-Тавзреков». Но вот весной того же года бывшие в Балкарии рудознатцы крещенные кабардинцы Сидор Семенов и Марк Аганитов рассказали следующее: «Тем местом, куда они с Каншов-Мурзою ездили, владеют... Абшит и Абдаулла, мурзы Балкарских князей, а которого Мурзы дети, того они не ведают, а князю Пшимаху они Канбулатовичу Черкасскому по сестре племянники, мать их князю Пшимаху сестра. А государю де те мурзы не послушны, живут по себе...» Камбулат – родной брат Темрюка Идарова, а Каншов-мурза – внучатый племянник Темрюка. Следовательно,

балкарские князья Абшит и Абдаула приходились ему вовсе и не племянниками, а троюродными братьями. А слушались они влиятельного кабардинского князя Алегуки Шеганукова из рода Кайтукиных по той простой причине, что они находились в дружеских отношениях, а не потому что они были его вассалами, как пишут чуть ли не через строчку авторы «Истории народов Северного Кавказа».

Через двадцать лет, осенью 1650 года из Москвы в Терки приехало русское посольство во главе с воеводой Никифором Толочановым в составе чиновника Посольского приказа Алексея Иевлева и других служивых людей. Они направлялись в Имеретию для переговоров с кахетинским царем Теймуразом, который бежал к своему зятю — имеретинскому царю Александру после того, как его царство захватили персы. В крепости люди из Москвы узнали, что здесь же находятся и послы Теймураза, еще в прошлом году посланные в Москву, и человек по имени Загар, «черкашенин», служивший у Теймураза. Толочанов отправил с возвращавшимся Загаром своего человека Ивана Тезиченка, дав ему в сопровождение трех солдат, с поручением посмотреть маршрут посольства до Имеретии и вернуться обратно. Кабардинцы проводили русских послов «до Болхар» и там передали их «болхарским мурзам Алибеку и Чеполову, да Канбулатову дядьке Черкасского Айдабулле-Мурзе».

Из этого сообщения ясно, что в это время, как и двадцать лет назад, кабардинские князья Кайтукины и балкарские князья Айдаболовы продолжали поддерживать между собой дружеские отношения: Айдаболов был воспитателем — аталыком сына Пшимахи, Камбулата, племянника своей жены.

Как бы ни старались сегодняшние историки, слишком уж большие любители «вассалить» всех вокруг и таким образом заставить наших предков в не таком уж далеком прошлом все свое время проводить только в напряженном, конфликтном состоянии, как видно из фактов, из этого ничего не получится. И сегодня, искажая прошлое, не надо нас натравливать друг на друга. Надо сеять добро и истину, на свете и так много зла и лжи.

Отдохнув в Балкарии два дня, путники отправились в дорогу в сопровождении местных проводников. В горах уже выпал снег; и им с трудом удалось преодолеть перевал Гезе-ыфцык на высоте почти в 3500 метров. В Имеретии Иван Тезиченок встречался и говорил и с царем Александром, и с царем Теймуразом. После этого русские люди, хотя уже стоял декабрь, отправились в обратный путь. Теймураз послал вместе с ними своего приближенного человека — Юрия Зурама. Целых 10 дней шли они из Имеретии до Балкарии — такой тяжелой была дорога зимой через перевал.

Через Зурама Теймураз передал русским послам свой совет ехать к нему весной, когда откроется перевал, через Балкарию, по ущелью Черек. В Балкарии гостей будут ждать выехавшие им навстречу люди из Имеретии, которые и будут потом сопровождать их в пути.

Весной русское посольство, везя с собой дары Москвы грузинским царям, двинулось в путь. В Кабарде их уже ждали все те же балкарские княжичи Алибек и «Чеполов» с сопровождающими людьми.

«Маия в 17 день с того места пошли послы Микифор и Алексей с государевой казною (с подарками) в Болхары. И везли послы казну на своих лошадях, а сами шли пеши. И пришли в Болхары того же дни. И приняли государевых и меретийских послов болхарские мурзы с честью.»

Так, «с честью», впервые принимала Балкария гостей из Москвы. Гости были в Балкарии более двух недель, дождались людей из Грузии, которые должны были переправить их через перевал и привести в Имеретию. Они пришли – более 200 человек. Посольство и сопровождающие их люди вышли из Балкарии 31 мая и за два дня добрались до подножия перевала. Отсюда балкарцы вернулись к себе. А утром следующего дня посольство направилось к перевалу. К вечеру они были уже на той стороне хребта, а через два дня – в Кутаиси.

После завершения переговоров, осенью, русское посольство возвращалось обратно тем же путем. До Балкарии посольство сопровождали 300 человек. На той, грузинской стороне гор, на подходе к перевалу, за рекой Риони, посольство остановилось в маленьком пустом поселке, состоявшем всего из нескольких каменных хижин, которыми владел «Алибек, болхарский владделец.»

Этот поселок, конечно же, служил постоянным двором для балкарцев, которые часто бывали в Грузии по торговым и иным делам, что бы они могли здесь переночевать и утром следующего дня начинать трудный путь через перевал. И даже этот факт, красноречиво говорящий о хороших добрососедских отношениях владетелей Имеретии и Балкарии, когда один из них любезно предоставляет другому возможность иметь на своей земле «гостиницу», авторы «Истории народов Северного Кавказа» и то умудрились использовать в негативном плане. Мол, этот город был разграблен и разорен во время разбойничьего набега балкарского князя Алибека...

Через два дня посольство, с трудом преодолев перевал, который был завален свежим снегом, прибыло в Балкарию.Guestы радушно встречали опять те же Айдаболовы, среди них и «разбойник» Алибек. Отдохнув в Балкарии несколько дней, члены посольства продолжили свой путь. Их до земель Анзоровой Кабарды сопровождали постоянные их проводники и опекуны, в Кабарде они распрощались. Благодарные русские послы одарили всех троих балкарских «мурз» подарками – по три аршина «красного доброго» сукна, по отрезу восточной шелковой материи и по одной соболиной шкурке.

Так закончилась первая поездка русских послов из Москвы через Кабарду и Балкарию в Имеретию. И путь этот в грузинские царства – по Черекскому ущелью, через Большую Балкарию – видно, был наиболее надежным и проходил через земли лояльно относящихся к России людей –

балкарцев и кабардинцев. Потому что уже через пять лет – в 1655 году через Кабарду и Большую Балкарию в Грузию опять ходили послы Москвы Василий Жидовин и Федор Порошин. А через два года из Грузии через все тот же перевал Гезе-ыфцык прибыл в Балкарию царь Кахетии Теймураз, направлявшийся в Москву. И Аргутай Айдаболов вместе с ним отправился в Москву.

В сентябре 1658 года русский царь Алексей Михайлович в Кремлевском дворце принимал царя Теймураза I с его посольством. Известно, что на приеме у русского царя вместе с Теймуразом были и прибывшие вместе с ним трое чеченцев и балкарец Аргутай Айдаболов.

После приема Аргутай получил ценный подарок от русского царя – сорок соболиных шкур стоимостью в 40 рублей. Это, отмечает исследователь Олег Опришко в своей книге «По тропам истории», в то время цена одного хорошего породистого коня аргамака.

Конечно, коль о том, о чем шел разговор на встрече с русским царем никаких документов не сохранилось, то и гадать по этому поводу совершенно бесполезно. Но предположить, что Аргутай поехал в Москву, в то время – в очень долгий и опасный путь, не только ради простого любопытства, есть все основания. Скорее всего это была попытка балкарских князей лично самим более основательно присмотреться к России, понять, что она из себя представляет, а потом и решать что делать – вступать в ее подданство или нет. В пользу такого предположения говорит и то, что Аргутай пробыл в Москве почти целый год.

Что он там делал – об этом мы теперь, ясное дело, знать не можем, но предположить, что он более обстоятельно ознакомился с Москвой и Россией, с русским народом, с которым, возможно, в скором времени придется бок о бок жить и его народу – это вполне вероятно.

В это же время, даже лет на 10 раньше, посланники Москвы проходили через Кабарду и Балкарию в Грузию и по Баксанскому ущелью. 2 июня 1639 года из Москвы выехало посольство русского царя Михаила Федоровича в Мингрелию. К концу августа посольство во главе с Федотом Елчиным добралось по Волге и Каспию до Терского городка, а в конце сентября на лошадях выехали в Кабарду, оттуда посольство направилось из «Алегукиной Кабарды» в Баксанское ущелье и добралось «до Карачаев». Здесь посольство встречали князья Эльбуздук и Гилястан. Чтобы знакомство было добрым, посол Федот Елчин преподнес радушным хозяевам подарки: «карачаевским князьям двум братьям Ельбуздуку да Гелистану, четыре аршина сукна и краснова английсково да восемь киндяков» – отрезов обычной хлопковой ткани.

Отдохнув у баксанцев две недели, посольство продолжило свой путь к перевалам у Эльбруса. Можно себе представить восторг этого московского чиновника, вечно капающего в пыльных бумагах Посольского приказа, когда он воочию увидел вблизи всю красоту Кавказских гор, и саму Шат-гору – Эльбрус. Потом он напишет о перевале: «А промеж

гребней лежит снег от зачатия света; который год снег идет, и тот себе слоюм обледенев и лежит, а которые снега старые от прежних лет, и те лежат позеленев, аки турской купоросней». Возвращалось посольство, перезимовав в Грузии, той же дорогой – через Баксанское ущелье Балкарии, через Кабарду.

Видимо, Федот Елчин и его спутники были первыми русскими, увидевшими собственными глазами Великого хана Кавказа – мудрого седовласого Эльбруса.

Пройдет некоторое время и Эльбрус станет местом паломничества тысяч и тысяч людей со всего света. В свое время им любовался и певец Кавказа Михаил Лермонтов, и великий веселый рассказчик Александр Дюма. Теперь это может сделать любой желающий, который сможет приехать в Кабардино-Балкарию. Благо дорога теперь аж до самой подошвы Эльбруса позволяет добраться и на машине, не то что было тогда, когда приезжал сюда Федот Елчин – «путь тесен, горы непроходимые, а конной дороги отнюдь нет, а пешия ходят з горем».

Из истории братского карачаевского народа

6. Карачай в XVII–XVIII веках

После похода Хромого Темирлана, как уже отмечалось, Алания была опустошена, обескровлена и погибла. А из ее многочисленного населения в верховьях ущелий Центрального Кавказа спаслись лишь горстка людей. И именно эти люди и стали новыми родоначальниками балкарцев и карачаевцев.

Карачаевцы жили в XVII–XVIII веках в бассейне реки Кубань и ее притоков, там они живут и сейчас. И так же, как и в XVII веке, их восточными соседями были их братья по крови – балкарцы, с севера – кабардинцы, которые занимали предгорные равнины, с юга, за хребтом – сваны, и с запада – абазины.

Впервые слово карачаевцы в форме «карачиоли» встречается в записках итальянского миссионера Ламберти в XVII веке. Карачаевцев упоминул и француз Шарден, который путешествовал во второй половине XVII века по Закавказью. Упомянули карачаевцев и в русских документах XVII века, когда сообщалось о посольстве Москвы к грузинским царям во главе с Федотом Елчиным. А в 70-е годы XVIII века на Кавказе был академик Российской Академии наук И. А. Гильденштедт, который тоже привел данные о Карачае и карачаевцах.

Следует отметить, что часть карачаевцев, возглавляемая Карчой, живших в Баксанском ущелье, наверное, действительно перешла в начале XVII века в верховья Кубани, так как об этом есть легенда как у самих карачаевцев, так и у балкарцев, которую приводит первый балкарский историк Мисост Абаев в своем очерке «Балкария». Но это, разумеется, совсем не значит, что в то время – до перехода Карчи и его людей

из Баксана – в Карачае никого не было, как это стараются представить некоторые историки.

Даже и сейчас, между прочим, жители Баксанского ущелья, более близки к карачаевцам, нежели остальные балкарцы из Чегема или, тем более, из Череха. Да и жилища свои, как отмечают специалисты, баксанцы тоже строили из бревен, как и карачаевцы, а не так как остальные балкарцы – из камня.

И наши исторические песни «Каншау», «Карча», «Урусбиевы» – это песни баксанских карачаевцев, переселившихся на Кубань.

В Карачае, согласно легенде о Карче, самыми старыми и уважаемыми родами являются именно те роды, которые и произошли от близких товарищей Карчи – Будияна, Науруза, Адурхая, Трама и Хубия. А род его зятя Крымшамхала стал княжеским родом. Старыми и почетными родами считаются и роды Тохчуковых и Тамбиевых, которые ведут свое начало от тех кабардинских юношей, которых дал Казий Карче взамен двух умерших у него в плену людей Карчи.

Считается, что фамилии Эльхановых, Акбаевых, Байрамуковых, Текеевых, Болуровых, Чотчаевых относятся к родовому союзу потомков Будияна; люди фамилий Байрамкуловы, Кобаевы, Каппушевы, Голаевы, Аджиевы, Кочхаровы, Каппоевы считаются потомками Науруза; адурхаевцами считаются Лайпановы, Чомаевы, Джуккаевы, Кульчаевы, Урусовы, Шидаковы, Байчоровы и Эркеновы.

Различные предания о происхождении карачаевских родов свидетельствуют о том, что еще в давние времена в Карачае, как это бывает и повсюду на земле еще с пещерных времен, оседали и жили представители многих соседних и дальних племен, волею судьбы попадавшие в эти края. Так, Тохчуковы и Тамбиевы, как мы уже отмечали, являются потомками двух кабардинских юношей, данных Карче взамен погибших в плену у кабардинского князя карачаевцев. Даже сами фамилии Кумыковых, Ногаевых, Калмыковых говорят о том, что эти роды иноплеменного происхождения. Родоначальниками Кобановых, Богатыровых и Джаттоевых считаются абазинцы. Хачиловы и Хубиевы считаются потомками двух братьев – сыновей некоего Шат-бека из племени кизилбеков.

Княжеские фамилии Дудовых и Карабашевых считаются также происходящими из Крымшамхаловых, которые, как уже было отмечено, были выходцами из крымских асов и аланов.

Согласно преданию, старыми и почетными карачаевскими родами считаются роды потомков Бекмырзы, у которого было четыре сына: Каншаубий, Камгут, Эльбуздук и Гилястан.

Имена тех людей, которые владели Карачаем до Крымшамхаловых неизвестно. Поэтому следует признать их первыми владельцами Карачая, который обособляется в отдельное территориально-племенное сообщество аланов, оставшихся в живых после похода Темирлана именно вот на этой части Алании. К XVII веку, скорее всего, Карачай представ-

лял из себя несколько небольших, самостоятельных владений, которые находились у потомков Крымшамхала, но все они номинально подчинялись старшему князю, который, видимо, жил в Карт-журте.

Как и в Балкарии, в Карачае тоже селения являлись не местом поселения родовой общины, а так называемой соседской или сельской общины, то есть в абсолютном большинстве случаев в селениях жили не люди одного рода, а из разных родов, хотя, скажем, в Балкарии даже в XX веке существовали селения, где практически жили люди одного рода – это селения Глашевых, Башиевых в Большой Балкарии. Такие небольшие селения имелись и в Карачае, но это было нехарактерно. Так как сельская община, в общем-то, стала соседской еще в то время, когда Алания находилась в составе Хазарского ханства – в VIII–X веках.

В Карачае, как и в Балкарии, существовали различные виды собственности на землю – частные, родовые, общинные.

Но вместе с тем следует отметить, что во многих селениях люди одного рода или фамилии чаще всего селились вместе и составляли отдельный квартал – тийре – в селении. И еще – не надо забывать о том, что у каждого народа есть свои особенности во всем, в том числе и в отношении к роду и родственникам. К примеру, у кавказских народов родственные связи всегда были более крепкими, чем, скажем у русских, немцев или же скандинавов. Вспомним, вследствие чего появлялись повсюду в Европе варяги (норманны, викинги) – в странах Скандинавии из-за нехватки земли младших сыновей просто лишали права на наследство и им ничего не оставалось как, сгруппировавшись, отправляться в чужие земли и зарабатывать себе на жизнь мечом, владеть которым они учились еще с детства. Грабительские походы шаек варягов целые столетия держали в страхе многие народы в Европе. Привычки и некоторые нормы морали феодальной верхушки в той или иной степени не могут не влиять на поведенческие принципы и мораль всего народа. Отсюда можно предположить, что практически все народы Европы, в том числе и современные русские, у которых первыми феодалами были именно известные в истории варяги (норманны, викинги), для которых родственные связи были не столь важны, как братство по оружию, то есть родство по добыванию средств к жизни, и восприняли от них, от своих первых феодалов-варяг такое не очень-то серьезное отношение к родственным узам. А у кавказцев, всегда стремившихся не отлучаться далеко и надолго от родни и от рода, до сих пор родственным отношениям придается большое значение. Поэтому, если у кавказцев, в частности, у карачаевцев и балкарцев, еще в совсем недавнем прошлом имелись фамильные поселки, а в больших селениях почти повсеместно – фамильные кварталы, если еще в XVII–XVIII веках роды владели частью земли общинной, сельской земли, – все это вовсе не означает, что у них у всех еще сохранились родоплеменные пережитки.

И в Карачае, как и в Балкарии, пахотные земли и движимое имуще-

ство, в том числе и скот, находились полностью в руках отдельных владельцев. И даже лучшая часть покосных угодий уже была поделена. В совместном владении сельской общины оставались лишь довольно отдаленные от села покосные и пастбищные земли. И даже в этих землях из года в год на одни и те же участки гоняли свой скот на лето люди одного и того же тийре-квартала или рода, таким образом потихоньку закрепляя за собой общинные земли. Позже, уже в XIX веке, начнутся массовые иски народа к этим зажиточным людям с целью вернуть захваченные ими общественные земли в пользование всего села. Лес тоже находился в общественном пользовании, но позже феодалы – князья и зажиточные уздени начнут присваивать себе и лучшие лесные участки.

Некоторые ученые крепкие родовые связи у балкарцев и карачаевцев объясняют следующими обстоятельствами. В период монгольских завоеваний, и в особенности во время карательного похода Хромого Темирлана, на территории Алании собственно аланы практически были уничтожены, а тех аланов, мол, что спаслись в горах, было очень мало, их было гораздо меньше, чем все еще сохранявшихся в горах людей автохтонных кавказских племен, которые якобы находились в своем развитии в стадии патриархально-родовой общины.

Но, во-первых, трудно себе представить, чтобы после двухтысячелетнего пребывания здесь, на Кавказе, степняков – асов и аланов, – которые еще до нашей эры уже жили даже в высокогорных долинах, о чем свидетельствуют археологические находки, чтобы в верховьях ущелий, которые, между прочим на тысячи километров не тянутся, все еще жили бы не ассимилированные племена автохтонов.

А во-вторых, история человечества не знает такого, чтобы когда-либо абсолютное меньшинство смогло бы навязать свой язык большинству, если даже они и не беглецы, каковыми в сущности, являлись бы аланы в горах, а сильные завоеватели. Табгачи, захватившие Северный Китай в VII веке нашей эры и основавшие династию Тан, через два-три поколения уже были окитаизированы полностью. Булгары на Дунае через 150–200 лет тоже ославянились, хотя их имя сохранилось в названии народа, а ведь их было не так уж и мало. Русы, захватившие земли славян от Новгорода до Киева и основавшие государство Русь, к третьему поколению уже были ассимилированы. Таких примеров можно привести сколько угодно. Но не известен ни один случай в истории, чтобы меньшая часть населения какой-либо территории сумела навязать большей части свой язык. Единственный случай – это когда горстка кипчаков была высажена десантом в горы Алании, и они заставили аланов принять их язык. Но как это случилось – ведомо только авторам этой удивительной гипотезы, и больше никому, а потому она не может быть признана как факт в истории.

Важнейшие дела общественной жизни в карачаевских селениях решали общие собрания взрослых мужчин. Общественность села называ-

лась джамагатом (у балкарцев — жамауат). И решение сельского схода мужчин считалось решением джамагата, то есть решением всей сельской общины.

О том, что жизнью села в обычных условиях управлял джамагат, подтверждается следующей легендой.

Народ одной местности, поддавшись на уговоры Боташа, переселился на новые земли в долине Кубани. Потом, когда выяснилось, что эти новые земли действительно очень хороши, Боташу захотелось самому завладеть ими. Но по приговору джамагата Боташ был убит, 12 его сыновей переселились в Балкарию. Но потом двое сыновей Боташа все-таки вернулись на родину. Община не только приняла их обратно и наделила земельными участками, но даже и провела на их участки оросительную канаву, которая стала их собственностью. Интересно, что эта канавка называлась «кан-илипин» — то есть «канавка за кровь», потому что джамагат села проведением этой канавы к участкам братьев искупала свою вину за кровь их отца, убитого по приговору общины.

Это говорит о том, что в Карачае уже довольно в раннее время кровная месть начинает уступать место выкупу за кровь.

Резкое обострение борьбы Турции и Крыма — с одной стороны, и Русского государства, уже подступавшего к Кавказу и с северо-запада и с северо-востока, с другой стороны за расширение своего влияния на Кавказе сделало совершенно невозможной спокойную мирную жизнь как карачаевцев, так и черкесов и ногайцев — западных и северных соседей карачаевцев. Особенно страдали от набегов крымских татар черкесы и абазинцы.

Наиболее дикой формой произвола крымских ханов было то, что они требовали от черкесов дань девушками и юношами. За красавицами — черкешенками, в буквальном смысле слова, постоянно охотились многие крымские разбойничьи шайки, которые продавали их тут же на берегу Черного моря. Место это, где в ближайших горах захватывали девушек и угоняли на рынки, откуда кавказских красавиц вывозили в Стамбул, Багдад и Каир, так и называли — берег невест — Келинчик. Это название сохранилось до сих пор, лишь перетерпев незначительное изменение — Геленджик.

Черкесы, карачаевцы, абазинцы вели постоянную борьбу против самозванных крымских властителей, много раз громили их отряды, но одолеть Крым и его покровителя — Турцию, которая была сильнейшей страной в то время в этой стороне света, им, конечно же, было не под силу. Потому-то и стала Россия, враг Крыма и Турции, их единственным союзником.

Черкесские, и в особенности кабардинские феодалы стали искать союза с Россией сразу же, как только она появилась на подступах к Кавказу. Основная часть кабардинцев перешла в русское подданство еще в середине XVI века, заключив союз России и Кабарды династическим

браком русского царя Ивана IV и дочери Великого князя Кабарды Темрюка Идарова, названной Марией в крещении. И с тех пор Россия постоянно выступала с народами Северного Кавказа против экспансии Турции и Крыма в этом регионе. Само собой разумеется, что Иван Грозный руководствовался в своих действиях не чувством сострадания к притесненным народам Кавказа, а собственными целями, которые ни для кого не были секретом, а именно — овладение Кавказом, — но в то время, когда решение о том, быть ли народам Северного Кавказа под жестоким игом Крыма (он уже показал себя) или же принять подданство России (о сущности ее пока мало кто знал), то все таки люди пошли по пути неизвестности, где хоть сохранялась какая-то надежда на крупицу свободы, чем полная и безпросветная мгла крымского владычества.

Карачай, между прочим, как и Балкария, в состав Крымского ханства не входил. Но независимо от этого Карачаю не удалось избежать бедствий и страданий, что так щедро доставались народам Северо-Западного и Центрального Кавказа от Крымских ханов.

7. «Считать присоединенными к России эти народы»...

Новый XIX век Россия начала с твердым намерением окончательно усмирить Кавказ. Строились новые крепости, укреплялись старые. Кавказская военная линия неуклонно продвигалась вплотную к горам, оставляя за собой покоренную часть горцев и гоня перед собой в ущелья непокорных.

После закладки Кисловодской и Пятигорской крепостей попытавшиеся было оказать сопротивление кабардинцы были выселены оттуда на Малку и Баксан. На берегу реки Нальчик у подножия гор была заложена новая крепость.

В 1804 году, подстрекаемые шахом Ирана и султаном Турции, отдельные кабардинские князья, используя недовольство народа притеснениями и жестокостями царских генералов, подняли восстание. Восставшие требовали снести Кисловодскую крепость, наказать военных, сжигающих селения мирных жителей под разными предлогами. Правительство направило в Кабарду карательный отряд во главе с генералом Глазенапом. На Чегеме близ современного села Лячинка кабардинцы, которым помогали и другие горцы, были разбиты. Было уничтожено около 80 поселений. Для более целенаправленных действий по покорению кавказских народов была создана отдельная Кавказская губерния с центром в крепости Георгиевской. И Главнокомандующим на Кавказе назначается генерал П. Д. Цицианов, грузин на царской службе, ярый сторонник решительных военных мер на Кавказе против непокорных горцев. Он жестоко

подавлял выступления горцев Кавказа, одержал несколько побед во время войны с Ираном, но под Баку был убит, и его голова была отправлена в подарок шаху Ирана.

Вскоре резко осложнились и русско-турецкие отношения, и в 1806 году началась война. Но ситуация в Европе постепенно складывалась не в пользу Турции, и вследствие этого Россия более уверенно вела действия. После ряда крупных побед, Россия поспешила заключить с Османской империей мир, согласно которому Порты признавала присоединение к России Грузии и Абхазии с крепостью Сухум-кала. И вскоре России пришлось воевать с вторгшейся в ее пределы армией Наполеона в 600 тысяч человек. Война закончилась, как известно, катастрофой для Наполеона и победным маршем казаков по улицам Парижа.

Но у могущественной России все-таки не хватало сил чтобы окончательно усмирить Кавказ. И в этих условиях Александр I решает вручить Кавказ одному из самых решительных русских генералов того времени – А.П. Ермолову.

Ермолов не стал особо церемониться с горцами – он решил их всех сгрести в дальние горные ущелья, чтобы они там, как крысы в колоде, перегрызли друг друга. Для этого он задумал перенести Кавказскую военную линию до самых горловин ущелий, и всю северную часть линии заселить казаками из Центральной России. В 1822 году этот план был одобрен Александром I, и Ермолов сразу же приступил к его исполнению. От горцев, которые относились лояльно к русским, он требовал, чтобы они селились у военной линии, чтобы они находились под надзором, а остальные, несогласные с этим, вынуждены были покидать свои земли и уходить к самому подножию гор. Все это вело к тому, что балкарцы и карачаевцы, загнанные в горы еще Хромым Темирланом, так и не смогут никогда более спуститься на свои равнинные земли. Но в то время, живя у себя в глубине ущелий, они, скорее всего, и не ведали о том, что царское правительство и Ермолов, сжигая кабардинские селения, тесня их к горам, вместе с тем сжигали и будущее балкарцев и карачаевцев, обрекая их на вечную жизнь в каменных мешках.

Но царские генералы на такие мелочи внимания не обращали, они мечтали очистить плодородные кавказские земли для России и русских, и делали это вполне успешно, несмотря на протесты отдельных либерально настроенных лиц. Все эти совершенно неприкрытые меры царской России и ее жестоких генералов с целью истребления горских народов и колонизации Кавказа вызывали, естественно, протест и части феодальной верхушки горских народов, и самих горцев. Ответные действия со стороны России были всегда одинаковы – карательные экспедиции, во время проведения которых жители истреблялись, а их имущество и скот забирали войска.

Важнейшей задачей в деле окончательного покорения Кавказа Ермолов считал быстрое заселение казаками и русскими людьми из центра

России очищаемых им от горцев плодородных земель. Ис этой целью он предложил раздавать бесплатно казакам и русским переселенцам на Кавказе хорошие участки земли и помогать им обустраиваться. И этот план был одобрен правительством и императором. Согласно решению правительства, Ермолов начал щедро раздавать земли горских народов казакам и переселенцам. В то время, когда в Балкарии пахотный участок земли стоил такого количества баранов, сколько их умещалось на этом участке, рядовые казаки Кавказской линии получали по 30 десятин на душу, «старшие» – по 60 десятин, а чиновники и офицеры – по 300 десятин. А там, где земли считались не очень плодородными, доли увеличивались и составляли: для рядовых казаков и переселенцев по 50 десятин, «старшим» – по 100 десятин, офицерам и чиновникам по 400 десятин на душу. Только в 1821 году из Черниговской и Полтавской губерний на земли Кавказской линии было переселено около 16 000 человек. По всей линии росли десятки, сотни станиц, деревень и хуторов. Началось массовое освоение русскими обширных равнин Предкавказья.

Одновременно Ермолов делал все, чтобы горцы вообще перестали быть горцами, то есть, чтобы у них ничего своего не было – ни правления, ни суда, ни обычаев. Мирными, то есть лояльными к правительству горцами, управляли приставы – военные чины, суд вершили военные и чиновники, назначенные военным командованием.

Все эти грубые колониальные действия и жестокости военных вызывали недовольство не только отдельных горских феодалов, но и большей части рядовых горцев. К тому же не на один день не прекращали свою пропаганду как турецкие и иранские агенты, так и местные мусульманские экстремисты, которые разжигали в народе ненависть к неверным «гяурам-захватчикам». Их пропаганда, естественно, имела немалый успех. И вот в таких условиях постепенно разгоралось пламя всенародной борьбы народов Кавказа против грубой колонизаторской политики царизма. Все время хозяйствования Ермолова на Кавказе отмечено постоянными стычками с горцами, карательными экспедициями, которые, как отмечали даже сами некоторые царские генералы, проводились с чрезмерной жестокостью. К примеру, после нападения на линию шайки разбойников-горцев, которые угнали табун лошадей, сразу же следовала карательная экспедиция, во время проведения которой сжигались в этих окрестностях десятки аулов, забирались скот и имущество, убивались ни в чем не повинные мирные жители.

Так, в 1822 году отряд казаков сжег за Кубанью 17 аулов, отобрал у населения несколько тысяч голов скота и сжег посевы.

С особой жестокостью подавлял Ермолов сопротивление чеченцев и ингушей. Неукоснительно выполняя свой план переноса всей Кавказской линии к подошвам гор, на восточном фланге он стал двигать эту линию с Терека на Сунжу. В этом случае чеченцы были бы вынуждены жить среди казаков и русских, которых неизбежно стали бы расселять на «очи-

ценных» землях, или уйти за кордон, то есть еще дальше в горы. Русские повсюду на важных местах — у входа в ущелья, на берегах рек закладывали новые крепости. Так возникли крепости Грозная, Владикавказская, Внезапная, Бурная, Нальчикская. Малейшее сопротивление немедленно наказывалось. Так, осенью 1820 года было сожжено чеченское село Герзель-аул, весь скот был отобран, а мужчины угнаны на рубку леса, который был необходим для строительства крепостных сооружений. Выходило, что чеченцы сами же своими руками строили русские крепости, откуда им грозила смерть и порабощение. Угон мужчин на рубку леса, уничтожение сел за малейшую провинность, изъятие скота на провиант армии в окрестностях новых крепостей становилось нормой. Многие чеченцы уходили в Дагестан, и продолжали борьбу. Участились нападения на линию не только в Чечне, но и в Дагестане, в Черкесии.

Москва и ее brave генералы не могли, да и не хотели, как и двести лет назад, так и сейчас, разобраться что к чему и предложить правительству разумную программу приобщения кавказских народов к мирной жизни, которые, между прочим, испытывшие «добрососедство» и арабской мусульманской сабли, и иранский гнет, и крымский произвол, всегда тяготели к России. Практически во всех войнах России с Ираном, Турцией и Крымом, народы Кавказа в основном были на стороне России, и Россия шаг за шагом завладела всем Кавказом. Но такие генералы в прошлом, как Цицианов, Зубов, Глазенап, Булгаков, Ермолов, и такие как Грачев, Ерин, Куликов и Шаманов в наше время делали и делают своей солдафонской политикой все, чтобы восстановить народы Кавказа против России. В сущности именно такая солдафонская политика, где во главе всего ставится принцип подавления и принижения всего не русского, и привело к распаду Российской империи (СССР) в конце XX века. Такую же политику, как это ни прискорбно, проводят и сегодня российские генералы и очень к ним прислушивающееся, как и двести лет назад, правительство.

Кавказская война, которая длилась почти сто лет, велась, можно сказать, не Россией, а именно русскими генералами с народами Северного Кавказа. Именно они, слишком уж ретивые служаки, которые за несколько лет хотели поставить на колени горские народы, и спровоцировали эту войну. И правительство пошло у них на поводу, хотя многие более трезвые и умные головы даже из ближайшего окружения царя предлагали иной путь усмирения Кавказа — путь взаимопонимания, торговли и обмена духовными и природными богатствами, путь просвещения и постепенного сближения горцев и русских. Но Москва, к сожалению, никогда не любила вдаваться в тонкости мира и согласия, договоренностей и взаимообогащения со своими подвластными народами. Она всегда действовала не как родная мать, а как злая мачеха — любила по любому поводу раздавать затрещины. Ничего иного и ожидать и не приходилось — ведь ее советниками всегда были не образованные люди, а генералы, у кото-

рых главное в жизни — побеждать и покорять. Даже само слово мир для них означает совсем не то, что для всех остальных людей — для них это или торжество победы или позор поражения. И мира они хотят только одного, после победы!

И хотя балкарцы, запертые в горах, и не испытывали непосредственно на себе все жестокости, чинимые русскими генералами на Кавказе, но, надо полагать, прекрасно обо всем были осведомлены. А потому когда русские войска, сжигая все на своем пути, стали подступать и к их горам, поспешили избежать беды, приняв подданство России. С этой целью в начале 1827 года к главнокомандующему войсками на Северном Кавказе генералу Г.А. Эмануэлю в Ставрополь была послана представительная делегация балкарского народа в составе Арслан-Хаджи Жанхотова, Магомета Шакманова, Мырзакула Урусбиева и других для решения вопроса о присоединении Балкарии к России. По этому поводу первый балкарский историк Абаев в своем очерке «Балкария» пишет: «Депутация эта заявила главнокомандующему, что таубии желают присягнуть русскому «белому царю» и привести к присяге свои народы, с тем, чтобы за таубиями были сохранены их права по отношению к подвластному им населению и право их на земли, и чтобы религия и обычаи народа не были тронуты.

Главнокомандующий русской армией охотно принял предложение представителей горских племен, их присягу на верноподданничество и донес на высочайшее имя, что «старшины» (по какой-то странной ошибке таубии были названы старшинами) народов Малкъар (Балкар), Безенги, Хулам, Чегем и Баксан (Урусбий) присягнули на верноподданничество и привели к присяге свои народы... Государь повелел принять это подданство и считать присоединенными к России эти народы.

По поводу даже присоединения Балкарии к России существуют некоторые разногласия среди ученых, касающихся этого вопроса. Г. К. Азаматов и Х. И. Хутуев в своей монографии «Абаев» высказывают свое убеждение в том, что Балкария вошла в состав России еще в конце XVIII века. И в доказательство своей гипотезы говорят, что на карте Северного Кавказа конца XVIII века территория балкарцев уже отмечена как российская земля. К тому же, мол, балкарцы обращались с такой же просьбой к властям Кавказа дважды — в 1787 и в 1794 годах.

Но, во-первых, как иногда делаются карты знают все. К примеру, рассматривая заново подготовленную карту СССР после войны, где были на радость вождю отмечены и вновь приобретенные земли, вождь красным карандашом выпрямил границу, включив в состав СССР независимую Тувинскую народную Республику. А когда ему намекнули на то, что Тува является, мол, отдельной страной, то он якобы спокойно ответил, что «теперь будем одной». Так, по хотению вождя, и было потом сделано.

Так, видимо, было и здесь, какой-то ретивый картограф ли, военный ли чин не стал себя особо утруждать тем, чтобы тщательно пролинеить

границу между Кабардой, входящей в состав России, и Балкарией, как-воя в общепринятом смысле вообще не имелась, а провел ее по главному Кавказскому хребту, что было и легче, да к тому же и больше соответствовало фактическому положению дел, чем юридическое состояние вопроса. Так или иначе, но наиболее точной и к тому же юридически подтвержденной («государь повелел...») датой присоединения Балкарии к России следует считать 1827 год, а не другие годы, так как именно с этого времени начинает распространяться власть органов управления царской администрации на Балкарию. Этому свидетельствует и то, что в 1841 году среди аманатов (заложников), находящихся в Нальчикской крепости, уже имеются и дети балкарских князей — Саукал Урусбиев, Али Шакманов, Исхак Кожакоев, Умар Балкароков, Басият Баймурзов, Магомет Шаханов и Эльмырза Абаев. Дети владетелей горских народов обычно брались в заложники с тем, чтобы только что присягнувшие на верноподданничество России феодалы не вздумали вдруг нарушить свое слово. Эти дети, естественно, не были пленниками, а лишь держались в крепости, к тому же их всячески старались приучить и к грамоте, и к «русской жизни». В результате многие из них впоследствии становились чиновниками царской администрации или офицерами.

Здесь следует отметить, что спустя ровно 25 лет — зимой 1852 года даже более представительная делегация балкарского народа, в которой были 11 князей — Умар Шакманов, Чеппелеу Суюнчев, Исхак Малкаров, Джамбулат Келеметов, Шомпало Урусбиев, Исмаил Урусбиев, Кючюк Мисаков, Кайт-Мырза Айдаболов, Хамзат Джанхотов, Бекбий Абаев и Чоппа Амырханов — прибыла в Петербург и была торжественно принята царем. Делегация еще раз выразила верность балкарского народа России и высказала ряд просьб земельного и иного характера.

И эту дату — 1852 год — некоторые ученые считают временем вхождения Балкарии в состав России. Но это, конечно, не так. Скорее всего эта делегация имела лишь одну серьезную цель — добиться отвода Балкарии пастбищных земель из так называемого казенного фонда. На самом деле эти земли находились во владении кабардинских князей, и балкарцам приходилось платить ежегодную арендную плату за пользование ими. Вот и мечтали балкарские представители, чтобы царь своим повелением отвел Балкарии эти земли и таким образом избавил их от арендной платы. Предполагалось, что за эти земли кабардинским владетелям царское правительство выдаст определенную денежную компенсацию. Но вопрос этот так и не был решен, брошенный в чиновничий бездонный колодезь. Да и сами хозяева этих земель — кабардинские феодалы, итак зажатые с севера экспансией русских и потерявшие большую и лучшую часть своей территории, дорожили теперь каждой пядью и не горели особым желанием раздаривать свои земли кому-либо по чьему-то хотению. Тем более если им в другом месте не предлагали земли, которые были бы не хуже, чем эти. Но Россия завоевывала Кавказ вовсе не для того,

чтобы вновь раздавать его по кускам для решения земельного голода жителей горных ущелий, а потому просьба балкарских таубиев так и осталась без ответа, вернее — без решения. Им лишь милостиво разрешили впредь именоваться не старшинами, как их с легкой руки какого-то казачьего писаря именовали до сих пор, а таубиями, то есть горскими князьями.

Удивительно не то, что главная просьба балкарских феодалов была не удовлетворена, а то, что они еще питали такую иллюзию — что царь им поможет. Но в то же время на кого же им было еще надеяться, если даже и сам Великий Аллах, властитель Неба, не внимал их просьбам. Может быть, Николай, царь необъятных земель, поможет нам — так, наверное, думали они.

Но светлейший царь Николай, как и Великий Аллах, не внял просьбам балкарцев и не помог им.

Из истории братского карачаевского народа

8. «Фермопилы Кавказа взяты» — Карачай присоединен к России

К концу XVIII века борьба между Турцией и Россией за Кавказ резко обострилась.

В 1768 году Османская империя объявила войну России, но военные действия развернулись лишь в следующем году. Пламя войны горело на трех фронтах одновременно — на западе у Дуная, в Крыму и на Кавказе, куда русские войска пришли по просьбе Грузии.

Уже первый же год боевых действий показал начало упадка Османской империи и возросшую мощь молодой России. На западе русская армия была более профессиональной чем турецкая армия, имела превосходство в артиллерии и огне стрельном оружии. Полководец П. А. Румянцев в нескольких сражениях одержал победу над турками и обеспечил выход русских к низовьям Дуная.

Особенно блестящих успехов добился русский флот. Балтийский флот прошел Северное и Балтийское моря, прошел Атлантический океан и через Гибралтар вошел в Средиземное море. В ночь на 26 июня 1770 года турецкий флот, стоявший в Чесменской бухте, был атакован и уничтожен. Армия под командованием В. М. Долгорукова при содействии Азовской флотилии в 1771 году заняла Крым.

Турция запросила мир, но не хотела выполнять требования России о том, чтобы ее суда свободно пропускались через Дарданеллы. Весной 1773 года военные действия возобновились. Армия Румянцева форсировала Дунай. Особенно отличился А. В. Суворов, который трижды разбил турок.

10 июля 1774 года побежденная Турция вынуждена была подписать в

Ключук-Кайнарджи мирный договор. По этому договору Крым становился независимым, Кабарда перешла к России, Россия теперь могла укрепить Азов по своему усмотрению. Одновременно были ликвидированы Запорожская сечь и Запорожское казачье войско, и Россия сама непосредственно вышла к Черному морю. Началось освоение русскими плодородных земель Северного Причерноморья.

Но Турция никак с этим не хотела примириться, хотела в скором времени вернуть под свое влияние Крымское ханство. И с этой целью в мае 1775 года оказала помощь своему ставленнику Девлет-Гирею сестра на ханскую тахту в Крыму. Но Россия сумела поднять против него часть населения ханства и возвела на престол своего ставленника – Шагим-Гирея. Шагим-Гирей в 1783 году отрекся от престола и Крым мирным путем был присоединен к России.

Турция, разумеется, с этим никак не могла примириться, она все еще мечтала вернуть себе Крым и завладеть Кавказом. И с этой целью стала вести большую агитационную работу среди всех народов Северного Кавказа, чтобы настроить их против России. Повсюду по Северному Кавказу бродило в то время бесчисленное множество разных проповедников веры, которые настраивали людей против «гяурской России». Следует отметить, что нередко были случаи, когда слова этих проповедников вполне совпадали с горькими раздумьями самих жителей гор. И впрямь, как и говорили эти святые люди, русские занимали лучшие земли, строили на этих землях свои крепости и жилища, все больше и больше продвигались к горам, убивали людей и грабили села...

Неудивительно, что в таких условиях определенная часть населения Северного Кавказа, разочарованная политикой России на Кавказе, была готова выступить против нее.

Первым движением горцев Северного Кавказа против начавшейся колониальной политики царизма возглавил житель чеченского села Алды шийих Мансур. В Алды стали стекаться сторонники Мансура со всех сторон. Примкнули к нему и некоторые феодалы: кумыкский владетель Алий-Солтан, кабардинский князь Дол, осетинский алдар Дудуров и другие. Военное командование Кавказа пыталось уговорить горцев не бунтовать, но из этого ничего не вышло. Тогда в село Алды был послан отряд, но с наказом «чтобы дело сие было кончено без пролития крови». Но отряд был разбит повстанцами. Авторитет Мансура возрос. Собрав силы, Мансур попытался 15 июля 1785 года взять штурмом крепость Кизляр, но был отбит.

Стремясь поднять на борьбу против России весь Северный Кавказ, Мансур со своими сторонниками выступил в сторону Кабарды. Но у Терека был разбит. После этой неудачи от него начали уходить люди, и в первую очередь те феодалы, которые с его помощью пытались решить какие-то свои проблемы – князь Дол, Алий-Солтан, Ходжа-Муртазали и другие. Но Мансур решил продолжить борьбу, и с целью вселить в людей

надежду на победу, он усиленно стал распространять слух о том, что вот-вот на помощь к нему придут султанские войска, а пока надо, мол, держаться и призывать людей в свои ряды. Его эмиссары ездили ко всем владетелям во все концы Северного Кавказа с призывом подниматься на «священную войну». Но никто не горел желанием воевать. Да еще с Россией, которая и саму Турцию бьет. Характерен в этом плане ответ аварского хана Умма-хана: «Ты предлагаешь мне и дагестанскому народу, чтобы подобно населению подчиняющихся тебе чеченских районов, сражаться с русскими... Но известно, что подобные действия не достигнут цели и станут причиной гибели дагестанцев. Поэтому в твоём деле я не могу быть тебе союзником».

Что и говорить, достойный ответ умного правителя, который в первую очередь думает о жизнях и судьбах своих подданных, а не о чем-то ином, призрачном и туманном, которое обещает им сказочную жизнь на том свете!

Отчаявшись поднять народы Кавказа на войну с Россией, шийих Мансур запросил помилования у военного командования на Кавказе, но генерал П. С. Потемкин отказал ему в этом, потребовав безоговорочной сдачи.

Поставленный перед выбором быть расстрелянным или умереть в русской тюрьме или же продолжить борьбу, Мансур решил, естественно, продолжить борьбу.

Шийих Мансур ушел в Закубанские земли и стал усиленно вести свою пропаганду. Ему удалось склонить на свою сторону значительную часть закубанских черкесов, ногайцев, абазин, а также некоторую часть других народов Северо-Западного Кавказа. Но русские, внезапно напав на 8-тысячный отряд Мансура, полностью разгромили его.

Не возлагая более особых надежд на народы Северного Кавказа, Турция начала в 1787 году новую войну против России и направила на Кавказ 30-тысячную армию во главе с Батал-пашой. Но эта армия была разбита русскими у реки Тохтамыш близ современного города Черкесска, сам Батал-паша попал в плен. Преследуя отступающих турок, русские летом 1791 года взяли штурмом крепость Анапу, где и был взят в плен шийих Мансур. Он был отправлен в Петербург, заключен в Шлиссельбургскую крепость, где и умер спустя три года.

Турция запросила мир, который и был закреплен мирным договором в Яссах. Этот договор никаких особых выгод победителю не дал, а лишь закрепил позиции России на Кавказе.

Отошедшую навсегда к ней Правобережную Кубань Россия начала осваивать незамедлительно. В 1792 году Екатерина Великая своей особой грамотой все земли правого берега Кубани отдала «в вечное владение» Черноморскому казачьему войску, которое в свое время было создано из казаков Запорожской сечи. Через два года на Кубани уже было более 40 казачьих поселений, в которых насчитывалось около 20 тысяч человек. Центром нового казачьего края стал город Екатеринодар (Крас-

вительства — 900, 1 500 и 2 000 десятин. Султан Менгли-Гирей, пристав ногайцев — 5 000 десятин земли и ежегодную пенсию в 4 800 рублей.

В то же время правительство жестоко подавляло любое непослушание со стороны народа. Даже сам министр обороны России Барклай-де-Толли писал в 1810 году, что «экзекуции против кабардинцев и закубанцев состояли в совершенном разграблении и сожжении их жилищ». Отдельные военачальники оставили о себе печальную память среди народов Кавказа своими жестокими карательными походами против мирных жителей. Именно такую память оставил о себе А. П. Ермолов. Сменивший Ермолова генерал Паскевич был не лучше своего предшественника — в донесении министру иностранных дел Нессельроде в 1831 году он писал, что только «военная сила должна быть принята за первоначальное освоение при усмирении племен кавказских и в особенности закубанцев».

И вскоре он начал приводить в действие свои намерения. Только в результате одной карательной экспедиции в 1833–1834 гг. были уничтожены в Закубанских землях десятки сел, угнано огромное количество скота и лошадей.

В период Великой Отечественной войны наш великий вождь «всех времен и народов» «заботливый отец» Сталин, вполне возможно, воспользовался опытом Николая I, когда выдворял за один только день один из народов Северного Кавказа: в 1832 году Николай I наказал 300 семей ногайцев только за то, что они ослушались местного чиновника — приказал переселить их в Саратовскую губернию, чтобы они вскоре обрусели.

В то время царское правительство срочно готовило проект окончательного покорения кавказских народов, то есть «усмирения» Кавказа. Были разработаны несколько проектов, но в наибольшей степени из них стратегическим интересам России и народов Северного Кавказа соответствовал проект генерала Раевского. Согласно его проекту «усмирять» Кавказ следовало посредством всяческого развития дружеских отношений и торговли с народами Кавказа. Но, как это и бывает зачастую, верх взяли, «бравые» генералы и был принят проект генерала Эмануеля с незначительными поправками.

Этот план предусматривал строительство и укрепление линии крепостей от Черного до Каспийского морей, быстрое увеличение русского населения на Кавказе с «одновременным покорением карачаевцев». Наконец-то Россия добралась и до них. Добралась, потому что, хотя практически все народы Северного Кавказа уже были во власти России, но формально и Карачай, и Балкария еще не были в составе России. А Турция все еще не оставляла своих надежд вернуться на Кавказ, а потому было вполне вероятным то, что она могла использовать «независимость» Карачая в своих интересах. Россия это хорошо понимала и пока Турция «думала», она «сделала».

В октябре 1828 года отряд русских войск под командованием генерала Эмануеля, выйдя из Кисловодской крепости и преодолев перевал Гум-

баши, вступил в долину верховьев Кубани, где и располагаются основные карачаевские села — Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук. Здесь и произошла 20 октября первая и последняя битва карачаевцев с русскими, которая длилась с утра и до вечера. Победили русские, но они понесли большие потери — 164 человек убитыми и ранеными. Эти потери превышали потери русских в 1790 году генерала Германа в сражении с 30-тысячным войском Батал-паши, где потери составили 143 человека.

Но все равно храбрый генерал в своем донесении военному министру Чернышову сообщал: «Фермопилы Северного Кавказа взяты... оплот карачаевцев у подошвы Эльбруса для всех горских народов, враждебных против России... разрушен».

21 октября 1828 года у селения Карт-Джурт депутация карачаевского народа во главе с Исламом Крымшамхаловым согласилась на вхождение Карачая в состав России.

Так как карачаевцы в общем-то и не участвовали в военных действиях против России, то и в отношении Карачая не были приняты особо строгие меры.

Вскоре из Карачая были выведены войска и здесь было установлено самоуправление. А в 1841 году уже отмечалось, что карачаевцы — это «народ трудолюбивый, повинностей не несут — и совершенно спокойны». Присоединение Карачая к России объективно было событием благоприятным. С этого времени были практически прекращены постоянные конфликты с соседними народами, начался мирный обмен товарами, стала развиваться торговля, налаживается связь с Россией как в области экономики, так и в области культуры.

9. Борьба народов Северного Кавказа против колониальной политики России во главе с имамом Шамилем

Как было уже отмечено, начало XIX века ознаменовалось мощной экспансией России на Кавказе. В правительственных кругах была принята программа «кнута и пряника» – всяческого поощрения тех, кто усмирится и переходит на службу России, и безжалостного истребления тех, кто не желает покориться. Пожелания же тех, кто считал, что Кавказ следует присоединить к России мирно, путем развития просвещения, промыслов и лучшей организации управления с учетом особенностей горских народов, были отвергнуты правительством с презрительной ухмылкой: горцы и мир, горцы и просвещения были для русских генералов, делавших политику России на Кавказе, вещами совершенно не совместимыми. Для них после слова «горец» более понятно было, если б шли слова «смерть», «стереть» и «покорить», а главное – любым путем очистить земли от них и заселить казаками и русским населением.

За два года, 1825–1827 годы, на новой Кавказской линии было поселено более 2 500 казачьих дворов, а еще через два-три года на линии уже было 15 новых станиц – Ново-Георгиевская, Ессентукская, Кисловодская, Баталпашинская и другие. Все крестьяне центральных губерний России, в семьях которых на душу приходилось менее 5 десятин, имели право переселиться на Кавказ. С каждым годом на Кавказ прибывали новые и новые тысячи поселенцев. Только за 10 лет с 1840 по 1850 год – только казачье население на линии выросло почти на 100 тысяч человек.

Вместе с тем усиливался поток переселенцев из Курской, Орловской, Рязанской, Полтавской, Тамбовской и многих других губерний России и Украины. Уже в 1840 году на Кавказской линии насчитывалось более сорока поселений казенных крестьян, где было более 100 тысяч человек.

К тому же всячески поощрялось переселение помещиков вместе со своими крестьянами, которым тоже щедро раздавались земли. Повсюду с привлечением войск и местных жителей строились дороги и крепости, на месте старых крепостей, которые уже находились далеко в «тылу» русских, таких как Моздок, Кизляр, Ставрополь, Пятигорск, выросли города.

Конечно же, объективно вхождение народов Северного Кавказа в состав России создавало благоприятные условия для социально-экономического развития, так как им более не грозили бедствия войны с захватчиками, да между собой ссоры и стычки стали утихать и в скором времени, при умелом управлении, могли бы вовсе закончиться. Да, после вхождения горских народов в состав России требовалось уже не умение стрелять и махать саблями, а умение разумно управлять. К сожалению,

такого умения правителям России всегда катастрофически не хватало. В то время, когда даже сейчас Англия, уже давным-давно не являющаяся колониальной державой, все-таки продолжает помогать тем народам и странам, которые когда-то были под ее владычеством, разрешает людям из этих стран жить у себя, и даже в самом Лондоне, в России даже ее собственные граждане – нерусские считаются чужаками. А после всего того, что натворили Грачевы, Ерины и Шамановы в Чечне, все кавказцы теперь для России – сплошные «враги народа», «разбойники» которых не грех «мочить» где угодно. Из тысяч и тысяч преступников, которые, одевшись в военную форму, могут «мочить» чеченцев и грабить их имущество, до суда дошло дело только одного насильника Буданова, и то на его защиту встала вся «честная» Россия с фашистскими крестами и красным (от крови!) сталинским флагом.

И двести лет назад точно такие же ретивые генералы с расистскими замашками, как Ермолов, Цицианов, Булгаков толкнули Россию фактически к детоубийству – к войне уже с собственным народом Северного Кавказа. Именно они, своим военным кнутом жестоко избивая народы Кавказа, заставили их подняться на борьбу – на борьбу за свою поруганную честь, за обманутые надежды (сами позвали – привели сюда Россию!), за право жить и трудиться на своей земле по законам и обычаям предков.

Первыми поднялись те, коих наиболее начали притеснять генералы и чиновники, которых без всякого повода убивали и грабили разбойники в военной форме, нещадно разоряли собственные князья – приспешники генералов. Это были аварцы и чеченцы.

Знаменем борьбы стал ислам. Это было вполне естественно. Известно, что во все времена и даже сегодня (Ближний Восток, северная Ирландия, Филиппины) многие военные конфликты ведутся под знаменем религиозной борьбы. Но движение Шамиля имело более широкую основу, чем просто война с неверными – с гяурами, это была одновременно и войной против гнета и царских ставленников – местных феодалов, особенно распоясавшихся после принятия ими русского подданства, так как были всячески поощряемы и поддерживаемы всей мощью военной администрации на Кавказе.

Первым крупным предводителем поднявшихся на борьбу горцев стал Гази-Магомед, житель аварского села Гимри, вскоре провозглашенный имамом – и духовным и светским предводителем народа.

Гази-Магомед призывал народ повседневно утверждать нормы шариата, не слушаться продажных кадиев, князей и ханов и подниматься на священную борьбу за строгое соблюдение норм жизни мусульманина. Так что, в начале движение скорее всего носило антифеодалный характер, а не антирусский. Но потом, по мере борьбы с «засевшими» ханами и владельцами – ставленниками царских генералов, движение само собой переросло в войну с Россией, с ее жестокой колониальной политикой.

В 1831 году, собрав в горах значительные силы, Гази-Магомед спустился в равнину. Близ Темир-Хан-Шуры состоялась битва между отрядом русских войск под командованием генерала Бековича-Черкасского и повстанцами Гази-Магомеда. Отряд Черкасского был разбит. Гази-Магомед совершил несколько успешных рейдов то к югу — на Дербент, то на север — к Кизляру, но в 1832 году в бою за селение Гимри был убит.

Следующим имамом стал Гамзат-бей. Он более решительно расправлялся с теми местными владетелями, которые не хотели ему подчиниться. Так, овладев в 1834 году селением Хунзах, он погубил всю семью аварского хана, в живых остался лишь один малолетний мальчик — Булач-хан. Но в том же году сам был убит в мечети Хунзаха молочными братьями аварского хана.

И наконец имамом стал Шамиль, тоже уроженец аварского села Гимры, свободный крестьянин — уздень. Шамиль стал именно тем руководителем повстанцев, который сумел понять и воспринять чаяния большинства народа и направить его гнев в русло организованной борьбы с главными носителями бед народных — с жестокой колонизаторской политикой царизма и с жадностью собственных ханов, князей и разного рода владетелей.

Интересно отметить, что когда Шамиль в 1836 году осадил Хунзах, его обороной руководил тот самый Хаджи-Мурат, герой одноименной повести Льва Николаевича Толстого, он нанес Шамилю несколько чувствительных ударов и вынудил его в конце концов отступить.

Но вскоре к Шамилю присоединились повстанцы Чечни под предводительством Кибит-Магомеда и Хаджи Ташева.

Повстанцы одержали над правительственными войсками несколько побед, но осадив Хунзах, столицу аварского хана, потерпели неудачу — потеряв более сотни своих людей, Шамиль вынужден был отступить. К 1834 году движением повстанцев уже был охвачен весь нагорный Дагестан. Кавказское военное командование двинуло на Дагестан сразу два крупных отряда — генерал Головин пошел усмирять горцев южного Дагестана, а генерал Граббе — Ичкерии. В селении Ахульго на территории Дагестана генерал Граббе вынудил Шамиля сдать эту его последнюю крепость, взял его сына заложником, но самого Шамиля поймать все-таки не удалось. Он ушел в Чечню.

Генералы торжествовали победу, уверенные в том, что теперь-то с горцами-разбойниками покончено.

Но они ошибались. Впереди предстояла еще долгая и тяжелая война — Кавказ не хотел становиться на колени.

Поводом новой вспышки народного движения опять стали жестокости генералов. В частности генерала Пулло. Воспользовавшись создавшейся ситуацией, Шамиль сумел объединить разрозненные силы повстанцев и продолжить вооруженную борьбу. Летом 1840 года Шамиль разбил объединенный отряд войск генерала Клюгенау, Тарковского шамхала и

Мехтулинского хана близ селения Ишкарты, занял селение Эрпели, сжег «дом Уллубия». В том же году на сторону Шамиля перешел Хаджи-Мурат. Некоторые ученые полагают, что он поступил так, потому что был обижен кавказским военным командованием тем, что ханом Аварии был назначен не он, а Мырза-Магомед Казикумухский. И даже когда тот сам ушел с этого поста, то опять не Хаджи-Мурат стал ханом, а другой, Ахмед Мехтулинский. И сразу же между горячим, гордым и вспыльчивым Хаджи-Муратом и Ахмед-ханом отношения стали натянутыми. В результате Хаджи-Мурат был обвинен в измене и арестован, но сумел убежать.

Появление рядом с Шамилем такого популярного в Дагестане человека как Хаджи-Мурат еще более усилило притягательную силу повстанческого движения. Вскоре в руках Шамиля оказалась вся горная зона Дагестана и Чечни.

Царь был недоволен тем, что с горсткой взбунтовавшихся горцев, по его мнению, так долго не могут справиться военные генералы, он сменил главнокомандующего войсками на Кавказе и назначил на эту должность генерала М. С. Воронцова со строгим приказом «разбить скопище Шамиля».

Воронцов попытался сперва заманить Хаджи-Мурата на свою сторону всяческими обещаниями, а когда это ему не удалось, сделал предложение о мире самому Шамилю. Но и от Шамиля Воронцов получил отрицательный ответ. Тогда он выступил с сильным отрядом в сторону горного селения Дарго, где находилась резиденция Шамиля. Русские без особых осложнений добрались до Дарго, но горцы сами подожгли аул и ушли в горы. И только тогда понял князь Воронцов, что Шамиль его попросту обвел вокруг пальца — его отряд оказался в ловушке, со всех сторон окруженный небольшими летучими отрядами противника. Воронцов начал отступление под непрерывным огнем невидимого по-существу противника. Если бы не подоспевший на помощь отряд другого генерала, и самого Воронцова, и весь его отряд ждала неминуемая смерть. Но потери все равно были большие — 4 генерала, 168 офицеров и около 3 500 солдат. Но так как князь-генерал все-таки «захватил» Дарго, резиденцию самого Шамиля, то он, как и в наше время Грачев, Ерин, Шамапов и Рохлин, был награжден орденом.

Шамиль и его окружение всячески пытались поднять на борьбу с царизмом и все другие народы Северного Кавказа, но это им, по-существу, так и не удалось.

Так как война велась под знаменами ислама, Осетия автоматически выпадала из цепи горских народов, за исключением лишь западной, меньшей ее части — Дигории. К тому же в Осетии царские генералы действовали не так жестоко, как на землях «басурман», и вследствие этого народ в большинстве своем относился к власти вполне лояльно.

Шамиль возлагал особо большие надежды на Кабарду. Коли подни-

мется Кабарда, то будет совсем нетрудно поднять и остальных черкесов – так, видимо, совершенно справедливо полагал он. И с этой целью он весной 1846 года выступил в поход на Кабарду с 10-тысячным отрядом. Но ему не удалось поднять Кабарду на новую войну с Россией, к нему присоединилась лишь незначительная часть феодалов и их людей. В том же месяце Шамиль вынужден был уйти обратно в Чечню и Дагестан. И с этого времени, как отметили современники, действия Шамиля «начали быть безуспешными».

Царь щедро отблагодарил тех кабардинских князей, которые остались верными ему и оказывали всяческую помощь правительству в борьбе с освободительным движением горцев Кавказа. Правительство назначило им хорошие пожизненные пенсии, ежегодные жалования, многим были присвоены офицерские чины, раздавались ордена и подарки. Так, около 200 кабардинских дворян были награждены за отличие в военных действиях против Шамиля.

В то же время те из кабардинских князей и дворян, которые ушли с Шамилем, а их было около 40, были объявлены абреками, их подданным даровали свободу, а впоследствии все сторонники Шамиля преследовались по закону как разбойники.

Следует отметить, что Шамиль пытался поднять на борьбу с царизмом горцев Закубанья, присылая сюда своих специальных представителей в ранге наиба, то есть правителя области его государства – имамата. Первым наибом в Закубанье был Хаджи-Мухаммед, появившийся здесь в 1842 году. Он действовал довольно успешно, и число его сторонников росло быстро, но в 1845 году он умер.

Вторым наибом был Сулейман-эфенди. Но вскоре этот наиб, вместо того, чтобы организовывать набеги горцев на военную линию, сам перешел на сторону русских.

В 1848 году Шамиль направил в Закубанье своего третьего наиба – Мухаммед-Амина. Своими решительными действиями Мухаммед-Амин сумел подчинить своей власти значительную часть населения Закубанских черкесов – бжедугов, шапсугов, натухайцев, абадзехов. Но и ему не удалось поднять на борьбу с царизмом сколь-нибудь значительную часть населения, чтобы, как об этом мечтал Шамиль, с двух концов Кавказа зажать лапу хищной России, чтобы она отдернула ее...

Теперь несколько слов коротко о том, почему же действия Шамиля после отхода из Кабарды «начали быть безуспешными».

Разумеется, главная причина здесь в том, что Шамиль со своим небольшим имаматом, который охватывал всего лишь горные части Дагестана и Чечни, не мог долго противостоять мощи России, и его более или менее успешную борьбу с царизмом в течении довольно долгого времени следует объяснить лишь той ненавистью, которую из-за тупости и жестокости своих генералов завоевала Россия у народов Северного Кавказа за короткое время их жизни в ее подданстве. Горцы быстро поняли,

что царская Россия для них никогда не станет матерью, а всегда будет злой мачехой. Они хотели избавиться от нее, занять свой кров, свою страну. Вот это чувство, вот это громадное желание иметь свой дом, свою страну и было кровью и плотью всего антиколониального движения и государства, которое создал Шамиль – имамага.

Но – и это «но» повторяется повсюду на земле во все века! – Шамиль и его окружение, и в первую очередь его наибы, эти владыки областей, добравшись до власти, так сказать «из грязи пробравшись в князи», быстро заболели, если можно так выразиться, «властной лихорадкой», то есть стали владыками-мироедами не хуже тех, которых они же сами и казнили за то, что те являлись пиявками на теле трудового народа, кровопийцами. Шамиль и его наибы быстро стали сказочно богатыми людьми в своем миниатюрном бедном государстве. Сам зять Шамиля Абдурахман говорил, что наибы «подло поступали, совершали злоумышленные дела, как убийство, насильственный захват чужого имущества». Жадность и произвол наивов настолько были беспредельны, что в народе их прозвали «волками над стадом».

Известно, что Шамиль происходил не из богатой семьи, «Не знаю определенно как велико его богатство, – свидетельствовал Хаджи-Мурат, – мне известно только, что деньги его хранились в двух аулах – Карате и Ведено, слышал, что в последнем месте он имеет до 150 тысяч золотом и серебром». По словам самого же сына Шамиля Гази-Магомеда, Шамиль «передал Даниял-султану имущество, которое простирается на сумму 1 000 000 рублей серебром». Один из сподвижников Шамиля – Даниял-бек, который от русских перешел к Шамилю, а потом обратно к русским, писал, что наибы «день и ночь накапливали богатство... Теперь же они во всем похожи на самих эмиров». У наиба Шуаб-муллы, к примеру, было учтенного имущества на 30 тысяч рублей серебром, 4 тысячи баранов, 500 голов крупного рогатого скота, 60 буйволов, 35 ружей и т. д.

Видя все это, народ просто разочаровался в Шамиле, теперь уже никто не мечтал о том, что и его наибы избавят людей от гнета бывших их владык, так как блюстители «чистого ислама» сами стали кровососами не хуже прежних. Таким образом, одна из главных составляющих силы освободительного движения горцев, так сказать, «усохла». Оставался теперь только один источник силы народного движения – ненависть к России жестоких грабителей и убийц – Ермоловых, Глазенапов, Цициановых, Булгаковых и т. д.

Но иссякал и этот источник, так как иссякали надежды народа на победу: народ отдал войне всю свою молодежь, в селах остались одни старики, жизнь становилась все более и более тяжелой, невыносимой. У народа уже не было сыновей, чтобы посылать их на войну.

И в этих условиях народно-освободительное движение стало стремительно терять силы. Не помогли Шамилю и Мухаммед-Амину и действия Турции, Англии и Франции во время войны 1853–1856 годов, вся-

чески пытавшихся поднять горцев на большую войну против России – горские народы уже устали от бесконечных войн и не верили, что новой войной, новыми жертвами могут достичь чего-либо путного.

Вот почему после заключения мира между Россией и ее противниками, который был оформлен Парижским Конгрессом в 1856 году, Россия довольно быстро подавила освободительное движение горцев Северного Кавказа.

Все закончилось в августе 1859 года «Гуниб взят, Шамиль в плену и отправлен в Петербург» – так 25 августа 1859 года доносил в столицу Александру II главнокомандующий Кавказской армией генерал А. И. Барятинский.

10. Россия и Кавказ:

**Раевский предлагает мир и торговлю,
а Евдокимов – пулю и кнут. Победил Евдокимов;
как и всегда, Россия выбрала пулю и кнут**

После поражения в период борьбы против колонизаторской политики царизма и феодального гнета народы Северного Кавказа пришли в отчаяние и уныние, убедившись воочию, что им так и не удалось достичь хоть толики того, о чем они мечтали, и чего им обещали руководители восстания, поднимая их на неравную борьбу с царской Россией.

Инстинктивно горцы поняли, что им теперь не будет житья здесь на Кавказе, на своей земле, так как на этих землях хозяевами уже были не они, а царские генералы. И их самые мрачные прогнозы стали сбываться уже через год-два после пленения Шамиля. Уже в 1861 году Александр II утвердил план «освоения» предгорного Кавказа и Черноморского побережья, который предусматривал заселение этих земель казаками и переселенцами из центра России. План этот был предложен правительству новым командующим войсками Кубанской области графом Н. И. Евдокимовым. Он, как и большинство царских генералов, руководствовался только одним по отношению к горцам – любыми путями очищать от них как можно больше земель и заселять эти земли казаками и русскими переселенцами со всех губерний России. А путь здесь был только один – истреблять и изгонять горцев. Но так как после подавления восстания формальных причин для массового истребления горцев уже не было, то оставалось только одно – изгонять. Изгонять горцев и поселять казаков и переселенцев. Уж это-то Евдокимов делал с размахом. Только за три года – с 1861 по 1864 год – в прибрежных землях и в предгорьях было создано более 100 казачьих станиц с населением в 142 тысячи человек. Горцы с этих земель частью уходили в пределы Османской империи, ча-

стью – дальше в горы. К тому же власти, то есть все те же генералы, не только не уговаривали новых граждан России не уходить, оставаться на землях своих отцов и налаживать мирную жизнь, а наоборот – всячески поощряли уход горцев в Турцию. А со временем даже стали и помогать им уехать, нанимая для их перевозки пароходы, выдавая деньги на дорожные расходы.

Одновременно мощную антирусскую пропаганду вели как местные мусульманские муллы и кадии, так и турецкие эмиссары – они призывали людей уезжать из Кавказа, который оказался под пятой «гяурской» России, говорили, что в Турции им выделяют земли, помогут обустроиться.

Яркой иллюстрацией отношения властей к переселению горцев является ответ генерала Евдокимова на письмо князя Орбелиани, начальника Нахичикского округа, о том, что из округа желают выселиться 442 кабардинские семьи и в связи с этим тревожатся, что им могут последовать и еще многие другие. На это Евдокимов ответил так: «Уменьшение вредного народонаселения избавит нас от многих хлопот... Не жалеете об уходе 442 семейств, но если бы их ушло больше, так оно бы кроме удовольствия принесло бы нам еще существенную пользу». В результате такого отношения властей к этому важному вопросу только за два года из одной только Кабарды выехали в Турцию более 10 тысяч человек.

Евдокимов считал, что из Кубанской области следует выселить до 10 тысяч семей, что должно было составить не менее 100 тысяч человек, учитывая, что семьи в то время состояли из 8–12 человек в среднем. Так он мечтал вообще избавиться от «населения самого беспокойного». 21 мая 1864 года из Анапы было отправлено 2 475 семейств натухайских черкесов, а спустя неделю из Константиновского укрепления отчалили пароходы, которые увозили в Турцию около 6 тысяч шапсугов. Всего же из Северного Кавказа за неполных два года (1863–1864) переселились в Турцию более 400 тысяч человек, из них чеченцев – более 23 тысяч, кабардинцев – 17 тысяч, ногайцев – 30 тысяч, шапсугов – 165 тысяч, абадзехов – 27 тысяч, натухайцев – 45 тысяч и т. д.

Но многие тысячи уходили сами без оформления документов, а потому точное число переселившихся в Турцию определить не представляется возможным.

Уход населения Северного Кавказа и связанная с этим трагедия, когда десятки тысяч людей погибли от болезней и голода, – это полностью на совести царских генералов, жестокости которых довели людей до того, что они так легко покидали свою родину, землю своих отцов.

На чужбине, разумеется, для переселенцев райских условий жизни никто и не собирался создавать, да и возможностей таких у турецких властей не было. Но беды начинались еще за долго до «земли ислама» – на Черноморском побережье и в пути. Тиф, чесотка, лихорадка, холера свирепствовали повсюду. Вот как описывает прибытие корабля на турецкий берег очевидец тех событий: «Когда начали высаживать пассажиров,

оказалось, что они были голыми, босыми, истощенными, больными и едва полуживыми... и наконец вывезли около 46 трупов, эти черкесы умерли за одну ночь на параходе».

Но и на турецком берегу тиф и холера косили мухаджиров тысячами. Все анатолийское побережье Турции было наводнено толпами переселенцев, больных и голодных. Умирали массами.

Некоторые исследователи считают, что примерно половина всех людей, отправившихся в Турцию, погибла в пути — это около 250 тысяч человек. Но и многим добравшимся живыми до Турции тоже не повезло. Как сообщала пресса в то время, через год от прибывших в Турцию людей из Кавказа в живых осталось не более трети. К примеру, от поселившихся около Батуми 22 тысячи человек осталось в живых всего 7 тысяч, а из поселившихся у Самсуна 30 тысяч осталось только около 2 тысяч.

Многие оставшиеся в живых горцы раскаивались в своей ошибке и слезно просили царские власти разрешить им вернуться назад на родину, но большинству из них такого разрешения не давали.

Так — жестоко и безжалостно — действовала официальная Россия, Россия вояк — генералов и чиновников, Россия расистов и завоевателей. Но была и другая Россия — Россия умных генералов и трезвых государственных мужей, Россия поэтов и писателей, для которых человеческое достоинство и честь являлись природными свойствами, и, в конце концов, Россия простых хомо сапиенс — людей разумных, которые просто не понимали зачем это надо быть такими жестокими и убивать безвинных людей только за то, что они хотят жить на своей земле, по своему разумению. Таких людей, разумеется, в России наверняка было гораздо больше, чем тех, которые считали, что тем лучше, чем больше горцев будет убито или изгнано. Но власть в России традиционно принадлежит воякам-генералам и ура-патриотам, сильно пораженным вирусом шовинизма, а не просто патриотам, которые хотели бы видеть свою Родину сильной и красивой, честной и благородной, Россию-мать не только для русских чиновников, но и для всех остальных русских, которым наплевать на все эти «измы» и хотят жить в мире и спокойствии, а так же и для всех миллионов нерусских людей, волей судьбы оказавшихся ее гражданами. А потому официальная власть в России всегда холодно отклоняла все требования и предложения всех нормальных людей, в том числе генералов и ученых, политических деятелей и писателей.

Из таких людей той поры в первую очередь следует назвать генерала Н. Н. Раевского — начальника Черноморской береговой линии. Высокообразованный боевой генерал, талантливый политик, он тем не менее, будучи честным и достойным человеком, резко отрицательно относился к воровскому методу, каким Россия присоединяла Кавказ. Он считал, что народы Кавказа сами потянутся к России, если она будет стараться привлечь их на свою сторону не с помощью кнута и пули, а посредством налаживания мирной жизни и торговли. Хотя бы так, как это делали греки

более тысячи лет тому назад, создавая и продавая горцам необходимые им товары: соль, ткани, обувь, одежду, домашнюю утварь и т. д.

Раевский писал в своей записке, озаглавленной «Обозрение восточного берега Черного моря», направленной в Санкт-Петербург, что такая мирная политика «может вести к прочному их покорению, всякая другая, основанная на разорении и кровопролитии, вредна...». Другой генерал — Д. И. Милютин в записке «Мысли о средствах утверждения русского владычества на Кавказе» писал, что надо «совершенно изменить образ действия», а следовательно не действовать силой, дать возможность людям жить по своим обычаям, налаживать мирную жизнь и тем самым убедить горцев в том, что Россия желает на Кавказе мирной и спокойной жизни во имя процветания края.

Но всякие подобные предложения властимущие генералы отвергали с ходу и безоговорочно. Они считали, что Россия должна покорить Кавказ и горцев только силой оружия. Если подобные трезвые мысли высказывали даже некоторые генералы, то среди интеллигенции, писателей и поэтов, сочувствующих горцам и восхищающихся их героизмом и мужеством, было довольно много. А. С. Грибоедов назвал кавказцев «вольным и благородным народом».

Всем широко известно, что великие русские поэты А. С. Пушкин и Ю. М. Лермонтов в своих произведениях передали всю гамму чувств честных и благородных людей России к Кавказу и его жителям.

Известно, что многие декабристы были сосланы на Кавказ в надежде на то, что они найдут смерть в войне с горцами. Они вынуждены были ходить в походы, вступать в битвы с горцами, но большинство из них делали это с большой неохотой. А. А. Бестужев даже написал о горцах так: «Черт меня возьми, какие удалцы, что я готов расцеловать иного». Каким же надо быть благородным, чтобы такое заявить о противнике! Так думало большинство декабристов, а декабристы, как известно, являлись самой передовой, самой образованной прослойкой русского общества начала XIX века.

Против колониальной политики царизма и жестокостей его сатрапов-генералов резко выступали А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский и многие другие представители передовой мысли России. Все они подчеркивали, что эти жестокости и бесчинство творят царизм и его палачи, а не русский народ. «Зимний дворец — не вся Россия, даже не весь Петербург,— писал Герцен...— Другая Россия приветствует вас своими братьями, протягивает вам руку», Герцен считал Кавказскую войну тягчайшим преступлением Романовых перед русским народом.

А Чернышевский писал, что «всякая война, имеющая целью завоевание или перевес над другими нациями, не только безнравственна и бесчеловечна, но так же положительно не выгодна и вредна для народа, какими бы громкими успехами ни сопровождалась, к каким бы выгодным, по-видимому, результатам не приводила». Он исходил из того, что для

народа может быть приемлема только та война, которая ведется «для отражения врага от пределов отечества».

Н. А. Добролюбов, один из великих глашатаев демократии в России XIX века, в своей статье «О значении наших последних подвигов на Кавказе» писал, что не русский народ, а царское самодержавие осуществляет на Кавказе насилие и произвол. Он так же дает свою оценку духовной основе движения горцев, считая ее религиозный экстремизм реакционной, подвергает сомнению целесообразность чрезмерной жестокости Шамиля и его наивов по отношению к жителям подвластных им частей Дагестана и Чечни.

С большой симпатией относился к Кавказу и его народам великий русский писатель Л. Н. Толстой, сам участвовавший в Крымской войне, где, как известно, тоже решалась судьба горцев Кавказа. «Не знаю, является ли Кавказ страной вдохновенья, но он, несомненно, страна любви» — писал Толстой.

Как известно, повесть о Хаджи-Мурате писалась долго и тяжело, что писатель относился к этой теме очень серьезно. И, между прочим, не очень-то был восхищен личностью своего героя, раз он написал о нем, имея ввиду его переход на сторону русских в 1857 году: «Это был первый лихач и молодец, а сделал подлость». В своей знаменитой повести Толстой сумел показать и всю страстность горских народов Кавказа, с какой они желали свободу и боролись за нее, и в то же время жестокость как европейской деспотической власти в образе царизма, так и азиатской в образе Шамиля и он, конечно, был прав.

Итак, следует отметить, что многие высокообразованные и интеллигентные люди России резко отрицательно относились к силовым действиям царизма и его генералов на Кавказе, сочувствовали горцам, ведущим неравную, но справедливую войну. И всячески старались убедить горцев в том, что они не из той России, которая направляет на Кавказ войска, жжет жилища горцев и изгоняет их с родной земли, а из другой, которая хочет мира и спокойной жизни как народам Кавказа, так и всей России.

Но, к сожалению, официальная Россия к их голосу не прислушивалась.

11. Освобождение кулов (Отмена крепостного права)

XIX век для наиболее развитых стран мира, расположенных в Европе, был веком небывалого развития производительных сил, и в особенности — промышленности. Этому способствовало то обстоятельство, что в этих странах, если даже и сохранялась монархия, то все равно были открыты широкие возможности для хозяйственного развития, так как в них уже были крепкие буржуазные, т. е. рыночные, экономические отношения.

А Россию все еще сковывали феодально-крепостнические порядки. Царь и «маленькие царьки» — помещики — никак не хотели расставаться со своей абсолютной властью, т. е. такой властью, когда они командовали всеми сторонами общественной жизни: сами придумывали законы, сами же по этим законам судили людей, сами же были и прокурорами. Фактически в России был рабовладельческий строй типа колоната в древней Греции, в Риме или Византии. И, естественно, что страна начала быстро отставать в своем развитии от ведущих европейских стран, где уже давно были более демократические политические и экономические режимы.

Но Россия, вернее царь и его окружение, все еще жили под впечатлением «казацкого марша по Парижу», т. е. считали себя главной силой в Европе, чуть ли не стержнем всего мира. Чтобы отвлечь прогрессивно мыслящих людей и народ от тяжелых дум над непростыми житейскими проблемами самой России, решение которых невозможно было без ограничения всевластия царя, дворян и помещиков, царь и его приближенные все больше и больше занимались мировыми вопросами, где, естественно, придерживались шовинистических, имперских позиций. Россия всячески стремилась не только у себя дома, но и во всем мире установить порядок только ей одной удобный. Царь хотел быть «отцом родным» не только для России, но и для всего мира. Но мир, как это не странно, несколько этому не радовался, более того — вовсе и не желал иметь над собой такого «отца».

В таких случаях, как известно, возникают войны. Жили-поживали по соседству две империи, — два хищника — Россия и Турция. Как и всякие хищники, они были в постоянной вражде. России очень не нравилось, что Турция является хозяином морских ворот в мировой океан, оседлав Дарданеллы, да к тому же она хапнула чуть ли не пол-Европы, где живут в основном братья по крови — славяне, да братья по вере — греки. Но так как раньше Турция была гораздо старше, опытнее, а следовательно и сильнее России, то Россия скрежетала зубами, но терпела верховенство Турции и на Черном море, да в сущности и в Европе тоже. Но теперь, когда европейские страны в своем развитии резко вырывались вперед, эти два хищника — Россия и Турция, которые так и не смогли обновить общественно-политическое устройство и провести экономические реформы, чтобы открыть дорогу ускоренному развитию всего хозяйственного уклада и демократизации общества, стали отставать от своих западноевропейских соперников — Англии, Франции, Австрии, Пруссии и молодого заокеанского тигра — США. Особенно стала отставать Турция. Россия, прошедшая победным маршем по Европе в начале века, хотя и сильно отставала к середине века по обновлению и развитию общественно-экономических отношений, но все-таки еще была крепка своим военно-шовинистическим духом. И в особенности после того, как одержала победы над Ираном и Турцией в конце 30-х годов.

К середине века окрепшие хищники Европы и Россия начали между собой борьбу за раздел шкуры неубитого медведя – Османской империи, предполагалось, что дряхлеющая Османская империя в скором времени все равно развалится. И каждый из хищников хотел заранее “отмерить” свою долю.

Россия желала под свое «покровительство» заполучить всех своих младших «братушек» – славян, находившихся под пятой Турции, а заодно с ними и соседей – Молдавию и Валахию. Англия и Франция соперничали меж собой за влияние на Египет, Сирию и Палестину. Заодно они хотели подчинить своим интересам и безнадежно отставший Иран.

Видя намерение европейских держав вовсе обойтись без нее во время предварительного раздела Османской империи на сферы влияния, Россия решилась на крайнюю меру – она вознамерилась силой отнять «свой кусок шкуры» от еще живого медведя, т. е. решилась на войну с Турцией под благовидным предложением освобождения православных народов от ига мусульманской Турецкой империи.

С целью создать предлог для начала войны, царь Николай I в феврале 1856 года в ультимативной форме потребовал от Турции поставить всех православных подданных Османской империи под его покровительство. Турция, естественно, такое беспрецедентное требование России отклонила. И тогда Россия начала войну. Русские войска перешли реку Прут, служившей границей, и вторглись в Молдавию и Валахию. Соперницы России по разделу наследства от разваливающейся Османской империи не хотели, естественно, ее усиления, а потому, быстро сговорившись с Турцией, стали на ее сторону, лишь бы не пустить Россию к Дарданеллам. Они объявили войну России. Военные корабли Франции и Англии вошли в Черное море и осадили Севастополь. Австрия сосредоточила войска вблизи границ России и, угрожая войной, потребовала вывести войска из дунайских княжеств. Россия подчинилась. Австрия оккупировала эти княжества. Пруссия и Швеция тоже были против России. И в этой ситуации, несмотря на героическую оборону Севастополя черноморскими моряками во главе с прославленными адмиралами П. С. Нахимовым и В. А. Корниловым, Россия вынуждена была подписать мирный договор с Турцией.

Во время войны, в самый тяжкий ее момент, когда русские войска несколько раз безуспешно пытались прорваться на помощь осажденному Севастополю, умер (ходили слухи, что он даже застрелился) царь Николай I, и на престол вступил его старший сын Александр II.

Крымская война наглядно показала правящей верхушке России то, до чего они довели ее своим корыстным желанием не делиться властью ни с кем – ни с нарождающейся буржуазией, ни с интеллигенцией, ни тем более с народом. Эта фанатичная приверженность царя, дворян и помещиков к самодержавно-крепостническим порядкам явилась главной причиной быстрого отставания России от ведущих стран Европы по уровню

общественно-политического и экономического развития. Парусный флот России не мог противостоять паровому флоту противников, русские солдаты имели на вооружении старые гладкоствольные длинные ружья, а англичане, французы, австрийцы и даже турки – уже новые, нарезные винтовки.

Поняв, что без отмены крепостного права, без обновления всей общественно-политической системы, которые могут стать ускорителями быстрого промышленного и сельскохозяйственного развития, страна и дальше все больше и больше будет отставать в своем развитии от других великих держав, Александр II и большинство его приближенных приступили к реформам. Закон об отмене крепостного права в России был издан 19 февраля 1861 года. Известно, однако, что отмена крепостного права была для крестьян не только разорительной, но и долгой и мучительной, так как наделы земли, которые им выделялись, крестьянам приходилось выкупать у помещиков. Или же отрабатывать стоимость земли. Так что, даже спустя 10 лет, все еще в зависимости от помещиков находилось более трети крестьянских дворов.

Но даже несмотря на это, отмена крепостного права в России явилась важнейшим этапом в ее истории. Известно, что после отмены крепостного права Россия вступила на путь ускоренного экономического развития и более прогрессивного политического устройства жизни общества. Все люди страны официально становились ее равноправными гражданами. Это, разумеется, вовсе не означало, что и фактически они были равноправны. Но ведь мы и сегодня, к сожалению, не можем сказать, что все граждане России как юридически, так и в самом деле равноправны. Более того – навряд ли кто-нибудь сегодня может назвать хотя бы две страны в мире, где ее граждане действительно равноправны. Разумеется, есть страны, где принципы демократии и равноправия граждан взращиваются и лелеются долгими веками, и у них неравноправность граждан разных рас, наций и веры на первый взгляд и не заметишь. Но есть страны, которые на весь мир заявляют, что они горячие сторонники основных прав личности, провозглашенных ООН, но на самом деле ежедневно грубо нарушают права своих граждан. К таким странам, к сожалению, относится и наша страна – Россия. Никто ведь сегодня не сможет отрицать, что у нас непомерно высока коррупция во всех властных структурах, грубо, а порой очень даже жестоко ведут себя люди из правоохранительных органов по отношению к гражданам (ведь все видели по телевидению кадры, где показаны действия московской (!) милиции на рынках), продолжается неприязненное отношение государственной власти к отдельным народам страны, а отсюда – неадекватное применение силы в связи с действиями силовых структур против каких-то групп преступников из этих народов и т.д. А все это – грубое нарушение прав личности и принципа равноправия граждан страны – основополагающих правил демократии.

Но, как бы там ни было, но Россия после отмены крепостного права в 1861 году вступила в новую эру – в эру складывания и развития демократии.

Разумеется, ветры обновления и ускоренного развития, вызванные отменой крепостного права, а также достаточно прогрессивной судебной реформой и другими новыми законами, не могли не дойти рано или поздно и до окраин огромной Российской империи, в том числе и до Северного Кавказа, коренные народы которого на первом этапе реформ были признаны все еще не готовыми к обновлению.

Но вскоре, когда горские народы узнали о том, что в России произошла отмена крепостного права, и теперь «бии и кулы равны» перед законом, на Кавказе стали происходить народные волнения, направленные против всевластия ханов, беков и биев. Следует отметить, что в Балкарии и Карачае большинство народа – уздени – всегда были лично свободными людьми, а по своему сословному положению русским крепостным крестьянам соответствовали лишь только кулы и карауши. А потому в Балкарии и Карачае особых народных волнений по поводу затяжки отмены крепостного права не было. Но все равно, надо было провести реформы и на Кавказе, чтобы и эта область России могла на равных включиться в общее ускоренное развитие народного хозяйства страны. Вот почему наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич писал, обращаясь к царю Александру II: «Вопрос об освобождении зависимых сословий стал в такое положение, что было бы неблагоприятно и неосторожно откладывать его решение».

К тому же кое-где уже имелись явно тревожные признаки – определенные круги пытались недовольство народных масс слишком уж жестокими ханами и биями направить в русло антиколониальной борьбы. Этому способствовало и то, что на Северном Кавказе все еще активно действовали различные и многочисленные турецкие и мусульманские агенты, которые настраивали народ на всяческое сопротивление русским «татарским» властям, на переселение в Турцию.

В этих условиях, разумеется, откладывать более проведение земельной реформы на Кавказе было совершенно нецелесообразно.

Известно, что «главный помещик» России – царь всячески старался провести отмену крепостного права в России так, чтобы полностью были соблюдены интересы помещиков, т. е. так, чтобы дать крестьянам вольную, но земли – ни клочка. Земля, мол, принадлежит помещику. Но мощные народные выступления, в ходе которых стало ясно, что если крестьяне при освобождении будут вот так нагло обобраны, то большой беды России не миновать, заставили и царя, и помещиков согласиться на то, чтобы освобождаемые крепостные крестьяне наделялись землей.

В Балкарии и Карачае, впрочем почти как и во всем Северном Кавказе, отмена крепостного права происходила по утвержденным властями «Правилам». Согласно этим правилам, трудоспособный кул, возрастом

от 15 до 45 лет, должен был уплатить своему владельцу выкупную сумму от 180 до 200 рублей. Несовершеннолетние, до 15 лет, освобождались с уплатой выкупа по 10 рублей за каждый год возраста. К примеру, мальчик 12 лет освобождался за 120 рублей.

В связи с тем, что не все кулы имели столько денег или имущества, чтобы сразу же расплатиться с хозяевами, то многие из них продолжали оставаться у своих владельцев, чтобы отработать свою свободу. Так, годовой труд здорового мужчины оценивался от 35 до 70 рублей, женщин — от 25 до 40 рублей. Таким образом, большинству так называемых «безобрядных» холопов (т.е. не имеющих никаких прав — это жалчы и карауаши) приходилось продолжать работать еще 5–6 лет. Сразу же смогли освободиться всего 40 человек, 55 человек хозяева освободили без всякого выкупа — были и такие.

Обрядных же кулов, т.е. тех, которых можно сравнивать с крепостными крестьянами собственно русских губерний, имевших свои земли, земельные участки, скот и иное имущество, но лично зависимых от князей или узденей, было во всей Балкарии всего 360 дворов, в коих проживало 3 325 человек. Из них сразу же смогли выкупиться 2 800 человек, 450 человек остались «дорабатывать» свою свободу, 85 человек освободили без выкупа.

Хотя, если взять всю Балкарию, «холопских дворов» было не так уж и много — 360 дворов обычных кулов, называемых «обрядными» и 241 двор «безобрядных», т.е. домашних слуг, но все равно балкарские владельцы, а их было всего 76 дворов, получили от них выкупных денег и имущества на сумму 1 миллион 500 тысяч рублей.

Как известно, уздени, составляющие основную массу населения Карачая и Балкарии, были всегда лично свободными людьми, а потому все эти реформы, связанные с отменой крепостного права, их особо и не касались, если они не имели своих кулов, жалчы и карауашей.

Таким образом, если не считать небольшое количество тех сердобольных людей, которые давали своим кулам и карауашам без всякого выкупа не только личную свободу, но и помогали им наделом земли и обустройством хозяйства, кулы при освобождении были безжалостно ограблены своими бывшими владельцами. В подтверждение этого приведем только пример того, какой ценой доставалась свобода кулам в Балкарии и Карачае.

«Магомет, Адилгирей, Тавсултан Чепаловы освободили казака Давлет-Гирея с семейством; на три души этого семейства выкупа наложили: на Давлет-Гирея, жену его и старшего сына наложили выкуп 600 рублей, на каждого по 200 рублей, на дочь его 120 рублей. Срок уплаты 4 года или должны прослужить Чепаловым пять лет. Чепаловы получили 11 лошадей, 10 штук рогатого скота, 60 овец. Оставили на обзаведение хозяйством 2 коровы, лошадь, 10 овец и «саклю с домашней утварью».

Перевел (с арабского) 23 октября 1866 года хорунжий Крюков.

С подлинным верно: Начальник Кабардинского округа – полковник Нурид»

Таким образом, одна только семья Давлет-Гирея уплатила в счет выкупа Чепаловым 60 овец, 10 голов крупного рогатого скота и 11 лошадей, всего на сумму более 700 рублей..

Одновременно с отменой крепостного права на Северном Кавказе проводилась и земельная реформа. Большая часть земель была признана общественной и казенной собственностью, что позволило царской администрации раздать «пряники» – хорошие земельные наделы – своим верным слугам: горским князьям, ханам, бекам а также военным.

Так, командующий войсками Кубанской и Терской областей генерал Евдокимов, не раз утверждавший, что для горцев «большой поземельный надел положительно вреден», видимо считал, что для него это не вредно – он получил в надел более 10 тысяч десятин земли. Генерал Карцев, тот самый генерал, который предлагал искоренить преступность на Кавказе самым верным способом – очистив Кавказ от кавказцев – получил около 8 тысяч десятин, полковник Капланов-Нечев – более 5 тысяч десятин.

В Баталпашинском отделе всему карачаевскому народу было выделено 40 тысяч десятин земли по долине реки Теберды, а также между Кубанью и Кумой, в то время как всего 30-ти царским чиновникам в Екатеринодарском отделе было роздано в два раза больше земли – 80 тысяч десятин.

12. Реформы второй половины XIX века на Кавказе и жизнь горцев

Отмена крепостного права в России во второй половине XIX века вполне закономерно всеми историками считается одним из величайших событий в истории страны. И это действительно так. Но, как бы ослепленные сиянием этого грандиозного события, многие иногда не обращают должного внимания и на остальные меры, предпринятые в то время в России с целью снять с нее сковывающие ее естественное развитие цепи старых порядков крепостнического духа, хотя многие из этих мер, как и отмена крепостного права, стали основой будущего быстрого развития.

Так, немаловажное значение для дальнейшего развития начал гражданского общества и принципов всеобщей демократии в стране, а особенно на Северном Кавказе, имели также административная, судебная и военная реформы. Ведь надо иметь ввиду то, что до этих реформ коренные народы Северного Кавказа считались как бы только что завоеванными народами, а потому, как и всегда, они управлялись большей частью не гражданской администрацией, а военными чиновниками. А после ре-

форм 60–70 годов, балкарцы и карачаевцы, как и все горцы Северного Кавказа, становились, по крайней мере формально, как и сейчас, равноправными гражданами Российской империи.

Весь Северный Кавказ был поделен в административном отношении на три части – Ставропольскую губернию, Кубанскую и Терскую области. Ставропольская губерния и Терская область выходили к Каспию – настолько они тогда были большими. Отдельной областью был Дагестан. Области делились на округа. Карачаевцы оказались в Эльбруском, Зеленчукском округах и Баталпащинском уезде Кубанской области. Балкарцы оказались в Георгиевском округе Терской области, так был переименован Кабардинский округ. Округа делились на участки, участки – на сельские общества. Начальники областей, округов и участков назначались соответствующей вышестоящей царской администрацией.

Всем Кавказом управлял наместник царя на Кавказе, которого балкарцы и карачаевцы называли «окарым патчах», что значит «наполовину царь» (дословно – пол-царя).

Раньше сельской общиной в Балкарии и Карачае управляли старшины, назначаемые военными властями округов из числа местных князей или же зажиточных узденей.

В результате административной реформы, согласно «Положению об аульных обществах в горском населении Кубанской и Терской областях и их общественном управлении», старшины и их помощники теперь должны были избираться на сельских сходах. Сельские сходы, кроме того, решали все вопросы, связанные с экономической и общественной жизнью жителей данной сельской общины: земельные и имущественные споры, о строительстве общественных дорог, оросительных систем, мостов и т. д.

Несмотря на то, что, согласно «Положению», старшиной сельской общины мог стать любой взрослый дееспособный человек вне зависимости от того князь он или уздень, или даже бывший кул, богат или беден, но на самом деле старшинами по-прежнему избирались в основном люди из княжеского сословия. Точно так же как сейчас президентом России может быть избран, согласно закону, любой гражданин страны, но им никак невозможно стать, коли ты не свой человек для тех, кто сейчас находится у руля власти. А власть в России, как известно, и после реформ все еще оставалась в руках царя, помещиков и прочей феодальной верхушки.

Самой последовательной оказалась, как отмечают историки, судебная реформа. После этой реформы все граждане страны перед законом стали юридически равноправными, отменялись сословные суды и повсеместно вводились единообразные судебные учреждения. Судебные заседания стали проводиться с участием заинтересованных сторон для защиты в суде своих интересов. Суды стали открытыми, отчеты о них публиковались в печати. Тяжущиеся стороны для отстаивания своих интересов могли нанимать адвокатов-присяжных поверенных, которые имели хорошее юридическое образование и не состояли на казенной службе.

Первым присяжным поверенным среди карачаевцев и балкарцев был, кстати, Басият Абаевич Шаханов, который закончил в свое время Военно-юридическую академию и работал присяжным поверенным во Владикавказе.

Но в целом, как и все реформы 60–70 годов, судебная реформа тоже была несколько половинчатой и все еще оставалась под влиянием административной власти. Так, политические дела зачастую рассматривались без присяжных заседателей, даже после оправдательного приговора к оппозиционным политическим деятелям применялись репрессивные административные меры, преступления царских чиновников рассматривались не в общих судах и т. д.

Нововведения коснулись также и образования. Началось создание сети народных училищ, наряду с классическими гимназиями открылись и реальные училища, где больше внимания уделялось прикладным наукам. Устав 1863 года для высших учебных заведений вводил частичную автономию университетов – выборность ректоров и деканов, расширение прав профессоров.

Несколько облегчилось положение и печати. От предварительной цензуры освобождались книги объемом свыше 10 авторских листов и даже некоторые столичные периодические издания – правда, по особому ходатайству.

В военной области тоже были введены некоторые новые порядки: сокращался срок службы, отменялись телесные наказания, а чуть позже, в 1874 году, вводилась всеобщая военная обязанность и срок службы сокращался до 6–7 лет. Если вспомнить, что раньше, согласно рекрутскому набору, помещики отправляли на службу крестьянских сыновей сроком на 20–25 лет, то нетрудно отметить, что этот закон значительно облегчал жизнь крестьян – основной части населения страны.

Но, как это ни покажется парадоксальным, от этих в общем-то прогрессивных мер простые горцы никакого особого облегчения в своей жизни не почувствовали. Наоборот, жизнь их еще более осложнилась, а кое в чем проблем стало даже еще больше, чем раньше. К примеру, ранее балкарцы и карачаевцы, как и другие горцы Кавказа, были не военнообязанными. Они участвовали в войнах и служили в армии исключительно в добровольном порядке. Теперь же, как и все подданные царя, стали военнообязанными. Но по закону они могли и не служить, тогда они должны были платить так называемый «военный налог», налог за то, что они освобождались от военной повинности, равный 2 рублям 33 копейкам. Кроме того горцам, как и остальным жителям страны, теперь полагалось платить и подымную подать, которая доходила до 5 рублей с «дыма», т. е. с одного двора. Ко всему этому жители должны были вносить свою долю платы на содержание окружного суда, работников сельской администрации, и другие сборы на общественные нужды. В среднем с каждого двора теперь «обновленная» Россия собирала около 10 рублей разнообразных налогов.

Но как бы то ни было, конечно же, реформы второй половины XIX века в России вывели ее на более высокий уровень общественно-политических и социально-экономических отношений, что не замедлило сказаться благоприятно на всех сторонах жизни государства. Нет надобности здесь рассказывать о том, что хорошо всем известно из обычной школьной программы по истории – о быстром росте промышленности, транспорта, сельского хозяйства, о небывалом оживлении общественно-политического сознания всех слоев российского общества, о быстром развитии науки и культуры. Россия, лишь только слегка почувствовала ослабление феодально-самодержавных вожжей своих правителей, так сразу же ринулась по пути прогресса, преодолевая за один только год такие масштабы работ, на которые европейские страны тратили десятилетия и века.

Какой бы окраиной России ни был Северный Кавказ, но ветры перемен никак не могли обойти стороной и его, так как отныне он стал неотъемлемой ее частью. К тому же уже многие мыслящие и знающие толк в делах люди стали понимать, что в совсем недалеком будущем юг России, Северный Кавказ станут важнейшими сельскохозяйственными и промышленными районами страны, а потому многие промышленники и фабриканты, и просто энергичные люди устремились на юг, на Кавказ. Так, за последние три десятилетия население Северного Кавказа выросло более чем в 2 раза и к 1897 году составило 5 миллионов человек. Увеличение численности населения происходило в основном за счет приезжих из центральных областей России...

И власти, и заводчики с фабрикантами прекрасно понимали, что без хорошо развитой современной системы транспорта и дорог о каком-либо серьезном развитии всего комплекса народного хозяйства не может быть и речи. И главное здесь – это строительство железной дороги, которая должна соединить Северный Кавказ с Центром страны. И как можно быстрее. Ближайшей железнодорожной станцией был Ростов-на-Дону. Было решено строить железную дорогу от Ростова до Владикавказа. Так как в акционерном «Обществе Ростово-Владикавказской железной дороги» контрольный пакет акций принадлежал государству, то и дорогу спроектировали так, как хотелось государству. А так как и тогда, и всегда в России интересы военных были превыше всего, то и эта дорога была спроектирована так, что она отвечала всем желаниям военных – железная дорога от Ростова напрямую приводила (войска, конечно, когда надо будет) к стратегическому перевалу в Закавказье – к Дарьялу, завладеть которым мечтали военные всех времен и народов, оказывавшиеся около. Это, конечно, так, но в мирное время дорога все-таки будет служить благому делу – во имя процветания края. Дорога была построена в рекордно короткий срок – всего за 3 года: в июле 1875 года она была открыта.

Еще до конца века ее ответвления соединили почти все крупные города Кавказа с центром России – это ветки на Новороссийск, Минеральные Воды, Ставрополь, Петровск, Царицын и другие места.

Акционерное общество Владикавказской железной дороги было крупной экономической единицей на юге России, этому обществу принадлежали двести станций депо, мастерские и иные предприятия. К концу века, к слову, Новороссийский морской порт, который тоже принадлежал Владикавказской железной дороге, был лучшим портом России того времени. Там же имелся и крупный в Европе элеватор.

Таким образом, Владикавказская железная дорога, по сути, стала мощным катализатором всеобщего ускоренного развития всего северокавказского региона. Хотя, казалось бы, что для горцев Балкарии и Карачая она вроде бы никакого отношения и не имела. Но это не так. Зачатки товарного производства, давно тлевшие в недрах горских сел из-за трудных условий взаимодействия с соседними народами и в целом с окружающим миром, получили дополнительную подпитку в результате строительства как Владикавказской железной дороги, так и собственных колесных дорог с гор на равнину.

Медленно, но и горные села Балкарии и Карачая год за годом все больше и больше включались в общероссийский рынок. В горах, где казалось бы ничего особого и не происходит, и жизнь течет как и сотни лет назад, на самом деле происходили большие перемены.

Княжеские семьи, непривыкшие к хозяйственной инициативе и смекалке, быстро теряли свой скот и главное свое богатство – земли. И скот, и земли сосредотачивались в руках умелых и инициативных хозяев из среды узденей и даже кулов. Так, к началу XX века более 90 % княжеских земель оказались проданными.

В Балкарии XX век в более или менее относительно благополучии встречали лишь несколько княжеских семей Жанхотовых и Айдаболовых из Большой Балкарии, Шакмановых и Балкоруковых из Хулама и Безенги, Келеметовых из Чегема и Урусбиевых из Баксана. Многие десятки княжеских семей в своей жизни уже ничем не отличались от простых узденских семей скромного достатка.

В то же время быстро обогащалась часть простых узденей и недавних кулов, которые отличались хозяйской хваткой, трудолюбием и сметливостью. Но не только за счет выгодных сделок, а и за счет более прогрессивной организации труда и производства. Улучшались породы скота, совершенствовались приемы труда. Все большее и большее вовлечение крестьянских хозяйств в общероссийский рынок требовал как увеличения количества скота, так и изделий традиционных народных промыслов. Мода на верхнюю одежду кавказского производства – на бурки, черкески и башлыки захватывала все новые слои общества – теперь не только простые казаки, а даже сам император считал своей парадной формой именно кавказскую форму одежды. Спрос на высококачественные бурки, домотканного сукна на черкески, башлыки рос из года в год. Увеличивалось количество продаваемых карачаевцами и балкарцами скота. А это, естественно, вело к общему увеличению поголовья скота.

Так, в 1866 году в Балкарии насчитывалось 15 тысяч голов крупного рогатого скота, более 118 тысяч овец и около 3 300 лошадей. Это на 1 455 дворов Балкарии. Значит, на каждый двор приходилось более 10 голов крупного рогатого скота, около 82 баранов и более 2 лошадей. Через 30 лет, к 1897 году в Балкарии уже было более 46 тысяч голов крупного рогатого скота, около 224 тысяч овец и более 6 тысяч лошадей. Дворов в это время в Балкарии было 2 200. Как видно, население выросло примерно на треть, а количество скота: крупного рогатого скота в 3 раза, овец – примерно в 2 раза и лошадей – в 3 раза.

Сравнивая уровень состояния животноводства в Балкарии с другими местами Терской области, Н. П. Тульчинский определяет, что балкарцы «имеют больше скота против Грозненского округа в 1,7 раза, Владикавказского – в 3,4 раза, Хасавюртовского – в 3,3 раза и Кабарды – в 3,5 раза; лошадей против Грозненского округа в 4,4 раза, Владикавказского – в 2 раза, Хасавюртовского – в 2 раза и Кабарды – одинаково».

Такое же положение было примерно и в Карачае, где разводили овец и лошадей прекрасной карачаевской породы.

Но в то же время следует отметить все большее расслоение горцев на бедных и богатых. Так, в горах имелись дворы, где не было даже одной коровы и одной лошади. Хотя следует отметить и то, что в хозяйстве горцев среднего и более скромного достатка в качестве вьючного скота обычно употреблялись мулы и ослы, а не лошади. Лошадь в основном использовали для верховой езды.

Эти цифры свидетельствуют о том, что, несмотря на тяжелые природные условия места проживания балкарцев и карачаевцев, эти трудолюбивые горцы жили не в такой уж бедности, как утверждали советские историки. Просто – времена были другие, и уровень жизни был другой. А так, по сравнению с соседними народами, а тем более с положением основной массы населения страны, карачаевцы и балкарцы жили вовсе не бедно.

Тема жизни и быта горцев во второй половине XIX века в балкарской литературе

13. Спор. Случай на сенокосе. Тёре. Отрывки из романа Магомета Кучинаева «Большая Балкария»

СПОР

... Утром Ахмат оседлал коня и поехал в селение Косфарты, где находилось правление Балкарского общества – так называется Большая Балкария на официальном казенном языке. С тех пор как Крым стал старши-

ной, он раза три заикался на сельских сходах, пытаясь уговорить общество построить новое здание правления если уж не в самом своем селении Ышканты, то хотя бы где-нибудь поближе – в Сауту или в Четет-эле. Говорил, что здание правления уже обветшало, вот-вот рухнет, да и тесновато оно, но сход каждый раз отвечал ему неодобрительным молчанием. Кому, спрашивается, нужны лишние хлопоты-заботы? «Еще этого не хватало – каждому новому старшине около его дома новое здание для правления строить!» – такие после сходов обычно слышались разговоры; они, видимо, доходили и до самого Крыма, а потому он в последнее время по этому поводу и не проявлял особого рвения. А заодно и к службе – приходит на работу поздно, чуть-ли ни к обеду, частенько бывает в отъездах, и не всегда по службе.

Так и есть – когда Ахмат подъехал к правлению, Крыма еще не было. А писарь Василий и не знал, по какому это поводу старшина вызвал Ахмата.

В горских селениях людей, знающих русскую грамоту, можно по пальцам перечесть, да и те в основном князья и их дети. И идти в писари не хотят – не княжеское, мол, это дело, быть как бы прислутой при ком-то. Поэтому-то и приходится приглашать писаря с долины, как говорят горцы, то есть со слободы Налычик или с низинных сел. Обычно это – русские люди, хорошо владеющие грамотой и делопроизводством. С ними общество заключает договоры на определенный срок, где подробно оговариваются условия оплаты и проживания. Из денег общества, к примеру, Большая Балкария ежегодно выплачивает Василию 260 рублей. Василий – казак со станицы Ново-Ивановка, лет сорока. Балкарцы постоянно уговаривают его – чего, мол, мучаешься, привези семью, выделим участок, соберем изеу, как водится, построим дом и будешь жить спокойно. На что Василий каждый раз сокрушенно отвечает: «Шо с бабой зобишь – не хоче она, пропасти боится». Вот и сейчас, неспешно беседуя с Василием о житье-бытье, Ахмат дожидается Крыма.

Вскороности подъехал и Крым. Поздоровались, и Крым пригласил Ахмата в свой кабинет. Как и всегда, Крым был опрятно одет – чепкен из дорогого синего сукна, до блеска начищенные сапоги, блестящие погоны корнета. Когда Крым садился за свой массивный стол, то он оказывался как раз под большим портретом царя в парадной форме, и тогда как бы сама собой приходила в голову мысль – вот они вдвоем, два царя: тот, большой царь, он царь Большой России, а этот, Крым – царь Большой Балкарии...

Как и положено, взаимно пораспросили о здоровье стариков и детей, о житье-бытье. Потом Крым спросил:

- Ахмат, в Ирци-Башы вы еще не послали косерей?
- Нет пока. Собираемся на днях.
- Тогда нашу сторону не трогайте, хорошо?
- Почему же, алан? – крайне удивился Ахмат.

– Ты извини, но мы уже приготовили ваши деньги, хотим расплатиться и вернуть свои земли – они нам очень нужны, крупный рогатый скот негде держать, собираемся там ферму построить.

Крым, ясное дело, лукавил – земли у Карабиевых много, и никакую ферму они в долине Ирци-Башы строить не собираются, потому что у них есть лучшие пастбища и сенокосы поближе к селу. Все гораздо проще – после отмены крепостного права все кинулись обогащаться, разводили скот, тут-то и обнаружилось, что земли-то в твоей хваленной Большой Балкарии с гулькин нос, и цены на нее поднялись многократно. Вот и все. Продать, скорее всего, хотят. Сегодня за эту землю, хоть так отдашь, меньше двух-трех тысяч не получишь. А Мусуковым упустить эту землю из рук никак нельзя – половина долины Ирци-Башы не прокормит находящихся сейчас там отары и скот. Но что поделать – никто не имеет право не возвращать имущество, отданное в бегенду, коль вернули долг. Еще никогда и нигде такого не было – чтобы попытаться, вопреки обычаю, не возвратить взятую в бегенду землю. Думая обо всем этом, Ахмат не знал что и сказать.

– Придете вечером и заберете свои деньги, – сказал Крым.

– Хорошо, – машинально ответил Ахмат, а сам лихорадочно искал выхода – неужели же нет никакого повода, чтобы не возвращать, оставить у себя эти земли? И нашел-таки повод. Прекрасный, черт побери, повод! И даже совсем и не повод, а очень даже справедливая и важная причина. Почему же об этом он, Ахмат, сразу, не подумал, не догадался?

– Сколько же денег вы приготовили, Крым – спросил он спокойно, словно вроде бы так, от нечего делать.

– Все.

– Сколько это – все?

Крым улыбнулся:

– Разбогател, ты, Ахмат – даже счет своему имуществу уже не знаешь. Но ничего в этом плохого нет, все свое добро вы накопили честным трудом – пользуйтесь на здоровье!

– Спасибо.

– Отец твой, наверное, помнит, Ахмат. Мы ведь брали тысячу рублей – забыл, что-ли?

– Нет, не забыл, Крым. Значит, вы приготовили тысячу рублей, чтобы отдать нам, так?

– А сколько же? Не две тысячи же рублей? – удивился Крым.

– Нет, не две тысячи, а две тысячи пятьсот, Крым, – спокойно и совершенно серьезно ответил Ахмат.

Нет, Крым не разыгрывал, он действительно растерялся, не знал что и сказать – неужели Ахмат все это говорит серьезно, в своем ли он уме?!

– Мне не понятно твое удивление, Крым. Неужели ты забыл, как мы давали эту тысячу рублей?

– Как это – как давали? Дали, наверное, и все. И отец сказал: «Пока не

вернем долг держите в бегенде наши земли в Ирци-Башы». А чтобы вернуть земли, находящиеся в бегенде, надо отдать в два раза больше, чем брали – об этом, друг мой, я до сих пор не слышал, – ответил Крым, уже немного приходя в себя после шока и начиная злиться.

– Ты совершенно прав, Крым. Я этого и не требую. И если даже я и сказал бы такое – это было бы не по обычаю. Я говорю совершенно другое – верните нам долг сполна, не меньше. Вот и все. Разве это неправильно, не по обычаю?

– Мы брали у вас в долг тысячу рублей. Вечером можешь прийти и забрать тысячу рублей.

– Спасибо, но тысяча сегодняшних рублей не та тысяча, которую мы вам давали. Я хорошо помню – чтобы дать вам эту тысячу рублей, нам пришлось продать тогда пятьсот овец. Тогда одна овца стоила два рубля. С тех пор деньги обесценились. Сегодня овца стоит пять рублей. Итак, Крым, хочешь – возвращай нам пятьсот овец, хочешь – плати деньгами. Нам все равно. На твое добро я не зарюсь, пользуйся на здоровье, но запомни: не обижайся, но мы не такие дураки, чтобы тят-ляп и упустили богатство, нажитое годами напряженного труда, сквозь пальцы в воду.

– Подожди, подожди, ты что, все это – вполне серьезно?

– Оллахий-билляхий, вполне серьезно, Крым.

– Оллахий, это просто удивительно! Кто о таком слышал – чтобы отказались возвратить землю, отданную в бегенду?!..

– Зачем так, Крым? Я же не сказал, что мы отказываемся возвращать вашу землю. Я просто говорю – верните ваш долг сполна. Что здесь странного?

– И это все, что ты можешь сказать?

– Все.

– Хорошо, раз так. Тогда, Ахмат, не обижайся, но у меня тоже деньги не валяются под ногами.

– Что тут обижаться, Крым. У кого они валяются под ногами? Оллахий, у нас тоже не валяются.

– Значит – нам миром не разойтись, говоришь?

– Почему же?

– А потому, что ты не прав, не туда гнешь.

– Почему же не прав, Крым? Очень даже прав.

– Ну – ладно. Поговорим тогда в другом месте. А на нашей земле косябу не начинайте. Понятно?

– На чужой земле мы никогда сено не заготавливаем, Крым.

– Пока тѐре не разрешит этот спор, на нашу землю не лезьте. Деньги готовы, хотите – заберите сегодня же, хотите – после решения тѐре, это ваше дело. Но до тех пор, пока тѐре не разрешит спор между нами, на нашей земле не заготавливаете сено.

– Не обессудь, Крым, но когда мне начинать сенокос я могу определить и сам без твоего совета. А тѐре – что? Разрешит спор справедливо – спасибо ему, нет – на этом ведь дело не закончится.

– Охо! Может быть ты хочешь, чтобы сам царь занялся твоим делом?!

– Мы же, кажется, находимся под его рукой, почему бы ему и не заняться нашим делом. Если хочешь – я дойду и до самого Аллаха, если надо будет, но добро свое в реку бросать не буду. Если тебе больше сказать нечего, не обессудь, мне пустыми разговорами время проводить не хотелось бы, – и с этим Ахмат встал, собираясь уходить.

Крым весь так и вспыхнул от злости, но что поделать – прошли, давно прошли времена, когда князья были настоящими князьями. Теперь кто силен – тот и князь. А Ахмат несколько не слабее Крыма, хотя тот и старшина, если даже и не сильнее. Крым и Ахмат, если их поставить рядом и посмотреть, похожи на стареющего, но все еще сильного волкодава и на щенка, рослого вроде бы, но с которого еще толку мало, их бывает, держат в коше одновременно – к тому времени, через год-второй, когда окончательно состарится бывалый друг чабанов, подрастет, наберет силу и этот неуклюжий кутенок. Крым, сегодня, конечно, сильнее Ахмата – и богатством ему не уступит, да и сам, что ни говори, из княжеского сословия, да и старшина, вся Большая Балкария, можно сказать, у него под рукой. Но со временам ему не расти, сил не набираться – в доме, кроме него самого, нет ни одного радивого, толкового мужчины, а раз так, то богатству дома особо не расти. Князь? Что толку с того, что ты князь теперь, после отмены крепостного права? Так себе, право на какую-то браваду в кабаке – я, мол, князь, а ты-то кто? Старшина? Иди и спроси – кого в следующие выборы посадит народ на эту должность. Вот пошла жизнь: в следующий раз народ сам будет выбирать старшину! И этот Исмаил из Асланбиевых откуда взялся некстати...

– Иди. Но я тебя предупреждаю, Ахмат – знай меру. Через три-четыре дня я пошлю косарей. Если ты будешь чинить им препятствия – смотри!

– Пусть приходят, если они мужчины! – ответил Ахмат и ушел, даже не попрощавшись.

А Крым так и остался стоять посреди своего кабинета, в ярости от бессильной злобы.

СЛУЧАЙ НА СЕНОКОСЕ

На четвертый день к полудню, когда стали копнить, снизу, со стороны села, появились, наконец-то, люди, человек десять, с косами да с вилами. Было ясно, что их послал Крым для заготовки сена здесь, на Ирци-Башы. Это были Хаким из Черкесовых, Конак из Заманкуловых, Мухажир из Сокуровых с сыновьями, да Кадыров Гитче. Увидев, что на землях, где они по договоренности с Крымом должны были заготавливать для него сено, уже работают люди Мусуковых, прибывшие были удивлены и озадачены.

После обмена приветствиями, они сообщили, что Крым нанял их для заготовки сена именно здесь, на Ирци-Башы.

— Крым ведь сказал нам, что они уплатили долги и вернули себе эти земли и вот, мол, надо срочно заняться косьбой, а то перестоит трава. И так нас торопил...— недоуменно рассказывали они.

— Если Крым уже вернул себе свои земли, тогда зачем же привел нас сюда Ахмат? Как вы думаете? — спросил Ако.

В это время и подъехали Ахмат с братьями. Как и водится, они, спешившись, поздоровались с работниками Крыма и спросили, что, мол, им здесь нужно? Те, естественно, отвечают, что их послал сюда Крым, заготавливать сено.

— С Крымом дело не закончено, бегендные деньги мы еще не взяли, потому что Крым пытался не сполна вернуть нам свой долг. А потому возникли споры. Так что — зря пришли, попусту потратили время.

— Аллах, Аллах! На что это похоже?! — только и воскликнул Конак Заманкулов в крайнем изумлении.

— Не тратьте попусту время, возвращайтесь домой — вот вам мой совет, — сказал Ахмат.

На Ирци-Башы — стоянка Мусуковых: здесь и ферма, коши чабанов и косарей. И любой человек, кто бы он ни был, прибывший сюда, по горским обычаям считается гостем и ему следует оказать соответствующие почести, по крайней мере пригласить в кош, предложить айран, угощение. А Ахмат, в азарте борьбы с Крымом, забыл об этом, нарушил горский этикет — он не только не пригласил своих односельчан в кош, но, попросту говоря, стал гнать их вон, не думая хотя бы о том, что они несколько часов были в пути, утомлены и им следует хоть присесть, передохнуть. Этой своей бестактностью Ахмат хотел, видимо, проучить Крыма, но получилось так, что он обидел, оскорбил ни в чем не повинных людей. И они, естественно, были недовольны, что и прозвучало в словах старшего сына Хакима Черкесова — Османа:

— Мы не малые дети, чтобы туда-сюда бегать. Скоро и Крым сам подъедет, тогда и решим, что нам делать, — сказал он.

— Приедет Крым или не приедет — это никакого значения не имеет, вам все равно придется возвращаться назад. Так что, зря вы задерживаете нас от работы — лучше бы шли себе домой, — ответил Ахмат.

— Уйдем ли, нет ли — какое тебе до этого дело? — не выдержал и Гитче Кадыров. — Сюда нас послал Крым, и как это, интересно, мы можем уйти, не дождавшись его!

— Перестаньте, аланы! Что говорить без толку? Пусть приедет Крым, пусть они с Ахматом уладят свои отношения, и тогда выяснится, что делать и нам. Правильно говорю, Ако? — примирительно обратился Мухажир Сокуров к одному из старших среди работников Мусуковых, стараясь предотвратить нарастающую напряженность между сторонами из-за необдуманных слов.

– Совершенно правильно. Пусть Ахмат с Крымом поговорят и выяснят свои отношения, – согласился с ним и Ако.

– Приедет – поговорим, а пока что, Солтан, возьми джигитов и продолжайте дело – мы не можем попусту тратить время, дожидаясь, когда это пожалует сюда Крым.

Не понравилась Солтану эта чрезмерная резкость старшего брата, но он, конечно, ничего не сказал, и вместе с джигитами вернулся к работе – они вновь стали копнить. Но работа особо не спорилась – все напряженно ожидали приезда Крыма и тревожно поглядывали вниз, откуда тот и должен был появиться.

Вот, наконец-то, вдали показались четверо всадников. Когда они приблизились, оказалось, что это сам Крым, два его младших брата – Таубий и Сарыбий и сын его шурина Алийбек. Так как внимание всех было обращено к ним, к Крыму и его спутникам, то никто и не заметил всадников, подъехавших с противоположной стороны. А это были чабаны с Мусуковских кошев. И те, и другие подъехали одновременно.

Как только подъехали, Крым, даже не сходя с коня, обратился к Мухажир Сокурову:

– Чего стоите, Мухажир. Я, кажется, посылал вас сюда не болтать, а сено заготовливать!

Эх, Крым, Крым! Ты, оказывается, так и не понял сути перемен, не усвоил новые законы и порядки, никак не можешь усмирить свою гордыню – как же ты забыл, что перед тобой уже не кулы твои, а свободные люди? Зря ты, спешившись, как положено по обычаю, не поздоровался с людьми, ведь среди них есть и постарше тебя. Нравится тебе или не нравится, но пора бы тебе усвоить – теперь все народные обычаи и порядки обязательны уже для всех, в том числе и для тебя. Тебе, конечно, больше нравится разговаривать со всеми, как и раньше, не сходя с коня, подчеркивая этим свое превосходство, но это уже не по праву не только узденям, но и вчерашним твоим кулам!

– Не обессудь, Крым, но сюда мы пришли не ваши тяжбы разбирать, а заготовливать сено, как и договорились, – ответил с достоинством Мухажир. – Если у тебя есть земля, где косить – покажи, а если нет – то зачем ты нас сюда прислал?

И это – Мухажир! Тот самый Мухажир, у которого полон двор внуков, что кормятся с рук Крыма – ведь Мухажир и его сыновья арендуют отару овец у него, у Крыма.

– Ахмат, разве я тебя не предупреждал, чтобы ты не косил на нашей земле? – сердито, словно к провинившемуся племяннику, обратился Крым к Ахмату.

– Здесь есть люди и помоложе, и постарше тебя – может, сойдешь с коня, Крым, потом и поговорим. Мы ведь тоже на этот свет появились не из заборной щели, – сказал Ахмат, не отвечая на вопрос Крыма.

– Я сюда приехал не в твоей родословной разбираться. Спасибо ска-

жи, коль я с тобой разговариваю даже не сходя с коня — не такого уж ты благородного происхождения. Я тебя спрашиваю — почему ты так поступил?

— А мог бы и не полениться, сойти с коня, когда с людьми разговариваешь, — сказал Ахмат и, — кто бы мог подумать, что он так поступит?! — одним рывком сбросил Крыма с коня.

И пошла кутерьма — братья Крыма и Алийбек, кто прямо с коня, кто прыгнув на землю, бросились на Ахмата с плетками. Увидев такое, кинулись и братья Ахмата. И с той, и с другой стороны в потасовку начали ввязываться и джигиты. Первым присоединился к драке работник Мусуковых Токлу. Он, схватив Алийбека за шкуру, так его отбросил в сторону, что тот, отлетев на несколько шагов, раза два перевернулся. Видя такое, не выдержали и джигиты со стороны Карабиевых — Гитче Кадыров и Аскербий Сокуров, разом набросившись, одолели таки могучего Токлу, подмяли его под себя. И все это произошло в мгновение ока.

Кто по-старше, конечно, тут же, заклиная дерущихся именем Аллаха, стали их разнимать. И джигиты, что более сознательные, стали им помогать — они, схватив в охапки то одного, то другого, оттащивали их в разные стороны. И вдруг раздался душераздирающий вопль: «Ой, мама!» Глянули — Мусуков Солтан обеими руками держится за голову, а Алийбек стоит рядом с большим камнем в руке. И вдруг меж пальцев Солтана показалась кровь. Братья кинулись к Солтану. Воспользовавшись этим обстоятельством, и стар и млад, встав стеной, разделили Мусуковых и Карабиевых друг от друга, чтобы предотвратить еще большую беду и кровопролитие. А Алийбека, посадив на коня, двое джигитов тотчас же увели с глаз долой. Быстро подтащили сено и, слегка приподняв голову, уложили Солтана. Лицо его было бледным.

Но, слава Аллаху, рана, наверное, оказалась не тяжелой — вскоре кровь остановилась. Но он вдруг неожиданно весь покрылся холодным потом, ослабел, руки его безжизненно упали, и голова, что покоилась на ладонях братьев, стала тяжелой. Братья, побледнев, схватились за кинжалы, но все, кто находился рядом, держали их крепко.

— Держите себя в руках! Не дурите! — закричал Солтан Киштиков. — Не видите, что-ли — он просто потерял сознание! Принесите воду!

Таулан мигом поднес воду, Каншау намочил ладонь и погладил лицо Солтана. Вскоре стало заметно, что тот приходит в сознание. Каншау смыл кровь с лица и рук Солтана, осторожно прижимая полотенце, осушил лицо и рану. Вот, наконец, Солтан открыл глаза и оглядел окружающих, словно спрашивая — что, мол, произошло, чего это вы столпились? А потом даже попытался приподняться, но со всех сторон потянулись к нему руки, принуждая лежать.

— Лежи спокойно. Тебе нельзя сейчас вставать, — громко сказал Солтан Киштиков.

Вскоре Солтан справился настолько, что его не стали удерживать — он

поднялся, ополоснул лицо. Когда Солтан потерял сознание, все были настолько перепуганы, что теперь, когда опасения за его жизнь уже позади, и на их глазах он сам ходит и разговаривает – все облегченно вздохнули. Словно все, что случилось – было чепухой, несущественно. По большому счету, конечно, так оно и есть – жив человек, не умер, и это – главное. А ведь, не дай Бог, дело могло кончиться и похуже. А из-за чего – спрашивается? Из-за мирской суеты, из-за богатства. Стоило в этой глупой потасовке пролиться капле крови, как тут же, кажется, все отрезвели, одумались, раскаялись в том, что произошло, поняли, что нет ничего на свете дороже человеческой жизни.

И даже Крым теперь в растерянности – он не знает что сказать, что делать. Да и Мусуковы, как бы они не посматривали иногда хмуро в сторону Карабиевых, и они, видимо, не способны перешагнуть через пределы разумного – тут же кинуться на них с обнаженными кинжалами.

– Скажи им – пусть убираются с глаз моих долой, пусть не испытывают мое терпение, – сказал Ахмат Солтану Киштикову. – Пусть тѐре решит наше дело. Завтра, скажи, я буду в селе.

Солтан подошел к Карабиевым и обменялся с ними двумя-тремя фразами. Крым и его спутники тут же сели на коней и уехали. А вслед за ними двинулись и нанятые Крымом работники, ругая его на чем свет стоит.

ТѐРЕ

На площади у Большой мечети сегодня народу необыкновенно много. Считается, что намаз, совершаемый в мечети, нежели дома, есть большее благодеяние, а потому старики, особо не обремененные делами, обещанный намаз обычно стремятся провести в мечети. А сегодня, добравшись наконец до дверей мечети, они останавливаются в изумлении – двери дома Аллаха почему-то закрыты! И даже тогда, когда один из джигитов, стоящих у дверей, громко говорит:

– Аксакал, сегодня для совершения намаза вам надо пройти в медресе – в мечети заседает тѐре, – делают вид, что не расслышали и вновь спрашивают:

– Что, что?

– Тѐре заседает, тѐре! – еще громче повторяет джигит.

– Аллах, Аллах! Что случилось? Какое дело рассматривают?

– Произошел спор из-за земли между Карабиевыми и Мусуковыми – вот и собрались по этому делу.

– О чем, о чем?

– Из-за земли, говорю!

– Из-за земли? – вновь переспрашивает старик, и, как бы говоря, что, мол, здесь интересного, из-за земли всегда бывают споры, медленно плетется в медресе, что пристроено сбоку к мечети.

А тѣре заседает уже довольно долго. Народ Большой Балкарии избирает состав тѣре каждые два года – из самых мудрых, самых справедливых людей, на совесть и порядочность которых может положиться каждый. Хотя в тѣре избираются пятнадцать человек, но заседают всегда только семеро. Таматой тѣре является Ахмат-хаджи из Мисировых. Сегодня по правую руку от него сидят Науруз из Аланбиевых, Осман из Сабировых и Ануар из Мамаевых, а по левую руку – Юсуп из Джанибековых, Деует из Казаковых и Геурге из Кюйгеновых. Члены тѣре расположились у михреба на возвышении, все сидят на подушках, разложенных на коврах, а спорящие стороны и их свидетели – сидят прямо на кийизах в большом зале, где обычно народ совершает намаз.

Открывая заседание тѣре, как и положено по обычаю, со словами: «Бисмилляхий, рахман рахим!» Ахмат-хаджи взял в руки куран и произнес клятву:

– Клянусь именем Великого Аллаха и святостью этого курана, не отступая от истины и не стремясь ущемить интересы ни той, ни этой стороны, рассмотреть спор между Крымом из Карабиевых и Ахматом из Мусуковых и вынести по этому делу справедливое решение.

После этого он передал куран Наурузу из Аланбиевых. И тот, произнося клятву, передал священную книгу сидящему рядом Осману из Сабировых. Когда все члены тѣре поклялись именем Аллаха и кураном вершить справедливый суд, святая книга вернулась вновь к Ахмат-хаджи.

– Да начнем мы свое дело в добрый час! – сказал тамата тѣре – Крым из Карабиевых!

Крым встал и подошел к судьям.

– Среди людей тѣре есть ли человек, близкий к Мусуковым, которому ты можешь не доверять?

– Нет – я всем вам доверяю. Все мы знаем, что Осман – шурин Ахмата, но я верю, что и он будет справедлив. Я верю, что он ценит имя великого Аллаха и святость курана выше, чем призрачное богатство этого бренного мира и родственные связи.

За эти несколько дней, прошедших после стычки в Ирци-Башы, Крым все-таки набрался немного ума-разума – усмирил-таки чуть-чуть свою гордыню: ведь он очень хотел бы видеть на месте Османа другого человека, но прямо об этом не заявил. Понял, наверное, что это даже может навредить ему – ведь своим недоверием к одному из членов тѣре он мог вызвать к себе неприязнь остальных. Обдумав все это, он, видимо, и решил произнести хвалебные слова в адрес Османа, тем самым он надеялся расположить к себе и других членов тѣре, да и Осману рот заткнуть этим кляпом-похвалой. Но, кажется, никто и не заметил этого тонкого хода Крыма.

– Хорошо, тогда возьми куран в руки.

Крым, как истинный мусульманин, протянув обе руки, взял куран.

– Поклянись, что на вопросы тѣре будешь отвечать правдиво и искренне.

– Клянусь великим Аллахом и святостью этого курана – на вопросы тѣре буду отвечать правдиво и искренне.

– Хорошо. Скажи тогда – в чем существо спора между вами, в чем обида?

– И спор, и обида по одной и той же причине. Ахмат из Мусуковых, в нарушение всех наших обычаев, отказался взять деньги, которые мы им были должны, и не хочет возвращать нам нашу землю, отданную в бегенду. Вместо тысячи рублей он потребовал две тысячи пятьсот рублей.

– Почему?

– Я думаю, на этот вопрос лучше ответить самому Ахмату.

– Вы еще не уладили спор, и в то же время Ахмат нанимает косарей, ведет их в Ирци-Башы, и ты делаешь то же самое. В результате – драка, пролилась кровь. Зачем вы так поступили? Зачем, не разрешив спор миром, по-хорошему, вы оба осознанно шли к ссоре?

– Согласно обычаю нашего народа, в тот же день, когда возвращается долг, отданное в бегенду имущество должно быть возвращено своему хозяину. Сосчитав рубль в рубль, мы предложили Мусуковым деньги. После этого, посчитал я, наша земля вновь уже наша. А так как была самая пора сенокоса – не пропадать же добру! – нанял и послал туда косарей. Задолго до этого, когда косарей Ахмата там еще и в помине не было, я говорил Ахмату, что собираюсь послать людей для заготовки сена в Ирци-Башы.

– И что же он тогда сказал?

– Пусть только появятся – так он тогда пригрозил.

– Значит, чувствуя, что дело идет не к добру, ты все-таки привел туда людей. Считаешь ли ты, что поступил правильно?

– Считаю, что поступил правильно. Земля наша. Я тоже мужчина, ношу шапку – и играть со своей честью никому не позволю.

– Хорошо, – сказал Ахмат-хаджи и обратился к членам тѣре: – Кто хочет спросить?

– Скажи, Крым, там, в Ирци-Башы, с чего началась драка? – спросил Науруз из Аланбиевых.

– Когда мы разговаривали, Ахмат неожиданно подошел ко мне и скинул с коня – с того все и началось.

– Значит, когда вы разговаривали, ты был верхом?

– Да.

– Ты видел кого-нибудь из Мусуковых, кто бы схватился за кинжал? – а это спросил Ануар из Мамасвых.

– К чему неправда – такое я не заметил, Ануар.

– Что ты можешь сказать по поводу того, что Алийбек ударил камнем по голове Солтана?

– Что тут говорить – проявил легкомыслие, он не прав. Но, слава Аллаху, рана оказалась не опасной.

– Кто еще хочет спросить? – обратился Ахмат-хаджи к судьям.

– Я хотел спросить, – обратился Осман из Сабировых к Крыму.

– Спроси, спроси, – сказал тамата төре.

– Скажи, Крым, с тобой были два твоих брата и Алийбек, так?

– Да.

– Они собирались косить, заготавливать сено?

Крым так посмотрел на Османа – что тебе, Карабиевы холопы, что ли? – говорил его взгляд.

– Нет. Они не из тех, кто заготавливает сено. Они были со мной – просто так.

– Если ни у кого больше нет вопросов, Крым, ты можешь сесть.

Крым вернулся на свое место. Он не сомневался в своей победе. И на суд төре, и на вопросы эти он относился как к общепринятой формальности, обычаю, ритуалу, что надо непременно исполнить – не более.

– Ахмат из Мусуковых! – вызвал тамата, и Ахмат подошел к положенному месту. Да, он не так наряден и не так красив, как Крым из Карабиевых, но одет хорошо и со вкусом. Под черным чепкеном рубашка из зеленого кашимира застегнута на все пуговицы – воротник, кажется, немного жмет, но Ахмат на это никакого внимания не обращает. И тонкий горский ремень, и язычки его богато украшены серебром, как и кинжал. До блеска начищены и его ноговицы.

Как и положено по обычаю, Ахмат тоже поклялся говорить правду. После этого стали расспрашивать и его.

– Правда ли, что вы, Мусуковы, десять лет тому назад дали в долг Карабиевым тысячу рублей и за это взяли в бегенду их земли в Ирци-Башы.

– Да, это так, и вы знаете об этом.

– Правда ли то, что говорит Крым? Он якобы предложил тебе забрать ваши деньги и вернуть им земли?

– Да, он говорит правду.

– Тогда, не обессудь, Ахмат, я хочу спросить.

– Спрашивай, хаджи, я отвечу.

– Ты знаешь о том, что земля, переданная в бегенду не считается проданной, а является залогом, когда берут в долг деньги, скот или какое-нибудь другое имущество и в тот же день, когда взятые в долг деньги, скот или другое имущество возвращено хозяину, тот обязан вернуть землю прежнему владельцу – и все это обычай нашего народа?

– Знаю, хаджи.

– Тогда откуда эти споры?

– Крым не хочет вернуть сполна свой долг – вот отсюда и споры.

– Как это так?! Он же говорит – сосчитав рубль в рубль, готов отдать вам деньги?

– Правду говорит. Он предложил это.
– Но в чем же тогда дело?
– Позволь, хаджи, задать мне тебе один вопрос.
– Спрашивай.
– Прошу тебя – вспомни: сколько стоил десять лет тому назад один хороший баран?

– Два с полтиной – три рубля. А что?
– А сегодня такой же баран сколько стоит?

Тамата тёре только сейчас, когда Ахмат задал второй свой вопрос, понял, к чему тот все клонит, но не ответить на вопрос он не мог – ведь сам же разрешил спросить.

– Говорят, пять рублей стоит.

– И я слышал, что так, хаджи. И знаю, что так. Десять лет назад, когда нам надо было заиметь эту тысячу рублей, чтобы отдать Карабиевым, мы продали человеку по имени Мырзакул из Дигории 500 баранов. Об этом знают многие. Отец Крыма Хаждаут, слава Аллаху, жив-здоров, если говорю неправду, пусть плюнет мне в лицо. Так вот, он тогда сказал: «Навряд ли теперь мы будем нуждаться в этой земле, если нам неслышанно не повезет, так получается – мы как бы продаем ее, а потому было бы хорошо, если бы вы нашли еще двести пятьдесят рублей и купили бы по закону, без всяких формальностей». Но тогда у нас просто не было денег, а то не пожалели бы. И так – чтобы отдать Карабиевым тысячу рублей, мы продали 500 баранов. Если они вернут нам это наше имущество – земля возвращается им. По другому, сами подумайте, – мы понесем убытки. А если хотят, пусть вместо скота возвращают нам его стоимость. Тогда получается – 500 баранов по пять рублей – две тысячи пятьсот рублей. Да убережет нас Аллах от притязания на чужое добро! Но ведь и мы не так легко копили то, что имеем, что бы вот так, в одно мгновенье, выбросить в воду часть своего добра.

– Хорошо. Значит, твое окончательное слово таково?

– Да.

Ахмат-хаджи вновь обратился к членам тёре:

– У кого есть вопросы – спрашивайте.

– Ахмат, Крым говорит, что драка началась из-за того, что ты сбросил его с коня – это правда?

– Нет. Он говорит неправду. Все началось из-за того, что он разговаривал с нами свысока, оскорбляя нас.

– Как?

– Я ему предложил – Крым, здесь есть люди и по-моложе тебя, и постарше, сойди с коня, поговорим. Но он заявил – я, мол, князь, а вы кто такие, спасибо скажите, коль я с вами говорю и не сходя с коня! Вот тогда я и не выдержал.

– А сейчас как ты смотришь на свой поступок? Не кажется ли тебе, что ты был опрометчив?

– Нет. Наоборот – я сожалею, что ограничился только этим.

Крым в ярости вскочил со своего места, но родственники утихомирили, усадили его обратно.

– Перед тѐре, тем более в мечети, освещенном именем самого Великого Аллаха, нельзя произносить неприличествующие слова, если даже перед тобой твой кровный враг, Ахмат, – сделал замечание тамата тѐре.

– Прошу прощения, хаджи, но я искренне отвечал на заданный мне вопрос.

– Что с Солтаном, рана тяжелая? – спросил Ануар из Мамаевых.

– Чепуха! Голова пробита, теряет сознание, да и лежит до сих пор в постели – а так ничего страшного, – сострил в ответ Ахмат, и многие, в том числе и члены тѐре, невесело улыбнулись.

– У кого еще есть вопросы? – вновь обратился хаджи к своим товарищам.

Вопросов больше ни у кого не было, и Ахмату тоже разрешили сесть на свое место. Потом перед тѐре предстали свидетели – Ако из Карабашевых, Шарау из Моллаевых, Солтан из Кишпиковых, Мухажир из Сокуровых, Хаким из Черкесовых, Конак из Заманкуловых. Их рассказы дополнили показания Крыма и Ахмата и помогли судьям составить общую достоверную картину происшедшего в Ирци-Башы скандала с дракой.

После этого всех пригласили выйти – тѐре оставался на совещание для определения своего решения. Когда члены тѐре остались одни, один из джигитов, стоявших у дверей, вошел внутрь и обратился к тамате:

– Хаджи, уже полдень – может, пообедаете, а потом уж сядете совещаться?

– Хорошо, джигит. Сейчас совершим полуденный намаз, а потом можешь и приниматься за свое дело.

– Ладно, – ответил джигит и вышел.

Этот джигит был одним из ближайших соседей Карабиевых. Обычай таков – если не случится неслыханное, убийство, скажем, землетрясение, или что-нибудь подобное, тѐре, пока не вынесет решение, не расходится. Поэтому положено обеспечивать едой членов тѐре и в обед, и после окончания совещания. Еду готовят поочередно в тех домах, спор которых рассматривает тѐре. Обед принесли из дома Карабиевых. Как бы там ни было, народ уважает своих судей, не остается перед ними в долгу. За разбирательство каждого дела всем членам тѐре, принимавшим участие в заседании, из денег мечети выдается по три рубля.

Члены тѐре по-двое, по-трое выходили из мечети, тут же, на траве во дворе, как и положено перед намазом, совершали омовение, и вновь возвращались во внутрь. Они проходят туда-сюда, не заговаривая и даже не здороваясь с теми людьми, что соскакивают с каменной ограды или встают, если сидели на траве, приветствуя их. Так положено – пока тѐре не вынесет своего решения его члены не имеют право с кем-либо заговаривать. Лишь тамата тѐре может говорить по делам, касающимся как членов тѐре, так и сегодняшнего заседания.

Через некоторое время, когда завершился полуденный намаз, двери мечети приоткрылись и Ахмат-хаджи сказал джигиту:

– Выполняй свою работу, сын мой.

Тотчас же несколько джигитов бросились исполнять свои обязанности – они мигом разостлали перед членами тѐре большую скатерть и в мгновение ока на ней появились большие чаши с вареным мясом, с хлебом, чаши по-меньше с шурпой, и совсем маленькие – с тузлуком. Исполнив все, что от них требовалось, джигиты вышли, прикрыв за собою двери.

Не прошло, кажется, и получаса – дверь вновь приоткрылась и хаджи сказал:

– Джигиты, соберите утварь. Передайте, Хаждаууту – да будет он богатым и уважаемым.

– Хорошо, хаджи. И вам – на здоровье! – ответили джигиты и вновь быстро все убрали.

Двери мечети закрылись. Теперь жди – когда они откроются. Никто этого не знает. Даже и сами люди из тѐре. Хорошо, коль сразу придут к согласию, а если начнут меж собой спорить – и до вечернего намаза могут просидеть. Чаще всего они довольно скоро приходят к согласию. Но бывает, что задерживаются и допоздна. К слову, в прошлом году, когда рассматривался спор между Аскербиевыми и батраками, дело затянулось так, что даже к вечернему намазу еле успели. А как пойдут дела на этот раз – кто его знает?

Нетерпеливо дожидаются решения тѐре Карабиевы и Мусуковы, сгрупповавшись в разных концах мечетѐвской площади. А праздный люд, которого привело сюда одно лишь любопытство – как же, интересно, закончится это дело? – не морочит себе голову тревожными размышлениями, как люди из враждующих сторон, держится обособленно от тех и других. Одни сидят на каменной ограде, другие развалились на лужайке, третьи вскарабкались на громадные, вросшие в землю валуны – и все они беззаботно болтают, шутят, смеются.

Сегодня, конечно, в тѐре споры разгорелись не на шутку, а то давно бы закончили. Кое-кто из Карабиевых и Мусуковых, многие из любопытствующих давно уже успели, наспех пообедав, вернуться к мечети. Солнце уже огибает Кюннгом-гору – скоро и скроется.

И чем дольше тянется заседание тѐре, тем беспокойнее становится на душе у Крыма. Если б дела обстояли так, как сперва предполагал он, то тѐре давно уж вынес бы решение. Видимо, мнения судей разошлись. Кто же, интересно, пошел против него, Крыма? Вот беда – сколько не старайся, не узнать это никому и до конца света... О спорах во время заседания тѐре не только рассказывать и расспрашивать, но и заикнуться никогда никто не посмеет. Не положено – и все. Табу на веки вечные. Людям положено знать только решение тѐре – и они узнают, это сообщается всем. А кто с кем спорил, на чьей стороне был – об этом никому, кроме самих судей, знать не положено. Никто и не узнает, потому что,

хоть повесть, но члены тёре нигде ничего не скажут. А как же иначе? Коль по другому будет – тёре, считай, уже нет.

А Мусуков Ахмат и его люди с течением времени все больше и больше верят в то, что из этой затеи все-таки выйдет толк. Ахмат уже давно приготовил ужин для членов тёре, еда доставлена в один из ближайших к мечети домов. Ждут, все ждут, когда же распахнутся двери мечети.

Когда многие уже устали ждать и по-двое, по-трое начали расходиться, наконец дверь открылась и Ахмат-хаджи спросил:

– Крым из Карабиевых и Ахмат из Мусуковых здесь?

– Здесь, здесь – куда им деться, – ответили ближние.

Карабиевы и Мусуковы вошли в мечеть. Остальные приготовились слушать решение тёре у открытых дверей. Крым и Ахмат подошли и стали перед членами суда. Ахмат-хаджи из Мисировых встал и начал оглашать решение.

– Тёре Большой Балкарии, рассмотрев спор между Крымом из Карабиевых и Ахматом из Мусуковых, решил:

Первое. Крым из Карабиевых, если хочет вернуть себе землю, отданную в бегенду, должен дать Мусуковым две тысячи рублей или 500 баранов. Если же он это не сделает и земля останется у Мусуковых, то пусть Мусуковы дополнительно дадут Карабиевым еще 500 рублей. Если земля останется у Мусуковых, в дальнейшем эту землю считать проданной и по этому поводу споры не должны быть.

Второе. Алийбек из Аскербиевых виновен в том, что нанес Солтану из Мусуковых телесное повреждение, в результате чего пролилась кровь. Чтобы из-за этого в дальнейшем между двумя этими родами не возникла вражда, Алийбек из Аскербиевых обязан примириться с Солтаном из Мусуковых. Для чего Тохтамыш из Аскербиевых и Крым из Карабиевых должны пойти в дом Мусуковых, подарить им в искупление вины коня-трехлетку и пожатием руки подтвердить свою волю к добрым отношениям в дальнейшем. После этого между этими родами не должно быть каких-либо враждебных поступков и действий.

Огласив решение тёре, Ахмат-хаджи пригласил Крыма и Ахмата подписать документы. Оба подошли к хаджи, Крым подписался, а Ахмат приложил к бумагам фамильный перстень. Тамата тёре вручил каждому из них по одному экземпляру решения, а один экземпляр оставил в тёре. После этого он обратился к Крыму и Ахмату:

– Таково решение тёре. Согласитесь с ним, уважите наши обычаи – спасибо. Если же кто-то из вас не согласен – то он волен по своему усмотрению обратиться в Нальчикский окружной шериатский суд или к властям. В этом ничего предосудительного нет – это ваше личное дело.

Сообщив это, он спросил:

– Крым, ты согласен с решением тёре?

– Хотя в душе я и не согласен с ним, но против решения своего народа не пойду – я выполню его.

— А ты согласен, Ахмат?

— Согласен, только я не понял откуда взялись эти 500 рублей. Но если вы так решили — пусть так и будет.

— Помнишь, ты сообщил о том, что Хаждаут сказал так: «Навряд ли теперь мы сможем вернуть себе эту землю, так что, получается — мы как бы продаем ее, а потому было бы хорошо, если бы вы дали еще двести пятьдесят рублей»? Тогда, видимо, земля стоила столько. Как ты сам говоришь, бараны стоят теперь вдвое дороже, значит — деньги обесценились в два раза. Раз так, то ты тоже вместо тех 250 рублей должен дать 500. Так решил төре.

— Раз төре решил — так тому и быть. Куда нам деваться — мы тоже ведь в селе живем.

— Ну что ж — давайте тогда, как хорошие джигиты, относитесь друг к другу уважительно, живите с добром. Да поможет вам Аллах!

И в тот же вечер по всей Большой Балкарии разнеслась невероятная весть — Ахмат из Мусуковых, говорят, был в төре, победил Крыма из Карабиевых и отобрал у него земли в Ирци-Башы. Не было человека, который бы не удивился этому событию. Еще бы — кто это слышал до сих пор, что простой уздень сбросил князя с коня, поколотил его как следует и вместо того, чтобы отправиться за это в далекую Сибирь, пошел в суд, победил в споре и отобрал у него еще и землю?!

1. Наш славянский Адам был бы иметь благотворное влияние на магический мир...

XIX век является важным этапом в истории балкарского народа. В этот период в Балкарии происходили значительные изменения, которые оказали огромное влияние на дальнейшее развитие этого народа. В XIX веке Балкария была частью Российской империи, и это привело к ряду важных событий, которые изменили жизнь балкарского народа. В этот период в Балкарии происходили значительные изменения, которые оказали огромное влияние на дальнейшее развитие этого народа. В XIX веке Балкария была частью Российской империи, и это привело к ряду важных событий, которые изменили жизнь балкарского народа.

5 Часть

Наша задача в этой части — рассмотреть влияние XIX века на балкарский народ. Мы рассмотрим, как изменилась жизнь балкарского народа в этот период, и какие события оказали наибольшее влияние на его развитие.

XIX ВЕК – ВЕК БАЛКАРСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

В XIX веке Балкария переживает период возрождения и просвещения. В этот период в Балкарии происходили значительные изменения, которые оказали огромное влияние на дальнейшее развитие этого народа. В XIX веке Балкария была частью Российской империи, и это привело к ряду важных событий, которые изменили жизнь балкарского народа. В этот период в Балкарии происходили значительные изменения, которые оказали огромное влияние на дальнейшее развитие этого народа.

1. «Шаг, сделанный Абаевым, будет иметь благотворное влияние на магометанский мир...»

XIX век поистине можно считать веком карачаево-балкарского Возрождения и Просвещения. Так как именно в этом веке карачаевцы и балкарцы стали широко известны как два родственных народа, живущих в самом центре Кавказа у Эльбруса, и именно в это время наши народы вновь стали приобщаться к знаниям и цивилизации. И мы вполне можем сказать — именно к XIX веку из разрозненных жалких групп аланов после темирлановского побоища в ущельях к востоку от Эльбруса спустя 400 лет возродился новый народ — балкарцы, а к западу от Эльбруса другой народ аланского происхождения — карачаевцы. Итак, если считать началом карачаевского и балкарского народов их аланских предков, то этим народам исполнилось по 2 000 лет — с первого века нашей эры, со времени появления на Кавказе аланов. Если же возраст этих народов вести лишь со времени гибели Алании и начала складывания на основе уцелевших в горах аланов балкарцев и карачаевцев как самостоятельных народов, то мы, пожалуй, будем самыми молодыми нациями на свете — нам будет всего-навсего по 600 лет.

Ничего постыдного в том нет, что наши народы будут такими молодыми. И вообще — молодость, как известно, не порок. Нам будет стыдно не оттого, что мы молоды, а оттого, если, не дай бог, у нас будет много плохих людей — пьяниц, наркоманов, воров, лентяев, хулиганов и т.д.

Так что, наши народы одновременно могут праздновать два больших праздника через каждые 25 лет, начиная с 2025 года — в 2025 году исполнится 2025 лет со «дня рождения «отцов и матерей» балкарцев и карачаевцев — аланов, и 625 лет — самим балкарцам и карачаевцам. Через 25 лет — 2050 лет Алании, и 650 лет Балкарии и Карачаю.

Итак, XIX век Малкар (Балкария) и Карачай — сыновья гордой красавицы Алании — как два брата-близнеца встретили возродившимися из пепла не только в смысле физическом — подростками, уже именуемыми народами, а не жалкими сбродом нищих погорельцев, как их называли после Хромого Темирлана европейские и арабские путешественники, но и в смысле духовном — XIX век стал для Балкарии и Карачая веком Просвещения. Именно в XIX веке появились в Балкарии и Карачае люди с хорошим образованием, познавшие свет знаний и постаравшиеся сделать все, чтобы и их народы могли бы приобщиться к свету цивилизации.

Кто же они, эти наши Прометеи, которые впервые зажгли в горах костры просвещения, вокруг которых потом стали отогревать свои души десятки, сотни и тысячи их соплеменников.

Как и у всех народов, первыми учеными и просветителями у карачаевцев и балкарцев тоже были люди из высшего сословья — из княжеских семей.

Из поколения начала века – это Асланбек Абаев, отец известного талантливому скрипача Султанбека Абаева и первой просветительницы среди горских народов Северного Кавказа профессора Ханифы Абаевой-Меликовой.

Родился Асланбек Абаев в семье бия Конака Абаева в 1812 году в селении Кюннм Большой Балкарии. В 1822 году он был отправлен государственным аманатом (заложником) в Георгиевск, где вместе с ним содержались в аманатах еще шестеро детей балкарских биев со всех ущелий. Это, кроме Асланбека Абаева, Жанхот Айдаболов, Гиргок Мисаков (Большая Балкария) Муса Шакманов (Хулам), Шамахо (?) Сюйюнчев (Безенги), Келемет Балкаруков (Чегем) и Гиргок Урусбиев (Баксан). Вот те балкарцы, которые, как нам официально известно, стали впервые читать и писать на русском языке, через который мы и по сей день приобщаемся к мировой цивилизации, опять же через этот язык вносим свою лепту в мировую культуру и науку. Из них мы уделим особое внимание лишь Асланбеку Абаеву, как человеку, которого мы вправе назвать отцом балкарского Просвещения, потому что именно с него пошла «мода» в Балкарии знать русскую грамоту и быть русским служащим, кем, естественно, никто не мог стать, если был неграмотным.

Эта «мода» на грамотных людей в Балкарии и Карачае как раз совпала с окончанием завоевания Россией Кавказа и началом приобщения верхов покоренных народов к управлению их подданными. Так что, обстоятельства для начала просвещения складывались вроде бы хорошие, но, что касается собственно балкарцев, то у них положение несколько осложнялось тем, что их желание учиться должно было одобряться начальником Нальчикского округа, чего не всегда удавалось добиваться, так как еще надо было выделять деньги за обучение. Так, даже такой заслуженный человек, как Мисост Абаев, долгое время служивший верой и правдой в администрации Кавказской и Терской областей, не смог добиться стипендии, чтобы послать учиться своих дочерей. Не смог, как известно, из-за того, что администрация Кабардинского округа перестала оплачивать учебу, закончить консерваторию и Султанбек Абаев – его отчислили за неуплату всего за несколько месяцев до выпуска. Чего уж тогда говорить о других людях, коли даже дети князей не могли учиться из-за нехватки средств у их родителей. Наверное, вопреки расхожему утверждению советских историков и писателей о том, что таубии, т. е. балкарские и карачаевские князья, жирели, эксплуатируя трудовые массы горцев, и имели тысячные отары овец, косяки лошадей и гурты крупного рогатого скота, многие из них были не только богаты, но еле сводили концы с концами и не находили денег то на учебу детей, то на уплату долга, а то и просто калыма в 300 рублей серебром. И это представители самых знатных родов – Абаевых, Барасбиевых, Сюйюнчевых и т. д.

В марте 1824 года время нахождения Асланбека в аманатах закончилось и он вернулся в Большую Балкарию, но, видно по всему, отец Аслан-

бека тоже, как и он сам впоследствии, был сторонником активной жизни в стране, куда привела судьба его народ – в России. Да и сам Асланбек, надо полагать, прожив два года в Георгиевске, в крепости и довольно крупном в то время административном центре Северного Кавказа, был увлечен военной службой и учебой – ведь ему было всего-то 10-12 лет. Только этим и можно объяснить, что в 1834 году, когда Асланбек уже был, так сказать, мужчиной – ему ведь уже 20 с лишним лет! – он был зачислен оруженосцем в лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Видно по всему, отец его – Конак Абаев – был довольно влиятельным человеком в администрации Центра Кавказской линии в Нальчике: раз сумел устроить сына на службу в конвой императора, составной частью которой и являлся Кавказско-горский полуэскадрон. Тем более, видно, был конкурс, так как из штаба Кавказской линии к начальнику Центра этой линии пришла бумага, где сообщалось, что оруженосцы должны «быть из первостепенных узденей, особенно уважаемых в народе, ... красивой и стройной наружности, иметь лучших черкесских темногрдых лошадей и быть вооруженными, по их обыкновению».

За честь служить в конвое самого императора, разумеется, боролись многие княжичи из знатных родов.

Таким образом, в конце 1834 года двадцатидвухлетний Асланбек Абаев оказался в Петербурге.

Организованный в 1828 году лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон, как известно, был первым «университетом» горцев, где многие из них впервые приобщались и к грамоте, и к русской культуре, и к мировой цивилизации, и многие первые просветители горских народов прошли через службу в горском полуэскадроне. Здесь, к примеру, служил и сын Асланбека Султанбек Абаев, когда он, не имея средств к существованию во время учебы в консерватории, вынужден был поступить сюда на службу, служил здесь и Ислам Крымшамхалов – первый карачаевский просветитель, профессиональный художник и поэт.

Зачисленные в полуэскадрон горские юноши обучались русскому и татарскому языкам. Овладев русским языком, юноши, раз они жили в столице империи и являлись представителями дворянского сословия, естественно, имели довольно широкий круг общения в высших кругах Петербургского общества. Многие из них после окончания службы в полуэскадроне, которая длилась 4 года, ходатайствовали о зачислении их в различные учебные заведения. Так, с 1830-го по 1840 год в Петербурге учились в различных учебных заведениях более 300 детей. И многие из них находились под покровительством отдельных известных общественных и культурных деятелей столицы.

Среди таких счастливчиков был и Асланбек Абаев. Он пользовался, как отмечается в документах, особым покровительством генерала Львова, который в то время был управляющим делами Кавказско-горского полуэскадрона. Граф А.Ф. Львов был для своего времени высокообразован-

ным, культурным человеком. И широкую известность принесла ему вовсе не служба при царском дворе, а его широкая культурная деятельность и страстная любовь к музыке. Еще с детских лет он умел играть на скрипке, а став взрослым, выступал с концертами не только в Петербурге и Москве, но и во многих городах Европы, в том числе и в «культурной столице Европы» – в Париже.

Естественно, что «особое покровительство» такого человека не могло не сказаться благотворительно на сложение мировоззрения молодого горца и на его последующих устремлениях. И вполне естественно предположить, что это граф Львов через своего воспитанника Асланбека Абаева привил такую же страстную любовь к музыке, к игре на скрипке Султанбеку Абаеву, какую питал и сам...

В 1837 году император Николай I был на Кавказе, где 18 октября он открывал первую на Северном Кавказе гимназию, которая, как известно, сыграла в дальнейшем очень важную роль в просвещении горских народов Кавказа. В это время были там и служащие горского полускадрона. В эти торжественные дни, когда царь принимал депутации и от горских народов во главе с князьями, не оставил он без внимания и детей этих самых князей, которые и присягали ему на верность от имени своих народов. Пять юнкеров полускадрона были произведены в корнеты, а восемь оруженосцев – в юнкера. Среди них, т.е. произведенных в юнкера, был и Асланбек Абаев. Ему оставалось служить еще один год.

Через год, осенью 1838 года ему присваивают очередное воинское звание корнета и направляют для продолжения службы в горскую милицию Отдельного Кавказского корпуса. Во время службы в милиции он был награжден серебряной медалью и орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Но в 1846 году он выходит в отставку и уезжает к себе на родину – в Большую Балкарию.

По всей видимости, основной причиной его ухода с воинской службы в столь раннем возрасте – ему всего-то 34 года – было рождение сына Султанбека в 1845 году. Он, видимо, посчитал, что обязанности отца и главы семьи более важными, чем служба вдали от семьи и родного селения.

Казалось бы, что он теперь будет спокойно жить, заниматься хозяйственными делами и воспитывать детей. Но всевышний пожалел для Асланбека спокойную и идиллическую жизнь, и у него в жизни началась полоса постоянных неприятностей, о которых нет необходимости подробно рассказывать. Но в результате Асланбеку, чтобы выйти из трудного положения, пришлось продать весь скот, да еще занимать деньги. Не успел он прийти в себя от этих напастей, как случилась следующая неприятность – за ношение оружия был арестован Кучук Абаев, близкий родственник Асланбека и отец будущего историка Мисоста Абаева. Целых пять лет пришлось писать по инстанциям, выпрашивать ходатайства, просить о милости, пока не удалось освободить Кучука в 1862 году.

Несмотря ни на что Асланбек Абаев вовсе и не собирался падать духом, покориться судьбе и, более ни о чем не думая, заботиться лишь о хлебе насущном да и о других хозяйственных делах, как и все остальные жители гор. Ведь он был из рода упрямых и настойчивых. Коль не удалось ему самому получить хорошее образование, он сделает все, чтобы хотя бы дети учились, стали грамотными, чтобы и сами жили интересно и разнообразно, да и народу своему бедному чем-либо могли помочь.

И он обращается с просьбой к начальнику Кабардинского округа генералу Орбелиани определить в светское учебное заведение двух его дочерей – Ханифы и Пашахан. В письме к начальнику Терской области Орбелиани просит удовлетворить такую необычную для горцев просьбу бия Асланбека Абаева, сообщает своему непосредственному начальнику о том, что в бытность свою в Петербурге Асланбек Абаев пользовался «особым покровительством генерала Львова и, имея постоянные столкновения с людьми образованными, усвоил себе убеждение, что воспитание женщин в общежитии так же необходимо, как и воспитание мужчин».

Орбелиани просит начальство удовлетворить просьбу Асланбека Абаева, глубоко убежденный в том, что «примеру Абаева, пренебрегшего фанатическим убеждением своих единоверцев-магометан и закоснелыми предрассудками кавказских горцев, считающих женщину без права на образование и без голоса даже в семействе, может быть, последуют и некоторые другие жители-магометане кавказских племен, и, таким образом, шаг, сделанный Абаевым, будет иметь благотворное влияние на магометанский мир здешнего края. Дело это я считаю столь важным, что не могу не выразить желание, чтобы разрешение на определение этих юных магометанок в заведение последовало по возможности в непродолжительное время...»

Поступок Абаева был настолько необычным, да и ходатайство начальника округа тоже было совсем не в духе сухой канцелярщины, что, действительно, удивительно. Мечта царского генерала и чиновника о приобщении горцев к просвещению была также удивительна, как и желание Асланбека послать своих девочек в дальние от дома края учиться русской грамоте. Орбелиани, даже не дожидаясь ответа из области, велит Асланбеку доставить дочерей в Нальчик и тут же начинать их учить грамоте в местной женской школе. Но не успел еще Асланбек привезти дочерей в Нальчик, а из Владикавказа уже пришел положительный ответ – девочек предлагалось отправить в г. Тифлис в учебное заведение Св. Нины.

Но мать не захотела расставаться сразу с обеими дочками и старшую – Пашахан – оставила дома. Видно по всему, Асланбек был настолько убежден в необходимости учить всех детей грамоте, что сумел заразить этой идеей и других. Шакмановы приехали в Нальчик и попросили Орбелиани, чтобы он отправил в Тифлис вместо Пашахан их родственницу – Фузу Шакманову, дочь умершего недавно подпоручика Омара

Шакманова. И Орбелиани согласился. И весной 1862 года обе девочки – Ханифа Абаева и Фуза Шакманова были доставлены в г. Тифлис, где они были зачислены в заведение Св. Нины. В заведении Св. Нины обучались, согласно уставу женского благотворительного общества, дочери «из кавказских дворян с целью образовать добрых жен и хороших матерей, проникнутых истинным пониманием своих обязанностей...»

Прося за обеих дочерей, Асланбек Абаев надеялся, что их определят в ближайшее женское учебное заведение – в Ставропольское училище им. Св. Александра, ведь в Ставрополе в это время уже учился Султанбек – их старший сын. А когда выяснилось, что девочкам надо ехать слишком уж далеко, в Тифлис, мать, видимо, решила старшую не пускать. Вот таким человеком был Асланбек Абаев, с которого по-настоящему и начинается век балкарского Просвещения и Возрождения. Благодаря его необычайной тяге к свету знаний в скором времени Балкария, да и весь Северный Кавказ получают таких замечательных людей – первого профессионального прекрасного скрипача Султанбека Абаева, выдающегося педагога, первую женщину профессора Ханифу Абаеву-Меликову и народного учителя Фузу Шакманову.

2. Султанбек Абаев

Имя Султанбека Абаева, талантливого балкарского скрипача, в течение почти двух десятилетий радовавшего жителей края своей прекрасной игрой на скрипке, находится в одном ряду с именами выдающихся людей нашего народа, которые в XIX веке впервые испытали радость познания письменности и страстно желали вывести свой народ на путь просвещения и приобщения к мировой цивилизации, таких как Асланбек, Мисост, Ханифа и Исмаил Абаевы, Абай и Басият Шахановы, Фуза Шакманова, Исмаил, Сафар-Али и Науруз Урусбиевы.

Родился Султанбек Абаев в 1845 году в семье корнета Асланбека Абаева в селении Ышканты Большой Балкарии. Мать его Фатима была дочерью князя Аслана Сюйюнчева из соседнего Безенгиевского ущелья. Асланбек, отец Султанбека, был одним из первых горцев, знавших грамоту и живших в российской служилой среде. И еще следует отметить, что он, когда служил в лейб-гвардии Кавказско-горском полуэскадроне, пользовался особым покровительством известного и влиятельного в высших кругах Петербурга человека – А.Ф. Львова. Граф Львов страстно любил музыку и прекрасно играл на скрипке, выступал с концертами в Берлине, Лейпциге, Париже. Великий композитор Роберт Шуман написал после посещения концерта, где играл Львов: «Если играют в России на скрипке так, как играет Г. Львов, то всем нам следует ехать в Россию не учить, а учиться». Если бы Асланбек Абаев не любил музыку, не восхищался бы игрой графа, то ни о каком «особом» покровительстве

и речи бы не было. Значит, абсолютный слух, любовь к музыке достались маленькому Султанбеку, скорее всего, от отца.

Сперва, в 1893 году, когда Султанбеку исполнилось 8 лет, Асланбек хотел отправить его в Петербург в кадетский корпус, но это ему не удалось из-за отсутствия вакансии. Пришлось отдать его в Нальникскую школу. Учился Султанбек легко, а все свободное время отдавал любимому занятию – игре на скрипке, к которой он пристрастился еще в детстве.

Нальчик в середине XIX века был небольшой слободой при крепости, где жило около двух тысяч человек. Начальником округа был князь Вахтанг Орбелиани, один из известных грузинских поэтов своего времени. Судьба этого человека, сыгравшего важную роль в жизни многих горцев, в том числе и Султанбека, была очень интересна. В 1832 году он – участник заговора дворян, мечтавших о независимости Грузии. Заговор раскрыт, Орбелиани приговорен к смертной казни. Казнь потом заменили ссылкой в Калугу. Через пять лет был амнистирован и поступил на военную службу. В 1854 году – полковник, а в 1860 году – генерал.

И этот бунтарь-поэт, человек высокой культуры вдруг оказался запертым по служебной необходимости в захолустной слободке, изо дня в день вынужденный исполнять свои рутинные обязанности. Здесь же в Нальчике жил и сотник Марк Мамышев, дальний родственник Асланбека, крещенный балкарец, долго проживавший в России, и женатый на русской – Ирине. Здесь же, в Нальчике, служил и брат Ирины – капитан Латынин.

Вот в этой семье, скорее всего, в один из приездов Асланбека в Нальчик, и слушал князь Орбелиани игру Султанбека. И здесь же впервые было по достоинству оценено его дарование. И впоследствии Вахтанг Орбелиани все время следил за судьбой Султанбека, непременно оказывая ему помощь в самые тяжелые моменты его жизни.

Проучившись в Нальчике четыре года, Абаев был отправлен как один из лучших учеников в Ставропольскую гимназию. Это было 25 мая 1858 года, и Султанбеку было уже 13 лет. Вернее, ему было только 13 лет, когда он оказался в такой дали от родных мест.

Ставропольская гимназия в то время была одной из лучших в России. Она находилась неподалеку и от Казанского собора, что стоял на холме, и от центральной улицы города – Александровского проспекта. Руководил гимназией выдающийся педагог Януарий Михайлович Неверов, близкий друг известного либерального общественного деятеля, профессора Московского университета Г. Н. Грановского. В этой гимназии учились известные впоследствии общественные деятели и писатели Северного Кавказа: осетины Коста Хетагуров, братья Джантемир, Ибрагим и Идрис Шанаевы, ингуши Чах Ахриев и Асланбек Базоркин, абазинец Гирей Кешев, кабардинец Кази Агажукин и многие другие.

Жадный до знаний Султанбек учился хорошо, первый год он закончил «с наградой». Судя по оценкам, ему особо нравились родной (татарский)

язык и география. И все время он учился хорошо. И одновременно учился музицировать, играть на фортепиано. Узнав, что для получения уроков музыки требуются отдельные деньги, начальник Кабардинского округа Вахтанг Орбелиани стал регулярно присылать деньги – 80 рублей в год. И присылал эти деньги ежегодно, пока Султанбек учился в гимназии. Благодаря усилиям группы выдающихся деятелей культуры XIX века, и в первую очередь пианиста и композитора Антона Григорьевича Рубинштейна, правительство решило открыть в Санкт-Петербурге первую в России консерваторию. Об этом появилось объявление в газетах в марте 1862 года.

Узнав об этом, Султанбек сразу же стал мечтать поступить в консерваторию. Но надо было найти деньги – 100 рублей в год за учебу, не считая всех остальных расходов. А денежные дела его отца Асланбека никак не поправлялись, нелегко было даже просто содержать семью, где было шестеро детей. Да и о детях Кючюка Абаева тоже надо было заботиться. К тому же в прошлом году Асланбек довольно потратился и тогда, когда отправлял в Тифлис дочь Ханифу. И, несмотря на такие трудности, Асланбек дает согласие на поездку сына в Петербург. К тому же Марк Мамышев обещал взять на себя часть денежных затрат во время нахождения Султанбека в Петербурге. После этого Султанбек обращается к начальнику Кабардинского округа с просьбой отправить его на учебу в консерваторию за казенный счет. И князь Орбелиани опять помогает Султанбеку Абаеву, согласившись удовлетворить его просьбу. Ведь он постоянно следит за его учебой, каждый раз, когда Султанбек приезжал домой на летние каникулы, вызывал его к себе и проверял, чему тот научился в Ставрополе, и в особенности в музыке.

По предложению Орбелиани собрание «почетных жителей» Кабардинского округа учредило стипендию для Абаева.

Ходатайствуя о приеме Султанбека Абаева в консерваторию, в письме на имя директора В. Орбелиани писал: «Общее непереносимое желание жителей Кабардинского округа есть одно из редких проявлений между кавказскими горцами на пути медленного движения их к цивилизации, и потому повторяю дирекции мою покорнейшую просьбу не отказать в принятии его в число воспитанников консерватории, если бы даже не поспела эта просьба моя к определенному по положению времени, и не поставить желанию народа препятствия».

Да, конечно, очень интересно это «не поставить желанию народа препятствия» в устах царского генерала, князя и чиновника, но ведь таким и был князь Вахтанг Орбелиани – честным, откровенным и смелым.

Вскоре Султанбеку вручили билет до Петербурга, сопроводительные письма и ходатайства, и он отправился в столицу. Со страстным желанием учиться и познать все тайны этой удивительной науки – музыки. Очень интересную дневниковую запись оставил один из поступавших тогда же в консерваторию молодых людей, а впоследствии профессор – А.И. Ру-

бец. В этот день первыми сдавали экзамены пианисты, а после них – скрипачи. А.И. Рубец записал в тот день в своем дневнике: «Я вошел в залу довольно большого размера, очень светлую... Возле стены сидело много пианисток, преобладавших над мужчинами, которых было не более 12. Посреди зала стояли два рояля. Ровно в 10 вошел Рубинштейн... После пианистов настал черед скрипачей и виолончелистов. Между ними расхаживал с видимым волнением конвойный офицер... Опять вошел Рубинштейн, а за ним высокий и стройный Венявский, с большими умными глазами и с открытым лицом. Начали с малолетних. Из них выделялись Краснокутский и Воронов, затем вызвали Абаева, конвойного офицера. На вопрос, где его скрипка, он ответил:

- У меня нет скрипки.
 - Как же вы будете играть?
 - Тут много скрипок на фортепиано лежит.
- Венявский взял одну из них и, подав ее Абаеву, сказал:
- Играйте.

На это тот ответил: «Нет, ты сыграй, а потом я повторю, что ты сыграешь».

Венявский сыграл довольно сложный пассаж. Абаев сейчас же безукоризненно повторил. Венявский сыграл более трудный и сложный пассаж. Абаев повторил довольно чисто и это. На вопрос, знает ли он ноты, Абаев ответил:

- Ноты? Нет, не знаю, но слух имею хороший.

Из взрослых на экзамене выделились Пушилов и Баранецкий».

Скорее всего, игра Султанбека так понравилась выдающемуся в то время скрипачу Генрику Венявскому, что тот взял его в свой курс вместе с Пушиловым и Баранецким, где были наиболее сильные и одаренные слушатели.

Конечно, интересно знать, кто же учился в первом наборе впервые открывшегося в России высшего музыкального образовательного учреждения. В этом плане интересна запись воспоминаний об этом другого студента консерватории – Г. А. Лароша.

«Нахлынув на юное учреждение из самых разнообразных слоев общества и отчасти из самых отдаленных углов России, они представляли пеструю толпу, – писал Ларош. – Был тут и отставной чиновник таможенного ведомства Кросс, и сын придворного певчего Рыбасов, и бывший помощник судейского следователя при Черниговской уголовной палате Рубец, и старший столоначальник департамента Министерства юстиции Чайковской (из правоведов), и дерптский студент Тирон, и грузин Сванелли, и военный инженер Мирецкий, и адвокат (впоследствии присяжный поверенный) Баранецкий, и поручик лейб-гвардии Семеновского полка фон Цур-Миллен, и приехавший из Нью-Кастла конторист пароходного общества петербургский англичанин Люджер, и сын младшего преподавателя французского языка при третьей Петербургской гимназии

Ларош. Даже был один магометанин, конвойный офицер (Султанбек Абаев); излишне прибавлять, что он носил княжеский титул. Разнообразные по происхождению, мы представляли некоторую пестроту и по возрасту, мне было 17 лет, Люджеру 16 и таких, конечно, было большинство, но были и гораздо старше: Кроссу, например, было 30 лет, были и постарше Кросса; был крошечный – лет 12 – поляк, хорошенький Амбрашевич, имевший обыкновение тузить обоими кулаками в грудь взрослых товарищей, когда их шутки ему не нравились. Сверх всего этого мы и «направления» были самого разного».

Радостное настроение, охватившее всех в начале учебы, к сожалению, для Султанбека Абаева продолжалось недолго. С Мамышевым, который обязался помогать Султанбеку деньгами для проживания в столице, случилась какая-то финансовая неприятность, и он не смог сдержать слово. Султанбек в большом городе фактически остался без средств к существованию. Вследствие этого ему пришлось поступить на службу в Кавказско-горский полуэскадрон оруженосцем, в надежде, что ему все-таки разрешат посещать занятия в консерватории.

Ему, действительно, разрешили, но все-таки он дал письменное обязательство бросить консерваторию в случае оформления на службу. Возможно, эта записка нужна была для формальности. Но уже в начале февраля он сильно простудился, и почти целый месяц не посещал занятий. 4 марта 1863 года он был зачислен в полуэскадрон, и все проблемы с жильем, питанием и одеждой были решены.

Но вскоре появилась новая проблема – плата за обучение. Шел уже 1864 год, а деньги за обучение из Нальчика так и не поступали. Начальником Кабардинского округа был уже не честный и решительный князь Вахтанг Орбелиани, а обыкновенный царский чиновник, которому дороже всего была не судьба человека, и даже не честь вверенного ему округа, а лишь сбереженная сотня рублей. Князю Орбелиани, уже работавшему во Владикавказе в аппарате начальника Терской области, преодолевая все бюрократические препоны, лишь через год с трудом удалось выбить деньги, чтобы уплатить за 1863–1864 учебный год. Но было поздно – Султанбека уже более полугода не пускали на занятия. Зато в это время он сдал экзамены по военной службе на чин прапорщика. Но и офицерское звание он не успел получить, так как в госпитале, где он лежал, произошли какие-то беспорядки, где среди обвиняемых оказался и Султанбек Абаев. Он был исключен из полуэскадрона. Оправдался и восстановился на службе лишь через год – 15 июля 1866 года.

Звание прапорщика Султанбеку будет присвоено лишь в августе 1869 года, но до этого радостного дня его отец не дожил. Постоянная нужда, заботы и бесконечные тревоги из-за семейных неурядиц подорвали его здоровье, и 22 октября 1868 он умер.

В начале сентября, когда Султанбек готовился уже ехать домой на новое место службы, в Петербург приехал его земляк – Абай Шаханов.

Он окончил Ставропольскую гимназию и приехал в столицу поступать в Медико-хирургическую академию. Интересно, что в 1858 году Абаев заканчивает Нальчикскую школу и уезжает в Ставрополь, чтобы продолжить учебу в гимназии, а в тот же год в эту школу поступает Шаханов, который был на 5 лет моложе Султанбека.

В 1862 году Султанбек, не закончив гимназии, уезжает в Петербург для учебы в консерватории, а как бы на его место через два года в Ставропольскую гимназию поступает Шаханов. И вот опять Султанбек Абаев уезжает из столицы, а вместо него – вновь Абай Шаханов. Султанбек помог Абаю устроиться в Петербурге, познакомил, конечно, со всеми «нашими», которые и учились, и служили в столице.

С большой грустью и великим сожалением уезжал из Петербурга Султанбек Абаев. Ему не удалось осуществить свою заветную мечту – закончить консерваторию и «дойти до конца» в познании тайн музыки. На родине его уже не ждал отец, всегдашняя его надежда и опора. Теперь он, старший в семье, должен быть и опорой и надеждой для всех. А в то же время он продолжал мечтать о музыке.

И вновь, скорее всего, помог ему опять тот же Орбелиани через начальника области Лорис-Меликова, благодаря хлопотам которого Султанбек Абаев был зачислен в одну из воинских частей, расположенных во Владикавказе.

Владикавказ, уже начинающий соперничество со Ставрополем за звание центра Северного Кавказа, был молодым, быстро растущим городом, расположенным на обоих берегах Терека. Центр города был на правом берегу, где по обеим сторонам Александровского проспекта (как и в Ставрополе) располагались государственные учреждения и учебные заведения, почта и телеграф, театры и т.д.

Город восторженно встретил горца, который учился в консерватории у самого Генрика Венявского, того самого знаменитого скрипача, концерт которого состоялся во Владикавказе около года тому назад.

И вот 21 декабря 1869 года состоялся первый концерт Султанбека Абаева во Владикавказе, слушатели которого были уже довольно избалованы концертами столичных знаменитостей. Зал был переполнен. Как отметила пресса, «успех его перед владикавказской публикой можно назвать блестящим. Его встречали и провожали дружными рукоплесканиями, заставляли по два раза повторять некоторые пьесы, особенно «Венецианский карнавал», который Абаев исполняет неподражаемо. Чтобы владеть так свободно смычком и делать без малейшей натяжки и фальши самые неуловимые переходы, как это удается г. Абаеву, нужно родиться истинным артистом, а не сделаться музыкантом, вследствие учения и навыка».

Следует отметить, что «Венецианским карнавалом» Паганини любил заканчивать свои концерты Генрик Венявский, и, исполняя эту пьесу в конце своего концерта, Султанбек Абаев как бы выражает свою благодарность учителю, намеренно строя свой концерт, как и он.

После первых же концертов и успехов Султанбека Абаева и, видимо, не без содействия Лорис-Меликова, учебные заведения стали приглашать Абаева в качестве учителя музыки. Так, уже с начала 1870 года он числится учителем музыки в прогимназии. И это учебное заведение закупает музыкальные инструменты на более чем 900 рублей. Из 38 воспитанников, пожелавших заниматься музыкой, 28 занимались в группе самого Султанбека, а 18 из них учились игре именно на скрипке, на любимом инструменте самого мастера.

Так началась редкостная для жителя гор того времени музыкально-педагогическая деятельность Султанбека Абаева, одного из видных представителей кавказского Просвещения XIX века.

Первое выступление оркестра, организованного Султанбеком из воспитанников гимназии, состоялось в день посещения великим князем и наместником на Кавказе Михаилом Николаевичем учебных заведений Владикавказа вместе с попечителем Кавказского учебного округа Януарием Михайловичем Неверовым. Неверов сам лично представил великому князю Султанбека Абаева, отметив, что тот получил образование в г. Ставрополе и учился музыке в Санкт-Петербурге.

Потом, в напечатанном в «Журнале Министерства народного просвещения» отчете о работе учебных заведений на Кавказе за 1870 год, напишет об «учителе музыки и пения из Владикавказа г. Абаеве»:

«Этот молодой человек при основательном знании музыки, вообще превосходно владеющий скрипкой, не только успел в короткое время образовать из воспитанников Владикавказской гимназии оркестр, но, заведя и певческим хором гимназии, несмотря на свою принадлежность к мусульманской религии, настолько ознакомился с русской духовной музыкой, что вполне удовлетворительно руководит хором».

Надо помнить, что такую высокую оценку музыкальных талантов Султанбека дает не простой любитель, а прекрасный знаток музыки, который не раз слушал концерты лучших мастеров своего времени как в России, так и в Европе. Разумеется, здесь не могло не сказаться то, что Султанбек в недавнем прошлом был воспитанником Ставропольской гимназии, когда там был директором сам Януарий Михайлович, да личные его симпатии к Султанбеку, но все равно, как говорится, нет дыма без огня, — не будь Абаев действительно талантливым музыкантом, Януарий Михайлович при всем своем желании не смог бы так высоко отзываться о нем. Тем более что и поводов-то к этому особых и не было.

Я. М. Неверов в своем отчете отметил еще, что гимназические оркестры в Ставрополе и Владикавказе — в этих двух столицах Северного Кавказа — «изобилуют горцами». И он не без основания считал, что и здесь не обошлось без влияния Султанбека Абаева.

Несмотря на довольно сложную семейную жизнь и материальные трудности (по «основному» месту работы в оркестре Терского казачьего войска он получал всего 8 рублей в месяц), 1870–1887 годы стали наибо-

лее плодотворными годами в музыкально-педагогической деятельности Султанбека Абаева. Поистине неоценимо значение его деятельности в просвещении горцев и в приобщении их к русской и мировой культуре через музыку, которой он с такой любовью обучал своих питомцев. Ежегодно он обучал музыке в среднем по 60 человек, и всегда почти половина из них играла в гимназическом оркестре, который в то время считался лучшим среди гимназических оркестров на Кавказе.

Из учеников Абаева особого внимания заслуживает Георгий Швачкин. Родители Швачкина, видимо, неспроста привели своего сына во Владикавказское реальное училище. Они жили в Пятигорске и им, конечно же, было бы гораздо лучше отдать сына в прогимназию в их же городе или же в самую лучшую гимназию Северного Кавказа – в Ставропольскую гимназию. Видно по всему, Георгию выбирали не учебное заведение посolidнее, а хорошего учителя музыки. Но ведь в это время в Ставропольской гимназии музыку преподавал выпускник Пражской консерватории Шварц. Но, скорее всего, он по каким-либо причинам не устраивал родителей талантливого мальчика. Они, вероятно, знали о педагогических музыкальных способностях Султанбека Абаева или же, вполне возможно, они поступили так по совету Я. М. Неверова, которого, конечно же, они знали. Но как бы то ни было, в качестве учителя музыки был выбран С. Абаев. Швачкин поступил в училище в конце 1876 года, а уже летом 1878 года, когда был на каникулах дома, он участвовал в одном из концертов, и тамошний «Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод» так написал об игре юного скрипача: «Единодушным сочувствием был встречен маленький скрипач Швачкин, которого нельзя пройти молчанием... Игра его доказывает не только замечательный талант, но и страстную любовь к музыке; не говоря о той легкости, с какой он владеет смычком, о том удивительном инстинкте, который диктует ему безошибочный смысл каждой музыкальной фразы и даже то, что трудно допустить в ребенке, – чувство, относительная беглость и чистота исполнения доказывают, что этот замечательный ребенок все свободные минуты отдает страстно любимому предмету. Все истинные ценители искусства должны желать и просить счастливого родителя молодого Швачкина не лишать Россию будущего артиста и не лишать своего сына карьеры артиста, которая, кроме высоких, ничем не заменимых эстетических наслаждений, дает ему славу и богатство».

Георгий Швачкин в течение семи лет учился у Абаева игре на скрипке. И в 1883 году едет в Петербург и поступает в консерваторию, которую успешно заканчивает в 1886 году.

В 1892 году, пройдя конкурс, Швачкин принимается в состав оркестра императорского Мариинского театра, где почти в течение 20 лет был первой скрипкой.

Другим его известным учеником был Василий Солнышкин – сын флейтиста оркестра Терского казачьего войска, где числился на службе Сул-

танбек Абаев. К тому же Иван Солнышкин и Султанбек Абаев были, видимо, не только сослуживцами, но и друзьями. Свидетельством тому служит то, что по протекции Султанбека Иван Солнышкин приглашался в качестве преподавателя игры на духовых инструментах в гимназию и в другие учебные заведения, а также вместе с Султанбеком участвовал в концертах. И все равно семья Ивана Солнышкина еле сводила концы с концами, и денег для отправки сына в консерваторию, конечно, не было. Султанбек раза два организовывал благотворительные концерты, чтобы собрать деньги своему любимому ученику, но даже эти деньги уходили на семейные расходы — настолько нелегко жилось семье юного талантливого скрипача.

И тогда мальчик решается на отчаянный шаг — он уходит из дому и... пешком идет в Петербург, туда, где есть консерватория, где везде, как ему кажется, звучит музыка. Через месяц он был в столице. Здесь он совершенно случайно находит покровителя, и вскоре он был зачислен в инструментальный класс Придворной певческой капеллы. Здесь его учит игре на скрипке профессор П. Краснокутский, сокурсник Абаева по консерватории. В 1892 году Солнышкин заканчивает курсы и становится преподавателем там же, где сам и учился.

Воспитанником С. Абаева был еще один талантливый молодой человек — Женья Колчин. Он тоже, после окончания Владикавказской гимназии, учился вместе с Георгием Швачкиным в Петербургской консерватории. После окончания консерватории он был первой скрипкой в оркестре Тифлисского оперного театра, а с 1895 года в — оркестре Московской оперы. А потом был преподавателем Московской консерватории.

Учеником С. Абаева был и Семен Зактрегер, который впоследствии окончил Петербургскую консерваторию, после чего вернулся во Владикавказ и давал здесь, как и свой учитель, уроки музыки.

Следует хотя бы коротко рассказать и о тех людях, с которыми дружил Султанбек Абаев.

Султанбек был знаком и дружил со многими известными людьми своего времени. Это и Александр и Юлия Рудневы, и Ибрагим Шанаев, видный осетинский просветитель, и Фуза Шакманова, жена Ибрагима, и Иосиф Адамов, бывший его учитель в Ставропольской гимназии, а потом перешедший во Владикавказскую гимназию, и многие другие.

Но, видимо, одним из самых дорогих ему людей был Януарий Михайлович Неверов. Их дружба длилась более 20 лет. В последний раз они встречались в ноябре 1878 года, когда Неверов по пути из Тифлиса в Санкт-Петербург остановился во Владикавказе на несколько дней. Здесь он хотел попрощаться со многими своими друзьями и знакомыми по Ставропольской гимназии, где он и начал свою плодотворную во всех отношениях педагогическую деятельность на Кавказе, и, конечно же, со своим любимым учеником — Султанбеком Абаевым.

Ведь это он, директор Ставропольской гимназии, вместе с князем

Орбелиани, обратили внимание широкой общественности на музыкальные способности Султанбека и помогали ему все время. Как писала газета «Терские ведомости», на прощальном вечере, данном в честь Я. М. Неверова, «играла музыка». Несомненно, что там грустную песню расставания «спела» и скрипка Султанбека Абаева.

Выдающаяся для того времени музыкально-педагогическая деятельность Султанбека Абаева в 1880 году была отмечена «высочайшей наградой» — орденом св. Станислава III степени. Газета «Кавказ» по этому поводу писала: «Мая 14 дня 1880 года. В Тифлисе. Государь император, по ходатайству е.и. (его императорского) величества наместника Кавказского и по удостоению Кавказского комитета, в 23 день апреля сего года, всемилостивейше соизволил пожелать нижепоименованным лицам, за отличия неслужебные, следующие награды... св. Станислава 3 степени, для нехристиан установленный: состоящему по найму учителем музыки во Владикавказском реальном училище, прикомандированному к Сунженскому полку, прапорщику милиции Султан-Бек Абаеву».

Эта награда — яркое свидетельство тому, что Султанбек был не только талантливым скрипачом, но и хорошим учителем музыки.

Известно, что Султанбек Абаев в последние годы жизни был не только виртуозным исполнителем, но и сам сочинял музыку. Его племянница, дочь Ханифы Абаевой Султан-Гариб Меликова и дочь Мисоста Абаева Ляля Крымшамхалова говорили, что Султанбек создал не только упоминаемые не раз сюиту «Мотивы горцев Терской области» и пьесу «Обедня», но также и другие произведения: «Утро в деревне», «Горный марш». По словам Крымшамхаловой, Хамзат Урусбиев называл одно из этих произведений не «Утро в деревне», а «Утро в горах».

Но, к сожалению, ноты ни одного из этих произведений не найдены.

И это неудивительно — кому они нужны были, эти «бумажки», после смерти знаменитого скрипача в Балкарии — в горных селениях, где главным в жизни все-таки были более насущные проблемы, чем какие-то «бумажки с закорючками».

Умер Султанбек Абаев в Хуламе 21 января 1888 года. По свидетельству Султан-Гариб Меликовой, Султанбек умер от разрыва сердца.

Так обычно умирают люди, которые хотят собрать в своем сердце все беды и горести своего народа, чтобы крепко-накрепко запереть их на замок, дабы они не мучили людей и не мешали им жить в радости и счастье.

Но, видимо, у балкарского народа было слишком уж много горестей и бед, что бедное сердце Султанбека Абаева не смогло все это вместить в себя, и оно разорвалось.

3. Мисост Абаев – первый историк Балкарии

Мисост Кучукович Абаев, один из видных общественно-политических деятелей Северного Кавказа второй половины XIX века, родился 5 апреля 1857 года в селении Ышканти Большой Балкарии. В Большой Балкарии было несколько княжеских родов – это Абаевы, родовое гнездо которых находилось в самом большом селении Черекского ущелья в Кюннюме, Мисаковы и Амырхановы – в селении Ышканти, Айдаболовы, Жанхотовы и Шахановы – в селении Косфарты.

Род князей Абаевых был самым уважаемым княжеским родом Балкарии.

Но семья Кучука Абаева жила не в родном селе Кюннюме на левом берегу Черека, а в соседнем селе на правом берегу реки – в Ышканти. В то время между этими селениями существовал деревянный мост. Семья Кучука Абаева не была богатой. К слову сказать, советская история всех людей высшего сословия любила объявлять сплюшь богатыми кровопийцами. Но это было совсем не так. К примеру, в списке, составленном в 1870 году, среди людей, имеющих в своем хозяйстве более 20 голов крупного рогатого скота, из довольно обширного гнезда Абаевых числится только Гиргок Абаев.

В 1865 году Кучук Абаев, как и тысячи других отчаявшихся и обманутых горцев, решил переселиться в Турцию, продал все свое имущество и отправился в путь. Но в пути заболел и умер – опять же одна из тысяч подобных трагедий того времени. Мисост с младшим братом Идрисом остались ни с чем.

Вскоре родственники определили Мисоста в Нальчикскую окружную горскую школу. Здесь он проучился три года. После окончания Нальчикской школы Мисост поступил в первую Владикавказскую реальную гимназию, которая вскоре была преобразована в реальное училище. Ему тогда было 13 лет. Здесь, наряду с детьми русских офицеров и чиновников, обучались и дети знатных людей горских народов – балкарцы, кабардинцы, осетины и т.д.

В 1875 году во Владикавказском реальном училище обучались 300 человек, и только половина из них находилась на пансионе, то есть учились за счет государства. Мисост Абаев был зачислен в пансион. В училище имелся один подготовительный, шесть основных и один дополнительный классы. В училище преподавали русский, немецкий, французский языки, географию, историю, математику, черчение. Абаеву, судя по оценкам, больше остальных дисциплин нравились языки и история.

Тогда вместе с Мисостом учился и другой юноша-балкарец, который тоже станет впоследствии известным балкарским просветителем – Сафар-Али Урусбиев. Он поступил в училище в 1872 году и отставал от Мисоста на 2 курса.

В это же время во Владикавказе был широко известен и Султанбек Абаев. И, видимо, они, как близкие родственники, часто встречались. Скорее всего Мисост, наверное, навещал своего старшего родича – Султанбека.

Молодой Мисост увлекся, как и многие его сверстники по всей России, модными в то время революционно-народническими идеями и стал участвовать в сходках революционной молодежи Владикавказа. А когда начались обыски и аресты членов революционного кружка, Мисост Абаев был вынужден уехать из Владикавказа, так и не закончив училище. В 1877 году он поступил на военную службу и был зачислен добровольцем в Кабардино-Кумыкский конно-иррегулярный полк, а через два месяца – в апреле 1877 года началась русско-турецкая война. И уже 14 мая 1877 года Мисост Абаев за проявленную храбрость во время боевых действий был награжден Георгиевским крестом и повышен в звании – он стал урядником. Летом того же года он уже был старшим вахмистром. В июле он был прикомандирован к командиру корпуса генералу Лорис-Меликову.

После окончания войны в 1878 году, несмотря на уговоры графа генерала Лорис-Меликова остаться на военной службе, Абаев ушел из армии и вернулся к себе на родину.

Летом 1881 года корнета Мисоста Абаева начальник Терской области утвердил старшиной Балкарского общества – так называлась на официальном языке Большая Балкария.

Будучи старшиной Большой Балкарии, Мисост Абаев приложил немало сил, чтобы начать одно из самых значительных дел в жизни жителей своего родного ущелья – строительство колесной дороги на плоскость.

В 1885 году Мисост становится переводчиком Нальчикского окружного полицейского управления, а через два года – переводчиком Владикавказского окружного суда. В ноябре 1892 года он стал начальником участка в Кубанской области, но вскоре переводится начальником Хумаринского участка Баталпашинского отдела той же – Кубанской области. А если говорить простонародным языком – стал правителем Карачая. На этой должности он находился четыре года. После этого перевелся в Нальчикский округ, где начальником в то время был капитан Попов. В округе было 3 участка, начальниками 2-го и 3-го участков были поручик Передерей и штабс-капитан Мокрин. Начальником 1-го участка стал Мисост Абаев. В этот участок входили современные Зольский и Баксанский районы КБР. Вскоре Абаев был назначен начальником 2-го участка. В этот участок входила вся Балкария. «Полновластным правителем» Балкарии он был до 1905 года, а с этого времени и до октябрьского большевистского переворота 1917 года работал на различных должностях в Баталпашинске.

Потом жил в Нальчике вместе с сыном Исмаилом. В 1927 году они оба – и Мисост, и его сын Исмаил – первый врач, руководитель и органи-

зитор здравоохранения в Кабардино-Балкарии – были вынуждены покинуть Нальчик из-за начавшихся репрессий и переселиться в Дагестан. Там, в городе Буйнакске, на чужбине и скончался в 1928 году первый широко известный балкарский общественный деятель и историк Мисост Кучукович Абаев.

Нет сомнения в том, что многие карачаевские и балкарские бии, которым удавалось приобщиться к грамоте, к общественной жизни больших городов России, и не только к русской, но и мировой культуре, очень серьезно задумывались и о жизни своего народа, страстно мечтали облегчить его судьбу, вывести его на путь просвещения и привести к очагу мировой цивилизации. Но эти свои думы и размышления никто из них, за редким исключением, к сожалению, не оставил. Так, к примеру, ничего в этом плане нам не оставил и Абай Шаханов, наверное, первый из балкарцев, получивших высшее образование, и Асланбек Абаев, человек очень прогрессивных взглядов на жизнь, хорошо знавший быт и нравы как русского общества, так и своего народа. Никаких дневников, записей своих размышлений не оставил и Исмаил Абаев, ничего особого не осталось и от Урусбиевых, кроме как высказывания их друзей. В этом отношении с Мисостом Абаевым нам «повезло» – мы знаем его взгляды на многие стороны жизни как России в целом, так и народов Северного Кавказа, и, конечно же, на жизнь и судьбу своего народа, который он очень любил.

Это не только довольно обширный исторический очерк «Балкария», но и целый ряд статей, опубликованных им в журнале «Мусульманин» и в газете «Каспий». Кстати, статья М. Абаева о землевладении в Балкарии называлась «Наделы осетин», потому что... начальник Нальчикского округа не хотел, чтобы о проблемах его округа знала вся общественность. Так что, как видно, не любить пишущих людей, журналистов, коль они честны, явление не сегодняшнего дня, а давнее, уходящее вглубь веков.

«Балкария» – довольно добротный исторический очерк, первый письменный труд, где человек этой земли, сын этого народа, а не заезжий турист, с любовью, подробно и обстоятельно пишет все, что знает о них – о Балкарии, и о ее людях, о их истории и сегодняшней жизни. И хотя мы, читая сегодня этот труд, иногда можем и не согласиться с кое-какими рассуждениями автора, но от этого ценность его труда нисколько не снижается. Этот очерк и сегодня, когда историческая наука достигла определенных успехов и кое в чем довольно детально разобралась, остается одним из солидных источников по истории Балкарии.

Конечно, сегодня мы не можем принять легенду о происхождении биев Мисаковых, а также Абаевых, Айдаболовых, Джанхотовых и Шахановых за историческую истину, тем более считать эти легенды основой теории о происхождении балкарцев вообще. Надо полагать, что и сам Мисост Абаев не очень-то им верил, а привел эти легенды просто потому что они были на устах народа.

Следует отметить еще следующее. В исторической литературе часто, когда речь идет о сословиях в балкарском обществе, мнения ученых рознятся. Многие, кроме трех известных сословий — биев, узденей и кулов — еще называют то эмчеков, то чагаров, то казаков и караушей. Так, и Мисост Абаев считает эмчеков сословной прослойкой узденей, выделяет как бы в отдельное сословие казаков и караушей. На самом деле эмчеков — людей (семью), которые воспитывают детей биев, никак нельзя считать какой-то сословной прослойкой, как, скажем, гувернанток в России. Был такой обычай у балкарских биев, как и у других князей некоторых народов Северного Кавказа, — с первых же дней рождения отдавать своих детей на воспитание в другую семью, естественно, в хорошую семью, где имелаась молодая мать, кормящая грудью.

Не следует считать отдельным сословием и казаков с караушами — они просто люди, относящиеся к домашней прислуге: казаки — это мужчины, выполняющие мужские работы при дворе князя (или даже узденя), а карауши — женщины, выполняющие, соответственно, женские работы. Но и те и другие обычно были из сословия кулов. Хотя не исключено, что казаками и караушами могли стать обедневшие люди и из свободного сословия — узденей.

И вообще, вместо слова «казак» в народе обычно употребляется слово «жалчы» — работник, слуга.

Так что, балкарское общество — как, кстати, практически и у всех асских народов — делилось только на три сословия — биев (князья), узденей (свободные люди) и кулы (холопы, слуги, но не рабы в обычном понимании этого слова, как, скажем, в древней Передней Азии, Греции и Риме).

Мисост Абаев, конечно же, прекрасно знал нелегкую жизнь горца и сумел верно определить, что все трудности и горести в жизни балкарцев в основном связаны с нехваткой земли. Из поколения в поколение, из года в год горцы очищают клочки земли от камней, удобряют,нося корзины с навозом на спине, поливают эти участки, проводя каналы от подошвы гор до села и до каждого двора. Но эти клочки пахотной земли, взлелеянные и обхоженные поколениями людей, все равно не в силах прокормить жителей гор. Своего хлеба балкарцам хватает всего на 3–4 месяца, остальное им приходится покупать на равнине у соседей — у кабардинцев.

Окультуренные с таким трудом клочки земли, конечно же, принадлежат тем людям, которые очистили эти участки и содержат их в хорошем состоянии, отмечает Абаев. Это значит, все пахотные земли (слово пахотные, конечно, несет в себе что-то широкое, привольное, перед глазами сразу же встает картина бесконечного русского поля, где зреет рожь, но в горах — это всего-навсего узкий лоскуток обрабатываемой земли) находятся в частных руках и никогда не перераспределяются между членами сельской общины.

Первоначально покосные земли, пастбища и леса находились в общем пользовании всех членов общины, но со временем все лучшие по-

косные участки тоже стали частными, и ко времени Мисоста Абиева — к концу XIX века — практически все более или менее удобные покосные участки, уже даже часть пастбищных земель и лесов находились в частных руках. Естественно, многие покосные и пастбищные участки, лесные угодья, без всякого на то права были просто захвачены богатыми и знатными родами, но это, как говорится, уже другое дело. Главное то, что так или иначе сильные и богатые семьи и роды постепенно прибирали к рукам общественные земли. Хотя Мисост Абиев, видно, не желая «бередить рану» и боясь способствовать народному бунту, об этом и не пишет.

Зато он подробно и очень хорошо показал все формы собственности на землю. Мы обратим лишь особое внимание на одну из этих форм, которая особенно характерна была для Балкарии — это бегендное право на землю. Человек, срочно нуждающийся в деньгах или в определенном количестве скота, занимал эти деньги или скот и отдавал участок земли, обычно, разумеется, намного превышающий по стоимости взятые деньги или скот, как бы в залог того, что долг будет возвращен полностью и в оговоренный срок. Скажем, долг берется на 10 лет. И в течение этих 10 лет, человек, одолживший деньги, пользовался этой землей по своему усмотрению. Но он не становился собственником земли и не мог ее продать. После истечения оговоренного срока, если долг не был погашен, земля уже переходила в собственность кредитора.

Но в бегенду земля отдавалась и на условиях, когда время возврата долга не оговаривается. Когда, мол, найдешь деньги, тогда и вернешь. И все это время земля находится в пользовании кредитора. Но и в этом случае, скажем, по прошествии достаточно долгого времени, когда долг переходил от отца к сыну, бегендную землю могли и не вернуть, сославшись на давность. Бегендное право было очень удобным способом довольно легко накопить целое состояние при наличии «свободных» денег. Так, к примеру, в 1843 году Ислам Ахматов отдал Али Мамашеву участок земли стоимостью в 1500 рублей в бегенду, заняв 200 рублей и обязавшись вернуть деньги в течении 10 лет. Ислам не смог вернуть долг в оговоренный срок, и земля перешла в собственность Али Мамашева. Через 26 лет сын Ислама попытался вернуть землю, отданную отцом в бегенду, заплатив долг отца, но суд вернул лишь половину участка.

Известно, что Али Мамашев и его сыновья стали богатыми благодаря тому, что давали деньги в долг, беря земли в бегенду. Видимо, большинство из тех, кто брали в долг, не смогли его вернуть, и их земли, отданные в бегенду, так и переходили в собственность Мамашевых.

Но в то же время трудно согласится с утверждением Мисоста Абиева о том, что аталыки (дословно — вместо отца), т.е. воспитатели княжеских детей, платили за эту свою услугу еще и дань этому самому князю. Такое просто невозможно, совершенно противоречит горским обычаям и

горской логике. К тому же женщин, выкармливающих грудью княжеских детей, Абаев почему-то называет «аталыками», хотя и должен был прекрасно знать, что их, как и всех молодых женщин, кормящих чужих детей своей грудью, называют «эмчек ана» – молочная мать. Аталыком называется только мужчина, и именно тот мужчина, на воспитание которому и отдают ребенка.

Конечно, князья (к тому же обычно состоятельные) не могли отдавать своих детей в бедную семью, если даже там могла быть и молодая, кормящая грудью мать, а отдавали в давным-давно знакомую семью из авторитетного рода и обязательно туда, где не должны быть какие-либо неудобства из-за материального недостатка.

Материальный достаток семьи в данном случае, возможно даже, учитывается не столько лишь для этого, чтобы ребенок ни в чем не нуждался. Этому в горской семье не придавали первостепенного значения, – а скорее всего из морально-этических соображений: нормальный горец, если он не лентяй, не должен быть бедным, а если он беден, то, скорее всего, лентяй и любитель легкой жизни, а чему хорошему может научить ребенка лентяй и прощельяга?

Так что, в данном случае и материальный достаток семьи имеет морально-этическое значение, что является главным в воспитании горца, а тем более княжича. Могло быть и так даже, что ребенка отдавали в семью, где материальное положение было не ахти, значит в этой семье сильны морально-этические корни, а пошатнувшееся материальное положение – дело непредвиденных обстоятельств. Скажем, в недавнем прошлом пожар или наводнение, в результате которого и было потеряно все имущество и скот.

Ребенок воспитывался в семье аталыка обычно до 10–12-летнего возраста, а в редких случаях – и до 16–18-летнего, до, так сказать, совершеннолетия.

После этого аталык возвращал своего воспитанника в его отчий дом. Естественно, что это было большим событием не только в жизни этого ребенка, уже ставшего джигитом, но и в жизни обеих этих семей – и семьи воспитателя, и семьи воспитанника. Аталык, как и положено было по обычаю, одевал и снаряжал своего воспитанника так, как и должен быть одет и снаряжен сын горского князя. Возвращение, разумеется, было торжественным, устраивался той – праздник, делали курманлык – жертвоприношения, устраивались танцы и игры на несколько дней. И, отпуская аталыка своего сына домой, князь, тоже, как и положено по обычаю, благодарил его и одаривал всевозможно – участком земли, скотом или же деньгами, если скажем, тот позарез в этом нуждается, и князю об этом стало известно.

И опять же, трудно поверить в то, что этот самый уздень, воспитатель сына князя, мог быть данником этого самого князя только потому, что он аталык, а его невестка, скажем, является молочной матерью все того же

В Санкт-Петербург Абай Шаханов приехал в конце 1869 года. Здесь его, скорее всего, встретил Султанбек Абаев, его земляк, служивший в это время в Кавказском горском полускадроне.

Вскоре Абай с успехом сдал вступительные экзамены, и для него началась совершенно новая полоса в его жизни – время, когда он со всей страстью мечтателя окунулся головой в учебу, в жадное накопление знаний. Тогда, во второй половине XIX века, в стенах академии находился весь цвет российской медицинской науки: занятия вели терапевты С. П. Боткин, Э. Э. Эйхвальд, Н. В. Склифосовский, а также П. С. Лесгафт, И. М. Сеченов, профессор химии А. П. Бородин (тот самый – известный композитор!), профессор Н. Н. Зинин.

В 1872 году при Медико-хирургической академии были организованы женские врачебные курсы для подготовки «ученых акушеров». Курсы были рассчитаны на 4 года, и желающих учиться в них было много, подали заявления 400 человек, но мест было всего 70. Художник Н.А. Ярошенко в своей картине «Курсистка» как раз изобразил одну из курсисток Медицинской академии. Среди курсисток оказалась и дочь военного коменданта города Кизляра Лиза Матвеева, в которую сразу же влюбился Абай. Чтобы жениться на ней и оформить церковный брак, Абай даже принял христианство. По крещению он взял новое имя – и стал именоваться Александром Дмитриевичем.

В 1876 году Шаханов окончил академию, был признан «достойным звания лекаря» и направлен для продолжения службы в Западную Грузию в Рионский отряд. В это время как раз началась русско-турецкая война. В августе 1877 года Шаханов был откомандирован в 4-й Кавказский стрелковый батальон, который был придан в качестве подкрепления войскам, находившимся под командованием Лорис-Меликова.

В сентябре-октябре батальон оказался в зоне ожесточенных боев, когда русские перешли в наступление. Вскоре батальон был направлен на помощь прорвавшимся в тыл противника кавалеристам.

А. Д. Шаханов все время был на передовой вместе с батальоном до окончания войны в 1878 году. Следует отметить, что русско-турецкая война 1877–1878 годов проходила в необычайно трудных условиях именно в смысле санитарно-медицинской обстановки. В войсках, как в Дунайской армии, так и на Кавказе свирепствовали эпидемии тифа, дизентерии и малярии. Особенно тяжело было в Кавказской армии – здесь и природные условия были более суровые, и условия транспортировки больных были более трудными. «Малярия косит воинов, – писал участник войны С. П. Боткин. – Необходимо добиться в войсках и частях профилактической химизации». Было очень тяжело с этим и в Рионском отряде, где служил Шаханов. «Случаи сыпного тифа стали появляться все чаще и чаще; болезнь приняла форму злокачественной эпидемии и зараза приняла такие размеры, что походила ближе к чуме, чем к сыпному тифу», – сообщали участники войны. В лечебных заведениях тифозные больные

насчитывались тысячами, смертность возрастала с каждым днем. За неимением мест в лазаретах и госпиталях больных зачастую оставляли в частях, что способствовало еще более быстрому распространению болезни. Болели и умирали сами врачи, прислуга госпиталей и лазаретов. В некоторых госпиталях трижды обновлялись штаты сотрудников. По сообщению генерала Геймана, из группы, сопровождавшей его по лазаретам Эрзерума, уцелел только один – дивизионный врач и то потому что он ранее перенес тиф.

Конечно, работая в таких тяжелых условиях, Шаханов ежедневно рисковал жизнью, как и многие тысячи других участников войны. Но ему повезло и он остался в живых. В сентябре 1878 года Шаханов был прикомандирован к Владикавказскому госпиталю. Осуществится этому его желанию, наверное, помог генерал Лорис-Меликов, под началом которого и служил во время войны Шаханов.

Во Владикавказе Александр Дмитриевич чувствовал себя как дома – ведь здесь находились родственники, друзья и знакомые, и среди них Султанбек Абаев. Нет сомнения в том, что друзья и земляки проводили не один час вечерами, беседуя друг с другом. Нам, конечно, не известно то, о чем они говорили, но не трудно себе представить, что зачастую они говорили о Ставропольской гимназии, где они учились, о Санкт-Петербурге, о друзьях и знакомых. Но в то же время они не могли не говорить о своей родине – о Балкарии, не мечтать о том, что когда-то все-таки придет и то время, когда сыны и дочери гор тоже потянутся к свету знаний, узнают другой, более цивилизованный мир, где не будут унижать людей беспросветная нужда и тяжелый труд.

В 1880 году закончился срок обязательной службы в войсках после окончания академии, и Шаханов подает в отставку и вместе с годовалым сыном и молодой русской женой отправляется домой – в Балкарию, в Мухол.

Возможно, что они – Султанбек Абаев и Александр Шаханов – решили вернуться на родину вместе, так как в это же время увольняется с военной службы и Султанбек Абаев.

На родине Абай лечит больных, собирает лечебные травы, делает из них лекарства, старается, как и учили его в Военно-медицинской академии, быть «телесным и духовным врачом», пытается приучить жителей к элементарным нормам санитарии и гигиены.

Но, видимо, при всем уважении жителей к его знаниям, они все-таки не могли понять и принять его поступка – принятия им чужой им веры – христианства. Не сложились, скорее всего, и отношения между его женой и родственниками тоже. Она вскоре, забрав сына, уехала к родительскому дому. Все это, конечно же, глубоко переживал Александр Дмитриевич, и, видно, не найдя иного выхода, решил вновь поступить на воинскую службу. Он был произведен в чин коллежского асессора и направлен младшим врачом второго Восточно-Сибирского батальона, который рас-

полагался в селе Никольском, которое в будущем станет городом Уссурийским. Через год он назначается на должность старшего врача Никольской команды.

В 1888 году осенью, как подающего большие надежды и способного медика, А. Д. Шаханов командирован в Петербург на курсы «усовершенствования в науках», куда направляли способных врачей воинских частей и лечебных учреждений. Кстати, во время нахождения на курсах А. Д. Шаханов определяет своего сына Бориса в Александровский кадетский корпус, по окончании которого в 1891 году он будет зачислен в Михайловское артиллерийское училище.

Закончив курсы, А. Д. Шаханов вновь возвращается на Дальний Восток, на этот раз уже старшим врачом Никольского лазарета.

С середины XIX века шло быстрое освоение Забайкалья и Дальнего Востока. В 1850 году в устье Амура был заложен город Николаевск. Через 10 лет русские солдаты и моряки основали город Владивосток. На линии Хабаровск-Владивосток началось строительство железной дороги. Здесь же в 1866 году было основано село Никольское выходцами из Астраханской и Воронежской губерний. Через два года в селе было всего около 50 дворов и чуть более 300 жителей. Но через несколько лет, когда появилась железная дорога и сюда стали прибывать войска, Никольское стало походить на обыкновенный уездный город центральной России. К тому времени, когда здесь начал свою службу А. Д. Шаханов, здесь уже было 3 церкви, школа, больница, лазарет, войсковой штаб, полицейское управление, мировой суд, почта и телеграф и военный гарнизон в 5 000 человек. Всего жителей было 14 тысяч человек.

По свидетельству современников, в конце XIX века на Дальнем Востоке было широко распространено пьянство. Этому способствовали стрессы у людей, связанные с тоской по родине, с трудностями обустройства на новых землях. А среди солдат, которые большую часть времени проводили на рубке леса, заготовке дров и сена, строительстве железной дороги, жили в землянках в сырости и холоде, были распространены и заразные болезни — малярия, брюшной тиф, грипп, и травматизм. На каждые 1000 человек ежегодная убыль в связи со смертностью или негодностью к службе доходила до 10–20 человек. В Никольском гарнизоне, где лечебным делом руководил А. Д. Шаханов, убыль среди личного состава была ниже чем вообще в армии, а тем более здесь, на Дальнем Востоке.

1894 год был началом настоящей эпидемии чумы, которая свирепствовала почти в течение 6 лет во всех странах мира. А начиналась она в Кантоне и Гонконге. Газета «Врач» писала, что чума началась в старом квартале Кантона у южных ворот массовым мором крыс. «Из этого грязного и тесного заселенного квартала зараза распространилась в центр и по окрестностям. Умирало по 100 человек в день». Из города до начала марта было вывезено 60 тысяч гробов. Люди убегали во все стороны, распространяя болезнь.

4. «Общими качествами обладает выдающимися» (Абай Шаханов)

Для исследования чумы из Японии прибыла большая группа лучших врачей-эпидемиологов. Вскоре, 18 июля 1894 года, доктором К. Китосато была открыта чумная палочка – возбудитель этой страшной болезни. Одновременно с ним такое же открытие сделал и французский доктор А. Йерсен, работавший в Сайгоне.

Появление в пограничном Китае такой страшной болезни как чума не могла не беспокоить Александра Дмитриевича Шаханова – опытного и много повидавшего врача. Несмотря на строгий карантин чума уже свирепствовала во всех крупнейших портах мира и из них распространялась по всему миру.

В том же году началась японо-китайская война – молодая, окрепшая японская военно-служивая знать хотела прибрать к рукам Корею и Китай. Так случилось, что в это же время в японский город Хиросиму, где находился русский госпиталь Красного креста, от императрицы Марии Федоровны был доставлен подарок – большой набор хирургических инструментов. В этот период оказался в Нагасаки и А. Д. Шаханов. Газета «Врач» сообщала в 1894 году, что граждане города Нагасаки преподнесли профессору Китосато красивую золотую чашу в благодарность за открытие им возбудителя чумы. На западном побережье японского острова Кюсю возвышается вулкан Хирада. Среди холмов и изрезанного берега он смотрится величаво. Здесь у подножья вулкана и вырос город Нагасаки. Русская Тихоокеанская эскадра в зимнее время уходила из Владивостока и, по приглашению с Японией, становилась рейдом на тихой бухте южного Нагасаки. В Нагасаки еще в 1890 году рядом с русским консульством был построен береговой лазарет на 60 коек для медицинского обслуживания Тихоокеанской эскадры. В этом лазарете также лечились и служащие Южно-Уссурийского края. Вообще, в то время и сама Япония, и в частности Нагасаки, для жителей Владивостока благодаря более мягкому климату и относительной близости был как бы курортным местом. Здесь были и целебные минеральные воды. Только в 1894 в Нагасаки побывали около 300 больных из России. И приезд сюда Шаханова, скорее всего, тоже было связано с его болезнью – болезнью почек.

В Нагасаки при городской больнице было медицинское отделение высшей и средней школы, которая находилась в Кумамато. Это отделение считалось высшей медицинской школой. Здесь обучались лечебному делу более 300 студентов. Их обучали 9 профессоров. По отзывам русских врачей, эта школа была оснащена не хуже чем учебные заведения в Европе и России. Преподавание в школе велось на немецком языке. Шаханов владел немецким, и по просьбе администрации школы прочитал здесь цикл лекций.

Александр Дмитриевич Шаханов был человеком редкого душевного богатства и всецело посвятил свою жизнь избранному им самим еще в детстве делу – заботе о здоровье людей. В аттестационной характеристике за 1895 год о нем написано так: «1. Способности весьма хорошие,

характер мягкий, ровный, спокойный, настойчивый по службе, нравственные качества безупречны, энергичен, в отношении гуманности, честности и твердости в убеждениях безупречен. 2. Научно образован превосходно, опытность по своей специальности показывает на деле по успешным результатам при пользовании больных. 3. Организацию военно-медицинской части хорошо знает и обладает административной опытностью. 4. Исполнителен, весьма усерден к службе, привержен к законности и порядку, усердно заботится о правилах пользования больных и к казенному интересу относится аккуратно. Общими качествами обладает выдающимися».

Несомненно, что такого человека в будущем ожидала блестящая карьера, так как начальство считало, что А. Д. Шаханов «постоянно отличался знаниями и примерной энергией, в особенности же в военно-врачебных учреждениях» и был «достойным повышения по службе вне очереди». А это означало, что его в скором времени должны были представить к чину действительного статского советника, что по сегодняшним меркам соответствует званию генерал-майора медицинской службы.

Но всему этому не суждено было сбыться – внезапная смерть прервала жизнь этого замечательного человека. Скорее всего, он заразился свирепствовавшим в то время брюшным тифом и умер от почечной недостаточности. Это печальное событие случилось 28 августа 1897 года в Никольском лазарете, где он сам и служил.

Родина оказалась неблагодарной по отношению к своему замечательному сыну – о том, что А. Д. Шаханов был первым врачом с высшим образованием из среды балкарского народа в Кабардино-Балкарии ничего не напоминает – его именем ничего не названо – ни улица или переулок, ни училище или больница.

5. Первые женщины-просветители Балкарии

В советской исторической науке утвердилось мнение о том, что женщина на Кавказе находилась на положении домашней рабыни, ей, мол, не разрешали участвовать в общественной жизни, она не смела перечить мужу, и день-деньской должна была готовить, шить, стирать и т. д. И подтекст – что же еще можно было ожидать от невежественных кавказских народов, которые, мол, находились до Октябрьской революции на стадии патриархально-родовых отношений, не знали что такое читать и писать.

Интересно было бы спросить у этих советских историков – профессоров и академиков: «А греческий народ в период расцвета городов-государств, скажем, в V веке до н. э., тоже был невежественным – ведь там тоже женщины не имели право участвовать в общественно-политической жизни, тоже не смели перечить мужьям, тоже день-деньской занимались стиркой, шитьем, готовили еду мужчинам?» Можно подумать, что в

дооктябрьской России было полно женщин-министров, что они заседали в Государственной думе или же в земских собраниях.

Как и у всех народов мира, и у кавказских народов женщины тоже занимались в основном женскими делами – они готовили еду, стирали одежду, присматривали за детьми, шили и штопали. А мужчины занимались мужскими делами – строили дома и кошары, пасли скот, заготавливали сено, дрова, воевали, коли была необходимость. Единственное, чем отличались, скажем, балкарские и карачаевские девушки и женщины от своих подружек иных национальностей, так это только тем, что они были балкарками и карачаевками – вот и все. И если парижанка, скажем, день начинала с того, что кормила мужа – портового рабочего завтраком, а потом, проводив его на работу, бежала на рынок чтобы купить рыбу на ужин, то балкарка, тоже покормив мужа, который уезжал спозаранку за дровами в лес, тут же принималась прясть шерсть, чтобы потом изготовить бурку или башлык, которые можно будет продать казакам или грузинам. И еще – балкарка говорит по-балкарски, парижанка – по-французски. А то, что одной из них живется легче, другой – трудней, так это зависит не оттого, что там иные обычаи, чем здесь, а от природных условий места проживания народа и его правителей.

А отношение мужчин на Кавказе к женщинам, надо отметить, более рыцарское, чем у многих иных народов. Поднять руку на женщину на Кавказе считается позором. «Сестра», «дочь моя», «мать» – вот обычные варианты обращения мужчин к девушкам и женщинам, которые могут быть вовсе даже и не знакомыми этим мужчинам.

Поэтому не следует считать слишком уж необычным поступок одного из первых балкарских просветителей Асланбека Абаева, когда он решается отправить на учебу обеих своих дочерей – Пашахан и Ханифу, и так уж сильно умиляться этим, как это делает, скажем, начальник Налычкского округа князь Орбелиани. Он в своем письме в областное начальство, ходатайствуя об удовлетворении просьбы Асланбека Абаева, пишет так: «...примеру Абаева, пренебрегшего фанатичным убеждением своих единоверцев-магометан и закоснелыми предрассудками кавказских горцев, считающих женщин без права на образование и без голоса даже в семействе...» Возможно, князь и был убежден в том, что писал, возможно, что он специально преподносил поступок Асланбека совершенно необычайным лишь для того, чтобы не последовал отказ, ведь известно, что он, князь Орбелиани, всячески старался помочь горцам получить образование. А потому чуть-чуть «закрутить», чтобы не отказали – это вполне возможно. Но дело в том, что потом советские ученые мужи принимали подобные слова довольно уважаемых в прошлом людей за истину и делали соответствующий вывод – женщина у кавказских народов находилась на положении домашней рабыни и даже «без права голоса в семействе».

Но это совсем не так. К тому же балкарцы и карачаевцы не были фанатичными мусульманами. Лишь теперь, после почти столетнего террора Советской власти против мусульманских священнослужителей, как и всегда после долгого запрета, слишком уж активизировалась религиозная жизнь. Это неумное увлечение религией, когда даже малых детишек приучают штудировать куран, через некоторое время пройдет, как проходит всякая мода на что-то необычное. Кстати, и в целом по России наблюдается это поветрие – чрезмерное увлечение религией.

Как бы то ни было, но князь Орбелиани сделал благородное дело – из области пришло разрешение отправить обеих девочек за казенный счет в училище св. Нины в Тифлисе. Обрадованный Асланбек поспешил домой в Большую Балкарию, но жена наотрез отказалась отпускать сразу обеих дочерей в такую даль, а согласилась отправить на учебу только младшую – Ханифу. И это не потому что жена Асланбека была такой уж фанатичной мусульманкой, а просто потому что она не хотела отпускать от себя свою старшую дочь – помощницу в доме. Вместо Пашахан с Ханифой Абаевой в Тифлис поехала шестилетняя дочь Омара Шакманова – Фуза. Между прочим, мать Фузы Налмас была родом Мамышевой, сестрой сотника Марка Мамышева, с семьей которого был в дружественных и родственных отношениях Асланбек Абаев, а потому резонно предположить, что поездка Фузы вместо Пашахан состоялась благодаря стараниям Асланбека и Марка Мамышева. Таким образом, две балкарские княжеские семьи совершенно добровольно и даже сами попросив, отправляют своих малолетних дочерей за тридевять земель – в Тифлис – учиться. Следовательно, говорить о фанатиках-мусульманах (Тифлис, как известно, город христиан), коими зачастую представляют балкарцев, не имеет смысла, точно также и о том, что на Кавказе женщина находилась в забитом, незавидном положении. А следует говорить лишь о том, что в силу естественных обстоятельств (почти полное истребление народа и его материальной культуры во время темирлановского нашествия, а после – жизнь в трудных горных условиях) балкарцы и карачаевцы в XV–XIX веках в экономическом развитии довольно ощутимо отставали от общего мирового уровня. А все остальное, что им в довесок приписывают – и фанатичное мусульманство, и невежество, и некультурность, – все это не что иное, как, если по-мягче сказать, простая болтовня заикливых на идеологических штампах советских историков.

Как известно, высокая мораль и культура поведения, поступков – это фундаментальные составляющие культуры любого народа. Если судить по этим критериям, навряд ли какой-либо народ мира сможет опередить балкарцев и карачаевцев, кабардинцев и черкесов, ногайцев и кумыков, аварцев и лезгин.

И если говорить о Ханифе Абаевой и Фузе Шакмановой, то следует говорить лишь о том, что этим девушкам в новой истории нашего народа впервые удалось получить хорошее светское образование, честь и хвала

им, что сумели одолеть все трудности учебы, а потом стали в ряд первых просветителей-женщин из народов Кавказа.

Курс обучения в учебном заведении Св. Нины был рассчитан на 6 лет. Но так как Ханифа и Фуза проучились в этом учебном заведении вместе более 10 лет – с конца 1861 по май 1872 года, до замужества Ханифы, – то следует полагать, что в первые четыре года девочки-балкарки проходили подготовительные курсы, в которых юные воспитанницы заведения получали начальное образование. Скорее всего, при этом заведении существовал специальный пансион для таких девочек, из отдаленных уголков всего края. И лишь после получения начального образования на подготовительных курсах, вероятно, Ханифа и Фуза приступили к освоению основного курса обучения учебного заведения, насчитанного на 6 лет. Учились девочки хорошо. Это видно по экзаменационным ведомостям, ежегодно представляемым начальнику округа Советом благотворительного общества, в ведении которого находилось училище. Так, в ведомости за первое полугодие 1871 года у Ханифы Абаевой почти по всем предметам – по русскому языку, математике, истории, географии, естественным наукам стоят только пятерки. Только по рукоделию не пятерка. Так же хорошо училась и ее подруга Фуза Шакманова. Девочки считались лучшими ученицами учебного заведения. Так что, их родственники, в том числе и постоянно следивший за успехами сестренки Султанбек Абает, который в это время уже жил и работал во Владикавказе, были довольны успехами девушек.

Удивительно, что даже начальник Георгиевского округа, куда в то время входила и Балкария, пишет письмо в Тифлис и просит (просит!) Совет благотворительного общества св. Нины уговорить девушек остаться в учебном заведении после полного завершения курса учебы еще на один год, чтобы те закончили и педагогический курс. При этом он обещал, что позаботится «приискать им занятия, соответствующие их специальному образованию в деле воспитания».

Предложение начальства, как и следовало ожидать, девушки приняли с радостью. «Они с особенной готовностью изъявили свое согласие остаться по окончании курса наук еще на один год в заведении для слушания педагогических курсов», – так сообщали из Тифлиса в Нальчик начальнику округа.

В мае 1872 года педагогический Совет учебного заведения св. Нины «за отличные успехи удостоил перевода в 7-й класс для слушания педагогических курсов окончивших курс наук в упомянутом заведении девиц: Хужи (Фузы) Шакмановой и Ханифы Абаевой».

Они были первыми горянками, решившими стать учителями и поступившими на педагогические курсы. Но окончить эти курсы Ханифе Абает не удалось. В ноябре Совет благотворительного общества св. Нины сообщил начальнику Георгиевского округа о том, что «воспитанница Тифлисского заведения Св. Нины девица Ханифа Абаета сего числа (15 но-

ября 1872 г.) вышла замуж за учителя Бакинской гимназии Гасан-Бека Меликова... Свадьба эта состоялась неожиданно и то с разрешения августейшей председательницы общества госпожи великой княгини Ольги Федоровны».

Гасан-Бек Меликов, который впоследствии станет известным просветителем азербайджанского народа, родился в селении Зардоб в Азербайджане, в семье военнослужащего. После окончания начальной школы в Шемахе его, как одного из лучших учеников, отправили в Тифлис учиться в гимназии за казенный счет. Закончив с отличием курс учебы в гимназии, он поступает на естественный факультет Московского университета. С 1865 года, после окончания университета, он вначале работал в Тифлисской межевой палате, а затем секретарем в суде. А с 1870 года — преподаватель естественной истории в реальном училище в городе Баку.

Следует отметить, что Гасан-Бек, хотя и происходил из культурной и образованной семьи, до женитьбы на Ханифе Абаевой не проявлял особого интереса к театральному и песенному искусству. А ведь ко времени женитьбы он был уже зрелым человеком. Но вот после женитьбы спустя только год, в 1873 году, он уже ставит в реальном училище комедию известного азербайджанского писателя и просветителя М. Р. Ахундова «Везирь Ленкоранского Ханства». Спектакль, разумеется был поставлен силами учащихся ремесленного училища, но тем не менее вызвал большой интерес в среде нарождающейся национальной интеллигенции. Это был первый спектакль на азербайджанском языке, и день показа этого спектакля отмечался в Азербайджане как день основания национального театра.

Нет сомнения в том, что интерес Гасан-бека к театральному искусству был вызван под влиянием Ханифы и ее старшего брата Султанбека, который уже давно ставил с учащимися спектакли и давал концерты во Владикавказе.

Новым увлечением Гасан-Бека после женитьбы была и издательская деятельность. В 1875 году он основывает газету «Экинчи» («Пахарь» на азербайджанском языке). Чтобы вызвать интерес читающей общественности к своей газете, Гасан-бек и Ханифа-ханум распространяли свою газету на первых порах бесплатно, а потому, естественно, ее издание было убыточным. Но все равно она выходила целых два года — с 1875 по 1877 год. В «Истории Азербайджана» записано, что «Экинчи» пропагандировала прогресс, демократические и просветительские идеи, выступала против суеверия, темноты и невежества, откликалась на многие злободневные вопросы азербайджанской действительности... «Экинчи» занимает значительное место в развитии прогрессивной общественной мысли в Азербайджане и в азербайджанской культуре в целом».

Не найдя широкой поддержки своим начинаниям в просветительской деятельности, Гасан-бек уезжает в родное селение Зардоб, где Гасан-бек и Ханифа-ханум прожили целых 16 лет, занимаясь лишь своим хозяйством.

В Баку они возвратятся только в 1896 году, чтобы с новой силой, умудренные опытом жизни, вновь взяться за просвещение родного народа.

Умер Гасан-бек Меликов в 1907 году, но Ханифа-ханум не прекратила просветительскую работу и стала верным продолжателем дела мужа. Особенно много сил она отдавала организации женского образования среди азербайджанок как в царское время, так и во время Советской власти вплоть до своей смерти в 1929 году.

После смерти мужа Ханифа-ханум стала вместо него директором школы. Интересна сама история этой школы.

В то время в Баку жил миллионер-нефтепромышленник Тагиев. Ученый Нобель, основатель самой престижной в мире Нобелевской премии, в то время жил и работал тоже в Баку. Ханифа-ханум по роду своей деятельности не раз встречалась с этими знаменитыми людьми, дружила с ними. О том, что Нобель знаменит, разумеется, знают все. Но и Тагиев был очень интересным, благородным и высокоинтеллектуальным человеком. За его счет в лучших университетах Европы постоянно учились 5–6 молодых азербайджанцев. Одним из них, к примеру, был известный общественный деятель первой четверти XX века Нариман Нариманов.

Так вот, этот миллионер построил в Баку для своего сына большой особняк, но вскоре, когда в особняке шли последние отделочные работы, случилась беда – умер сын Тагиева. Тагиев завершил строительство дворца и отдал его под школу, где и был директором Гасан-бек Меликов. Вот в этой-то школе и стала директором Ханифа-ханум. И лучших учеников именно этой школы и посылал за свой счет учиться в Европу Тагиев. Некоторые из этих молодых людей уже в советское время стали профессорами. Среди них и первая женщина-профессор, доктор медицинских наук Ахунова, а также доктор филологических наук, академик Мамедов.

Ханифа-ханум Меликова – организатор женского просвещения в Азербайджане и активный пропагандист знаний, общественный деятель конца XIX и начала XX веков. Ее дочь Гариб-ханум стала достойной продолжательницей дела отца и матери на ниве народного просвещения – она учительствовала более 40 лет и награждена орденом Ленина.

А как сложилась судьба подруги Ханифы Абаевой – Фузы Шакмановой?

Фуза успешно окончила и учительский курс в Тифлисе и вернулась на родину – в Нальчик. Но здесь для нее работы не нашлось. И тогда «почетные представители Большой и Малой Кабарды и Горских обществ» на своем очередном сходе приняли решение – выдавать Фузе Шакмановой из средств Кабардинской общественной суммы ежегодно до выхода ее замуж или же до того, как ей будет предоставлена работа, по 300 рублей. Однако вышестоящее начальство это решение не утвердило, заявив, что на учебу Шакмановой итак истрачено много средств и она должна работать. Этот отказ скорее всего и побудил начальника Нальчикского

округа открыть школу в Чегеме, где стала преподавать Фуза Шакманова. Случилось это, скорее всего, на следующий год после приезда из Тифлиса – в 1876 г.

В циркуляре Кавказского учебного округа об этом сообщается как об интересном событии: «В некоторых аулах уже образовались школы, как только явились желающие учить. Таковые в настоящее время имеются: ...затем в ауле на Чегеме учительницей также тифлисская воспитанница, кажется, из заведения Св. Нины Фуза Шакманова; и наконец, в одном из аулов на Баксане, в 7-ми верстах от почтовой станицы, здесь учит кабардинка княгиня Уракова, которая сама обучалась в Петербурге... Во всех этих школах обучают по-русски и в каждой находится от 20 до 25 учащихся...»

Спустя год или два Фуза Шакманова выходит замуж за известного просветителя из Осетии Ибрагима Шанаева. Братья Шанаевы, Султанбек и Ханифа Абаевы были в дружеских отношениях, и естественно предположить, что свадьба Ибрагима и Фузы состоялась именно благодаря Ханифы и Султанбека.

Так, обе девушки Балкарии, первыми среди мусульманок Кавказа получившие хорошее светское образование, оказались за пределами родного края.

Не пришлось отдать свои знания и опыт жизни родному краю и другим девушкам Балкарии, которые имели хорошее образование. Это в первую очередь дочери Мисоста Абаева. После окончания Нальчикской женской школы Мисост не смог добиться того, чтобы его дочерей послали учиться за счет общественной суммы Кабарды и Пяти Горских обществ, и они – Сафият, Гошаях, Фатимат и Джаннет – много лет занимались самообразованием и имели приличные знания.

В 1911 году журнал «Мусульманин», издававшийся в Париже, опубликовал легенду «Как ференки покинули Кавказ» и этнографический очерк «Свадьба крымских татар» Фатимы Абаевой. Журнал обещал в дальнейшем напечатать и другие произведения этого автора. Но вскоре журнал был закрыт, и каких-либо вестей о других произведениях Ф. М. Абаевой до нас не дошло.

Фатима, таким образом, является первой балкаркой, чьи произведения были напечатаны.

После прихода Советской власти она работала инспектором школ, а потом поехала учиться в Коммунистический университет народов Востока. После окончания этого учебного заведения по распределению высоких партийных органов вместе с мужем Степаном Аршевым была направлена на работу в Баку. Здесь она работала на различных партийных должностях, вместе с Ханифой-ханум Меликовой (Абаевой) проводила большую просветительскую работу среди девушек и женщин Азербайджана.

Муж Фатимы ранее был преподавателем Коммунистического уни-

верситета народов Востока. И он и Фатима, верили в высокие идеалы революции и партии, были членами РКП (б). Но стремление к справедливости, честности и правде принесло им немало горя. В 1929 году Фатима была исключена из партии «как происходящая из социально-чуждой среды и не порвавшая с ней до сего времени связи (переписка с сестрами, материальная помощь им, брала к себе временно детей сестры)». Удивительно, но через год пролетарская партия поняла всю абсурдность обвинения, предъявленного т. Абаевой (коммунист, призванный заботиться о людях, обвиняется в оказании помощи своим близким людям!), и восстанавливает ее в своих рядах. Но в 1937 году арестовывается ее муж, и она вновь изгоняется из партии «за укрывательство мужа-троцкиста».

Поразительно, но Фатима, после многолетней изнурительной борьбы, конечно, но все-таки добивается реабилитации своего мужа и еще нескольких родственников и восстанавливается в партии!

Но счастье ее длилось недолго, началась война, муж ее ушел на фронт и вскоре погиб. Погибли и четыре племянника, защищая любимую Родину, которая почему-то их так невзлюбила еще с детства.

В тяжкие годы войны Фатима руководила клубом военного госпиталя, работала в райкоме партии.

Последние годы жизни провела в Москве, работала библиотекарем.

6. Ислам Крымшамхалов – недопетая песня Карачая

Ислам Крымшамхалов – это, как говорят горцы, свет очей наших и частичка души нашей. Так балкарцы и карачаевцы говорят лишь о человеке кристально чистой души и высокой чести. И еще – об очень родном и близком человеке. Таким именно человеком был и остался навсегда в памяти карачаевцев и балкарцев Ислам Крымшамхалов – художник, поэт, публицист, общественный деятель и просветитель.

Родился он 31 марта 1864 года в селении Карт-Джурт в Большом Карачае в известном и уважаемом княжеском роду. Наверное, в нем слилось все высокое и красивое, что было в двух этих братских народах, карачаевцах и балкарцах: ведь он был сыном двух уважаемых бийских родов Балкарии и Карачая – Крымшамхаловых из Карачая и Урусбиевых из Балкарии. Мать его – Джюзек статная и красивая, была урожденной княгиней Урусбиевой, сестрой того самого Исмаила Урусбиева, которым восхищались многие знаменитые ученые, деятели культуры и путешественники не только России, но и Европы.

Ислам осиротел рано, и детство его в основном прошло в доме его знаменитого дяди по матери – Исмаила Урусбиева. Исмаил Урусбиев очень любил своего смышленного и любознательного племянника и де-

лал все, чтобы с детских уже лет привить ему любовь к знаниям, к красоте, быть честным и справедливым. И мальчик был благодарным учеником своего дяди — на всю жизнь он остался с чистой душой и чистой совестью, не перестающим удивляться красоте и гармонии мира.

Как известно, дом Урусбиевых был своего рода культурным центром Балкарии и Карачая, здесь часто собирались не только получившие хорошее по тем временам образование балкарцы и карачаевцы, но и известные всей России деятели науки и культуры, художники и композиторы — М. М. Кавалевский, В. Ф. Миллер, П. П. Иванюков, М. А. Балакиров, П. И. Чайковский, С. П. Танеев и многие другие. В специально для гостей построенном доме Урусбиевых жители села встречались с приезжими людьми, рассказывали им старинные народные героические сказания и песни, объясняли, какие есть у балкарцев и карачаевцев обычаи.

Кроме того в доме Исмаила Урусбиева имелась хорошая библиотека из книг на русском и арабском языках. Здесь постоянно велись разговоры о русской и западной культуре, литературе и живописи. Нетрудно себе представить, что, живя в такой среде, воспитываясь у такого замечательного человека, каким был Исмаил Урусбиев, Ислам уже к 10–12 годам был довольно начитанным, грамотным мальчишкой.

Неудивительно поэтому, что он в 13 лет поступил в Ставропольскую гимназию. В ту самую знаменитую Ставропольскую гимназию, где директором был великий педагог Януарий Михайлович Неверов. Именно в этой гимназии учились почти все выдающиеся просветители горских народов Северного Кавказа. Ислам, еще до поступления в гимназию получивший хорошее образование в доме своего дяди, учился в гимназии легко и с удовольствием. Судя по всему, именно в гимназические годы он особо увлекся помимо рисования, которым он занимался с детских лет, и литературой. В юношеские годы он любил басни Крылова, а уже в зрелые годы его кумиром был Лев Толстой.

После окончания гимназии шестнадцатилетний Ислам едет в Петербург и начинает, как и многие сыновья биев, получившие образование, службу в конвое императора. Целых четыре года прослужил в Кавказско-горском полугекадроне конвоя императора Ислам Крымшамхалов, и эти годы были для него не столько годами службы, сколько годами вхождения в удивительно прекрасный, завораживающий, ослепительный и многообразный мир света знаний и культуры.

В Петербурге Ислам, несомненно, часто бывал у всех тех знаменитых людей из столицы, которые гостили в Урусбиево, был на балах и вечерах, часто посещал театры. И каждый день постоянно впитывал в себя знания по литературе, музыке, живописи, истории и культуре вообще. И чем больше он знал, тем сильнее одолевали его мысли о незавидной доле своего бедного, загнанного судьбой в горные ущелья народа. Что можно сделать, чтобы облегчить нелегкую жизнь соплеменников, как внушить им мысль о совершенной необходимости учиться грамоте

по-русски, овладевать знаниями, а потом начинать применять эти знания в практической жизни?

В Петербурге в то время учились в разных учебных заведениях много горцев, немало их было и в Кавказско-горском полускадроне императорского конвоя. Многие из них входили в кавказское землячество. С многими из них Ислам был знаком еще до приезда в столицу. Здесь, при долгих откровенных беседах о жизни и судьбе своих народов, юношгорцы еще больше узнавали друг друга. Так именно в Петербурге окрепла дружба Ислама Крымшамхалова и Коста Хетагурова. Коста учился тогда в Академии художеств. В 1884 году Ислам выходит в отставку в звании прапорщика и возвращается в свое родное селение Карт-Джурт.

Через год, решив окончательно посвятить себя живописи, выходит в отставку и поселяется в Кисловодске и генерал Николай Александрович Ярошенко, один из руководителей кружка художников-передвижников, который сыграл важную роль в жизни Ислама Крымшамхалова как его друг и учитель. Учитель, пожалуй, в главном деле в жизни Ислама – в живописи.

Дом художника Ярошенко в Кисловодске в последние годы XIX века быстро стал настоящим культурным центром чуть ли не всего Северного Кавказа, так как все великие деятели культуры, желающие увидеть Кавказ, узнать больше о горцах, их нравах и обычаях непременно останавливались в Кисловодске у Ярошенко. И каждый раз, когда приезжали новые гости, у Николая Александровича собирались почти все известные люди Карачая и Балкарии – Урусбиевы, Абаевы, Крымшамхаловы, а также местные интеллигенты. И это были настоящие праздники общения людей с богатыми душевными качествами, знатоков и ценителей музыки, живописи, литературы. Исмаил Урусбиев, как свидетельствуют современники, приезжал на такие встречи с певцами, с инструментами на несколько дней. И, конечно же, Ислам Крымшамхалов по возможности не пропускал ни одной такой встречи. А в доме Николая Александровича бывали люди, составлявшие в конце XIX века цвет российской науки и культуры: композиторы Сергей Рахманинов и Сергей Танеев, художники Илья Репин и Александр Куинджи, ученые Дмитрий Менделеев и Иван Павлов, деятели культуры Федор Шаляпин и Леонид Собинов. Кроме того по каким либо событиям или по чьим-либо именинам собиралась и местная интеллигенция – полковник в отставке, большой знаток и любитель культуры Иван Аглинцев, уже известный в то время осетинский поэт и художник Коста Хетагуров, инженер и широко образованный человек Анатолий Кондратьев, соплеменники Ислама, а также работавший в Баталпашинском отделе Кубанской области с 1892 года Мисост Абаев, старший товарищ и друг Ислама.

Что и говорить о том, что такие встречи и долгие, горячие откровенные беседы обо всем: о жизни и капризах судьбы человека и народа, о тайнах мироздания и живой природы, о таинственном и завораживаю-

щем свете древних культур и цивилизаций, доходящем до нас из глубины веков, о колдовской и зачаровывающей силе музыки и искусства вообще и стали настоящим университетом для горячего и пылкого юноши, каким и был все время Ислам даже уже в зрелые годы. Кроме того, он, разумеется, очень много читал, рисовал, музицировал и занимался литературным делом, публицистикой и общественной деятельностью.

Но так как он известен и дорог нам не только как прекрасной души человек, всю свою жизнь стремившийся хоть как-то, чем-то облегчить, улучшить жизнь своего народа, — таким, к слову сказать, *быть* то время не он один — а прежде всего как первый образованный профессиональный художник, то следует, наверное, рассказать о его успехах именно в живописи. Но, к сожалению, рассказ этот будет не очень-то радостным, так как разрушители «старого мира» поистине все снесли «до основания», и от многочисленных живописных работ и рисунков Ислама Крымшамхалова — кровного врага советской власти как человек княжеского происхождения, да еще к тому же принадлежащего к «народу-бандиту», кроме двух-трех полотен, чудом сохранившихся в Кисловодске, и рисунков в книге профессора географии И.В. Мушкетова ничего не сохранилось. И вообще из его наследия сохранилось лишь то, что было опубликовано до революции. Итак, сохранились полотна «Мать и малыш», «Мальчик-карачаевец», «Портрет молодой женщины», рисунок «Ярошенко на этюдах». То, что рисунки в книге Мушкетова выполнены Исламом Крымшамхаловым подтверждаются следующей записью самого Мушкетова: «Заведует общественными карачаевскими лесами поручик Ислам Крымшамхалов, художник и отличный знаток Карачая; он полезен мне был в организации каравана и подборе проводников, а также своими прекрасными рисунками».

А из литературного наследия сохранилась басня «Волк и кот», так как она была напечатана в книге А. Биджиева «Билим». Благодаря опять же тому, что были напечатаны до революции, сохранились несколько стихов, статей и заметок в газеты и журналы.

Но даже и то малое, что сохранилось, говорит о том, что Ислам был не только горячим сторонником просвещения горцев, но и достойным сыном гор и своего мудрого народа. Полемизируя с некоторыми авторами журнала «Мусульманин», который издавался в Париже, утверждавшими, что горские народы Кавказа намного отстали от развития мировой цивилизации, он писал:

«Прежде всего, не следует горцев Северного Кавказа ставить на один уровень с некультурными классами других народностей. Если у наших горцев отсутствуют знания чисто научные, то зато у них развит в высшей степени культ воспитания, между тем как к этому важнейшему вопросу лишь приближается наикультурнейшая Европа. Все несчастья заключаются в том, что нас не понимают представители современной цивилизации (наоборот); и в том еще, что нас не удовлетворяет та культура, кото-

рою они преподносят нам в виде собственных особ. Одна лишь внешняя, так сказать, материальная сторона подобной культуры могла бы заманить к ней, но это не есть главное для горца, и ему нужно еще многое.

В другой статье опять же решительно отвергается суждения тех, которые привыкли рядом со словом «горец» непременно употреблять слова «дикий», «темный», он пишет: «Но скажу с твердой убежденностью, что в душе горца сидит основательно и верно очерченный облик хорошего человека, – которому он поклоняется. И является ли это плодом его сознания или навязана ему заветами его предков, – несомненно одно: облик этот вошел в его натуру, или вернее, запечатлелся в нем, сделался его богом. И вот лишь из рук носителя этих принципов горец с радостью примет факел просвещения...

Кто знаком с условиями, среди которых протекает современная жизнь горцев, тот простит им все, что есть нехорошего в их настоящем прозябании. Удивляюсь, как при таких обстоятельствах каким-то чудом еще уцелело много бывшего, хорошего у нас, а потому высшее признание наших образованных собратьев должно заключаться прежде всего в понимании бывшего хорошего у нас, в оценке и любви их к нему. Нужно сделаться научно просвещенным человеком, но безусловно и обязательно оставаться горцем и по воспитанию, и по душевному складу; стать естественным продолжателем древа горцев, не отрываясь от него и не чуждаясь благодарных, хотя и наивных, быть может, сородичей».

С тех пор, как были написаны эти строки прошло сто лет, и мы, как и Ислам Крымшамхалов в начале XX века, в начале XXI века опять можем почти слово в слово повторить, что было сказано им тогда. И мы, горцы, вступая в XXI век говорим: «Нас абсолютно не устраивает та европейская культура, которая по-хамски врывается в наши дома через телевидение, когда высшим достижением морально-этического воспитания молодежи считается наличие у девушки предохраняющих от беременности средств; когда пьяные оргии преподносятся как повседневная жизнь нормальных людей, и хороший маг – обязательный атрибут делового, решительного человека; когда модны люди, сидящие за столом, курящие и пьющие кофе и считающиеся у авторов положительными героями, даже и не поднимаются, когда входят к ним их отцы и матери, деды и бабушки; когда на экранах крупным планом показывают то, что даже животные стараются делать в уединенном месте.

И даже сегодня, мы, горцы, не можем принять эту культуру, которая умиляется при виде парочки молодых людей, страстно обнимающихся и целующихся прямо на бульваре или на набережной, где приятным летним вечером гуляет народ, как будто кругом пустыня, а не вечерний город, и все эти люди вовсе и не люди, а кактусы, перед которыми вовсе и не стыдно.

Мы, горцы, понимаем и приемлем лишь ту культуру, которая должна соответствовать природе человека, а не животного. Раз человек являет-

ся высшим достижением природы, то таковым он должен быть во всем, а не только в потребительском (в пользу человека биологического) смысле. И в том числе, разумеется, в морально-физическом плане. Человек — частица природы, он принадлежит к классу млекопитающих животных. И у него есть многое от его сущности — от животного мира. И, между прочим, живой животный мир — это верхний потолок развития всей вселенной. Пока что, коль судить по нашим знаниям. Следовательно, нам, людям, не следует забывать об этом. Но коли мы, люди, все-таки заявили о том, что мы поднялись над животным миром еще на одну ступеньку, то нам следует из всех сил укреплять в нас все человеческое, всячески при этом стараясь избавиться от тех качеств животных, что у нас в крови, но которые нам, как людям, чужды. И тысячелетиями человек ведет эту борьбу с самим собой, возвышая свою новую — человеческую сущность, все увереннее побеждая в себе животное начало. А та часть европейской культуры, о которой говорил Ислам Крымшамхалов в начале XX века и мы сегодня, — она тянет нас обратно в животный мир или же во времена становления человека — в пещерные времена, когда у людей еще только-только зарождались такие высшие чувства как совесть, стыдливость, уважительное отношение к старшим, к отцам и матерям, к своим предкам.

Если сказать более коротко и ясно, то голый прагматизм, который в западном мире, видно по всему, начинает править был, для нас, горцев, неприемлем. Мы не хотим возврата назад — в пещерный мир, когда человек из-за куска мяса мог убить своего брата или отца. А потому считаем, что основой человека должна быть человеческая сущность — то есть ум, честь, совесть, долг перед старшими, перед людьми и т.д. Лишь так, оставаясь человеком, усиливая в себе все человеческое, следует решать все остальное, в том числе и задачу еще миллионы лет назад стоявшую и перед нашими предками — как накормить и одеть детей и внуков, отца и мать.

Хоть и другими словами, но это самое и говорил Ислам Крымшамхалов сто лет назад. И еще — он очень верил, был абсолютно убежден, что человеческая сущность горцев — его соплеменников, слава богу, пока что крепка, даже гораздо крепче, чем у хвастающейся своей цивилизованностью Европы. И он, видимо, был прав. Европейцы, ошеломленные шумом и грохотом Римских легионов и театров, столетиями ведя борьбу с этими легионами, завидуя сытой и богатой жизни патрициев, утеряли в долгой и тяжелой суете веков многое, что было у их предков. И у них в психологии возобладали римский прагматизм. А горцы Кавказа, карачаевцы и балкарцы в особенности, предки которых 5 тысяч лет были доминирующим этносом в евразийской степи и на Северном Кавказе, сумели сохранить и приумножить морально-этический клад своих предков, накопленный в эти долгие тысячелетия. Мы, горцы, из века в век старались укреплять в себе человеческое, избавляясь от ненужного животного.

И не хотим сегодня, чтобы под шум и грохот телевизионной, во многом чуждой нам культуры, потерять все, что имели в своих моральных кладовых. Но к сожалению, мы уже не в силах с этим бороться. Долго ли еще простоят наша горская моральная крепость – неизвестно. Штурмующие ее враждебные силы никак не уменьшаются, а защитников становится все меньше. Рим, видно, победит. И Карфаген, увы, будет разрушен.

И смерть Ислама Крымшамхалова была для нас, защитников нашего Карфагена – нашей чести, нашей морали, всей нашей сути тяжелой, как гибель Ганнибала – невозполнимой. Потому и не мог в день похорон Ислама сдержатъ свои слезы его старший товарищ и друг Мисост Абатов. Он знал, кого тогда хоронили Карачай и Балкария.

Ислам Крымшамхалов умер от туберкулеза в 46 лет в Ялте, в 1910 году, похоронен у себя в Карт-Джурте.

Он ушел из этой жизни, но навсегда остался со своим народом.

7. Эльбрус – Великий хан Кавказа

Трудно переоценить значение рода Урусбиевых в истории Балкарии и Карачая. Если кто-то думает, что широкой славой своей Урусбиевы в первую очередь обязаны тому, что волею судьбы они оказались хозяевами Приэльбрусья, тот глубоко ошибается. Во-первых, потому что князю и хозяину Приэльбрусья, который ни в чем особо не нуждался, не обязательно было непременно и радушно принимать у себя в доме всяких там заезжих людей, подробно вникать в их проблемы и всячески им помогать: подыскивать проводников как для восхождения на Эльбрус, так и для перехода в Грузию, в Карачай или же в соседнее Чегемское ущелье. И даже самому иногда становится проводником для гостей. Нет, не каждый князь станет уделять столько внимания каким-то странным людям, которые приехали аж из далекой столицы России лишь для того, чтобы подняться на гору. Если им больше делать нечего, пусть шляются по горам как пастухи или охотники, а у него, у князя, есть дела поважнее. Так должен был поступить умудренный опытом жизни и озабоченный своими делами обычный балкарский князь. Но все дело и было в том, что Урусбиевы были необычными князьями, как по происхождению, так и по жизненным своим устремлениям.

Родоначальником князей Урусбиевых был некий Урусбий Сюйюнчев (в литературе существует несколько вариантов написания этой фамилии – Суншев, Суюнчев, – но правильной является эта форма – Сюйюнчев) – отпрыск безенгиевских князей Сюйюнчевых. Видимо, не поладив с родичами, он переселился с Безенги в Баксанское ущелье. И его потомки, желая увековечить имя своего предка, так смело порвавшего связи со своими родичами, которые, судя по всему, были слишком консерва-

тивны во всем, взяли его имя в качестве фамилии, тем самым положив начало новой княжеской фамилии. Но эта княжеская фамилия оказалась новой не только в смысле родословной, но и во всей своей сущности — князья Урусбиевы всегда отличались отеческой заботой о своих подданных, а потом — о своих соплеменниках, всегда стремились к знаниям, берегли народные обычаи и традиции, были гостеприимны и радушно принимали всех путников.

Самым первым из известных князей Урусбиевых стал Мырзакул Урусбиев, сын Исмаила старшего, который отстаивал самостоятельность и независимость Баксанского ущелья от притязаний чегемцев и кабардинцев. Это тот самый Мырзакул, который, обеспокоенный продвижением довольно крупного отряда русских военных прибыл в их стан у селения Каменный Мост. Этим отрядом оказалась экспедиция во главе с самим командующим войсками Кавказской линии генералом Георгием Эмануэлем. Сюда же прибыл в спешке и олий — верховный князь Карачая Ислам Крымшамхалов. И балкарцы, и карачаевцы были обеспокоены тем, как бы русский военный отряд не предпринял каких-либо карательных мер по отношению к горцам. Но получив подарки и заверения генерала Эмануэля о том, что экспедиция организована исключительно в научных целях (хотя она была политической в большей степени), владельцы Карачая и Баксана успокоились и даже дали генералу лучших знатоков гор в качестве проводников. И именно с него, с «Мурза-Хула» Урусбиева, как называет его венгерский ученый Янош Бесс, тоже бывший участником экспедиции, и началась слава Урусбиевых — радушных и гостеприимных хозяев Приэльбрусья.

Венгерский ученый, приехавший искать исторические корни своего народа, был необычайно заинтересован рассказом Мырзакула Урусбиева о том, что балкарцы и карачаевцы были некогда подданными молодого вождя-венгра Тума-Мариен-хана, чудесным образом женившегося на Аламелии — дочери византийского императора. Перед смертью Тума-Мариен-хан завещал своим трем сыновьям жить в мире и согласии. «Но они, став хозяевами после смерти отца, поссорились из-за престола, и разгорелась между ними война. Эта междоусобица среди мадьяр привела к разрушениям и расколу внутри этой некогда свободной и могущественной нации, от которой, — со вздохом прибавил Мурза-Хул, — у нас сохранились лишь воспоминания о ее былом величии, воспоминания, которые мы храним среди этих скал, превращенных нами в убежище нашей независимости, единственного наследия наших отцов, ради которой всегда готовы отдать жизнь мы и наши дети».

Следует отметить, что рассказ этот очень напоминает действительно происходившие события, но только не с мадьярами, а с булгарами, какая-то часть которых, как известно, была ассимилирована среди аланов, от коих и могла дойти до Мырзакула Урусбиева эта легенда, изменившись и приобретая некоторую экзотическую окраску.

Как бы там ни было, но с этих пор и до дня расставания венгерский ученый уже ни на шаг не отходил от Мырзакула, выспрашивая у него все новые и новые известия о прошлом карачаевцев и балкарцев. Дело дошло даже до курьеза. Бессе, желая угодить гостеприимным хозяевам, рассказал, что у них тоже есть семейство под названием Карачай, и что даже в императорской армии есть генерал Карачай.

Мырзакул и его соплеменники вдруг страшно рассердились и выскочили из шатра. Переводчику, прислушивавшемуся к их разговору, удалось выяснить, что горцы заподозрили Бесса в том, что тот хочет предъявить от имени венгерского Карачая какие-то свои права на них. Лишь стараниями самого генерала Эмануэля и подробными объяснениями о своих добрых намерениях и чувствах Бесса удалось уладить недоразумения, которые, по словам генерала, «чуть не привели к международному конфузу».

И вот наконец огромный и в то же время довольно пестрый караван генерала Эмануэля 14 июля добрался до долины Исхаут (Хасаут) и остановился здесь, чтобы переждать непогоду. Отметим, что в караване было более 1000 человек только военных – 650 солдат и 350 казаков, не считая генералов, офицеров, а так же калмыков, погонявших 6 верблюдов.

Через несколько дней погода установилась, и экспедиция продолжила свой путь. Через четыре дня экспедиция остановилась и разбила лагерь на самой верхней долине реки Балык (Малка) на плато Ырахын-сырт, что значит «Уставший хребет», где находились минеральные источники Джилы-су. Отсюда и предстояло штурмовать Эльбрус. По сообщению Купфера, решили отметить место стоянки экспедиции надписью на ближайшей скале. Через 50 лет эту надпись на скале «у красивого водопада» видел в июле 1879 года известный исследователь Кавказа Н.Я. Дынник. Другой ученый, долго занимавшийся историей народов Кавказа и сам немало поездивший по горам, в своей книге «Кавказский край. Природа и люди» писал: «Малка вытекает из подошвы Эльбруса двумя источниками, из которых правый образует замечательный водопад Керкер (правильно – Кёкюрек), т.е. «Грудь, падающий с высоты 16 сажень. Водопад увенчан площадкой, на которой на скале сохранилась надпись: «2 июля 1829 здесь стоял лагерь генерал Эмануэль».

Люди любовались красавцем Эльбрусом и его семейством – окрестными горами. «В епанче нетленных своих снегов являет вид круглого, островерхого шатра, как бы подпираемого изнутри стойкой. Формы строги, обдуманы. Однородцы Мырза-кулы, все азийские соседи, почитают его необыкновенно, и в этот час понимаю их». Это пишет Эмануэль.

«И завлекательно, и странно. Все на виду, и все неведомо. Таков он – трехклиматный Эльбрус. И таит в минотаврских своих лабиринтах искомый нами не равносторонний водораздел двух морей. Вспоминается мне блаженный час созерцания первых виденных мною снегов вершин ост-

ровов Тенерифа. Мнилось совершенством натуральной природы. Майн готт! Да они негожи стать даже карлами в свите Эльбруса!» Это пишет физик, академик Эмиль Ленц. «Это предприятие – символ единства цели при разности людей и наук. В экспедиции участвуют 9 народов Европы и Азии. И мы первые, заглянувшие в лицо Эльбрусу». Это венгерский ученый Янош Бессе.

Утром 21 июля (9 июля по старому стилю) состоялся сбор всей экспедиции, где с напутственным словом к тем, кто пойдет в гости к самому Эльбрусу, обратился генерал Эмануэль. Речь генерала, естественно, была «военизированной», он сказал: «Пришло время размышлять, господа, категориями полевых диспозиций. Стоянием крепостей не берут. Преуспеть в подъеме – значит открыть путь ученым изысканиям. Все поле сражения перед нами, вплоть до главного биастциона. Различаю преграды: рвы, батареи, машикули (бойницы), из которых уже начали обстрел камнепадами и лавинами».

Генерал обещал покорителям Эльбруса награды: тому, кто поднимается первым на вершину 400 рублей, второму человеку, который достигает наибольшей высоты после первого – 200 рублей.

Как и все генералы империй всех времен и народов, и этот сербский русский генерал Эмануэль, разумеется, был обычным генералом великой империи, а потому он старался делать то, к чему он и предназначен был судьбой – покорять. Стоя у ног могучего владыки Кавказа – Великого хана Эльбруса, он, вместо того, чтобы отвесить ему низкий поклон и просить принять его посланцев, которые отправляются к нему с верно-подданныческими чувствами и со словами благодарности за великодушные, оказанные им, русским, допустив их в пределы своей земли, этот спесивый генерал отправил жалкую кучку своих людей к Великому Эльбрусу с приказанием покорить его. Бедный, откуда он мог знать, что Эльбрус, как и само Солнце, вообще невозможно покорить. Самое большое, чего могут удостоиться люди, – это благосклонное, дружеское отношение Эльбруса к ним. Но всем следует учесть, что этой чести – благосклонности и дружеских отношений Великого хана Кавказа Эльбруса – удостоиваются лишь честные и достойные люди, с чистыми сердцами и намерениями. Обо всем этом императорский генерал Эмануэль, конечно же, не знал. А потому и Эльбрус не принял в гости его людей тогда, летом 1829 года. Как бы они ни старались исполнить приказ генерала.

На штурм Эльбруса отправились 20 казаков и ученых во главе с академиком Адольфом Купфером – это, кроме самого Купфера, следующие: физик Эмиль Ленц, впоследствии академик, зоолог, академик Эдуард Менетрие, ботаник, академик Карл Мейер и архитектор Кавказских Минеральных Вод Джузеппе Бернардацци. И пятеро проводников, четыре из которых были те, которых дал правитель Карачая Ислам Крымшамхалов генералу Эмануэлю, когда узнал, что он идет к Эльбрусу с мирными намерениями. Прощаясь с генералом в Каменномосте, Ислам,

показывая на своих проводников, сказал: «Килар и его друзья – лучшие из лучших охотников. Знают горы, как ты, Мануель, свою жену». Пятым был Ахия Соттаев, которого предложил Мырзакул Урусбиев из среды своих людей.

После 6 часов упорного подъема люди достигли снеговой линии на высоте 1000 футов, и здесь они должны были заночевать. Какова была эта ночь перед последним штурмом Эльбруса – об этом Адольф Купфер пишет так: «Мы провели ночь у подножья Эльбруса, в глубине громадных черных глыб, посередине которых были углубления, заполненные снеговой водой; ночь была прохладной, я просыпался несколько раз, чтобы наблюдать окружающую красоту. Эта картина глубоко запечатлелась в моей памяти – она состояла из трех тонов: серебристый тон снега и луны, голубизны неба и глубокий черный цвет скал и тени ночи; но причудливые группы, неясные очертания, постепенность перехода тонов и, наконец, спокойствие, царившее вокруг нас, восхитительны. Все придавало невыразимое очарование этой картине и никогда в моей жизни ничто более прекрасное не представало передо мной».

Конечно, ночь, ясная и холодная, на такой высоте, где, казалось, протяни руки и достанешь до звезд, для большинства из них, оказавшихся в такой громадности вселенской красоты, была сказочно богата впечатлениями. Надо было хорошенько отдохнуть перед завтрашним броском на вершину, выспаться, но сон не шел. Подавляли и в то же время зачаровывали огромность мира, его необычайная красота, бездонная темнота ночи, и большие, с кулак, звезды. И холод тоже отгонял сон. Один из проводников – Хиллар Хачиров, внимательно следивший за состоянием погоды, укладываясь спать, одобрительно сказал: «Якши, корош. Тепло в ночь – яман, плòх. Холод, как сейчас, якши, корош, день быть чистый, гора доброй».

Как и предсказывал Хиллар, следующий день выдался ясным и солнечным, и уже в 3 часа отряд был на ногах. По рассказу академика Купфера, уже вскоре вся группа оказалась в царстве вечных снегов. «Поначалу подъем не был трудным, и мы преодолевали препятствия, помогая себе время от времени железными палками, – пишет Купфер. – Но вскоре подъем стал трудным, и альпинистам пришлось рубить ступеньки в замерзшем снегу». – Академик Купфер, судя по всему, был натурой поэтической, так даже в этой сложной ситуации успевает краем глаза любоваться красотой окружающего мира, синью неба, молодой луной. – «Несмотря на свежий ветер, который дул с горы, туман долины медленно поднимался позади нас, вместо того чтобы рассеиваться. Он уже покрыл то место, где мы провели ночь и которое мы только что оставили. Туман готов был окутать нас, расстилаясь у наших ног белой пеленой. Но скоро лучи солнца, проникавшие в туман с возрастающей энергией, разорвали его в нескольких местах. Вскоре вся долина открылась нашим ослепленным глазам, и перед нами развернулась панорама гор, образуя-

щих первую цепь Кавказа. Самые высокие вершины этой цепи – Инал, Кинжал, Бермамыт расположены почти полукругом, центр которого занимает Эльбрус. Видно было, как эти горы терялись к северу в равнине, образуя на стороне, обращенной к Эльбрусу, крутизны. Видно было, как беспорядок гор увеличивается по направлению к центру. Их вид представляет часть огромного кратера, посреди которого возвышается в виде конуса громада вулканических масс, превосходящая своею высотой края кратера. Восхищаясь этой панорамой, мы все движемся вперед, то прямой линией, то зигзагами, смотря по трудности пути. Поспешность, с которой мы стремились, чтобы достигнуть вершины раньше, чем поверхность снега будет размягчена солнечными лучами, истощала наши силы и мы в конце концов должны были останавливаться для отдыха почти на каждом шагу».

Уставшие альпинисты решили все-таки передохнуть часок и устроили привал.

После привала часть группы не смогла более продолжать подъем и решила возвращаться назад так как «солнце, которое почти перпендикулярно бросало свои лучи на наклонную поверхность снега, размягчило снег до такой степени, что он не мог дальше нас выдерживать; откладывать же наше возвращение было нельзя, мы рисковали попасть в те пропасти, которые были прикрыты снегом».

Но другая часть группы во главе с физиком Ленцом в составе казака Лысенкова и двух «черкесов», как назвал Купфер карачаевцев и балкарцев, впрочем как и многие другие русские генералы и офицеры, продолжали восхождение. И об этом пишет Купфер в своем отчете в академию: «Я мог надеяться, что Ленц, который опередил нас, достигнет вершины и определит ее высоту. Сопровождаемый двумя черкесами (один из этих «черкесов» – Ахия Саттаев, следовательно, и другой «черкес» Хиллар Хачиров, тоже вовсе не черкес на самом деле, а карачаевец) и одним казаком, он подвигался все вперед, взбираясь по той лестнице скал, о которой я говорил выше. Добравшись до последнего уступа, он увидел, что от вершины его отделяет еще снежное поле, которое нужно было перейти, но снег сделался до того мягок, что на каждом шагу нужно было проваливаться по колено и по пояс, и рисковали быть погребенными под снегом. Тогда он решил вернуться в лагерь, чтобы ночь не застала его в пути в лагерь. Он начал спуск, не достигнув вершины, которая, однако, как мы увидели после, возвышалась, пожалуй, футов на 600 над местом его последней остановки». Рядом с ослабевшим Ленцем остался один Ахия Соттаев, а другой проводник Хиллар Хачиров, сняв бурку и хурджин с продуктами, и так, налегке, стал быстро подниматься вверх. Лысенков тоже пошел вслед за ним. Но он сильно отставал, видно, сказывалась усталость человека, впервые поднимающегося на столь большую высоту.

Вот так описывают разные люди этот удивительный момент в исто-

рии альпинизма, когда человек на виду у многих свидетелей поднимется на самую высокую вершину Кавказа. Академик Купфер в отчете: «В течении этого дня Емануель, сидя перед своей палатой, наблюдал за нашим движением при помощи превосходной Доллондовой зрительной трубы, которую я предоставил в его распоряжении. Лишь только туман, покрывший долину утром, рассеялся, он увидел, как мы взбираемся на конус, покрытый снегом. Он видел, как мы добрались до первого уступа скал, шедших по направлению к вершине Эльбруса. Здесь разделились на две группы, из которых одна двигалась все вперед и вперед к вершине, между тем как другая остановилась. Но вдруг генерал заметил одного человека, который опередил всех и который почти прошел вышеуказанное снежное поле, отделяющее от вершины последний уступ скал. Это было в 11 часов утра. Емануель не мог более сомневаться, что один из нас достиг вершины. Он мог бы прекрасно видеть по цвету его платья, что это был черкес, но на таком расстоянии нельзя было различить подробностей. Генерал приказал ударить в барабан и произвести несколько ружейных выстрелов, чтобы оповестить весь лагерь об этом замечательном событии».

Эмиль Ленц в письме академику Ф. Паррету: «...при втором восхождении нужно будет только избрать ночлег на другой высочайшей точке, чтобы достигнуть вершины прежде, чем снега начнут таять, ибо иначе невозможно, утопая по колено в снегу и при столь разряженной атмосфере, взойти на последний крутой уступ. Черкес Киллар, о котором я писал Вам, что он достиг вершины, оставил ночлег ранее нас и прежде вошел на вершину, нежели я на то место, где должен был остановиться.»

Ахия Соттаев в 1911 году в беседе с действительным членом Кавказского горного общества Яковым Ивановичем Фроловым: «Хиллар, вооруженный длинной палкой с острым наконечником, «как вилы с двумя рожками», уверенно шел впереди группы, указывая ей дорогу. За ним, с трудом поспевая, шли казак, Ленц и я. Хиллар бросил свой хурджун с продуктами, снял бурку и налегке стал заметно удаляться от группы. Когда Ленц, казак и я добрались до середины, казак последовал примеру Хиллара, тоже бросил сумку, бурку и двинулся к вершине. За это время Хиллар, поднявшись на вершину, сложил там кучу камней, в которой оставил свою шапку для того, чтобы поднявшийся за ним человек мог убедиться в достоверности совершенного подвига. Когда набежало облачко на вершину, раздался внизу гром. Это стреляли по приказанию русского начальника, давая знать, что человек зашел на самую гору Минги-тау. Мы дальше с ученым не могли идти. Снег был очень мягкий, и мы проваливались в него по пояс. А казак все шел и шел вверх, уже на руках, и на ногах. Хиллар махал ему руками и указывал почему-то на вершину. Хиллар был без шапки и продолжал спускаться к нам вниз, а казак пополз дальше вверх. Он часто ложился и опять полз, но очень скоро устал и начал спускаться вниз и догнал нас около верхних камней. Чтобы быст-

рее идти, я посадил ученого на бурку и поволок вниз. Когда мы спустились, начальник русских выдал Хиллару 400 рублей и сукно на черкеску, а казаку он дал 200 рублей и тоже сукно на черкеску».

Итак, 22 июля 1829 года в 11 дня Великий хан Кавказа Эльбрус впервые при многочисленных свидетелях принял в гости жителя карачаевского села Хурзук Хыйсу Хачирова, который и именуется в исторических документах «черкесом Килларом Хашировым». А самого генерала и его людей Эльбрус не принял и отправил их обратно восвояси – так наказал он их за надменность и самоуверенность, а также нетактичное обращение ко всему Высокому.

Не следует стремиться покорять высоты, тем более Эльбрус. Эльбрус – высота, которую никому не дано покорить. Надо лишь радоваться, что он есть и старается жить с ним в мире и дружбе. И бывать у него в гостях в его хрустальном дворце. Если он смиростивится.

8. Исмаил Урусбиев – легендарный человек

На полпути от города Тырныауза к Приэльбрусью по правую руку на той стороне реки Баксан, карабаясь по подножью горы по обеим берегам небольшой речушки Кыртык, расположено небольшое балкарское село, которое сейчас называется Верхним Баксаном. А ведь это то самое знаменитое село Урусбиево, слава о необыкновенных хозяевах которого гремела по всей цивилизованной Европе и России в XIX веке.

А все начиналось с обычного на Кавказе гостеприимства. Принять на постой гостя из дальних земель – это дело чести любой горской семьи. А в Балкарии и в Карачае, в этих самых «высоких» краях Кавказа, соблюдение горских обычаев – дело святое.

Это было летом 1848 года в городе Кисловодске. Довольно пестрая группа любителей природы и экзотики, в которой был и полковник, и художник, и просто путешественник, в сопровождении нескольких их карачаевских друзей решила перейти из Карачая в Балкарию по отрогу Эльбруса. В карачаевском селении Хурзук к группе присоединился «молодой, привлекательной наружности горец, сын урусбиевского старшины Смаил».

Как известно, до 1825 года балкарских биев (князей) русские по чьей-то глупости именовали старшинами, а потому слова «сын урусбиевского старшины Смаил» надо понимать как «сын князя Урусбиева Исмаил». Да, примкнувший к группе путешественников в Хурзуке юноша «Смаил» и был тем самым знаменитым князем Исмаилом Урусбиевым, кем и впоследствии будут восхищаться многие путешественники и ученые, которым придется бывать в Приэльбрусье и встречаться с этим замечательным человеком. Впрочем, следует отметить, что этим – высокой культурой гостеприимства – отличался не только один Исмаил Мырзакулович, но и все остальные Урусбиевы.

22 июля в полдень группа достигла гребня Хотю-тау. «Мы стояли на гребне или лучше сказать темени Кавказа, – напишет потом один из участников этого путешествия в петербургском журнале «Библиотека для чтения» – Окрест нас развивалась картина величественная, неизобразимая, необъятная, которая едва ли повторяется где-нибудь на другой точке земного шара. Четыре шпиля Эльбруса казались нам в расстоянии нескольких сажень. Два из них, которые из Пятигорска представляются в виде куполов, теперь являются в ином виде... Все промежуточные шпили высочайших гор по хребту Кавказа кажутся нам теперь холмами и сливаются в общий амфитеатр или полубассейн, обращенный выходом к верховьям Азы или Азауги, куда подлежал нам путь». Азы – это, конечно, река Азау, которая берет свое начало у ледников Эльбруса.

К вечеру путники спустились в долину Баксанского ущелья. Здесь Исмаил оставил группу у родственников, чтобы люди немного отдохнули с дороги после перевала, а сам поспешил к себе в аул, чтобы как следует подготовиться к приходу гостей.

Гости доехали до селения Урусбиевых очень поздно – аж ночью. Но князь Исмаил сам встречал их с факелом в руке у порога своего дома. «Салам алейкум! Сау келегиз!» – с такими словами встречали путешественников люди князя Урусбиева. «Мир дому вашему! Добро пожаловать!» К великому удивлению гостей, их уже ждали накрытые столы...

Как известно, среди большой депутации балкарского народа к царю, которая была принята императором в самом конце декабря 1852 года, из одиннадцати биев самым молодым, и в то же время уже отмеченным самой высокой наградой был именно Исмаил Урусбиев, у него имелась «Золотая медаль для ношения на шее за преданность и усердие».

Депутация балкарского народа отбыла из Нальчика в Ставрополь 30 ноября и 16 декабря уже была в Москве. Здесь горцы отдохнули несколько дней, были в зверинце, в Большом театре, а потом поездом по Николаевской железной дороге отправились в Санкт-Петербург, куда прибыли 21 декабря. Целую неделю члены депутации знакомились со столицей, прогуливались по городу, посещали театры, цирки, иначе говоря, для них была организована довольно обширная культурная программа. И конечно же, молодой и любознательный Исмаил Урусбиев в те дни, наверное, был необычайно удивлен и восхищен величием этого главного города Российской империи, а также величием и мощью самой страны, гражданами которой теперь являлись и они, горцы Кавказа. И вероятнее всего именно в эти дни он понял, что судьба его народа впредь будет неразрывно связана с судьбой этой огромной страны, и он, как князь, как один из предводителей своего народа, обязан теперь делать все, чтобы его многострадальный народ как можно быстрее осознал это – что теперь жизнь и судьба горцев всецело зависит от благополучия всей России. И он будет всю жизнь служить этой благородной цели, которую сам же перед собой и поставил, возможно даже и не осознанно, но интуитивно –

помогать своему народу спокойно и естественно войти в состав России органичной ее частью. Так и случилось – Россия не завоевала Балкарию, она как-то естественно, без шума оказалась в составе России, что даже ученые теперь не могут точно определить, когда же это случилось. Конечно, слишком будет несерьезно утверждать, что это произошло благодаря стараниям Урусбиевых, и в первую очередь Исмаила Мырзакуловича, но если сказать, что именно такие действия балкарских князей Айдаболовых, Абаевых, Шахановых, а также Урусбиевых, да и других тоже – не искавших конфликтов с Россией, наоборот, использовавших все способы и возможности для сближения с ней, и явилось основой мирного вхождения Балкарии в состав России, то это вполне допустимо.

«По принятии русского подданства молодые таубии начали охотно поступать на военную службу, – пишет в своем очерке «Балкария» первый наш историк Мисост Абаев. – Многие из них принимали участие в рядах русских войск во время Венгерской кампании, русско-турецкой войны в 50-х годах... Детей таубиев в те времена брали для обучения в кадетские корпуса, а юношей в конвой Его Величества и вольноопределяющимися в части войска наравне с русскими дворянами...»

И это действительно так, чему ярким свидетельством может служить служба многих Урусбиевых в русской армии и в военизированных частях. Исмаил, как известно, был старшим сыном Мырзакула Урусбиева, который еще в 1829 году принимал в Приэльбрусье экспедицию Эмануеля. Как было отмечено, к 1852 году он был уже награжден золотой медалью за «преданность и усердие» и являлся офицером милиции, два его младших брата – Хамзат и Асланбек тоже были офицерами. А Асланбек, более известный как Александр, дослужился до звания полковника.

Хамзат Урусбиев несколько лет прослужил в армии, воевал и был награжден Георгиевским крестом 4-й степени за «отменную храбрость». Он вышел в отставку поручиком в 35 лет и занялся хозяйством. Был в Швейцарии, изучил там сыроваренное дело и, вернувшись домой, открыл у себя сыроваренный завод по производству швейцарского сыра. По распоряжению кавказских властей ему между современными селениями Заюково и Жанхотия было выделено 300 десятин земли для сенокосения и пастбы «коров швецкой породы». И вскоре о сыроваренном заводе Хамзата Урусбиева стало широко известно не только на Кавказе, но даже и в столице. И даже в знаменитом словаре Брокгауза и Ефрона в томе за 1891 год написано: «В предгорьях Кавказа на левом берегу Баксана, недалеко от выхода его на плоскость, стоит дом одного из братьев Измаила Урусбиева – Хамзата Урусбиева. В этом доме помещается известная на Северном Кавказе сыроварня. Сыр готовится здесь по швейцарским приемам, которые Хамзат Урусбиев изучил на месте в Швейцарии».

Хорошо образованный человек, Хамзат Урусбиев был очень интересной и оригинальной личностью, что непременно отмечали все те, кому приходилось с ним встречаться.

Вот как, к примеру, написал о нем в газету «Терские ведомости» известный тогда журналист Евгений Баранов: «Завод этот принадлежит братьям Урусбиевым, поручику Хамзату и полковнику Александру, двум известным почетным представителям урусбиевского народа. На заводе почти безвыездно живет главный сыровар Хамзат Урусбиев. Это европейски развитый, начитанный человек – новый тип горца-интеллигента. С целью изучения сыроваренного искусства он несколько лет прожил в Швейцарии...

Изделия завода стали мало чем отличаться от швейцарских, а в 1889 году они были удостоены премии (серебряной медали) на Кавказской сельскохозяйственной выставке в г. Тифлисе. Главный сбыт урусбиевского сыра в городах Владикавказе и Пятигорске».

Младший из братьев Асланбек (он же и Александр) находился на военной службе с 1865 года, тогда ему было 22 года. Он, как и многие молодые горские князья, начал службу в Петербурге в конвое Его императорского величества. Здесь же и стал гвардейским офицером, потом перешел служить в армию. Он был на русско-турецкой войне 1877–1878 годов. После войны он был назначен командиром полка и произведен в полковники. Между прочим следует отметить, что такое высокое воинское звание балкарец получал впервые.

Полковник Урусбиев, как человек образованный и думающий о судьбах своего народа, делал все возможное, чтобы его соплеменники знали письмо и приобщались к цивилизованной жизни. И поэтому когда образованные люди Владикавказа создавали благотворительное «Общество по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области», полковник Александр Урусбиев, служивший в то время в штабе Кавказского военного округа, был одним из активных организаторов этого общества и стал членом его правления.

Александр Мырзакулович был женат, между прочим, на русской – на Клавдии Матвеевне, перед свадьбой был крещен, крестным его был сам император Александр, а потому он и стал после крещения Александром, так как обычно новокрещенным давалось имя крестного отца. Тогда, говорят, и подарил император ему, своему крестному сыну, все Приэльбрусье... Отметим попутно, что лесные угодья Приэльбрусья впоследствии стали причиной нескончаемой судебной тяжбы между Урусбиевским обществом и князьями Урусбиевыми, но лес так и не был окончательно возвращен обществу.

У Александра было два сына – Сергей и Исмаил.

Сам Исмаил Мырзакулович, человек весьма энергичный, часто по делам бывал в Нальчике и Пятигорске, в Кисловодске и Владикавказе, ездил в Карачай к родственникам, а также во все ущелья Балкарии. Так как род Урусбиевых с давних пор находился в дружеских и родственных отношениях с родом сванетских князей Дадашкелиани, то, естественно, приходилось ему бывать и в Сванетии.

Исмаил, рассказывают, был горячим и решительным человеком. В семидесятых годах, когда на Кавказе проводилась крестьянская реформа, как известно из истории, председатель Комиссии для разбора сословных прав горцев Кавказской и Терской областей Лукман Кодзоков был ярым сторонником того, чтобы все земли горских племен Кавказа считать общинными, и он даже уговорил кабардинских князей так и заявить — мол, все земли в Кабарде находятся в общинном пользовании. Но балкарские князья не захотели пойти на этот сомнительный шаг и не стали отказываться от своих земель, не стали признавать их общественными. Начальник области Михаил Таризлович Лорис-Меликов, видимо, в то время находился под сильным влиянием Кодзокова и придерживался по земельной реформе тех же взглядов, что и Кодзоков. Видимо, чтобы уговорить балкарских князей последовать примеру кабардинцев и отказаться от прав на свои участки земли, посчитав их якобы общинными, он стал вызывать их к себе и проводить с ними беседы.

Что получилось во время беседы Лорис-Меликова с Исмаилом рассказывается в книге кабардинского историка Кудашева «Исторические сведения о кабардинском народе»:

«В числе депутатов (от Балкарии) был и молодой тогда Урусбиев, человек... большого ума и крепкой, сильной воли... Беседа М. Т. Лорис-Меликова с Измаилом Урусбиевым относительно объявления балкарской земли общинной происходила сначала в общей приемной. Лорис-Меликов решительно спросил у Урусбиева, какие же у него права на земли, которые он считает своими? Разгоряченный Измаил Урусбиев выхватил саблю и концом ее ударил о паркет:

— Вот мои права. Мои предки завоевывали эту землю и владели ею, и я буду защищать ее оружием.

Разговор принимал, по-видимому, неудобный при публике характер. Лорис-Меликов пригласил Урусбиева в кабинет, долго с ним беседовал и, расставаясь, будто бы сказал: «Молодец, молодой человек, держитесь крепче за свои права».

В 1868 году во время одной из своих обычных поездок в Пятигорск, Исмаил встретился там у своих друзей с известным композитором, главным дирижером Русского музыкального общества М. А. Балакировым. Исмаил по просьбе композитора исполнил мелодии многих балкарских песен на своих же горских инструментах. Записи мелодий горских песен, как известно, послужили основой знаменитой фантазии Балакирова «Исламей».

Братья Урусбиевы, ясно понимающие огромное значение устного народного творчества как настоящего клада народной мудрости и истории, очень переживали о его сохранности и пытались что-то с этой целью сделать. Они охотно рассказывали легенды и нартские сказания своим русским друзьям, просили их сделать переводы на русский язык, надеялись хотя бы таким путем сохранить какую-то часть этого бесценного народного клада.

В 1868 году в Урусбиево был знаменитый английский горовосходитель Дуглас Фрешфильд со своими товарищами. Перед отъездом он подарил гостеприимному хозяину тетрадь с благодарственной записью и коротким рассказом о восхождении на Эльбрус. И потом все, кто бывал в Приэльбрусье, обязательно делали записи в этой тетради. К 1894 году тетрадь оказалась полностью заполненной, и сын Исмаила Науруз завел новую. В ней опять запестрели записи на разных языках мира, сделанные благодарными гостями Урусбиевых – учеными и альпинистами, просто путешественниками и друзьями. Эти две толстые тетради, которые могли бы стать основой истории туристического Приэльбрусья и яркой страницей истории Балкарии, исчезли в годы трагедий и потрясений страшного XX века, так и не найдены до сих пор. Разумеется, теперь-то уж и надежд нет никаких на то, что они найдутся.

Юрист Николай Грабовский в конце XIX века служил в Тифлисе, Владикавказе, Прохладном и несколько раз бывал в Балкарии. Дело в том, что он был увлечен историей и легендами горцев. Первый раз он был в Приэльбрусье летом 1867 года. Его путевые заметки были напечатаны в «Терских ведомостях»: «На всем с лишком 70-верстном пространстве от аула Атажукина (современное сел. Заюково) до Урусбиа дорога весьма хороша и удобна не только для верховой, но и для колесной езды в небольшом экипаже, – пишет он. – Устройство ее, а также и восьми прочных и довольно широких мостов через реку Баксан принадлежит исключительной заботливости прапорщика Исмаила Урусбиева и вообще жителей ущелья, создававших пользу удобного сообщения с плоскостью».

Он же, Грабовский, пишет, что Урусбиев содержит отдельный специальный дом для гостей – кунацкую, в которую он поселял всех тех ученых, путешественников, знакомых и друзей, которые приезжали к нему или в Приэльбрусье. Интересная деталь в заметке Грабовского для этнографов: во всех балкарских ущельях дома строились из камня, и только в Баксанском – из дерева. «Были уже довольно поздние сумерки, когда мы достигли цели нашей поездки – аул Урусбиева. Хороший наш знакомый (Исмаил Урусбиев), у которого мы остановились, принял нас весьма радушно. Очень удобно поместились мы в большой и опрятной кунацкой его, о которой не лишним считаю сказать несколько слов: она... состоит из двух больших комнат, первая служит передней, а в случаях большого скопления гостей и помещением для младших, вторая же исключительно представляется почетным гостям; эта последняя сложена из широкого соснового пластинника, очень искусно и гладко обтесана простым топором».

Этим же летом – в 1867 году – были в Баксане и братья Нарышкины, занимавшиеся археологическими исследованиями на Кавказе. Они тоже пишут, что у горцев Баксанского ущелья «сакли выстроены из хорошего соснового леса, растущего в изобилии по склонам окрестных гор». Кстати, один из братьев отмечает, что уже в то время Исмаил Урусбиев ра-

зыскивал «старинные памятники в верховьях Баксанского ущелья и уже обнаружил ряд из них, относящихся к «домусульманскому времени». «Надобно отдать справедливость, — пишется в статье, — чем более жители удалены от плоскости, тем радушнее бывает прием, оказываемый ими чужестранцам... Считается в высшей степени предосудительным для хозяина допустить гостя даже на стороне купить что-либо в то время, когда он находится у него. Имея весьма редкие сношения с русскими, они получают все для себя необходимое от грузинских и армянских торговцев, приходящих к ним из Закавказья. Грузины доставляют им бумажные и шелковые материи и разные мелочи и получают взамен вместо денег бурку и домашнего изделия сукна, которые славятся необыкновенной красотой и прочностью».

А побывавший в Приэльбрусье английский альпинист Грове в своей книге «Холодный Кавказ» так написал о балкарцах: «Северные кавказцы — это народ, ведущий в своих уединенных долинах пастушескую жизнь, которая обыкновенно отличается честностью, простотой и праведностью... Народ этот замечательно красив, отличается хорошим здоровьем...»

А о кунацкой Исмaила он написал следующее: «По северную сторону Кавказской цепи до сих пор нам не приходилось еще помещаться в таком хорошем зале, какой мы занимали теперь. Он состоял из двух комнат, в лучшей из них помещалась большая низкая платформа из досок... на которой спать было, конечно, удобнее, чем на холодном полу. Здесь же находились кровать... большой котел для купания — вещь, без сомнения, общепотребительная в магометанском хозяйстве, треножный железный подсвечник и маленький столик.»

В 1882 году в Урусбиево был известный художник Николай Александрович Ярошенко. Он входил в товарищество художников-передвижников, в котором были объединены лучшие в то время демократически настроенные художники России, такие как Репин, Левитан, Крамской, Суриков, Шишкин.

Летом 1882 года Николай Ярошенко совершил большую поездку по Кавказу. Среди зарисовок художника сохранилась одна, на которой есть такая запись: «4 августа 1882 г. Дом князя Урусбиева в ауле Куркуджан-Кашук. «Куркуджан» — это, конечно же Гирхожан, в то время село, а ныне квартал г. Тырныауза, тот самый квартал, где прошла страшная сель-летом 2000 года. Возможно, с Исмaилом Урусбиевым там и встретился впервые художник. Ярошенко и его друзья тогда прожили у Урусбиева несколько дней, бродили вместе с Исмaилом по горам, делали зарисовки, восхищались красотой дикой и могущественной природы, нагромоздившей эти громады гор.

Потом они часто встречались — и чаще всего в доме художника, ведь он тогда жил в Кисловодске.

В 1894 году в Москве на передвижной выставке Ярошенко показал

свою новую работу – картину «Песнь о былом», написанную под впечатлением поездки в Урусбиево. Тогда картина привлекала внимание многих зрителей духом романтических мечтаний о Кавказе, все еще о сказочном и экзотическом для многих жителей России. На картине изображен кавказский князь с грустью слушающий с соплеменниками народного певца – сказителя старинных героических песен о нартах.

Хотя Ярошенко сам и не поднимался на Эльбрус, но он не раз им с восхищением любовался и, конечно же, не мог его не написать. «У подножья Эльбруса», «Шат-гора» – есть у него и такие картины. Как известно, многие поэты и писатели XIX века использовали в своих произведениях и это название Эльбруса – Шат-гора (от кар. – балк. чат – распадок, развилка). Кроме того балкарцам посвящены этюды «Татарин кавказский» и «Татарка» (как известно, многие тогда балкарцев называли горскими татарами).

9. Сафар-Алий Урусбиев – достойный сын своего народа

В славной плеяде князей Урусбиевых, горячих патриотов и просветителей своего народа, особое место занимают сыновья Исмаила Мырзакуловича Урусбиева – Сафар-Алий и Науруз.

Как и многие первые просветители Балкарии и Карачая, Сафар-Алий и Науруз горячо любили свой народ и до конца дней своих делали все, что было в их силах и для просвещения своих соплеменников, и для сохранения духовных сокровищ, накопленных веками и тысячелетиями – героических нартских сказаний, а также сказок, поговорок, исторических преданий и т.д. В этом смысле они оказались достойными продолжателями дела своего отца – Исмаила Урусбиева.

Старший из братьев Сафар-Алий родился в 1858 году. Он был вторым ребенком в семье Исмаила и Наго, урожденный чегемской княгини Балкароковой. Первым ребенком была дочь Мисирхан. После Сафар-Алия опять родился сын в 1863 году – его называли Наурузом. Потом родились дочери Забида и Сафият. Жизнь всех детей Исмаила закончилась трагически, как и жизни многих людей в окаянные годы революции и большевистского террора, в том числе и жизнь двух замечательных балкарских просветителей – Сафар-Алия и Науруза. Сафар-Алий умер вдали от родины, скорее всего в Ярославской губернии, а Науруз, не в силах бороться с хамством и беззаконием прорвавшихся к власти разбойников, называвших себя революционерами, покончил с собой, видимо, в 1928 году у себя в Урусбиево...

Хотя Исмаил Урусбиев и известен был тем, что много читал и всю жизнь тянулся к знаниям, но сам так и не смог получить хорошее свет-

ское образование, не позволили обстоятельства жизни. Но он прекрасно понимал значение образования для народа, а тем более для людей, обязанных по долгу рождения думать не только о себе, но и о своих соплеменниках в целом — для князей. А потому делал все, чтобы его дети, а сыновья — в обязательном порядке получили хорошее светское образование. И даже известно, что он у себя дома держал русского учителя, чтобы он с малых уже лет учил грамоте его детей и племянников. Исмаил устраивает своего старшего сына во Владикавказское реальное училище, когда тому исполнилось 14 лет. И естественно, что Сафар-Алий, еще дома научившийся грамоте, учился в гимназии хорошо, тем более он был очень сосредоточенным и старательным юношей и к учебе относился очень серьезно. Один из путешественников, побывавший в то время в Урусбиево, оставил такие записи, где говорится и о молодом Сафар-Алии: «В деревне находился и представитель главного рода — прелестный юноша пятнадцати или шестнадцати лет — старший сын и наследник Исмаила. «Сударь, — сказал он однажды Муру, когда последний заговорил о путешествии из Урусбиево в Учкулан, — если бы мой отец был здесь, то он не только счел бы за честь принять вас в своем доме, но и проводил бы вас до Учкулана». Слова его были совершенно искренни, если и не были лишены восторженности. Мальчик этот воспитывался в русской школе, впоследствии чего весьма естественно старался подражать одежде и обычаям победителей, хотя в нем и сохранились некоторые лучшие черты национального характера, и таким образом он был очаровательным представителем Урусбиевых, самых образованных и приветливых из жителей Северо-Западного Кавказа».

Владикавказ второй половины XIX века — это довольно большой город по тем временам, столица Терской области, уже вполне успешно соперничал со Ставрополем за звание не только политической, но и культурной столицы Северного Кавказа. Город расположился в географическом отношении в самых выгодных условиях — в самом центре Северного Кавказа, через него проходила Военно-Грузинская дорога, здесь пересекались и важнейшие торговые пути. В соответствии со статусом здесь располагались всевозможные государственные учреждения, учебные заведения, воинские части. В общем, жизнь в городе, претендующей на звание главного города Северного Кавказа, была оживленной и многообразной. И естественно, здесь, как и во многих губернских городах России, давались балы, устраивались концерты, создавались общества и т.д. Сафар-Алий приехал учиться во Владикавказ в самое удачное время — здесь в эти годы во всю гремела слава балкарского скрипача Султанбека Абаева, в этом же училище учился и Мисост Абаев с Большой Балкарии, который был всего на один год старше Сафар-Алия. И, конечно же, они все часто встречались и беседовали обо всем. Сафар-Алий и Мисост, почти ровесники, быстро сдружились, чему, разумеется, способствовало то, что они оба жили одними мечтами и помыслами — поскорее по-

лучить хорошее образование и приобщить к свету знаний своих соплеменников. И все это, естественно, с конечной целью – вывести народ на путь быстрого развития во всех сферах, чтобы он жил в достатке и с достоинством. Известно, что Сафар-Алий и Науруз еще с юношеских лет задумывались, конечно же, не без влияния отца, о том, как сохранить, сберечь бесценные сокровища устного народного творчества – нартские сказания, сказки, поговорки, песни, а потому неудивительно, что еще учась во Владикавказе, молодой Сафар-Алий сумел то, что под силу лишь взрослому, умудренному опытом жизни человеку – он перевел на русский язык и опубликовал ядро карачаево-балкарских нартских сказаний. И это в 20 юношеских лет, когда у абсолютного большинства его сверстников-гимназистов совсем иные заботы и самое большое, на что они способны в эти годы – хотя бы хорошо, без долгов учиться.

Стремление больше и больше знать о своем народе; стараться сохранять его духовное богатство – фольклор, довести до русского читателя, а через него и до всего образованного мира весть о том, что у легендарной горы Эльбрус живут народы-братья, карачаевцы и балкарцы, и у них сохранились интереснейшие старинные героические сказания о неких богатырях-нартах; делать все для приобщения своих соплеменников к грамотности и образованности – все это было духовной основой и символом жизни нескольких поколений Урусбиевых. Но в то же время была и обычная жизнь, к тому же и не такая уж и легкая и односложная, как сейчас многим может показаться – подумаешь, мол, они же князья, у них было все, не голодали и не холодали. Да, наверное, это и действительно так, но не следует забывать, что они были не русскими князьями, у которых десятки деревень с крепостными крестьянами; сотни, тысячи десятин пахотной земли, леса и лугов, тысячи, сотни тысяч рублей ежегодного дохода, блестящая должность, трехэтажный дом в столице, особняк в родовом имении и т.д., а балкарскими, у которых после многократного дробления на братьев-наследников во владениях находились лишь клочки пахотных и сенокосных участков, доходы от которых были так мизерны, что многие княжеские семьи Балкарии еле сводили концы с концами. Как известно, у многих из них, у Абаяевых, Шахановых, к примеру не было денег даже на обучение своих детей в обычных школах и гимназиях и они просили принять их в учебные заведения за казенный счет.

Основная ветвь Урусбиевых, судя по документам, не испытывала особой нужды – так, Исмаил Урусбиев на свои средства строил часть колесной дороги, когда не хватило общественных денег, – но все-таки жизнь была нелегкой, а потому приходилось много работать и даже самим князьям.

И даже не такое уж и существенное дело – дело о лесе, – и то, вспомним, сколько сил и энергии отняло у нескольких поколений Урусбиевых. Дело было в том, что царь подарил Александру Урусбиеву лесной участок в Приэльбрусье при его крещении. А народ оспаривал законность

этого акта, говоря, что лес издревле принадлежал всему обществу. Суть вопроса была даже не в том, кому именно принадлежал лес, а как им пользоваться. Урусбиевы, и в особенности Сафар-Алий Урусбиев, не позволяли людям бесконтрольно рубить лес. Они старались приучить людей правильно пользоваться лесом — не рубить все, что попадает под руку, то есть то дерево, которое тебе нравится, а то, которое без вреда для леса можно срубить и к делу приспособить. А многим горцам, привыкшим к вольности во всем, это не нравилось. Слыханное ли дело — дерево в лесу срубить не разрешают! Урусбиевы говорили: «Кому на какие нужды нужен лес — приходите к нам и скажите, мы вам покажем те деревья, которые подойдут и для вас, и для леса особого вреда не будет». А горцы отвечали: «Это почему же я должен спрашивать у тебя разрешения, чтобы срубить в лесу дерево, которое мне нужно? Аллах создал лес для всех, а не только для князей!» Бывали случаи, к тому же нередкие, когда у ленивых людей, не позаботившихся летом о сене, к середине зимы скот оставался без корма, и тогда эти люди рубили молодую поросль в лесу, чтобы прокормить свою скотину. А эти действия, разумеется, губительно сказывались на сохранности леса.

Сегодня в Приэльбрусье прекрасно — поселки и турбазы как бы спрятались среди соснового леса, воздух напоен целительным запахом хвои. И все это благодаря тяжелой борьбе князей Урусбиевых, и Сафар-Алия в том числе, за сохранность красоты родной природы.

Все это говорится к тому, что у балкарских князей жизнь была не очень-то легкой и роскошной, а потому большую часть времени они, естественно, отдавали повседневным своим делам, как и остальные горцы — пахоте и сбору урожая, заготовке сена, строительству кошар и загонов для скота и т. д.

А все то, благодаря чему собственно мы сегодня и говорим о них с любовью и уважением — стремление к свету и знаниям, просветительская деятельность, работа по сохранению нашего духовного наследия, радушный прием почетных гостей, приходивших к нашему народу и к нашим горам, — все это у них было делом попутным или, как сейчас принято говорить, было для них просто хобби. Хотя, подчеркиваем еще раз, в сущности это и было для них самих самым важным делом жизни. И они сами это глубоко осознавали.

Все это говорится к тому, что у двадцатилетнего Сафар-Алия Урусбиева, несомненно, и дома, и по учебе было, наверное, полно дел и забот, но он тоже, как и отец, уже был, несомненно, болен этой истинно чисто интеллигентской болезнью — всепоглощающей любовью к своему народу, когда все подчинено только ей и ее требованиям. И он, вместо того чтобы тихими осенними вечерами прогуливаться по набережной вечно неугомонного Терека, говорить о любви и щемящей сердце далекости этих прекрасных звезд, сидит у керосиновой лампы и переводит эти длинные и странные сказания о нартах и змегенах, с великой радостью до-

гадиваясь наверняка, что в них, в этих почти что сказках и спрятана тысячелетняя история его народа. Он чувствует это, но сказать определенно ничего не может...

И вполне уверенно можно сказать, что именно вот эта неоднозначная борьба семьи Урусбиевых за правильное использование леса, за сохранность родной природы с теми людьми из собственной же среды, которые, не понимая их, думая, что князья просто всячески ограничивают их права, в том числе и право на пользование общественным лесом, и определила выбор Сафар-Алием своей будущей специальности – природоведение, биология, сельское хозяйство. Поэтому после окончания училища он поступает в Сельскохозяйственную Академию на стипендию графа Лорис-Меликова.

Во время учебы в Москве в Петровско-Разумовской академии Сафар-Алий много читает, часто бывает в театрах, проводит вечерами время в беседах с друзьями и товарищами о жизни и литературе, о гуманизме и о революции – обо всем о том, о чем тогда и говорила молодежь. Но он никогда не забывал о том, что он балкарец, что у его народа пока что слишком мало образованных людей, и он, один из этих немногочисленных, имеет особые обязанности перед своим народом. И первой своей обязанностью он считал сберечь духовное наследие народа, не дать ему пропасть, исчезнуть. Ведь такая угроза была не только реальна, но она уже делала свое дело – все меньше и меньше становилось людей, которые, как в старину, днями могли нараспев рассказывать старинные нартские сказания, забывались песни, ийнары (частушки), пословицы, поговорки. И он продолжает записывать и переводить на русский язык балкарский фольклор. Наверное, он ночами думал и о том, что было бы здорово, если бы и у его народа была письменность, чтобы записывать все эти интереснейшие сказания, сказки, поговорки на родном языке – на сочном, выразительном, богатом. Арабское письмо, которым в большинстве своем пользуются горцы, в том числе и балкарцы, перспективы не имеет – народ живет не в арабской стране, а в русской, а потому надо «породниться» с русским письмом, использовать русский алфавит...

В 1883 году Всеволод Федорович Миллер и Максим Максимович Ковалевский были в Балкарии, вместе с ними был и Сафар-Алий Урусбиев. Он не только сопровождал этих ученых как проводник, но также помогал им в сборе полевого материала по этнографии и фольклору балкарцев, был у них переводчиком. Вот что пишут они о Сафар-Алие Урусбиеве: «Имея по всем аулам родственников, аталыков и кунаков, Сафар-Алий мог открыть нам самый широкий доступ к горскому гостеприимству и поместить нас в наиболее богатые кунацкие... Женщин гораздо больше, чем мужчин, огорчал европейский костюм Сафара и его отпущенные волосы. В оправдание себе он должен был прибегать к довольно неправдоподобному объяснению, что в Москве так холодно, что нельзя ходить бритым. Одна из кузин заметила о нем с иронией: «Ведь вот русский, а недурно говорит по-горски».

Сафар-Алий закончил академию в 1885 году, а потом еще проходил курс практического садоводства в Крыму, после чего в 1887 году был направлен на работу в Грозненский округ. А 9 февраля 1891 года он уже работает лесничим в Костромской, а затем в Ярославской губернии.

Причина отъезда молодого балкарского ученого в отдаленную российскую губернию, видимо, так и останется тайной, так как до настоящего времени об этом ничего достоверно не известно. Лишь можно с полной уверенностью сказать, что обстоятельства сложились так, что он вынужден был уехать, иначе он сам себя навряд ли обрек на такую далекую от родной земли ссылку. Причин для отъезда могло быть сколько угодно много, но как основная считается ссылка. В то время по тем или иным, а чаще всего, конечно, по политическим причинам, часто ссылали людей не очень благонадежных в отдаленные губернии, но при этом не лишая их обычных прав, в том числе и права работать в государственных учреждениях. Таким ссыльным, судя по всему, и был Сафар-Алий Урусбиев. Но как бы там ни было, возвратится на родину ему уже было не суждено.

Высокообразованный и энергичный Сафар-Алий Урусбиев пользовался большим уважением среди сослуживцев и населения. «Так, документы повествуют о том, что в течение ряда лет Сафар-Алий являлся представителем Костромско-Ярославского управления государственных имуществ в Угличском уездном земском собрании. Как член уездной земской управы он активно выступал за развитие народного образования, неоднократно избирался в Школьный совет, Комитет попечительства и народной трезвости, в комиссию по организации народных библиотек-читален».

И еще известно, что, как пишет краевед из Пятигорска Евгений Польская, «в 1898 году Сафар-Алий Урусбиев и Юрий Казимирович Ахметуков обращались в Главное управление печати с просьбой разрешить издавать в Петербурге еженедельный научно-популярный журнал «Кавказ и народы Востока». Редактирование журнала брал на себя Юрий Казимирович, соиздателем же был объявлен Сафар-Алий Урусбиев...»

Хотя это ходатайство двух горцев об издании журнала и было отклонено, но о том, что один из них является ссыльным не было и речи, следовательно, Урусбиев в это время, возможно, был уже не ссыльным. Но все равно, по неизвестным причинам он на Кавказ не возвращался. Видимо, была все-таки очень серьезная причина, из-за которой этот замечательный сын своей земли, так безмерно тоскуя по ней, не мог вернуться к отчему очагу.

Известно, что в Угличе Сафар-Алий Урусбиев сдружился с младшим братом Антона Павловича Чехова, известным в то время журналистом-очеркистом Михаилом Чеховым, который служил в уездном суде. Сын Михаила Сергей Чехов в своей книге «О семье Чеховых» пишет: «Был у Михаила Павловича в Угличе знакомый Сафар Измаилович Урусбиев.

Это был несчастный человек, оторванный от своих любимых Кавказских гор, от семьи и сосланный в Углич навсегда, пожизненно. Семь лет спустя Михаил Павлович описал Сафара Урусбиева в своем рассказе «Преступник».

Иногда Сафар Урусбиев навзрыд рыдал от тоски по родине. Он служил угличским лесничим. Михаил Павлович близко сдружился с ним, это был интереснейший собеседник. Антон Павлович с живым участием слушал повесть брата Михаила об этом балкарце и его неудавшейся жизни. «Это он, Антон Павлович, посоветовал брату написать рассказ...»

И еще одна интересная деталь из биографии Сафар-Алия Урусбиева – в 1907 году он был награжден орденом Св. Станислава III степени, а к 1915 году имел чин надворного советника. Все это мало согласуется с тем, что Урусбиев был политическим ссыльным, на что намекают некоторые исследователи. Видимо, причиной его ссылки все-таки была не политика.

И еще: в 1911 году известный юрист и публицист, с авторитетом которого считались многие, в том числе и из начальственных кругов, возбудил ходатайство о разрешении Урусбиеву возвратиться на родину, но и это ходатайство было отклонено.

Известно, что в 1917 году Сафар-Алий Урусбиев был еще жив, но далее о нем уже ничего не известно...

10. «Общество таких людей действует освежительно на нас» (Науруз Урусбиев)

Младший сын знаменитого Исмаила Урусбиева Науруз родился в 1863 году. Как и все в семье Исмаила, Науруз тоже уже с детства умел писать и читать по-русски. Разумеется, сын Исмаила Урусбиева, о котором Танеев писал, что он «человек во многих отношениях замечательный, Измаил Мырзакулович... лицо, знающее весь Кавказ. Обычаи разных народов, музыку старинную и новейшую (понятно, кавказскую), знающий историю и географию, Бокля, Дарвина и т.п.» еще до поступления во Владикавказское реальное училище многое уже знал, а потому учеба в училище ему давалась сравнительно легко. Тем более ему помогали здесь многие – и старший брат Сафар-Алий, и двоюродные братья – сын Хамзата Ибрагим и сыновья Асланбека Сергей и Исмаил, а также другие учившиеся здесь горцы. В 1883 году, когда Наурузу было 19 лет, он познакомился с Всеволодом Миллером и Максимом Кавалевским. По совету этих выдающихся ученых Науруз стал заниматься археологическими раскопками в верховьях Баксана каждое лето во время каникул.

А много позже, как известно, он, находясь в Москве, сделал доклад на заседании отделов Антропологического и Этнографического общества,

которое состоялось в Большой аудитории Политехнического музея под председательством самого профессора Всеволода Федоровича Миллера, где присутствовали как члены общества, так и посетители. Потом этот доклад Науруза Урусбиева был напечатан в «Известиях» общества под названием: «Об условиях нахождения четырех деформированных черепов с Кавказа».

Окончил училище Науруз в 1885 году и в том же году вместе со своим старшим братом Сафар-Алием и его товарищем из Осетии Соломоном Гуккаевым сопровождает вновь приехавших на Кавказ М. М. Ковалевского и В.Ф. Миллера из Осетии в Балкарию, а оттуда в Сванетию.

Науруз Урусбиев бывал и в Москве, и в Санкт-Петербурге, и в Тифлисе, почти во всех крупных городах Северного Кавказа, а потому, как и отец, хорошо знал фольклор, музыку и обычаи разных народов Кавказа. Особенно часто встречался он с выдающимися композиторами С. И. Танеевым и П.И. Чайковским, бывал вместе с ними в театрах и музеях, а с учеными — на заседаниях советов научных обществ. Так, в 1888 году он вместе с Танеевым слушал в Большом театре «Евгения Онегина». А спустя три года Танеев приезжает на Кавказ лечиться, узнав об этом Науруз Урусбиев приезжает в Пятигорск, чтобы отвезти дорогого гостя в свое селение. Здесь от Науруза Сергей Иванович узнает горестную весть о том, что его отец Исмаил Мырзакулович умер в прошлом году. Танеев выразил искреннее соболезнование Наурузу и вместе они вспоминали прошлые встречи, когда еще был жив этот замечательный человек.

Взволнованный этой новой встречей, Сергей Иванович напишет из Пятигорска Петру Ильичу Чайковскому большое письмо, где сообщил, что он несколько дней назад встретился с Наурузом Урусбиевым. «Науруз Измаилович очень мне обрадовался и стал звать к себе в аул погостить, в тот самый, где мы провели несколько дней перед перевалом через горный хребет. Я с радостью принял его приглашение, и мысль, что я опять увижу дивные места около Эльбруса до такой степени меня взволновала, что я долго не мог заснуть ночью...

Между прочим, решил тебе предложить сделать со мной эту поездку. Прежде всего для этого надо приехать в Пятигорск... Первая часть пути или верхом, по краткой дороге, — девяносто верст, или в коляске сто двадцать верст. На это надо положить два дня. Дорога эта приведет к сыроварне Урусбиевых, лежащей при входе в Баксанское ущелье...

В ауле нас ожидают прогулки пешком и верхом... музыка и охота на гуров... Мы будем находится в обществе... людей здоровых, бодрых, сильных, ловких и статных. Общество таких людей действует освежительно на нас...

Само собой разумеется, что молодой Науруз будет в восторге, если ты его посетишь».

Но не только Чайковскому, а даже и самому Танееву, который уже был в двух шагах от селения Урусбиева, не удалось в то лето побывать в

Приэльбрусье – он был вынужден выехать в Москву по неотложному делу. Лишь спустя двадцать лет снова приехал на Кавказ Танеев, тогда он и попал в Урусбиево, которое он так давно хотел посетить.

Это случилось в июне 1903 года. Танеев приехал из Пятигорска, где он лечился, в Нальчик. Здесь он попал в общество молодых Урусбиевых – Науруза, Исмаила Александровича и его жены, также Евгения Дмитриевича Протопопова, знакомого Танеева. 30 июня они совершили конную прогулку в сторону горы Нартия. Побыв две недели в Нальчике, Танеев, его племянник Павел и Науруз Урусбиев поехали в Баксанское ущелье. Отдохнув в Урусбиево два дня, они выехали в Приэльбрусье и три дня были в ущелье Азау, поднимались к леднику Азау. «Спали на земле под навесом, ели шашлык руками, пили айран и т.п. Делали восхождение на ледник... Ледник этот верстах в двух от Эльбруса».

До конца жизни с радостью вспоминал Сергей Иванович Танеев о тех днях, которые он провел в Приэльбрусье у гостеприимных Урусбиевых.

После смерти отца и отъезда старшего брата в Ярославскую губернию, Науруз Урусбиев стал хозяином главной усадьбы коренной ветви Урусбиевых и с честью продолжил благородное дело отца и старшего брата – он стал неутомимо собирать произведения народного фольклора и всячески пропагандировать их, стремясь донести их богатое содержание до начитанной публики.

Так, в том же 1903 году служащий землеустроительного отдела Терской области Николай Петрович Тульчинский, который занимался изучением жизни балкарцев, опубликовал значительный материал в «Терском сборнике» под названием «Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области». А в примечании указал, что весь этот материал он «заимствовал из тетради Науруза Урусбиева».

Следует отметить, что Науруз Урусбиев был одним из тех просвещенных горцев, которыми была создана благотворительная организация «Общество для распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа».

Большая кунацкая Урусбиевых, выстроенная еще Исмаилом, отцом Науруза, вскоре стала не только гостиницей для всех ученых, деятелей культуры и путешественников, приезжающих в Приэльбрусье изучить жизнь и культуру карачаевцев и балкарцев, полюбоваться необыкновенным величием и красотой Эльбруса, но и своеобразным музеем быта и культуры карачаево-балкарского народа. Здесь были предметы домашнего быта горцев, различные старинные вещи, найденные во время археологических раскопок, проводимых самим князем Наурузом Урусбиевым, записи песен, сказаний, сказок и поговорок.

Конечно же, как уже было отмечено ранее, у князей Урусбиевых, как и у всех нормальных людей, было много житейских забот и дел, а потому просветительская и, скажем так, полевая научно-изыскательская работа

вовсе не являлась основным делом их жизни, но ей они уделяли очень серьезное внимание и вполне уверенно можно сказать о них, и о Наурузе Исмаиловиче Урусбиеве, конечно, что эта часть их жизни – культурно-просветительская деятельность – была духовной основой всего их существования. Но в то же время они не могли не стараться изменить к лучшему и материальное положение горцев, жизнь которых, они это прекрасно видели, была нелегкой. Князья Урусбиевы старались делать так, чтобы люди, их соплеменники бережно относились к природе, пользовались более прогрессивными методами ведения сельского хозяйства, разводили более продуктивные породы скота и т.д. Так, они первыми в округе стали разводить крупный рогатый скот швицкой породы, который отличался хорошей продуктивностью, пробовали выращивать овощи, разводили лошадей карачаевской породы, за что даже были удостоены медали.

Как и отец, Науруз строил и расширял дороги, в частности от села Урусбиево до Терскола. К тому же многие годы он исполнял обязанности старшины Урусбиевского общества, и на эту должность народ избирал его неоднократно.

В 1894 году в газете «Терские ведомости» были опубликованы «Очерки из жизни горских татар», в которых автор очень доброжелательно описывает жизнь и быт балкарцев. Видно по всему, что автор очерков побывал во всех балкарских ущельях, в том числе и в Баксанском ущелье в селении Урусбиевых. Интересны штрихи к портрету горца в этих очерках: «Случаи убийства в горах редки – горец прибегает к оружию только в крайнем случае»; «Чувство дружбы, товарищество у горцев очень прочно, хороший верный товарищ – тот же родной брат»; «Наружность горца большей частью отличается стройностью, статностью фигуры, телодвижения горца быстры, а манеры, особенно молодых девушек, не лишены природной грации»; «Горец-старик в 60 лет еще не кажется стариком – он бодр, силен и крепко держится на ногах, сделать в короткий промежуток времени длинный переход по горным тропам и дорогам, очень неудобным и далеко небезопасным, для него ничего не значит – после перехода он не будет жаловаться на боли в теле и усталость... Примеры долговечности нередки – в любом горском обществе и теперь можно встретить столетних старцев. Причины такого замечательного здоровья горцев заключаются, надо полагать, в их общении с природой, в свежем здоровом горном воздухе».

Осенью 1910 года, в конце августа, Науруз Урусбиев встречал швейцарских гостей – доктора Гука и инженера Рома, которые известны тем, что в один и тот же день поднялись на обе вершины Эльбруса. В честь успешного восхождения на обе вершины величавого Эльбруса был устроен торжественный обед от имени Кавказского горного общества, членом которого был князь Н.И. Урусбиев. Вместе со швейцарцами тогда в Урусбиево был и геолог В.В. Дубянский, исследователь Приэльбрусья и автор прекрасной фотографии Главного Кавказского хребта, сделанной с

вершины Эльбруса. В. В. Дубянский, профессор Варшавского Политехнического института и действительный член Кавказского горного общества, известен еще и тем, что спустя несколько лет, в том самом 1917 году, ввергшем Россию в век хаоса, террора и беззакония, написал большой очерк о Наурузе Урусбиеве. Там, кстати, есть и такие слова: «Мы не знаем ни одного капитального труда среди посвященной высокогорному Кавказу и району Эльбруса отечественной и иностранной литературы – английской, итальянской, немецкой, французской, где бы не упоминалось с признательностью о покойном князе Исмаиле, свидетеле времен покорения Кавказа, или об его достойном наследнике, ныне здравствующем князе Наурузе Исмаиловиче, никогда не отказывавших в радушном гостеприимстве и просвещенном содействии заброшенным в самое сердце Центрального Кавказа ученым путешественникам... Фамилия Урусбиевых на Северном Кавказе, бесспорно, принадлежит к числу тех немногих туземных фамилий, которые приобрели почетную известность далеко за пределами родных гор и России...»

В 1911 году летом, в июне месяце товарищ (заместитель) председателя Кавказского Горного общества известный альпинист и любитель гор Я.И. Фролов привел к Приэльбрусью целую группу членов этого общества с целью подняться на Эльбрус. Проводниками у них были Бочай Урусбиев и житель Иткола, известный горовосходитель и проводник Сеид Хаджиев. Тогда из группы только трое – В.М. Рохель, сам Фролов и Сеид Хаджиев сумели подняться на Эльбрус. После спуска группу Фролова принимал в своем селении Науруз Урусбиев, где Фролов и записал интересный рассказ Ахия Соттаева об экспедиции Эмануеля, о восхождении на Эльбрус Хиллара Хаширова.

Через две недели после этого в Урусбиево прибыли новые гости. Новые и в ином смысле – это были революционеры, но об этом Науруз Исмаилович навряд ли мог знать. Этими гостями были С. М. Киров, который в это время скрывался от полиции, жил во Владикавказе и работал в редакции газеты «Терек», где печатал свои материалы под псевдонимом «С. М. Мионов». В то время, в первые годы пребывания на Кавказе, он увлекся альпинизмом и был членом Владикавказского отдела Кавказского Горного клуба. В 1910 году он поднимался на Казбек, и вот теперь собрался подняться на Эльбрус.

Одним из его спутников был бывший машинист из миноносца «Георгий Победоносец», активно призывавший своих сослуживцев перейти на сторону восставшего броненосца «Потемкин» в 1905 году, Иван Спиридонович Моторный, скрывавшийся от полиции под именем Павла Григорьевича Лучкова. В это время он тоже сотрудничал в газете «Терек» вместе с Кировым.

Третьим в группе был юрист из Владикавказа, присяжный поверенный, широко известный адвокат, уроженец Дагестана Башир Далгат, тоже близкий к революционным кругам, часто помогавший Кирову.

Четвертым был ветеринарный врач из Нальчика некий В. В. Егоров, тоже находившийся под надзором полиции.

Два дня пробыли эти туристы, как они себя называли, в селении Урусбиево, и, как они сами потом написали в «Тереке», «...при широком содействии князя Н. И. Урусбиева была закончена подготовительная работа». Князь Науруз снабдил группу едой, порекомендовал хороших проводников, одним из них опять был Сеид Хаджиев, и проводил их к Призьбрусью. Утром 30 июля вся группа начала восхождение. К полудню, когда испортилась погода, пошел снег, подул сильный ветер, не добравшись даже до скал «Приюта одиннадцати», где обычно останавливались на ночлег, группа устроилась на ночь на высоте 4200 метров. Спали завернувшись в бурки и прижавшись друг к другу у скал. Ночью погода прояснилась, и утром рано группа продолжила восхождение.

Впереди шли более опытные во главе с Сеидом Хаджиевым – это были Киров с Лучковым. Следом за ними Далгата и Егорова вел второй проводник – тоже Хаджиев, Джиджу.

31 июля в полдень первая группа сумела подняться на восточную вершину Эльбруса. Вторая группа до вершины не дошла.

Через день радушный Науруз Урусбиев вновь принимал у себя всю группу.

Отдохнув несколько дней, Киров и Лучков через перевал ушли в Кисловодск, а Далгат остался в Урусбиево. Он не хотел уезжать, не поднявшись на Эльбрус. Что и удалось ему сделать с помощью Науруза через несколько дней...

Вскоре фанатики одной веры с Кировым – большевики захватили власть в России, и началась черная полоса в жизни и судьбе как страны, так и отдельных людей. Как известно, Октябрьская революция, как никакая другая в мире, была кровожадна и мстительна: практически все время, пока страной руководили большевики и их наследники, шла война на уничтожение всего светлого и гуманного в народе. Никто не смел быть красивее, умнее, образованнее, предприимчивее, чем эти безграмотные невежды из «низов общества», захватившие власть – расстреливались инженеры и учителя, князья и уздени, офицеры и чиновники, ученые и архитекторы, все те, которые не соответствовали прокрустовому большевистскому стандарту «бедняк» и «рабочий». И даже те же бедняки и рабочие, иногда не очень усердно хлопавшие большевистским ораторам, мигом становились «врагами народа» и уходили в небытие.

И, разумеется, совершенно логично, что высокообразованный и культурный, настоящий интеллигент по духу и высокородный князь по крови Науруз Исмаилович Урусбиев оказался при большевиках совершенно чуждым «элементом», как любили они крестить людей, как и все его родственники, хотя они в силу своей интеллигентности и огромной любви к своему народу никак не могли быть врагами народа и делать что-либо ему во вред.

Вот как, не скрывая своего злорадства, писал об Урусбиевых в 1928 году советский журналист Петр Максимович: «Судьба обычная. Урусбиевых было два, и оба оказались контрреволюционерами: капитан Ибрагим Урусбиев и его двоюродный брат, этот самый интеллигентный Науруз. За свои контрреволюционные дела Ибрагим был арестован и затем был расстрелян в Нальчике; то же, видимо, предстояло Наурузу, но он предупредил события.

— Сам себя застрелил Науруз, — рассказывает Джерахмат. — Гордый-прегордый был Науруз и такой грамотный, как профессор...»

Согласно архивным материалам, однажды Науруз получил письмо из Нальчика. Письмо, судя по всему, было не из радостных. Науруз всю ночь не спал, что-то писал. Но потом, под утро, сжег все написанное и застрелился. Это случилось, вероятнее всего, в 1928 году.

Дело в том, что Ибрагима Урусбиева арестовали в 1927 году, а в августе 1928 года расстреляли. И, скорее всего, в письме и было сообщение об этой трагедии. Это известие об расстреле Ибрагима, двоюродного брата, с которым Науруз дружил с детских лет, не могло не потрясти Науруза, уже, видимо, давно чувствующего себя не жильцом этого большевистского мира. Тем более было обидно и больно за Ибрагима, который и сам после февраля 17 года активно участвовал в жизни разных демократических организаций, тем самым, естественно, способствуя наступившим переменам. Об этом говорят, к примеру, следующие слова из письма его жены Сафият Мисостовны (дочь Мисоста Абаева) своей дочери Фатиме: «В мире, конечно, несмотря на все усилия людей, еще много несправедливостей. Мне нечего говорить тебе об этом. Твой папа — лучший из людей, погиб жертвой этой кошмарной неправды, и, конечно, нам с тобой больно, обидно за него. Но, девочка моя, все-таки лучшие люди борются с этим злом, с этой неправдой. И папа твой еще в начале революции говорил мне: «Может быть, в процессе этой революции я погибну, погибнут дети, семья вся, погибнем без вины, но я знаю, что через все это, через все эти ужасы мир идет к чему-то прекрасному, лучшему, и мне не жалко погибнуть во имя этого прекрасного будущего».

Из этих слов видно, что Ибрагим сочувствовал революции, участвовал в ней, надеялся, что она несет с собой в конце концов свет и справедливость. И Науруз Урусбиев, его брат, разумеется, знал обо всем этом. И, получив письмо с роковым известием из Нальчика, он, наверное, пришел к окончательному выводу: нет, октябрьский переворот большевиков — это не народная революция, а обычный государственный переворот, насильственный захват власти кучкой неудавшихся и завистливых политиков, которые теперь не остановятся до тех пор, пока не изведут в стране всех порядочных людей.

Он не хотел оказаться в грязных руках гыпыушников, этих изуитов XX века, ясно понимал, что если не сегодня, так завтра они придут за ним и будут там, у себя, злорадно издеваясь, оскорбительно смеяться над ним.

Он не хотел дожить до этого дня. И застрелился...

С тех пор прошел почти целый век.

Рухнула власть большевиков – Советская власть. Но в Нальчике, как и во многих других городах России, улицы и площади все еще носят имена людей, погубивших тысячи и тысячи лучших сынов народа, в том числе и Науруза Исмаиловича Урусбиева – прекрасного, образованного, интеллигентного человека, горячо любившего свой народ.

А в Нальчике вновь установили памятник Ленину – вождю большевиков...

И самая большая, самая красивая улица в Нальчике все еще носит его имя – имя Ленина, вождя большевиков...

И в Москве – тоже...

Из истории братского карачаевского народа

11. «Талантливый инженер, прекрасный человек...»

Иногда удивительно несправедливой бывает судьба к прекрасным людям с чистой совестью и горячим сердцем, с первого дня своей жизни стремящимся лишь только к свету и добру. Одним из таких людей был Исмаил Дудов, первый человек из карачаевцев и балкарцев, получивший хорошее образование и ставший инженером.

Но злой рок словно бы преследовал его еще до рождения.

Жили-были в Большом Карачае в старинном селении Хурзук двенадцать братьев – богатырей и красавцев. Они были из славного рода Айсандыровых. Как и все люди из знатных родов, братья Айсандыровы и в будние дни одевались по-праздничному – в белые черкески из лучшего полотна. Все любовались и восхищались ими: они были не только красивы и храбры, но так же благородны и умны. Многие отцы известных семейств, имеющие дочерей, не прочь были заполучить в зятя кого-нибудь из братьев. А потому братья, которые подрастали и становились джигитами, в холостяках долго не ходили. Один из джигитов был женат на девушке из Баксана. Когда подошло время рожать, она, как и положено по обычаю, уехала в отцовский дом – в Баксан. И в это время в Карачай, как и в другие места Кавказа, нагрянула нежданная беда – чума. Тысячи людей скосила черная смерть в горах, но особенно безжалостной она оказалась по отношению к братьям Айсандыровым – она забрала не только их самих, но и всех их детей и домочадцев. В живых осталась только баксанская невестка Айсандыровых, которая вскоре родила сына. Мальчика называли Ачахматом. Он рос в Баксане, в роду матери.

Когда мальчик стал подростком, его забрал к себе в Карачай друг семьи отца, один из авторитетных биев – Шымауха Дудов. Здесь Ачахмат и вырос, стал настоящим джигитом, какими когда-то были его отец с

братьями. Дудовы любили своего питомца, ничего для него не жалели. Но случилось так, что Ачахмат и Дауус, дочь Шымаухи, полюбили друг друга. Шымауха попал в неудобное положение – как-то было не очень-то красиво выдавать свою дочь за Ачахмата, которого считал чуть ли ни своим сыном. Получалось, что он растил и воспитывал себе зятя. Но мудрый Шымауха не стал препятствовать молодым и дал согласие на брак Ачахмата и Дауус. Их первенцем и был Ислам Дудов. Почему же он тогда носил не отцовскую фамилию, а фамилию матери?

Дело в том, что родственники Ачахмата по матери, да и родственники по отцу тоже, жившие в Карачае, были очень недовольны тем, что Шымауха женил Ачахмата на своей дочери, которая, как потом выяснилось, была немного близорукой. Но Шымауха об этом не знал. «Шымауха позарился на твое имущество и подсунул тебе свою слепую дочь. Он, конечно, не смел бы подобное сделать, коль были бы живы твой отец и его братья», – говорили родственники.

Говорят, и капля камень точит. И родственники, как по матери, так и по отцу, которым здесь удалось уцелеть от эпидемии чумы, постоянными своими разговорами о нехорошем-де поступке Шымаухи в конце концов добились своего – Ачахмат и Дауус, несмотря на ее красоту, все-таки развелись. Шымауха забрал дочь и внука домой.

Но, видимо, бедный Ачахмат все-таки сильно любил свою жену-красавицу несмотря на ее близорукость, да и она, пожалуй, отвечала ему взаимностью, так как не успевал он с ней расстаться после встречи со слишком уж ретивыми родственниками, как спустя месяц-другой они вновь начинали жить вместе. Так продолжалось не один год, и у Ачахмата с Дауус уже было девять детей – семеро сыновей и две дочери. Старшим из них как раз и был Ислам, о котором и идет речь.

Когда Ачахмат, вроде бы уже и не мальчишка, а зрелый мужчина, вместо того, чтобы твердо дать знать своим родственникам, что свои семейные дела он сам в состоянии решать, в очередной раз после встречи с ними повздорил в семье, тут уж и терпению старого офицера пришел конец – Шымауха забрал дочь и внуков к себе и записал их всех на свою фамилию. Так дети Ачахмата Айсандырова стали Дудовыми по фамилии матери, а вернее – по фамилии дедушки, который их всех очень любил.

Но особо он баловал Ислама – первенца своей горемычной дочери. Дед души в нем не чаял и повсюду возил с собой – и в горы, и на свадьбы, и в гости. С раннего детства учил его писать и читать по-русски.

Офицер царской армии в отставке Шымауха Дудов, когда внук подрос, устроил его учиться в Екатеринодар (ныне – Краснодар). Здесь Ислам проучился три года. Учился хорошо, и поэтому в 1870 году его и еще шестерых его товарищей направляют для продолжения учебы в Ставропольскую гимназию. Как известно, Ставропольская гимназия в то время под руководством выдающегося педагога Неверова была одним из лучших учебных заведений России. Из стен этой гимназии вышли многие

люди, которые были потом широко известны как выдающиеся общественные и культурные деятели и просветители многих народов Северного Кавказа, в том числе Балкарии и Карачая.

Ислам закончил Ставропольскую гимназию с серебряной медалью. После гимназии он поступил в Петербургский императорский институт инженеров железнодорожного транспорта. Как и многие кавказские юноши, приехавшие учиться в Петербург, Ислам тоже относился к занятиям в институте очень серьезно, а потому считался одним из лучших студентов. И, конечно, вполне естественно, что молодой человек из провинции, да еще и с «дикого» Кавказа, с головой окунулся в столичную культурную жизнь. Он много читал, встречался со многими известными людьми, ходил в театры, изучал город и любовался им.

Разумеется, что он сразу же стал одним из самых активных членов кавказского землячества. А потом, когда, уже окончив институт, стал работать много времени и сил уделял разрешению в столице многих дел своих земляков, а также вопросов, имевших большое значение для всего карачаевского народа. Будучи известным инженером-мостостроителем и получая хорошие гонорары, выделял немалые суммы в помощь учащимся-горцам Ставрополя, Москвы и Петербурга.

О том, каким он был инженером, красноречиво говорит следующий факт. Был объявлен всероссийский конкурс на строительство разводного железнодорожного моста через реку Дон у Ростова-на-Дону. В конкурсную комиссию было прислано свыше 300 проектов. Многие из авторов были известными инженерами не только в России, но и в Европе. Одним из авторов был карачаевец Ислам Дудов, молодой инженер, недавний выпускник Императорского института инженеров железнодорожного транспорта. В конкурсе победу одержал Ислам Дудов, совсем не известный до этого молодой инженер. Многие этому удивились, одни разозлились, другие злились и открыто завидовали.

Как человек практической хозяйственной деятельности, Ислам Дудов многое делал, чтобы в его родных краях люди как можно скорее перенимали в жизни все то, что для них ново и полезно. Бывая в Карачае, встречаясь с земляками в Петербурге, всегда старался убедить собеседников в том, что у всех народов мира есть что-то полезное в устройстве быта и жизни, что с успехом могут заимствовать и горцы.

— Ты гораздо моложе меня, часто бываешь дома в Карачае, постарайся убедить людей, что в домах надо строить русские печи, — горячо говорил он Исламу Крымшамхалову, когда тот был в Петербурге. — У наших очагов человек может согреть руки, ноги, а спина будет в холоде. К тому же очаг сразу начинает остывать, как только потухнет огонь. А русская печка греет весь дом, и еще долго остается теплой даже после того, как в нем угаснет огонь. А самое главное — дети будут в тепле, меньше будут болеть! Постарайся объяснить это у нас дома, я тебя очень прошу.

Ислам мечтал о том, чтобы и в его родном Карачае, как и в России,

строили дома из кирпича, со светлыми окнами, чтобы не вырубали лечебные сосновые леса, чтобы люди научились разводить лучшие породы скота. А самое главное – чтобы дети учились. Пусть учатся и девочки, но надо, чтобы не забывали то, чем занимались их мамы и бабушки – валять кийизы и шляпы, вышивать золотыми нитями, ткать чепкен – домашнюю ткань, из которой делают прекрасные белые длиннополые черкески, которые не прочь одевать и генералы. Ислам Дудов, конечно, хорошо понимал, что знания возвышают человека, обостряют его чувства любви к родным местам, к родному народу, уважительного отношения к старшим, к обычаям народа, идущим из глубины веков. Человек образованный острее других чувствует, что хорошие народные обычаи – это основа народа, его жизнестойкости. Он очень хотел, чтобы все его земляки, по тем или иным причинам оказавшиеся в Петербурге, в Москве или в других городах всегда помнили о том, что по их поступкам и делам люди в огромной России будут судить о Карачае и даже о Кавказе в целом. Да и дома ждут их, своих детей, братьев, чтобы те вернулись домой радостные, выполнив все свои дела, по которым они и выезжали. Да и сегодня эти просьбы Ислама к своим молодым землякам следует воспринимать как его завещание нынешнему поколению кавказской молодежи.

С древнейших времен известны людям прекрасные чувства любви и верности, и с такой же древности люди подвержены разрушительной силе ненависти, зависти и коварства. Талант и широкая известность молодого инженера-карачаевца, его прекрасные человеческие качества и любовь к нему всех молодых кавказцев, учившихся и живших в столице, не давали спокойно спать многим завистливым людям. Они думали, что это он, Ислам Дудов, заслоняет им солнце, не будь его они стали бы и известными, и любимыми. Обманутые дьяволом, завистливые люди отравили Ислама Дудова в расцвете лет и талантов. И сделали это кавказцы, что и обиднее всего.

Ислама Дудова, прекрасного человека, беззаветно любившего свой народ, талантливого инженера, звезды, только-только засветившегося на научном небосклоне России, не стало. Но от этого серенькие людишки, бездарные завистники не стали ни гениями, ни кумирами ученой молодежи. Какими они были при Исламе, такими и остались. И ушли из этой жизни так же – незаметно, никому не нужные. И никто о них уже и не помнит.

Между прочим, такие же серенькие и никчемные людишки, но жившие уже в XX веке, хотели, чтобы карачаевцы ничего не знали о славном сыне своей земли Исламе Дудове – ведь он был царским инженером, да еще из племени «князей-кровопийцев»!

И лишь в самом конце XX века, когда кончилась удушливая и затхлая эпоха Суслова, нанесящая немалый вред в особенности Карачаю, стало возможным вспомнить по-доброму Ислама Дудова и хоть немного рассказать о нем.

12. Басият Шаханов – верный сын своего народа

Басият Шаханов, сын первого балкарского врача с высшим образованием Абая Шаханова, родился в городе Владикавказе 17 апреля 1879 года.

Осенью 1889 года, когда Александр Дмитриевич (так звали Абая Шаханова после его женитьбы на русской девушке и крещения), в то время служивший в военном госпитале на Дальнем Востоке, приехал в Москву на курсы повышения квалификации, устроил своего сына Бориса в Александровский кадетский корпус – одно из лучших учебных заведений в то время. Срок обучения в этом кадетском корпусе был определен в 7 лет. После окончания кадетского корпуса осенью 1896 года Шаханов был принят в Константиновское артиллерийское училище, откуда вскоре перевелся в Михайловское артиллерийское училище. Через два года после окончания военного училища, Шаханову присваивается чин подпоручика и его направляют для продолжения службы в 4-ю батарею 21-й артиллерийской бригады, которая дислоцировалась в слободе Воздвиженская Грозненского округа.

Мать Бориса Елизавета была дочерью коменданта Кизлярской крепости, и когда его отец Александр Дмитриевич Шаханов в 1880 году вышел в отставку и переехал жить к себе в Большую Балкарию в селение Мухол, видимо, Елизавета так и не смогла приспособиться жить в горской мусульманской среде и, забрав сына, уехала домой к отцу. После этого, скорее всего в стрессовом состоянии (его тогда не приняли и на работу в Нальчике), Александр Дмитриевич вновь поступил на военную службу и уехал на Дальний Восток. А в десятилетнем возрасте Борис уже был в Москве в кадетском корпусе. Так что, получается, что он до приезда во Владикавказ в сущности и не знал в каких условиях и как живут его соплеменники – балкарцы, да и другие горцы тоже.

И вот только теперь, приехав на Кавказ для продолжения службы и уже будучи взрослым человеком, он с величайшим интересом стал наблюдать жизнь своих соплеменников. И чем ближе и глубже он узнавал жизнь горцев, тем больше и больше печалилась его душа: его соплеменники, люди, с которыми он одной крови, жили почти что в нищете, практически не знали грамоту, не знали законов страны, в которую привела их мачеха-судьба. Даже мелкий чиновник, обычный мошенник, мог запросто оскорбить, унижить и обобрать безграмотного горца, и он не мог нигде найти управу на своего обидчика-мздоимца.

Более пяти лет прослужил в артиллерии Борис Шаханов и все эти пять лет были годами постоянных раздумий о нелегкой судьбе родного народа, любовь к которому, перемешанная на жалости, отныне станет неизлечимой его болезнью.

После долгих поисков причин, из-за которых горцы оказались в таком незавидном положении в жизни, он с горечью пришел к выводу, что главную проблему горцев, из-за которой они и оказались в бедности — крайнее малоземелье — навряд ли когда-либо удастся решить. Да, царизм завоевывал Кавказ, истреблял его народы, конечно, не для того, чтобы потом, осознав свою вину перед ними, вернуть им хотя бы десятую часть их земли, дабы и они, как и остальной народ империи, могли иметь хотя бы минимально необходимое пространство для жизни. Нет, Россия для кавказских народов не мать родная, которая, побив их в гневе, потом отгадет, раскается и приласкает их. Россия теперь навсегда останется для них мачехой — отняв у них лучшие земли, где горцы выращивали хлеб, она загнала их в горы, дабы в страшной тесноте, нищете и голодные, они вечно грызлись друг с другом. Прекрасно понимая это, Шаханов готов был разрыдаться от бессилия — он, ученый, грамотный сын своего народа, ничем не мог помочь своим соплеменникам в устранении главной причины их бедствия — нехватки земли. Россия загнала кавказские народы в естественную тюрьму — в горные ущелья и не намерена выпускать их на свободу — на предгорные равнины. И здесь никто не в силах помочь горцам. Такова судьба всех слабых и побежденных — рабство и тюрьма... И мечтать о том, что в России хоть когда-нибудь появится справедливый царь-батюшка, который и к горцам отнесется как к своим родным детям, — это совершенно пустое дело. А потому следует искать иные пути-возможности хотя бы для малейшего облегчения тяжелой жизни горцев. Хотя бы сделать так, чтобы не каждый мошенник, не каждый чиновник-мздоимец мог так легко обмануть и обобрать горца, сделать так, чтобы он, горец, мог бы постоять за себя хотя бы в тех пределах, которые определены законами. А для этого надо чтобы у горцев были свои люди, знающие законы страны, бюрократические порядки, дабы они могли законно отвергать домогательства хамовитых чиновников, пристрастившихся ко всякого рода взяткам.

И вовсе, конечно, неслучайно то, что Борис Шаханов решил поступить учиться на юриста. Он хочет, очень хочет хорошо знать законы, умело толковать их в пользу простых горцев, чтобы помогать им изо дня в день, всю жизнь!

В это время его отца, постоянно заботившегося о нем, уже не было в живых, с матерью, которая жила своей жизнью, он мало общался, так что, советоваться, делиться своими мыслями-раздумьями ему было особо не с кем, но тем не менее он действует решительно и быстро. Он оставляет службу в действующей армии и поступает в Военно-юридическую академию.

Интересно, что в характеристике, выданной ему для представления в академию, командир 21-й артиллерийской бригады написал и такие слова: «честен, беспристрастен, настойчив в достижении цели, не жалеет собственных средств для достижения результатов работы. Добродушен, немножко горяч, немного застенчив, обладает даром слова».

Как ранее в училище, в Военно-юридической академии тоже Борис Шаханов учился хорошо, даже несмотря на то, что постоянно был в стеснительном материальном положении и часто болел простудными болезнями, как и многие горцы, оказывавшиеся в северной столице. Окончил он академию и сдал выпускные экзамены тоже одним из лучших, что давало ему право выбирать место для дальнейшего продолжения службы. Он, естественно, выбирает Кавказ, и направляется в Тифлис с назначением на должность помощника военного прокурора. Окончил он академию в звании капитана.

Но в этой должности Борису Шаханову не пришлось долго служить. Он не пришелся ко двору военно-бюрократическому, карательному по существу аппарату военного прокурора Кавказа, так как по большинству дел, которые вел Борис Александрович, обвиняемые оправдывались. Он явно не хотел быть кнутом в руках полицейской власти. Начальство было им недовольно, и он с удовольствием подал в отставку. 1909 год – год крупного жизненного поворота в судьбе Бориса Александровича Шаханова: после долгих раздумий он наконец решился на очень важный шаг в своей жизни – переходит в мусульманскую веру и меняет свое имя. Отныне он – Басият Абаевич Шаханов. Басият был абсолютно убежден, что так он исправил большую ошибку, совершенную его отцом. И еще – он считал, что только так он сможет быть истинным сыном своего народа. И еще одна любопытная деталь – он берет себе в качестве нового имени именно это имя – Басият, имя легендарного первопредка балкарских князей. Это говорит о многом – хотя бы о том, что он мечтал походить на своего легендарного предка в том, чтобы, как и тот, всю свою жизнь посвятить заботам о благе народа...

В 1910 году на Кавказе, как и на остальной территории России, был учрежден суд присяжных. Учреждение суда присяжных считалось одной из самых прогрессивных реформ конца XIX века в России. Суд присяжных отличался относительной самостоятельностью и демократичностью по сравнению с другими государственными органами управления в царской России. Вскоре имя Басията Абаевича Шаханова, присяжного поверенного Владикавказского суда, становится известным широкой публике благодаря его блестящей эрудиции, глубокому знанию законов, умелому их толкованию и красноречию. Видимо, он действительно обладал от природы «даром слова», как отмечал его командир в характеристике.

Росту авторитета юриста Шаханова особо способствовало его участие в громких процессах, в таких, как дело крупного бакинского нефтепромышленника Тагиева, как дело о массовом бунте жителей Черекского ущелья и погрома ими усадьбы князей Джанхотовых, захвативших общественный лес и т. д.

Высокий профессионализм, умение убедительно говорить сделали имя юриста Шаханова известным на весь Северный Кавказ, и вскоре люди, которые оказывались в сложных правовых коллизиях, стали чаще всего

обращаться именно к нему за помощью и советом. К его мнению прислушивались даже чиновники высокого ранга.

Ряд лет, с 1910-го по 1916 год, Басият Абаевич Шаханов являлся юридическим консультантом Кабарды и Балкарии, и как таковой был и неутомимым защитником прав балкарского народа на свою землю и ее недра.

В 1906 году под председательством чиновника военно-окружного совета Абрамова была создана комиссия для разрешения земельного кризиса в Нагорной полосе Терской и Кубанской областей, в том числе в Балкарии и Карачае. Разумеется, комиссия, созданная из царских чиновников, не желала да и не могла как-либо способствовать разрешению земельного кризиса горцев. Создание этой комиссии было лишь эхом общероссийской земельной реформы, известной в истории как Столыпинская, по имени инициатора – председателя Совета Министров П. А. Столыпина.

Конечно же, как бы ее не охаивали большевистские историки, называя ее грабительской по отношению к крестьянству, но на самом деле, разумеется, в сущности своей, да и по результатам, Столыпинская реформа имела для страны в целом, а для ускоренного развития сельского хозяйства тем более, огромное прогрессивное значение, так как окончательно разрушались крепостнические и общественно-патриархальные земельные отношения в России, давая полную свободу инициативе частных земледельцев. Сущность ее состояла в том, что любой член деревенской общины мог выйти из общины, организовать отдельное хозяйство или же свободно продать свой пай.

Естественно, что эта реформа открывала широкую дорогу работоспособным зажиточным крестьянам, так называемым кулакам, организовывать свои высокопроизводительные фермерские хозяйства – хутора. Вскоре в России появились тысячи и тысячи хуторов.

Но, как известно, Столыпину не удалось довести свою реформу до конца – черносотенцы-монархисты убили его, и дальнейшие преобразования в селе были прерваны.

Абрамовская комиссия, созданная в разгар проведения земельной реформы в России, ничего существенного в жизнь горцев привнести просто не могла – в горах давным-давно, если не считать пастбищных земель, общинных земель и не было, все пахотные и сенокосные участки находились в частных руках. Так что, так называемые капиталистические земельные отношения в Балкарии и Карачае существовали еще в средние века. А потому Абрамовской комиссии, в смысле представления крестьянину возможности выйти из общины со своим участком земли и завести отдельное хозяйство, делать в горах было совершенно нечего. Единственное, чем она могла помочь горцам – это дать им хоть немного земли. Но это было не в ее силах. И вместо того, чтобы помочь горцам, даже в данном случае власть (дело-то затевалось якобы с благовидной целью!) не удержалась от соблазна насолить им еще раз: Ко-

миссия объявила все земли горцев казенными! Мол, земли принадлежат казне, т. е. царю, а царь милостиво разрешает горцам проживать (пока что) на его землях! Но в таком случае царь мог в любое время подарить любое количество своей земли кому-либо из своего окружения или же чем-либо отличившемуся служаке. В том числе и ту землю, где вполне может находится и целое село! И это вовсе не абсурд. Так и случилось с лесом в Приэльбрусье. Лесной участок у подножья Эльбруса в верховьях реки Баксан был подарен царем Александром князю Александру Урусбиеву, а потом, сколько бы не судилась, но общественность ущелья так и не смогла вернуть себе этот участок. Этот спор разрешила Великая Октябрьская социалистическая революция, как и все другие подобные споры – ни Урусбиевым, ни народу лес не достался, он стал собственностью самой Октябрьской революции, то есть Советской власти.

Грамотные, образованные горцы, понимающие значение юридических махинаций царских чиновников, старающихся лишить горцев и последних клочков земли, принадлежащих им, активно включились в борьбу против незаконного решения Абрамовской комиссии. Это и Мисост Абаев, и Исмаил Урусбиев, и Ислам Крымшамхалов и, конечно же, разоблачитель всех юридических крючкотворцев от власти Басият Шаханов. На основе российских же законов он блестяще доказал право горцев на недвижимую собственность вследствие долговременного пользования ею из поколения в поколение.

Басият Шаханов, вероятнее всего, встретил Февральскую революцию и свержение монархии в России радостно, надеясь на перемены к лучшему в жизни горцев. Так как известного юриста Басията Абаевича Шаханова общественность Северного Кавказа знала как блестящего защитника интересов народа, то он сразу же после революции вошел в состав новой администрации Терской области. «После революции перед нами встал вопрос, как организовать народную власть, мы решили в первую очередь убрать старый столп царского самодержавия в области – Флейшера и в первую же ночь арестовали его и назначили на должность начальника области полковника Михайлова. За ним, обезглавив царских приспешников, арестовали Степанова, устранили от должности Перекрестова и назначили уважаемого Б. А. Шаханова», – говорил на областном съезде исполнительных комитетов глава Терского областного гражданского исполнительного Комитета эсер К. Мамулов.

Известно, что Февральская демократическая революция вывела Россию в ряд самых демократических стран мира – в стране была установлена республика, были провозглашены все основные принципы демократического устройства общества. Народ с большим энтузиазмом принялся перестраивать свою жизнь на новый лад.

Басият Шаханов, как и тысячи других граждан России, с головой окунулся в кипучую деятельность по строительству новой демократической жизни. Он был одним из инициаторов и первым председателем исполни-

тельного Комитета новой партии — Союза объединенных горцев. Всю весну 1917 года Басият Шаханов совместно с другими руководителями горцев готовит съезд народов Северного Кавказа. Все, что он делал в это время было направлено на то, чтобы объединить все демократические силы области, всего Северного Кавказа, начать и крепить из всех сил союз горцев и казаков — основу основ мирной, созидательной жизни на Кавказе.

1 съезд горских народов состоялся в мае 1917 года в городе Владикавказе. Председательствовал на съезде Шаханов, и он во всех своих выступлениях на съезде неизменно подчеркивал, что для налаживания жизни на новых демократических основах необходимо всемерно крепить дружбу всех народов, живущих на Северном Кавказе. Он также выступил с инициативой создать объединенный съезд представителей горцев и казаков.

Но сторонники старой власти, монархисты не собирались так быстро сдаваться, и они шли на всякие провокации, и в первую очередь на испытанный веками метод натравливания людей одной национальности на людей другой национальности.

Стараниями монархистов из казачьей верхушки 6–7 июля 1917 года во Владикавказе произошли трагические события — погром домов ингушей и их избиение. Не обошлось и без жертв. Все прогрессивные люди Терской области сурово осудили организаторов этой провокации. Басият Шаханов, Башир Далгат, Алибек Тахо-Годи и многие видные общественные деятели области выступили с призывом к народам области не поддаваться на провокации и «отбросить межнациональные распри».

Непрекращающаяся война, разруха, голод стали причиной того, что Россию захлестнула новая волна народного гнева. Правительство Терской области, не в силах сдержать напор народного гнева обычными методами, принятыми в демократических странах, все чаще начинает прибегать к полицейским мерам. Шаханов не может с этим согласиться и в августе 1917 года он переходит на работу в Дагестан. 31 августа «Терский вестник» сообщал, что Шаханов избран комиссаром Дагестанской области. Но через несколько месяцев он по собственной воле покидает этот высокий пост, ввиду того, что Терско-Дагестанское правительство, не прислушивалось к его советам, тоже стало применять карательные меры против оппозиционеров.

Но даже никакие меры ничего не могли спасти — реки народного гнева слились в общий селевой поток, который накрыл всю страну.

На гребне народного гнева большевики прорвались к власти — свершилась Октябрьская революция. Маховик ужасного народного бунта достиг своего апогея.

Басият Шаханов, опытный общественный деятель, судя по всему, предчувствовал грядущие после переворота ужасные события, а потому уезжает подальше из центра Кавказа — в Екатеринодар. Но там он вскоре заболел тифом и умер. Это случилось в феврале 1919 года.

В некрологе, который был напечатан в газете «Вольная Кубань» говорилось: «В последних числах февраля в г. Екатеринодаре скончался от тифа крупный общественно-политический деятель, популярный среди горцев Терека, Дагестана и Кубани, присяжный поверенный, подполковник артиллерии в отставке Б. А. Шаханов. В лице его как человека, ставившего интересы общественные, народные выше личных, горцы понесли невозвратимую утрату... В период вакханалии Советской власти на Северном Кавказе, когда не красноармеец выписывался в расход, после целого ряда попыток удержать народ от соблазна большевиков, подвергая себя опасности быть расстрелянным в глухих ущельях Кавказа, Шаханов бежит на Кубань. Он знал, что его имя известно кубанцам и что здесь он может быть полезным. Знакомство с местными деятелями, характер и ум привлекают к нему внимание горцев и местных общественных деятелей. В момент составления кабинета горцы, уже ознакомившиеся с его работой в горской фракции, предлагают ему занять пост управляющего ведомством юстиции, но скромный труженик предпочитает должность Правительства канцелярии Законодательной Рады».

Басият Абаевич Шаханов всю свою жизнь посвятил служению своему народу, принципам демократии и дружбы народов. Все это особо проявилось в трудные годы революции и Гражданской войны. При любых обстоятельствах он так и не изменил идее объединения всех народов Кавказа на основе равенства прав и федерализма. И в наше время, спустя век после смерти этого замечательного человека, мы вынуждены признать, что его идеи актуальны и сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всемирная история. В 10 т. Академия наук СССР. М., 1958.
2. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века (Академия наук СССР). М.: Наука, 1988.
3. История народов Северного Кавказа (Академия наук СССР). М.: Наука, 1988.
4. История Древнего Востока. М.: Высшая школа, 2001.
5. История Древней Греции. М.: Высшая школа, 2001.
6. История Древнего Рима. М.: Высшая школа, 2001.
7. Жизнеописание знаменитых греков и римлян. М.: Просвещение, 1998.
8. Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1991.
9. Памятники литературы древней Руси. М.: Художественная литература, 1984.
10. Как была крещена Русь. М.: Политиздат, 1989.
11. Россия на рубеже веков: Исторические портреты. М.: Политиздат, 1991.
12. Абаев М. К. Балкария: Исторический очерк. Нальчик: Эльбрус, 1980.
13. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
14. Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы в Азии. М., 1975.
15. Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск, 1963.
16. Бабаев С. К. К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов. Нальчик: Эльбрус, 2000.
17. Байрамкулов А. М. И азиатские и европейские аланы были предками карачаевцев и балкарцев. Ставрополь, 1998.
18. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Мишель, 1993.
19. Бетрозов Р. Ж. К древней истории племен Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1982.
20. Биджиев Х. Х. Тюрки Северного Кавказа. Черкесск, 1993.
21. Битова Е. Г. Социальная история Балкарии XIX века. Нальчик: Эльбрус, 1997.
22. Будаев Н. М. Западные тюрки в странах Востока. Нальчик, 2002.
23. Гумилев А. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: Мишель и К°, 1993.
24. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Товарищество «КМК», 1993.
25. Гумилев Л. Н. Хунну. СПб.: Тайм-аут-компас, 1993.
26. Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. СПб.: Абрис, 1994.
27. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М.: Айрис-пресс, 2001.
28. Гумилев Л. Н. От Руси до России. М.: Айрис-пресс, 2001.
29. Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М.: Айрис-пресс, 2001.
30. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2001.
31. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Айрис-пресс, 2001.
32. Гумилев Л. Н. Черная легенда. М.: Айрис-пресс, 2002.
33. Документы по истории Балкарии. В 2 т. Нальчик, 1959, 1962.
34. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978.
35. Карачаевцы и балкарцы. М., 2000.
36. Карачаевцы и балкарцы. М., 2002.
37. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Нальчик: Эльбрус, 1996.
38. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984.
39. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947–1949. № 1–4.
40. Лайпанов К. Т., Мизиев И. М. О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993.
41. Малкондуев Х. Х. Этническая культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 2001.

42. Мизиев Н. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986.
43. Мизиев И. М. История рядом. Нальчик: Эльбрус, 1990.
44. Мизиев И. М. Следы на Эльбрусе. Ставрополь, 2002.
45. Мусукаев А. И. Балкарский тукум. Нальчик: Эльбрус, 1978.
46. Мусукаев А. И. Топонимия высокогорья Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1981.
47. Мусукаев А. И. Об обычаях и законах горцев. Нальчик, 1986.
48. Мусукаев А. И. О Балкарии и балкарцах. Нальчик: Эльбрус, 1982.
49. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
50. Невская В. П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке. Черкесск, 1960.
51. Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.
52. Опришко О. Л. По тропам истории. Нальчик: Эльбрус, 1990.
53. Опришко О. Л. Кавказская конная дивизия. Нальчик: Эльбрус, 1999.
54. Очерки истории Карачаево-Черкессии. Ставрополь, 1967.
55. Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961.
56. Сабанчиев Х.-М. А. Пореформенная Балкария в отечественной историографии. Нальчик: Эльбрус, 1989.
57. Сафарян С. Н. Султан-Бек Абаев. Нальчик: Эльбрус, 1988.
58. Тебугев Р. С., Хатуев Р. Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. М.; Ставрополь, 2002.
59. Плетнева С. А. Салтово-Маяцкая культура. М., 1981.
60. Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967.
61. Хабичев М. А. К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1982.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

Введение

Балкарцы и карачаевцы – потомки скифов и аланов

Нечаянная ошибка древних греков	9
Отпрыски древних скандинавских богов живут... в Хасанье!	11
Асият, Асият, Асият – ты жемчужина Иштар!	14
Здравствуй, Кавказ – гнездовые асов!	17
Эй, балкарец, ты откуда взялся и кто ты такой?	19
Кипчаки, которым не под силу исполнить приказ... академиков	23
Наши предки были... пришельцами из космоса?	26
Аланы, почему среди вас нет... Аланов?	29
Скажи, Атила, как тебя звали?	33
Древние тюрки говорили... на скифском языке?	36
Так кто же они, эти татаро-монголы – татары или монголы?	39
Был ли Чингиз-хан до Чингиз-хана?	42
Почему асы не любят ассов?	45

Часть первая

История древнего времени

Каменный век в истории человечества	51
Племена Кавказа и Степи в неолите (IV тыс. до н. э.)	54
Майкопская культура – союз Степи и Гор. (III тыс. до н. э.)	59
Северо-Кавказская культура – время развитой бронзы (II тыс. до н. э.)	65
Ранний железный век на Северном Кавказе (XII–VIII вв. до н. э.)	70
Скотоводческие племена Степи в раннем железном веке	75

Часть вторая

История скифского времени

Общий обзор мирового развития к рубежу второй половины I тыс. до н. э.	81
Скифская тема в балкарской литературе	87
Последняя битва батыра Озгана	87
Глава из романа Магомета Кучинаева «Дети Солнца»	87
Дни клятвы на Поле радости.	102
Глава из романа Магомета Кучинаева «Дети Солнца»	102
Скифский поход Дария I	113
Общественный строй и быт скифов во второй половине I тыс. до н. э.	118
Неаполь – лебединая песня скифов	123
Скифы и Кавказ	128
Скифский мир Средней Азии, Сибири, Алтая и Прибайкалья	132

Часть третья

История аланского времени

Рождение аланского союза племен	143
Аланы Северного Кавказа	149

Аммиан Марцеллин об аланах	154
Гуннское нашествие	159
Унесенные ветром	165
В союзе с Византией	169
Вместе с хазарами	174
Бузанские асы – верные воины Хазарии	180
Экономическое развитие народов Северного Кавказа в период Хазарского ханства	186
Начало конца Хазарского ханства	190
На краю пропасти	194
Гибель Хазарского ханства	200
Алания Кавказская в X–XII веках	205
Татаро-монгольское нашествие	210
А нарты все-таки были!	215
Аланские сабли на службе у монгольских ханов	220
Аланская тема в балкарской литературе	225
Рассказ о героической гибели Тахтар-хана и о том, как Кушатар стал ханом. Отрывок из поэмы Магомета Кучинаева «Сказание об аланах»	225
Тохтамыш и Темирлан	232
Карательный поход Темирлана	237

Часть четвертая История нового времени

Малкар и Карачай – близнецы-братья	245
Мир к началу XVII века	253
Общественный строй и быт балкарцев и карачаевцев в XVII–XVIII веках	258
Организация власти и управления в Балкарии и Карачае до их присоединения к России в первой половине XIX века	263
Балкария в XVII–XVIII веках	268
Из истории братского карачаевского народа	272
Карачай в XVII–XVIII веках	272
«Считать присоединенными к России эти народы»...	277
Из истории братского карачаевского народа	283
«Фермопилы Кавказа взяты» – Карачай присоединен к России	283
Борьба народов Северного Кавказа против колониальной политики России во главе с имамом Шамилем	289
Россия и Кавказ: Раевский предлагает мир и торговлю, Евдокимов – пулю и кнут. Как и всегда, Россия выбрала пулю и кнут...	295
Освобождение кулов (Отмена крепостного права)	299
Реформы второй половины XIX века на Кавказе	305
Тема жизни и быта горцев во второй половине XIX века в балкарской литературе	
Спор. Случай на сенокосе. Тёре	310
Отрывки из романа Магомета Кучинаева «Большая Балкария»	310

Часть пятая XIX век – век Балкарского Возрождения и Просвещения

«Шаг, сделанный Абаевым, будет иметь благотворное влияние на магометанский мир...» (Асланбек Абаев)	329
Султанбек Абаев	334
Мисост Абаев – первый историк Балкарии	344

«Общими качествами обладает выдающимися...» (Абай Шаханов)	351
Первые женщины-просветители Балкарии	356
Ислам Крымшамхалов – недопетая песня Карачая	363
Эльбрус – Великий хан Кавказа	369
Исмаил Урусбиев – легендарный человек	376
Сафар-Алий Урусбиев – достойный сын своего народа	383
«Общество таких людей действует на нас благотворительно...» (Науруз Урусбиев)	389
Из истории братского карачаевского народа	396
«Талантливый инженер, прекрасный человек...» (Ислам Дудов)	396
Басият Шаханов – верный сын своего народа	400
Список литературы	407

Научное издание

Магомед Юсупович Кучинаев

ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН И ДО КОНЦА XX ВЕКА

Книга 1

Главный редактор Т. И. Машуков

Художник О. Ульбашева

Технический редактор Т. В. Демьяненко

Корректор Ж. М. Желетежева

Рег. № 1020700753952 от 06.02.2004

Подписано в печать с готовых фотоформ 12.10.10.
Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman Сур.
Бумага офсетная. Усл. п. л. 26,0. Тираж 500 экз. Заказ № 153

ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 г.»

Министерства по информационным
коммуникациям, работе с общественными
объединениями и делам молодежи КБР
360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33